

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

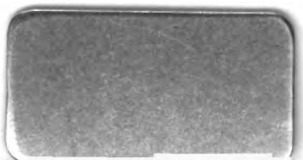
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

S/av 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

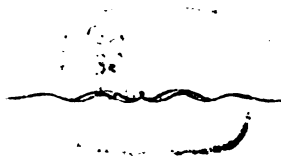
ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1876.

Δ
Pslaw 236.4 (1876, no-11)

✓

Доволено цензурю. С.-Петербургъ, 20 ноября 1876 года.

ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VII.

Пожаръ въ Прилѣпахъ.

Несмотря на весну, день былъ такой жаркій, какъ въ іюлѣ. Трофимъ Ивановичъ Коптевъ со всѣми своими дочерьми возвращался отъ брата, Дмитрія Ивановича, у котораго онъ гостилъ цѣлыхъ два дня; эту поѣздку онъ совершалъ ежегодно одинъ разъ, отсѣявшись овсами. На этотъ разъ Коптевыхъ провожалъ и Суровцовъ. Потребность видѣться съ Надею съ каждымъ днемъ дѣлалась для него все настоятельнѣе, да и Надя уже не могла теперь вообразить себѣ какого-нибудь необычнаго происшествія своей жизни, въ которомъ-бы не участвовалъ Анатолій Николаевичъ. Поэтому немудрено, что у Анатолія Николаевича явились серьезные поводы посѣтить Дмитрія Ивановича Коптева, съ которыми онъ всего встрѣчался разъ пять; надобно было и визитъ отдать, и о нѣкоторыхъ дѣлахъ поговорить, какъ съ мировымъ судьей, и къ тому-же привлечь Дмитрія Ивановича къ попечительству надъ сосѣдней школой какимъ-нибудь порядочнымъ денежнымъ взносомъ.

Лошади всѣхъ трехъ экипажей, утомленные довольно долгой дорогой, раздражаемыя зноемъ и оводами, вяло переступали шаг-

комъ, поднимаясь съ трудомъ по прилѣпскому полю. До Пересухи оставалось версть пять.

— Папа, что это такое? это пожаръ!.. крикнула вдругъ Даша, сидѣвшая съ краю коляски, къ сторонѣ Прилѣпъ.

Трофимъ Ивановичъ испуганно оглянулся.

Блѣдноокрасный огненный языкъ, чуть шатаясь въ воздухѣ, тихимъ и прямымъ столбомъ поднимался надъ краемъ села.

— Стой, стой! неистово заоралъ Трофимъ Ивановичъ, сляясь на-бѣгу выскочить изъ коляски.—Стойте вы, каналы!..

Всѣ экипажи остановились.

— Варя, пошла въ коляску! запыхавшись кричалъ Трофимъ Ивановичъ, почти выталкивая Варю изъ шарабана, гдѣ она сидѣла съ Надею.—Ступай, что есть духу домой, гони старосту и народъ, чтобы всѣ бочки и крюки везли. Духомъ... Слышишь? А я прямо въ Прилѣпы!..

Тарантасъ Суровцова быстро повернулъ на жнивья и понесся въ сторону.

— Анатолий Николаевичъ, Анатолий Николаевичъ! Куда-же вы? Поѣдьте съ нами! оралъ на все поле Коптевъ.

— Я сейчасъ буду туда, я за трубою! чуть донесся голосъ Суровцова, высунувшагося изъ тарантаса.

Коптевъ тоже повернулъ шарабанъ на жнивье только въ другую сторону, и такъ ударилъ Танкреда, что тотъ понесся галопомъ.

— Много тутъ трубою сдѣлаешь, ворчалъ Трофимъ Ивановичъ, ежеминутно подхлестывая лошадь.—Хоть-бы ведра-то у этихъ каналій были. Ишь полыхнуло какъ, въ одинъ часъ села не будетъ...

— Папа! знаешь, гдѣ горить? Это хуторъ Желѣзнаго горить, сказала Надя, которая, вся блѣдная, сидѣла рядомъ съ отцомъ и, несмотря на свой ужасъ передъ пожаромъ, неслась нетерпѣливымъ сердцемъ на помощь къ горящимъ.

— И то Желѣзный горить? Хоть-бы имъ и кончилось, на село не перебросило... пробормоталъ Трофимъ Ивановичъ. — Гордѣй нынче сгоритъ, завтра отстроится, у него толстая шея; а вотъ какъ за эту голь примется, такъ ужъ точно бѣда будетъ. Нищій на нищемъ.

Когда Танкредъ подлетѣлъ весь въ мылѣ къ хутору Гордѣя,

хутора уже не было видно. Среди зеленого лѣса дубовъ въ торжественномъ и пустынномъ величїи пылалъ громадный костеръ. Всѣ крыши избъ, повѣтей и клѣтей уже были охвачены пламенемъ. Ни одной человѣческой души не было видно на пожарѣ. Черезъ выгонъ отъ села только теперь съ крикомъ бѣжали бабы, мальчишки и человѣка два мужиковъ.

— Держи лошадь, не подѣзжай близко! закричалъ Трофимъ Ивановичъ, тяжело спрыгивая съ шарабана.—Канальи! ни одной души во дворѣ. Нѣтъ-ли еще дѣтей въ хатѣ?

Трофимъ Ивановичъ заглянулъ въ окно. Половина избы горѣла съ самага нижняго вѣнца и только толстая внутренняя обмазка избы не давала пока пламени охватить полъ и потолокъ; огонь бѣглыми змѣйками лизалъ наружную стѣну и охватилъ соломенную крышу, прежде чѣмъ успѣли насквозь прогорѣть бревна дома. Было ясно, что загорѣлось со двора, а не изнутри.

Въ эту минуту одинъ изъ бѣжавшихъ мужиковъ вскочилъ на порогъ.

— Ваше благородіе! должно, старикъ въ хатѣ... У нихъ старикъ болѣнъ, крикнулъ онъ, бросаясь въ домъ.

Коптевъ вбѣжалъ за нимъ. Четыре горницы обширной избы Гордѣя такъ были наполнены дымомъ, что невозможно было ни глядѣть, ни дышать. Коптевъ бѣжалъ, закрывъ рукою ротъ и носъ, натываясь на лавки и столы. Вдругъ хриплый старческий вопль раздался изъ угловой горницы. Тамъ дымъ былъ особенно густъ и бѣлъ; красные языки огня уже прорвались въ двухъ-трехъ мѣстахъ стѣны, а сквозь швы потолочныхъ досокъ сплошь сочились мелкія струйки огненнаго потока, который шумно разливался по крышѣ.

— Ваше благородіе, вотъ онъ! вотъ старикъ! вставай, Гордюха, погоришь ни за грошъ! раздался сквозь дымъ торопливый голосъ мужика.—Заступница милосердная!.. да что-жь это такое?..

Голосъ мужика оборвался и раздался другой, отчаянный и разбитый голосъ.

— Отцы родные!.. выручите!.. Горю!.. Смерть моя!..

— Ваше благородіе, гляньте... къ кровати привязанъ веревкой!.. въ ужасѣ шепталъ мужикъ, сѣлаясь развязать своими дрожавшими и корявыми пальцами окрученную въ нѣсколько разъ веревку.

— Нѣтъ-ли ножа? Кажется, есть со мною, вспомнилъ Трофимъ Ивановичъ, поспѣшно доставая изъ дорожной сумки свой складной ножъ.

Веревки дрогнули въ одномъ, въ другомъ, въ третьемъ концѣ. Старикъ, полумертвый отъ страха и дыма, вскочилъ на ноги и упалъ сейчасъ-же.

— Батюшки, спасители! хрипѣлъ онъ. — Сожгли меня... живого сожгли...

Мужикъ схватилъ его поперекъ и потащилъ вонъ. Доски потолка уже съ трескомъ коробились, и красные швы раздавались все шире. Въ окно лѣзли, будто огненные руки, то обрываясь, то снова цѣпляясь за притолки, полосы пламени.

Когда Коптевъ выскочилъ на дворъ, народу было уже много.

— Воды, воды, подлещи! ревелъ Трофимъ Ивановичъ, багровый отъ натуги и грозя кулаками. — Бочки везите, ведра! али не видите!.. Не отстоите здѣсь, — все село слетитъ!..

Толпа шарахнулась отъ кулаковъ.

— И въ самомъ дѣлѣ! аль ярмонку пришли смотрѣть, поддержалъ низенькій старикъ, прибѣжавшій босикомъ и безъ шапки. — Бѣги за ведрами!

Но никто не трогался съ мѣста, только подталкивали и посылали другъ друга; впрочемъ, къ пылающему двору и подступиться было трудно, пока не рухнуть крыши. Одна высокая, остроконечная крыша на рубленномъ амбарѣ вдругъ вздрогнула и пошатнулась.

— Выходи, кто на дворѣ! сейчасъ рухнетъ! крикнули кругомъ.

Человѣкъ пять народу выбѣжали изъ воротъ.

— Есть кто еще тамъ? спросилъ Коптевъ.

— Старикъ тамъ хлопочеть! ухмыляясь отвѣтилъ паренъ.

Коптевъ побѣжалъ во дворъ.

— Надо его вытащить, полоумнаго!

На дворѣ уже сыпались кучи тлѣющей и горящей соломы, спалзывали цѣлыя пелены крышъ, охваченныя пламенемъ, телѣги и сани подъ навѣсами горѣли, какъ дрова въ печи.

У углового амбарчика, крыша котораго только-что перекосилась, стоялъ задомъ къ воротамъ Гордѣй и силился своими ослабѣвшими руками выбить топоромъ толстую дверь на внутреннемъ

замкѣ. Искры дождемъ сыпались на него сверху, волоса и рубаха его слегка курились.

— Крыша валится! уходи со двора, кричалъ ему своимъ могучимъ басомъ Трофимъ Ивановичъ.

Но Гордѣй ничего не слыжалъ и не хотѣлъ слышать; видно, что-нибудь очень одушевляло его, потому что старья руки поднимались и опускались съ судорожною быстротою.

— Ишь, старый лѣшій, некогда теперь казну свою спасать, спасай душу! Крыша сейчасъ придавитъ! кричали кругомъ.

— Эхъ, ребята, да вѣдь жалко свою добра-то! соболѣзновали другіе. — Ключа-то не найдешь въ торопяхъ, а должно, тамъ у него кубышка закопана...

— Да! до кубышки тутъ! раздавались голоса. — Тутъ какъ-бы въ сорочкѣ одной уйти, и то слава-богу! Видишь, пекло какое! Одну минуту еще простоятъ — пропадетъ! Старикъ! рубаха сейчасъ загорится... ужъ задымила...

— Эй, ребята, побѣгите, кто молодцомъ, оттащите полоумнаго старика! Вѣдь онъ себя не помнитъ... Вѣдь стропила сейчасъ подломятся! кричалъ Коптевъ.

— Теперь не пробѣжишь, ваше благородіе! Кто своей смерти радъ! отвѣчали въ толпѣ; — Гордѣю, видно, есть изъ-за чего душу губить... Небось, большія тысячи схоронены... А намъ не nevoля... Фомичъ, слышь, Фомичъ, уйди, сказываемъ, рубаха на тебѣ горить!

Но Фомичъ не оглядывался, все билъ и билъ обухомъ въ замокъ двери. Вдругъ дверь подалась разомъ. Старикъ, согнувшись, нырнулъ въ амбаръ и припалъ къ полу; со двора видны были его худыя босыя ноги, обгорѣлыя и испачканныя въ сажѣ. Удары топора раздавались еще чаще.

Въ эту минуту раздирающій вой раздался на улицѣ.

Толпа бабъ съ лицами, обезображенными страхомъ и усталостью, ворвалась во дворъ. Это была Гордѣева хозяйка съ невѣствами. Онѣ ходили за 7 верстъ въ лѣсъ собирать орѣхи и прибѣжали оттуда пѣшкомъ. Кузовки и узлы съ орѣхами еще были у нихъ за плечами.

— Батюшка, Гордѣй Фомичъ, отецъ мой родной! вопила старуха. — Гдѣ онъ, мой сударикъ, дайте мнѣ его, православные!

— Тащи его за ноги, бабка, а то пропадетъ ни за грошъ!

закричали парни. — Видишь, куда залѣзъ... Клады свои достаетъ.

— Сударьки-голубчики! взвизгнула старуха.— Не дайте пропасть душѣ христіанской. Вытащите его оттуда, Христа ради!

— Да! поди-ка, сунься туда, бабка! этого и на томъ свѣтѣ не хочется попробовать, не то что здѣсь.

Кто-то вожчался верхомъ въ толпу и быстро свалился на землю.

— Ну, вотъ и Ванюха прискакалъ! Какъ-разъ поспѣлъ! закричали въ толпѣ.

Ванюха, блѣдный, покрытый пылью, озирался кругомъ, не зная, за что схватиться.

— А! пропала наша головушка! крикнулъ онъ, схвативъ себя обѣими руками за виски.— И тащить нечего. Не замай, все пропадетъ?

— Дурень! Батьку тащи! Видишь, куда батька залѣзъ, закричали ему. — Волоки его за ноги! небось ужъ онъ задохся тамъ.

Ванюха глянулъ на пылавшій амбаръ и вдругъ бросился къ нему, перескакивая черезъ горѣвшія кучи соломы. Стулъ топора чаще и чаще слышался изъ амбара. Но не успѣлъ Ванюха подбѣжать къ выбитой двери, какъ пылавшая крыша разомъ осѣлась сама на себя; огонь какъ-будто провалился куда, и вмѣсто него повалилъ густой черный дымъ; въ то-же мгновеніе сильный ударъ падающихъ бревенъ раздался изъ амбара.

— Стропила обвалились! Пропаль!.. сказалъ кто-то въ толпѣ среди внезапно наступившаго гробового молчанія.

При шумѣ паденія, Ванюха тоже остановился на мгновеніе, какъ вкопанный, но сейчасъ-же рванулся впередъ и, ухвативъ сухія ноги, торчавшія изъ двери амбара, сильно потянулъ ихъ къ себѣ. Они, однако, не поддавались, словно ихъ прищемило что; изъ амбара не слышалось ни голоса, ни стука топора.

— Берегись, Ванюха! На тебя валится! раздался оглушительный крикъ.

Судорожно отшатнулся Ванюха и въ то-же мгновеніе, чуть не задѣвъ его концомъ, тяжело рухнуло съ крыши давно висѣвшее, полуобгорѣлое бревно, потащивъ за собою на землю цѣлую пелену соломенной крыши. Теперь ужъ не стало видно ни двери

амбара, ни торчавшихъ изъ нея старческихъ пятокъ. Повѣти и навѣсы стали быстро рушиться одни за другими. Въ этомъ трескѣ и шумѣ мало кто слышалъ отчаянные стоны Гордѣевыхъ бабъ.

Суровцовъ верхомъ на своемъ Кречетѣ несся во весь духъ къ горѣвшему селу; за нимъ неслась пожарная труба, запряженная тѣми самыми лошадьми, которыя только-что возвратились въ тарантасъ; у Суровцова не было другой тройки. Несмотря на усталость, лошади метались, какъ угорѣлыя, и даже коренникъ шель навскачъ вмѣстѣ съ пристяжными. Двѣ бочки и багры на мужицкихъ лошадяхъ съ толпою народа, уцѣпившагося за что попало, отстали на цѣлую версту, хотя тоже скакали маршь-маршь. Къ хутору уже не зачѣмъ было ѣхать; къ заходу солнца вѣтеръ потянулъ на село. Шапки огня полетѣли на гумна и крыши; казалось, какой-то злобный духъ разрушенія засѣлъ въ пылавшихъ развалинахъ Гордѣева хутора и съ роковою мѣткостью металлъ оттуда на село цѣлымъ градомъ бомбъ.

Прилѣпы запылали разомъ въ пяти мѣстахъ.

Если-бы путешественникъ, совсѣмъ незнакомый съ Русью и русскимъ человѣкомъ, ни по книгамъ, ни воочию, нежданно заѣхалъ въ разгарѣ лѣта въ нашу истую русскую деревню, какія можно найти только въ безконечной черноземной равнинѣ хлѣбородныхъ губерній, онъ былъ-бы вовлеченъ въ глубокое, но вполне простительное заблужденіе. Его мечты о счастливомъ климатѣ земного рая, невѣдающаго суровыхъ ужасовъ зимы и пронзительнаго ненастья осени, наконецъ, осуществлены на дѣлѣ. Вотъ она, эта страна вѣчной весны! Вотъ они, избранники судьбы, избавленные отъ страданій холода, отъ заботъ о теплѣ. Ихъ хижины и стойла ихъ скота сплетены изъ легкаго хворосту, изъ соломы, а если и срублены изъ бревнышекъ, то такихъ тонкихъ и сквозныхъ, что вся душа видна наружи. Посмотрите, какъ все разошлось по швамъ, повысыпалось, покривилось, пораскрылось! Завидная возможность не хлопотать о прочности, о непроницаемости. Къ чему она имъ? У нихъ не видно даже трубъ на крышахъ, даже тѣхъ призрачныхъ трубъ, которыя украшаютъ плоскія кровли азіятскаго мусульманина или итальянскаго лацарони, и которыми свободно выходитъ вверхъ горсть дыма изъ крошечнаго каминя. О, эти жители весны, безъ сомнѣнія, никогда

не нуждаются въ топливѣ, не зная зимы. Иначе-бы они, конечно, не могли обойтись безъ каменныхъ стѣнъ, плотныхъ двойныхъ дверей, хорошо вымазанныхъ двойныхъ оконъ, высоко поднятыхъ фундаментовъ и многочисленныхъ трубъ, дымящихъ такъ-же сильно, какъ фабрики лондонскихъ предмѣстій. Эта чуть дышащая одиночная рама изъ прѣлыхъ тесинокъ, кругомъ пропускающихъ божій свѣтъ внутрь избы, рама, въ которой дрожать два, три кусочка заржавѣвшаго стекла, выбитые кружки которой гораздо болѣе говорятъ о необходимости сквозного вѣтра, чѣмъ о необходимости тепла, конечно, была-бы немислима въ странѣ, которая, хотя по-наслышкѣ, была знакома съ морозами сѣвера. А эти косоротыя, досчатыя двери, кое-какъ сбитыя, далеко разошедшіяся по швамъ, никогда неспособныя притвориться, двери, которыя безъ всякихъ прелюдій, безъ присѣнокъ, безъ блоковъ, безъ теплой обивки, откровенно ведутъ съ надворья прямо въ жилье, конечно, возможны только въ томъ климатѣ, гдѣ ищутъ прохлады, а не тепла. Сквозныя, открытыя телѣги, въ которыхъ нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, низенькія, къ землѣ прилегшія сани, изъ палокъ и веревочекъ,—все говоритъ о томъ-же, о вѣчной дружбѣ человѣка съ стихіями, объ отсутствіи всякой опасности, всякой возможности пострадать отъ неперестающихъ дождей, непроѣзжихъ дорогъ, невылазныхъ снѣговъ. И лошадь, вѣрный спутникъ человѣка, стоитъ здѣсь круглый годъ безъ попонокъ, безъ пола, почти и безъ стѣнъ, и безъ крыши, почти безъ корма, если не считать за кормъ ржаную солому, перецрѣвшую на дождѣ. Вѣдь въ тепломъ климатѣ кормъ не тратится понапрасну на поддержку жизненной теплоты, какъ необходимо долженъ тратиться онъ на суровомъ сѣверѣ.

Но что-бы сказалъ такой наивный наблюдатель нашего отечества, если-бы, послѣ этихъ аркадскихъ мечтаній, ему пришлось испытать на своей собственной шкурѣ, въ обстановкѣ сквозной деревенской избы, ту вѣчную русскую весну, которая начинается съ половины сентября и кончается въ половинѣ мая. Онъ, безъ сомнѣнія, счелъ-бы нашъ терпкій народъ за стаю глупыхъ, дикихъ животныхъ, неумѣющихъ и несмѣющихъ добиваться даже тѣхъ насущныхъ удобствъ жизни, безъ которыхъ человѣкъ не имѣетъ права называть себя этимъ священнымъ именемъ. Онъ-бы, конечно, не пожалѣлъ бѣднаго нашего русскаго

мужика, этотъ резонеръ-чужестранецъ, неспособный уразумѣть всей тяжести креста, который навалила мачиха-судьба на многострадальную мужицкую спину; онъ-бы только осудилъ его своею безучастною логикой. Но мы, русскіе люди, пожалѣемъ русскаго челоуѣка!

Русская черноземная деревня поразить иностраннаго наблюдателя не однимъ презрѣніемъ вьюгъ и морозовъ. Она поразить его, можетъ быть, еще болѣе своею отчаянною дерзостью противъ огня. Взгляните поумнѣе, что такое старое русское село, вытянувшее по кривымъ улицамъ безконечные порядки своихъ тѣсно набитыхъ другъ на друга избъ и дворовъ, набившее балки и скаты береговъ сплошными кровлями избъ, сараевъ, клѣтѣй и амбаровъ, густо перемѣшанныхъ со скирдами хлѣба, ометами соломы, стогами сѣна, кучами навоза. Тутъ только и есть солома, хворостъ и дрова. Никакихъ промежутковъ, ни садовъ, ни лѣсковъ, ни полянъ. Одинъ громадный костеръ, составленный изъ сотенъ маленькихъ костровъ, нагроможденныхъ другъ на друга, чтобы ни одному нельзя было увернуться и избѣжать общей участи. Вѣдь на людяхъ смерть красна. И среди каждаго маленькаго костра, приготовленнаго съ такой заботливостью, съ такимъ безошибочнымъ выборомъ горючаго матеріала, нарочно помѣщенъ такой очагъ огня, который особенно удачно и легко можетъ поднять на воздухъ сбившіяся вокругъ него кучи соломы, хворосту и навозу. Этотъ очагъ сложенъ изъ самаго дряннаго кирпича, самыми неумѣльными руками, по самой бессмысленной системѣ. Онъ ничѣмъ не разобщенъ ни отъ соломенной крыши, куда онъ безъ трубы выпускаетъ свой горячій дымъ и свои недогорѣвшія искры, ни отъ стропилъ, балокъ и потолковъ, на которыхъ лежатъ его треснувшіе борова. Онъ огроменъ, этотъ страшный очагъ, и его разинутая пасть вѣчно пылаетъ, его хрупкіе кирпичи вѣчно раскалены. Въ этой пасти варится кушанье людямъ, поило скоту, моется бѣлье, грѣтся щелокъ, ставятся хлѣбы, парятся люди. Надъ нею грѣются старики и старухи, сушится шено и замашки, подъ нею грѣются цыплята, несутся индюшки и куры. Никогда не остываетъ очагъ, ни зимою, ни лѣтомъ, ни днемъ, ни ночью. И когда его топятъ, когда кормятъ его поглощающую черную пасть — избы не видно подъ кучами соломы, натасканной кругомъ печи, кругомъ пылаю-

шаго огня, изъ котораго во всё стороны, какъ выстрѣлы пистолета, летятъ горящія искры.

Туристы сентиментально изумляются безстрашію нѣсколькихъ неаполитанцевъ, живущихъ по склонамъ Везувія, который въ сто лѣтъ разъ разрушаетъ нѣсколько домовъ своимъ вулканическимъ изверженіемъ. Но никто не изумляется безумной отвагѣ и безумному хладнокровію многомиліоннаго народа, который изъ своихъ собственныхъ жилищъ, собственными своими руками изготовляетъ для себя огнедышащія вулканы, извергающіеся чуть не ежедневно, и ежедневно истребляющіе половину его достоянія; и безысходно живя на этой бочкѣ пороха, съ огнемъ въ рукахъ, онъ еще имѣетъ духу пѣть пѣсни и плясать трепака по трое сутокъ сряду!

Суровцовъ безъ милосердія гналъ Кречета. Онъ перешелъ уже возрастъ трепетныхъ и распатывающихъ волю чувствъ, и не терялся ни въ какой опасности. Но сердце его сжалось и замерло въ глубоко-болѣзненномъ чувствѣ, при видѣ непоправимаго бѣдствія, бессмысленно поражавшаго цѣлое населеніе бѣдныхъ трудовыхъ людей, которыхъ жизнь и безъ того была слишкомъ тяжка. Село было все передъ глазами, и не было никакого сомнѣнія, что помочь ему нельзя. Огонь сплошными, колыхающимися стѣнами шелъ по дымной улицѣ села прямо къ церкви, охвативъ оба порядка. Онъ теперь не шелъ, а несея, какъ буря, и дома таяли передъ надвигающимся пламенемъ, будто восковыя свѣчи. Вѣтеръ, безъ того очень сильный, къ вечеру разросся въ бурю, отъ самаго пожара, отъ страшной температуры и страшнаго обхвата пламени. Жалко было видѣть издали, какъ на борьбу противъ этого всемогущаго, всепожирающаго чудовища, ликовавшаго среди гибели и разрушенія, спѣшили верхами на своихъ утомленныхъ влячахъ, выпраженныхъ изъ сохъ, прилѣпскіе хозяева, только теперь замѣтившіе пожаръ родного гнѣзда изъ своихъ отдаленныхъ загоновъ. Они копошились въ разныхъ углахъ поля крошечными черными мухами, гдѣ по одиночкѣ, гдѣ толпою, подвигаясь впередъ безсильными, короткими скачками, издали походившими на ползанье насѣкомыхъ, а всесильная стихія, между тѣмъ, неслась на крыльяхъ бури, легко и свободно, будто въ веселой игрѣ, и втеченіи одной минуты обращала въ прахъ труды и запасы многихъ лѣтъ, многихъ поколѣній.

Еще было свѣтло, когда пожаръ гулялъ уже на всемъ пространствѣ широко раскинутого огромнаго села. Горѣли даже отдаленныя углы его, разобщенные оврагами и лѣсками; горѣли усадьбы дворянъ на другой сторонѣ глубокой балки. Пожаръ обратился въ истребленіе. Никто не зналъ и не старался замѣтить, отчего загорѣлось все кругомъ. Казалось, самъ воздухъ былъ пропитанъ пожаромъ и воспламенялъ все, до чего касался. Народъ не вопилъ, не горевалъ, не волновался; въ нѣмощь, безысходномъ ужасѣ онъ покорно глядѣлъ своими потерявшимися глазами, гдѣ теперь вспыхнетъ огонь. Что онъ вспыхнетъ вездѣ, сомнѣнія не было; вопросъ былъ только въ томъ, за кѣмъ очередь. Заботились не о томъ, чтобы отстоять что-нибудь, а чтобы не сгорѣть самимъ, спасали только людей. Сердца охватило равнодушіе отчаянія. Всякій чувствовалъ, что не простое проходящее несчастье одного, двухъ хозяевъ, а торжественная минута общей гибели. Неотвратимый рокъ наступилъ на жизнь своею чугуною пятою и шевелиться подъ ней, возставать противъ него было-бы безуміемъ. Народъ умѣетъ терпѣть и молчать въ подобныя минуты. Горе—слишкомъ ничтожное чувство для такого событія; когда человѣкъ умираетъ, онъ не горюетъ; онъ изумляется, и это изумленіе прекращаемой жизни есть нѣмой ужасъ смерти.

Силай Кузьмичъ долго отстаивалъ старинную барскую усадьбу, въ которой онъ поселился года два тому назадъ. У него на дворѣ стояли наготовѣ три полныя воды сороковыхъ бочки, окрашенныя зеленою краскою, на крѣпкихъ кованыхъ ходахъ. Большая пожарная труба, стоявшая нѣсколько сотъ рублей и вполне исправная, была заранѣе подвезена къ дому и уставлена въ боевой порядокъ. Толпа рабочихъ съ его собственнаго крупчатнаго завода сидѣла на крышахъ, покрытыхъ мокрыми веретями и полстами, вооружившись ведрами. Вездѣ были приставлены лѣстницы; во всѣхъ дверяхъ и воротахъ и на всѣхъ крышахъ держали иконы лицомъ къ огню; въ кабинетѣ Силая Кузьмича деньги и бумаги были уложены въ кованный сундучекъ и на дворѣ стоялъ запряженный въ пролетку рысакъ. Но Силай Кузьмичъ строго запретилъ выносить что-нибудь изъ дома. Даже не велѣлъ трогать парадный обѣденный столъ, который былъ накрытъ въ столовой нижняго этажа на 12 человѣкъ гостей, съ вазами и сверкающими приборами, доставшимися Лаптю вмѣстѣ

со всеми богатствами старинного барского дома; этот день был день рождения Силая Кузьмича, и послѣ раннего пирога у него готовился поздній обѣдъ.

— Не замай, все пропадетъ, коли загорится! оралъ на весь дворъ Лапоть, въ утѣшеніе и удивленіе рабочимъ. — Богъ попуститъ, стало, такъ тому и быть! Его воля. Чтобы одной тряпки у меня не выносить! Слышь, ребята. Наживемъ опять, коли милость божья!

Два раза посылалъ Коптевъ просить Силая Кузьмича прислать ему на помощь трубу, бочки и людей, два раза отказывалъ ему Лапоть.

— Сами горимъ, не время! приказывалъ онъ сказать. — Мужикъ-сермяга сгоритъ, Силай ему новый домъ подарить, не пожалѣетъ, а Силай сгоритъ—сермяга ему не поможетъ.

Но когда пожаръ разлился цѣлымъ огненнымъ моремъ по всемъ развѣтвленіямъ и закоулкамъ многолюднаго села, и усадьба Силая оказалась одинокимъ уцѣлѣвшимъ бастиономъ, среди бушевавшаго хаоса пламени, черствое сердце Силая словно вдругъ оборвалось какъ-то, и ему вдругъ сдѣлалось вѣрнѣе жутко. Онъ послалъ прикащика къ Коптеву просить кибку на помощь отстоять его домъ, все равно, села ужъ нѣтъ. Но Коптеву было не до Силая.

Усадьба Лаптева загорѣлась неожиданно и разомъ, какъ множество другихъ дворовъ. Нѣсколько соломенныхъ крышъ разомъ простушили огнемъ, словно ихъ зажегъ кто внутри. Двинули трубу къ одной крышѣ, и она была залита, но всѣ три бочки воды опустѣли, а еще три крыши горѣли жаркимъ пламенемъ.

— Качай за водой, ребята, молодцами! храбро командовалъ Лапоть.

Но проѣхать къ рѣкѣ уже было невозможно. Между тѣмъ желѣзныя крыши стали коробиться и пузириться. Народъ съ пустыми ведрами, съ высохшими веретями посыпался съ крышъ; весь дворъ Силая Кузьмича обратился въ одну пылающую печь. Силай едва успѣлъ вылетѣть въ ворота на своемъ рысакѣ съ своимъ кованымъ сундучкомъ. Съ воплями ужаса спасался народъ изъ охваченнаго двора, не зная, въ какую сторону бѣжать: вездѣ разливался и гулялъ огонь.

Какъ ни былъ поглощенъ и утомленъ своими дѣлами Суровцовъ, однако, не могъ не остановиться въ глубокомъ изумленіи передъ прекраснымъ двух-этажнымъ домомъ Лаптева, мимо котораго онъ пытался проѣхать на уцѣлѣвшую отъ пожара церковную площадь.

Среди обгорѣлыхъ развалинъ надворныхъ службъ, совсѣмъ уже обрушившихся, высился запертый со всѣхъ сторонъ бѣлый городской домъ съ огромными окнами, сквозь которыя былъ видѣнъ богато-убранный столъ, съ бутылками винъ, хрусталемъ и серебромъ, съ разставленными кругомъ рѣзными дубовыми стульями; казалось, онъ ждалъ съ минуты на минуту пирующихъ гостей. Но ни одной живой души не было даже близко кругомъ; только безмолвное, блѣдно-красное пламя одиноко дышало и двигалось за этими широкими окнами, наполняя безшумнымъ полетомъ своихъ крыльевъ оба этажа огромнаго опустѣлаго дома и глядѣло своимъ страшнымъ взглядомъ смерти въ два ряда его многочисленныхъ оконъ, которыя оно облизывало нѣжнымъ, чуть не безплотнымъ прикосновеніемъ своихъ огненныхъ жаль. Несмотря на эту нѣжность хищника, ласкающаго свою жертву, это страшное пламя безостановочно пожирало внутренность дома и летѣло все выше и легче, словно ему становилось веселѣе отъ каждаго новаго истребленія.

Подальше Суровцовъ наткнулся на другую сцену. Въ выбитое окно зажиточнаго однодворческаго дома, совсѣмъ охваченнаго пожаромъ, видѣлась красивая молодая женщина въ сарафанѣ, распростертая на полу, по срединѣ комнаты. Тѣло ея уже вздувалось и курилось отъ жару и на улицѣ былъ слышенъ обычный кухонный запахъ жареннаго мяса. Малый лѣтъ 35, по виду мельникъ, сильно выпившій, тщетно бился въ рукахъ трехъ мужиковъ, порываясь броситься въ горѣвшую избу, гдѣ лежалъ трупъ женщины.

— Братцы! ослабните! дайте куму вытащить! дайте честному погребенію предать... отчаянно вопилъ мельникъ, мотая головою и горько плача.— Авдотья Петровна! Голубушка моя... Ой, братцы родные! пустите-жь меня къ ней... хоть рядышкомъ помереть съ ней.

Мужики молча били его въ грудь и бока и отталкивали назадъ.

— Куда лѣзешь, полоумный! аль тебѣ съ пьяну огня не видать! приговаривалъ сухой старикъ, мрачно глядѣвшій на пожаръ.

Вечеромъ пламя приблизилось къ послѣдному клочку села, уцѣлѣвшему до сихъ поръ, къ площади, гдѣ стояла церковь. На углу площади была лавка и кабакъ мѣщанина Скрипкина, мужа Алены; домъ ихъ былъ на улицу. До послѣдней минуты мѣщанинъ Скрипкинъ не рѣшался выноситься изъ лавки, надѣясь, что вѣтеръ идетъ въ другую сторону, и, зная, какъ трудно уберечь на открытой площади вынесенный товаръ. Но когда загорѣлся сосѣдній дворъ, онъ позвалъ Алену и всѣхъ своихъ и сталъ торопливо выноситься къ церковной оградѣ. Алена только-что взяла ребенка изъ рукъ дѣвченки-няньки, потому что послала ее къ Коптеву просить трубу къ ихъ дому. Когда она услышала встревоженный голосъ звавшаго ее мужа, Алена, непонимавшая хорошо, что дѣлать, бросилась въ домъ, уложила въ качку заснувшаго ребенка и, заперевъ дверь на ключъ, чтобы никто не могъ войти и разбудить его, побѣжала въ лавку къ мужу. По настоянію мужа, Алена не нянчила сама ребенка и привыкла думать, что онъ всегда на рукахъ у няньки. Увлеченная торопливою работою, сбитаая съ толку криками и бранью растерявшагося лавочника, Алена совершенно позабыла о своемъ Гордюшкѣ.

Когда она вынесла изъ лавки послѣдній ящикъ со свѣчами и, запыхавшись, добѣжала съ нимъ до ограды, она увидала, что ихъ домъ уже пылалъ. Тогда вдругъ что-то ударило ее будто ножомъ въ сердце. Алена вспомнила, куда уложила Гордюшку. Съ нечеловѣческимъ воплемъ рванулась она впередъ, пошатнулась, упала, опять вскочила и побѣжала къ дому. Туда уже прибылъ Коптевъ съ Суровцовымъ и пожарною трубою.

Надя долго стояла съ своимъ шарабаномъ у огородовъ на околицѣ села, но когда пріѣхали коптевскіе люди, Надя отдала имъ на руки шарабанъ и пробралась къ отцу. Несмотря на брань и приказаніе Трофима Ивановича, Надя рѣшилась не отдѣляться отъ него; ничего ему не возражая, она молча шла за нимъ всюду, куда онъ шель. Ей было невыразимо страшно. Она была блѣднѣе своей рубашки и серьезна до суровости. Никогда она не только не видала, но даже не могла себѣ представить ничего

подобнаго. Бушующее море пламени, трескъ обрушивающихся домовъ, плачь, крики, невыносимый жаръ, невыносимая духота—подавили ее совершенно. Ей мерещилось, что она видитъ все это не наяву, а въ страшномъ кошмарѣ, что вокругъ нея ужасы ада. Она собиралась-было помогать жителямъ выносить вещи, держать дѣтей, распоряжаться тушеніемъ. Но, очутившись въ этомъ пеклѣ, она едва нашла въ себѣ силы стоять на ногахъ. О другихъ невозможно было думать. Да и что можно было здѣсь дѣлать кому-бы то ни было? Помощь людей не значила ничего. Только стихія могла остановить стихію. Дома горѣли за домами, улицы за улицами, безъ препятствія, безъ остановки. Каждая минута уносила чье-нибудь счастье, чье-нибудь будущее. И конца этому истребленію не предвидѣлось до тѣхъ поръ, пока нечего будетъ истреблять.

Суровцовъ и Трофимъ Ивановичъ, правда, не побладали рукъ, они бросались то туда, то сюда съ пожарною трубой, съ бочками, съ рычагами. Они возбуждали народъ къ послѣднимъ усиліямъ борьбы, но эта борьба уже была не противъ огня. Его задерживали лишь на-столько, чтобы спасти ту или другую жизнь, чтобы дать людямъ время выбѣжать изъ дома.

Надя не спускала глазъ съ Анатолія. Въ этомъ дьявольскомъ хаосѣ онъ былъ ангеломъ свѣта, на которомъ съ вѣрою и надеждою останавливался ея взглядъ. Его хладнокровіе, распорядительность и смѣлость возбуждали въ ней какое-то благоговѣніе. Какъ не довѣрится этой рѣшительной рукѣ во всемъ и вездѣ? Онъ все дѣлалъ съ простотою и естественностью, какъ-будто иначе и быть не могло, какъ-будто во всѣхъ его дѣйствіяхъ не было ничего необыкновеннаго.

„Истинные герои всегда таковы, думалось Надѣ. — Таковъ долженъ быть Гарибальди!“

Но сейчасъ послѣ этихъ мыслей приливалъ потокъ другихъ, болѣе горькихъ: „отчего-же онъ ничего не можетъ? Отчего-же онъ не остановитъ этого бѣдствія? Стало быть, есть ужасныя вещи, отъ которыхъ нельзя спасти людей никому, никому! А Богъ? мелькнуло въ душѣ Нади,—отчего онъ не остановитъ этой гибели? Неужели можетъ быть нравственный смыслъ въ истребленіи? Говорятъ, что несчастія посылаетъ Богъ въ наказаніе людямъ, для исправленія ихъ. Но развѣ пожаръ можетъ исправить бого-

нибудь? Пожаръ всѣхъ сдѣлаетъ хуже. Трезваго сдѣлаетъ пьяницей, работающаго лѣнивымъ, честнаго плутомъ. Да и за что наказывать прилѣпскихъ мужиковъ? Развѣ они хуже другихъ? Развѣ они несчастны менѣе другихъ? Развѣ ихъ работа легче? Отчего-же горятъ именно они, а не какой-нибудь богатъ Овчинниковъ, который хуже ихъ и грѣшнѣе ихъ? Нѣтъ, я не вѣрю этому. Это выдумка!.. несчастіе не то... Но гдѣ-же Богъ? Господи, Господи! или ты не видишь, что дѣлается? И ты не остановишь этого, не спасешь остальныхъ?"

Надя подняла къ темному, багровому небу свои воспаленные глаза и со всею искренностью убѣжденія искала тамъ образа Того, Кого звало ея встревоженное сердце. Но облака не разверзались, небесный голосъ не былъ слышенъ, и только въ теплыхъ клубахъ раскаленнаго дыма, вмѣстѣ съ снопами огненныхъ искръ, кружились обезумѣвшіе голуби...

Въ это мгновеніе раздался страшный вопль Алены. Надя вздрогнула всѣмъ тѣломъ и быстро обернулась. Мужъ Алены, мѣщанинъ Скрипкинъ, догналъ ее на дорогѣ и крѣпко держалъ, обхвативъ ея станъ.

— Не пушайте ее, православные! кричалъ онъ своимъ сильнымъ голосомъ.

— Митрій Даниловичъ, голубчикъ мой! билась въ его рукахъ Алена. — Гордюшка нашъ въ спальнѣ запертъ... Ключъ обронила... Ползай въ окно... Спаси ты его, Христа ради, Митрій Даниловичъ! Гордюшка мой, мой Гордюшка! Онъ тамъ запертъ, православные! стонала Алена, указывая обѣими руками на пылающій домъ и обращаясь къ толпѣ съ умоляющимъ и растеряннымъ видомъ.

Дмитрій Даниловичъ сурово хмурился на окно и не отвѣчалъ ни слова.

— Спаси его, ради Христа! Онъ тебѣ родной сынъ... Не вытацишь — сама въ огонь брошусь! кричала Алена. — Тамъ еще нѣтъ огня... Можетъ, и вытацишь...

— Теперь ужъ не вытацишь! пробормоталъ вздрогнувшимъ голосомъ Дмитрій Даниловичъ. — Все заполыхало... И самому пропасть, и его не спасти!

Вдругъ изъ толпы вышелъ Василій Мелентьевъ.

— Гдѣ онъ, Алена Гордѣевна, въ какомъ окнѣ? послѣшно спросилъ онъ, свертывая мокрое веретѣе.

— Вася, сердце мое, спаси мнѣ его, вытащи! совсѣмъ забывшись, вскрикнула Алена.—Онъ тамъ вонъ, въ крайнемъ окнѣ.

Василій былъ уже у окна и сильнымъ ударомъ ноги сразу выбилъ раму. Коптевъ, Суровцовъ, Надя, вся толпа застыла, какъ одинъ человекъ, въ трепетномъ ожиданіи. Густой, бѣлый дымъ пахнулъ изъ окна. Василій прыгнулъ въ избу. Почти въ ту-же минуту раздался страшный трескъ и что-то тяжелое рухнуло на землю.

— Православные, не дайте пропасть! Придавило! раздался отчаянный крикъ Василья. Въ то-же время изъ окна вылетѣлъ какой-то узелъ. Нѣсколько человекъ бросились къ нему и оттащили отъ горѣвшей избы. Это былъ Гордюшка, окутанный въ нѣсколько разъ мокрымъ веретемъ. Стоны Василья раздавались между тѣмъ сильнѣе и сильнѣе. Но никто не смѣлъ двинуться съ мѣста. Ужась любопытства оковалъ всѣхъ.

Надя оглянула толпу негодующимъ и изумленнымъ взглядомъ и убѣдилась, что надежды нѣтъ... Голова ея вздрогнула и стала кружиться. Стиснувъ зубы, ломая въ отчаяніи руки, она вдругъ закричала, не помня себя:

— Спасите, спасите его, въ комъ Богъ есть!

Суровцовъ тоже окинулъ толпу бѣглымъ взоромъ и тоже увидѣлъ, что никто не двинется на спасеніе Василья. Услыша отчаянный крикъ Нади, онъ, не раздумывая, бросился къ окну, за которымъ былъ погребенъ Василій.

— Куда вы? не своимъ голосомъ крикнулъ ему Коптевъ, пытаясь ухватить его. — Не пускай, ребята!

Но уже было поздно...

— Лей прямо въ него, качай! неистово закричалъ Трофимъ Ивановичъ и, схвативъ самъ рукавъ пожарной трубы, съ ногъ до головы окатилъ водою бѣжавшаго Суровцова. Надя увидѣла его въ послѣдній разъ, когда, поднявшись одною ногою на окно, Анатолій вдругъ обернулся къ ней, весь блѣдный, и улыбнулся на прощанье такой улыбкой, которую никогда потомъ не могла забыть Надя... Въ то мгновеніе, когда онъ пропалъ въ дыму окна, Надя уже лежала безъ чувствъ на землѣ, опрокинувшись на затылокъ, какъ стояла. Но никто не слышалъ, чтобы она крикнула, чтобы она сказала слово.

VIII.

ВЪ РУКАХЪ У СМЕРТИ.

На свѣтѣ есть поступки, которые трудно оправдать трезвою логикою эгоизма, и, можетъ быть, поступокъ Суровцова дѣйстви-тельно былъ безуменъ. Суровцовъ, конечно, болѣе дорожилъ своею жизнью, чѣмъ жизнью Василя Мелентьева. Его жизнь и другимъ была нужна. Если можно было найти десять Васильевъ, то одного Суровцова найти было не такъ легко. Эта логика слишкомъ проста, чтобы не быть ясной всякому. Но если-бы не было на свѣтѣ этого безумія, какимъ жалкимъ созданиємъ сдѣлался-бы человекъ, какое стадо гадкихъ животныхъ представляло-бы человѣчество!.. Нѣтъ чувства, болѣе оскорбляющаго достоинство человека, какъ трусость. Трусость страшнѣе всякаго страха. Она обрѣзаетъ крылья генія, на которыхъ высоко паритъ благородный духъ человека, и обращаетъ его въ ползающаго червя. Божественность оскудѣваетъ до животности Широкіе, свѣтлые горизонты сдавливаются въ темную и затхлую щель. Люди лавочнаго эгоизма могутъ смѣяться надъ самопожертвованіемъ; они предпочитаютъ безопасность. Но и безопасность червя — только мнимая. Онъ напрасно надѣется на тѣсноту и тьму своей жизни. Если-бы онъ былъ способенъ подняться выше и окинуть смѣлымъ взглядомъ окружающее, онъ увидѣлъ-бы ногу, которая надвигается на него и которая его раздавитъ. Къ счастью, человѣчество, даже въ массѣ своей, даже само неспособное на жертвы, инстинктивно чувствуетъ свое спасеніе, свое нравственное достоинство въ минутахъ безумнаго одушевленія нѣкоторыхъ безумцевъ, которыхъ оно зоветъ то героями, то мучениками.

Странное состояніе овладѣло Суровцовымъ, когда онъ очутился внутри горѣвшаго дома. Яркость освѣщенія была ослѣпительная и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не было видно за дымомъ. Суровцову вспомнились вдругъ, остро и быстро, какъ уколъ иголки, забытыя минуты дѣтства, когда онъ, подсѣвъ близехонько подъ ярко пылавшее устье камина, заглядывался до забвенія на веселую перетопку пламени, трескъ искръ, вылетающихъ какъ отъ пистолет-

наго выстрѣла, и крушеніе раскаленныхъ, обгорѣлыхъ полѣньевъ, наполняющихъ горячую пасть камина. Да, онъ теперь дѣйствительно тамъ, внутри этой давно знакомой пасти... Тотъ-же дружный гулъ обгущихъ вверхъ красныхъ языковъ, то-же крушеніе до-красна раскаленныхъ бревенъ, тотъ-же иссушающій, коробящій жаръ, отъ котораго поднимаются волосы и трескается кожа, то-же впечатлѣніе ада крошечнаго, только уже не дѣтское, не въ объемѣ одного аршина... Суровцову ни разу не приходила мысль о смерти. Но видъ рокошущаго и плещущаго огненнаго жерла, въ которомъ онъ вдругъ очутился, охватилъ его безсознательнымъ ужасомъ. Если не духъ, то само тѣло его было наполнено инстинктивнымъ стремленіемъ къ тому одинокому отверстию, откуда онъ только-что влѣзъ, за которымъ дышалось легко и прохладно и гдѣ онъ только-что былъ живой, въ обществѣ живыхъ. Здѣсь, въ этомъ огненномъ чадѣ, уже чувствуется удушающая рука смерти... Она налегаетъ все тѣснѣе на горло, на легкія... Она закрываетъ жадно дышашій ротъ сухими клубами дыма... Спасайся отъ нея!

Едва не ошупью набрелъ Суровцовъ на Василья и схватился за край потолка, его придавившаго. Земляной насыпѣй, къ счастью, некуда было свалиться и она не только сдерживала распространеніе огня, но и защищала Василья отъ удушающаго жара, отъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ горящихъ обломковъ. Обрушившаяся часть потолка прежде всего ударила о кровать и сундуки, стоявшіе въ комнатѣ, и только однимъ крыломъ придавила Василья. Съ неестественною силою, какой-бы никогда не оказалось у него въ спокойныя минуты и какую придаетъ человѣку только смертельная опасность, приподнял Суровцовъ уголь потолка, еще подшитаго подъ обгорѣвшую балку; Василій еще имѣлъ силы помочь ему; онъ лежалъ спиною вверхъ и могъ упираться въ полъ руками и ногами. Несмотря на страшный ударъ, Василій не чувствовалъ боли. Онъ былъ за окномъ въ одно мгновеніе. Суровцовъ летѣлъ вслѣдъ за нимъ; въ ту минуту, какъ одна нога его была еще въ комнатѣ, другая вдругъ провалилась въ плетеную заваленку... Суровцовъ опрокинулся головой внизъ...

Девяти-аршинное строило, съ прибитою къ нему латвиной, все насквозь красное отъ огня, словно въ какомъ-то угрожающемъ раздумьи, не рѣшаясь еще, куда ему упасть, тихо качалось надъ головою Суровцова. Онъ увидѣлъ надъ собою качаніе этого страш-

наго маятника и, поledenъвъ отъ ужаса, судорожно дернулъ застрявшую ногу. Что-то громко хрустнуло, нестерпимая боль волною пробѣжала до сердца...

— Братцы, пропадаемъ! вдругъ раздался оглушительный вопль толпы. — Площадь захватило! Уходи!

— Уходи, уходи! разлилось по всему пожару.

Коптева уже не было здѣсь: онъ относилъ къ экипажу Надю. Все разомъ отхлынуло отъ пожара и бросилось черезъ пылавшую уже площадь въ единственный уцѣлѣвшій проулокъ на выгоны.

Кто-то грубо схватилъ подъ-мышки лежавшаго Суровцова и со всей силы рванулъ его отъ дома. Нечеловѣчскій стонъ вырвался изъ груди Суровцова; правая нога его переломилась выше щиколки. Онъ уже не слыхалъ теперь воплей ужаса, не видѣлъ адскаго зрѣлища, черезъ которое торопливо проносилъ его на своихъ измятыхъ плечахъ Василий Мелентьевъ. Суровцовъ лишился чувствъ и тяжелымъ трупомъ повисъ на рукахъ Василья. Качавшееся строило словно ждало его ухода: покоробилось слегка, пошатнулось и разомъ оборвалось на то мѣсто, гдѣ лежалъ Суровцовъ. Все крушилось, трещало, пылало...

Когда Суровцовъ очнулся, онъ лежалъ на грудѣ перинъ и подушекъ, сложенныхъ около церковной ограды, виѣстѣ со вслѣбимъ мужицкимъ сварбомъ. Площадь была совершенно пуста и безмолвна; всѣ дома кругомъ ея теплялись тихо, какъ свѣчи; никто не тушилъ ихъ, никто ничего не спасалъ. Горѣвшее село словно вымерло разомъ. Церковь еще не занималась, но была освѣщена, какъ на-бѣло раскаленная, среди этого безлюднаго и безмолвнаго пожара, безпрепятственно пожиравшаго огромное село; ея золотые вѣсты, высоко поднятыя въ синее ночное небо, горѣли съ какою-то знаменательною торжественностью своими красноватыми огнями. Суровцовъ чувствовалъ нестерпимую боль и жажду. Онъ попробовалъ двинуться и убѣдился, что окоченѣлъ, какъ трупъ. Онъ не могъ хорошо припомнить, что именно случилось съ нимъ. Впечатлѣнiя пожара безобразно перепутались въ головѣ, охватываемой горячечнымъ жаромъ. То въ глазахъ стоялъ богато-убранный обѣденный столъ, съ бокалами и бутылками, въ жарко пылающемъ, пустомъ залѣ. То раздавался болью въ сердцѣ крикъ Нади: „помогите! спасите его!“ То вдругъ качалось надъ нимъ будто бровью проступившее, раскаленное строило. Но виѣстѣ съ

тѣмъ слухъ и зрѣніе у Суровцова словно удесятились. Онъ видѣлъ съ необыкновенною отчетливостью всѣ предметы, которые возбуждали его вниманіе. Напротивъ него были ворота, открытыя настежь. Тамъ стояла кучею бѣдная мебель, вытасканная изъ дома, кадки и боченки. Одинъ боченокъ казался совсѣмъ полонъ; Суровцовъ даже ясно чувствовалъ запахъ холоднаго кваса.

„Вотъ-бы туда, вотъ-бы хлебнуть!“ мелькало у него въ головѣ. Запекшіяся губы чмокали пустой воздухомъ...

Пожаръ подходилъ все ближе и ближе; уже на дворѣ, который такъ занималъ Суровцова, все было въ огнѣ. Ясно было, что огонь доберется и до груды хлама, насыпаннаго на площади до самой церкви. На площадь стащили мужики все добро изъ погорѣвшихъ улицъ. А загорится этотъ хламъ — Суровцову нѣтъ спасенья. Двинуться онъ не могъ, помочь ему, даже увидѣть его было некому. И, однако, Суровцовъ ни на одну минуту не подумалъ объ угрожающей опасности. Въ жару болѣзни мозгъ его сдѣлался младенчески-бесильнымъ, младенчески-фантастичнымъ. Боченокъ съ квасомъ наполнялъ всѣ его помыслы, все его существо. Иногда ему грезилось, что онъ ползетъ къ нему на четверенькахъ, что онъ доползъ, что онъ жадно тянется губами къ спасительной влагѣ... И только дотянется—вдругъ очнется и застонетъ отъ досады, отъ мучительной жажды...

„Да вѣдь я въ аду... грезилъ тогда Суровцовъ.—Въ ногѣ у меня сидитъ смерть и держитъ меня. А вонъ тамъ, гдѣ боченокъ, тамъ лоно Авраама... Нужно подождать; кто-нибудь придетъ омочить палець...“

Съ болѣзненнымъ напряженіемъ, не спуская глазъ, слѣдилъ Суровцовъ за приближеніемъ пламени къ драгоценному боченку. Вотъ уже съ трескомъ вспыхнула стоявшая возлѣ него старая кровать; вотъ онъ закурился, запылалъ... Онъ, очевидно, былъ пустой... Градомъ посыпались слезы изъ воспаленныхъ глазъ Суровцова. (Хватило мало-по-малу весь дворъ и мало-по-малу все исчезло въ дымъ и огнѣ.

Въ эту минуту донесся до уха Суровцова отчаянный лай собаки. Около кучи вещей, наваленныхъ на площади, шагахъ въ пятидесяти отъ Суровцова, была привязана на цѣпь бѣлая лохматая собака. Она давно жалобно выла и стонала, чуя свое одиночество и видя гибель кругомъ. Но Суровцовъ, весь погружен-

ный мыслью въ боченокъ съ квасомъ, не слыхалъ до сихъ поръ ея воя. Теперь онъ обратилъ на собаку всю неестественную остроту своего вниманія. Отчаянный плачь ея, казалось, ему говорилъ понятныя вещи. Онъ мѣшалъ его съ говоромъ людей. Онъ готовъ былъ отвѣчать на него. Чѣмъ ближе подступало пламя, тѣмъ тоскливѣе и отчаяннѣе металась и выла умная собака, будто призывая къ себѣ на помощь. Въ гробовомъ молчаніи пожара страшно и странно раздавался звукъ ея цѣпи и ея предсмертное нытье. Вотъ она освѣщена насквозь надвинувшимся кругомъ огнемъ; весело и ярко, будто на перегонку другъ передъ другомъ, торопятся къ ней летучія жала пламени... И черная цѣпь, и бѣлая собака окрасились пурпуромъ. Вотъ уже къ долгимъ, сознательнымъ стонамъ ужаса прибавляется рѣзкій вопль обжога... Какъ бѣшеный подпрыгиваетъ бѣдный песъ, потрясая цѣпью своею, и носится изъ стороны въ сторону кругомъ своей привязи, отыскивая спасенія... Учащаются и усиливаются вопли... Вотъ онъ подпрыгнувъ въ послѣдній разъ съ короткимъ, но страшнымъ визгомъ, и опрокинулся, какъ подстрѣленный, на спину... Четыре ноги вздрогнули судорожно и замерли... Отъ косматой шерсти уже давно шли густые клубы пара и она теперь вдругъ вся закурилась и затлѣла. Запахъ жженаго волоса шибнулъ въ носъ Суровцову. Огонь пожралъ собаку и полился теперь воровскими, измѣническими струйками по пожиткамъ, наваленнымъ около ограды. Онъ лился прямо на Суровцова съ разныхъ сторонъ, десятками пламенныхъ ручьевъ.

Василій едва дотащилъ Суровцова до церковной ограды и уложилъ его тамъ, какъ могъ покойнѣе. Онъ былъ такъ разбитъ, что самъ едва волочилъ ноги. Около церкви, казалось ему, было довольно безопасно, по крайней мѣрѣ, часа на два. Нести Суровцова дальше Василій совершенно не могъ, да и куда было нести? Онъ рѣшился оставить Суровцова и отыскать скорѣе его людей. Онъ долго бродилъ кругомъ села, не встрѣчая никого, кромѣ обезумѣвшихъ прилѣпскихъ мужиковъ; много разъ ноги его невольно подкашивались и онъ готовъ былъ со стономъ протянуться на землю; все тѣло его ломило и ныло, но онъ преволагалъ усталость и боль и бѣжалъ дальше. На выгонѣ Василій наткнулся на экипажъ Коптевыхъ. Четверня взмыленныхъ рысавовъ, только-что возвратившихся изъ поѣздки, опять явилась

сюда вѣсть съ Варю. Страшные размѣры, которые принялъ пожаръ, и долгое отсутствіе Нади встревожили Варю и она послѣшила въ Прилѣпы. Вѣхавъ на выгонъ, она вдругъ увидѣла Трофима Ивановича, который съ толпою причитывавшихъ бабъ старался привести въ чувство Надю; она лежала на травѣ около запряженного шарабана, еще съ закрытыми глазами, но уже начинала усиленно дышать.

Въ это время все было кончено; долгій, отчаянный крикъ спасавагося народа долетѣлъ до выгона.

— Гдѣ-жь онъ? спросила шопотомъ Надя, полуоткрывъ глаза.

— Кто? Суровцовъ? Онъ тамъ остался... пробормоталъ смущенный Трофимъ Ивановичъ. — Онъ сейчасъ сюда будетъ...

— Онъ не вышелъ? Онъ не вышелъ? въ ужасѣ прошептала Надя, быстро вскочивъ на ноги. Она силилась броситься къ селу, но пошатнулась, не сдѣлавъ ни шагу. Трофимъ Ивановичъ и Варя крѣпко схватили ее подъ руки. Надя была блѣднѣе смерти.

Толпа народа хлынула на выгонъ. По ихъ крику, по ихъ отчаянію Надя поняла, что борьба кончена...

— Гдѣ-жь онъ? спрашивала она почти беззвучно сквозь истерически стиснутые зубы.

Смутный говоръ проносся, что Суровцовъ упалъ изъ окна, что его раздавило крышей. Надя не слыхала этого, но Трофимъ Ивановичъ и Варя слышали. Бѣдный старикъ трясся, какъ въ лихорадкѣ, поддерживая Надю и стараясь ее успокоить. Варя едва стояла на ногахъ.

Въ эту минуту подошелъ Василій. Надя вспомнила все и бросилась къ нему.

— Василій, гдѣ онъ, гдѣ? Онъ вытащилъ тебя? Гдѣ онъ? бормотала она, судорожно уцѣпившись руками за руку Василья и смотря ему въ глаза съ подозрительною пристальностью безумной.

— Варышня-голубчикъ! Ногу сломалъ! подлѣ церкви лежитъ, подлѣ храма Вожьяго! съ плачемъ отвѣчалъ Василій. — Посылайте, сударики, за нимъ поскорѣе, ужъ и то пройти нигдѣ нельзя... все заполыхнуло... Какъ въ горнѣ жарко... Не дайте душенькѣ его пропасть... Охъ, наказалъ насъ Господь!

Тонкія бровки Нади грозно сдвинулись и все лицо вдругъ преобразилось.

— Панфилъ! закричала она повелительнымъ голосомъ. — Сей-

часть къ церкви! Я сама поѣду... Садись со мной, Василій! Скорѣе, скорѣе!

Трофимъ Ивановичъ схватилъ Надю и силою оттанулъ отъ коляски.

— Садись ты, Василій! валяй къ церкви! скомандовалъ онъ. — Всю четверку погуби, вынеси его! Безъ него хоть не возвращайтесь!

Надя не пыталась сопротивляться. Силь у ней не было. Лихорадочно сверкавшими глазами смотрѣла она вслѣдъ уносившейся коляскѣ; запекшіяся губы ея были слегка открыты и сквозь нихъ страшно сверкали ея бѣлые зубы, стиснутые какъ у мертвеца.

— Спаси его, Панфилъ, спаси! умоляла она безсильнымъ шопотомъ, когда уже Панфилъ скрылся въ облакѣ пыли.

Проѣхать сквозь улицу села было невозможно. Оба ряда домовъ обратились въ одинъ сплошной костеръ. И Панфилъ, и Василій видѣли это.

— Что. Мелентичъ? Вѣдь не проѣхать. Пропадемъ! сказалъ Панфилъ. — Добро-бы улица была коротка, а вѣдь тутъ полверсты огнемъ ѣхать.

— Проѣхать нельзя, что говорить! поддержаль его Василій, вставая въ экипажѣ на ноги и озирая опытнымъ глазомъ горящее село. — А проѣхать все-таки надо. Поверни лѣвъе, на Безчиновыхъ проулокъ. Тамъ повороче да и проулокъ шире, все жечь не такъ будетъ.

— О? Проѣдемъ-ли? сомнительно спрашивалъ Панфилъ, рассматривая открывшееся передъ нимъ устье пылающаго переулка. — Вѣдь это все равно, что въ печь лѣзть.

— Разгони хорошенько, а тамъ что Богъ дастъ! махнулъ рукою Василій.

— Ну, ну! видно ужъ не миновать! согласился Панфилъ. — Господи, прости согрѣшенія наши, не оставь нашихъ вдовъ и сиротъ!..

Онъ скинулъ шапку, перекрестился на крестъ церкви, подобралъ возжи, шевельнулъ ими, гикнулъ разъ-другой — и четверня понеслась, какъ угорѣлая. При вѣздѣ въ село, гдѣ уже начинался огонь, Панфилъ сталъ беспощадно пороть кнутомъ лошадей, безъ того уже мчавшихся маршь-маршемъ. У Василя въ

рукахъ была длинная хворостина, которою онъ тоже безостановочно хлесталъ лошадей. Съ отчаяннымъ гикомъ и свистомъ влетѣлъ Панфилъ въ огненную улицу и, не разбирая ничего, черезъ разбросанную рухлядь, черезъ опрокинутыя кадки и лавки, черезъ обгорѣлыя бревна, мчался къ церковной площади. Коляску то-и-дѣло подбрасывало вверхъ. Два раза колеса переѣзжали трупы людей. Лошади обезумѣли отъ огня, отъ крика, отъ влута, стегавшаго ихъ безъ остановки и пощады. Онѣ разстилались птицами и несли тяжелую коляску, какъ орѣховую скорлупу. Искры и шапки пролетали надъ четверней, кругомъ все трещало и валялось; дымъ ѣлъ глаза, душилъ грудь.

— Гони, гони! ободрялъ Василій.

Какъ буря, ворвалась четверня на площадь; Панфилъ и Василій едва въ четыре руки могли сдержать опалѣвшихъ лошадей у ограды церкви.

Суровцовъ издали услышалъ отчаянные крики Панфила и издали увидѣлъ, на красномъ фонѣ огня, черный абрисъ бѣшено несущейся четверни. Его разстроенной фантазіи она представлялась гремящею колесницей Ильи пророка на огненныхъ коняхъ.

— Это ко мнѣ, ко мнѣ, шепталъ онъ въ дѣтскомъ ужасѣ. — Илья пророкъ несется ко мнѣ на колесницѣ... За что-же? что сдѣлалъ я? Но нѣтъ, это не Илья пророкъ, спохватился онъ черезъ минуту. — Двое на козлахъ, кричать, погоняють, и лошади воронныя, а не огненныя. Ахъ, это пожарная команда! я сейчасъ узналъ. Это третья московская часть; лошади ея и брантжейстеръ въ мѣдной каскѣ... Это они, они... Я горю, они затушатъ меня...

— Батюшка, Анатолій Миколаевичъ! живъ ты? радостно вскрикнулъ Панфилъ, увидя ярко освѣщенную огнемъ фигуру Суровцова. — Барышня прислала за тобой.

Суровцовъ не отвѣчалъ ничего, не понималъ ничего и съ какии-то тяжкимъ недоумѣніемъ всматривался въ Панфила, въ Василья, въ кошевскую коляску; черныя, воронныя рысаки дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Они казались въ мылѣ, но мыла не было; тяжело и быстро водили едва дышавшіе кони подтянутыми животами и косились налитыми кровью глазами на бушевавшій кругомъ пожаръ.

Суровцова уложили на той-же перинѣ, на которой онъ лежалъ, прикрыли другою периною и подняли верхъ. Одинъ проулокъ, раньше загорѣвшійся, сильно прогорѣлъ теперь и проѣхать по немъ было нѣсколько безопаснѣе. Панфилъ пригѣтилъ бутылку съ водкой, вынесенную изъ лавки Скрипѣина. Онъ пристылъ къ горлышку и долго пилъ; потомъ набралъ водки въ ротъ и вбрызнулъ въ носъ и въ ротъ каждой лошади. Василій тоже пилъ, пока могъ.

— Ну, Господи благослови! сказалъ Панфилъ, врестясь на церковь. — Барина добыли, теперь какъ-бы къ барышнямъ доставить. Не выдамъ свою барина...

Взмахнули кнуты, зашевелились возжи, загикалъ, засвисталъ Панфилъ — и опять дружно рванулись и понеслись, какъ дикіе звѣри, мимо горящихъ избъ, черезъ обгорѣлые обломки, испуганные кони. На заворотѣ переулка треснула передняя ось, при выѣздѣ, заваленномъ бревнами, словно ножомъ разрѣзало и шину, и ободъ праваго колеса. Но Панфилъ все лѣгълъ, неистово подгоняя опьянѣвшихъ лошадей, не разсматривая ничего, не останавливаясь ни передъ чѣмъ...

Суровцовъ уже седьмой день лежалъ въ домѣ Кошчевыхъ, въ диванной, гдѣ онъ такъ часто проводилъ вечера. Диванную застлали сплошь коврами и во всѣхъ сосѣднихъ комнатахъ разостлали, что только могли. Надю нельзя было узнать. Она ни отъ кого не скрывала своего отчаянія, своего страха, своей радости. Всѣмъ стало вдругъ ясно, что въ Суровцовѣ — вся ея жизнь. До этого времени даже Варя не знала ничего вѣрнаго объ отношеніяхъ Нади къ Суровцову; сестры только подозрѣвали и предчувствовали, Трофимъ Ивановичъ не подозрѣвалъ ничего. Теперь онъ, конечно, все понялъ. Надю утѣшали, за Надей ухаживали, дѣлали для нея все, чего она требовала; горе было признано ея собственнымъ горемъ. У нея спрашивали распоряженій, позволеній, что дѣлать больному. Другимъ она запрещала входить къ нему, когда это казалось ей необходимымъ; сама всегда была съ нимъ. Въ домѣ состоялось безмолвное общее согласіе, что Анатолій Николаевичъ — Надинъ. Но никто въ этомъ не былъ убѣжденъ такъ глубоко, горячо и даже заносчиво, какъ Надя. Словно ей было теперь досадно, почему она такъ долго скрывалась и не объявляла передъ цѣлымъ міромъ своихъ правъ на свое сокрови-

ще. Многие прѣзжали навѣстить больного; на ихъ недоумѣвающіе взгляды и щепетильные намеки провинціально-свѣтскаго этикета Надя отвѣчала такою смѣлою откровенностью поступковъ, что скандализовала всю шишовскую публику. Она была въ строгомъ, возвышенномъ настроеніи библейской женщины, исполняющей свое призваніе; передъ нею были вопросы горя и счастья, жизни и смерти, — вопросы, говорившіе прямо, съ вѣчными основами духа человѣческаго, а ее вдругъ старались въ эти торжественныя минуты свести на дѣтскій базаръ уѣздной гостиной, въ ничтожный міръ булавочныхъ сплетень, булавочныхъ расчетовъ. Грозному вопросу: жить-ли человѣку или погибнуть, противопоставляла вопросъ: что будетъ говорить м-ше Каншина на именинахъ у Федосѣя Федосѣича? Надя всегда презирала принципы салонной морали и съ рѣзкостью неиспорченной деревенской природы выражала это презрѣніе. Но теперь, охваченная вдохновеніемъ борьбы за спасеніе человѣка, въ котораго она положила всѣ надежды и помыслы свои, она была гнѣвна и беспощадна, какъ ветхозавѣтная пророчица. Людямъ, погруженнымъ въ омутъ пошлыхъ формальностей и условныхъ, безсердечныхъ дѣйствій, со стороны, дѣйствительно, не могло не казаться, что Надя компрометируетъ себя безвозвратно. Иногда это казалось даже ея сестрамъ, вообще мало раздѣлявшимъ предрасудки уѣзднаго общества, и онѣ пытались, хотя осторожно, воздерживать немного Надю отъ ея увлеченія. Но это было не только бесполезно, а даже возбуждало со стороны Нади усиленный приливъ упорства, словно она желала сдѣлать вызовъ всѣмъ осуждавшимъ ее, всѣмъ непонимавшимъ торжественной чистоты и святости ея отношеній къ любимому человѣку. Пять ночей Надя провела въ комнатѣ Суровцова, на диванѣ, почти рядомъ съ его кроватью. Это встревожило даже Трофима Ивановича, который вообще никогда не вмѣшивался въ поступки дочерей и довѣрялъ имъ безусловно. Но и его уговоры оставались тщетны. Надя съ своей старой няней Сергѣевной и съ дѣвченкой Маришкой втроемъ ухаживали за больнымъ и не позволяли никому другому подступать къ нему ни днемъ, ни ночью. Эти пять дней извели Надю; она почти не ѣла, почти не спала, только пила. Три раза пытался Трофимъ Ивановичъ вывести ее изъ спальни Суровцова и три раза уходилъ ни съ чѣмъ. Съ Надею было страшно говорить. Огонь сыпался изъ ея

глазъ, изъ ея устъ. Никогда въ своей жизни не видалъ Трофимъ Ивановичъ, чтобы женщина говорила такъ и такъ дѣлала. Ему казалось, что Надя сама въ горячкѣ, что она дѣйствуетъ безъ сознанія, въ какомъ-то восторженномъ бреду. Онъ боялся противорѣчить ей, какъ боялся разбудить лунатица.

На шестой день Суровцовъ пришелъ въ себя и сталъ узнавать людей. Надя ушла изъ диванной и помѣстила свою постель въ гостиной, рядомъ съ нею; но все-таки цѣлую ночь входила къ нему, укрывала его, давала ему лекарства. Она не чувствовала ни стыда, ни стѣсненія бѣжать въ своемъ бѣломъ ночномъ капотикѣ къ мужичкѣ, лежавшему въ постели. Ее слишкомъ наполняла страстная рѣшимость спасти его и страхъ потерять его, чтобы оставалось мѣсто для пустыхъ церемоній.

Надя все бросила въ это время: садъ и хозяйство, — не только бросила, но совершенно забыла, словно ихъ никогда и не было. Минуты своей жизни она теперь считала по тѣмъ минутамъ, которыя проходили отъ одного бреда Суровцова до другого, отъ одной ложки никстуры до другой. Докторъ изъ Шишей пріѣзжалъ ежедневно. Это былъ военный врачъ, очень обходительный молодой человѣкъ, мало вѣрившій въ свою науку, мало занимавшійся ею, но съ разсудительной головою и съ сердцемъ. Онъ не спорилъ своими лекарствами съ организмомъ, возбужденнымъ горячкою, а прохладаль его по возможности безвредно и все вниманіе обратилъ на правильное срастаніе перелома, который онъ съужалъ очень ловко вправить въ плотную гипсовую повязку. Молодое тѣло, полное соковъ жизни, работало съ неудержимую энергіею, и срастанье ноги шло такъ быстро, что удивляло самого врача. Когда горячка прекратилась, больной чувствовалъ только глухой ломъ въ костяхъ; обжоги гораздо болѣе тревожили его, чѣмъ сломанная нога. Докторъ вообще относился сочувственно къ больному и хлопоталъ отъ души объ его выздоровленіи; но участіе Нади придавало его хлопотамъ особенное одушевленіе. Молодая дѣвушка, увлеченно отдававшая уходъ за больнымъ, восхитила впечатлительнаго доктора. Никогда въ своей врачебной практикѣ не встрѣчалъ онъ такой преданности дѣлу. Въ ней столько серьезности, глубины, простоты и задушевности. А терпѣнье. а воля! Но главное, эти глаза, не то глаза ребенка, не то лермонтовской Тамары. Выслушивая съ мнимымъ вниманіемъ пульсъ

больного, простодушный докторъ, гораздо явственнѣе чувствовать дыханіе взволнованной молодой груди, надъ нимъ нагнувшейся, чѣмъ біеніе пульса Суровцова. Много разъ въ безпокойные часы ночного бдѣнія его руки сталкивались съ горячими руками Нади, его плечо касалось ея плечъ. Въ увлеченіи работой, Надя никогда этого не замѣчала и ничего не избѣгала. Она видѣла лекарства, видѣла руку, перевязывающую рану, но докторъ, какъ человѣкъ, въ эти минуты не существовалъ для нея; если-бы ее спросили, какіе у него глаза, есть-ли у него бакенбарды, во что онъ одѣтъ, красивъ-ли онъ, дурень-ли онъ,—она ничего-бы не отвѣтила, потому что дѣйствительно не видѣла его, хотя постоянно на него смотрѣла. Но бдѣнный докторъ, не знавшій хорошо характера Нади и не угадавшій вполнѣ смысла событія, позволилъ себѣ думать, что не всегда безъ намѣренія пальчики Нади сжимали его руку. У него подиралъ морозъ по кожѣ и дѣлалась нервная лихорадка, когда Надя, поднявшись съ постели, во всемъ жару тревожнаго сна, въ соблазнительной простотѣ своей ночной одежды, приближалась къ кровати больного и случайно касалась его лица прядями своихъ густыхъ темныхъ волосъ, выбившихся изъ подъ бѣлаго чепчика. За то ужъ докторъ выходилъ изъ себя, чтобы Надя была довольна, чтобы больному было легче; онъ мчался къ нему во всякій часъ, во всякую погоду. Увидѣть скорѣе свою строгую и повелительную красавицу, для него казалось наслажденіемъ.

Радости Нади не было конца, когда миновалъ кризисъ горячи, и когда стало ясно, что нога срослась совершенно правильно, безъ всякихъ послѣдствій. Надя не была способна на неясныя томленія духа. Ей понятно было только глубокое острое горе и такая-же глубокая острая радость. Отъ одного она перешла къ другому со всею рѣзкостью своей натуры. Она призвала Панфила въ дѣвичью, когда тамъ никого не было, и съ рыданьемъ счастья повисла у него на шеѣ.

— Панфилушка, голубчикъ ты мой, спаситель... я никогда тебя не забуду... все... все... я тебѣ сдѣлаю... помни это...

Старый Панфиль плакалъ и улыбался отъ смущенія и не могъ сказать ни слова въ отвѣтъ. Такъ изумила его выходка барышни.

У Коптевыхъ была небольшая земля, доставшаяся отъ матери, Надѣ приходилось изъ нее всего 50 десятинъ. Она подарила 10

десятинъ Панфилу, 10 десятинъ Василью. Какъ ни возставалъ противъ этого Трофимъ Ивановичъ, какъ ни бранилъ Надю, ничего не могъ сдѣлать. Теперь она не сердилась, только смѣялась и цѣловала его; но, смѣясь и цѣлуя, она настояла на своемъ. Возможность осчастливить людей, которые спасли ей ея счастье, восхищало ее безконечно. Съ Анатолиемъ она уже не рѣшалась проводить ночи; теперь она спала спокойнымъ, безмятежнымъ дѣтскимъ сномъ въ своей постелькѣ, и ея здоровье, ея красота быстро возвращались. За то цѣлый день до полуночи Нада не отходила отъ постели Анатолія. Теперь все недавнее прошлое, эти муки сердца, эти волненія безсонныхъ ночей, жаркій страхъ, жгучая надежда, — все стало источникомъ глубокой радости. Подробности, казалось, незамѣченны прежде и безразличныя, теперь всплыли на сердце и окрасились пурпуромъ счастья, какъ все кругомъ. Не разъ Суровцовъ въ бреду болѣзни называлъ ее Надею. говорилъ ей „ты“. Это „ты“ эта „Нада“ теперь разцвѣли въ ея душѣ какъ какіе-то драгоценныя, только что распустившіяся цвѣты. Съ неизъяснимымъ наслажденіемъ любовалась она ими, своимъ внутреннимъ чувствомъ, оберегая отъ всѣхъ ихъ тайну.

Вечеромъ на девятый день Нада сидѣла у кровати Суровцова вдвоемъ съ Варей. У Суровцова былъ жаръ болѣе обыкновеннаго; глаза его сверкали лихорадочнымъ огнемъ, хотя на лампу былъ опущенъ темный абажуръ.

— Напиться... проговорилъ Суровцовъ, чмокая запекшимися губами. Вара встала и ушла въ дѣвичью, чтобы сдѣлать питье.

— Ты одна здѣсь, Нада?.. проговорилъ Суровцовъ, не двигаясь съ мѣста и не глядя на Надю.

Онъ уже третьяго дня говорилъ Надѣ „вы“ и называлъ ее по батюшкѣ. Она вздрогнула, и кровь прихлынула къ груди ея.

— Да, я одна... одна, Анатолій... прошептала она смутившимся голосомъ...

— Дай мнѣ твою руку, Нада...

Нада протянула свою руку къ рукѣ Суровцова.

Онъ крѣпко стиснулъ эту маленькую нѣжную ручку, обѣими своими блѣдными и худыми руками, поддержалъ ее нѣсколько мгновеній и медленно поднесъ къ губамъ. Нада не сопротивлялась.

— Моя, моя ручка... Навѣки моя... я ее никому не отдамъ, въ полубреду шептала Суровцовъ, словно самому себѣ, припадая воспламененными губами къ сжатой ладони Надиной руки. — Нада, я буду живъ, слышишь-ли? Я не хочу умирать. Ты отняла меня у смерти. Я твой навсегда. Возьми меня. Слышишь-ли? ты здѣсь!

— Я здѣсь, здѣсь, Анатолий. Я не отдамъ тебя, ты мой! чуть слышно прошептала Нада, нагнувшись къ самой подушкѣ. Голова у нея слегка кружилась, и все лицо было въ огнѣ.

— Гдѣ-же ты? спросилъ Суровцовъ, упорно вглядываясь въ стѣну. По его бессознательному и лихорадочному взгляду Нада видѣла, что онъ въ припадкѣ легкаго бреда.

— Я здѣсь! еще тише сказала Нада, вдругъ потянувшись къ нему и тихо цѣлуя его въ жаркія губы.

Когда Суровцовъ оставался на-единѣ съ Надей, у нихъ только и разговора было, что о будущемъ. Онъ не говорилъ ей больше „ты“, и поцѣлуй ея казался ему созданьемъ бреда; онъ не смѣлъ спросить Надю о немъ даже намекомъ. Но и ему, и ей неудержимо хотѣлось строить планы. Когда Суровцовъ описывалъ Надѣ свои предположенія, какъ онъ передѣлаетъ домъ, что затѣветъ въ саду, чѣмъ будетъ заниматься лѣтомъ, Нада не сомнѣвалась, что всѣ эти предположенія дѣлаются для нея, рассчитаны на нее, — хотя Суровцовъ ни однимъ словомъ не обнаруживалъ того, что онъ подразумѣвалъ. Ихъ бесѣды, по своей наивности, во многомъ были похожи на болтовню сдружившихся дѣтей. И ему, и ей все казалось возможнымъ. Нада самымъ серьезнымъ образомъ собиралась за границу поучиться всему хорошему, и Суровцовъ не менѣе серьезнымъ образомъ увѣрялъ ее, что онъ непременно ее проведетъ. Глаза ихъ договаривали то, чего не говорилось и безъ чего были-бы лишены смысла и жизни всѣ тѣшившія ихъ фантазіи. Недѣли черезъ двѣ Суровцовъ могъ уже слушать громкое чтеніе, и Нада съ увлеченіемъ читала ему по нѣсколькимъ часамъ вещи, которыя онъ давно зналъ на память. И однако никогда не нравились они ему такъ, какъ теперь. Нерѣдко чтенье прерывалось на какомъ-нибудь интересномъ мѣстѣ, и Суровцовъ высказывалъ по его поводу свои мысли. Онъ былъ вынужденъ къ долгому молчанію и теперь отводилъ душу. Нада впивалась и слухомъ и сердцемъ въ его слова. Все, что говорилъ Суровцовъ, было такъ просто, ясно и неопровержимо. Если-бы всѣ люди учились у него,

на свѣтъ не было-бы глухихъ людей, глухихъ поступковъ — такъ думала Надя. — Онъ долженъ быть учителемъ общества, а не дѣтей. Онъ долженъ проповѣдывать цѣлому міру. Но что всего болѣе удивляло и радовало Надю, это то, что всякое слово 'Анатоля было ея собственнымъ словомъ. Она всегда такъ думала и только не умѣла высказать такъ полно и понятно.

— О, да, да. Это конечно такъ; я всегда такъ думала; иначе вѣдь и нельзя думать! съ радостнымъ убѣжденіемъ поддерживала Суровцова Надя.

Пусто стало въ душѣ Нади, пусто стало въ домѣ Контевыхъ, когда черезъ три недѣли, докторъ позволилъ Суровцову переѣхать домой. Надя чуть не заболѣла. Первые дни она не могла нигдѣ быть, кромѣ диванной. Она садилась на то самое мѣсто, на которомъ всегда сидѣла, брала въ руки тѣ самыя книги, которыя слушалъ ея Анатолий. Въ глазахъ ея словно еще стояла постель съ дорогимъ человѣкомъ, его ночной столикъ, его лекарства.

„Вотъ и дни безъ обязанности, ночи безъ тревогъ. А на что они мнѣ? горько думалось Надѣ. О, если-бы опять тѣ-же волненія, тотъ-же страхъ, та-же забота. Только чтобы опять онъ былъ здѣсь“.

Цѣлую недѣлю тоска Нади была такъ сильна, что сестры испугались за нее. Варя уже теперь прямо говорила съ нею объ Анатолиѣ.

— Помилуй, Надя, ты совсѣмъ изведешь себя! уговаривала она ее. — Неужели ты этимъ сдѣлаешь удовольствіе Анатолю Николаевичу? Ну, погоди, онъ поправится, опять начнетъ ѣздить каждый день. Надо-же имѣть волю, характеръ, Надя.

— Ахъ ты дурочка, дурочка! вдругъ разсмѣялась Надя. — Что ты такое говоришь? Какой характеръ? зачѣмъ? Она охватила шею Вари и стала ее безжалостно щекотать и цѣловать.

— Отстань, Надя! ей Богу сумасшедшая! Ты знаешь, я не выношу щекотки, отбивалась Варя. — Что съ тобой дѣлается, понять не могу? то все губы прячетъ, когда ее цѣлуешь, а теперь заѣла своими поцѣлуями. Право, Суровцову скажу, онъ тебя не знаетъ еще, можетъ, побойтся.

— Ты опять за свои глупости! съ тѣмъ-же счастливымъ смѣхомъ кидалась на нее Надя. Постоить-же, я теперь тебя не такъ защекочу.

IX.

На пристани.

Въ праздникъ Надя давала себѣ отдыхъ. Она не бѣгала на скотный дворъ и не работала въ саду. Она съ самого ранняго дѣтства праздновала праздники и была-бы очень огорчена, если-бы праздниковъ не было. Впрочемъ Надя относилась къ этимъ днямъ все не съ обиходной точки зрѣнія. Она была плохой знатокъ всякой церковности и не соединяла съ годовыми праздниками никакого священнаго воспоминанія. Она любила праздники какъ любить ихъ дѣти и почитала ихъ бессознательно, по веоренившемуся преданію. Но когда она стала подростать, къ этому общедѣтскому чувству веселой свободы, которое инстинктивно внушалъ ей праздничный день, въ сердцѣ Нади выросло и болѣе сознательное отношеніе къ нему. Надю глубоко радовалъ видъ трудового народа безъ его обычной работы. Немытые люди въ темныхъ одеждахъ, съ восходомъ солнца согнутые надъ лопатами, граблями, косами, сохами и топорами, входящіе въ хату только похлебать пустыхъ щей съ хлѣбомъ, вдругъ обращаются въ ярко разряженные толпы поющаго или весело болтающаго люда. Красные и желтые сарафаны бабъ, красныя и желтыя рубахи парней, синіе армяки пестрятъ улицу. У всякаго двора, въ тѣни воротъ или ракатки, сидитъ на землѣ кружокъ бабъ, въ чистыхъ рубашкахъ и новыхъ повязкахъ, и мирно бесѣдуетъ. На зеленомъ выгонѣ, въ орѣшникѣ, гдѣ ходитъ скоть, еще пестрѣе, ярче и веселѣе толпа смѣющихся и играющихъ дѣвокъ, къ которымъ незамѣтно примасиваются изъ свѣжей чаши орѣшника праздные парни, съ накинутыми на одно плечо поддевками, кто съ балалайкой, кто съ гармоникой, кто съ шутивными рѣчами. Все весело пестрѣетъ на зеленомъ лугу: и разношерстные телята, и дѣвки, и парни, затѣвающіе съ ними игры, и синее небо съ бѣлыми, какъ серебро, облаками, жаркимъ шатромъ стоящее надъ этимъ зеленымъ лугомъ. А изъ города возвращаются на парныхъ телѣгахъ подвыпившіе хозяева въ новыхъ армякахъ, съ раскраснѣвшимися рожами, съ веселымъ гамомъ и смѣхомъ.

Надя была человекъ деревни, и поэтому всею душою участвовала въ деревенскомъ праздникѣ. Она вообще читала мало, но въ праздники любила взять книгу и уйти въ садъ. Тамъ у нея была любимая скамья, въ тѣни старой ракиты, на концѣ очень длинной алеи, надъ самымъ прудомъ-озеромъ.

Сидеть себѣ тамъ Надя въ своемъ чистенькомъ холстинковомъ платьицѣ, вся сіяющая чистотою и свѣжестью, и радуется молча на Божій день.

Она только-что полоскалась, какъ молодая уточка, въ прохладной водѣ пруда, и ея бодрое, молодое тѣло не успѣло еще поддаться расслабляющему вліянію дневного зноя.

Хороши густые, бородатые тростники, густою зарослью обстѣвшіе берега Рати подъ коптевскимъ садомъ. Они опрокинулись неподвижно зеленою стѣною въ неподвижное, слегка только гнущееся зеркало пруда, а подъ ними опрокинулись еще болѣе высокія зеленныя стѣны стоящей надъ ними рощи, и потомъ темная синева неба.

Тихо на прудѣ. Дома, двора—будто нѣтъ. Утки неслышно выплываютъ и вливаютъ въ тростниковый лѣсъ, наслаждаясь его пустынною. Только слышно дружное жадное чавканье ихъ широкихъ клювовъ, роющихся въ тинѣ. Ракиты далеко напустили на воду свои раскидистыя вѣтви, и подъ ихъ дрожащими шатрами—темная прохлада. Далеко на той сторонѣ радостно фыркаютъ купающіяся лошади; старикъ въ бѣлой рубашкѣ удыть подъ тѣнью обрывистаго бережка, а подальше, въ тростникахъ, вырѣзываются бѣлыя, словно каменныя фигуры цапель; они удыть такъ-же неподвижно, такъ-же прилежно.

Какіхъ голосовъ ни слышитъ теперь Надя! Тонкою меланхолическою свирѣлью посвистываетъ иволга, пѣвецъ лѣтнаго полдня; настойчиво и глухо кукуетъ кукушка, низко перелетая съ яблони на яблоню; горленка плачетъ своимъ страстнымъ воркованьемъ въ осинахъ рощи; драчливо чечокаютъ дрозды; но все покрываетъ своимъ сплошнымъ несмолкающимъ гамомъ пронзительный крикъ грачей; никогда имъ не уладиться и не кончить своихъ ссоръ! А неподвижная еле-трепещущая гладь озера дышетъ свѣжимъ дыханіемъ въ грудь Нади, и отъ этого дыханія чуть слышно, какъ нѣжныя опахала, повѣвають надъ нею молодня, мягкія вѣтви ракиты.

Хорошія мысли стоятъ тогда въ головѣ Нади; такія-же прекрасныя и чистыя, какъ тѣ бѣлыя облака, что таютъ надъ нею въ знойной синевѣ.

„Какъ хорошъ Божій міръ! думается Надѣ. — И какъ странно, что такъ много людей, недовольныхъ имъ. Сколько на свѣтѣ скучающихъ, сердитыхъ, жадныхъ, горюющихъ; и такъ рѣдко они правы! Развѣ не все дано человѣку для счастья?“

„Отчего я люблю всѣхъ? сама себя спрашивала Надя. — Я-бы всѣхъ обняла, всѣмъ-бы помогла. Анатолій, мнѣ кажется, тоже всѣхъ любить и всѣмъ готовъ помочь. Развѣ трудно помогать? Развѣ наслажденіе можетъ быть труднымъ? Когда здоровъ и трудисься съ чистою мыслью, — тогда и счастливъ. Счастье такъ просто, такъ легко.“

„Какъ мнѣ жаль Лидочку, шевелилось дальше на душѣ Нади. — Она такъ часто скучаетъ; и тетя скучаетъ, и Алеша скучаетъ. Отчего это? Вѣдь у нихъ такой славный садъ и рѣка, какъ у насъ, и они могли-бы дѣлать столько добра. Алеша добрый и умный мальчишъ, но онъ мало работаетъ и оттого недоволенъ всѣмъ; Лида цѣлый день ничего въ руки не беретъ. Я-бы умерла въ ихъ домѣ. Скажу я когда-нибудь ей; можетъ быть, она послушаетъ меня. А вотъ Анатолій постоянно за работою, какъ и я. Онъ все успѣваетъ, все любитъ. Какъ мы похожи съ нимъ! Трудиться вѣстѣ съ нимъ — должно быть большое счастье. Онъ-бы всему научилъ меня, онъ самый умный изъ всѣхъ.“

И Надя съ такимъ сладкимъ чувствомъ откроетъ книгу и погрузится въ нее. Но и во время чтенія ея сердце не перестаетъ впитывать въ себя чудную красоту очертаній, красокъ, запаховъ и движенія, которою ликуетъ кругомъ нея цвѣтущая природа.

Надя увидѣла Суровцова издали, когда онъ появился у входа очень длинной алеи, шедшей отъ дома къ пруду. Собственно говоря, она увидала его гораздо раньше.

Неясный шумъ копытъ скачущаго коня уже давно былъ слышенъ со стороны поля; никто въ домѣ не слышалъ его и не хотѣлъ обратить на него вниманія, кромѣ Нади, которая впиалась въ него и слухомъ и сердцемъ. Она сразу разгадала, чьи это копыта, и кто ѣдетъ.

Когда стукнула калитка сада, совершенно въ сторонѣ отъ алеи.

открывавшейся передъ Надей. Нада почувала сердцемъ, что въ садъ вошелъ ея Анатолий, что онъ идетъ къ ней.

Она читала въ это время книгу и ни разу не оторвала отъ нея глазъ. Но когда Суровцовъ появился у дальняго входа ален, глаза Нади уже смотрѣли на него.

Нада сначала поблѣднѣла, потомъ кровь, прилившая къ сердцу, широкой волной разошлась по тѣлу, и лицо ея разгорѣлось огнемъ. Она вся была охвачена радостью и торжествомъ. Онъ шелъ къ ней, искалъ ее, думалъ о ней, тотъ, о комъ она не переставала думать, кто безвыходно жилъ въ ея сердцѣ, послѣ того, какъ она вырвала его у смерти. Это былъ первый выходъ Суровцова изъ дома, первое свиданье его съ Надею послѣ блѣзни.

Нада была недоступна подозрѣнiямъ и щекотливости другихъ барышень, болѣе ея опытныхъ, и менѣе возвышенныхъ. Мечта ея была чиста, какъ голубица, а гордая вѣра въ себя и людей не давала ей останавливаться на соображенiяхъ пошлой осторожности. Присутствiе любимаго человѣка ей казалось одинаково желаннымъ во всѣхъ обстоятельствахъ, въ обществѣ, какъ и на-единѣ.

Нада не пошла на-встрѣчу Суровцову и не смотрѣла на него болѣе, хотя каждый шагъ его отдавался внутри ея, и съ его приближенiемъ ея сердечный трепеть разрастался все больше и больше. Шагъ Суровцова, напротивъ того, по мѣрѣ приближенiя, дѣлался все медленнѣе и нерѣшительнѣе. Онъ дошелъ однако до самой скамейки и, не приподнявъ шляпы, растерянно глядя на Надю, вдругъ сказалъ:

— Надежда Трофимовна... Нада! Вы знаете, зачѣмъ я пришелъ. Уйти мнѣ или нѣтъ?

Нада вздрогнула отъ неожиданности и подняла на него глаза.

— Да, скажите мнѣ прямо. Вы знаете, что я васъ люблю больше всего на свѣтѣ. Уйти мнѣ или нѣтъ? Будешь-ли ты моею, Нада?

Надю ошеломилъ этотъ неожиданный приступъ.

Она встала блѣдная, но рѣшительная, и, не задумываясь, протянула руку Суровцову.

— Я ваша, вы знаете. Я давно ваша, прошептала она.

— Моя, о да, моя! Я давно знаю, что моя! Развѣ я смѣлъ-бы придти, если-бы не прочелъ въ твоихъ добрыхъ глазахъ, что

ты моя, что я твой! говорилъ въ восхищеніи Суровцовъ, покрывая жаркими поцѣлуями руки Нади.

— Оставьте мои руки! Зачѣмъ? сказала Нада, освобождая свои руки.

Она вдругъ приблизила къ Суровцову свое воспламенившееся личико и поцѣловала его прямо въ губы долгимъ, горячимъ поцѣлуемъ.

— Я люблю тебя и буду любить навѣки! прошептала она.

— Когда горячка жгла меня на твоей постелькѣ, Нада, ты мнѣ представлялась въ бреду ангеломъ, вѣявшимъ на меня, сказалъ Суровцовъ. — Но когда я приходилъ въ себя, мнѣ чудилось, что ты уже моя, что мы живемъ вмѣстѣ и никогда больше не разстанемся. Я-бы не перенесъ разочарованія. Я слишкомъ увѣровалъ въ свою мечту. Спасибо тебѣ, моя жизнь. мое спасенье, моя Нада!

Со слезами счастья на глазахъ, съ улыбкой счастья на полуоткрытыхъ губахъ, слегка ссохшихся отъ внутренняго жару, вслушивалась Нада въ восторженные ласки и страстные слова своего Анатоля. Сердце ея трепетало безмолвною жаждою броситься на встрѣчу искавшей его любви и отдаться ей всецѣло, навсегда, безъ раздумья и сомнѣній. Но это знало одно только сердце ея, и уста еще не умѣли перевести языкъ сердца на языкъ словъ.

— Анатолий Николаевичъ, сказала она тихо, но твердо, вся сіяя счастьемъ и смотря прямо на него своимъ непорочнымъ взглядомъ. — Правда вѣдь, мы съ вами пара? Вамъ сколько лѣтъ? двадцать восемь?

— Двадцать восемь, моя радость; а тебѣ восемнадцать?

— Мнѣ восемнадцать; какъ разъ пара. Мы оба небогаты; вы меня любите, и я васъ люблю; вы — профессоръ, ученый; а я... — Нада замаялась, съ улыбкой дѣтскаго смущенія; — я глупенькая деревенская дѣвушка! добавила она, краснѣя, и разсмѣялась самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Для меня ты мудрѣе мудрецовъ, моя красота! увлеченно говорилъ Суровцовъ, цѣлуя Надю. — Ты мой профессоръ правды, доброты и любви; ты все на свѣтѣ знаешь лучше всѣхъ академій въ мірѣ, потому что все, что ты знаешь и чувствуешь, — святая правда. Не даромъ тебя зовутъ дома Правда Трофимовна. Я учусь у тебя и всегда буду учиться. То, что я знаю, и за что меня

считаютъ ученымъ, не стоитъ яичной скорлупы сравнительно съ тѣмъ, чему я научаюсь отъ тебя, моя чудесная дѣвочка!

— Такъ вы не будете презирать меня за мое невѣжество? Вы будете любить свою маленькую дурочку? нѣжно шептала Надя, ластясь къ плечу Суровцова. — Ты будешь учить меня? продолжала она своимъ теплымъ тономъ, проникавшимъ въ душу. — Ты научишь меня всему, что самъ знаешь. А ты такъ много, много знаешь. Я никого не видала умнѣ тебя, благороднѣе тебя, красивѣе тебя! прибавила Надя стихшимъ голосомъ, въ сердечной нѣгѣ опуская свою головку на грудь Суровцова, который покрывалъ поцѣлуями ея глазки, щечки и губки.

— Наша свадьба должна быть не раньше, какъ черезъ годъ, Анатолій, сказала Надя, освобождаясь отъ объятий Суровцова, — и непремѣнно весною. Я хочу, чтобъ кругомъ насъ все было весело и полно жизни. Зимю надо хоронить людей, а весною вѣнчаться.

— Черезъ годъ—это ужасно! говорилъ Суровцовъ. — Отчего-же не черезъ мѣсяць, не теперь-же? Мы оба свободны. Трофимъ Ивановичъ не станетъ намъ мѣшать.

— Нѣтъ, нѣтъ, Анатолій; ты долженъ исполнить мое желаніе. Я ни за что не соглашусь вѣнчаться ранѣе года, ранѣе будущей весны, настаивала Надя. — Мы живемъ почти въ одной деревнѣ, будемъ ежедневно видѣться, будемъ еще ближе другъ къ другу. Зачѣмъ спѣшить? Развѣ тебѣ непріятно называть меня своей невѣстой? Развѣ тебѣ не все равно? закончила Надя, вставая во весь ростъ и удивленно смотря на Суровцова.

Она стояла передъ нимъ во всемъ блескѣ своей молодой красоты и своей первой любви, съ влажными огнями въ черныхъ глазахъ, съ горячимъ румянцемъ на щекахъ, съ темными прядями косъ, выбившихся на плеча, освѣщенная съ ногъ до головы яркимъ лучемъ солнца.

— Слышишь, я теперь твоя невѣста! повторила она громко и весело.

— Моя невѣста, моя царица! страстно шепталъ Суровцовъ, любуясь ея непобѣдимую красотой, и не въ силахъ противорѣчить ей. — Пусть все будетъ такъ, какъ ты хочешь! Я буду ждать тебя цѣлый годъ, цѣлые годы.

Они пошли по большой алеѣ къ дому.

Надя шла, словно ее поднимали крылья, торжественно, смѣло весело. Кругомъ нея былъ рай, и въ далекихъ горизонтахъ будущаго она не видѣла ничего, кромѣ безоблачнаго счастія. Ни тѣни опасенія, ни тѣни внутренняго упрека за рѣшительный шагъ, который она сейчасъ сдѣлала одна, безъ совѣта и опоры близкихъ — не оставалось на ее дѣвственно-чистой, дѣвственно-довѣрчивой душѣ. Она будто плыла теперь въ волнахъ какого-то радужнаго ласковаго моря, легко и отрадно, какъ въ своихъ дѣтскихъ снахъ, и не замѣчала ни сада, по которому шла, ни дома къ которому приближалась. Только радостно бьющееся сердце чуяло рядомъ съ собою присутствіе какой-то необходимой ему могучей и милой силы, на руки которой оно теперь всецѣло отдалось.

— У насъ не будетъ много дѣтей, Анатолій, сказала вдругъ Надя, спокойно оборачиваясь къ Суровцову. — Со многими, пожалуй, не справимся: — трудно; я думаю, не больше трехъ; и не меньше однако, прибавила она съ дѣтскимъ смѣхомъ. — Одна дѣвочка и два мальчика.

Суровцовъ расхохотался отъ всей души.

— Хорошо, хорошо, твердилъ онъ, сквозь радостный смѣхъ. — Непремѣнно одна дѣвочка и два мальчика; я думаю, этого, дѣйствительно довольно.

— А меньше не хорошо, продолжала Надя. — Дѣвочка будетъ постоянно при мнѣ, а мальчику будетъ одному скучно. Мы непременно назовемъ нашу дочку Варю, въ честь моей милой Вари. она моя любимая сестра. А старшаго сына назовемъ, какъ-бы ты думалъ?

Надя съ лукавою улыбкою смотрѣла на Суровцова.

— Старшаго? серьезно спросилъ Анатолій Николаевичъ, съ восхищеніемъ участвовавшій въ этой ребяческой болтовнѣ. — Вѣроятно, въ честь Трофима Ивановича?

— О, нѣтъ, нѣтъ! это гадкое имя — Трофимъ; папа будетъ крестнымъ отцомъ, а назовемъ мы его — Анатолиемъ! торжественно заключила Надя.

— Непремѣнно Анатолиемъ! съ одушевленіемъ подхватилъ Суровцовъ.

Они уже вошли въ цвѣтникъ передъ домомъ и собирались подниматься на балконъ, освѣщенный густыми шпалерами разноцвѣтныхъ ипомей.

Надя вдругъ остановилась на послѣдней ступенькѣ и спросила, обратившись къ Суровцову.

— А ты знаешь, Анатолій, я всегда была увѣрена, что я буду твоею женою, а ты моимъ мужемъ.

— Всегда? повторилъ Суровцовъ, растерявшійся отъ такой откровенности.

— Да, всегда; съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла тебя, увѣренно подтвердила Надя.

У Суровцова забилося радостью сердце.

— Значить, ты не глупая дѣвочка, какъ ты себя называешь, а умница-разумница! сказалъ онъ, улыбаясь; — и, значить, ты должна мнѣ позволить расцѣловать твои чудесные пальчики!

— Цѣлуй меня такъ! сказала Надя, обнимая его голову. — Вѣдь я теперь твоя? Вѣдь я теперь совсѣмъ принадлежу тебѣ.

Она стала подниматься наверхъ съ легкостью ребенка, а Суровцовъ пошелъ къ калиткѣ, что-бы войти со двора. Отъ этого откровеннаго поцѣлуя и отъ этихъ простыхъ словъ его молодая кровь ходенемъ заходила по всѣмъ жиламъ, словно лихорадка забила его.

Ни одна кокетка въ мирѣ не можетъ быть такъ страшна, какъ прекрасная, чистая дѣвушка, неподозрѣвающая своихъ собственныхъ чаръ.

Въ залѣ Суровцова встрѣтила Варя съ видомъ участія.

— Что съ вами, Анатолій Николаевичъ, вы перепугались чего-то? Вы дрожите?

— Нѣтъ, ничего. Видно, еще не оправился совсѣмъ, не вынесъ верховой ѣзды. Бьенье сердца маленькое, это со мною бываетъ. . . сейчасъ и пройдетъ.

XI.

Рыба въ водѣ.

Жила Лидочка, какъ рыба въ вольной водѣ, очутившись въ Крутогорскѣ; два раза въ недѣлю благородныя собранія — въ четвергъ подъ заглавиемъ семейнаго вечера, въ воскресенье — „настоящее собраніе“. Всякое утро визиты. Всякій обѣдъ кто-ни-

будь или у кого-нибудь. Случныхъ одинокихъ вечеровъ, когда слышишь только стрекотню m-Me Трюшэ, да монотонную команду миссъ Гукъ,—уже нѣтъ больше! Напротивъ, теперь Лидочка не дожидается вечера! Только стоитъ зажечь лампы въ гостиной, диванной и залѣ,—сейчасъ и звонки! Какъ мотыльки слетаются на огонь праздные кавалеры Крутогорска. Лидочка только угадываетъ, кто прежде войдетъ, по удару звонка, по шагамъ, по разнымъ соображеніямъ. О, она давно знаетъ, кто можетъ и кто долженъ придти. И что за міръ открылся вдругъ кругомъ очарованной Лидочки. Такъ много, и всѣ такіе милые, такіе интересные молодые люди! Лидочка даже не знаетъ, кто изъ нихъ интереснѣе. Очень изященъ брюнетъ-инженеръ съ хорошенькимъ серебрянымъ знакомъ на груди; необыкновенно любезенъ адъютантъ драгунскаго полка, квартирующаго въ Крутогорскѣ; адвокатъ Прохоровъ удивительно остеръ и занимателенъ; молодой чиновникъ особыхъ порученій не очень, правда, краснорѣчивъ, но за то, какъ одѣтъ и какъ прилично держитъ себя! Лидочка уже не говорила о своихъ старыхъ кавалерахъ — о Протасьевѣ, Овчинниковѣ. Тутъ и новыхъ-то цѣлая толпа! счесть трудно. Лида просто не знаетъ, откуда время взять: всякій часъ занятъ и все мало. Едва раскроетъ глаза послѣ утомительной ночи, — едва одѣнется, уже начались визиты. Лидѣ не приходилось ложиться спать раньше двухъ часовъ и, конечно, не приходилось вставать ранѣе десяти. Два часа на туалетъ, на утренній кофе, — а въ 12 часовъ уже поднимается любезная сердцу Лиды музыка звонковъ.

Весь крутогорскій beau-monde толпился въ гостинной Татьяны Сергѣевны. Лидочка сразу стала царицею крутогорскаго свѣта. Съ нею никто не могъ и не пресобавалъ соперничать. Когда она появилась въ Крутогорскѣ, все само собою обратилось къ ней. Другого исхода быть не могло—это для всѣхъ казалось несомнѣннымъ. Солнце взошло и стало центромъ своего міра. Эта роль владычицы открыли Лиду. Очарованье ея разрасталось все непобѣдимѣе. Съ каждымъ днемъ она становилась самовѣреннѣе, граціознѣе и любезнѣе. Молодое тѣло ея роскошно разцвѣтало въ атмосферѣ беззаботной вѣги и юношескаго веселья. Лида еще не успѣла утомить и иссушить своего организма вѣчнымъ угаромъ искусственной гостинной жизни и бросалась въ него со всѣмъ увле-

ченіемъ институтки, передъ которой неожиданно открылся невѣдомый міръ соблазновъ.

Крутогорскія барышни, съ 15 лѣтъ губившія себя безсонницами вечеровъ и убивающею пустотою визитной жизни, казались давно поблекшими, захилѣвшими цвѣточками передъ деревенскою свѣжестью этихъ непочатыхъ силъ. Всѣ давно приглядѣлись, прислушались, приноровились къ нимъ. Онѣ были извѣстны насквозь каждому кавалеру—отъ мимолетной мины лица, отъ малѣйшаго разсчитаннаго взгляда, до фасона и колера платьевъ, до послѣдняго слова, которое онѣ могли сказать. Онѣ мало кого интересовали, какъ знакомый пейзажъ, который каждый день видишь въ свое окно. Впрочемъ, Лидочка такъ могущественно повернула отъ нихъ праздную толпу мужчинъ не одной новостью своего появленія. Ни въ комъ изъ этихъ измятыхъ, давно пережеванныхъ губернскихъ барышень не было такого опьяняющаго другихъ увлеченія, какъ у Лидочки. Не однѣ женщины, мужчины тоже требуютъ власти и силы; цѣлыя народы неудержимо стремятся по мановенію духа, который умѣетъ повелѣвать. Лидочка съ такою страстной жадностью, съ такою дерзкой настойчивостью искала шума жизни, что непобѣдимо овладѣла толпою и смѣло повела ее за собой. До сихъ поръ вѣчная баловница судьбы, она баловалась съ роемъ своихъ поклонниковъ, какъ хорошенькій шаловливый котенокъ, исполняясь невыразимою граціею позъ и движеній въ тѣ самыя минуты, когда изъ нѣжной бархатистой лапки его незамѣтно вонзаются твердые, какъ сталь, и острые, какъ булавки, злые коготки... Мужчины думали, что Лидочка сладострастна, какъ гречавка, но это была грубая ошибка. У Лидочки была только одна страсть—царить надъ всѣми, преклонять передъ собой всѣхъ: соперницъ, вздыхателей, публику. Блескъ, шумъ, движеніе—вотъ куда звало ее, безъ чего она не могла представить себѣ жизни, какъ рыба не можетъ жить безъ воды. Она мечтала о любви не изъ потребности теплаго и глубокаго ощущенія, не изъ стремленія слиться въ одно съ другою милою душою, всецѣло отдать себя ей, всецѣло поглотить ее въ себя. Даже ея тѣло инстинктомъ боялось любви и враждебно сторонилось отъ нея. Огонь Лидочки былъ слишкомъ подвиженъ и холоденъ. Она ужасалась жертвъ, страданія, обязанностей, а еще болѣе ужасалась потери своей молодости и красоты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ее влекло

къ любви непобѣдимое любопытство, непобѣдимая потребность разнообразія и беззавѣтной свободы въ удовольствіяхъ жизни. Этотъ внутренній холодъ Лиды, скрытый подъ огнемъ внѣшняго увлеченія, дѣлалъ ее страшною для самыхъ стойкихъ натуръ. Въ сущности, она всегда владѣла собою, какъ опытный предводитель рати, а другимъ она постоянно казалась увлеченною до безумія, до самозабвенія; эта кажущаяся непосредственность и наивность Лиды, это страстное упореніе неопытнаго и неосторожнаго ребенка больше всего очаровывало мужчинъ. У нихъ захватывало духъ отъ восхищенія, отъ любопытства, отъ нѣкотораго ужаса. Всякій шагъ, всякое слово Лиды были новостью. Отъ нея можно было ждать всего, на что никто никогда не осмѣливался разсчитывать. Она попирала своими рѣзвыми и смѣлыми ножками самые священные обычай и доктрины Крутогорска, какъ-будто не видѣла ихъ и видѣть не хотѣла. Она, съ обворожительнымъ легкомысліемъ ребенка, играла надъ такими пропастями, къ которымъ боялись приблизиться наиболѣе храбрые. И ей все сходило съ рукъ и всѣ восторгались этою безпечною дерзостью Лиды и шли за нею, любуясь, изумляясь, напряженно ожидая, чѣмъ это кончится, что она еще выдумаетъ, куда еще поведетъ обвороженную толпу. Лида совершенно измѣнила жизнь Крутогорска. Никогда роскошь въ немъ не достигала такихъ размѣровъ; никогда не помнили въ немъ столько веселыхъ и оригинальныхъ затѣй. Спектакли любителей, живыя картины, загородныя поѣздки, катанья по городу, игры цѣлымъ обществомъ, балы, маскарады самаго разнообразнаго характера шли непрерывной чередой всю зиму. Назначались не только вечера, но и дни съ танцами. Каждый день недѣли захваченъ былъ, по крайней мѣрѣ, двумя домами и конкуренція этихъ jousts fixes достигала до ожесточенья. Крутогорскъ просто взбѣсился. Всѣ лѣзли изъ кожи, чтобъ не отстать отъ другихъ; солидные хозяева увлекались, какъ юноши, старыя матроны выворачивали весь домъ на изнанку, чтобъ не упасть лицомъ въ грязь, чтобъ ихъ невѣсты могли показаться публикѣ въ томъ именно свѣтѣ, котораго не было у нихъ. Можно было подумать со стороны, что на Крутогорскъ упала съ неба золотая манна, что въ карманы черноземнаго пошѣщива дала съ черноземныхъ полей неистощимая рѣка рублевиковъ. А между тѣмъ дѣла этихъ тароватыхъ господъ были далеко не цвѣтуція. Урожай, правда,

былъ полный, но сбыть хлѣба былъ запертъ, словно пробкомъ; его нѣкуда не потребовали ни къ себѣ, ни за границу. Бушцы покупали нехотя и за полъ-цѣны, въ видѣ любезности.

Поземельный банкъ печаталъ въ газетахъ безконечные столбцы объявленій о просрочкѣ и продажѣ самыхъ знаменитыхъ имѣній Крутогорска; а тѣ, кто еще не попалъ въ эти столбцы, спѣшили закладывать въ банкъ все, что у нихъ не было заложено. Напротивъ того, агенты банковъ стали торговать себѣ дома и имѣнія, такъ хорошо пошли ихъ дѣла. Гробовщикамъ нѣтъ особеннаго горя, когда эпидемія истребляетъ жителей. Прежде всѣхъ настоящая роскошь бѣднаго губернскаго города Крутогорска отозвалась на Татьянѣ Сергѣевнѣ. Уже на второй мѣсяцъ стало ясно, что скромная квартира, которою Татьяна Сергѣевна думала сначала обмануть обстоятельства и крутогорскую публику, сдѣлалась невозможною.

Самыя горячія фантазіи Татьяны Сергѣевны не могли предвидѣть того сказочнаго обаянья, которое произвела на Крутогорскъ ея Лидочка. Никогда не сбывавшій приливъ крутогорскаго бомонда въ гостиной Татьяны Сергѣевны привелъ добрую генеральшу въ жестокое смущеніе. Всѣ недостатки ея обстановки всплыли теперь передъ ея строгимъ свѣтскимъ судомъ, какъ масло на воду. Лидочка была въ отчаяніи, когда толпа крутогорскихъ денди, съ молодымъ графомъ Ховеномъ во главѣ, въ первый разъ вышла се проводить до кареты и спасскій вучеръ Африканъ вдругъ торжественно подалъ къ освѣщенному подъѣзду, гдѣ галантный полиціймейстеръ въ одномъ мундирѣ расчищалъ съ жандармами мѣсто для Лидочки, — довольно потертую карету далеко не послѣдняго фасона и далеко не свѣжей обивки, на доморощенныхъ спасскихъ росинантахъ съ овечьими мордами.

— Это ваша карета? съ легкимъ недоумѣніемъ спросилъ при этомъ молодой графъ Ховенъ.

Лидочка покраснѣла до ушей, когда ей пришлось пробормотать при всѣхъ: „да, это наша“. Она никогда не забудетъ этой позорной минуты.

На другой-же день она пристала къ Татьянѣ Сергѣевнѣ, чтобы она выписала изъ Москвы новую двухмѣстную карету и купила хорошую пару лошадей. Карета была немедленно выписана отъ Ильина, а пара рысаковъ сторгована у Овчинникова. Хотя

Овчинниковъ послѣшилъ прислать пару дорогихъ кровныхъ рысачковъ съ самою любезною записочкой, изъ которой было ясно, что онъ желалъ поднести ихъ въ даръ Лидочкѣ, какъ залогъ его нѣжныхъ чувствъ, однако, Татьяна Сергѣевна не сочла удобнымъ объявить объ этомъ Лидѣ въ настоящую минуту и удовольствовалась только тѣмъ, что не заплатила денегъ. Квартира была перемѣнена. За старую уплочены всѣ деньги по контракту, за цѣлый сезонъ до мая мѣсяца, а взята очень парадная, очень дорогая и очень неудобная квартира на самоѣ бойкомѣ мѣстѣ, которую всѣ обѣгали, по причинѣ большой дороговизны и большого неудобства. Но въ разгарѣ зимняго сезона выборъ былъ невозможенъ. Татьяна Сергѣевна до такой степени была проникнута мыслью, что Лидочка переживаетъ свою послѣднюю холостую зиму, что храбро заняла на монтировку новой квартиры и вообще на поправку своей обстановки еще пять тысячъ у Силая Кузьмича къ тѣмъ пятнадцати, которыя она была уже должна ему. За то и удивилась губернская публика изящному вкусу Татьяны Сергѣевны!.. Приѣзжали нарочно любоваться будуаромъ Лидочки и желтою диванною, гдѣ стоялъ Лидинъ рояль. Эта желтая диванная казалась обернутой въ нѣжную турецкую шаль; ковры, обои, занавѣсы, мягкія, низенькія кресла раковинами, диванчики всѣхъ фасоновъ,—все было желтое и все подъ узоръ турецкой шали... Даже матовый фонарь, спускавшійся съ потолка въ видѣ цвѣтка лиліи, былъ желтаго стекла. Даже въ полукруглыя рѣзные окна вставлены были нарочно желтыя стекла, составлявшія красивый восточный узоръ.

Вечеромъ, при свѣтѣ лампъ, глазамъ было больно смотрѣть на эту круглую комнатку, свѣтившуюся и переливавшуюся, какъ скорлупа золотого яйца.

Трофимъ Иванычъ во время выборовъ заѣхалъ къ своей кузинѣ посмотрѣть ея новоселье, навѣстить дѣтокъ. Татьяна Сергѣевна водила его по параднымъ комнатамъ, хвасталась лампами, растеніями, картинами и разными бездѣлушками... Дубоватый кузень долго ходилъ молча вслѣдъ за словоохотливою генеральшею, изрѣдка освѣдомляясь о цѣнахъ и внимательно все разсматривая.

Когда они вошли въ послѣднюю парадную комнату, открытую для публики, въ будуаръ Лиды, и Татьяна Сергѣевна ознакомила

своего неотесаннаго родича со всѣмъ изяществомъ дорогихъ бесполезностей, наполнявшихъ письменный столъ Лиды и полку ея камина, Трофимъ Ивановичъ повернулся всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ къ Татьянѣ Сергѣевнѣ и уставилъ на нее свои бычьи глаза.

— Что скажете, дорогой кузенъ, мастерица я своего дѣла? съ ласковой хвастливостью спросила его генеральша.

— Дура ты, дура!.. Бить тебя никому!.. рывнуль ей въ отвѣтъ своимъ густымъ басомъ Трофимъ Ивановичъ, укоризненно качая головою и оглядывая расписанныя стѣны будуара съ выраженіемъ презрительнаго сожалѣнія.

— Ахъ вы, неисправимый шалунъ! сконфузилась бѣдная генеральша. — Вы до старости лѣтъ остались тѣмъ-же повѣсою, какимъ всегда были, но я не могу на васъ сердиться за эти маленькія *brusqueries*... Я съ дѣтства привыкла къ вашимъ безцеремоннымъ шуткамъ!

— Ей-богу—дура, даромъ-что генеральша. Ты извини меня. Я вѣдь деревенскій человекъ. Съ плеча рублю. Отъ какихъ это такихъ миліоновъ ты кутишь? Вѣдь у тебя трое дѣтей! объ этомъ подумай! Что ты имъ готовишь? фарфоровыя куколки! Не молоденькая, кажется... сѣдой волосъ давно, а посмотрѣть на тебя, какъ ты дѣла дѣлаешь, только плюнешь? дѣвчонка молоденькая и та-бы умнѣе распорядилась... А бабѣ старой—стыдно.

— Не бранитесь, не бранитесь, милый кузенъ, я вѣдь уже знаю вашъ конекъ! старалась шутить генеральша. — Вы видѣли одну сторону медали, надо посмотрѣть и другую. Я далеко не такая транжирка, какъ вамъ кажется. О, я въ этомъ случаѣ ваша сестра. Я сама со скупинкою. Вѣдь это только парадныя комнаты, а мы сами живемъ чрезвычайно скромно... во всемъ себѣ отказываемъ... Вотъ и выходитъ тоже на то. Лиды необходима приличная обстановка. Ей во что-бы ни стало нужно выйти замужъ эту зиму. Вы знаете, добрѣйшій кузенъ, мой дѣла. Намъ нельзя ждать... И я надѣюсь мы не будемъ долго ждать! съ особеннымъ удареніемъ прибавила Татьяна Сергѣевна. — Я надѣюсь, Господь услышитъ мои молитвы... Онъ никогда не оставялъ меня и не лишитъ Лиды заслуженнаго счастья.

— Великое счастье! ворчалъ Трофимъ Ивановичъ, идя вслѣдъ за генеральшею во внутреннія комнаты. — Выйти замужъ за прѣ-

лаго. Вѣдь это не человѣкъ, болячка одна. Простая мужичка и та отъ гнилого бѣжить, а мы, вотъ, превосходительныя, сами на шею вѣшаемся... Срамота!

Генеральша притворилась, что не слыхала разсужденій своего грубача-брата.

— Вотъ видите, милый кузень, тутъ ужъ у насъ не то... Тутъ мы вотъ какъ тѣснямся. Всѣ въ двухъ комнаткахъ... Какъ ни ворчала моя добрѣйшая миссъ Гукъ, я настояла на своемъ и заставила ее спать вмѣстѣ съ дѣтьми и Терезою. *A la guette*, *soitme à la guette*... Или какъ это пословица наша есть... Я такъ люблю эти умныя народныя пословицы: по одежкѣ протягивай ножи.

— Ну что-жь тутъ хорошаго? развѣ это по-дворянски? сердито говорилъ Трофимъ Ивановичъ.—Дѣтямъ спать негдѣ, уроки учить негдѣ, а для гостей—палаты. Есть чѣмъ хвастаться, нечего сказать. Да провались они, всѣ ваши гости, коли для нихъ самому хозяину давиться приходится... Стоило изъ-за этого въ губернію ѣздить, чтобы на старость лѣтъ безъ спальни оставаться! На что, кажется, лучше спасскаго дома? Теплый, просторный, обыкновенно барскій домъ, не у мѣщанина или купчика нанимать! Жила-бы себѣ и гора мало! И денегъ-бы не переводила и держала-бы себя по-дворянски. А кто захочетъ пріѣхать и въ деревню пріѣдетъ... не въ Сибири живешь. Такая-же дорога, какъ и къ городу... Ей-богу дура, какъ я посмотрю на тебя!

Татьяна Сергѣевна съ большимъ удовольствіемъ выпроводила своего брата и молила Бога объ одномъ, чтобы онъ какъ можно рѣже интересовался ея судьбою.

Отношенія съ Овчинниковымъ стали очень скоро совершенно опредѣленныя. Овчинниковъ постоянно терся около Лиды: онъ бывалъ у нея каждый день и бывалъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ она появлялась. Лида съ нимъ почти не говорила. Онъ говорилъ такъ глупо, медленно и напыщенно, что у самаго терпѣливаго человѣка, слушая его, терпѣнье лопалось. А Лида была далеко не изъ терпѣливыхъ. Лида не могла выносить вялыхъ и расквашенныхъ характеровъ. Поэтому въ ея обращеніи съ Овчинниковымъ даже посторонніе замѣчали довольно острую струйку презрѣнія. Рѣшивъ въ глубинѣ своей души, что Овчинниковъ во всякомъ случаѣ ея, что онъ никогда не будетъ въ силахъ возму-

тяться или отшатнуться, Лида этимъ презрительнымъ обращеніемъ словно мстила ему и себѣ за свое позорное рѣшеніе стать его женою.

Она считала дѣло поконченнымъ, потому что этого брака желала мать и потому, что выгоды его были слишкомъ очевидны. Но чѣмъ тверже крѣпло ея намѣреніе, тѣмъ раздражительнѣе относилась она къ этому будущему законному обладателю своему. Его идиотское лицо, съ безцвѣтными оловянными глазами, съ покатымъ заостреннымъ лбомъ, безъ краски и рѣзкихъ очертаній, длинное, какъ дыня, покрытое гадкими угрями, возбуждали въ ней отвращеніе. Она жадно желала его сотенъ тысячъ, его великолѣпнаго дома, его положенія, но его самого она готова была спрятать въ какую-нибудь заднюю комнату и никому не показывать. Уже теперь, еще не ставъ женою Овчинникова, Лидочка предавалась самымъ несбыточнымъ планамъ на счетъ того, какъ она возьметъ его въ руки и будетъ наслаждаться всѣми утѣхами жизни, рассыпая его богатства. Она объѣхала мысленно всѣ столицы Европы въ обществѣ самыхъ обворожительныхъ людей, вездѣ блистая, вездѣ возбуждая поклоненіе. Сердце ея уже теперь настоятельно требовало, чтобы Овчинниковъ дорого расплатился за приносимую ему жертву. Инстинктивно она смотрѣла на него, какъ на своего врага, который хищнически овладѣваетъ ею, и противъ котораго она не въ силахъ устоять. Ея злые замыслы были замысломъ плѣнницы противъ своего господина. Но Татьяна Сергѣевна далеко не такъ спокойно смотрѣла на будущее. Она чувала, хотя и смутно, увлекающуюся натуру Лиды и боялась, что въ вихрѣ свободныхъ столкновеній, Лида вдругъ остановитъ свой выборъ на комъ-нибудь другомъ, болѣе соблазнительномъ для ея молодыхъ инстинктовъ. Между тѣмъ огромное богатство Овчинникова представлялось Татьянѣ Сергѣевнѣ единственною спасительною пристанью, куда долженъ былъ причалить ея рассыпающійся житейскій корабль, съ обезсиленнымъ и оробѣвшимъ кормчимъ. Самую ограниченность и физическое уродство Овчинникова Татьяна Сергѣевна считала надежнымъ залогомъ того, что онъ отдастся безъ борьбы владычеству Лиды и, слѣдовательно, все его состояніе станетъ на дѣлѣ ея состояньемъ, то-есть ихъ состояньемъ. Татьяна Сергѣевна поэтому употребляла всю свою изобрѣтательность, чтобы поскорѣе вызвать Овчинникова на рѣ-

нительное объясненіе, и терялась въ самыхъ тревожныхъ догадкахъ, чего это онъ медлитъ? Холодное и презрительное невниманіе Лиды къ золотому тельцу, которымъ такъ хотѣлось овладѣть бѣдной генеральшѣ, волновало ее жгучими опасеніями. Вотъ, вотъ нитка порвется и все кончено!

— Развѣ можно такъ малтретировать человѣка, отъ котораго зависитъ все наше счастье! говорила иногда съ горькимъ упрекомъ генеральша своей любимицѣ, возвращаясь съ какого-нибудь вечера. — Ты кончишь тѣмъ, что совершенно отгонишь его отъ себя. Вѣдь у всякаго есть свое самолюбіе... Вспомни, что онъ тутъ считается первымъ богачемъ, первымъ женихомъ... Впрямъ-же онъ требуетъ къ себѣ нѣкотораго вниманія... особенно отъ тебя... Онъ тебѣ показываетъ столько преданности! просто чуть не молится на тебя. Вѣдь это всё заигрываютъ, Лиди?.. И ты вдругъ такъ обидно холодна... Не скажешь съ нимъ слова въ цѣлый вечеръ, не помотришь на него ни разу! Онъ-бы и этимъ былъ счастливъ... Ужъ онъ, кажется, такъ мало проситъ. Повѣрь моей материнской опытности, Лиди, ты играешь въ очень опасную игру... не пожалѣть-бы послѣ!..

— Вотъ еще, стану я съ нимъ нѣжничать! съ сердцемъ возражаетъ Лиди.— Повѣрь, мама, я его знаю лучше тебя. Довольно съ него и того, что я буду его женою... Конечно, онъ богатъ. Но, вѣдь, согласишься-же, мама, развѣ можно его сравнить съ другими молодыми людьми?.. Онъ такой противный!

— Лиди, Лиди? что ты это? Богъ съ тобою? краснѣя говорить генеральша, и сердце ея сжимается грустнымъ предчувствіемъ.— Чѣмъ-же онъ противный, помилуй!.. Такой благовоспитанный, такъ мило держать себя.

— Я могу обвѣнчаться съ нимъ, мама, такъ-какъ ты этого желаешь, еще рѣзче продолжала Лиди,—но я не могу съ нимъ любезничать... Онъ такой глупый!..

— Ахъ, Боже мой, Лиди! кто тебѣ внушилъ эти странныя понятія! съ безпокойствомъ останавливаетъ ее Татьяна Сергѣевна, пораженная неожиданною откровенностью Лиды!—Ты знаешь, что всегда много завистниковъ у богатыхъ людей!.. Тебѣ, навѣрное, наговорили на него богъ-знаетъ что, чтобы разстроить вашу партію, которая многимъ здѣсь не по сердцу... И я почти увѣрена, что это...

— Ахъ, мама, какая ты смѣшная! нетерпѣливо вскрикнула Лида.— Ты меня считаешь крошечнымъ ребенкомъ, который самъ ничего не можетъ понять. Боюсь тебѣ — мнѣ никто ничего не говорилъ про Николая Дмитрича! Вѣдь я-же не отказываюсь отъ него, я только говорю то, что вижу. Развѣ, выходя замужъ, нужно быть слѣпой?

— Но вотъ что, Лиди: вѣдь это наше съ тобою предположеніе, что Овчинниковъ женится на тебѣ. До сихъ поръ онъ не говоритъ мнѣ ни слова и очень можетъ быть не говорить оттого, что не увѣренъ въ твоей любви.

— Господи! Въ моей любви! вземѣшливо сказала Лида.— Пожалуйста, мама, избавь меня отъ этихъ объясненій... Скажи ему, что я согласна и больше ничего.

— Да... но это зависитъ отъ тебя, Лидокъ, чтобы онъ спросилъ меня... Время идетъ такъ быстро... А ты знаешь, эти вещи не дѣлаются въ одинъ часъ. Да и кто знаетъ, что можетъ случиться впереди.

Но Лида однако все медлила и не давала Овчинникову ни малѣйшаго повода поспѣшить объясненіемъ, котораго такъ желала Татьяна Сергѣевна. Лидочкѣ было просто жаль себя самой. Какъ ни мало сохранилось въ ней естественныхъ чувствъ, подъ вліяніемъ пустого воспитанія, все-таки молодая натура инстинктивно защищала себя. Лидочка не разъ мечтала о томъ, не лучше-ли бросить Овчинникова и выйдти замужъ за кого-нибудь другого. Развѣ нѣтъ богатыхъ и безъ Овчинникова? Положимъ, онъ богаче всѣхъ, но вѣдь и у другихъ-же есть что-нибудь. Лида долго останавливалась на адвокатѣ Прохоровѣ. Ей сказали, что онъ богатѣе съ каждымъ мѣсяцемъ; она видѣла его изящную обстановку, на масляницѣ, когда компанія молодыхъ дамъ, дѣвицъ и кавалеровъ согласилась сѣхаться на блины въ его холостую квартиру. Прохоровъ превзошелъ себя, угощая свою рѣдкую публику всевозможными деликатесами. За Лидой онъ ухаживалъ такъ настойчиво, что на минуту поколебалъ даже ея рѣшимость. Но, подумавъ, Лида нашла, что остроуміе и манеры Прохорова немножко пахнутъ учителемъ. У него не было той небрежной развязности, той спокойной самоувѣренной свободы въ движеніяхъ и рѣчи, которыя сразу отличаютъ человѣка, воспитавшаго съ дѣтства свои общественныя привычки. Быть адвокатшей тоже не очень льстило

Лидочкѣ. Она представляла себѣ адвокатовъ и нотаріусовъ чѣмъ-то вродѣ старинныхъ приказныхъ и воображала, что человѣкъ порядочнаго дома никогда не унижится до этого званія. Кромѣ того самый способъ наживы адвокатовъ, о которомъ такъ много говорили при Лидѣ, не внушалъ ей особеннаго довѣрія, и казался слишкомъ торговымъ, слишкомъ рискованнымъ. Ея дворянской фантазіи рисовались вполне дворянскія перспективы старинныхъ мѣстностей съ парками и фонтанами, съ огромными селами, въ которыхъ живутъ мужики, вѣчно платящіе барину деньги на все, на что нужно ему. Къ тому-же у Прохорова не было родни; то есть родни было собственно очень много, но Татьяна Сергѣевна отзывалась о ней въ такихъ презрительныхъ выраженіяхъ, что лучше-бы ее вовсе не знать.

— Все это de la roture, говорила она Лидѣ. — Поповны, становые пристава и разная *canaille terrestre*. А у Овчинниковыхъ такое прекрасное родство: Буйносовы, Переверзьевы, всѣ наши старинные дворянскіе роды. Ты знаешь, князь Сабуровъ двоюродный братъ покойной Анны Никитишны.

Возможность имѣть тетушкой попадью или вдову квартальнаго надзирателя разрѣшила всѣ сомнѣнія Лиды. Она почувствовала, что этого никогда не можетъ быть, и самымъ храбрымъ образомъ стала послѣ этого встрѣчать любезности своего адвоката.

Вообще въ душѣ Лиды происходило гораздо болѣе борьбы, чѣмъ-бы можно было думать, смотря на ея беззаботное веселье. Вокругъ нея стояло столько интересныхъ людей, что она терялась въ выборѣ, кто ей больше по вкусу. Практическій выборъ былъ рѣшенъ, но сердце Лиды позволяло себѣ бесплодное баловство—этого идеальнаго выбора. Въ деревнѣ Лида больше всего цѣнила Протасьева; она и теперь сохранила къ нему расположеніе; но онъ ей нѣсколько надоѣлъ и пріѣлся. Лида только въ городѣ почувствовала, что Протасьевъ былъ старъ для нея; прежде она не имѣла объ этомъ предметѣ никакого понятія. Циническая самоувѣренность Протасьева тоже немного возмущала Лиду, хотя она не отличалась ни особенною сентиментальностью, ни излишнею щекотливостью, но все-же ждала отъ мужчины болѣе нѣжности и уваженія. Протасьевъ никогда ничему не удивлялся; Лида прощала ему это и даже находила въ этомъ признакъ ума и великосвѣтскости; но она не прощала ему, зачѣмъ онъ такъ мало удивлялся

ей самой, зачѣмъ онъ смѣлъ сохранять тотъ-же тонъ наглої насмѣшливости, ухаживая за нею. Протасьевъ кромѣ того былъ слишкомъ давно извѣстенъ Лидѣ и не возбуждалъ болѣе ея любопытства. Чиновникъ особыхъ порученій Бобриковъ состоялъ въ числѣ официальныхъ львовъ города Крутогорска и принималъ за личное себѣ оскорбленіе, за злоумышленный перебой своей лавочки, всякое появленіе на крутогорскомъ горизонтѣ иного льва, изъ квартирующаго-ли полка или наѣзжаго изъ столицъ; особенно онъ оскорблялся, если новый левъ, на которыхъ жительницы Крутогорска были всегда необыкновенно падки, овладѣвалъ командою на балахъ дворянскаго собранія. Въ этомъ отношеніи онъ больше всего трепеталъ гвардейцевъ, которые отбивали у него маршальскій жезлъ танцевъ съ такою откровенною самоувѣренностью, какъ будто они не допускали и мысли, что въ городѣ Крутогорскѣ могъ быть кто-нибудь достойный этого жезла, кромѣ ихъ, гвардейцевъ. Они такъ громко топали каблуками, звенѣли шпорами, били въ ладоши, такъ безцеремонно рвали за руки дамъ и крутили ихъ вокругъ себя, такъ самонадѣянно вскрикивали на чистомъ французскомъ нарѣчій свое: „grand rond, chaine, chaine“, что доморощенный крутогорскій левъ, во временной отставкѣ, готовъ былъ провалиться съвозъ землю и отъ людской неблагодарности, и оттого, что ему не дался хорошій французскій выговоръ, и оттого, что чиновники особыхъ порученій носятъ жалкіе фраки съ хвостами, вмѣсто яркихъ мундировъ и звенящихъ шпоръ. Крутогорскій левъ не столько изъ внутренней потребности, сколько изъ сознанія своего официального долга, счелъ необходимымъ стать въ первые ряды Лидиныхъ поклонниковъ. Его приличный фракъ и его декоративная фигура появлялась всюду, гдѣ появлялась Лидочка. Лида смотрѣла на этого исполнительнаго кавалера, какъ смотрятъ генеральши на своихъ адъютантовъ, то есть считала его любезности обязательными атрибутами его званія, поэтому распоряжалась имъ, нисколько не стѣсняясь и не предполагая въ официальномъ губернскомъ левѣ никакихъ личныхъ притязаній на ея персону.

Нѣкоторое сердечное беспокойство вызывалъ въ Лидочкѣ молодой графъ Ховень, который, несмотря на свою молодость, уже былъ помощникомъ главнаго крутогорскаго администратора. Это былъ чистокровный лифляндскій аристократъ, съ огромными свя-

зани и огромнымъ майоратомъ. Его уже теперь прочили въ Петербургъ на важную государственную должность и только для порядка и приличія послали на нѣсколько короткихъ годиковъ пройти мѣстную административную мудрость. Лиду съ перваго дня знакомства поразило изящество молодого графа. Она сразу, словно по врожденному чувству, узнавала людей большого свѣта. Графъ былъ отлично образованъ и полонъ талантовъ. Въ дѣлѣ спорта ему не было равнаго: въ его присутствіи даже Протасьевъ не совѣмъ увѣренно толковалъ о вопросахъ кухни или погреба. Когда онъ провожалъ Лиду верхомъ на своей гнѣдой англійской лошади, безъ чепрака, съ сѣдломъ въ чайное блюдечко — толпа развѣвала на него ротъ. Библіотека была увѣшана картинами его собственной кисти. На виолончели онъ игралъ мастерски, а садоводъ былъ такой, что собственноручно вывелъ нѣсколько новыхъ разновидностей растеній. Домъ его даже зимою былъ сплошною корзинкой самыхъ рѣдкихъ и красивыхъ цвѣтовъ. Несмотря на свою молодость и изящную мягкость обращенія, графъ Ховенъ былъ настойчивъ и точенъ, какъ англійская машинка. Его всегда видѣли верхомъ въ одинъ и тотъ-же часъ, передъ позднимъ обѣдомъ. Всякое утро его можно было застать въ саду, въ безупречномъ костюмѣ европейскаго буржуа, обрѣзывающаго собственными руками деревья и цвѣты. Ни для какого посѣтителя, какъ-бы ни былъ онъ важенъ, не перемѣнялъ молодой графъ своихъ обычаевъ. Домъ его былъ отдѣланъ безъ особенной роскоши, но съ необыкновеннымъ вкусомъ, приличіемъ и удобствомъ. Прислуги было немного, но вся отличная, а столъ отличался иногда такою своеобразною простотою, что люди, привыкшіе къ классическому шаблону парадныхъ обѣдовъ, просто глазамъ своимъ не вѣрили. Графъ Ховенъ въ первый разъ встрѣтилъ Лиду на вечерѣ у губернскаго предводителя. Онъ былъ представленъ ей и съ тѣхъ поръ не пропускалъ почти дня, чтобы не видѣть Лиды. Графъ былъ женатъ, но жены его никто въ Крутогорскѣ не зналъ. Самъ графъ объяснялъ, что она воспитывала въ Лозаннѣ своихъ дочерей, а крутогорцы увѣрили, неизвѣстно изъ какого источника, что жена бросила графа уже лѣтъ шесть тому назадъ и что графъ Ховенъ извѣстенъ въ Петербургѣ за неисправимаго Донъ-Жуана. Сравнивая въ своемъ умѣ Протасьева съ графомъ Ховеномъ, Лида въ первый разъ почувствовала всю разницу между пресыщеннымъ ци-

низмомъ трактирнаго фата и утонченнымъ изяществомъ настоящаго благовоспитаннаго человѣка. Настойчивое вниманіе графа Ховена, полное сдержанной нѣжности и уваженія, отуманило голову Лиды. Она ясно видѣла, что графъ Ховенъ не человѣкъ Крутогорска, что онъ гость изъ давно соблазнявшаго ее міра. Ея самолюбіе трепетало отъ восторга. До этой поры графъ не обращалъ вниманія ни на кого; онъ почти не участвовалъ въ общественной жизни Крутогорска и держалъ себя исключительно на служебной ногѣ. Но съ появленіемъ Лиды, молодого графа нельзя было узнать. Крутогорскія маменьки и дочки съ злорадствомъ и завистью сплетничали промежь себя объ этой переměнѣ. Графъ принялъ въ свои руки организацію общественныхъ увеселеній и поставилъ ихъ на такую ногу, о которой Крутогорскъ не имѣлъ прежде никакого понятія. Все дѣлалось по фантазіи Лиды и по планамъ графа.

Старый генераль, управлявшій судьбами крутогорской области, былъ необыкновенно доволенъ, что нашелся человѣкъ, который взялъ на свои плеча ненавистную обузу забавлять общество. Старикъ нѣсколько разъ слышалъ отъ своего начальства, что одна изъ главныхъ обязанностей мѣстнаго вождя — успокаивать общественное настроеніе забавами разнаго рода, безъ которыхъ неминуемо поднимутся разныя смуты и свары; однако, по солдатской суровости своего нрава, онъ чувствовалъ себя рѣшительно неспособнымъ къ собственноручному насажденію веселія среди крутогорскаго общества. Эти занятія никакъ не мирились съ его убѣжденіемъ, что начальникъ нигдѣ не перестаетъ быть начальникомъ; онъ продолжалъ чувствовать себя градоправителемъ и въ чужой гостинной, и на улицѣ, и въ ложѣ театра, увѣренный, что его начальству подлежатъ не только чиновники правленія или канцелярія, но и дамы, и дѣти, и совсѣмъ независимые люди, жившіе въ предѣлахъ крутогорской области. Крутогорскіе жители называли промежь себя своего стараго градоправителя „дѣдушкой“ и боялись его такъ-же искренно, какъ школьники боятся строгаго надзирателя. Дѣйствительно, „дѣдушка“ неспособенъ былъ внушить никакихъ легкомысленныхъ отношеній къ себѣ. Онъ сидѣлъ на своемъ „столѣ“ около двадцати-пяти лѣтъ и такъ привыкъ приказывать и наказывать, что даже во время прогулокъ — этомъ невинномъ отдыхѣ для всѣхъ другихъ смертныхъ, — постоянно искалъ глазами: что-бы такое приказать или кого-бы это и за что-бы это

наказать. Весь городъ зналъ, когда „дѣдушка“ выходитъ прогуляться. Онъ шель обыкновенно въ своемъ старенькомъ генеральскомъ пальто съ красною выпушкою, слегка согнувшись своимъ изсохшимъ, но еще крѣпкимъ корпусомъ и его круглые, металлическіе глаза съ какой-то жесткою и самоувѣренной възыскательностью глядѣли изъ густой поросли воинственныхъ усомъ и бакенбардъ, бѣлыхъ, какъ серебро; голова „дѣдушки“ вообще напоминала пушистую голову тѣхъ властительныхъ хищныхъ звѣрей съ неуловимымъ взглядомъ, которыя вселяютъ ужасъ цѣлымъ стадамъ робкихъ тварей и которымъ Каульбахъ, въ своей гениальной сатирѣ Рейнеке-лиса, съ такимъ поразительнымъ мастерствомъ, придавъ людской обликъ.

Въ трехъ шагахъ сзади „дѣдушки“ неизмѣнно пагалъ во время этихъ прогулокъ высокій подполковникъ нѣмецъ, обреченный быть полиціймейстеромъ города Крутогорска и терпѣливо несшій свой крестъ подъ гнетомъ огромной семьи. „Дѣдушка“ только изрѣдка, неповорачивая головы, дѣлалъ полиціймейстеру грозныя замѣчанія о кучѣ навоза на улицѣ, о разбитомъ фонарномъ стеклѣ и о другихъ безпорядкахъ, встрѣчавшихся ему на пути, и бѣдный подполковникъ, согнувшись въ сторону своего грознаго барина, съ рубою у козырька, безропотно выслушивалъ его грубыя ругательства, а купцы у лавокъ, прохожіе и проѣзжіе, въ паническомъ страхѣ вставали, останавливались и смотрѣли на шествіе своего суроваго хозяина, снимая шапки и отвѣщая поклоны.

— Опять полиційейстера изругать! скажетъ купецъ.—Самого за метлу хотѣлъ поставить. За соръ разсердился. Чудной! Куды-же дѣвать-то его?

— Начальство, нельзя-жъ! благоговѣнно замѣтитъ другой купецъ.—Порядокъ наблюдаетъ.

„Дѣдушка“ не считалъ себя обязаннымъ отвѣчать на всѣ поклоны встрѣчавшихся ему. У него на этотъ счетъ существовалъ очень твердый, хотя и довольно оригинальный обычай. На привѣтствія простого народа, купцовъ и мѣщанъ онъ вовсе не отвѣчалъ и даже не смотрѣлъ на нихъ. На мелкаго чиновника онъ уже смотрѣлъ, не мигая впрочемъ ни однимъ глазомъ, въ видѣ привѣта. Остальнымъ онъ отвѣчалъ по-военному, посредствомъ пальцевъ, съ соблюденіемъ строгой постепенности—по чинамъ и званіямъ. Это былъ большой почетъ со сто-

роны грознаго „дѣдушки“, была, такъ сказать, высшая степень любезности, если онъ удостоивалъ кого-нибудь приложеніемъ пальцевъ къ фуражкѣ. Большинство даже довольно крупнаго чиновнаго люда никогда не могло дожидаться этой милости. Палецъ „дѣдушки“ начиналъ свои привѣтствія съ уровня кармана, у котораго пребывала его правая рука. Приподымется легонько въ воздухъ въ отвѣтъ на поклонны—и довольно. Для болѣе значительныхъ палецъ поднимался выше, до нижней пуговицы, до средней, выше плеча, и т. д., словно „дѣдушка“ этою послѣдовательностію поднятія своего перста хотѣлъ наглядно показать привѣтствователямъ своимъ—на какой ступени общественной іерархіи они находятся въ его мнѣніи.

Понятно, какое смущеніе производило въ крутогорской публикѣ появленіе „дѣдушки“ въ общественныхъ увеселеніяхъ. Высокій полиціймейстеръ торопливо вбѣгалъ передъ нимъ не только въ соборъ—расталкивать народъ, но даже на балъ—расталкивать танцующихъ. Дамы вставали съ своихъ мѣстъ привѣтствовать хотя издали суроваго правителя, пары танцующихъ старательно исчезали съ его пути и нерѣдко распорядитель танцевъ даже давалъ безпокойный сигналъ музыкѣ—прекратить игру въ самомъ разгарѣ танца, такъ-какъ „дѣдушка“ могъ сказать кому-нибудь что-нибудь такое, чего нельзя было услышать за громомъ оркестра. „Дѣдушка“ самъ чувствовалъ все неудобство своего положенія въ средѣ веселящейся частной публики, гдѣ онъ поднималъ такую-же тревогу, какъ мрачный коршунъ, внезапно залетѣвшій въ стаю шаловливыхъ воробьевъ, невинно чирикающихъ и снующихъ по воздуху. Поэтому „дѣдушка“, нетеряя долго времени, усаживался за зеленый столъ, куда ему заранѣе подготавливали крупныхъ игроковъ, и гдѣ онъ всласть могъ острить, гнѣваться и браниться, не встрѣчая въ отвѣтъ ничего, кромѣ заискивающихъ улыбокъ. Но и за зеленымъ столомъ, поглощенный картами, дѣдушка не переставалъ быть во всѣхъ сердцахъ, во всѣхъ очахъ веселящейся публики. Смѣхъ, говоръ, шутки, даже самый шумъ шаговъ нѣсколько стихалъ въ его присутствіи. Даже капельмейстеръ невольно сдерживалъ увлеченіе своего оркестра, и на далекое разстояніе вокругъ опаснаго зеленого стола, у котораго свѣтилась круглая, словно изъ серебра отлитая, всѣмъ давно знакомая голова,—оста-

важось пустое мѣсто, по которому не смѣли ни танцевать, ни ходить.

За то съ какою дѣтскою радостію бились сердца пляшущихъ крутогорцевъ, когда раздавался наконецъ нетерпѣливо ожидаемый шумъ отодвигаемаго стула, и вслѣдъ за нимъ мѣрный, словно въ землю вбиваемый, шагъ, напоминавшій статую командора въ Донъ-Жуанѣ. Это уходилъ дѣдушка, это былъ сигналъ къ взрыву прежняго шума, прежняго веселья.

„Дѣдушка“ былъ старымъ товарищемъ покойнаго генерала Обухова и частенько приходилъ пѣшкомъ къ Татьянѣ Сергѣевнѣ поиграть въ пикетъ и выпить чашку чая. Какъ ни суровъ былъ его стеклянный взглядъ, а и онъ растаялъ и размягчился подъ впечатлѣніемъ. Лидиною красоты, Лидиною граціи. Въ нѣсколько дней Лида стала вертѣть старикомъ. Она его стала называть „дѣдушкой“, садилась къ нему на колѣни, путала его бакенбарды, густые и жесткіе, какъ у бенгальскаго тигра. Старикъ восхищался проказами Лиды и, по праву дѣда, безцеремонно цѣповалъ ее и въ упругія губки сердечкомъ, и въ нѣжный бархатъ ея щечекъ, и въ душистую соблазнительную шейку, отъ которой вѣяло жаромъ молодой крови. Крутогорскъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы существовала на свѣтѣ сила, способная растрогать кремневое сердце дѣдушки и ни одна изъ побѣдъ Лиды не подняла ее такъ высоко въ глазахъ крутогорской публики, какъ эта побѣда надъ старичкомъ. Протасьевъ назвалъ Лиду „укротительницею звѣрей“ и его воп-шо! было подхвачено и пошло въ ходъ. Черезъ эту побѣду Лида стала полновластною царицею Крутогорска и подполковникъ нѣмецъ, страдавшій въ роли полиціймейстера, чуть не ежедневно являлся въ домъ Обуховыхъ узнать, не будетъ-ли какихъ приказаній отъ Лидочки. А когда Лидѣ захотѣлось разъ устроить катанье тройками въ саняхъ за городъ и не доставало двухъ троекъ, то услужливый полиціймейстеръ, не долго думая, прислалъ ей самыя лучшія тройки пожарной команды съ предложеніемъ кататься на нихъ хоть каждый день, что необыкновенно позабавило Лиду.

Лида портилась не по днямъ, а по часамъ. Все подобострастно смотрѣло ей въ глаза, все ее искало, все восхищалось ею. Капризы ея дѣлались закономъ. Счастье, успѣхъ, наслажденіе—улыбались ей отовсюду, и Лида самымъ искреннимъ образомъ меч-

тала, что жизнь вся состоитъ изъ этого счастья и наслажденій, что она не можетъ и не должна состоять ни изъ чего другого. Трудъ всякаго рода былъ безсмыслицей, неприличіемъ, оскорбленіемъ—въ очарованной сферѣ, гдѣ жила теперь Лида. Даже игра на фортепіано казалась Лидѣ жалкою тратою времени и безплодною скукою. Заѣзжіе артисты играли на концертахъ, прекрасный оркестръ въ бальной залѣ. Зачѣмъ еще нужна ея музыка? Платья шились въ магазинахъ прекрасными модистками, чего нельзя было шить, можно было выписать. Къ чему-жь еще работа своихъ собственныхъ, неумѣлыхъ рукъ, которымъ безъ того недостаетъ времени натягивать и стягивать перчатки, пожимать руки, встрѣчая и прощаясь. Лида думала только о себѣ, но ей казалось, что всѣмъ хорошо такъ-же, какъ ей; хорошо именно потому, что ей хорошо, а это для всѣхъ самое главное. Хорошо Алешѣ, хорошо мисъ Гукъ, хорошо мамѣ. Они всѣ утѣшаются, какъ ей весело, какъ ее любятъ всѣ. Всему Крутогорску хорошо потому, что онъ ее видитъ и любитъ ею; и потому, что такъ весело бѣгутъ для нея зимніе дни, зимнія ночи.

— Ахъ, если-бы можно было никогда не выходить замужъ, мечталось Лидѣ.—Зачѣмъ непременно мужъ? Онъ одинъ, онъ непременно скученъ, притязателенъ, онъ непременно опротивѣетъ мнѣ. Пусть-бы всѣ всегда ухаживали за мною! Они всѣ такъ хороши, внимательны и любезны. Разсержусь на одного—любезничая съ другимъ, другой не нравится, схожусь съ третьимъ. Никто меня не принуждаетъ. А ужъ если мужъ, то такой, какъ графъ Ховенъ. Зачѣмъ онъ женатъ? Овчинниковъ—Богъ знаетъ, что такое. Онъ ужасенъ, онъ отвратителенъ! Неужели графъ Ховенъ бѣднѣе его? Впрочемъ онъ женатъ...

Самыми лучшими минутами жизни для Лиды были минуты ея появленія на балъ. Она являлась всегда поздно, позднѣе другихъ, какъ истинная примадонна. Но Лида опаздывала не по расчету мнимаго приличія, какъ m-me Каншина, а по своей вѣтренности. У ней постоянно была толпа народа и она вырывалась отъ нея только тогда, когда уже начинали съѣзжаться въ собраніе. Лида сердилась, плакала, бранила своихъ кавалеровъ, вѣчно надобѣдающихъ ей,—и поневолѣ опаздывала часа на два. Туалеты Лиды были ослѣпительны: Татьяна Сергѣевна была на-пропалую и ничего не жалѣла для своей любимицы. Ни одного туалета

Лида не надѣла два раза, и ни одного не сдѣлала въ Крутогорскѣ: всѣ были выписаны изъ Петербурга. Когда Лидочка, въ своемъ великолѣпномъ шлейфѣ, высокая, стройная, съ бюстомъ Афродиты Милосской, вся сверкающая весельемъ и молодостью, съ смѣлою, вызывающею улыбкою входила въ наполненный залъ, окруженная суетливымъ роемъ своихъ поклонниковъ, встрѣчавшихъ ее у кареты, — дѣвицы и дамы крутогорскія замирали отъ зависти. Но Лида сама привѣтливо подбѣгала къ знакомымъ дѣвицамъ и тащила ихъ съ собою, болтая, какъ канарейка, обворожительно улыбаясь, находя для каждой слово ласки и маленькой лести. Лида не была дружна ни съ кѣмъ изъ дѣвицъ. Въ сущности онѣ всѣ были ей неинтересны, ненужны и за глаза она безбожно смѣялась надъ ними съ своими остроумными кавалерами. Но Лидѣ необходимо было триумфальное шествіе и она не могла обойтись въ немъ безъ свиты. Что проку-бы было въ любезностяхъ и ухаживаніяхъ мужчинъ, если-бы никто не былъ свидѣтелемъ ихъ? Чѣмъ завистливѣе и раздражительнѣе относились Лидины подруги къ ея торжеству, тѣмъ больше наслажденія чувствовала Лида. Ничто не можетъ такъ утѣшать самолюбіе, какъ общая зависть, ничто такъ не оскорбляетъ его, какъ общее страданіе. Три дѣвицы Каншины были постоянными вѣрными спутницами Лиды. Онѣ ненавидѣли ее отъ души, — больше ихъ могла ненавидѣть Лиду только одна ихъ маменька, — но дѣвицы Каншины чувствовали, что вдали отъ Лиды — значитъ, вдали отъ мужчинъ, вдали отъ легіона избранныхъ кавалеровъ. Затаивъ свою злобу и зависть подъ невинными улыбками сельскихъ дѣвъ, дѣвицы Каншины мстили Лидѣ за свое участіе въ ея триумфахъ тою энергіею, съ которою онѣ передавали и комментировали послѣ бала каждый ея шагъ и каждое слово. Не разлучаясь съ Лидою, онѣ, уже вслѣдствіе одного этого, никогда не переставали танцовать, въ то время, какъ столько другихъ барышень безнадежными глазами слѣдили за ними со ступень, съ которыхъ никто не пытался ихъ снимать. Но со стороны казалось, что самая нѣжная дружба привязываетъ къ Лидѣ этихъ кротко улыбающихся дѣвушекъ, вѣчно соединенныхъ съ нею подъ руки, вѣчно съ нею болтающихъ.

Всѣ вообще дѣвицы считали себя польщенными вниманіемъ Лиды и жаждали этого вниманія, какъ ключа въ завѣтную оби-

тель. Въ Крутогорскѣ нашелся только одинъ явный и рѣшительный врагъ Лидочки; это была дѣва уже почтенныхъ лѣтъ, которая, вмѣсто принадлежавшаго ей имени Анны Харитоновны, усвоила себѣ болѣе поэтическое имя Нины и которая когда-то сама была законодательницею крутогорскихъ собраній. Какъ ни извѣдился боевой конь перезрѣвшей Нины, однако онъ еще кипятился по-легоньку при звукахъ новой брани, и тридцати-пятилѣтняя Нина все еще не соглашалась покинуть, по доброй волѣ, столь много утѣшавшій ее паркетъ. Нина была очень желта и суха на видъ и очень ядовита на языкъ. Она доставляла себѣ сердечное удовольствіе презрительно шурить свои близорукіе глаза и уставлять чуть не въ упоръ свой лорнетъ всякій разъ, когда Лида проходила мимо нея. Кавалеры, по старой памяти, все еще окружали кое-когда, будто почтенное знамя прошлыхъ доблестей, злоязычную дѣву, такъ-какъ она имѣла самостоятельныя средства и жила съ богатою сестрою-вдовою довольно открыто, то молодежь волей-неволей заискивала у нея, тѣмъ болѣе, что не всякому хотѣлось попасть подъ ея ядовитое жало. Лиду она не называла иначе, какъ дѣвченкою и только въ самомъ милостивомъ настроеніи—дѣвочкою; молодость въ глазахъ Нины была преступленіемъ, котораго нельзя было смѣть. Протасевъ особенно любилъ вести діалоги съ Ниною. Оба они были злы, оба довольно остроумны, такъ что партія ихъ шла какъ нельзя лучше. Нина уже на вторую недѣлю Лидинова дебюта прозвала ее „Фру-фру“ и пророчила ей жребій этой героини французской комедіи; хотя крутогорская публика была вообще незнакома съ произведеніемъ Галеви и Мельяка, однако она усердно подхватила это удобное звукоподражаніе и весьма скоро упрочила за Лидочкой имя Фру-фру.

— Ахъ, какъ мы смѣялись вчера, сообщала, будто мимоходомъ, г-жа Каншина одной изъ дамъ, на утреннемъ визитѣ.— Вы, вѣрно, слышали, м-ше Сомовъ, какъ мѣтко прозвали нашу крутогорскую примадонну. Признаюсь, это нисколько неудивительно, хотя и не особенно лестно ни для нея, ни для ея шамап. Ахъ, вѣдь надо знать эту глупую старуху, какъ я ее знаю, м-ше Сомовъ. Фру-фру! каково? представляю себѣ, какъ-бы было вамъ пріятно, если-бы одну изъ вашихъ дочерей осмѣлились прозвать

Фру-фру! Но чтожь дѣлать? Что посѣять, то и жнешь! Но вѣдь это неподражаемо, согласитесь?—Фру-фру!

— Это что-же за названіе, м-ше Каншина? я не совсѣмъ хорошо понимаю? спросила болѣе наивная дама.

— Ахъ, вы не читали! какже, это извѣстный романъ Александра Дюма. Ужасный фуроръ надѣлалъ. Кажется, вѣдь это Дюма-фиса, Зоя?

— Кажется, шатап, покраснѣвъ и потупясь отвѣчала Зоя, зная по долгому опыту, что она обязана все знать въ области литературы.

— Да, да я помню, что его. Это исторія одной изъ ужаснѣйшихъ камелій. Вообразите себѣ, м-ше Сомовъ, и вдругъ знать, что это объ моей дочери?! Я-бы не вынесла такого позора. Но онъ заслуженъ, м-ше Сомовъ, нужно сознаться въ этомъ. Невозможно вѣшаться съ такою наглостію на шею всякому мужчигѣ, который богатъ. У меня три дочери, м-ше Сомовъ, вы это знаете,—у м-ше Обуховой одна. Но почему-же ничего не смѣютъ говорить про моихъ дочерей, я васъ спрашиваю? Почему ничего не говорятъ про вашихъ милыхъ Анетъ и Полинь? И почему всѣ,—замѣтьте, что рѣшительно всѣ, м-ше Сомовъ,—считаютъ себя вправѣ распускать такія вещи про Лидію Обухову?

Постоянная толпа мужчинъ, тѣснившаяся около Лиды, не только баловала ея характеръ и туманила ея голову своимъ поклоненіемъ, но и нечувствительно развращала Лиду. Еще не ставъ ничьею, она уже была собственностью всѣхъ. Дѣвственность духа незамѣтно растлѣвалась распущенностью рѣчей и взоровъ, которыми осаждали ее кругомъ, изъ которыхъ не было для нея выхода. Въ пугливья, завѣтныя тайны ея молодой красоты на каждомъ шагѣ ввинчивался наглый взглядъ любопытства, и Лида, при всей своей неопытности, инстинктивно ощущала вокругъ себя душную атмосферу чувственныхъ пожеланій, которыя копотью садились и на ея собственные помыслы. Ее цѣловали старички въ шейку, на ея юношескій бюстъ сладострастно заглядывались зрѣлые мужчины, стоя за ея стуломъ во время контрадансовъ; молодежь многозначительно сжимала ея ручки, тѣснѣе, чѣмъ нужно охватывала ея гибкій станъ въ вихрѣ легкихъ танцовъ. Поцѣловать ручку Лиды—это былъ призъ, весьма распространен-

ный, служившій довольно обыкновенною наградою многимъ за самыя разнообразныя услуги.

Однимъ словомъ, въ концѣ зимы Лида была уже вся охвачена и пропитана развратною фантазіею толпы, ея восхищавшеюся; ее измѣли нравственно прежде, чѣмъ наступила очередь ея физическаго завяданія. Подъ роковымъ гнетомъ житейскихъ требованій, Лида незамѣтно сама стала находить удовольствіе въ рискованномъ порханіи надъ тою соблазнительною границею, гдѣ кончается дозволенное и начинается запретное. Ея порывистая и самовластная натура утѣшалась разнузданностью слова, которая вспугивала щепетильную губернскую публику и заставляла неодобрительно колыхаться суровые чепцы крутогорскихъ матронъ. Какъ вострокрылая летунья-ласточка, очертя голову, взмываетъ надъ бездною водъ и съ быстротою, захватывающею духъ, прорѣзаетъ воздушныя пучины, наслаждаясь своей собственной рѣзвостью, такъ и Лидочка наслаждалась теперь взбалмошною смѣлостью своихъ затѣй. Она безъ размышленія садилась въ маленькія санки вдвоемъ съ Прохоровымъ или съ графомъ Ховеномъ и неслась по льду, опьяненная быстротою бѣга, на многія версты за городъ. Она уѣзжала на загородные пивники въ огромномъ обществѣ мужчинъ, почти одна. Она не избѣгала встрѣчь съ мужчиною, даже и съ такимъ, который явно преслѣдовалъ ее, нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ. Внутренно она вѣриво надѣялась на свое хладнокровіе, а дразнить крутогорскихъ старушекъ, а въ числѣ ихъ и свою мать, для нея было первою забавою. Лида скоро поняла, что весело только съ мужчинами и именно съ такими мужчинами, которые невоздержны на языкъ и нецеремонны въ своемъ обращеніи. Она усвоила себѣ мало-по-малу какую-то студенческую мальчишескую складку, которая всегда является у баловницъ толпы и которая нечувствительно сближаетъ съ замашками камелій женщину порядочнаго круга. Лида до такой степени освоилась со вкусами своихъ кавалеровъ, что стала наконецъ сама довольно вѣрно оцѣнять различныя степени своей собственной соблазнительности въ своихъ различныхъ столкновеніяхъ съ мужчинами. Это познаніе доставило ей много удовольствія и много успѣха. На нее продолжали смотрѣть, какъ на очаровательнаго наивнаго ребенка, который увлеченно играетъ съ жизнью, не подозревая ни одной ея опасности, а она между тѣмъ играла именно

въ эту наивность и въ это житейское невѣдѣніе, твердо и ясно сознавая силу всякаго своего слова, всякаго движенія. Игра при такихъ условіяхъ была неровна и тѣ, кто считали себя зрѣлыми знатоками жизни, кто позволялъ себѣ наслаждаться Лидою, какъ беззащитнымъ и безопаснымъ ребенкомъ, въ сущности были гораздо болѣе беззащитными и безпомощными передъ нею, чѣмъ она передъ ними.

Евгеній Марковъ.

(Продолженіе будетъ.)

СИЛА ТВОРЧЕСТВА.

(Изъ А. Мюрге.)

Если хочешь быть мадонной,
Идеаломъ чистоты,
Мраморъ, мною оживленный,
Предастъ твои черты,
И съ нѣмымъ благовѣньемъ
Въ восхищеніи народъ
Предъ твоимъ изображеньемъ
На колѣни упадетъ.

Если хочешь быть мадонной,
Милый образъ твой исполнѣ
Я, любовью вдохновенный,
Напишу на полотнѣ,
И святымъ очарованьемъ
Этотъ образъ оболю
И божественнымъ сіаньемъ
Я головку обовью.

Если хочешь быть мадонной,
Предъ тобою въ честь твою
Я на лирѣ сладкозвонной
Гимнъ торжественный спою;
Этой пѣсни вдохновенной
Зазвучитъ напѣвъ святой,
И народъ съ мольбой смиренной
Повторитъ ее за мной.

Даръ высокихъ вдохновеній
У меня въ груди горитъ
И, творя, мой чудный геній
Все безсмертіемъ даритъ.
Пронесется вѣкъ за вѣкомъ,
Но живая будешь ты
Предстоять предъ человѣкомъ
Въ блескѣ вѣчной красоты.

Я. Старостинъ.

РАЗВИТІЕ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

V.

БОЛѢЗНИ И СМЕРТЬ.—ЗАГРОВНАЯ ЖИЗНЬ.—ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.

Большая часть физическихъ страданій, которыя одолѣвали первобытнаго человѣка, зависѣла отъ введенія въ его тѣло постороннихъ предметовъ, — стрѣлъ врага, когтей хищнаго звѣря, жала змѣи, вредной или неудобоваримой пищи, которую онъ пожиралъ по незнанію или вслѣдствіе голода, занозъ, которыми онъ, нагой и босой, постоянно подвергался и т. д. Вслѣдствіе этого у всѣхъ первобытныхъ народовъ болѣзнь считалась результатомъ присутствія въ организмѣ какого-нибудь инороднаго тѣла и излеченіе болѣзни состояло буквально въ ея *извлеченіи*. До сихъ поръ у очень многихъ дикихъ племенъ лекарь-колдунъ высасываетъ какую-бы то ни было болѣзнь и выплевываетъ ее въ видѣ червей, спицъ, камешковъ и т. д. „Этотъ видъ шарлатанства общъ всѣмъ дикимъ колдунамъ“, справедливо замѣчаетъ одинъ этнографъ, забывая, впрочемъ, что тотъ-же первобытнй медицинскій способъ употребляется по мѣстамъ даже въ цивилизованныхъ странахъ. Колдуны сѣверной Ирландіи до сихъ поръ извлекаютъ *стрѣлы духовъ*, т. е. каменные наконечники стрѣлъ, изъ тѣла больного скота. Это грубое матеріалистическое представленіе съ теченіемъ времени переходитъ въ олицетвореніе болѣзней, особенно эпидемій, представляемыхъ въ разнообразныхъ формахъ страшныхъ существъ. Для спасенія себя людямъ остается

или изгнать эпидемію, или-же не пустить ее въ мѣсто своего жительства. Въ Меланезіи эпидемію помѣщаютъ на украшенную лодку и посредствомъ вѣтра угоняютъ въ море. Орангъ-лауты на Малайскомъ полуостровѣ и конды въ Ориссѣ, при появленіи гдѣ-нибудь оспы, огораживаютъ свою мѣстность завалами изъ хвороста и терновника и поливаютъ почву вонючимъ масломъ, чтобы преградить путь богинѣ — оспѣ. Съ паденіемъ матеріалистическаго фетишизма, всѣ болѣзни являются дѣйствіемъ духовъ, которые проникаютъ въ тѣло человѣка и безчисленными легіонами которыхъ наполнены и воздухъ, и вода. Немудрено послѣ этого, что какой-нибудь тасманіецъ живетъ въ постоянномъ страхѣ духовъ, причиняющихъ болѣзни, что ему постоянно мерещатся то демонъ, который подкрадывается къ нему сзади и бьетъ его по затылку своей духовной палицей, то разсвирѣпѣвшій духъ мертвеца, вползающій въ его тѣло, чтобы терзать его внутренности. Лечение на этой ступени развитія состоитъ или въ томъ, что духа переводятъ въ тѣло животнаго, приносимаго въ жертву, или-же изгоняютъ насильственнымъ образомъ. Киргизскій шаманъ, напр., бьетъ больного плетью, кусаетъ его до крови, замахивается ножомъ, плюетъ ему въ глаза, чтобы изгнать духа. Нѣкоторые племена, впрочемъ, приписываютъ болѣзнь не тому, что въ тѣлѣ поселился злой духъ, но тому, что изъ него вылетѣла его собственная душа. Чтобы вылечить больного, нужно поймать душу и снова посадить ее въ тѣло, какъ это дѣлаютъ, напр. бирманскіе карены. Они бѣгаютъ вокругъ больного, ловя „его бабочку“, т. е. душу, и, наконецъ, дѣлаютъ видъ, что бросаютъ ее на голову ему.

Если каждая болѣзнь, умираютъ-ли или не умираютъ отъ нея люди, объясняется присутствіемъ въ тѣлѣ посторонняго предмета или духа, если въ первобытныя времена рода человѣческаго люди чаще всего погибали или отъ болѣзней, или насильственной смертью, отъ дубины и стрѣлы врага, отъ когтей звѣря, отъ укушенія змѣи и тарантула, тонули въ водѣ, завязали въ болотѣ, раздавливались упавшимъ деревомъ или обрушившемся скалою, — то отсюда первобытный умъ легко приходилъ къ заключенію, что естественной смерти нѣтъ и что всякая смерть *насильственная*. Бечуаны и всѣ кафры не имѣютъ никакого понятія о другомъ родѣ смерти, кромѣ какъ отъ голода, наслія и

колдовства. Если человѣкъ умираетъ даже въ самой преклонной старости, но не отъ голода и насилія, то его смерть приписывается колдуну и требуется кровь виновнаго въ ней. Въ большей части Африки, южной Америки и Полинезіи, когда человѣкъ умираетъ, то всегда возникаетъ вопросъ: кто убилъ его своимъ колдовствомъ? Всѣ вѣдовскія средства пускаются въ ходъ, чтобы отыскать убійцу и отомстить ему смертью за смерть.

Смерть является результатомъ отдѣленія души отъ тѣла. Но душа, по первобытному воззрѣнію, не имѣетъ никакихъ качественныхъ отличій отъ тѣла. Подобно тѣлу, она не подлежитъ естественной смерти, но можетъ погибнуть насильственнымъ образомъ. Можно убить не только тѣло, но и душу. Новозеландцы и туземцы Калифорніи думали, что съѣденный человѣкъ погибаетъ и тѣлесно, и духовно. У гвинейскихъ негровъ адскій богъ топить души грѣшниковъ въ рѣкѣ и такимъ образомъ уничтожаетъ ихъ навсегда. Даже обыкновенная вода можетъ потопить душу негра, какъ видно изъ разсказа о вдовахъ въ Матаибѣ, которыя погружаются въ рѣки и пруды, чтобы потопить души своихъ умершихъ мужей, желающія не покидать ихъ. Послѣ этой церемоніи вдовы могутъ снова выходить замужъ. Изъ подобныхъ фактовъ слѣдуетъ, что идея абсолютнаго уничтоженія, небытія, далеко не такъ чужда первобытному уму, какъ это утверждаетъ Бастіанъ, хотя, съ другой стороны, нельзя согласиться и съ тѣми наблюдателями, которые доказываютъ, что будто-бы у нѣкоторыхъ племенъ вовсе нѣтъ представленія о загробной жизни. Всѣ дикари вѣрятъ въ загробное существованіе человѣка, но не имѣютъ представленія о вѣчности, и ихъ идея безсмертія не достигаетъ абсолютнаго значенія. Душа живетъ по смерти тѣла, но можетъ утонуть, быть убитою, съѣденною и т. д. Кромѣ того, понятіе о загробной жизни основывается на субъективныхъ представленіяхъ, отождествляемыхъ съ ихъ объектами. Человѣкъ помянуть умершаго, представляетъ себѣ его образъ, видитъ его во снѣ, бесѣдуетъ съ нимъ и считаетъ его живымъ. Но при этомъ покойникъ можетъ оставаться живымъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ живетъ въ памяти людей и его образъ существуетъ въ ихъ воображеніи. Съ забвеніемъ для него настаетъ окончательная смерть. „Спросите негра, говоритъ Дю-Шеллю, гдѣ душа его правѣда, и онъ отвѣтитъ вамъ, что не знаетъ. Спросите его о

душѣ его отца или брата, умершихъ недавно, и онъ исполняется страха и ужаса; онъ думаетъ, что душа остается около погребеннаго тѣла, и у многихъ племенъ вся деревня покидаетъ мѣстность, въ которой умеръ кто-нибудь изъ ея жителей. Кафры думаютъ, что души ихъ умершихъ отцовъ и братьевъ еще живутъ, такъ-какъ они являются имъ въ сновидѣніяхъ, и, напротивъ, души дѣдовъ и болѣе отдаленныхъ предковъ считаются прекратившими свое существованіе. Отошедшій духъ живетъ тѣмъ дольше, чѣмъ сильнѣе впечатлѣніе и воспоминаніе, оставленныя имъ между живыми людьми, чѣмъ дольше сохраняется преданіе о немъ, переходящее изъ рода въ родъ. Благодаря этому обстоятельству, многіе народы вѣрують въ бессмертіе только князей, жрецовъ, богачей и вообще выдающихся личностей, между тѣмъ какъ души обыкновенныхъ людей, не оставившихъ послѣ себя никакой долговѣчной памяти, остаются смертными.

Признавъ существованіе духовнаго элемента, первобытный человекъ могъ представлять его себѣ только подобіемъ тѣла, потому что матеріаловъ и способности къ другому рода представленіямъ у него еще не было. Признавъ загробную жизнь, онъ, точно такъ-же могъ представить ее въ своемъ воображеніи только въ видѣ дѣйствительной, земной жизни. Загробное существованіе было для него продолженіемъ земной жизни. Умершіе сохраняютъ всѣ свои способности и потребности, какія были у нихъ при жизни. Человекъ является на тотъ свѣтъ совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ было въ моментъ смерти его тѣло; всѣ достоинства и недостатки послѣдняго, всѣ поврежденія, нанесенныя ему, воспринимаются душой и сохраняются ею за гробомъ. Изъ тѣла дряхлаго старика выходитъ старая и дряхлая душа, изъ тѣла хромого — хромая душа и т. д. Бразильскіе индѣйцы думаютъ, что умершіе переходятъ въ другой міръ израненными или изрубленными, смотря по тому, какъ они оставили землю. Австраліяцы, убивъ врага, отрѣзываютъ у него большой палецъ правой руки, чтобы сдѣлать его душу неспособною дѣйствовать духовнымъ копьемъ. Когда негры одного плантатора начали искать свободы въ самоубійствѣ, то для прекращенія послѣдняго достаточно было отрѣзать головы у труповъ нѣкоторыхъ самоубійцъ. Негры не захотѣли являться въ загробный міръ обез-

главленными. На китайцевъ, по той-же самой причинѣ, наводить невообразимый ужасъ смертная казнь обезглавленіемъ. Поэтому-то дикари боятся доживать до глубокой старости или умирать совершенно обезсиленные болѣзнями. На островахъ Фиджи какъ скоро человѣкъ почувствуетъ приближеніе дряхлой старости, онъ заявляетъ своимъ близкимъ, что ему время умирать. Если онъ не сдѣлаетъ этого самъ, то за дѣло возьмутся его дѣти. Собирается семейный совѣтъ и назначаетъ день смерти. „Однажды къ м-ру Гюнту пришелъ молодой туземецъ и пригласилъ его на похороны своей матери. Гюнтъ принялъ приглашеніе и присоединился къ процесіи, но, изумившись, что не видитъ никакого трупа, онъ началъ спрашивать, кого-же это хоронятъ. Молодой человѣкъ указалъ ему на свою мать, которая шла и веселилась вмѣстѣ съ другими. Онъ объяснилъ, что празднуется ея предсмертный праздникъ и идутъ погребать ее; что она стара, и онъ съ братомъ рѣшили, что она пожила уже довольно и время схоронить ее, съ чѣмъ она охотно согласилась. Онъ прибавилъ, что поступаетъ такъ изъ любви къ своей матери“. Сыновья удавили старуху и похоронили ее съ обычнымъ церемоніаломъ. Этотъ обычай избіенія стариковъ и больныхъ былъ въ такой силѣ на о-вахъ Фиджи, что тамъ рѣдко встрѣчались люди старше 40 лѣтъ, — ихъ убивали. У индѣйцевъ, негровъ, камчадаловъ, эскимосовъ старики и больные сплошь и рядомъ подвергаются той-же участи. Для древняго скандинава было величайшимъ несчастіемъ умереть „соломенной смертью“, отъ болѣзни или старости, и если ему не удавалось пасть въ битвѣ, то ему дѣлали копьемъ „печать Одина“ и отправляли въ свѣтлую Валгаллу или, посадивъ на судно, поджигали послѣднее, и оно, пылающее и гонимое вѣтромъ, уносило скандинава въ страну тѣней.

Каждый предметъ, по первобытному возрѣнію, имѣетъ душу, которая послѣ смерти его переходитъ въ загробный міръ, въ которомъ происходитъ все то-же, что и въ этой жизни. Камчадалы вѣрятъ, что каждое живое существо, даже послѣдняя мошка, будетъ вновь жить въ подземномъ мірѣ. Жены и друзья, рабы и скотъ дикаря, убитыя имъ животныя, души его оружія, его лодокъ и хижины, его топоровъ и платья будутъ окружать его въ царствѣ мертвыхъ, гдѣ душа его съ помощью душъ его топора

и косы строить себѣ домъ и косить рисъ; душа агокинца охотится за душами бобра и лося, скользя по душѣ снѣга, на душѣ лыжъ; душа камчадала въ духовной шубѣ ѣздитъ въ саняхъ, запряженныхъ собаками, а зулусъ доить свою корову и загоняетъ скотину въ враль. Все идетъ порядкомъ, заведеннымъ на землѣ, только эта загробная жизнь представляется гораздо лучше земной и въ своихъ представленіяхъ о ней первобытные народы идеализируютъ каждый по-своему земное благосостояніе. Индѣецъ на томъ свѣтѣ будетъ счастливо охотиться въ роскошныхъ лугахъ; эскимось надѣется жить тамъ въ странѣ съ вѣчнымъ лѣтомъ, вкусной водой, множествомъ рыбы и всевозможной дичи, которая сама лѣзутъ на охотника, а въ Валгаллѣ древняго скандинава войны каждое утро ведутъ битвы, послѣ которыхъ побѣдители пируютъ вмѣстѣ съ побѣжденными, запивая пивомъ и медомъ вкусное мясо вѣчнаго кабана. Но не всѣ народы представляютъ себѣ загробный міръ въ такихъ свѣтлыхъ картинахъ; многіе смотрятъ на него мрачно, особенно въ томъ случаѣ, когда онъ помѣщается у нихъ подъ землей. Загробный міръ гурановъ изобилуетъ всякими благами, но все-таки души стонутъ въ немъ и день и ночь. Въ подземной Туонелѣ древнихъ финновъ всѣ предметы были мрачнаго и страшнаго вида: лѣса темны и наполнены дикими звѣрами, вода черная, на поляхъ вмѣсто хлѣба змѣинные зубы; а чтобы жертвы не вырвались оттуда, ихъ стерегли злыя божества съ крючковатыми пальцами и желѣзными когтями. Столь-же мрачно представляли себѣ загробную жизнь греки и римляне. Но какъ-бы ни смотрѣлъ первобытный народъ на будущую жизнь, она сначала все-таки считалась продолженіемъ земного существованія и вовсе не соединялась съ идеей какого-бы то ни было нравственнаго возмездія. Множество дикарей до сихъ поръ убѣждены, что въ загробномъ мірѣ люди пользуются тѣми-же благами, привилегіями, достоинствомъ, богатствомъ, счастіемъ, какими они пользовались и на землѣ, между тѣмъ какъ другіе и послѣ смерти продолжаютъ оставаться въ рабствѣ, бѣдности, несчастіи. „Отантяне, говоритъ Куэкъ,—вѣрятъ въ безсмертіе душъ и въ два различныхъ помѣщенія для нихъ, соотвѣтствующія нашимъ раю и аду. Они, впрочемъ, считаютъ эти помѣщенія не мѣстами наградъ и наказаній, а только жилищами для различныхъ классовъ; первое

для родоначальниковъ и людей знатныхъ, второе—для людей низшихъ классовъ“. Жители Суматры считаютъ свой рай удѣломъ не добродѣтельныхъ, а только богатыхъ людей, адъ-же—долею бѣдныхъ. „Только знатные люди восходятъ на небо, говорилъ Марседену одинъ туземецъ;—какъ можно, чтобы бѣднякъ имѣлъ доступъ туда“, прибавилъ онъ съ величайшею наивностью. Даже у такихъ культурныхъ народовъ, какъ перуанцы и мексиканцы, счастливое или несчастное положеніе человѣка въ загробной жизни зависѣло отъ его земного ранга. Но уже въ дикой жизни появляются начатки теоріи возмездія, которая съ развитіемъ морали постепенно превращается въ стройную систему загробныхъ наградъ и наказаній. Теорія эта сначала непосредственно и тѣсно соприкасается съ первичнымъ представленіемъ о будущей жизни, какъ о продолженіи земной. Люди сохраняютъ за могилой свои достоинства и недостатки, свое положеніе, и загробное блаженство является естественнымъ результатомъ ихъ земной дѣятельности. Въ рай гренландцевъ попадаютъ только тѣ, которые были на землѣ хорошими работниками, поймали много китовъ и тюленей, вынесли много труда, погибли въ морѣ,—словомъ, обладали свойствами, необходимыми для земного благополучія. Никарагуанцы вѣрили, что люди, умирающіе дома, идутъ въ преисподнюю, а погибшіе на войнѣ—въ райскую страну солнечнаго восхода. У караибовъ рай храбрымъ, адъ—трусамъ. Виргинскіе индѣйцы, особенно тѣ изъ нихъ, которые храбро сражались съ врагами и убивали ихъ, будутъ по смерти блаженствовать, а враги ихъ мучиться. Эти раздѣленія вполне гармонируютъ со всемірною міросозерцаніемъ дикаря, такъ-какъ „хорошіе люди всегда бываютъ хорошими воинами и охотниками“, по выраженію одного индѣйца. Правда, у нѣкоторыхъ дикарей распределеніе райскаго блаженства и адскихъ мученій мотивируется другими принципами. По мнѣнію камчадаловъ, напр., богатые на томъ свѣтѣ сдѣлаются бѣдными и наоборотъ, а по пословицѣ воложомъ: „сильнѣйшіе въ этомъ мірѣ будутъ ниже всѣхъ въ будущемъ“. У сибирскихъ инородцевъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ, стоящихъ на одинаковомъ съ ними уровнѣ развитія, рай и адъ распределяются между людьми сообразно съ ихъ нравственными заслугами, гостепримствомъ, помощью бѣднымъ, честностью, соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ и т. д. Но при точномъ изслѣдованіи

происхожденія этой теоріи возмездія почти всегда оказывается, что если мы находимъ ее въ развитой формѣ среди грубыхъ дикарей, то она обязана своимъ появленіемъ у нихъ не ихъ самостоятельному созданію, а вліянію болѣе культурныхъ племенъ. Въ первичныя эпохи развитія теорія возмездія, какъ мы уже замѣтили, находится только въ зачаточномъ состояніи. Мы увидимъ ниже, что стройной моральной системы въ это время еще нѣтъ, слѣдовательно, не можетъ быть и нравственнаго возмездія за гробомъ. Достоинство человѣка полагается въ его силѣ и храбрости, которыя онъ сохраняетъ и послѣ смерти и благодаря которымъ живетъ въ замогильномъ мірѣ такъ-же счастливо, какъ и на землѣ. Сила, храбрость, богатство необходимы человѣку даже для того, чтобы достигнуть блаженнаго отдѣленія загробнаго міра и не попасть въ адъ. Дорога въ первобытный рай чрезвычайно длинна, трудна и опасна. У однихъ народовъ душа должна взбираться туда по скользкой, голой скалѣ, у другихъ — проходить по узкому мостику черезъ бурный потокъ, у третьихъ — переплывать черезъ опасныя рѣки, перескакивать черезъ ужасныя пропасти и т. д. Независимо отъ естественныхъ препятствій этого пути, душа подвергается на немъ еще нападеніямъ враждебныхъ духовъ, и если она слаба, не имѣетъ помощниковъ, не снабжена известными необходимыми средствами, то она или погибаетъ на этой дорогѣ, или попадаетъ въ мѣсто ужасныхъ мученій. Для облегченія душъ труднаго пути въ блаженное обиталище духовъ создана цѣлая система погребальныхъ обычаевъ, имѣющая свою исторію и важное значеніе въ развитіи первобытной культуры.

Бушменъ, бросающій своихъ покойниковъ въ кустарникъ, камчадалы, которые еще не такъ давно отдавали мертвецовъ на съѣденіе собакамъ, и нѣкоторые другіе дикари, предоставляющіе трупы хищнымъ звѣрямъ и птицамъ, могутъ дать нѣкоторое понятіе о способѣ погребенія въ ту первобытную эпоху, когда человѣкъ такъ мало возвышался надъ остальнымъ животнымъ міромъ. Съ развитіемъ фетишизма и анимизма мертвое тѣло получило значеніе вліятельнаго фетиша и явилось желаніе удерживать его какъ можно дольше въ средѣ его семейства. Дикарь не отличаетъ смерти отъ сна, обморока, летаргіи; онъ думаетъ, что рано или поздно покойникъ „придетъ въ себя“, „проснется“, и

поэтому многіе дикари дѣлають попытки оживить трупъ. Одинъ арауказъ, потерявшій двухъ братьевъ, нарѣзалъ древесныхъ вѣтвей и началъ сѣчь ими трупы, но видя, что розги не пробирають покойниковъ, онъ открылъ имъ глаза и началъ тыкать въ нихъ и по всему лицу колючками. Тотентоты ругають и даже бьютъ умирающихъ и мертвыхъ за то, что они уходятъ. Далѣе чрезвычайно распространенъ обычай упрашивать покойника „притти въ себя“. Фанги ругають трупъ за то, что онъ оставляетъ ихъ, а иногда умоляютъ его о покровительствѣ. Барайбы спрашиваютъ покойника о причинахъ, по которымъ онъ оставляетъ ихъ. Жители острова Ассу втеченіи нѣсколькихъ дней заставляютъ мертвеца ѣсть, и видя, что онъ не притрогивается къ пищѣ, набивають ему ротъ ею и льютъ въ него напитки, такъ-что все это течетъ по тѣлу и разливается кругомъ по полу. Трупъ оставался для фетишистовъ живымъ существомъ; отдѣлившаяся отъ него душа витала около него или часто посѣщала его. Съ трупомъ обходились какъ съ живымъ человѣкомъ. На Джильбертовыхъ островахъ мертвецъ держится въ домѣ до его окончательнаго разложенія и жена продолжаетъ спать съ нимъ по-прежнему, а мать умершаго ребенка долго еще послѣ его смерти нянчить и прикладываетъ его къ своей груди для кормленія, какъ мы это видимъ и у многихъ другихъ дикарей. По первобытному представленію, какъ скоро тѣло истреблено, то оживаніе человѣка невозможно, и вотъ появляется забота о сохраненіи тѣла. При невозможности сохранять трупъ навсегда, многіе дикари свято хранятъ нѣкоторыя части его, черепъ, кости, волосы, ногти, которыя и для ихъ благоговѣнія, и для отшедшей души замѣняютъ собою цѣлое тѣло. Эти первобытныя реликвіи служатъ фетишемъ-покровителемъ семьи или племени, которыя, въ случаѣ своего переселенія въ другую страну, заботятся прежде всего объ ихъ переносѣ съ собою. Съ развитіемъ знаній заботы о сохраненіи труповъ достигаютъ большихъ успѣховъ. У множества народовъ Африки, Азии, Австраліи, Америки трупы, по крайней мѣрѣ, трупы людей знатныхъ, сушатся на солнцѣ, просаливаются, коптятся, бальзамируются и такимъ образомъ на долго предохраняются отъ окончательнаго разрушенія. Мехиканцы вѣрили, что умершіе должны ожить снова, и потому, высушивъ кости покойниковъ, вѣшали ихъ въ корзинахъ, чтобы

умершимъ не пришлось по воскресеніи разыскивать свои кости. Въ Египтѣ и Перу заботливость о сохраненіи труповъ и искусство бальзамированія достигли своего высшаго развитія, и тысячелѣтнія египетскія муміи до сихъ поръ ждуть возвращенія своихъ душъ изъ страствованій метемпсихозиса. Съ прогрессомъ умственного развитія идеи сна и смерти дифференцируются и надежда на воскресеніе болѣе и болѣе отодвигается ко времени конца міра...

Приготовленные для долгаго сохраненія трупы помѣщались сначала въ ихъ собственныхъ жилищахъ, въ которыхъ хоронились и небальзамированные жертвенцы. И страхъ передъ покойникомъ, и признаніе правъ его на все, чѣмъ онъ владѣлъ при жизни и что остается нужнымъ ему послѣ его смерти, заставляли дикарей или предоставлять умершему все его жилище, или, по крайней мѣрѣ, хоронить его въ немъ. Многіе негры и индѣйцы до сихъ поръ хоронятъ мертвецовъ въ ихъ собственныхъ хижинахъ. Туземцы Борну и Золотого берега закапываютъ покойника тоже въ общемъ семейномъ жилищѣ, которое, впрочемъ, у людей достаточныхъ навсегда покидается живыми членами семейства. Когда у новозеландцевъ умиралъ глава семейства, его хоронили въ домѣ и, заколовъ послѣдній, бросали его. Трупъ знатнаго скандинава, окруженный всѣмъ необходимымъ, оставался въ жилищѣ, которое засыпалось землей, образовывавшей надъ нимъ могильный холмъ. Мертвый, такимъ образомъ, не выходилъ изъ своего прежняго жилища. Но этотъ обычай, какъ неудобный и невыгодный для живыхъ, уступилъ мѣсто обыкновенію строить для мертвецовъ отдѣльныя помѣщенія. Негры Сенегамбін строятъ для каждаго мертвеца отдѣльную хижину, такъ-что постепенно образуются цѣлыя деревни покойниковъ. У многихъ туземцевъ Америки для души строится надъ могилою пирамидка или другое зданіе, а у сибирскихъ татаръ — небольшой домикъ. На островахъ Тонга тѣло помѣщается въ могилѣ, а душа въ домигѣ, построенномъ надъ могилою. Жилища, воздвигавшіяся надъ могилами прежнихъ отаитанъ, были лучшими зданіями у этихъ дикарей. Обычай постройки этихъ жилищъ, существуя у всѣхъ первобытныхъ народовъ, съ теченіемъ времени у однихъ постепенно вырождался и доходитъ до обыкновеннаго надгробнаго камня новѣйшихъ кладбищъ, у другихъ-же, сохраняя свой первичный

тиль, развился до величественныхъ пирамидъ Египта и царственныхъ усыпальницъ Перу.

Погребеніе въ землѣ—самый распространенный способъ похоронъ, породившій представленіе о загробномъ мірѣ, какъ о *подземномъ* царствѣ. Первобытные жители пещеръ погребали покойниковъ въ этихъ пещерахъ, и этотъ обычай продолжалъ существовать долго послѣ того, какъ люди стали жить уже въ настоящихъ домахъ, а пещеры между тѣмъ превращались въ загробный міръ. Евреи хоронили жертвенцовъ въ пещерахъ, и загробный міръ ихъ назывался *шеоль*, пещера. Съ теченіемъ времени загробный міръ въ представленіи дикаря все болѣе и болѣе удаляется отъ мѣста его жительства, и главная причина этого заключается въ переселеніяхъ. „Сохраняя въ сердцѣ привязанность къ родственникамъ и друзьямъ, покинутымъ на прежнемъ мѣстѣ обитанія, говоритъ Спенсеръ, — и подвергаясь болѣзни, называемой тоскою по родинѣ (нерѣдко въ чрезвычайно значительной степени, какъ это видно изъ показаній Ливингстона, который говоритъ, что нѣкоторые негры умирали отъ этой болѣзни), нецивилизованные люди, изгнанные войною или голодомъ изъ своихъ прежнихъ обиталищъ, должны часто видѣть во снѣ тѣ мѣста и тѣхъ людей, которыхъ они оставили на родинѣ. Ихъ снѣденія, передаваемые и принимаемые самымъ первобытнымъ образомъ, т. е. какъ дѣйствительныя происшествія, понимались такъ, какъ будто они дѣйствительно во время сна посѣщали свои прежнія жилища. Каждый день то одинъ, то другой изъ нихъ видѣлъ подобный сонъ, и такимъ образомъ понятіе о посѣщеніи родины во время сна становилось все болѣе и болѣе обыкновеннымъ. Что-же должно было произойти здѣсь въ случаѣ смерти, истолковываемой такъ, какъ ее истолковываетъ себѣ первобытный человѣкъ? Другое я находится въ продолжительномъ отсутствіи, — спрашивается, куда оно отправилось? Очевидно, оно ушло въ то мѣсто, куда и прежде часто ходило, но каждый разъ возвращалось назадъ. Теперь оно не возвратилось. Этотъ человѣкъ и раньше желалъ вернуться назадъ, на родину, и часто говорилъ, что когда-нибудь уйдетъ туда. И вотъ, теперь онъ сдѣлалъ то, о чемъ говорилъ“. Съ этимъ объясненіемъ смерти мы встрѣчаемся повсюду. Когда умиралъ Инка, перуанцы говорили, что онъ „отозванъ домой, въ страну своего отца,

солнца“. Когда умирают мандацы, то надѣются вернуться въ первобытное жилище своихъ предковъ. „Не думайте, говорить одинъ новозеландскій вождь, — что я земного происхожденія: я пришелъ съ неба; всѣ мои предки тамъ, и современемъ я возвращусь къ нимъ“. Что *небо* въ первобытныхъ представленіяхъ было ничто иное, какъ именно та страна, изъ которой пришелъ народъ, это доказываетъ древняя вавилонская легенда о потоцѣ, по которой то мѣсто пребыванія боговъ, куда былъ перенесенъ за свое благочестіе Ксизитрусъ, находилось у Персидскаго залива, подлѣ устья Евфрата. Такъ-какъ переселенія происходили по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, то въ представленіяхъ различныхъ народовъ загробный міръ находился въ разныхъ частяхъ свѣта, и поэтому-то одни народы кладутъ своихъ покойниковъ лицомъ къ востоку, другіе — къ западу, третьи — къ сѣверу или къ югу, смотря по тому, по какому направленію пришли ихъ предки. Въ южной Америкѣ чапосы ведутъ свое происхожденіе отъ народовъ запада, „живущихъ по ту сторону океана“, и думаютъ, что ихъ мертвецы уходятъ снова на западъ. Перуанцы, принадлежавшіе къ племени побѣдителей, считывали вернуться послѣ своей смерти на востокъ и лицомъ къ нему поворачивали трупы, но перуанцы, первобытные люди покоренной расы, не имѣли этого обыкновенія. Преданіе о жизни предковъ въ пещерахъ, въ той странѣ, изъ которой пришли они, естественно ведетъ за собой представленіе, что ихъ родина, на которую потомки ихъ возвращаются послѣ своей смерти, находится подъ землей. Развитію идеи о подземномъ загробномъ мірѣ много содѣйствовали, конечно, и тѣ впечатлѣнія, которыя производили и производятъ на первобытные умы такія громадныя и безпредѣльныя пещеры, какъ Мамонтова въ Кентуки, Белламорская во Флоридѣ и множество другихъ, промтыхъ водой въ мѣловыхъ формаціяхъ во всѣхъ частяхъ міра, — длинныхъ, развѣтвляющихся, приводящихъ изслѣдователя въ одномъ направленіи къ бездонной пропасти, въ другомъ — къ подземному озеру или рѣкѣ. При первобытномъ легковѣрїи эти ходы и пещеры естественно превращались въ темные пути, ведущіе въ бездну ада, и понятно, почему путешествіе покойника въ загробный міръ считается всегда сопряженнымъ съ большими трудностями и опасностями. Впрочемъ, эти трудности и опасности во многихъ слу-

чаяхъ порождены преданіемъ о тѣхъ дѣйствительныхъ препятствіяхъ, которыя приходилось преодолевать народу при его переселеніи съ родины въ новую страну. Для первобытнаго народа даже переправа черезъ рѣку была чрезвычайно затруднительна, и вотъ въ ихъ представленіяхъ главною опасностью для покойника служить именно переправа черезъ рѣку, лежащую на пути въ адъ. Поэтому-то у многихъ народовъ покойниковъ и кладутъ въ лодку, особенно у приморскихъ жителей и островитянъ, напримѣръ, у фиджійцевъ, понятно почему думающихъ, что загробнаго міра невозможно достигнуть иначе, какъ въ лодкѣ. При такомъ объясненіи становится совершенно яснымъ то, почему у нѣкоторыхъ народовъ мы находимъ не одинъ, а два и даже три загробныхъ міра: покоренные туземцы отправляются послѣ смерти въ жилища своихъ предковъ, а пришельцы-покорители — на свою родину. У очень многихъ народовъ есть обыкновеніе погребать покойниковъ на высокихъ, нарочно устроенныхъ для того подмосткахъ или на трудно-доступныхъ горныхъ вершинахъ, — и вотъ загробный міръ изъ горной мѣстности превращается въ *обитель горною, въ небо*. Наконецъ, съ развитіемъ анимистическаго созерцанія входитъ въ обычай сожженіе труповъ. Божественный огонь, сжигая тѣло и истребляя всѣ грубыя его части, очищаетъ отъ нихъ матерію души и возноситъ ее въ горнія обители.

Когда, такимъ образомъ, составилось понятіе о подземномъ мірѣ въ той или другой изъ упомянутыхъ формъ, это понятіе продолжаетъ пополняться и развиваться при помощи сновидѣній и галлюцинацій, которыхъ первобытный умъ не могъ отличать отъ дѣйствительности и которыя играли чрезвычайно важную роль въ развитіи мифологіи; сновидѣнія и галлюцинаціи дали главный матеріалъ для представленій о царствѣ мертвыхъ. Когда Дантъ написалъ свою великую поэму, то на него съ ужасомъ указывали на улицахъ пальцами, какъ на челоуѣка, сходявшаго въ адъ. Самъ Дантъ, конечно, не считалъ себя совершившимъ такой подвигъ, но то, что было у него фантазіей, въ первобытной жизни кажется дѣйствительностью. Шортлендъ рассказываетъ слѣдующій интересный случай изъ новозеландской жизни. Тетка его слуги, туземца Новозеландіи, умерла въ уединенной хижинѣ на берегу озера. Она принадлежала къ знатному роду и потому

тѣло ея оставили, по обычаю, въ хижинѣ, заложили окна и двери и покинули это жилище. Но спустя дня два, этотъ туземецъ плывя съ товарищами въ лодкѣ мимо этой хижины, увидѣлъ на берегу женщину, дѣлавшую имъ знаки. Это была тетка, вернувшаяся къ жизни, но озябшая, голодная и ослабѣвшая. Она рассказала, какъ путешествовала въ царствѣ мертвыхъ, что тамъ видѣла и какъ, наконецъ, ея душа, возвратившись на землю, устремилась къ мѣсту, на которомъ лежало ея тѣло. Вернувшись къ жизни, она увидѣла себя въ темнотѣ и все бывшее съ нею казалось ей сномъ: но, замѣтивъ, что лежитъ одна въ пустомъ домѣ съ заколоченными дверями и окнами, она убѣдилась, что дѣйствительно умерла и потому ожила. Утромъ, при помощи слабого свѣта, проникшаго черезъ щели, она увидѣла на полу тыкву съ красной охрой и водой, выпила послѣднюю, нѣсколько подкрѣпилась, успѣла отворить дверь и вышла на берегъ, гдѣ ее и нашелъ ея племянникъ. Народъ стекался слушать ея рассказы о царствѣ мертвыхъ и не обнаруживалъ по поводу ихъ ни малѣйшаго скептицизма, принимая ихъ съ такимъ-же довѣріемъ, съ какимъ относятся къ повѣствованіямъ подобныхъ путешественниковъ въ страну тѣней туземцы Сибири, Африки, Австраліи и т. д. Въ зулусскомъ племени еще очень недавно жилъ маленькій, безобразный, волосатый человѣкъ, который однажды, преслѣдуя дикобраза, спустился за нимъ въ глубокую нору и попалъ оттуда въ страну мертвыхъ. Вернувшись домой, онъ увидѣлъ, что его сочли умершимъ и при видѣ его испуганная толпа снова затянула погребальный гимнъ. Про этого зулусскаго Данта народъ постоянно говорилъ: „вотъ человѣкъ, бывавшій у подземныхъ жителей“. Не всѣ легенды о путешествіяхъ въ царство мертвыхъ обязаны своимъ происхожденіемъ снамъ и галлюцинаціямъ,—во многихъ случаяхъ онѣ тѣсно связаны съ мифами о солнцѣ; но все-таки у всѣхъ народовъ и на самыхъ различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія онѣ играютъ важную роль въ развитіи и распространеніи понятій о загробной жизни. У Лукіана, у Плутарха, у средневѣковыхъ писателей вы найдете точно такія-же легенды объ этихъ странствованіяхъ, какъ и приведенный выше рассказъ скороненной заживо, но потомъ очнувшейся новозеландки. Въ Ирландіи извѣстная пещера св. Патрикаа вплоть до XVIII в. считалась преддверіемъ, черезъ которое

желающіе могли проникать въ чистилище. Когда пилигримъ послѣ пятнадцатидневнаго поста и молитвы въ церкви, сопровождаемый литаніями и кропленіемъ св. водой, былъ приводимъ ко входу въ чистилище, и послѣднія увѣщанія монаховъ не могли заставить его отказаться отъ своего намѣренія, двери запирались за нимъ. На слѣдующее утро онъ, если только оставался живымъ, рассказывалъ подробности своего страшнаго похода. Даже разрушеніе этого входнаго зданія по указу папы въ 1497 г. не изгладило представленій объ ихъ путешествіяхъ въ царство мертвыхъ. Когда, при роскопкахъ въ этой мѣстности, около 1693 г. было найдено окно съ желѣзной рѣшеткой, то народъ началъ требовать св. воды, чтобы удержать духовъ въ ихъ заточеніи и священникъ чувствовалъ запахъ сѣрн, выходящей изъ темной пропасти, которая оказалась простымъ погребомъ, что, впрочемъ, не мѣшало и впоследствии отправляться сюда пилигримамъ цѣлыми десятками тысячъ.

Какъ ни разнообразны формы первичнаго погребенія, всѣ они имѣютъ одинъ смыслъ—облегчить мертвецу переходъ въ подземный міръ и устроить его тамъ наилучшимъ образомъ. Душа въ царствѣ мертвыхъ будетъ вести такую-же жизнь, какую вело на землѣ тѣло, поэтому ей нужны и пища, и платье, и оружіе, и рабочей скотъ, и жены, и рабы. Всѣмъ этимъ покойника нужно снабдить, — и вотъ является повсюду обычай снабженія въ загробной жизни души мертвеца душами его скота, его оружія, его семейства. У патагонцевъ на могилѣ убивается лошадь, на которой покойникъ долженъ доѣхать до страны мертвыхъ. У эскимосовъ въ могилу ребенка кладутъ голову собаки, чтобы душа послѣдней помогла младенцу добраться до страны духовъ. У всѣхъ инородцевъ Сибири умершихъ снабжаютъ лошадьми, санями, топороми, огнивомъ, трубкой съ табакомъ, мясомъ и деньгами, а у эстовъ, кромѣ того, иголками и нитками, съ трупомъ-же ребенка хоронятъ его игрушки. У литовцевъ души умершихъ должны были взбираться на крутую, высокую гору; поэтому, кромѣ другихъ предметовъ, съ трупами сожигались когти медвѣдя или рыси, чтобы съ помощью ихъ удобнѣе было взползти на упомянутую возвышенность. Этотъ обычай удерживается долго даже въ культурной жизни и выполняется здѣсь съ безумною роскошью. Въ 1849 г. хоронили кохинхинскаго

короля. „Когда тѣло его положили въ гробъ, вмѣстѣ съ нимъ положили множество предметовъ, которые должны были служить ему въ другомъ мірѣ: корону, чалмы, всевозможныя одежды, золото, серебро и другія драгоценныя вещи, рисъ и съѣстные припасы. Различныя блюда съ кушаньями были поставлены возлѣ гроба, а на кускѣ шелковой матеріи было вышито изображеніе одной изъ душъ умершаго. Въ могильномъ склепѣ, сооруженномъ изъ камня, были заперты его бездѣтныя вдовы, чтобы охранять его тѣло, готовить ежедневно пишу и дѣлать все, что можетъ быть нужно умершему въ другой жизни. Когда гробъ поставили въ склепъ, то позади этого зданія сожгли множество лодокъ, мостковъ и всѣхъ предметовъ, служившихъ при обрядѣ похоронъ, равно и всѣ предметы, которые король употреблялъ при жизни: шахматную доску, музыкальные инструменты, вѣера, ящики, зонтики, ковры, сѣти, экипажи и т. д., наконецъ, лошадей и слона изъ дерева и картона. Около пагоды сооружены были великолѣпныя дворцы изъ дерева, богато убранныя и во всѣхъ отношеніяхъ сходныя съ дворцомъ, въ которомъ жилъ покойный монархъ. Каждое изъ этихъ зданій состояло изъ двадцати комнатъ, и было приложено всевозможное стараніе, чтобы все въ нихъ соотвѣтствовало назначенію дворца. Затѣмъ эти зданія были сожжены съ большимъ торжествомъ, въ надеждѣ, что они будутъ служить покойному въ другомъ мірѣ“. Въ Египтѣ сооруженіе вѣковѣчныхъ пирамидъ поглощало значительную часть доходовъ страны. Въ Перу по смерти каждаго государя всѣ принадлежавшія ему сокровища оставались въ томъ-же видѣ, въ какомъ были при его смерти, а многочисленные дворцы его запырялись на-вѣки. Но не у всѣхъ народовъ долго держится обычай такого роскошнаго снабженія покойника. Разсчитливость беретъ у многихъ верхъ надъ благочестивою расточительностью и мертвеца начинаютъ снабжать не самими предметами, а только ихъ изображеніями. Такихъ изображеній много встрѣчается въ могилахъ египтянъ, эскимосовъ, этрусковъ. Въ Китаѣ люди, лошади и деньги, отправляемые къ умершему въ загробный міръ, дѣлаются изъ бумаги и приготовленіемъ ихъ заняты массы женщинъ и дѣтей въ каждомъ китайскомъ городѣ. Для покойника сжигаются также красивыя, роскошно убранныя бумажныя домики, чтобы онъ могъ жить въ нихъ, и бумажныя вѣлки, чтобы онъ

могъ отпирать бумажные замки бумажныхъ ящичковъ, наполненныхъ бумажной монетой, предназначенной для расходовъ на томъ свѣтѣ. Вмѣстѣ съ покойникомъ посылаются также цѣлыя тѣки различныхъ предметовъ, для передачи друзьямъ и родственникамъ, умершимъ ранѣе его. Снабжая жертвенца всѣмъ необходимымъ для будущей жизни, необходимо отправить вмѣстѣ съ нимъ его женъ, рабовъ, воиновъ, которые умерщвляются, сожигаются или погребаются заживо во время похоронъ. Въ Индустанѣ еще недавно сожигалось ежегодно до 30,000 женщинъ вмѣстѣ съ трупами ихъ мужей. При погребеніи дагомейскаго короля умерщвляется отъ 100 до 1,000 человекъ, его сопровождаютъ въ загробный міръ 86 танцовщицъ, 50 солдатъ и т. д. Этого мало. „Дагомейцы, говоритъ Бертонъ, — періодически снабжаютъ покойнаго монарха новыми слугами въ мірѣ тѣней“. Кроме того, эти боины дополняются еще почти ежедневными убійствами. „Все, что дѣлаетъ король, не исключая послѣднихъ мелочей, должно быть сообщаемо ему въ царство тѣней. Жертвой выбирается обыкновенно военноплѣнный; ему сообщаютъ порученіе, затѣмъ напиваются ромомъ и онъ отправляется въ міръ умершихъ въ наилучшемъ расположеніи духа“. На могилѣ каждаго богатаго дагомейца убиваются, по крайней мѣрѣ, мальчикъ, дѣвушка и любимая жена покойнаго. При смерти калабарскаго короля умерщвляются сотни людей. Получивъ извѣстіе объ истребленіи племени намена въ 1839 г., туземцы Сомосомы задушили 80 женщинъ, чтобы отправить ихъ вслѣдъ за душами умершихъ мужей. Всякій человекъ, встрѣтившійся съ погребальной процессіей монгольскаго принца, былъ убиваемъ и душа его поступала въ свѣту покойника. Въ Кимбундѣ всѣ, попавшіеся на-встрѣчу гробу короля умерщвляются на его могилѣ вмѣстѣ съ другими жертвами. Съ трупомъ предводителя племени вадо погребаются живыми невольница и невольникъ, послѣдній съ топоромъ въ рукѣ, чтобы рубить на томъ свѣтѣ дрова для своего господина. Большинство дикарей думаетъ, что всѣ убитые ими въ этой жизни въ будущей будутъ служить имъ въ качествѣ рабовъ. Поэтому-то, напр., у даяковъ и была распространена до такой степени „охота за головами“, совершенно, повидимому, безцѣльная. Молодой человекъ не имѣлъ права жениться, пока не добывалъ себѣ головы. Отецъ, потерявшій сына, убивалъ для него перваго встрѣ-

наго; родные носили трауръ по умершемъ до тѣхъ поръ, пока не убивали кого-нибудь и не снабжали умершаго работъ въ жилищѣ душъ. Подаривать людей и убивать ихъ сдѣлалось у даяковъ національною забавою. „Бѣлье, говорили они,—читаютъ книги, мы-же вмѣсто того охотимся за головами“. Этотъ чело-вѣкоубійственный обычай долго удерживался даже у народовъ довольно высокой культуры, напр., въ Перу и Мексикѣ. Въ Япо-ніи онъ господствовалъ еще въ XVII вѣкѣ. Здѣсь при смерти лица благороднаго происхожденія отъ 10 до 30 слугъ его умерщвляли себя посредствомъ вспариванья живота. Теперь вмѣ-сто живыхъ людей погребаютъ съ умершимъ фигуры изъ глины или дерева. Въ Китаѣ до сихъ поръ многія вдовы, не желая разлучаться съ умершимъ мужемъ, соединяются съ нимъ посред-ствомъ самоубійства. Кромѣ того, умершаго китайца снабжаютъ носильщиками паланкиновъ и зонтиковъ и посылаютъ верховыхъ курьеровъ для извѣщенія властей загробнаго міра о прибытіи покойника. Эти носильщики и курьеры дѣлаются теперь изъ бу-маги, но было, конечно, время, когда въ положеніи этихъ бумаж-ныхъ фигуръ находились настоящіе люди, жертвовавшіе своею жизнью вслѣдствіе грубыхъ, первичныхъ представленій о загроб-номъ мірѣ. Представленія эти возбуждали такую живую вѣру, чуждую малѣйшаго скептицизма, что люди сплошь и рядомъ сами стремились войти въ царство тѣней съ извѣстными мерт-вецами, въ особенности женщины и рабы, которые, по убѣжденію многихъ народовъ, могли проникнуть въ блаженную обитель и сподобиться безсмертія не иначе, какъ сопутствуя своимъ мужь-ямъ и господамъ.

VI.

Люди-фетиши. — Поклоненіе предкамъ. — Переходъ душъ умершихъ въ духовъ.

Извѣстно, что мисіонеры, дѣйствующіе среди дикихъ народовъ, не находятъ въ языкахъ ихъ словъ, которыми-бы можно было выразить христіанскую или магометанскую идею о божествѣ и даже въ языкѣ такого культурнаго народа, какъ китайцы, для

выраженія этой идеи нѣтъ другого, болѣе подходящаго слова, кромѣ *тыянь*, небо. Такимъ образомъ, религію первобытнаго человѣка нельзя назвать богопоклоненіемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Дикарь боится всего, что кажется ему страннымъ и непостижимымъ и считаетъ сверхъестественнымъ все то, чего онъ не въ состояніи понять. Когда, напр., крушены увидѣли въ первый разъ корабль, то воскликнули: „навѣрное, это вещь несотворенная: ея не могъ сдѣлать человѣкъ!“ И всѣ предметы, которые сильно поражаютъ умъ дикаря, онъ называетъ *великими, сильными, ужасными, непостижимыми* и другими словами, которыми мисіонерамъ и приходится пользоваться для выраженія идеи божества. Фиджійское слово *казу*, напр., которымъ называютъ божество, означаетъ собственно все *великое и удивительное* и, подъ вліяніемъ такого представленія, фиджійцы объявили богомъ нашъ типографскій станокъ. Малагазцы, по словамъ Элиса, объявляютъ богомъ все, что покажется имъ новымъ, чрезвычайнымъ или полезнымъ. „Шелькъ, рисъ, деньги, громъ, молнія, землетрясеніе, все это у нихъ боги; тѣмъ-же именемъ они называютъ своихъ предковъ и умершаго короля; книга у нихъ тоже богъ, а бархатъ они называютъ страннымъ именемъ *сына боговъ!*“ У тодасовъ слова *деръ* и *свами* (боги, господа), прилагаются ко всему удивительному или невиданному; сѣть, священные останки, жрецы и т. д. смѣшиваются ими въ одной и той-же категоріи, такъ что становится очевиднымъ, что *деръ*, подобно *свами*, есть на самомъ дѣлѣ только прилагательное, означающее величіе или превосходство.

Послѣ этого уже не трудно понять, почему первые европейцы, бѣлолицые, въ невиданныхъ дикарями одеждахъ, съ своими кораблями-чудовищами и съ громоноснымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и въ Америкѣ и въ Австраліи были принимаемы за боговъ, спустившихся съ неба. Точно такимъ-же образомъ не одни только невиданные иностранцы, но и туземцы, обладающіе какими-нибудь великими и удивительными свойствами, превращаются у грубыхъ дикарей въ боговъ. У гепсуровъ, говоритъ Бьюкананъ, —человѣкъ необыкновеннаго таланта считается обыкновенно *духомъ*“. Маршалъ, описывая священнаго торговца молокомъ и жреца тодасовъ, слѣдующимъ образомъ передаетъ свой разговоръ съ нимъ: „правда-ли, что тодасы привѣтствуютъ солнце?“ спросилъ я его.

„Да! отвѣчалъ онъ, — эти бѣдняки дѣйствительно дѣлають такъ, но я—ударя себя въ грудь—я богъ, съ чего-же я буду привѣтствовать солнце?“ Въ то время я счелъ эту выходку за простой взрывъ тщеславія и гордости, но впоследствии я имѣлъ случай убѣдиться въ истинности его словъ. Жрецъ у нихъ въ настоящее время не есть только сосудъ, заключающій въ себѣ божественныя свойства, но самъ богъ“. Монгомери разсказываетъ, что индѣйцы тахтики поклоняются такому богу со всѣми обычными обрядами; вотъ какъ онъ описываетъ это поклоненіе. „Это былъ никто другой, какъ какой-то старый индѣецъ, котораго они нарядили особеннымъ образомъ и который поселился въ особой хижинѣ, куда приходять поклоняться ему, принося съ собой, какъ жертву, плоды своихъ трудовъ и совершая въ его присутствіи извѣстные религіозные обряды, согласно съ ихъ древнимъ обычаемъ“. Маттакоси на Лаплатѣ имѣють тоже бога-человѣка, на мѣсто котораго они постоянно выбираютъ самаго преклоннаго старика изъ своего племени, который живетъ въ уединеніи и только по временамъ торжественно посѣщаетъ своихъ соплеменниковъ и поклонниковъ. Если во время, назначенное для этихъ періодическихъ посѣщеній, онъ не является, то его считаютъ умершимъ и на его мѣсто поступаетъ старѣйшій за нимъ. На Маркизскихъ островахъ, кромѣ второстепенныхъ боговъ (атуасовъ), были еще нѣкоторые люди, жившіе въ таинственномъ уединеніи, которымъ воздавалось такое-же поклоненіе и приносились такія-же жертвы, какъ и атуасамъ. Если такимъ образомъ *высшій* и *божественный* были въ началѣ выраженіемъ одной и той-же идеи, то понятно, что отцы семействъ, родоначальники, жрецы, князья стремились сдѣлаться богами еще при своей жизни, что они сами смотрѣли на себя, какъ на существа высшія, божественныя и являлись такими-же въ глазахъ людей подчиненныхъ, особенно если они отличались отъ другихъ какими-нибудь необыкновенными талантами, знахарствомъ, ужаснымъ деспотизмомъ и т. д. У фиджійцевъ глава племени, т. е. старшій изъ его членовъ мужского пола, находящихся въ живыхъ, считается не только отцомъ племени, но и божкомъ. Онъ пользуется безусловною властью надъ личностью, имуществомъ и жизнью каждаго изъ членовъ своего племени, которое воздаетъ ему, какъ при жизни его, такъ и послѣ смерти такое-же почтеніе, какъ богу. Родоначальники фиджійцевъ

пользуются еще большими почестями. „Различіе между вождемъ высшаго порядка и божествомъ второстепеннаго порядка очень незначительно, говоритъ Элисъ.—Первый смотритъ на себя въ значительной степени, какъ на бога, да и подданные его нерѣдко говорятъ о немъ, какъ о богѣ; въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ онъ публично требуетъ для себя божественныхъ правъ“. У многихъ племенъ негровъ князьки ихъ и въ то-же время жрецы равнымъ образомъ играютъ роль боговъ, главное благодѣяніе которыхъ заключается въ низведеніи дождя; подданные молятся имъ, приносятъ жертвы, а въ случаѣ продолжительной засухи жестоко расправляются съ ними; извѣстный путешественникъ Беккеръ рассказываетъ, какъ одинъ изъ такихъ божковъ, въ подобномъ критическомъ положеніи, обратился къ нему за совѣтомъ; путешественникъ сообщилъ ему указаніе барометра, предсказывавшее дождь, божокъ передалъ народу отъ себя это предсказаніе, которое оправдалось, и жизнь, и авторитетъ его были спасены. Король Лоанго, по вѣрованію жителей, есть тоже богъ и можетъ низводить дождь, когда ему угодно. Въ декабрѣ его подданные сходятся обыкновенно молить его о дождѣ, при чемъ каждый приноситъ ему даръ или жертву. Постепенное увеличеніе силы или богатства дикарскаго царька внушаетъ обыкновенно его подданнымъ идею о высшей величіи и силѣ, какихъ они прежде не знали. Въ западной Африкѣ, напр., торговля рабами значительно увеличиваетъ богатство, а слѣдовательно, и силу такихъ царьковъ и они начинаютъ внушать своимъ подданнымъ такой страхъ и благоговѣніе, какіе оказываютъ и другимъ божествамъ своимъ. И примѣры такого обоготворенія живыхъ людей мы видимъ не у однихъ только такъ-называемыхъ низшихъ расъ. Пальгревъ приводитъ примѣръ такого обоготворенія у семитовъ. „Кто вашъ богъ?“ спросилъ одинъ знакомый мнѣ арабскій путешественникъ у кочевника изъ Мезалекха, неподалеку отъ Басры. „У насъ былъ богомъ Фади“, отвѣчалъ кочевникъ (Фади — имя могущественнаго губернатора этихъ странъ, умершаго не задолго передъ этимъ), — „но послѣ того, какъ онъ умеръ, я, право, не знаю, кто у насъ богомъ въ настоящую минуту“. Послѣ этого становится понятнымъ, какимъ образомъ могущественные государи Египта, Тибета, Японіи и другихъ странъ могли считаться великими божествами.

„Когда, говорить Спенсеръ, — въ вавилонской легендѣ о потопѣ мы встрѣчаемъ съ одной стороны такія выраженія: „боги испугались бури и стали нескать убѣжища“ или „боги растянулись, подобно собакамъ, запертымъ въ загонѣ“, выраженія, показывающія, какъ мало боги отличались отъ людей и по своимъ силамъ, и по своимъ чувствамъ и когда, съ другой стороны, мы находимъ, что Издубаръ, герой легенды о потопѣ, становится впоследствии богомъ и что Белъ, произведшій потопъ, былъ „воинъ Белъ“, то у насъ пропадаетъ всякое сомнѣніе относительно того, что вавилоняне также поклонялись своимъ властителямъ, которые были богами еще при жизни“. Даже въ болѣе позднія эпохи многіе государи провозглашали себя богами, какъ, напр., греческіе властители малой Азіи или ихъ родоначальникъ, Александръ Македонскій, объявившій себя сыномъ Юпитера и хотя скептицизмъ въ греческомъ обществѣ былъ въ то время чрезвычайно силенъ и сама мать Александра, шутя, говаривала о сынѣ, что онъ совершенно напрасно старается поссорить ее съ женой Юпитера, но масса азіатовъ все еще вѣрила этимъ богамъ. Даже позднѣе императоръ Домиціанъ начиналъ свои эдикты; „Мы, какъ Господь и Богъ, повелѣваемъ“...

На той ступени умственнаго развитія человѣчества, на которой возможно такое боготвореніе живыхъ людей, еще болѣе естественно и неизбѣжно поклоненіе мертвымъ, которое должно принимать несравненно большіе размѣры, чѣмъ поклоненіе живымъ. Изъ живыхъ людей высшими или божественными существами признаются только тѣ, которые возбуждаютъ въ остальныхъ особенное удивленіе или страхъ, между тѣмъ какъ каждый мертвецъ производитъ на живыхъ точно такое-же, если еще не сильнѣйшее впечатлѣніе. Когда образовалось понятіе о посмертной жизни души, то, благодаря сновидѣніямъ и галлюцинаціямъ, первобытный человѣкъ убѣдился, что души мертвыхъ продолжаютъ жить около него или, по крайней мѣрѣ, посѣщаютъ его. Одинъ мисіонеръ рассказываетъ объ одной австралійкѣ, которую преслѣдовалъ духъ ея умершаго мужа. „Онъ не даетъ ей покоя каждый разъ, какъ она отправится къ своему новому мужу; онъ слѣдуетъ за ней и спрашиваетъ ее: „съ кѣмъ ты оставила моихъ дѣтей? Какое у тебя дѣло здѣсь? Ступай назадъ, къ моимъ дѣтямъ; если не послушаешься, — я убью тебя!“ До какой степени сильна у дикарей

вѣра въ возвращеніе мертвыхъ, можетъ показать случай съ Джоржемъ Греемъ, котораго одна австралійка признала за своего умершаго, но возвратившагося сына и оспала самими нѣжными материнскими ласками. Австралійцы, съ которыми жила г-жа Томсонъ, признавали ее за вернувшуюся назадъ второе я одного ихъ соплеменника и нерѣдко говорили: „бѣдняжка, вѣдь она только духъ усопшаго, и ничего больше!“ Рѣшительно у всѣхъ народовъ обонхъ полушарій души умершихъ, особенно въ первое время, послѣ смерти, посѣщаютъ свои прежнія жилища и своихъ родственниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такіа посѣщенія считаются благодѣтельными, желательными, и живые призываютъ своихъ умершихъ предковъ; въ другихъ-же случаяхъ такіе визиты мертвецовъ внушаютъ ужасъ, и живые принимаютъ мѣры, чтобы помѣшать имъ. По понятіямъ новозеландцевъ, напр., души умершихъ настолько измѣняются въ своей природѣ, что дѣлаются способными вредить самымъ близкимъ и дорогимъ людямъ. Карайбы говорятъ, что изъ числа различныхъ душъ человѣка однѣ приходятъ на морской берегъ переворачивать лодки, другія-же уходятъ въ лѣса и становятся злыми духами. У нѣкоторыхъ племенъ средней Африки главное религіозное ученіе заключается въ вѣрованіи въ души умершихъ, которыя отличаются постояннымъ желаніемъ вредить живымъ. Сибирскіе юраки, положивъ покойника на четыре столба, чтобы отдѣлаться отъ него, пускаютъ въ него по три стрѣлы и уходятъ домой. Кафры переламываютъ или сгибаютъ принадлежащее умершему оружіе, чтобы духъ его, вернувшись какъ-нибудь ночью, не ранилъ кого-нибудь, а австралійцы отрѣзываютъ правый большой палецъ у убитаго врага, чтобы сдѣлать неспособнымъ его духъ бросить дротикъ. Готтентоты выносили покойниковъ изъ хижины черезъ нарочно продѣланное отверстіе, чтобы отнять у души его возможность найти обратную дорогу; подобнымъ-же образомъ, какъ извѣстно, поступали и наши предки. Чуваши бросаютъ въ-слѣдъ покойнику раскаленный до красна камень, чтобы загородить этимъ душѣ путь къ возвращенію. Чтобы избавиться отъ проказъ духа какого-нибудь умершаго, дайяки окружаютъ изгородью то мѣсто, гдѣ погребено его тѣло. Гоайкурусы, послѣ смерти какого-нибудь соплеменника, всѣ переимѣняютъ свои имена, на тотъ случай, чтобы душа его, если бы ей вздумалось возвратиться, не могла найти тѣхъ, кого

знало при жизни тѣло. Бранденбургскіе крестьяне выливаютъ въ слѣдъ за покойникомъ на порогъ дома ведро воды, чтобы вмѣшпать возвращенію души его.

Но какія-бы мѣры ни принимались, чтобы отдѣлаться навсегда отъ посѣщенія души умершаго, она все-таки появляется роднымъ и знакомымъ, то въ сонномъ видѣніи, то въ видѣ галлюцинаціоннаго призрака; мужъ или отецъ посѣщаетъ такимъ образомъ жену или семейство, а какой-нибудь умершій врагъ неотвязчиво преслѣдуетъ во снѣ своего живого врага, душитъ его и т. д. При такихъ условіяхъ первобытному человѣку остается только одно, — вступить, такъ-сказать, въ полюбовное соглашеніе съ душами умершихъ и давать имъ отступное, чтобы онѣ не вредили ему. Души покойниковъ нуждаются прежде всего въ пищѣ, а тѣхъ запасовъ, которыми онѣ обыкновенно снабжаются при погребеніи, хватаетъ не надолго, поэтому онѣ и появляются къ живымъ снова и снова, требуя пищи. Вотъ что, напр., рассказывалъ одинъ зулусъ миссіонеру о томъ, какъ его мучитъ духъ его умершаго брата. „Я опять видѣлъ моего брата; мнѣ снилось, что онъ билъ меня и приговаривалъ: „какъ это ты пересталъ уже знать, что я существую на свѣтѣ?“ Я отвѣтилъ ему такими словами: „хотя я и знаю и помню тебя, но какъ-же мнѣ сдѣлать такъ, чтобы ты видѣлъ, что я знаю тебя? Я знаю, что ты мой братъ“. Какъ только я сказалъ это, онъ тотчасъ отвѣтилъ мнѣ такимъ вопросомъ: „а почему-же, когда ты приносишь въ жертву скотину, ты не призываешь моего имени?“ Я сказалъ ему на это: „я постоянно взываю къ тебѣ и прославляю тебя всѣми твоими славными и хвалебными именами. Назови мнѣ хоть одну скотину, которую я зарѣзалъ-бы, не призвавъ тебя при этомъ. Вотъ я зарѣзалъ какъ-то быка, и призывалъ тебя, послѣ того я зарѣзалъ яловицу, и опять призывалъ тебя“. Онъ отвѣчалъ мнѣ на это, говоря: „я хочу мяса“. Я отказалъ ему въ этомъ, говоря: „нѣтъ, братъ, у меня нѣтъ больше ни одной скотины; ступай посмотри въ загонѣ, найдешь-ли ты тамъ хоть что-нибудь.“ Онъ возразилъ на это: „если-бы тамъ оказалось хоть одно животное, я требую его для себя“. Когда я пробудился, я чувствовалъ еще боль въ боку“. Кормленіе умершихъ душъ и поклоненіе предкамъ мы находимъ рѣшительно у всѣхъ народовъ. На островѣ Мадагаскарѣ въ изящной верхней комнатѣ мавзолея короля Радамы

Были поставлены столъ и два стула, бутылка вина, бутылка воды и два стакана для того, чтобы душа умершаго монарха, посѣщая мѣсто успокоенія своего тѣла и встрѣчаясь здѣсь съ душою своего отца, могла раздѣлить съ нимъ то, что онъ любилъ при жизни. Въ западной Африкѣ варятъ пищу и ставятъ ее на столѣ въ маленькомъ шалашѣ или „чертовомъ домикѣ“ подлѣ могилы: сюда приходитъ ѣсть ее духъ умершаго и души рабовъ, зарѣзанныхъ при его погребеніи. Въ Конго продѣлываютъ отверстіе въ могилѣ ко рту трупа и черезъ него передаютъ покойнику ежемѣсячно запасы пищи и питья; точно также поступаютъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ острова Явы. Эсты, садясь обѣдать, бросаютъ первый кусокъ и сплескиваютъ немного пива подлѣ столъ для своихъ покойниковъ. Черемисы кладутъ на могилу ѣду и питье, говоря: „это для васъ, умершіе“. Древніе египтяне выставляли запасы пироговъ и утокъ у могилъ своихъ родственниковъ и даже приносили муміи на свои пиры, какъ гостей на праздникъ. Народы монгольской расы всегда отличались особеннымъ уваженіемъ къ своимъ предкамъ. Племя Топа, перешедшее въ среднюю Азію изъ южной Сибири, долго еще по своему переселеніи чтило могилы отцовъ и посылало имъ жертвы. Въ Китаѣ поклоненіе предкамъ еще въ глубокой древности превратилось въ государственное учрежденіе, и самъ Конфуцій считалъ его одною изъ первыхъ обязанностей человѣка. Въ императорскомъ китайскомъ дворцѣ есть особая *зала предковъ*, въ которой приносятся жертвы умершимъ членамъ царской фамиліи. Подобныя-же залы имѣетъ каждое семейство; въ извѣстное время здѣсь собираются всѣ члены фамиліи и приносятъ своимъ предкамъ жертвы. То-же самое было, какъ извѣстно, въ Римѣ, гдѣ для предковъ устраивался въ домѣ особый алтарь. Въ кочевой жизни напр., у монголовъ такимъ алтаремъ служитъ очагъ, на которомъ ежедневно, какъ только хозяева начинаютъ ѣсть, приносятся жертвы предкамъ, въ видѣ бросаемыхъ въ огонь кусочковъ жира и т. д. Поэтому-то запрещается бросать въ огонь такія вещи, при сгораніи которыхъ чувствуется дурной запахъ, не позволяется плевать и лить воду на очагъ, перешагивать черезъ него, замазывать оружіемъ, вынимать ножомъ мясо изъ котла; поэтому-то, наконецъ, женихъ и невѣста въ день свадьбы преклоняются передъ очагомъ и приносятъ жертву его божеству,

своему родоначальнику. Съ переходомъ къ осѣдлой жизни очагъ замѣнился печкой и она сдѣдалась сѣдалищемъ семейнаго божества, которое у славянъ чествовалось именемъ *отца* или *дѣдушки домового*, который называется также *хозяйномъ*. Поклоняясь и принося жертвы всѣмъ умершимъ, первобытнѣйшій человѣкъ въ особенности чтить духъ своего отца или главы семейства. У негровъ, напр., духъ отца занимаетъ первое мѣсто среди оставшихъ покойниковъ; обращеніемъ къ нему они начинаютъ и кончаютъ свои молитвы; они помнятъ, какъ онъ ласкалъ ихъ при жизни, заботился о нихъ, и говорятъ: „онъ останется для насъ такимъ-же и послѣ смерти; мы не знаемъ, за что-бы онъ сталъ заботиться о другихъ, онъ будетъ заботиться только о насъ“. Но, заботясь о своемъ семействѣ, умершій отецъ, несмотря на свое могущество, самъ нуждается въ помощи своихъ дѣтей, именно въ кормленіи; на этомъ-то основывается страстное желаніе всѣхъ патриархальныхъ народовъ имѣть мужское потомство, необходимое для принесенія посмертныхъ жертвъ. „Да родится въ нашемъ колѣнѣ—молятъ индусы—человѣкъ, который приносилъ-бы намъ рисъ, варенный въ молокѣ, медъ и масло!“ Кромѣ обыкновенныхъ жертвъ предкамъ потомки ихъ обращаются къ нимъ въ крайнихъ критическихъ случаяхъ за помощью и приносятъ чрезвычайныя жертвы. Въ южной Гвинее, напр., въ случаѣ общественной опасности или голода можно увидать на какой-нибудь вершинѣ холма или у опушки густого лѣса цѣлыя толпы мужчинъ и женщинъ, взывающихъ трогательными и жалобными голосами къ душамъ своихъ предковъ. Наконецъ, такія экстраординарныя заклинанія предковъ и угощенія ихъ устраиваются въ опредѣленные дни года. Китайцы въ эти дни приглашаютъ души предковъ молитвами и барабаннымъ боемъ, готовятъ для нихъ обильныя яства и напитки, а для приѣма дорогихъ гостей строятъ отдѣльный домикъ, съ особыми комнатами и ваннами, для душъ мужского и женскаго пола. Для освѣщенія душамъ дороги, зажигаются фонари, нѣкоторая часть блюдъ оставляется для слѣпыхъ или слабыхъ душъ, которыя могутъ запоздать, а для обезглавленныхъ душъ ставится котелъ жидкой каши и ложки, которыми онѣ могутъ вливать ее прямо въ горло. У древнихъ славянъ на этихъ пирахъ въ честь умершихъ пирующие сидятъ молча, бросая кусочки пищи подъ столъ, подъ которымъ имъ слышался шелестъ

духовъ, питавшихся запахомъ и паромъ мяса. По окончаніи объѣда жрецъ вставалъ и, выметая домъ, выгонялъ души умершихъ, какъ блохъ, приговаривая: „души, вы напились и наѣлись, ступайте-же, ступайте прочь“! Въ Кохинкинъ народъ вѣрить, что души умершихъ нуждаются въ тѣлесной поддержкѣ и питаніи, вслѣдствіе этого нѣсколько разъ въ году устраивается великолѣпный пиръ дѣтьми въ честь родителей, мужьями въ честь женъ, друзьями въ честь друзей; при этомъ ждуть обыкновенно долгое время, что мертвые гости придутъ и сядутъ за столъ. Эти жертвы даже въ Европѣ удержались до настоящаго времени. Въ Италіи день „всѣхъ усопшихъ“ проводится обыкновенно въ ѣдѣ и питьѣ въ честь покойниковъ, а дѣти играютъ скелетами и черепами изъ сахара и тѣста. Въ Бретаніи въ этотъ день толпы стремятся вечеромъ на кладбище, съ обнаженными головами, становятся на колѣна у могилъ своихъ родственниковъ и поливаютъ ихъ святой водой или молокомъ. Нѣтъ дома, гдѣ-бы въ эту ночь сняли скатерть со стола или погасили огонь въ каминѣ, чтобы души, которыя захотятъ придти въ домъ, могли поѣсть и обогрѣться. Точно такое-же значеніе имѣетъ у насъ „родительскій день“. „Съ наступленіемъ марта, говоритъ Афонасьевъ, у всѣхъ славянъ начинается обрядовое посѣщеніе кладбищъ; въ первый день этого мѣсяца, съ восходомъ солнца лужичане, чехи и поляки ходятъ на кладбище съ зажженными факелами, служатъ тамъ панихиды и оставляютъ разныя яства“, а русскіе даже водку.

Первобытное поклоненіе предкамъ, выражающееся главнымъ образомъ въ кормленіи душъ умершихъ родственниковъ, долго держится въ жизни въ этой формѣ, но вмѣстѣ съ нею развивается другая форма поклоненія тѣмъ предкамъ и прародителямъ, которые умерли въ древнія времена и память которыхъ долго сохраняется, благодаря ихъ общественному положенію, талантамъ, подвигамъ. „Въ ретроспективной вѣрѣ грека, говоритъ Гротъ, идеи о богопоклоненіи и о предкахъ совпадали одна съ другой; каждая общественная группа, большая или малая, которая знавала свою внѣшнюю связь, возводила эту связь къ какому-нибудь общему начальному прародителю, и этотъ прародитель былъ опять-таки или тѣмъ общимъ имъ всѣмъ богомъ, которому они поклонялись, или какимъ-нибудь полубожественнымъ суще-

ствомъ, находившимся въ тѣсномъ родствѣ съ этимъ общимъ богомъ“. Въ Перу поклоненіе солнцу и викамъ было соединено съ мѣстными поклоненіемъ предкамъ. Каждый изъ нашихъ прелковъ, говорили туземцы испанцамъ, поклонялся *маркайоку*, который былъ основателемъ или старѣйшиной деревни, жители которой отъ него произошли. Но жители другой деревни не поклонялись ему, ибо имѣли другого маркайока“. Абипонцы обожаютъ своего прародителя, который живетъ, по ихъ мнѣнію, въ созвѣздіи плеядъ и носить названіе *кибетъ*, кудесникъ. Особеннымъ уваженіемъ потомства пользуются тѣ предки, которые, въ качествѣ правителей или вообще замѣчательныхъ личностей, были благодѣтелями своего народа. Бразильцы приписываютъ начало земледѣлія Тупану, который былъ, кажется, родоначальникомъ этого племени и которому они поклоняются, какъ своему высшему божеству. Индѣйцы чинуки, по словамъ Банкрорта, говорятъ, что добрый, могущественный духъ научилъ ихъ дѣлать лодки, также какъ другія орудія и утварь, набросалъ въ рѣки огромные утесы и надѣлалъ водопадовъ, чтобы помѣшать лососямъ подниматься далеко вверхъ по рѣкѣ и такимъ образомъ облегчить ихъ ловлю“. Мексиканскій богъ Кветцалкоатль, во время своего пребыванія на землѣ, обучилъ людей употребленію металловъ, земледѣлію и правительственному искусству. Кромѣ того мексиканцы поклонялись богинѣ Чикомекоатль, — первой женщинѣ, начавшей печь хлѣба, Опутчли, изобрѣтателю рыболовныхъ снарядовъ, Якатекутли, основателю торговли и т. д. Египетскіе боги Озирисъ, Нефа и Тотъ тоже обучили людей разнымъ искусствамъ. Изъ китайскихъ божествъ богъ войны, или военный мудрецъ, былъ нѣкогда чело-вѣкомъ и замѣчательнымъ воинемъ; богъ механики былъ искуснымъ работникомъ и изобрѣлъ орудія; богъ свиней былъ нѣкогда свинопасомъ и умеръ съ горя отъ потери своего стада; богъ игроковъ былъ отчаяннымъ игрокомъ, проигравшимъ все свое состояніе и умершимъ въ нищетѣ. Самое простое на нашъ взглядъ ремесло, напр. кузнечное, въ дикой жизни было до того необыкновеннымъ явленіемъ, что искусные въ немъ люди, первые начавшіе заниматься имъ, превращались въ боговъ. Буряты между прочимъ поклоняются „владѣтелю кузницы, Бѣлому Кузнецу“, живущему теперь на Саянскихъ горахъ, и такъ обращаются къ нему въ своихъ молитвахъ: „владѣтель кузницы, кривой госпо-

динъ, владѣтель наковальни, высокій господинъ, выжавшій мягкое желѣзо изъ краснаго камня, выжавшій сталь изъ чернокраснаго камня"! Рядомъ съ нимъ стоятъ „Черный Кузнецъ“ и „Желтый Кузнецъ“. Все они были, говорятъ буряты, люди и первые начали заниматься кузнечнымъ ремесломъ. Знаменитые жрецы тоже превращаются въ боговъ, какъ у тѣхъ-же бурятъ такъ и вообще у сибирскихъ инородцевъ. Весьма характерные факты относительно обоготворенія замѣчательныхъ личностей сообщаетъ Лайель, въ своей „Религін одной индійской провинціи“. „Насколько я былъ способенъ прослѣдить происхожденіе наиболѣе извѣстныхъ малыхъ провинціальныхъ боговъ,—это обыкновенно люди прошедшихъ поколѣній, заслужившіе особенное положеніе и привилегированный санъ между безтѣлесными тѣнями какими-нибудь особенными поступками или случаями въ ихъ жизни или при ихъ смерти. Бунджарасы, племя, преданное придорожному разбою, боготворять одного бандита. Раймодъ, французскій главнокомандующій, умершій въ Гайдерабадѣ, былъ тамъ канонизированъ по обычаю страны. Наибольшая-же часть многочисленныхъ мѣстныхъ боговъ беретъ свое начало изъ обыкновенной канонизаціи личностей святой жизни. Число алтарей, воздвигнутыхъ такимъ образомъ въ Берарѣ однимъ только этимъ отшельникамъ и людямъ, умершимъ святой смертью, очень велико и постоянно возрастаетъ. Нѣкоторые даже дошли до степени храмовъ“. Цивилизованные иностранцы, живавшіе среди дикарей, еще при своей жизни считались божествами, а въ слѣдующихъ поколѣніяхъ преданіе украшало ихъ личность качествами высшихъ божествъ, какъ-то можно видѣть, напр., изъ мифологіи пераунцевъ и мексиканцевъ, главные боги которыхъ были по преданію иностранцы. Великіе завоеватели и основатели первобытныхъ государствъ тоже дѣлаются послѣ своей смерти божествами высшаго разряда, какъ это мы видимъ въ Вавилонѣ и Египтѣ. Въ Перу каждый умершій царь немедленно становился богомъ въ глазахъ населенія, ему воздвигались статуи и приносились жертвы. Древняя исторія Японіи говоритъ, что основателями государства были сами верховные боги, потомки которыхъ правятъ Японіей до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, замѣчательнѣйшіе изъ древнихъ предковъ, дѣйствительныхъ или мифическихъ, превращались съ теченіемъ времени изъ полубожественныхъ духовъ въ настоящихъ боговъ,

въ значеніи близкомъ тому, какое придаютъ этому слову народы высшей культуры. Но нерѣдко мы видимъ, что и на низшихъ ступеняхъ развитія древній предокъ становится высшимъ существомъ и ему приписывается даже созданіе міра. Главными божествами камчадаловъ считаются Кутху и жена его. Кутху сначала жилъ на небѣ, потомъ снесъ съ неба землю, поставилъ ее на морѣ и поселился въ Камчаткѣ. Здѣсь у него родился сынъ и дочь, которые вступили между собою въ супружество. Кутху и жена его долго жили въ Камчаткѣ, носили платье изъ древесныхъ листьевъ, питались березовою и таловою корою, потому что звѣрей еще не было, а рыбу ловить не умѣли. Кутху изобрѣлъ только лодки да лыжи. Вскорѣ послѣ этого, оставивъ свое семейство, онъ ушелъ куда-то на лыжахъ. Во время его путешествія земля гнулась подъ нимъ, какъ тонкій ледъ, и такимъ образомъ явились горы и долины. Кутху считается богомъ неба и грома. Послѣ его отбытія изъ Камчатки у сына его, Тыжилъ-Кутху, родились сынъ и дочь, которые, подобно своимъ родителямъ, вступили въ супружество. При размноженіи людей, Тыжилъ-Кутху сталъ заботиться объ ихъ благосостояніи, сотворилъ звѣрей, научилъ шить одежду изъ кожъ, ловить рыбу сѣтями, связанными изъ крапивы и т. д. Подобную-же легенду мы находимъ у племени Амазулу. Вотъ что рассказываютъ они. „Древніе говорили, что Ункулункулу былъ тотъ, кто далъ начало людямъ и всему остальному, какъ домашнему скоту, такъ и дикимъ животнымъ. Солнце и мѣсяцъ мы приписываемъ Ункулункулу, равно какъ всѣ вещи этого свѣта и небо. Онъ породилъ древнихъ давнымъ давно; они умерли, оставивъ послѣ себя дѣтей; эти дѣти породили другихъ дѣтей, которыя тоже умерли; эти новыя дѣти породили другихъ; такимъ-то образомъ мы, наконецъ, услышали объ Ункулункулу. Ункулункулу уже нѣтъ болѣе; онъ былъ первый человекъ, онъ родился въ самомъ началѣ“. Ункулункулу значитъ „старый-престарый“.

Подобное отождествленіе прародителя съ творцомъ міра не представляетъ ничего страннаго съ точки зрѣнія первобытнаго міросозерцанія. Задавая себѣ вопросъ, откуда произошли люди, первобытный человекъ, естественно, доходилъ до мысли о первомъ прародителѣ или „старомъ старикѣ, сидящемъ тамъ, на верху“, какъ выражаются нѣкоторые дикари. Кто-же сдѣлалъ небо, зе-

иллю и другіе предметы? Да кому-же было сдѣлать ихъ кромѣ того-же стараго старика? На нашъ взглядъ болѣе странными кажутся легенды о прародителяхъ, вродѣ слѣдующей, рассказываемой алеутами. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что „въ самомъ началѣ жила на Уналашкѣ Сука и что съ острова Кадьяка приплылъ къ ней Кобель; отъ этой-то пары и произошло людское племя“. Другіе-же называютъ ту суку „матерью своего племени“ и говорятъ, что она произвела потомство отъ нѣкоего старца. Балаганскіе буряты считаютъ своимъ родоначальникомъ Сиваго Пороза; племена алтайскихъ инородцевъ производятъ себя одни отъ верблюдовъ, другіе отъ горъ, третьи отъ града и т. д., бечуаны, по ихъ словамъ, происходятъ отъ обезьянъ; нѣкоторыя племена отъ аллигатора, другія отъ рыбы; запотеки имѣютъ своими предками львовъ и другихъ дикихъ животныхъ; калифорнскіе индѣйцы производятъ себя отъ лугового волка и объясняютъ потерю своихъ хвостовъ тѣмъ, что пріобрѣтеніе привычки сидѣть прямо уничтожило этотъ прекрасный членъ; нѣкоторые индѣйцы считаютъ своимъ прародителемъ медвѣдя, ашантинъ—ядовитую змѣю боръ, дикокаменные киргизы—краснаго кобеля; туземцы Конго произошли отъ деревьевъ, перуанцы отъ солнца и т. д. Во всѣхъ подобныхъ легендахъ Спенсеръ видитъ слѣды первобытнаго поклоненія предкамъ и, какъ намъ кажется, совершенно справедливо доказываетъ, что они произошли вслѣдствіе несовершенствъ и крайней скудости первобытнаго языка. Дѣйствительно, языкъ первобытнаго дикаря такъ бѣденъ словами, что для разговора на немъ необходимо употреблять едва-ли не болѣе жестовъ, чѣмъ словъ. Напр., для выраженій: „я пойду въ лѣсъ; я вышелъ изъ лѣса; я ходилъ по лѣсу; я пойду за лѣсомъ; я произошелъ отъ лѣса“, нѣкоторые дикари употребляютъ только слова: *я, идти, лѣсъ*, дополняя все остальное знаками. У гуранисовъ слово *абаче* имѣетъ слѣдующее значеніе: *я чууранисъ, я мужчина, я супругъ, я человекъ*. При такой бѣдности языка передать истинный смыслъ извѣстнаго факта или явленія чрезвычайно трудно, трудно въ особенности въ томъ случаѣ, когда употребляются метафоры, уподобленія, гиперболы и т. д. При этомъ у дикарей нѣтъ собственныхъ именъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова и они замѣняются названіями предметовъ, животныхъ, растений и т. д. Вотъ, напр., нѣкоторыя дикарскія имена: Ло-

жидкий Хвостъ, Собака, Медвѣдь, Свирѣпый Тигръ, Пантера, Бѣлый Горностаѣй, Дубъ, Быкъ, Луна, Тростникъ и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ даются совершенно случайно при рожденіи ребенка, другія же служатъ прозвищами, характеризующими известную личность; храбреца называютъ Орломъ или Львомъ, труса — Зайцемъ, красавицу — Утренней Звѣздой и т. д. Нѣкоторые сильные вожди или сами присвоиваютъ себѣ подобныя прозвища, или получаютъ отъ своихъ раболѣпныхъ подданныхъ. Одинъ, напр., африканскій король называетъ себя: Змѣя змѣй, Быкъ быковъ, Слоны непобѣдимой силы. Когда повелитель Маколого является въ какое-либо селеніе, народъ привѣтствуетъ его титуломъ Великаго Льва; древніе египетскіе и ассирійскіе цари носили титулы Побѣдоноснаго Быка, Льва, Солнца и т. д. Теперь представьте себѣ, что на несовершенномъ первобытномъ языкѣ передается сказаніе о лицахъ, носившихъ подобныя прозвища; на этомъ языкѣ невозможно выразиться такъ, напр., что *существовалъ, дескать, человекъ, носившій имя Черепаша, который пришелъ въ нашу страну изъ леса*, — нельзя выразиться такъ потому, что нѣтъ подходящихъ словъ для выраженія понятій: *имя, который, изъ, и*, кромя того, нѣкоторыя слова этого языка могутъ употребляться въ разныхъ значеніяхъ, напр. въ упомянутой фразѣ слово *пришелъ* можетъ значить въ то-же время *произошелъ, родился* и т. д. Такимъ-то образомъ въ преданіи этотъ человекъ превращается въ *черепашу*, о которой рассказываютъ, что она *произошла отъ леса*. При такомъ способѣ объясненія всѣ упомянутыя нами легенды о происхожденіи людей отъ звѣрей, растений, лѣсовъ, солнца и т. д. объясняются совершенно просто и естественно, равно какъ и многія другія легенды, въ которыхъ тѣ-же самые предметы играютъ роль людей, напр., дѣвушка выходитъ замужъ за волка; утренняя заря похищается ручьемъ и т. д. Тѣмъ-же процессомъ можно объяснить и происхожденіе многихъ совершенно фантастическихъ божествъ, каковы, напр., у вавилонянъ богъ Нинъ, который былъ рыбо-человѣкъ, рыба съ человѣческой головой и ногами, выхлѣбшими у нея подлѣ хвоста; филистимлянскій богъ Дагонъ съ человѣческой головой и руками и съ рыбьимъ хвостомъ; финнійская Астарта, изображавшаяся въ видѣ получеловѣка и полубыка; въ Египтѣ Аммонъ, человекъ съ головою ба-

рана, Горусъ съ головою ястреба, Сакъ, соединявшій въ своемъ лицѣ птицу, четвероногое и растение и т. д. Всѣ эти нелѣпныя фантазіи объясняются вполнѣ удовлетворительно неправильнымъ истолкованіемъ метафорическихъ прозваній, носившихся однимъ и тѣмъ-же лицомъ. Но Спенсеръ даетъ черезчуръ ужъ широкое приложение этому способу объясненія мифовъ и приходитъ къ заключенію, что „поклоненіе предкамъ есть корень всякой религіи“. Онъ утверждаетъ, что прежде всего люди поклонялись только душамъ умершихъ и затѣмъ, посредствомъ упомянутого процесса, поклоненіе нѣкоторымъ изъ этихъ предковъ перешло въ поклоненіе предметамъ природы; предокъ, называвшійся Солнцемъ, превратился въ бога Солнце; какой-нибудь египетскій царь, называвшійся Быкомъ, превратился въ божественнаго быка Аписа и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такіа превращенія, конечно, бываютъ, но невозможно согласиться съ теоріей Спенсера во всей ея широтѣ уже по одному тому, что вслѣдствіе бѣдности и метафоричности первобытнаго языка обоготворенные предметы природы должны были называться также метафорическими именами Льва, Солнца и т. д. При этомъ необходимо принять во вниманіе, что поклоненіе предкамъ могло только появиться съ развитіемъ теоріи анимизма, которая хотя и кажется намъ крайне грубою, но тѣмъ не менѣе могла зародиться въ умѣ первобытнаго человѣка на сравнительно высокой ступени его развитія. До этого-же времени человѣкъ неизбѣжно получалъ сильныя впечатлѣнія отъ грознаго урагана, всепожирющаго пламени огня, убійственныхъ стрѣлъ молніи, солнечнаго блеска и жара, хищнаго тигра, — и поклонялся имъ. Вслѣдствіи онъ перенесъ на всѣ эти и другіе предметы представленіе о своемъ внутреннемъ жизненномъ началѣ, приписалъ имъ души и началъ поклоняться душамъ предковъ; наконецъ, эти души превратились въ *духовъ* и *боговъ*.

Поклоненіе душамъ предковъ долго остается въ своей первобытной формѣ; память о родственникахъ, скончавшихся давно, болѣе и болѣе исчезаетъ, но на мѣсто ихъ являються новые покойники, чтобы съ теченіемъ времени быть смѣненными въ свою очередь другими; но память о нѣкоторыхъ мертвецахъ не умираетъ гораздо дольше, чѣмъ память о людяхъ обыкновенныхъ, только личныя характеристическія черты этихъ мертвецовъ постепенно исчезаютъ изъ преданій и души ихъ превращаются въ ду-

хогъ. Одинъ изъ процессовъ этого превращенія Спенсеръ изображаетъ такъ: „Неподалеку отъ мѣста, гдѣ одинъ изъ членовъ племени когда-то утонулъ, находится въ рѣкѣ водоворотъ, который закручиваетъ и втягиваетъ въ себя плывущіе мимо сучья и т. д. Что можетъ быть очевиднѣе того, что двойникъ этого утопшаго человѣка, будучи злого характера, какъ всѣ непогребенные мертвецы, живетъ по близости мѣста своего утопленія и утаскиваетъ подъ воду плывущія мимо вещи, а иногда, изъ жстительной злобы, схватываетъ и утаскиваетъ подъ воду даже людей, которые осмѣливаются приближаться къ мѣсту его жительства. Когда люди, знавшіе утопшаго, всѣ перемрутъ, когда, по истеченіи нѣсколькихъ поколѣній, подробности этой исторіи отодвинутся назадъ болѣе новыми исторіями, сотрутся въ памяти людей, а въ особенности когда явится сюда какое-нибудь пришлое племя побѣдителей, въ преданіяхъ котораго о его прошедшемъ мѣстная исторія не имѣетъ никакихъ корней, то отъ всей первоначальной исторіи останется только вѣра въ водяного духа, живущаго въ омутѣ. И такъ повсюду. Съ переходомъ преданія изъ устъ въ уста сходство между духомъ и тѣмъ индивидомъ, отъ котораго онъ ведетъ свое начало, постепенно утрачивается, такъ-какъ ничто не содѣйствуетъ тому, чтобы преданіе сохраняло это сходство, а эти безчисленные отступленія, разъ начавшись, приводятъ постепенно къ исчезновенію не только индивидуальныхъ, но подъ конецъ даже просто человѣческихъ чертъ, разнообразности переходятъ въ виды, роды и порядки сверхестественныхъ существъ“. Но это только одна форма упомянутаго процесса, имѣющаго еще нѣсколько другихъ формъ. Предположимъ, что упомянутый утопленникъ былъ никому неизвѣстный чужестранецъ, и для насъ будетъ понятно, что онъ гораздо скорѣе превратится въ *духа*, чѣмъ утопленникъ, всѣмъ извѣстный. Извѣстное племя, переселившееся въ новое мѣсто, находитъ въ лѣсу нѣсколько человѣческихъ скелетовъ, принадлежащихъ очевидно какому-то чужимъ людямъ, и вотъ всѣ таинственныя явленія лѣса, илюзія зрѣнія въ немъ, эхо, непонятныя звуки ночью, — все это будетъ приписано душамъ упомянутыхъ людей, которые не замедлятъ превратиться въ лѣсныхъ духовъ или лѣшнихъ. Затѣмъ, когда появились подобныя духи въ одномъ лѣсѣ, въ одномъ омутѣ и т. д., то тѣ-же самыя явленія, которыя по-

дали поводъ къ вѣрѣ въ ихъ существованіе здѣсь, неизбѣжно будутъ объясняться тѣмъ-же существованіемъ духовъ въ другихъ лѣсахъ и въ другихъ омутахъ, хотя бы никто ничего не слышалъ объ утонувшихъ или заблудившихся и погибшихъ въ нихъ людяхъ. Слѣды этого процесса очень ясны въ бурятской мифологіи, въ которой мы видимъ „хозяевъ лѣса“, — души людей, заблудившихся и умершихъ въ лѣсу, которыя отделиваются заблудившимся, чтобы завлечь ихъ въ непроходимую тущобу, гдѣ они неизбѣжно должны погибнуть. Совершенно къ тому-же разряду божествъ относятся „хозяева воды“, водяные, происшедшіе отъ душъ утопленниковъ *).

Когда къ сонму обоготворяемыхъ покойниковъ присоединяются такимъ образомъ другіе духи, то число божествъ увеличивается до безконечности. У монгольскихъ племенъ каждый холмъ, каждое дерево, каждая гора, каждый ручей, каждое животное имѣютъ своего духа *хозяина* (эжинъ); всѣ эти духи оказываютъ большое вліяніе на людей и даже считаются творцами тѣхъ предметовъ, которыми они владѣютъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей бурятской молитвы: „держачіе эхо высокой горы, держачіе вѣтры широкаго моря, цари мои, живущіе на горахъ, божества мои, обитающія на урочищахъ, *сдѣлавшіеся сами творцами*, избавляющіе насъ отъ опасности!..“ Точно такими-же „хозяевами“ разныхъ предметовъ и творцами ихъ были финскіе *хальтия*, къ которымъ финны обращались такъ: „призываю женъ земли, старухъ хозяевъ съ поля, мужей меча изъ земли, конныхъ героевъ съ песка, дѣвъ изъ всѣхъ долинъ“ и т. д. У эскимосовъ тоже весь видимый міръ управляется такими сверхестественными силами или „хозяевами“, изъ которыхъ каждый имѣетъ власть только надъ своею собственностью. Ведахи убѣждены, что воздухъ населенъ духами и что каждая скала, каждое дерево, каждый лѣсъ, каждый холмъ, короче сказать, каждая черта природы имѣетъ своего мѣстнаго духа, своего *genius loci*. „Для карена, говоритъ Мэсонъ, — міръ гораздо гуще населенъ духами, чѣмъ людьми“. Число страшныхъ духовъ, кото-

*) Много данныхъ относительно вѣрованій русскихъ инородцевъ собрано въ моей статьѣ „Шаманство въ Сибирѣ“. „Записки Геогр. Общ“, книга вторая стр. 1—105.

рыхъ признають австралійцы, чрезвычайно велико; не только небо заселено ими, но и вся поверхность земли кишитъ сверхестественными существами; каждая роща, большая часть водопоевъ, всѣ скалистые мѣста полны ими. Точно также всякое естественное явленіе считается дѣломъ духовъ. Ни одинъ вихрь не пронесется черезъ дорогу безъ того, чтобы за нимъ не погнались съ дюжину дагопейцевъ съ обнаженными ножами, которыми они тычутъ въ центръ пыльнаго столба, чтобы прогнать злого духа, вѣдущаго на вихрь. Запнулся-ли кто и упалъ, свалился съ дерева и сломалъ себѣ шею, зѣвнулъ или видѣлъ страшный сонъ, гремитъ-ли громъ, шумитъ-ли лѣсъ, лаетъ-ли ночью собака, затмѣвается-ли солнце или стораеть отъ неизвѣстной причины жилище диваря, — все это для него дѣйствія духовъ.

С. Шамковъ.

(Продолженіе будетъ.)

БЪШЕНАЯ ЛОЩИНА.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ Бѣшеной Лощинѣ происходили сцены другого рода. Ольга выѣхала изъ дома Смирновыхъ, какъ невѣста доктора. Она поселилась на время въ домикъ Марфы Васильевны. Свадьбу пришлось отложить на нѣсколько времени, потому что холостая квартира доктора была неудобна для помѣщенія и надобно было ее передѣлать заново. Къ тому-же времени, докторъ надѣялся получить еще мѣсто при земствѣ, о которомъ онъ подалъ уже прошеніе, потому что его настоящее жалованье, по мнѣнію Ольги, было недостаточно для двухъ. Скрѣпя сердце, сдѣлалъ докторъ эту первую уступку супружескимъ узамъ. Онъ находилъ до сихъ поръ, что ему едва доставало времени добросовѣстно заниматься округомъ графскихъ имѣній, и ему казалось немислимымъ взять на себя еще другую должность. Однако, Ольга разсуждала иначе: она доказывала, что не одному-же Волгину загребать деньги лопатами, — и если какой-нибудь Волгинъ умѣетъ занимать нѣсколько должностей разомъ, то почему-же ему, Межецкому, не дѣлать этого также.

Она, въ качествѣ невѣсты, проводила большую часть времени въ Бѣшеной Лощинѣ, наслаждаясь предвкушеніемъ будущаго и заранѣе составляя программу своихъ отношеній къ Волгину. Во-первыхъ, она до конца рѣшила сыграть роль передовой и образ-

цовой женщины, у которой слово не идетъ въ разрѣзъ съ дѣломъ, и завалила себя работой. Она приучалась готовить лекарства, изучала фармацію, посѣщала больныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ женихомъ. Онъ былъ безъ ума отъ нее. Онъ, каждый вечеръ, рассказывалъ Волгину перечень новыхъ трудовъ и проектовъ своей невѣсты и былъ совершенно счастливъ, когда Ольга, съ фигурой героини романа, въ сѣромъ платьѣ, бѣломъ передникѣ и круглой соломенной шляпѣ, являлась въ больницу со связкой бинтовъ и корпici. Могъ-ли онъ замѣтить слѣды нетерпѣнія и скуки на ея лицѣ, во время его жаркихъ научныхъ объясненій по поводу какой-нибудь болѣзни, и могъ-ли онъ претендовать, что, оставаясь наединѣ, она бросала химию и вызывала его на изліянія и ласки, которыя уносили его на седьмое небо? Онъ былъ слишкомъ влюбленъ, чтобъ видѣть что-нибудь кромѣ ея прелести. Но время летѣло. Волгинъ, погруженный въ хозяйство и частыя отлучки изъ дому, былъ почти невидимъ. Ольгу начало сѣдять тайное и неопредѣленное безпокойство. Обожаніе доктора, ощущенія, которыя онъ въ ней вызывалъ, все это, пріятное и развлекающее сначала, — пріѣлось наконецъ, и снова самолюбіе и интриги стояли на первомъ планѣ. Докторъ сталъ снова замѣчать неровность, раздражительность въ ея обращеніи; она была съ нимъ или груба до жестокости, или пассивна до самозабвенія. Онъ приписывалъ все это ея впечатлительной и нервной натурѣ, и еще болѣе нѣжилъ, еще болѣе любилъ ее за это.

Въ это время Волгинъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Послѣ сцены съ Галатовой, Марья Павловна не показывалась болѣе у старушки. Старушка посылала было за ней, но посланному было сказано, что она нездорова. Марфа Васильевна отправилась къ ней сама. Она застала молодую женщину за письмомъ, которое та писала и торопливо спрятала при ея появленіи. Мужа не было: онъ былъ на гумнѣ напротивъ дома и съ этого поста могъ удобно наблюдать за всѣмъ. Марья Павловна приняла Галатову съ улыбкою и предложила выйти погулять въ садъ. Она была свѣжа и молода по-прежнему, только взглядъ ея, скользя безъ участія по окружающимъ предметамъ, обличалъ тайную, внутреннюю работу мысли.

— Какъ у васъ хорошо здѣсь, замѣтила старушка, любясь

тѣмнѣйшимъ садомъ, съ чистыми аллеями и клумбами цвѣтовъ.—Я рада, что вы здоровы. Что мужъ? Угломонился?

— Я не говорю съ нимъ. Надоѣло. Онъ общается мнѣ опять и коровъ купить, и сыроварню завести въ большемъ размѣрѣ...

— Ну, такъ чего-же вамъ? воскликнула Галатова.

— Во-первыхъ, я ничему этому не вѣрю... Во-вторыхъ, еслибъ онъ распинался передо-мною, такъ мнѣ противно принимать что-нибудь изъ его рукъ.

Марья Павловна вспыхнула и зонтикомъ начала обивать головки цвѣтовъ.

— Если онъ мнѣ не дастъ паспорта, я убѣгу тихонько...

Галатова долго молчала.

— У васъ есть что-нибудь на примѣтѣ?

Молодая женщина снова вспыхнула.

— Нѣтъ, выговорила она съ усиленіемъ.

— Хотите, я вамъ дамъ мѣсто, вдругъ сказала Галатова, пристально и пронизательно смотря на молодую женщину:—родные моего мужа, богатые, московскіе раскольники; по моей рекомендаціи, они примутъ васъ безъ всякихъ бумагъ: вы будете работать въ лавочкѣ; это очень легко можно устроить...

На лицѣ Марьи Павловны выразалась борьба.

— Я подумаю, вымолвила она безъ малѣйшей радости.

Поговоривъ о постороннихъ предметахъ, женщины разстались. Затѣмъ она что-нибудь! подумалось старушкѣ, возвращавшейся домой.—Какая скрытная, недовѣрчивая стала... Все надѣется: то-то глупа, молода! Жаль бѣдняжку..."

Марья Павловна, оставшись одна, долго ходила по дорожкамъ сада. Ей было скучно; она была вполне одинока. Понятно послѣ этого, что она желала вырваться изъ своего положенія,—и вырваться именно тѣмъ путемъ, который подсказывала ей ея молодость, ея желаніе жить, ея надежда на лучшую долю. Она готовила письмо къ Волгину.

Было семь часовъ вечера. "Солнце уже не такъ палило раскаленную землю. Мецецкій съ утра уѣхалъ изъ дому по больнымъ и только-что возвратился, когда Славянскій подаль ему телеграмму отъ Волгина. Въ этой телеграммѣ назначался день его приѣзда съ графиней Бореаль. Докторъ призадумался. Въ обрест-

ности появились признаки холеры и онъ зналъ, какъ это опечалить его друга. Онъ перебрънилъ платье и, взявъ телеграму, отправился къ Галатовой, гдѣ была Ольга. Онъ не видалъ ее цѣлый день. Она была въ саду, въ бесѣдкѣ, только-что возвратившись съ купанья. Ея тяжелыя, мокрыя косы разметались въ беспорядкѣ по плечамъ и она, улыбаясь, протянула жениху свою холодную руку. Отъ нея еще вѣяло прохладою и свѣжестью рѣки.

— Наконецъ-то! привѣтствовала она его. — Разсказывай, что дѣлалъ цѣлый день безъ меня? Смирновыхъ видѣлъ? Благодарствовать по-прежнему?

— Смирновы-то благодарствуютъ! Но меня беспокоитъ холера, Оля... Сегодня умерло три человѣка въ Надеждинкѣ и два въ Коноплянкѣ... Какъ-бы не добралась до насъ...

— Ну, ты всегда преувеличиваешь... Хочешь яблоковъ? предложила Ольга, откусывая яблокъ и подавая ему другой.

— Я тебѣ не совѣтую ѣсть ихъ, сказалъ онъ:— ты очень неосторожна: можно-ли ѣсть теперь всякую сырость, зелень? Вѣдь холера не шутка!

— Ты меня вылечишь, отвѣтила Ольга улыбаясь и подставила ему губы для поцѣлуя.

— Какъ ты добра сегодня, какъ я люблю тебя!.. Послушай, у меня есть новость, которая, навѣрное, тебя обрадуетъ...

— Ну, говори свою новость, говорила Ольга, игриво обматывая его шею своими косами.

— Угадай!

— Вѣрно о томъ, что ты поступаешь въ земство... Такъ?..

— Нѣтъ, не такъ... Графиня Бореаль ѣдетъ сюда на-дняхъ вмѣстѣ съ Волгинымъ.

Ольга вдругъ оттолкнула его, выпрямилась и устремила на него широко раскрытые глаза.

— Не можетъ быть! Зачѣмъ?

— Мужъ ея застрѣлился; она хочетъ жить въ деревнѣ первое время траура...

Ольга вскочила со всеми признаками сильнѣйшаго волненія.

— Что ты мнѣ разсказываешь? Зачѣмъ она пріѣдетъ? Ей вовсе не нужно сюда ѣхать...

— Что съ тобою, мой другъ?..

— Телеграфируй ей, что здѣсь холера, что ей нельзя, не надо приѣзжать сюда... твердила Ольга, не помня себя.

— Но объясни, ради Бога; развѣ ты такъ не желаешь ее видѣть?.. Что съ тобой, Оля?

— Отчего ты не хочешь телеграфировать? Это недобросовѣстно оставлять людей въ неизвѣстности, насчетъ того, что ихъ ожидаетъ...

— Но въ Бѣшеной Лощинѣ еще нѣтъ холеры... Ты говоришь сама, что я преувеличиваю...

— А, понимаю! Тебѣ хочется посмотрѣть эту графиню, ты хочешь вызвать ее сюда, чтобъ полелѣять твое гадкое, мужское чувство любопытства. О, вы всѣ на одинъ покрой!..

Доктору стало смѣшно и радостно на душѣ. Эта внезапная, неожиданная вспышка ревности очаровывала его.

— Я ее не вызывалъ, вымолвилъ онъ, остановивъ Ольгу за платье и стараясь поймать ее руки.

— Если ты не будешь телеграфировать, такъ буду телеграфировать я! вскричала она порывисто.

— Люди графини и обойщики уже приѣхали сегодня съ утреннимъ поѣздомъ, возражалъ докторъ;—въ домъ и на дворъ идетъ переборка, суета: въ конюшняхъ устанавливаютъ ея лошадей, въ залѣ—ея рояль и арфу...

Ольга стиснула руки. Она знала, что Волгинъ любилъ музыку, что онъ будетъ заслушиваться этими звуками, что Кети запоютъ весь домъ своимъ присутствіемъ, своей игрой на арфѣ, пѣніемъ, катаньемъ верхомъ,—а гдѣ-же будетъ Ольга съ своими проектами, съ своими надеждами на будущее?..

— Ступай, ступай отъ меня! Дай мнѣ остаться одной! проговорила она, нетерпѣливо отталкивая его руки, нѣжно старавшіяся заключить ее въ объятія...

— Ну, полно, Оля! Что за ребячество?.. Неужели ты не видишь, что еслибъ сама Венера Милоская сошла съ своего пьедестала и облеклась въ плоть и кровь,—то она показала-бы мнѣ чудовищемъ въ сравненіи съ тобой!..

Въ отвѣтъ на эти горячія слова, она кинула ему невыразимый взглядъ ироніи и чуть-чуть пожала плечомъ. У него замерло сердце отъ этого взгляда. Она замѣтила это впечатлѣніе и постаралась какъ-нибудь сгладить его.

— Ну, хорошо, хорошо, я вѣрю! выговорила она, протягивая ему руку.— До свиданья! Я сейчас приду, только переодѣнусь и мы вмѣстѣ пойдемъ въ Бѣшеную Лощину.

Капризная какая, извѣтчивая, какъ волна! думалъ онъ и все лицо его озарялось молодымъ блескомъ при этихъ думахъ;— въ ней все—противорѣчіе; иной разъ она не понимаетъ ничего, что ей толкуешь, другой разъ понимаетъ на лету, угадываетъ, словно чутьемъ, и то, что намъ, мужчинамъ, достается трудомъ и усидчивой работой,—ей приходитъ разомъ, по вдохновенію, словно она родилась съ знаніемъ. Нѣтъ! съ такой женой не соскучишься. Только я буду ревновать ее, ревновать до сумасшествія!

Явилась и Ольга въ шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ. Ни въ саду, ни въ домѣ, по обыкновенію, не было никого. Только на дворѣ кипѣла дѣятельность: въ этотъ день была помочь; такъ называлось приглашеніе сосѣднихъ крестьянъ на работу, и Марфа Васильевна съ Любой готовили столы и угощенье на просторномъ дворѣ. День былъ постный; вина, жареной рыбы, огурцовъ, картофеля и меда было приготовлено вдоволь.

— Все благополучно у васъ? спросилъ докторъ, подходя къ Галатовой, выгружавшей цѣлую кучу деревянныхъ ложекъ на столъ.

— Да; всѣ здоровы. А что?

— Въ Коноплянкѣ и Надеждинкѣ—холера; велите быть осторожнѣе насчетъ пищи; огурцы, огурцы эти... Ахъ, какъ-бы я ихъ охотно уничтожилъ.

— Что вы? тревожно переспросила хозяйка. — Такъ я пожалуй, совсѣмъ огурцовъ не подамъ.

— Во время эпидеміи необходимо народу кормиться лучшею, питательною пищею... Не жалѣйте говядины, водки...

— Какъ нарочно день-то постный! перебила его Галатова и взглядъ ея горестно устремился на груды свѣжихъ огурцовъ и луку, назначавшихся въ ботвинье къ рыбѣ. Въ эту минуту, краснощекай и загорѣлый Коля, подбѣжалъ къ доктору и радостно обнялъ его за колѣна, лепеча что-то.

Межецкій приподнял его и расцѣловалъ. Мальчикъ не могъ забыть, что докторъ провозилъ его каждый разъ на своей лошади кругомъ всего двора, и теперь онъ настоятельно требовалъ того-же, таща его куда-то, дѣлая жесты, выбиваясь изъ силъ, чтобъ тотъ его понялъ.

— Что такое? твердилъ докторъ, стараясь не понимать.

— Коля кататься хочетъ на лошадеѣ, переводила за него Люба.

— Нельзя, мой другъ, завтра.

— Да... ля... ля! неистово залепеталъ ребенокъ что-то очень выразительное.

— Лошадку видѣлъ на конюшнѣ, смѣясь переводила Люба знакомый ей языкъ.—Покатайте ужь его; я сбѣгаю за лошадыю.

Докторъ, посматривая на Ольгу, былъ въ нерѣшимости. Ему хотѣлось потѣшить своего любимца, но онъ боялся, что это ей не понравится.

— Ты скоро? вдругъ спросила его Ольга, нетерпѣливо стуча зонтикомъ о землю.

— Сейчасъ, сейчасъ! заторопился докторъ, спуская ребенка съ рукъ и отбѣгая отъ него.

Молодая дѣвушка была уже въ воротахъ; крикъ ребенка долго сопровождалъ ихъ шествіе.

— Ты, кажется, очень любишь дѣтей? спросила не безъ ироніи Ольга, выбираясь на большую дорогу и всходя на валъ, обсаженный деревьями.

— Очень; дѣти,—это моя слабость. Да еще больные, а особенно—больныя женщины... Я питаю къ нимъ замѣчательно-нѣжное чувство.

— Поздравляю тебя; я рѣдко бываю больна.

— Нѣжность и состраданіе, — не значить любовь!.. Тебя я люблю во всякую минуту, а остальныхъ женщинъ я не замѣчаю, и смягчаюсь къ нимъ, только когда онѣ больны.

— Тебѣ теперь будетъ новая практика, — графиня Бореаль, выговорила Ольга съ особеннымъ ироническимъ удареніемъ на этотъ титулъ.

— Скажи пожалуйста, Ольга, — вѣдь ты говорила мнѣ, что была хороша съ ней, что вы были дружны прежде?

— Могла-ли я быть дружна съ такой богатой, избалованной аристократкой, какъ Катя Ипатова? Мы съ ней не сходились ни въ одномъ понятіи, ни въ одномъ взглядѣ: мнѣ всегда было тяжело ея общество,—доказательство, что я пошла въ гувернантки, а не осталась у нихъ въ домѣ.

— Пустая бабенка, должно быть! Отчего мужъ вдругъ за-

стрѣлился чуть не черезъ мѣсяць послѣ свадьбы? Это просто не- постижимо!

— Это какъ нельзя болѣе понятно. Она кокетка, какихъ мало, и, очутившись на свободѣ, дала себѣ, вѣроятно, полную волю... Эти богатя, ничего не дѣлающія барышни, испорчены до мозга костей... Повѣришь-ли, ей было семнадцать-восемнадцать лѣтъ, когда я съ ней разстался, а разговоръ ея часто заставлялъ краснѣть меня, меня, — двадцати-лѣтнюю... Ея ощущенія и отношенія къ жениху въ особенности возмущали и отталкивали меня.

— Я нѣсколько усвоиваю себѣ этотъ типъ, замѣтилъ докторъ; — это типъ героинь французскихъ романовъ, помѣшанныхъ на силь- ныхъ ощущеніяхъ... Теперь спрашивается: что станетъ она дѣлать въ такомъ трезво трудящемся мѣстечкѣ, какъ Бѣшеная Лощина? Ольга сжала губы съ зловѣщимъ и мрачнымъ выраженіемъ.

— Доживемъ, увидимъ! выговорила она и погрузилась въ свои думы.

Докторъ шелъ рядомъ съ ней, не смѣя нарушить молчанія.

— Борьба за существованіе, вдругъ вымолвила Ольга, какъ- бы разсуждая сама съ собою. — Что такое борьба за существова- ніе?.. Это стремленіе двухъ силъ къ одной и той-же цѣли, равно желанной, равно необходимой для обѣихъ. Но если судьба даетъ всѣ оружія, всѣ карты въ руки одной, и эта одна отнимаетъ у другой даже возможность бороться, — тогда это уже не борьба, а грабежъ, насиліе!.. А насиліе даетъ право на все... Нѣтъ гра- ницъ, которыхъ не переступилъ-бы человекъ, вызванный насиліемъ!..

Она мрачно глядѣла впередъ съ гнѣвно расширенными ноздрями. Докторъ выслушалъ эту странную тираду, комментируя ее въ умѣ своемъ на разные лады.

— Ужъ ея занять контрастомъ богатой, ничего не дѣлающей графини съ трудящимся народомъ, думалъ онъ. — Дорогая энту- зиастка! Какъ много гуманности и благородства въ ея душѣ!

— Но есть и другая сила, — загадочно продолжала Ольга, — сила, которая ворочаетъ горами... Можешь ты представить себѣ два положенія, вдругъ обратилась она прямо къ жениху: — у одного, наприимѣръ, цѣль, которая составляетъ для него все — хлѣбъ насущный, потребность бытія; у другого, эта самая цѣль — только праздная прибавка къ роскошному существованію; кто изъ нихъ долженъ быть нравственно сильнѣе?

— Разумѣется, первый,—и будь онъ въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ второй,—онъ раздавить его и побѣдить.

— Правду ты говоришь? вскричала Ольга, у которой вдругъ разгорѣлись глаза.

— Конечно; если-бъ, напримѣръ, попробовали отнять тебя у меня,—я почувствовалъ-бы силы титана... я-бы...

— Ну, ты заслуживаешь поцѣлуя, съ нѣгой выговорила Ольга, наклоня къ нему лицо.

II.

Работы въ домѣ были во всемъ разгарѣ. Все перемѣнилось, все перевернулось вверхъ дномъ. Весь нижній этажъ, который занималъ Волгинъ, былъ полонъ рабочими. Прибывали гардины, портьеры, разставляли мебель, мыли, чистили, скребли. Кабинетъ Волгина превратился въ роскошную спальню, и мѣсто, гдѣ стояла его скромная кровать, было занято роскошною кроватью. Великолѣпное тройное трюмо стояло въ простѣнкѣ. Коверъ покрывалъ полъ, въ углахъ стояли статуи; даже картины уже были на своихъ мѣстахъ. Другая комната, назначавшаяся для кабинета графини, была еще въ полномъ беспорядкѣ: двѣ служанки и нѣсколько мастеровыхъ хлопотали около голубой штофной мебели въ бѣлыхъ чехлахъ, стѣнныхъ часовъ, столовъ, вазъ и прочихъ принадлежностей. Стукъ, говоръ, шаги наполняли комнаты. Ольга съ женихомъ прошли черезъ кабинетъ и остановились въ спальнѣ.

— У! какое великолѣпіе! свиснулъ докторъ.—Это, должно быть, баснословно дорого.

— Да! вотъ куда идутъ труды управляющаго Бѣшеной Лощины, замѣтила Ольга съ горечью. — Нѣтъ! на мѣстѣ Волгина, я-бы не осталась ни одной минуты въ домѣ съ женщиной, которая тратитъ годовой доходъ цѣлаго семейства на какую-нибудь картину.

— Дѣло вѣковъ, зайкнулся-было докторъ.

Ольга пожала плечами.

— И какія отношенія могутъ быть между нимъ и ею? Волей-неволей онъ будетъ стѣсненъ. Прихоть графини очень можетъ стать помѣхой его самостоятельности. Какъ хочешь, а все это, отчасти, пахнетъ лакействомъ!..

Ольга знала, что докторъ и самъ не прочь развивать эту тему передъ Волгинымъ и старалась еще болѣе напирать на оскорбительныя сравненія.

— А эти уступки: онъ отдаетъ ей весь домъ, что-бъ помѣститься гдѣ-то, въ самоѣмъ углу.

— Но, Ольга, ты забываешь, что это домъ не его, и что онъ обязанъ это сдѣлать.

— Гдѣ-же самъ онъ будетъ жить? въ какихъ комнатахъ? нетерпѣливо перебила Ольга, выходя вонъ изъ спальни.

— Онъ займетъ комнаты на антресоляхъ, тѣ самыя, гдѣ живетъ теперь Славянскій, отвѣтилъ докторъ, слѣдуя за ней.

— А Славянскій?

— Славянскій перейдетъ въ контору, возлѣ моего флигеля...

Ольга видимо соображала что-то и лицо ея дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе...

— Послушай, вдругъ обратилась она къ жениху съ заискивающей улыбкой, — отчего тебѣ-бы не предложить Волгину своего флигеля: тамъ вамъ было-бы удобнѣе и веселѣе вдвоемъ, — онъ-бы, не стѣсняясь, принималъ конторщиковъ, винокуровъ, контролеровъ и прочій людъ... Неужели ты не сдѣлаешь этого для пріятеля?..

Докторъ весь вспыхнулъ и обратилъ на нее тревожный взглядъ.

— Ты забыла, что черезъ два мѣсяца наша свадьба и что тогда намъ невозможно будетъ помѣстить ни одного лишняго человѣка.

— Ахъ, да! ты правъ, согласилась Ольга какимъ-то страннымъ, совершенно упавшимъ голосомъ.

Она была похожа на звѣрька, попавшаго въ западню. Она видѣла кругомъ себя свободу, рѣзвую суету, бѣганье туда и сюда, а самой ей казалось, будто она спутана крѣпкими тенетами и каждое движеніе ея затягиваетъ все болѣе и болѣе роковыя петли.

— Какое намъ дѣло до *нихъ*, что-бы *они* ни дѣлали, когда мы будемъ женаты и будемъ жить другъ для друга, прошептала докторъ на ухо своей невѣстѣ и трепетная рука его робко обвилась вокругъ ея талии.

Но Ольга уклонилась: она не могла выносить долѣе этого натянутого положенія.

— Пойдемъ отсюда, сказала она рѣзко, — ты говорилъ, что тебѣ надобно заняться отчетами, такъ я тебѣ мѣшать не стану... Я ворочусь домой одна. Прощай!

Она рѣшительно подала ему руку и прошла черезъ всѣ комнаты къ подъѣзду. Женихъ, не смѣя оспаривать ея рѣшенія, остался, смотря ей въ слѣдъ. Но потомъ онъ не вытерпѣвъ, догналъ ее и пошелъ съ нею рядомъ.

— Намъ по дорогѣ, вымолвилъ онъ. — Вотъ нашъ флигель... Зайди на минутку... хоть присядь, что-бъ я могъ думать, когда останусь одинъ, что ты была тутъ, сидѣла на этомъ стулѣ, стулала по этимъ половицамъ...

Докторъ былъ въ самомъ нѣжномъ настроеніи духа; оно выливалось въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи.

— Ха, ха, ха! засмѣялась Ольга, — еще успѣемъ, мой милый!.. Наша жизнь съ тобой вся впереди!.. Успѣемъ натѣшиться вдоволь...

И, смѣясь какимъ-то страннымъ, горькимъ, словно старческимъ смѣхомъ, звучавшимъ неловко въ молодыхъ устахъ, Ольга скрылась за калиткой и быстро, и нервно зашагала по дорогѣ.

Телеграммы, между тѣмъ, извѣщали о скоромъ прибытіи въ Въшеную Лощину графини Бореаль. Писалъ Волгинъ, писалъ и графъ Бореаль. Все было предусмотрено до мелочей, обозначены были всѣ пункты встрѣчи; въ назначенный день должна быть встрѣча въ вокзалѣ, встрѣча на паромѣ, встрѣча у подъѣзда дома. Очевидно было, что желаніе друзей графини состояло въ томъ, чтобы какъ-нибудь поднять нѣсколько мрачное расположеніе ея духа.

Вся мѣстность пришла въ волненіе. Въ каждомъ домѣ толковали о пріѣздѣ графини, объ отдѣлкѣ дома, о новой прислугѣ, лошадяхъ и экипажахъ, появившихся чуть не каждый день изъ Петербурга. Смирновы переполошились. Надежда Федоровна приходилась нѣсколько сродни Ипатовымъ и, благодаря этому обстоятельству, образцовая супруга и мать вообразила, что теперь-то пришелъ конецъ ея дѣльному проведению времени и начнутся пустыя визиты пустыхъ людей. Супругъ вполнѣ сочувствовалъ ей и говорилъ, что не допустить никого нарушать свой покой. Марья Павловна, заслышавъ вѣсть о возвращеніи Волгина, пришла въ сильное волненіе. Ольга была внѣ себя. Прочитывая

телеграммы Волгина, она негодовала на эти оваціи, на эту предупредительность. Напрасно она называла отношенія Волгина ласкаемостью, — она чувствовала за ними симпатію. О, какъ она ненавидѣла эту женщину! И ей нельзя было открыто назваться ея врагомъ, ей надо было надѣть на себя маску друга, выиграть время, войти въ ея довѣренность, не терять ее изъ виду.

— Опять телеграма! воскликнула она, завидѣвъ Межецкого съ синимъ конвертомъ въ рукахъ, входившаго въ столовую, гдѣ она проводила большую часть времени, слѣдя ирачнымъ взглядомъ за всѣми приготовленіями...

Нѣсколько десятковъ рабочихъ подъ предводительствомъ Славянскаго разбивали цвѣтники передъ окнами, усыпали дорожки пескомъ, мели, чистили, скребли. Дворъ и садъ сдѣлались неузнаваемы, какъ по мановенію волшебнаго жезла.

— Завтра въ шесть часовъ вечера они будутъ въ Бѣшеной Лощинѣ, торжественно объявилъ докторъ, подавая ей конвертъ. — Телеграма отправлена въ минуту отъѣзда изъ N.

Ольга схватила ее и прочла:

„Выѣзжай на станцію въ большой коляскѣ: мѣста будетъ для всѣхъ. Будемъ ждать“.

Волгинъ.

— Что это значить? Для кого, для *всѣхъ*? тревожно спросила Ольга.

— Не знаю; можетъ быть, онъ разсчитываетъ, что ты захочешь поѣхать... Ты, кажется, не хочешь?

— Я! вскричала Ольга, поднимаясь съ мѣста. — Встрѣчать графиню Бореаль, смѣшаться со всей этой челядью, служить передъ нею на заднихъ лапахъ! Никогда! Я, слава Богу, еще не принадлежу къ штату графини Бореаль, и если твой пріятель на это разсчитывалъ, то предупреждаю тебя, что онъ жестоко ошибся.

— Ухъ, какая ты щекотливая, Оля!

— А ты слишкомъ податливъ... Зачѣмъ ты ѣдешь? Развѣ я не вижу, не понимаю зачѣмъ?

— Ну, а именно! полюбопытствовалъ Межецкій, весело улыбаясь, потому что онъ объяснялъ эти выходки Ольги безпричинною ревностью и эта ревность лстала ему.

— Конечно, изъ желанія понравиться ей... Ты бросаешь больныхъ, дѣла, полезныя занятія, для того, чтобъ проторчать цѣлыя

день въ вокзалѣ и потомъ имѣть счастье сидѣть въ одной коляскѣ съ графиней Бореаль...

— Я дѣлаю это по просьбѣ Юрія. А графиня меня совсѣмъ не занимаетъ!

— Но почему онъ этого хочетъ? Право, вы всѣ, точно сумасшедшіе! Развѣ нормально такъ подслуживаться, оказывать такую предупредительность?

Межецкій взглянулъ на нее.

— Я боюсь, что мнѣ совсѣмъ не придется ни видѣть ее, ни подслуживаться ей.

— Почему-жь такъ?

— Потому, что, при той враждебности, которую ты къ ней питаешь, ты, вѣроятно, будешь избѣгать Бѣшеной Лощины, а гдѣ будешь ты,—тамъ и я.

Ольга вся вспыхнула. Она видѣла, что забрала черезъ край. что снова готова запутаться въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ. Ей необходимо было поправиться, вынырнуть изъ омута увлекающихъ ее страстей.

— Я знала Катю Ипатову, произнесла она патетически,—но я не знаю графини Бореаль. Если, сверхъ ожиданія, графиня Бореаль окажется для меня прежнею подругой,—тогда другое дѣло.

— О, я зналъ, что моя Оля великодушна и справедлива, прервалъ Межецкій, нѣжно цѣлуя ея руки;—вотъ видишь-ли: твоя антипатія къ прежней подругѣ только за то, что она стала графиней Бореаль,—меня нѣсколько коробила, Оля. Простишь-ли ты мнѣ это или нѣтъ?

— Прошу и постараюсь умѣрить мой глупый демократизмъ. Регулируй меня, Жакъ, дѣлай мнѣ замѣчанія, останавливай меня!

Миръ былъ заключенъ, и Ольга стала замѣтно осмотрительнѣе.

ГЛАВА III.

Половина седьмого. Открытое ландо, въ которомъ пестрѣютъ зонтики, вуали, женскія лица и мужскія шляпы, мчится во всю прыть породистыхъ коней къ подъѣзду графскаго дома въ Бѣшеной Лощинѣ. На ступеняхъ лѣстницы толпятся горничныя и лакеи, одѣтые по праздничному; внизу на площадеѣ Ольга въ бѣломъ платьѣ, съ кокетливо убранными волосами, вся превра-

тившись въ зрѣніе, заглядываетъ въ глубину коляски. Вотъ и Волгинъ! Опять ея сердце почувствовало тѣ сладко-болѣзненные знакомые толчки, какіе оно испытывало въ его присутствіи, опять она не владѣетъ собою. Но вотъ экипажъ остановился: мужчины вышли, отворили дверцы, высадили дамъ. По ступенямъ взбѣгаетъ какое-то молоденькое, граціозное созданіе, подходитъ къ Ольгѣ, улыбается ей, обнимаетъ ее. Возлѣ суетится Межецкій, рекомендуя, обнимая въ свою очередь невѣсту. Но невѣста разсѣянна, она слѣдитъ за другой парой, ждетъ другого привѣтствія, и вотъ, наконецъ, откидывается вуаль, скрывавшій роковыя для нея черты Кети Бореаль, которая взглядываетъ на нее съ привѣтливою улыбкой. Она протягиваетъ руки, чтобъ обнять Ольгу.

— Здравствуй, Оля... Я рада, что ты...

Но слова вдругъ замираютъ на ея устахъ и, словно отъ электрическаго толчка, руки ея опускаются, не докончивъ объятій. Прямо ей въ глаза блеснулъ, словно лезвее ножа, взглядъ Ольги, чуждый, непривѣтный, холодный, полный ненависти и недовѣрія. Этотъ взглядъ былъ быстръ, какъ молнія, длился только секунду, но слѣдъ остался, ударъ былъ нанесенъ. Секунду спустя, Ольга уже горячо обнимала Кети и говорила ей привѣтныя, ласковыя рѣчи, перемѣшивая ихъ поцѣлуями. Эти ласки казались такъ искренны и задушевы, что надо было имѣть болѣзненную впечатлительность Кети, чтобъ не поддаться имъ, не растаять отъ нихъ.

— Какъ я рада, какъ я рада, что ты рѣшилась пріѣхать сюда! твердила Ольга, увлекая ее впередъ:—тебя здѣсь такъ ждали, все готовили. Пойдемъ скорѣе въ твою комнату. Ты переодѣнешся и мы всѣ соберемся къ чаю.

Она тащила ее вверхъ по лѣстницѣ, гдѣ услужливая прислуга съ привѣтливыми лицами встрѣчала молодую хозяйку и суетилась около коляски, внося багажъ.

Волгинъ, улыбаясь, шелъ слѣдомъ за обѣими женщинами и обмѣнивался дружескимъ взглядомъ съ Межецкимъ, который не спускалъ глазъ съ своей невѣсты.

— У нея золотое сердце, шепталъ онъ:—графинѣ будетъ съ ней весело,—напривада-ли?

Волгинъ одобрительно улыбался. Вошли въ просторную и свѣтлую переднюю и на порогѣ столкнулись съ Славянскимъ, кото-

рый несъ въ попыхахъ кувшинъ сливокъ для чаю, еще не успѣвъ доставить его по назначенію.

— Рекомендую вамъ моего помощника, отозвался Волгинъ графинѣ:—у насъ покуда мужское хозяйство, и Славянскій занимается молочнымъ дѣломъ, въ ожиданіи пока кто-нибудь его перемѣнитъ.

— Миссъ Люси, примете къ свѣденію! улыбнулась Кети.

Она объяснила ей слова Волгина. Англичанка тутъ-же, долго не думая, подошла къ Славянскому и съ дѣтской горячностью и выразительными жестами выпросила у него кувшинъ сливокъ. Потомъ она побѣжала въ столовую, гдѣ блестяще-сервированный столъ ждалъ проголодавшихся путниковъ.

— Прежде осмотримъ весь домъ, настойчиво сказала Ольга, съ живостію обращаясь къ графинѣ:—Мы тебѣ покажемъ, что съ искреннимъ расположеніемъ и доброй волею можно дѣлать чудеса. Не забудь, что все это устроилось въ одну недѣлю. Пойдемъ, Кети.

— Для меня это такая-же новость, какъ и для васъ, графиня, прибавилъ Волгинъ:—я тоже ознакомлюсь съ новымъ расположеніемъ комнатъ, котораго совсѣмъ не знаю.

— Вы сейчасъ увидите, что здѣсь участвовалъ женскій вкусъ, замѣтилъ Межецкій, которому такъ страстно хотѣлось, чтобъ Ольга дѣйствительно занималась устройствомъ дома, что онъ былъ увѣренъ, что такъ и было на самомъ дѣлѣ.

— Не одинъ вкусъ, Жакъ, отозвалась Ольга, улыбаясь,—а нѣчто побольше, теплѣе.

Она произнесла это такъ удачно, что сердце графини смягчилось. Притомъ она такъ нуждалась въ ободреніи, участіи и ласкѣ.

— Надѣюсь, что ты оставила помѣщеніе и для себя? вымолвила Кети, пожимая Ольгѣ руку.

— Я не могла... комнаты всѣ уже заняты и имѣютъ опредѣленное назначеніе; но если ты непремѣнно этого хочешь, мнѣ найдется уголокъ. Нечего и толковать, что найдется.

Они вступили въ залу, гдѣ арфа графини, задернутая кисейнымъ чехломъ, красовалась на эстрадѣ, живописно освѣщенной лимонными и померанцовыми деревьями. Въ противоположномъ углу стоялъ ея рояль съ разостланной подъ нимъ лоснящейся шкурой медвѣды.

— Все мои вещи, вымолвила Кети Бореаль:—все убрано и

назначено для меня одной. Но мнѣ хотѣлось-бы знать бывшее назначеніе этихъ комнатъ, прибавила она, обратившись къ Волгину, и въ голосъ ея послышалась безпокойная нотка.

Они прошли далѣе и очутились на половинѣ графини.

— Вотъ здѣсь была моя канцелярія, замѣтилъ Волгинъ, указывая на изящный кабинетъ съ голубою, штофною мебелью и роскошнымъ, письменнымъ столомъ. А это? Я даже самъ теряюсь. Неужели это мой бывший кабинетъ?

Онъ осторожно приподнялъ портьеру, ведущую въ спальню графини и остановился, пораженный роскошью обстановки.

— Подумай, Юрій, обратился къ нему Межецкій,—твоя мастерская, гдѣ у тебя былъ наваленъ такой хламъ,—посмотри, что изъ нея сдѣлалось. Вѣдь это превращеніе, неправда-ли? Вы позволите, графиня?

И онъ отдернулъ тяжелую драпировку въ углу спальни и взорамъ присутствующихъ открылась внутренность самаго изящнаго и кокетливаго будуара съ мраморной ванной, трюмо, щегельскимъ умывальникомъ и богатымъ ковромъ.

Кети молчала.

— Ну, теперь перейдемте на другую половину, сказала Ольга, увлекая общество въ коридоръ, пересѣченный во всѣхъ направленіяхъ дверями:—вотъ эта комната миссъ Люси; эта комната для приѣзда графа; это буфетъ, билиардная, библиотека.

Она остановилась: дальше идти было некуда. Графиня все молчала, серьезная и внимательная...

— А вотъ это лѣстница на антресоли.

— Помѣщеніе чрезвычайно удобно и просторно, выговорила, наконецъ, Кети Бореаль, послѣ долгаго, задумчиваго молчанія;—но теперь, когда мы осмотрѣли эти комнаты, я попрошу васъ показать мнѣ также и ваше помѣщеніе, обратилась она къ Волгину, Славянскому и Межецкому.

— Это все, вѣроятно, на антресоляхъ? обратился съ вопросомъ Волгинъ къ доктору.

— Да; такъ, какъ ты писалъ. Но тамъ еще не убрано, не успѣли. Хаосъ страшный...

— Проводите меня туда. Гдѣ лѣстница?

Она рѣшительно взобралась наверхъ и всѣ гуськомъ потянулись

за ней. Комнатъ было только двѣ, хотя просторныхъ, но низкихъ, безъ занавѣсокъ, лишенныхъ всякаго комфорта.

— Здѣсь прежде была контора, пояснилъ Волгинъ, а теперь она внизу дома, въ подвальномъ этажѣ. Славянскій уже помѣстился тамъ, а я вотъ здѣсь; это будетъ мой рабочій кабинетъ и спальня, а остальное — пріемная.

Графиня молча повернулась и сошла съ лѣстницы.

Она остановилась въ библиотекѣ, большой квадратной комнатѣ съ письменнымъ столомъ, шкафами, каминомъ и проч. Къ ней призывала другая комната, въ которой стоялъ билиардъ.

— М-г Волгинъ, сказала Кети Бореаль вѣжливымъ, но недопускающимъ возраженія тономъ, — вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе, если прикажете вынести отсюда билиардъ и согласитесь занять эти двѣ комнаты. Мнѣ это будетъ особенно пріятно. Я пріѣхала не хозяйкой, а гостей въ Бѣшеную Лощину, и потому желаю, чтобъ мое присутствіе не стѣсняло никого въ этомъ домѣ...

Она остановила на немъ свои глубокіе, выразительные глаза нѣсколько долѣе обыкновеннаго, потомъ обратила ихъ къ Славянскому и прочему обществу.

— Я надѣюсь, господа, что мы все можемъ помѣститься въ одномъ домѣ и что вамъ не къ чему мѣнять своихъ привычекъ. Мнѣ доставитъ большое удовольствіе знать, что я никого не стѣсняю...

Ольга стояла, какъ въ воду опущенная. Въ одномъ этажѣ съ нею, черезъ нѣсколько комнатъ отъ нея! Вѣдь это просто фатализмъ! Она все окрашивала однимъ цвѣтомъ, все мѣряла на одну и ту-же мѣрку. Въ тотъ-же вечеръ она осталась ночевать въ комнатѣ миссъ Люси, давъ себѣ слово не покидать своего поста и наблюдать за каждымъ движеніемъ графини.

IV.

Волгинъ, какъ только пріѣхалъ въ Бѣшеную Лощину, такъ совсѣмъ переродился. Въ какія-нибудь двѣ недѣли отсутствія у него накопилось столько дѣла, что надобно было усиленно работать, чтобъ наверстать потерянное время. Патріархальный видъ деревни, воздухъ знакомыхъ полей, знакомыхъ лицъ и впечатлѣ-

ній вполне подчинили его своему влиянію, и онъ, сдавъ свою спутницу прямо съ рукъ на руки цѣлительному степному воздуху, солнцу, простору и тишинѣ, какъ-будто совсѣмъ забылъ о ней и всецѣло отдался своему дѣлу. Въ домѣ стало очень оживленно: пропастъ прислуги шнырала по всѣмъ закоулкамъ, и миссъ Люси наполняла весь домъ своей неугомонной веселостью, постоянно торгаясь всѣмъ и всѣми. Ольга тоже, повидимому, не имѣла никакого права казаться несчастной или недовольной: обожаніе доктора бросалось въ глаза, и Волгинъ добросовѣстно считалъ ихъ пресчастливейшей парой. А между тѣмъ онъ и не подозрѣвалъ броженія, которое охватило весь домъ и всю мѣстность со времени пріѣзда его и графини Бореаль въ Бѣшеную Лощину. Прежде всего Ольга, по праву прежней дружбы, совсѣмъ поселилась въ домѣ и старалась, на-сколько возможно, быть неразлучной съ Кети, чтобъ удобнѣе слѣдить за нею. Обстоятельства въ ея глазахъ принимали все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Теперь уже не одну Ольгу видѣлъ передъ собою Волгинъ, а всегда двухъ женщинъ вмѣстѣ, лицомъ къ лицу. Сравненія были неизбѣжны. Въ пользу кого-же были эти сравненія? Ольга, самоувѣренная и смѣлая до сихъ поръ, теперь сомнѣвалась, боялась, не вѣрила въ себя. Съ болѣзненнымъ напряженіемъ ловила она каждый признакъ, малѣйшее вниманіе со стороны Волгина, чтобы сосредоточить на нихъ свои надежды, и это нервное состояніе духа отразилось на всей ея наружности, полной принужденія, заботы, подозрительности. Волгинъ, въ самоѣ дѣлѣ, дѣлалъ невольныя сравненія между этими двумя женщинами. Когда онъ въ первый разъ увидалъ ихъ вмѣстѣ, онъ былъ пораженъ полнымъ контрастомъ между ними, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Ольга казалась худоцава, длинна и неуклюжа въ сравненіи съ полной гармоніей, царствовавшей во всей фигурѣ Кети Бореаль; выраженіе лица Ольги было большей частью нѣсколько принужденное и вычурное, также какъ слогъ ея разговора; иногда злобѣщее выраженіе глазъ ея поражало непріятнымъ чувствомъ, она часто отнѣживалась, ошпыивалась, была какъ-будто на сторожѣ. Кети, напротивъ, отличалась спокойствіемъ и простотой. Никогда въ ея рѣчахъ не слышно было ни намековъ, ни полуфразъ; вообще она избѣгала недомолвокъ и неясностей. Въ ея присутствіи чувствовалась какая-то свобода и непринужденность;

она часто молчала, но это молчаніе не было ни страннымъ, ни неловкимъ; оно казалось принадлежностью ея характера. Общество сошлось все вмѣстѣ за первымъ обѣдомъ. Ольга была въ нарядномъ бѣломъ платьѣ; ея косы были напомажены и востроумно украшены широкими бархатными бантами; на графинѣ было черное платье, и масса ея каштановыхъ волосъ не украшалась ничѣмъ. Всѣ уже ознакомились съ ней и она будто вѣкъ жила въ этомъ обществѣ. За обѣдомъ разговоръ шелъ довольно оживленный: жители Бѣшеной Лощины наперерывъ описывали ей бытъ деревни, порядковъ дней, характеристику сосѣдей. Волгинъ, противъ обыкновенія, былъ разговорчивъ и оживленъ. Чуткое ухо Ольги тотчасъ подмѣтило это оживленіе. Она метнула на него молниеносный, значительный взглядъ, который не укрылся отъ его вниманія.

— Ты хорошо сдѣлала, что пріѣхала сюда, вдругъ заговорила Ольга, обращаясь съ улыбкой къ графинѣ:— здѣсь можно прожить вѣкъ и не испытать никакихъ тревоженій... Что, если-бъ вмѣсто Парижа, гдѣ судьба тебѣ приготовила такое несчастіе, ты пріѣхала-бы сюда провести съ мужемъ медовый мѣсяцъ; тогда, можетъ быть, было-бы совсѣмъ другое...

Кети не отвѣчала. Выраженіе страданія разлилось по ея лицу и взглядъ ея, равнодушный и спокойный все время, принялъ роковое и мрачное выраженіе, такъ беспокоившее Волгина дорогой. Онъ замолчалъ и всѣ замолчали. Докторъ одинъ сдѣлалъ попытку развеселить общество, чтобъ сгладить неловкое замѣчаніе своей невѣсты, и началъ шутить съ англичанкой. Вставши изъ-за стола, Кети пробовала было применить къ обществу, отправившемуся въ цвѣтникъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась. Она показала Волгину такую печальную и одинокою, что онъ подошелъ къ ней и освѣдомился о ея здоровьѣ особенно ласковымъ тономъ. Она кинула ему благодарный и дружелюбный взглядъ.

— Я васъ такъ мало знаю, сказала она, — а между тѣмъ вы мнѣ кажетесь давнишнимъ знакомымъ, знакомѣе даже моей подруги Ольги Никоновой, съ которой я когда-то была очень дружна. Дѣвическая дружба, какъ видно, мимолетна, какъ и все дѣвическое... Она бросается, какъ платье, изъ котораго вырастаешь пѣлой головой.

Разговаривая, они отдѣлились отъ прочаго общества и пошли

вдвоємъ къ пруду, поверхность котораго переливалась на солнцѣ, какъ рыба чешуя.

— Чтобъ жить въ Бѣшеной Лощинѣ и не нажать себѣ спина, графиня, развивала Волгинъ свою любимую теорію, — надобно работать, по крайней мѣрѣ, семь часовъ въ сутки, и если вы съ этимъ не согласны, то ручаюсь вамъ, что вы черезъ недѣлю уѣдете. Ну что вы будете здѣсь дѣлать безъ общества, безъ разговоровъ и безъ занятій?

— Но я не могу работать, живо заговорила графиня; — у меня нѣтъ будущаго... Вы, можетъ быть, не понимаете, что заключается въ этомъ безотрадномъ словѣ: не имѣть будущаго.

— Нѣтъ, понимаю; я тоже переживалъ эпоху разочарованія, какую вы переживаете теперь.

Кети задумалась.

— Притомъ-же я вижу, что вы не имѣете обо мнѣ настоящаго понятія. Взгляните на меня, вдругъ прибавила она, выпрямляясь передъ нею: — развѣ такіа, какъ я, могутъ работать? Развѣ эти руки способны на что-нибудь другое, кромѣ того, чтобъ упражняться въ пріятныхъ искусствахъ да служить мишенью для поцѣлуевъ? Развѣ мой мозгъ подготовленъ работать надъ чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ перебиранья на тысячи ладовъ тысячи мелкихъ личныхъ ощущеній... Нѣтъ, надо быть женщиной, чтобъ понимать все это съ такой неумолимой ясностью, какъ я.

— Но я знаю женщинъ, у которыхъ мужской складъ ума и характера, графиня. Можетъ быть, вы сами принадлежите къ такимъ субъектамъ.

Слабый румянецъ разлился по лицу Кети.

— Да, мнѣ говорили это многіе, которые хорошо и долго знали меня, сказала она.

— Ну, а если такъ, то вы не должны сидѣть, сложа руки, и предаваться безплодной тоскѣ. Вы говорите, у васъ нѣтъ будущаго, нѣтъ цѣли въ жизни; жизнь сама по себѣ цѣль, и отъ человѣка зависитъ сдѣлать ее значительной или незначущей. Разочарованіе и бездѣйствіе — самые плохіе совѣтники.

— Ну, такъ сдѣлайте что-нибудь для меня... Я готова взять на себя самый тяжелый трудъ, лишь-бы онъ занималъ меня и наполнялъ мою жизнь.

Они шли по алеѣ, ничего не замѣчая, и встрѣтились лицомъ

въ лицу съ Мецецимъ и Ольгой. Ольга взглянула на нихъ мимолетнымъ, быстрымъ, испуганнымъ взглядомъ, и когда они прошли мимо, вдругъ упала на скамью, приложивъ руку къ сердцу.

— Оля, голубушка, что съ тобой? засуетился докторъ, охватывая ее руками.

— Сердце... сердце...

Она провела въ размышленіяхъ чуть не часъ, не поворачивая головы и не сводя взгляда съ дороги, по которой прошли графиня и Волгинъ. Страсть ея разгоралась, какъ пожаръ. Въ этотъ-же вечеръ Волгинъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и не спалъ, несмотря на поздній часъ. Его преслѣдовала одна мысль: онъ желалъ во что-бы то ни стало вызвать графиню изъ той болѣзненной апатіи, въ которую она быма погружена. Ему хотѣлось направить ея жизнь на настоящую дорогу. Онъ чувствовалъ, что можетъ открыть ей цѣлый міръ, о которомъ она до сихъ поръ не имѣла понятія. Въ ней онъ видѣлъ совершенную противоположность съ Ольгой: въ послѣдней замѣтна была самоувѣренность и хвастливость слабости; въ первой — непониманіе своихъ собственныхъ силъ. Ему были симпатичны простота, безыскусственность и прямота натуры молодой женщины; еще симпатичнѣе была ея жажда идеала, которая была сродни его собственной жадѣ и неудовлетворенности. Онъ не былъ взволнованъ или затронутъ, не былъ охваченъ никакой поглощающей страстью, онъ вполне сохранялъ свое самообладаніе и рассудокъ, и ощущалъ только какую-то особенную полноту бытія. А атмосфера Бѣшеной Лощины все сгущалась и сгущалась и грозила разразиться грозой...

На другой день утромъ онъ засталъ графиню за арфой. Изъ-подъ ея пальцевъ вырывались странные, чарующіе звуки, невольно дѣйствующіе на нервы. Прямо съ поля, застигнутый въ рас-плюхъ этой музыкой, Волгинъ испыталъ необыкновенное, сильное впечатлѣніе. Онъ остановился, какъ вконецъ, и, устремивъ на нее глаза, слушалъ, едва переводя дыханіе. Кети вдругъ встала, не докончивъ акорда.

— Что съ вами? Отчего вы такъ блѣдны? Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, отвѣтилъ Волгинъ, пораженный ея

словами и нагоняя быструю улыбку на свои поблѣвшія губы.— Развѣ я блѣденъ? спросилъ онъ съ сомнѣніемъ.

— Вы ужасно блѣдны, даже севозъ загаръ.

— Можетъ быть, оттого, что я усталъ. Я пришелъ, между прочимъ, напомнить вамъ о вашемъ общаніи, прибавилъ онъ, улыбаясь:— посмотрѣть, какъ мы здѣсь работаемъ.

— Хорошо, разсѣянно отвѣтила Кети,— велите осѣдлать лошадей; вѣдь вы хотите повезти меня въ поле?

— Да; версты за четыре, на уборку пшеницы.

Ольга выскочила изъ другой комнаты, гдѣ она полулежала съ руководствомъ къ изученію химіи на колѣняхъ и начала разспрашивать, куда именно они поѣдутъ, на долго-ли, когда ихъ ждать и т. п.

— На цѣлый день, вѣроятно, шуточно отвѣтилъ Волгинъ и вышелъ распорядиться лошадьми.

— Ахъ, Кети, вдругъ заискивающимъ голосомъ произнесла Ольга,— нельзя-ли и намъ съ миссъ Люси участвовать въ вашей кавалькадѣ? Она такъ скучаетъ, бѣдняжка!

— Отчего-же? Нѣтъ ничего легче; тутъ, кажется, есть лишнія лошади. Я сейчасъ позвоню.

Она протянула руку къ сонеткѣ. Ольга остановила ее.

— Но я не умѣю ѣздить верхомъ. Поѣдемъ всѣ вмѣстѣ въ линейкѣ, милая Кети!.. И Волгину скажи; это будетъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ врозь...

— Отчего ты не сказала прежде, Оля? Онъ, кажется, ужасно спѣшитъ...

— Вотъ онъ, позови его, Кети, скажи ему...

Она быстро и горячо поцѣловала молодую женщину и отошла прочь.

Волгинъ входилъ въ гостиную съ хлыстомъ въ рукѣ.

— Ваша лошадь готова, графиня. Вы вѣдь не боитесь горячихъ лошадей?

Кети подошла и въ двухъ словахъ объяснила ему желаніе Ольги.

— Въ линейкѣ нельзя ѣхать по межамъ, рѣшительно объявилъ онъ.— Можно просто поѣхать кататься на большую дорогу, если вамъ угодно... Въ такомъ случаѣ, я, къ сожалѣнію,

не могу васъ сопровождать, потому что мнѣ надобно быть въ полѣ.

— Ну такъ я все-таки сдержу свое слово и поѣду съ вами.

Она взяла изъ рукъ горничной шляпу и перчатки и пошла изъ залы. Ольга бросилась къ окну, изъ котораго видѣнь былъ подѣздъ. Тамъ стояли двѣ осѣдланныя лошади, обѣ свѣтлосѣрыя, чистокровной, англійской породы, съ черными хвостами и гривами. Онѣ нервно вздрагивали и поводили ушами, грязя удила. Графиня подошла къ своей, обласкала, потрепала ее по атласистой шеѣ и стала садиться. Ольга видѣла, какъ Волгинъ самъ помогъ ей взобраться на сѣдло, слышала, какъ онъ говорилъ ей, чтобъ она опустила вуаль, потому что солнце палитъ прямо въ лицо, видѣла потомъ, какъ онъ самъ вскочилъ на лошадь и какъ они поскакали, молодые, красивые, влюбленные, какъ ей подсказывало досужее воображеніе,—и, въ отчаяніи упавъ головой въ подушки дивана, неподвижно замерла на мѣстѣ.

— Что дѣлать? Какъ воспрепятствовать ихъ сближенію? О, это не Марья Павловна, наивная и простодушная дикарка, которая, конечно, не могла привлечь такого человѣка, какъ Волгинъ. Зачѣмъ ея нѣтъ здѣсь? Ея присутствіе необходимо. Она любитъ Волгина и будетъ такъ-же, какъ и я, добиваться одной цѣли. Мы безсознательно сплотимся другъ съ другомъ, мы будемъ работать за-одно. О, я хочу помѣшать имъ, я жажду встать между ними! Съ самаго дня пріѣзда этой женщины я дышу отравленнымъ воздухомъ и у меня на груди гора.

Она встала, пошла въ свою комнату, надѣла шляпку и вышла за ворота. Въ аллеѣ она встрѣтила миссъ Люси, играющую съ цѣлой ватагой собакъ, которыя каждый день рвали ей платье и валяли ее на землю. Ея цвѣтущее личико, казалось, было вполне довольно этимъ обществомъ и проведеніемъ времени.

— Миссъ Люси, сказала ей Ольга, перемишывая англійскія слова съ пантомимами,—мы съ вами однѣ остались; пойдемте, я васъ поведу въ одно мѣсто, гдѣ вамъ будетъ весело.

Англичанка поняла приглашеніе и отвѣтила радостной улыбкой.

— А собаки?

— Собакъ не надо... Тамъ есть другія... Максимъ, обрати-

лась она къ проходившему кучеру, — позови собакъ съ собою; мы идемъ въ лѣсъ.

Она съ намѣреніемъ утаила цѣль своей прогулки, чтобъ докторъ, возвратившись, не погнался за нею и только обходами и косыми дорожками подошла къ Коноплянкѣ. Было одиннадцать часовъ утра. Марья Павловна стояла среди двора и кормила куръ. Она вся вспыхнула, увидавъ гостей. Ольга поздоровалась съ ней, рекомендовала ей англичанку и предложила идти гулять.

— Сейчасъ, заторопилась Марья Павловна. — Только зонтикъ возьму.

Въ эту минуту изъ окна выглянуло мрачное и подозрительное лицо ея мужа, звавшего жену завтракать.

— Завтракайте безъ меня, отозвалась Марья Павловна. — Я теперь не буду...

— Здравствуйте, Петръ Ивановичъ! поклонилась ему Ольга. — Какъ поживаете?

— Все по-прежнему-съ, отвѣтилъ тотъ иронически. — У насъ новостей не бываетъ...

— А у насъ такъ много, заговорила Ольга; — хозяйка пріѣхала въ Бѣшеную Лощину... Слышали?

— Какъ не слыхать! Слухомъ земля полнится... Теперь и къ Галатовой, вѣрно, тропинки заросли, прибавилъ онъ съ намекомъ.

— Нельзя-же, улынулась Ольга. — Дѣла прибавилось; хозяйкѣ надо угодить; товаръ лицомъ показать. И теперь въ поля отправились...

Блимовъ захихикалъ. Онъ былъ очень доволенъ подобнымъ оборотомъ разговора.

— Правду изволите говорить... А васъ поздравить позвольте съ женишкомъ...

— Да, вступаю въ законный бракъ, Петръ Ивановичъ!

— Уѣзжайте-ка вы изъ Бѣшеной Лощины... Нездоровое тамъ мѣсто для женатыхъ людей.

— Съ мужемъ вездѣ хорошо, поддѣлывалась къ нему Ольга. — Тогда и глаза закроются, и уши завѣсятъ для всѣхъ, кромя его одного...

— Золотыя слова! Хорошо, если-бъ вашими устами да медъ пить...

Марья Павловна прервала эту бесѣду, вышедши изъ дома съ зонтикомъ. Она не обратила ни одного взгляда на мужа и направилась въ ворота, спрашивая у Ольги:

— Куда мы пойдѣмъ?

— Въ вашу рошу... Грибовъ вамъ наберемъ, Петръ Ивановичъ.

— Ступайте ужъ, снисходительно замѣтилъ мужъ. — Мы и безъ васъ позавтракаемъ.

Всю дорогу Марья Павловна была въ сильнѣйшемъ волненіи; она такъ желала узнать что-нибудь о Бѣшеной Лощинѣ, такъ интересовалась всѣмъ, что тамъ происходитъ. Она закидала Ольгу вопросами, а Ольга, дѣйствуя въ извѣстномъ направленіи, сумѣла такъ повести разговоръ, что молодая женщина мало-по-малу открыла ей всю свою душу. Разумѣется, она не призналась въ явной любви къ Волгину, но говорила, что жизнь ея съ мужемъ невыносимая, что она хочетъ бѣжать отъ него, хочетъ искать мѣста, что за нее некому вступитья, некому принять въ ней участіе. Ольга обѣщала ей союзъ и помощь. Она искусно дала ей понять, что мѣсто въ Бѣшеной Лощинѣ было-бы находкой и что Волгинъ былъ-бы этимъ весьма доволенъ.

— Онъ такъ внимателенъ къ вамъ, такъ всегда объ васъ хорошо отзывается, прибавила она.

Марья Павловна безпрестанно мѣнялась въ лицѣ во время этихъ рѣчей и погасавшая надежда снова воскресала въ ея душѣ.

— Онъ и мнѣ говорилъ, что найдетъ мнѣ мѣсто, высказала она будто мелькомъ. — Только какъ вотъ безъ паспорта...

— Повѣрьте, если онъ узнаетъ, что вы дѣйствительно желаете разойтись съ мужемъ, то онъ приметъ васъ и безъ паспорта въ Бѣшеную Лощину...

— Тогда мужъ не допустить...

— Мы его уговоримъ; мы просто скажемъ, что вы хотите у насъ погостить, именно у меня, — кстати-же я выхожу замужъ, — помочь шить приданое и т. д. Я опутаю вашего мужа, я ему дамъ слово направлять васъ на путь истинный, скажу, что на-сміемъ съ вами ничего не подѣлаемъ; ужъ я знаю, что ему

сказать: внушу ему, что вы, какъ капризное дитя, не успокоитесь, покуда не сдѣлаете по своему, — и что хоть для виду, а васъ надо потѣшить... Про Волгина-же я ему скажу, — голосъ ея оборвался и задрожалъ, — что онъ... влюбленъ... въ графиню...

Она замолчала, потупивъ голову. Марья Павловна слушала ее вся взволнованная. Неужели исполненіе ея завѣтнаго желанія такъ близко? Жить подъ одной кровлей съ Волгинымъ, слышать его голосъ, его одобренія и совѣты, пользоваться его добротой и расположеніемъ? Какъ давно она его не видала! Онъ ужь, пожалуй, развлекся теперь, выкинулъ совсѣмъ ее изъ головы. Напомнить-бы? Вотъ случай-то! Она въ волненіи провела рукой по груди. гдѣ послышался шелестъ бумаги. Щеки ея нѣсколько разъ вспыхнули и поблѣднѣли. Вотъ уже мѣсяць, какъ она работала надъ письмомъ къ Волгину, урывками, тайкомъ отъ мужа, нося письмо то тамъ, то здѣсь, перепрятывая, какъ сокровище. Дни и ночи она думала о томъ, какъ-бы передать его, какъ-бы доставить его по назначенію. Это письмо сдѣлалось ея *idée fixe*. Съ тѣхъ поръ, какъ Марфа Васильевна Галатова такъ безпощадно старалась лишить ее всякой надежды, съ тѣхъ-то именно поръ упорнѣе, чѣмъ когда-нибудь, рѣшилась Марья Павловна попытать счастья и добиться его всѣми способами. Письмо было результатомъ этого рѣшенія.

— Ольга Борисовна, вдругъ выговорила она, собравшись съ духомъ и вся пылая, — можете вы передать отъ меня письмо Волгину... Скажите?

— Оно съ вами? встрепенулась Ольга.

— Вотъ оно...

Она разстегнула лифъ и достала оттуда небольшой конвертъ безъ адреса, на-глухо заклеенный.

— Это отвѣтъ? спросила Ольга, пронизывая ее глазами.

— Нѣтъ; я тутъ спрашиваю о мѣстѣ; прошу совѣта.

— Хорошо, я передамъ ему...

Она положила письмо въ карманъ. Въ пылу своихъ разговоровъ онѣ и не замѣтили, что миссъ Люси пропала. Стали искать, кликать ее, никто не откликнулся. Онѣ вышли изъ рощи и стали приближаться къ владѣніямъ Марфы Васильевны. Разспрашивая мужиковъ, встрѣчавшихся по дорогѣ, онѣ, наконецъ, набрали на

ея слѣдѣ. Она заблудилась и попала въ садъ къ Галатовой, гдѣ обирали яблоки. Старуха Галатова, догадавшись, что молодая дѣвушка, вѣроятно, англичанка изъ Вѣшеной Лощины, ласковыми знаками старалась ее ободрить и понять, что она говорила. Не малаго труда стоило ей отогнать отъ Люси любопытныхъ, осаждавшихъ ее со всѣхъ сторонъ. Ольга съ Марьей Павловной положили конецъ недоразумѣніямъ. Миссъ Люси бросилась къ нимъ, какъ обрадованное дитя и начала цѣлую длинную повѣсть о своихъ похожденияхъ. Она нетерпѣливо желала скорѣе вернуться въ Вѣшеную Лощину и рассказать во всѣхъ подробностяхъ свою прогулку графинѣ. Ольга простилась съ Марьей Павловной, условившись, что онѣ будутъ видаться у Галатовой и общая ей давать отчетъ въ общемъ предпріятіи.

Пришедши домой, она встрѣтила жениха, стоявшаго у калитки и поджидавшаго ее. Онъ радостно измѣнился въ лицѣ при видѣ Ольги; безъ нея онъ хотя и усердно занимался своимъ дѣломъ, но мысли его постоянно были въ отсутствіи. Только когда онъ видѣлъ ее передъ собой, онъ чувствовалъ себя вполне удовлетвореннымъ и счастливымъ.

Съ пріѣзда графини Бореаль, Ольга рѣже стала дѣлать обходъ больницы вмѣстѣ съ нимъ. Ему было больно это лишеніе, но онъ упрекнулъ себя въ эгоизмѣ и желаніи стѣснять ея свободу и вооружился терпѣніемъ. За то, отдѣлавшись отъ своихъ занятій, онъ, какъ школьникъ, вырвавшійся на свободу, бѣжалъ прямо въ Вѣшеную Лощину.

— Наконецъ-то! Гдѣ вы были? встрѣтилъ онъ этими словами молодыхъ дѣвушекъ. — Я позавтракалъ одинъ съ Славянскимъ... Домъ пустой, никого нѣтъ... Когда-же мы будемъ обѣдать?

— Когда ея сіятельству угодно будетъ вернуться съ полей съ своимъ управляющимъ, иронически отвѣтила Ольга, снимая шляпу и отдавая ее въ руки доктора.

Миссъ Люси тотчасъ-же исчезла во внутреннихъ комнатахъ. Межецкій пошелъ за Ольгой въ залу, весь сіяя и рассказывая по дорогѣ всѣ маленькія происшествія дня. Она думала о другомъ: письмо, лежавшее въ ея карманѣ, интересовало ее гораздо болѣе.

— Вотъ что, Жакъ, обратилась она къ нему дѣловымъ тономъ; — я сегодня цѣлое утро была баклуши и хочу наверстать потерянное время: до обѣда мнѣ нужно немножко заняться хи-

мией... Подожди меня въ саду,—я приду къ тебѣ черезъ полчаса.

— Я теперь свободенъ, Оля; займемся вмѣстѣ; мнѣ было-бы это такъ пріятно...

Онъ опустился на диванъ, стараясь притянуть къ себѣ свою невѣсту.

— Погоди, мнѣ хочется дойти одной, разработать своимъ собственнымъ умомъ. Мнѣ стыдно быть маленькимъ ребенкомъ, которому все разжевываютъ и прямо кладутъ въ ротъ...

Она тянулась отъ него прочь, онъ удерживалъ ее, вздыхая и смотря ей въ глаза.

— Какъ давно, началъ онъ, не зная, какъ формулировать все, что наполняло его сердце;—какъ постоянно ты гонишь меня отъ себя.

Она видѣла, что онъ былъ въ возбужденномъ состояніи, въ которомъ нельзя было ожидать отъ него хладнокровія и покоя.

— Ну, вотъ тебѣ, вымолвила она, улыбаясь и, отстранивъ объими руками волосы съ его лба, напечатлѣла на немъ умѣренно горячій поцѣлуй.

Онъ обнялъ ее и осыпалъ поцѣлуями, на которые она отвѣчала такъ терпѣливо, какъ только могла.

— Ну, будетъ! выговорила она, наконецъ, вырываясь изъ его объятій и проскользнула въ дверь.

Съ неостывшими еще губами, Ольга прошла въ свою комнату и заперлась на ключъ. Въ это мгновеніе, у нея уже не было никакой мысли о женихѣ, она будто забыла о его существованіи; планъ совершенно женскій, полный мстительности, зрѣлъ въ ея умѣ; она вся отдалась одному чувству: поставить препятствіе на пути любви Волгина и Кети Бореаль. Сорвать конвертъ съ письма, развернуть его и прочесть—было дѣломъ одной минуты. Письмо заключало въ себѣ строкъ двадцать, небольшое, написано было дѣтскою рукою, довольно несвязно, безграмотно и неумѣло. Видно было, что авторъ письма не имѣетъ никакого понятія о любовныхъ посланіяхъ, а что для него дорогъ только тотъ фактъ, что онъ пишетъ письмо и надѣется получить отвѣтъ. Да оно, въ самомъ дѣлѣ, такъ и должно было быть въ этомъ случаѣ. Письмо было вызовомъ, объясненіемъ своихъ чувствъ. Ольга достала другой конвертъ, вложила въ него и заклеила такъ-же, какъ и прежній.

Потомъ она сѣла у окна и принялась думать. Предметъ ея размышленій былъ одинъ и тотъ-же, безъ перерыву, безъ перемѣнъ, Привлечь къ себѣ Волгина во что-бы то ни стало, хотя-бы цѣною преступленія. Въ головѣ ея проходили тысячи разнообразныхъ хитросплетенныхъ плановъ. Вдругъ она вскочила, вся вздрогнувъ, какъ отъ электрическаго толчка. Послышался дружный топотъ лошадиного бѣга, не того бѣга, которымъ трусятъ невзрачныя, крестьянскія лошаденки, а твердаго размаха сильныхъ и хорошо подкованныхъ ногъ, по которому сейчасъ узнаешь породистый шагъ рысака.

Ольга быстро пригладила волосы, сдѣлала передъ зеркаломъ улыбку и беззаботное выраженіе лица, и скорѣе спорхнула, чѣмъ сбѣжала съ лѣстницы. По дорогѣ она подхватила Межецкаго, поджидавшаго ее и, подъ руку съ нимъ, пошла на встрѣчу всадникамъ. Она впиалась въ нихъ глазами. Лицо Кети было задержуто густымъ, синимъ вуалемъ, развѣвающимся вокругъ ея головы, гибкая талія ея, ловко охваченная чернымъ платьемъ, согнулась, будто отъ утомленія.

Остановивъ лошадь, она сидѣла неподвижно, ожидая привычной церемоніи сниманія съ сѣдла. Волгинъ, напротивъ, былъ торопливъ, онъ ѣхалъ сзади и, чтобъ поравняться съ графиней, далъ коню шпоры, отчего тотъ зашалилъ и вспрыгнулъ на дыбы. Но онъ разомъ осадилъ коня и проворно слѣзъ съ сѣдла. Между тѣмъ отъ конюшни бѣжали уже конюхъ и кучеръ, а со ступенекъ подъѣзда спрыгивалъ лакей. Но рука Волгина, первая, протянулась къ графинѣ и, опираясь на нее, она сошла съ лошади. Ничто не укрылось отъ Ольги. Кети прошла въ свою уборную, Ольга за ней. Тутъ пошли рассказы и распросы; графиня объявила, что она устала, голодна, изнемогаетъ отъ жару и начала переодѣваться. Въ нѣсколько часовъ она успѣла такъ загорѣть, что ея мраморныя щеки пылали румянцемъ, нагнаннымъ вѣтромъ и солнцемъ; она казалась полнѣе, движенія ея стали живѣе, свободнѣе. Сбросивъ платье и отославъ горничную, она вся погрузилась въ оттоманку.

Ольга смотрѣла на ея плечи, на ея грудь, словно выточенную изъ мрамора, но мрамора живого, дышащаго, полного теплоты и блеска, на ея прекрасныя, облаженныя руки, — и лицо ея два или

три раза передергивалось судорогой. Она мысленно оглядѣла себя, свою особу съ головы до ногъ, — и преувеличенное чувство отчаянія сдѣлало оцѣнку ниже, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Оставалось лицо: Ольга знала, что она была интересна, что глаза ея были значительны, что, когда она хотѣла того, ея улыбка, ея взглядъ были непреодолимы, могли сводить съ ума... Глазами, полными колебанья и муки, она подняла взглядъ съ плечъ Кети до ея лица, до ея глазъ, но тутъ она внезапно схватилась за сердце и закусила губы до крови. Ей показалось, что она никогда не видала Кети въ такой лучезарной красотѣ. Пунцовая оттоманка еще рельефнѣе выказывала чистыя линии ея тѣла и блескъ кожи.

— Что, если-бъ Волгинъ увидалъ ее теперь, вдругъ пришла ей въ голову несообразная, томительная мысль и она ревниво бросилась и прикрыла ее до самыхъ плечъ кашемировымъ бедунномъ валявшимся на креслѣ.

— Вставай, Кети, вымолвила она, — одѣвайся къ обѣду; мы всѣ ѣсть хотимъ...

— Знаешь, произнесла Кети, дружески удерживая ее возлѣ себя; — мнѣ пришли въ голову наши ночныя бесѣды въ Москвѣ и въ Сергіевскомъ... Помнишь? Какими мы были дѣтьми, тогда! Какіе воздушные замки строили...

И какая-то молодая улыбка озарила ея лицо.

— А теперь у тебя не строятся никакихъ замковъ? вкрадчиво и шутливо спросила Ольга.

Кети покачала головою.

— Теперь и матеріалу такого нѣтъ! сказала она. — Теперь уже не воздушные замки, а можетъ быть, крѣпкіе замки и заводы ждуть меня впереди!

Она попробовала засмѣяться, чтобъ сгладить впечатлѣніе этихъ странныхъ, непонятныхъ для Ольги, словъ...

— Поживешь у насъ въ деревнѣ, словно въ воды Леты окупнешься, перенесешься въ другой міръ, замѣтила та.

— Покуда... пожалуй! задумчиво отвѣчала Кети.

— А нашъ рыцарь, наша знаменитость, Волгинъ, именемъ котораго здѣсь божатся, qui fait ici la pluie et le beau temps, дикарь, держащій себя какимъ-то божкомъ, — не кажется-ли тебѣ рѣдкостью въ своемъ родѣ?

Голосъ Ольги былъ полонъ такихъ наболѣвшихъ и раздражительныхъ звуковъ, что Кети съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Кто это? Волгинъ? отвѣтила она. — Онъ серьезенъ и простъ, какъ отшельникъ и, кажется, такъ-же безстрастенъ ко всему, что не касается его специальности!

Ольгѣ эти слова показались какимъ-то бальзамомъ, но этотъ бальзамъ еще слаще разлился по ея сердцу, когда она вдругъ сказала, подавляя чувство злорадства:

— А вотъ и ошибаешься: онъ любить и любимъ!

— Неужели? спросила Кети съ любопытствомъ. — Это становится интереснымъ... Кто-же такая?

— Сосѣдка здѣшняя, въ двухъ верстахъ отсюда... Прехорошенькое, вроткое созданіе, съ которымъ онъ возится вотъ уже цѣлый годъ, развивая, посвящая въ разныя науки и знанія. Ну, разумѣется, не обошлось безъ романа... Она въ него втюрилась безъ ума, безъ памяти, хочетъ разойтись съ мужемъ, жить въ Бѣшеной Лощинѣ и т. д. Онъ тоже не устоялъ противъ румяныхъ щекъ и бѣлокурыхъ волосъ, — встати бѣлокурые волосы у женщины, это его манія, — и они вмѣстѣ строили планы на будущее. Онъ хотѣлъ ей дать мѣсто экономки въ домѣ Бѣшеной Лощины, — но *l'homme propose et Dieu dispose!* На время всѣ эти планы пришлось отложить, потому что сама хозяйка пріѣхала и домашній штатъ уже наполненъ.

Кети была нѣсколько оглушена столькими открытіями. Она едва разинула ротъ, чтобъ что-то спросить, какъ Ольга снова заговорила.

— И теперь молодая женщина тоскуетъ, ищетъ свиданія, но не знаетъ, какъ его добиться; мужъ крѣпко ее сторожитъ, что не мѣшаетъ, однако, влюбленнымъ переписываться другъ съ другомъ... И даже сегодня, я видѣлась съ нею и бѣдняжка, вся въ слезахъ, упросила меня передать ему письмо прямо въ руки. Вотъ видишь, какъ таинственно, безъ адреса, значитъ прямо изъ рукъ въ руки...

Она вынула изъ кармана письмо и повертѣла его передъ глазами Кети. Той вдругъ стало холодно подъ шелковымъ бедуиномъ и она встала, поводя своими плечами.

— Это очень интересно, выговорила она. — Врочаетъ на него совсѣмъ другой свѣтъ... Ты мнѣ расскажешь когда-нибудь по по-

дробнѣе, прибавила она, дергая за сонетку. — Я сейчас одѣнусь и выйду... До свиданія!

Ольга вышла и улыбка не сходила съ ея губъ все время, какъ она проходила по комнатамъ, по направленію въ залъ.

— Отчего такая счастливая? спросилъ у нее Межецкій, слѣдившій за нею, какъ тѣнь. — Удалось дойти своимъ умомъ?.. Да?

— Да! отвѣтила Ольга загадочно.

Обѣдъ былъ поданъ и Волгинъ съ усталымъ, но довольнымъ лицомъ, въ бѣломъ пальто и высокихъ сапогахъ, вошелъ въ столовую съ письмами и телеграммами въ рукахъ. Почти въ ту-же минуту появилась изъ внутреннихъ комнатъ графиня.

— Телеграмма отъ графа и два письма на ваше имя, сообщили онъ, подавая ей то и другое.

— Все благополучно? спросила она, садясь за столъ. — Если такъ, то я прежде всего примусь за обѣдъ, потому что хочу ѣсть.

Онъ невольно улыбнулся. Онъ каждый разъ чувствовалъ радость, когда видѣлъ Кети здоровую и спокойную, и теперь ея загорѣвшія щеки, ея здоровый аппетитъ были ему неожиданнымъ, дорогимъ подаркомъ. Миссъ Люси, едва принявшись за супъ, начала рассказывать всѣ диковинки, поразившія ее во время прогулки. Она говорила по-нѣмецки и докторъ, графиня и Волгинъ продолжали живую бесѣду на этомъ языкѣ, смѣясь и обращаясь другъ къ другу съ оживленными возгласами. Ольга, не понимавшая по-нѣмецки, сидѣла, какъ ошпаренная. Ее бѣсило, что она была, въ этомъ случаѣ, на одной доскѣ съ Славянскимъ, который сидѣлъ безгласный, какъ и всегда, интересуясь только появленіемъ лакеевъ съ аппетитно-дымящимися блюдами.

Межецкій, понимая неловкое положеніе своей невѣсты, не зналъ, что ему дѣлать.

— Ты, Оля, гдѣ ее потеряла изъ виду? Когда она отъ васъ скрылась?

— Могу-ли я помнить такія вещи? И кому это можетъ быть интересно! отвѣтила Ольга, пожмая плечами.

Она тутъ-же поймала мимолетный, насмѣшливый взглядъ Волгина, брошенный въ ея сторону. Краска негодованія бросилась ей въ лицо и она до конца обѣда не проронила ни слова. Въ углу столовой были приготовлены всѣ принадлежности для питья кофе.

Миссъ Люси выскочила прежде всѣхъ, чтобъ заняться его приготовленіемъ. Славянскій ушелъ, Волгина тоже звали куда-то по дѣлу, но онъ еще медлилъ, наблюдая за Кети, которая при наступленіи сумерекъ, казалось, снова поблѣднѣла и похолодѣла, подъ вліяніемъ какихъ-то недобрыхъ думъ. Ольга вдругъ остановила его на дорогѣ и стала между нимъ и графиней.

— Ну-съ, что вы мнѣ дадите за хорошія вѣсти? начала она значительнымъ тономъ.

Глаза ея метали искры.

— Еще хорошія-ли; я что-то сомнѣваюсь, отвѣтилъ Волгинъ, сторонясь отъ нея.

— А вотъ, не сомнѣвайтесь впередъ. Видите, что это такое? прибавила она, доставая письмо и вертя его высоко въ рукахъ. — Берите скорѣе и читайте.

Но Волгинъ не бралъ.

— Я не жду никакого письма и особенно изъ вашихъ рукъ.

Ольга закусила дрожавшія губы до крови.

— Письмо отъ Марьи Петровны Климовой, которой вы обѣщали содѣйствіе и помощь, которая ждетъ исполненія вашихъ проектовъ... Вы желали ее помѣстить въ Бѣшеной Лощинѣ, я говорила объ этомъ съ графиней и она не противъ этого... Не правда-ли, Кети?

— Да, да! отозвалась Кети съ дивана. — Почему вы мнѣ давно не сказали объ этомъ?

Она бросила наблюдательный взоръ на Волгина, принимавшаго письмо, и Ольга имѣла извѣстное удовольствіе замѣтить, что онъ покраснѣлъ. Какъ хорошо ей было въ эту минуту! Она была совсѣмъ счастлива. Она сѣла на козетку возлѣ графини; темнота сумерекъ такъ и манила къ изліяніямъ, къ интимной бесѣдѣ. Волгинъ отошелъ въ сторону, чтобъ прочесть письмо. Строчки плохо ложились передъ его глазами: онъ чувствовалъ только одно желаніе, подойти теперь-же къ Кети, рассказать ей исторію Марьи Павловны, объяснить свои отношенія къ ней, показать ей письмо, высвободиться отъ насильно навязаннаго ему романа.

— Механикъ изъ Риги пріѣхалъ, доложилъ лакей, входя.

Волгинъ давно ждалъ этого механика. Съ его пріѣздомъ связано было много животрепещущихъ вопросовъ хозяйства, которые еще такъ недавно поглощали всѣ думы Волгина. Теперь онъ въ

нерѣшимости стоялъ съ развернутымъ письмомъ въ рукахъ, сознавая, что благоприятная минута объясненія проходитъ и что на него устремлены наблюдательные взоры графини и язвительная улыбка Ольги. Нетерпѣливымъ движеніемъ онъ скомкалъ и сунулъ письмо въ карманъ и, хмури брови, скорыми шагами вышелъ изъ комнаты.

— Какъ я рада, милая Кети, что имѣла случай заговорить съ тобой объ этой Марѣ Павловнѣ, начала Ольга интимнымъ тономъ; — не правда-ли, ты не желала-бы, чтобъ твое присутствіе стѣсняло кого-нибудь изъ обитателей Бѣшеной Лощины. Волгинъ давно имѣлъ планъ помочь бѣдной женщинѣ, жизнь которой такъ некрасна вдвоемъ съ нелюбимымъ мужемъ, особенно въ ту минуту, когда счастье улыбнулось ей въ видѣ взаимной любви.

— Да, отвѣтила Кети задумчиво; — и я считаю своей обязанностію сдѣлать что-нибудь пріятное для моего управляющаго за всю его деликатную доброту ко мнѣ. Теперь я еще болѣе цѣню ее, потому что вижу въ ней совершенно безкорыстный источникъ человѣческой гуманности. Ты говорила, что онъ хотѣлъ ей дать мѣсто экономки здѣсь, въ этомъ домѣ?

— Да; но вотъ видишь-ли, мужъ ее не пускаетъ, не дастъ ей паспорта, и это самое главное препятствіе. Я думаю, намъ надо обманомъ взять сюда молодую женщину, увѣривъ мужа, что она необходима, собственно для насъ, женщинъ, для развлечения... Въ особенности если сама владѣлица Бѣшеной Лощины, сама графиня Бореаль лично попроситъ его объ этомъ, тогда не будетъ ничего невозможнаго, прибавила Ольга, съ вкрадчивой улыбкой.

Кети не отвѣчала, погруженная въ свои думы.

V.

Нѣсколько дней спустя, Марфа Васильевна Галатова была очень удивлена посѣщеніемъ самого Петра Ивановича Климова, небывшаго у нея съ полгода.

Были сумерки воскреснаго дня. Огонь на очагѣ у Марфы Васильевны весело трещалъ подъ большой сковородой съ грибами,

только-что набранными въ рощѣ. Люба, виновница торжества, сушила передъ огнемъ вымоченное дождемъ платье, которое, какъ видно, уже не разъ подвергалось этой операціи. Ея остальные платья были запрятаны Марфой Васильевной подъ ключъ, ибо подвергались участи остаться въ лѣсу клочками на кустахъ. Ходить каждый день въ лѣсъ во всякую погоду, было для Любы наслажденіемъ. Стоя въ одной рубашкѣ и заглядывая жаднымъ окомъ на сковороду, она составляла прелестный аксессуаръ картины. Ребенокъ и дѣвушка боролись въ ней такъ граціозно, что она даже казалась хороша. Вдругъ дверь отворилась и вошелъ Климовъ. Водолазъ, неизбѣжный спутникъ Любы, давно уже успѣвшій воспользоваться небрежностью дѣвушки и разлечься на ея высушенномъ платьѣ, глухо зарычалъ, поднявъ курчавую голову.

— Ай, ай! присѣла Люба на полъ, загоразиваясь платьемъ Марфы Васильевны.

— Полно, Люба! Что за важность?.. Какъ-же крестьянки-то ходятъ въ однѣхъ рубашкахъ?..

Но Люба, долго не думая, уже махнула въ окно. Водолазъ съ лаемъ бросился за ней.

— Я, кажется, вамъ помѣшалъ, — извините! сказалъ Климовъ, замѣтно сконфуженный, подходя къ хозяйкѣ и подавая ей руку. Выраженіе его лица было взволновано, но рѣшительно.

— Здравствуйте, отвѣтила Галатова, пристально вглядываясь въ него, — вы по дѣлу ко мнѣ?

— Да, по дѣлу. Нельзя-ли мнѣ переговорить съ вами?

— Очень можно. Пройдите въ домъ, я сейчасъ приду.

Климовъ отправился и сѣлъ въ залѣ у окна. Трепетными руками началъ онъ свертывать папиросу. Вскорѣ явилась и Марфа Васильевна.

— Голубушка Марфа Васильевна, началъ онъ, вдругъ вставая въ очевидномъ волненіи, — извините меня, что я на васъ все время сердился; пришла теперь и моя бѣда, не съ кѣмъ посоветоваться, кромѣ васъ. Несу повинную голову; ужь очень мнѣ плохо пришлось.

— Ну, говорите, что такое?

— Жена сокрушила меня совѣмъ. Просится вонъ изъ дому, не хочетъ жить со мной.

Галатова молчала, поникнувъ головой. Онъ пересѣлъ къ ней ближе и, глубоко вздыхая, предался изліяніямъ:

— Вотъ видите-ли, какъ это все началось. Жила она и прежде со мной такъ себѣ, ни тепло, ни холодно. Ну, я все думалъ: привыкнетъ, дѣти, авось, пойдутъ, — проживемъ вѣкъ, какъ всѣ люди живутъ. Я ее любилъ, какъ душу, и надо правду сказать, во всѣ шесть лѣтъ, не видалъ я за ней никакой шалости, — неласкова, своевольна подчасъ, ну, думаю, характеръ ужъ видно такой. Хозяйка она была заботливая, цѣлый день сидитъ, шьетъ, бывало, на кухнѣ стряпааетъ или что по дому; я и вниманія не обращаю, что она иногда носъ воротитъ... Вдругъ, наѣхали въ Вѣшеную Лощину бездомники, подлецы эти, — прости Господи, — стали бывать у васъ. Ну, какъ жену не пустить къ хорошимъ знакомымъ? Она васъ такъ любила. Я съ большимъ удовольствіемъ сначала ее къ вамъ пускалъ. Только сталъ я замѣчать, что что-то не ладно. Книжекъ натащитъ, читаетъ; хозяйствомъ стала пренебрегать и вдругъ явилась фантазія: хочу жить на свои деньги, работать, трудиться буду для себя. Выткнула у меня приданные свои 300 р., купила коровъ, маслобойку завела. печь сыроваренную, и стала у нея работа кипѣть. А сама каждое воскресенье въ Вѣшеную Лощину масло да сыръ отправляетъ и не смѣй я вступаться, куда, молъ, это все идетъ? Хорошо; вдругъ, глядь, тирольскую телку оттуда ведутъ. Я такъ и ахнулъ. На какія деньги, за какія-такія услуги? Взяло меня горе: что, думаю, поблажку давать? Съ женой-то вѣдь мнѣ, не кому вѣкъ жить, — избалуешь на свою голову, да послѣ и не справишься съ ней. Взялъ, да разомъ все это и прекратилъ. Вы, я думаю, знаете. Нажаловалась, чай?

— Да, говорила.

— Ну, съ тѣхъ поръ стало все хуже и хуже. Не знаю, какъ и ума приложить. „Давай паспортъ, да и все тутъ.“ Заартачилась, блажная совсѣмъ сдѣлалась, приступу никакого нѣтъ. Я думаю все оттого, что дѣтей нѣтъ. Господи! хоть-бы урода какого ты мнѣ послалъ! вымолвилъ Климовъ, поднимая глаза къ потолку. — Ну какъ, глупая, будешь ты одна жить? говорю ей. — На какія средства? Работать, говорить, стану; недоѣдать, недосыпать, да за то свободна буду, у нелюбимаго человѣка рабой не буду. Слышите, это она у меня рабой-то! Неблагодарность вѣдь

какая! А все оттого, что совратили и погубили ее злые люди, разрушили мое счастье! Кабы каторги не боялся, давно-бы ихъ, подлецовъ, ухлопалъ.

Марфа Васильевна усмѣхнулась.

— Какъ подумаешь, выговорила она, покачивая головой, — какъ издали-то намъ все кажется страшнымъ, да грознымъ, да небывалымъ. А посмотрѣли-бы вблизи. Ну что-же тутъ дурного, что разъ въ недѣлю собирался молодой народъ повеселиться. Ваша жена живой человѣкъ; времени у нея много, дѣтей нѣтъ, разумѣется, соскучится въ четырехъ стѣнахъ сидѣть и пожела-етъ хоть вздохнуть повеселѣе. А что люди попались начи-танные, да образованные, книжекъ надавали читать, да учить кое-чему начали, — такъ и тутъ дурного ничего нѣтъ. Чи-тать, да работать, — лучше чѣмъ баклуши бить. А вы ее рев-новать стали... Къ какому рожну? Эхъ, Петръ Ивановичъ, сами вы на себя бѣду накликали... Къ Волгину ревновать вздумали! Я вамъ скажу, не нашего онъ поля ягода, не на нашу мѣрку онъ скроенъ. Видите вы, чѣмъ онъ занятъ, что онъ дѣлаетъ, какую тягость держать на своихъ плечахъ... Не до женщинъ ему... Я его три года знаю, — дѣло сосѣдское... Слухомъ земля полнится... Не такой онъ человѣкъ, какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, строго подтвердила она: — а про Марью-то Павловну и говорить нечего: онъ ее уважалъ и берегъ, какъ сестру...

Климовъ вдругъ вскочилъ и схватилъ ее за руки.

— Голубушка, Марфа Васильевна, вскричалъ онъ, весь тря-саясь, — правду ты говоришь? поклянись прахомъ мужа, что между ними никогда ничего не было.

— Никогда не было и не будетъ, произнесла Галатова съ та-кимъ убѣжденіемъ, что слезы градомъ хлынули изъ глазъ Кли-мова и онъ вскочилъ какъ-будто съ него сняли цѣпи.

— Господи! А я-то, я-то!.. Изнывалъ, мучался, ночей не спалъ!..

Галатова улыбалась, глядя на него, какъ на неразумнаго ре-бенка. Онъ ходилъ по комнатѣ, предаваясь то горестнымъ, то ра-достнымъ размышленіямъ.

— Да зачѣмъ-же, зачѣмъ ей нужно въ Бѣшеную Лощину? вскричалъ онъ снова, останавливаясь передъ своей собесѣдницей... Вчера пришли двѣ, — Ольга Борисовна съ нѣмкой какой-то; про-сятъ: погостить пустите! Я не пустилъ...

— А напрасно, рѣшительно перебила Галатова. — Знаете-ли, что я сдѣлала-бы на вашемъ мѣстѣ? я-бы не погостить ее пустила, а прямо-бы поѣхала къ Волгину просить его дать ей мѣсто въ Бѣшеной Лощинѣ...

— Какъ? вскричалъ мужъ, остолбенѣвъ.

— Ну да. Такъ нужно было-бы сдѣлать... Видите-ли, прервала Галатова, мало-по-малу увлекаясь, — ваша жена не любитъ ни Волгина, ни кого другого; она блажитъ теперь, потому что ей скучно, потому что вы вдругъ лишили ее всякаго общества, всякаго развлечения... Бѣшенная Лощина кажется ей теперь земнымъ раемъ, трудъ тамъ — игрушкой, жизнь — рядомъ удовольствій... Она никогда не испытала настоящаго труда... А въ Бѣшеной Лощинѣ ей предстоитъ настоящій, ничѣмъ неподраженный трудъ... Дайте ей этотъ опытъ; дайте ей испытать, что такое трудъ за деньги, трудъ обязательный, который потребуетъ всего ея времени, вниманія, силъ... Пустите, пустите ее въ Бѣшеную Лощину, Петръ Ивановичъ... Она, какъ ребенокъ игрушки, просить труда, ну, и дайте ей эту игрушку, и пусть она обожжетъ ей руки... И ей будетъ больно, и вспомнить она о васъ и вернется къ вамъ... Такъ-то, другъ мой, — иначе ничего не подѣлаешь...

Климовъ ходилъ взадъ и впередъ въ страшномъ волненіи.

— Ее въ Бѣшеную Лощину? вскричалъ онъ. — Съ какими глазами? на какихъ-же правахъ?

— Да очень просто. Поѣзжайте завтра сами въ Бѣшеную Лощину, попросите у графини мѣсто экономки для вашей жены, условьтесь насчетъ платы; скажите, что она хочетъ открыть сыроварню и желаетъ на практикѣ ознакомиться съ этимъ дѣломъ... Тамъ никто и не удивится вашему предложенію; вѣдь это такъ просто, что люди желаютъ трудиться и научиться чему-нибудь...

— Но какъ-же я буду безъ нее? захныкалъ вдругъ мужъ: — я пропаду съ тоски, я во всѣ ночи глазъ не сомкну...

— А теперь вы хорошо ихъ смыкаете? Вы въ эти полгода постарѣли и похудѣли на десять лѣтъ, Петръ Ивановичъ! Насильная ласка — не ласка. Вы ее гнете въ бараній рогъ, а она васъ ломаетъ... И непременно сломаются вы оба, такъ, что послѣ и не склеишь... Дайте себѣ роздыхъ, вздохните оба хоть немного, соберитесь съ силами.

— Нѣтъ я не могу, не въ силахъ оставить ее тамъ на житье! вскричалъ онъ, ломая руки. — Пусть она проводитъ дни въ Бѣшеной Лощинѣ, а вечера у меня въ Коноплянкѣ. Я буду приѣзжать за ней каждый вечеръ. И не просите, и не говорите мнѣ ничего противъ этого. Что хотите, а въ этомъ я себя не переломлю! Если хотя одну ночь она тамъ почуветь, — или мнѣ, или ей въ живыхъ не быть!..

Онъ бѣгалъ по комнатѣ, какъ помѣшанный.

— Я и не стану ничего противъ этого говорить... Вы для нея много дѣлаете, и она должна тоже сдѣлать для васъ... Пословица говоритъ: долгъ платежемъ красенъ.

— Ну, благословите на подвигъ, произнесъ онъ, вставая съ глубокимъ и тяжкимъ вздохомъ, — размягчили вы мое сердце, голубушка Марфа Васильевна: — пусть моя Маня увидитъ, какъ я ее люблю! Сдержу, скрѣплю себя, — ни слова обиднаго ей не скажу, — попытаю! Вразуми ее, Господи! говорилъ, онъ широко крестясь и ударяя себя въ грудь.

— Богъ дастъ, заживете по-прежнему! ободряла старушка, провозжая его до двери.

— Эхъ, кабы дѣти! произнесъ съ отчаяніемъ Климовъ. — Хоть приемыша что-ли взять?

— Зачѣмъ приемыша? Можетъ быть, и свои пойдутъ, долеталъ до него благотворный, утѣшительный голосъ.

Бодро вскочилъ онъ на лошадь и поскакалъ домой къ Коноплянкѣ.

Марья Павловна сидѣла одна въ своей комнатѣ, какъ звѣрь въ клеткѣ. Съ часъ небольше, какъ она проводила Ольгу и миссъ Люси, приходившихъ звать ее погостить въ Бѣшеную Лощину. У нея въ ухахъ до сихъ поръ звучали лихорадочно настойчивыя рѣчи Ольги, уговаривавшей ее испробовать всѣ средства, чтобы пасть въ Бѣшеную Лощину:

„Письмо передано, но Волгинъ уѣхалъ не надолго по дѣлу и не успѣлъ дать никакого отвѣта. Онъ весь вспыхнулъ, когда, она, Ольга, подала ему ея письмо. Графиня предобрая женщина. Она приметъ ее, какъ нельзя лучше и будетъ обращаться, какъ съ подругой. Жить въ Бѣшеной Лощинѣ, въ великолѣпномъ домѣ, среди большого общества, среди цѣлой перспективы кавалькадъ, катаній на лодеѣ, parties de plaisir, — неужели для этого не

стоитъ рѣшиться на что-нибудь"? Такъ говорила Ольга, и молодая женщина, возбужденная до крайности, была готова хоть на ножи. Призвали мужа и объявили ему; вышла прескандальная сцена; мужъ взбѣсился, наговорилъ Ольгѣ дерзостей и чуть не выпроводилъ ее изъ дома.

Марья Павловна была внѣ себя. Она заперлась у себя на ключъ и начала укладывать свои вещи. Что хотѣла она предпринять. — она еще не обдумала сознательно, но была увѣрена, что дойдетъ до какой-нибудь крайности. Мужъ долго къ ней стучался, грозилъ, что выломаетъ дверь, наконецъ, затихъ и она услышала, что онъ велѣлъ сѣдлатъ лошадь и поскакалъ со двора. Марья Павловна вышла изъ своей засады и заглянула на дворъ. Работникъ запираетъ ворота на замокъ, кухарка сидѣла на порогѣ одной двери, на порогѣ другой неподвижно стоялъ караульный. Всѣ были точно на сторожѣ, точно въ какомъ-то ожиданіи.

— Авдотья, позвала Марья Павловна: — поди сюда!

— Хозяинъ не приказалъ отходить, былъ отвѣтъ.

— Я ужинать хочу; принеси мнѣ ѣсть...

— Безъ себя не велѣлъ; къ ужину, говорить, самъ буду...

Марья Павловна долго металась по дому, наконецъ бросилась въ постель, уткнула голову въ подушки. Но она тотчасъ-же вскочила съ нея, словно ужаленная. Быстро приблизилась она къ работнику.

— Архипъ, пропусти меня; у меня голова кружится... Я въ садъ хочу...

— Куда вы теперь пойдете? Дождь льетъ, какъ изъ ведра...

— Да ты что-же тутъ стала? Развѣ тебѣ тутъ мѣсто?

— А что-же? Гдѣ ни стоять все равно...

Она воротилась домой въ безсильномъ отчаяніи. — „Надобно бѣжать“, какъ-то тупо повторила она себѣ. — Еслибъ у меня былъ морфій. я-бы дала ему, чтобъ онъ заснулъ, а сама-бы въ окно, да въ Вѣшеную Лощину. Тамъ меня-бы спрятали куда-нибудь... Тамъ ему-бы сказали, что я на желѣзную дорогу отправилась... Онъ-бы меня поѣхалъ искать, и все искалъ-бы, искалъ-бы... А я, тѣмъ временемъ, днемъ-бы скрывалась, а ночью сидѣла-бы съ ними вмѣстѣ... и Юрій Николаевичъ тутъ... былъ-бы около меня.

И вся романтическая обстановка побѣга, укрывательства, всеобщаго участія къ ней, разнородныхъ и пріятныхъ сценъ, заман-

чиво нарисовались въ ея умѣ. Вдругъ на дворѣ послышался шумъ, отпирание воротъ, топотъ лошади и столь знакомый ей, ненавистный голосъ мужа.

— Ужинать давай, Авдотья! распорядился онъ: — Архипъ, Михайло, вотъ вамъ на водку.

— Какъ ни въ чемъ не бывало! произнесла Марья Павловна.— О, такъ и не ожидаетъ-же онъ, какую я кашу заварю!

Заслышавъ приближающіеся шаги, она вскочила, сѣла спиной къ двери, прислонивъ лицо къ окну, въ которое виднѣлись ворота.

Онъ быстро подошелъ къ ней и повернулъ ее со стуломъ къ свѣту. Она хотѣла вскочить; онъ удержалъ ее.

— Маня, ты все еще хочешь въ Бѣшеную Лощину? спросилъ онъ, пристально всматриваясь въ ея лице.

Она нервно дернула плечомъ и нетерпѣливо взмахнула руками, которыя онъ задерживалъ въ своихъ.

— Мы поѣдемъ туда завтра. Я самъ переговорю съ Волгинымъ насчетъ твоего мѣста. Ты будешь тамъ при должности цѣлый день, а вечеромъ я буду прѣзжать за тобой и ночевать ты будешь дома. Тутъ недалеко; утромъ ты можешь туда ѣхать такъ рано, какъ хочешь... Ты слышишь меня?

— Слышу, да не вѣрю, угрюмо произнесла Марья Павловна.

— Отчего-же? Я одумался, я рѣшился сдѣлать такъ, какъ ты желаешь... Я самъ, самъ отвезу тебя, самъ переговорю съ Волгинымъ, самъ помѣщу тебя... Мнѣ это очень неприятно и больно, и трудно,—но Богъ труды любить... Господь меня наградитъ за напрасное претерпѣніе... И ты на меня не будешь жаловаться и плакаться, что я твой вѣкъ заѣдаю... Живи, какъ хочешь и гдѣ хочешь...

Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ и въ голосѣ его при послѣднихъ словахъ были слезы.

Авдотья внесла ужинъ. Климовъ выпилъ рюмку водки и позвалъ жену садиться за столъ. Она была какъ сама не своя. Какой-то хаосъ мыслей и чувствъ вертѣлся въ ея головѣ. Она не хотѣла садиться и сѣла, не хотѣла говорить и говорила...

Долго послѣ ужина Климовъ оставался съ женой, разспрашивая и заставляя ее рассказывать ему свои намѣренія и планы на будущее. Во всѣхъ этихъ планахъ онъ, повидимому, принималъ дѣятельное участіе и одсѣбралъ ихъ. Она приписывала это отча-

сти хитрости, отчасти любопытству и была на-сторожѣ. Когда онъ ушелъ спать и свѣчи потухли и уже пропѣли первые пѣтухи, она все еще сидѣла на одномъ мѣстѣ и думала. Первые лучи разсвѣта застали ее на той мысли, что вмѣшательство и согласіе мужа разстроятъ всѣ радужныя мечты о всеобщемъ участіи и вниманіи къ ней, и что теперь совершится такая проза, какой ей и во снѣ не снилось.

„Да неужели-же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, нуженъ романъ? вдругъ перебила она свою мысль, такъ охотно и привычно сбивающуюся на старую колею романическаго побѣга, супружескихъ притязаній, укрывательства и тому подобныхъ курьезовъ.—Вѣдь мнѣ работа нужна и работа у меня будетъ, и теперь все такъ хорошо, спокойно, я такъ рада“...

А тайные вздохи, поднимаясь изъ самой глубины души, обличали неискренность.

— Да и я-то дура, вѣрю! рѣшила она вдругъ.—Такъ онъ и пуститъ меня добромъ... Вотъ посмотримъ, что завтрашній день покажетъ.

И, падая отъ усталости и сна, она прилегла на ту самую супружескую постель, до которой, нѣсколько часовъ тому назадъ, покліялась никогда не касаться болѣе.

II. Лѣтнее.

(Продолженіе будетъ.)

П Ъ С Н Я.

(Изъ народныхъ мотивовъ.)

Если-бъ легкой птицы
Крылья я имѣла,
Въ частый-бы кустарникъ
Я не полетѣла.

Если-бъ я имѣла
Голосъ соловьиный,
Я-бы не носилась
Съ пѣсней надъ долиной.

Я-бы не летала
На разсвѣтъ въ поле
Косарямъ усталымъ
Пѣть о лучшей долѣ.

Я-бы не кружилась
Вечеромъ надъ хаткой,
Чтобъ ребенка пѣсней
Убаюкать сладкой.

Нѣтъ! я полетѣла-бъ
Съ пѣсней въ городъ дальній:
Есть тамъ домъ обширный,
Всѣхъ домовъ печальнѣй.

У стѣны высокой
Ходятъ часовые;
Въ окна смотрять люди
Блѣдные, худые.

Имъ никто не скажетъ
Ласковаго слова, —
Только вѣтеръ пѣсни
Имъ поетъ сурово...

Отъ окна къ другому
Тамъ-бы я летала,
Узниковъ привѣтной
Пѣсней утѣшала.

Я-бъ имъ навѣвала
Золотыя грезы—
И изъ глазъ потухшихъ
Вызывала слезы,

Чтобы эти слезы
Щеки ихъ смочили,
Полную печали
Душу облегчили...

И. Суриковъ.

4
4

АМЕРИКАНСКАЯ ПЛУТОКРАТІЯ.

John H. Becker. Die hundertjährige Republik. Sociale und politische Zustände in den Vereinigten Staaten Nordamerikas. Mit Einleitung von f. Hellwald. Augsburg 1876. Actes et paroles du Gouvernement des Etats—Unis, par B. Baudy. Paris. 1875.

Одинъ изъ популярнѣйшихъ странствующихъ ораторовъ Соединенныхъ Штатовъ, Джемсъ Пертонъ, предложилъ въ одной рѣчи, произнесенной имъ въ ноябрѣ 1874 года въ Нью-Йоркѣ, слѣдующіе собственно-американскіе предметы для всемірной выставки въ Филадельфіи:

Модель обыкновеннаго семи-этажнаго узкаго дома, вмѣщающаго шестьдесятъ четыре рабочія семейства; на ряду съ этимъ — образецъ просторной конюшни американскаго богача, построенной изъ дорогаго орѣховаго дерева и увѣшанной великолѣпными, серебряными сбруями.

Затѣмъ, видъ законодательнаго собранія нью-Йорскаго штата во время совѣщанія законодателей; то-же относительно штата южной Каролины.

Далѣе, модель обыкновеннаго деревяннаго стула въ общественномъ зданіи, стоящаго плательщикамъ податей 411 долларовъ.

Панораму торгово-биржевого квартала Нью-Йорка въ первые дни финансоваго кризиса.

Картину возвращенія къ своимъ избирателямъ Оака Эмса, агента большихъ желѣзнодорожныхъ предпріятій и знаменитаго покушника „голосовъ“ на конгрессѣ.

Видъ засѣданія представителей Штатовъ, въ которомъ совер-

шается дѣлжка денегъ, полученныхъ отъ подрядчиковъ въ вознагражденіе за разныя услуги.

Портретъ достопочтеннаго господина Мершея, засѣдающаго въ Вашингтонскомъ конгрессѣ; тутъ-же и видъ его игорнаго дома въ Саратогѣ и картину всего происходящаго въ этомъ учрежденіи часа въ два ночи.

„Такая выставка, заключилъ Пертонъ, не особенно, конечно, льстила-бы нашему самолюбію, но она была-бы вѣрна дѣйствительности и справедлива. Безумная расточительность и безправственность господствуютъ въ нашихъ высшихъ общественныхъ сферахъ, а масса народа не имѣетъ средствъ для достаточнаго удовлетворенія насущныхъ потребностей жизни. Люди подкупные и подкупающіе занимаютъ всѣ высшія общественныя мѣста и на дѣлѣ выходитъ, что все различіе между обыкновенными преступниками и нашими правителями заключается только въ томъ, что первые находятся внутри тюремъ и внѣ общественныхъ должностей, а вторые—внѣ тюремъ и внутри общественныхъ должностей“.

Рѣчь эта встрѣчена была слушателями съ большимъ сочувствіемъ и впоследствии была напечатана во многихъ американскихъ журналахъ. Подобныя нелестныя отзывы о современном порядкѣ вещей въ Соединенныхъ Штатахъ увеличиваются съ каждымъ днемъ; они идутъ съ разныхъ сторонъ, но всѣ одинаково свидѣтельствуютъ о глубокой испорченности законодательныхъ и вообще правительственныхъ сферъ Америки и о духѣ эксплуатаціи, господствующемъ въ тамошнемъ обществѣ. Докторъ Блеркъ слѣдующими словами характеризуетъ въ своей книгѣ „Наша общественная реорганизация“ высшія административныя сферы въ Соединенныхъ Штатахъ: „Нынѣшнее состояніе общественныхъ дѣлъ въ нашей странѣ вызываетъ, говоритъ онъ, всеобщее недовольство и тяжелыя опасенія. Честность и дѣйствительная способность сдѣлались почти неизвѣстными качествами въ дѣлѣ правленія и уступили мѣсто продажности и неспособности. Организованная шайка политиковъ по ремеслу хозяйничаютъ всѣми дѣлами, а народъ не имѣетъ въ управленіи ни голоса, ни вліянія. Личная выгода есть единственная двигательная сила въ нашей общественной жизни и вездѣ народныя интересы приносятся въ жертву личной корысти“. Нѣсколько лѣтъ назадъ, офиціальнй комитетъ изъ депутатовъ конгресса далъ

слѣдующій безпристрастный отзывъ о современномъ государственномъ управленіи въ Соединенныхъ Штатахъ: „Нѣтъ ни одной отрасли правленія, въ которой не было-бы воровъ, и прихѣръ ихъ до такой степени заразительнъ, что честность становится исключеніемъ вмѣсто правила. Ими замѣщены, прибавляетъ officialный документъ, какъ низшія, такъ и высшія государственныя должности, и потребуется много времени, чтобъ очистить отъ нихъ государство“. Очистка шла, однакоже, плохо, если судить по полученнымъ результатамъ. Зло увеличивается, напротивъ, съ каждымъ днемъ, и недавно еще Грантъ долженъ былъ заявить о „крайней необходимости охранять страну отъ постоянныхъ злоупотребленій и казнокрадства слугителей государства“.

Эти мрачныя явленія американскаго быта обратили на себя вниманіе не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и въ Европѣ, и изслѣдованію ихъ посвящены названныя нами книги Бекера и Води. Онѣ чрезвычайно богаты фактами и въ нихъ собрана значительная часть матеріала по этому вопросу, разъясняемаго въ американскихъ журналахъ, брошюрахъ и книгахъ или получившаго officialную извѣстность. Сочиненіе Бекера, челоувѣка, долго жившаго въ Соединенныхъ Штатахъ заслуживаетъ особеннаго вниманія и потому, что масса сообщаемыхъ имъ свѣденій подкрѣпляется достовѣрными доказательствами; онъ избѣгаетъ ошибокъ и преувеличеній такого писателя, напр., какъ Жане, смотрящаго на все сквозь юридическія очки и видящаго причины всего зла въ портѣ законопостановленій и учрежденій, которыми блистало „доброе старое время“. Жаль только, что въ книгѣ Бекера встрѣчаешься съ мнѣніями и выводами, заимствованными у псевдо-исторической школы новѣйшихъ соціологовъ, поспѣвшихъ эксплуатировать естественно-научныя открытія для поддержанія своихъ старыхъ, излюбленныхъ идей.

I.

Враги американской республики, предсказывавшіе ей, съ самаго ея возникновенія, всевозможныя бѣды, изъ которыхъ, скажемъ кстати, ни одна не сбылась — не предвидѣли теперешней дѣйствительной ея бѣды, паденія гражданской чести въ странѣ. Еще въ сороковыхъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ те-

бущаго столѣтія факты злоупотребленія властью были рѣдкими, исключительными случаями. Они были тогда только моментальнымъ нарушеніемъ обычнаго, правильнаго теченія дѣлъ и вызывали строгія мѣры, предупреждавшія ихъ повтореніе и развитіе. Добросовѣстность-же въ исполненіи обыкновеннаго гражданскаго долга, была, напротивъ, общимъ правиломъ, постоянной нормой американской жизни. Паденіе совершилось волиѣ неожиданно и съ стремительностью, свойственною всему американскому. Нынѣ производятся въ Соединенныхъ Штатахъ ежегодно десятки процессовъ о злоупотребленіи властью; газеты полны обличеніями въ казнокрадствѣ и фактами обирательства народа подъ всевозможными предлогами. Обвиняемыми въ этихъ дѣлахъ часто фигурируютъ не отдѣльныя только лица, а цѣлыя учрежденія, законодательныя, административныя и судебныя, и цѣлыя общества промышленниковъ народнымъ добромъ. Ни одна политическая партія не свободна отъ этихъ обвиненій: въ одномъ штатѣ на поприщѣ обирательства, являются дѣятелями демократы, въ другомъ — республиканцы, въ третьемъ то-же дѣло совершается какой-нибудь реформистской партіей, много обѣщающею, по обыкновенію, и дѣлающею все наперекоръ собственнымъ обѣщаніямъ. Но приведемъ нѣсколько примѣровъ современной общественной дѣятельности въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ Нью-Йоркѣ, какъ въ штатѣ, такъ и въ городѣ, долго отличалась политическо-промышленная ассоціація, состоявшая изъ демократовъ. Еще въ недавнее время главнымъ дѣльцомъ въ этомъ товариществѣ былъ миліонеръ Твидъ, глава нью-йоркскаго городского правленія. Онъ самъ какъ-то разъ опредѣлилъ характеръ собственной общественной дѣятельности. Когда онъ находился подъ слѣдствіемъ по поводу уже черезъ-чуръ пакостныхъ подвиговъ, къ нему пробрался газетный репортеръ и просилъ его сказать откровенно, каковы его жизненные принципы. „Мои жизненные принципы, сказалъ Твидъ, рассчитывавшій на безнаказанность и почти недѣлавшій ошибки въ расчетѣ, — заключаются въ слѣдующемъ: опускать руки въ чужіе карманы возможно глубже, набрать тамъ возможно больше и донести потомъ добычу въ собственный карманъ съ возможно меньшей потерей“. Таковы были руководящія начала этого американскаго Струсберга, и никто не могъ-бы его упрекнуть въ противорѣчій дѣла съ словомъ. Какъ

видно, это тоже былъ *человѣкъ идею*... За то время, когда его власть была въ апогеѣ, онъ совершилъ, дѣйствительно, невѣроятное. Въ январѣ 1869 года долгъ города Нью-Йорка простирался до 36 миліоновъ долларовъ. Прошло два года и восемь мѣсяцевъ твидовскаго правленія, и долгъ возросъ до 97 миліоновъ, при чемъ городъ не дѣлалъ за это время никакихъ особенныхъ экстраординарныхъ затратъ. Развѣ-же это не подвигъ? Шестидесять миліоновъ новаго долга за такой короткій срокъ! вѣдь это не всякому городскому головѣ удастся. Не вся эта сумма досталась, разумѣется, Твиду; большая часть ея ушла въ карманы другихъ членовъ почтенной ассоціаціи. Всѣ они занимали различныя общественныя должности въ городѣ и штатѣ и были связаны съ Твидомъ полной солидарностью стремленій. Въ законодательномъ собраніи одни члены товарищества издавали нужные имъ законы, другіе, занимавшіе административныя должности, исполняли эти законопостановленія, третьи контролировали исполнителей, наконецъ, четвертые судили и рядили, когда дѣло доходило до суда. Товарищество состояло въ интимной связи съ подрядчиками по городскимъ работамъ, съ крупными предпринимателями, съ финансовыми учрежденіями, входило въ сношенія съ большими акціонерными компаніями и даже прямо участвовало въ ихъ дѣлахъ; какого-бы свойства дѣла эти ни были. Дѣятельность товарищества простиралась не на одинъ только городъ и не на одинъ только нью-Йорскій штатъ; оно имѣло агентовъ въ различныхъ частяхъ государства, преслѣдуя вездѣ выгоды своихъ многочисленныхъ членовъ. Въ Нью-Йоркѣ оно выигрывало главнымъ образомъ на подрядахъ по общественнымъ работамъ. Подрядчики, съ которыми ассоціація находилась въ сношеніяхъ, входили куда слѣдуетъ съ предложеніями о необходимости расширенія или дополненія работъ, которыя они взяли на себя по контракту, и просили объ увеличеніи сметы. Просьбы удовлетворяли законодательнымъ или административнымъ путемъ. Подрядчики представляли затѣмъ гигантскіе счета за ничтожныя работы, и выгоды такой операціи распредѣлялись между участниками. Вслѣдствіе подобныхъ-то „расширеній и дополненій“ постройка нью-Йоркскаго магистрата обошлась въ тридцать миліоновъ долларовъ, тогда какъ зданіе стоитъ на самомъ дѣлѣ не болѣе двухъ или трехъ миліоновъ. Въ этомъ магистратѣ и помѣщаются тѣ

обыкновенные деревянные стулья, о которых говорил Пертонъ и которые обошлись въ 411 долларъ каждый. Въ штатѣ вниманіе ассоціаціи сосредоточивалось на большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Крупные предприниматели, любезные товариществу, имѣли всегда въ запасѣ проекты „общепользныхъ“ предпріятій, нетерпѣвшихъ отлагательствъ и требовавшихъ только кое-какой матеріальной поддержки со стороны штата. Необходимость оказанія помощи частному лицу или учрежденію въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ дѣятельность обѣщаетъ общественныя выгоды, давно уже признана американскимъ законодательствомъ, и на этомъ основаніи получали субсидіи и такія предпріятія, которыя были прямо рассчитаны на обирательство, но въ которыхъ заинтересована была могущественная и многоголовая ассоціація. Желѣзныя дороги были особенно любимымъ предметомъ операцій товарищества. Этотъ предметъ вездѣ привлекаетъ къ себѣ, какъ медь лѣтнихъ мухъ, разныхъ спекуляторовъ и биржевиковъ, и желѣзно-дорожное дѣло не могло, естественно, не заплатить дани нью-йорскимъ правителямъ и ихъ многочисленнымъ друзьямъ. Штаты и государство дарятъ земли желѣзнодорожнымъ компаніямъ, исполняющимъ извѣстныя условія. Вліятельная ассоціація такъ устраивала дѣла, что тѣ компаніи, съ которыми она вошла въ соглашеніе черезъ своихъ агентовъ или въ которыхъ она принимала прямое участіе, всегда удовлетворяли необходимымъ условіямъ, и онѣ получали громадныя земли, которыхъ на самомъ дѣлѣ не заслуживали. Вообще-же всѣ отрасли общественной и государственной дѣятельности служили къ обогащенію ассоціаціи. Она всюду проникала, вездѣ находила людей, готовыхъ содѣйствовать ея цѣлямъ и отъ всего получала такимъ образомъ большія или меньшія выгоды. Способами ея дѣйствій были злоупотребленія властью, насколько она обладала послѣдней, подкупъ, уступка части барышей отъ разныхъ операцій и простое вліяніе высокими общественнымъ положеніемъ ея членовъ. Это достойная работа ассоціаціи началась гораздо раньше, чѣмъ Твидъ сталъ во главѣ нью-йоркскаго городского правленія, прервана была только на короткое время и теперь выступила вновь.

Слишкомъ уже большіе размѣры обирательства въ Нью-Йоркѣ, заключившагося къ тому-же убійствомъ, повлекли за собою въ 1872 году учрежденіе особеннаго слѣдственнаго комитета надъ

членами нью-Йоркскаго городского правленія. При такой неожиданности, многіе вліятельные участники ассоціаці бѣжали въ Европу, захвативъ, разумеется, съ собою громадныя суммы, которыя они успѣли подобрать; другіе смѣло остались на родинѣ, надѣясь на свои миліоны и на защиту своихъ друзей, незамѣшанныхъ въ дѣлѣ. Эти надежды были не безъ основанія: кара, постигшая нѣсколькихъ нью-Йоркскихъ тузовъ, главныхъ дѣльцовъ въ ассоціаціи, была больше номинальная, чѣмъ дѣйствительная. Они остались при своихъ имѣньяхъ, которыя они во время перевели на имя женъ и родственниковъ, и имъ не были даже преграждены пути къ эксплуатаціи общественной власти. Самая ассоціація подверглась только маленькому испытанію на слѣдствіи и судѣ, но не была разрушена. „Она принуждена была уступить на время власть надъ городомъ партіи реформы“. Въ счастіе ея, реформаторы такъ хорошо хозяйничали, что прибавили за короткій срокъ новый сорока-миліонный долгъ городу и вызвали противъ себя возмущеніе со стороны даже тѣхъ гражданъ, которые прежде вѣрили ихъ преобразовательнымъ обѣщаніямъ. Въ концѣ 1874 года реформаторамъ пришлось сложить съ себя власть, демократы опять одержали побѣду на выборахъ и старая промышленно-политическая ассоціація выступила вновь на сцену. Почтенные ассоціаторы опять заняли многія общественныя должности, прежнія сношенія были возобновлены и все пошло по старому. Только уже больно компрометированные процесомъ главные дѣльцы ассоціаціи должны были уступить мѣсто новымъ личностямъ. Членъ конгреса Мершей, прославившійся какъ отличный кулачный боецъ и какъ содержатель игорнаго дома, стоитъ теперь во главѣ товарищества, блиставшаго нѣкогда геніемъ Твида. Онъ не расходится съ своимъ предшественникомъ въ принципахъ, какъ это доказываютъ многіе совершившіеся уже факты, и едва-ли уступить ему въ практическихъ талантахъ. Ассоціація опять собираетъ богатую жатву, а городскіе долги и нужды населенія растутъ по-прежнему.

Въ Вашингтонѣ организовалось такое-же товарищество изъ республиканцевъ, какъ въ Нью-Йоркѣ изъ демократовъ. И тамъ дѣло недавно дошло до судебного слѣдствія. Последнее показало, что подкупъ игралъ главную роль при исполненіи контрактовъ по общественнымъ работамъ и что власть имущіе люди во-

обще не стѣснялись въ выборѣ средствъ для собственнаго обогащенія. Первостепенные администраторы, наприимѣръ, пользуясь своимъ значеніемъ въ городскомъ управленіи, поручали подрядчикамъ строить для нихъ дома и виллы, за которые отвѣчала потому щедрая городская казна; младшіе, т. е. менѣе значительныя городскія власти, подражали старшимъ и дѣлали то-же дѣло, но только съ меньшей смѣлостью и въ меньшихъ размѣрахъ. Главой вашингтонской ассоціаціи былъ республиканецъ Шефердъ, интимный другъ президента Гранта. Можетъ быть вслѣдствіе этой интимности, члены ассоціаціи позволяли себѣ, во время слѣдствія, вламываться ночью въ дома тѣхъ гражданъ, у которыхъ имѣлись компрометирующіе ихъ документы, и требовать съ угрозами уничтоженія послѣднихъ. Когда-же дѣло объ этихъ нападеніяхъ дошло до суда, то вина чуть не сложена была на самихъ гражданъ, подвергшихся нападенію. Судъ и здѣсь, какъ и въ Нью-Йоркѣ, не обязалъ возвратить похищенныхъ суммъ въ городскую казну, и все дѣло окончилось временной отставкой главныхъ дѣльцовъ.

Не слѣдуетъ также думать, что только Нью-Йоркъ и Вашингтонъ имѣютъ привилегію на эти ассоціаціи. Многочисленные процессы, производившіеся въ послѣдніе годы, доказываютъ напротивъ, что подобныя имъ корпораціи существовали и существуютъ въ большомъ числѣ другихъ городовъ. Бостонъ, Чикаго, Санъ-Луи, Цинцинати и еще многіе другіе большіе и малые центры одарены ими. Онѣ стоятъ нерѣдко въ интимной связи, не смотря на раздѣляющее ихъ пространство. Родственные элементы вездѣ поддерживаютъ другъ друга и заботятся о взаимныхъ интересахъ. Едва случится одной ассоціаціи попасть подъ судъ, какъ въ дѣлѣ открываются многочисленныя нити, связывающія ее съ такими-же учрежденіями въ другихъ мѣстахъ. Одни и тѣ-же лица состоятъ постоянными членами однихъ товариществъ и агентами другихъ; здѣсь они обдѣлываютъ дѣла на собственный кулакъ, пользуясь занимаемыми имъ общественными должностями, тамъ они руководятъ, помогаютъ и покровительствуютъ, опираясь на свои связи и вліяніе. Въ результатѣ получается расхищеніе имущества городовъ и штатовъ, расхищеніе, увеличивающееся съ каждымъ днемъ.

Но не одно только мѣстное управленіе заражено твидовскими

принципами. Послѣдніе находятъ многочисленныхъ послѣдователей и въ центральныхъ правительственныхъ сферахъ. Около трехъ лѣтъ назадъ одно большое кредитное общество принуждено было, по одному неприятному случаю, представить свои книги въ судъ для ревизіи. Изъ этихъ книгъ открылось, что большинство членовъ сената получало отъ общества субсидіи. Дѣла нельзя было затереть; по поводу открытія назначена была слѣдственная комісія, и сенатъ торжественно призналъ вполнѣдствіи, что многіе изъ его членовъ были въ тайномъ союзѣ съ частнымъ финансовымъ учрежденіемъ и помогали ему во всѣхъ его затѣяхъ. Въ конгрессѣ дѣла идутъ не лучше. Въ февралѣ прошлаго года конгрессъ занятъ былъ слѣдствіемъ объ израсходованіи денегъ, выданныхъ государствомъ для почтоваго предпріятія между Америкой и Азіей (Pacific Mail). Агентъ этого частнаго почтоваго предпріятія, Ирвинъ, показалъ на слѣдствіи, что истратилъ 750 тысячъ долларовъ на взятки депутатамъ конгресса, чтобъ достигнуть желанной субсидіи со стороны государства. Нью-Йоркская ассоціація истратила разъ, въ одну только законодательную сесію, 1,300.000 долларовъ на подкупъ республиканскихъ голосовъ въ конгрессѣ, противившихся одному выгодному для нея желѣзнодорожному предпріятію. Благодаря, главнымъ образомъ, покупной щедрости конгресса, къ желѣзнодорожнымъ обществамъ перешло уже не менѣе 300 мил. акровъ государственной земли; громадныя плодородныя районы сдѣлались этимъ путемъ частной собственностью, такъ что переселенцамъ, обращающимся по-прежнему къ государству за земельными участками, указываютъ уже теперь на самыя неплодородныя и отдаленныя мѣстности. Благодаря сенату и президенту республики, многія высшія государственныя должности замѣщены людьми продажными, смотрящими на свой постъ исключительно, какъ на средство для наживы. Въ качествѣ начальника таможенъ, одинъ изъ близкихъ родственниковъ Гранта, Казей, долго занимался систематическимъ и грандіознымъ грабежемъ государственной казны. Другой родственникъ президента, Дентъ, былъ, въ качествѣ высокопоставленнаго лица, главнымъ руководителемъ въ извѣстномъ дѣлѣ о желѣзной дорогѣ Эріе, въ которомъ тысячи акціонеровъ лишены были самымъ безсовѣстнымъ образомъ всего ихъ имущества. Въ послѣдніе только полтора-два года высшіе чиновники чуть не всѣхъ

министерствъ фигурировали въ процессахъ о казнокрадствѣ. Генераль Вебконъ, секретарь Гранта, былъ оправданъ только вслѣдствіе особенной заботливости послѣдняго. Бекнетъ, высшій представитель военнаго министерства, былъ привлеченъ къ суду, за цѣлый рядъ преступленій по службѣ. Генераль Шенкъ, американскій посолъ въ Лондонѣ, оказался покровителемъ одного грандіознаго ипохондрическаго предпріятія.

Въ государственномъ управленіи Соединенныхъ Штатовъ случаются даже такіе казусы, которые казались-бы вполне невѣроятными, если-бъ они не были доказаны. Къ такимъ казусамъ принадлежитъ, наприимѣръ, операція министра финансовъ Бутвеля относительно сбора недоимокъ, напоминающая турецкіе государственные порядки. Въмѣсто того, чтобы обратиться прямо къ плательщикамъ податей съ требованіемъ о взносѣ числившихся за ними суммъ, достойный представитель финансовыхъ интересовъ государства нашель лучшимъ поручить сборъ частному лицу. По контракту, заключенному съ нѣкимъ Жейномъ, послѣдній взялъ на себя заботы о сборѣ недоимокъ съ тѣмъ, чтобы 50 процентовъ съ собранной суммы шли въ его пользу, кромѣ вознагражденія за его трудъ. Трудъ этотъ былъ не особенно великъ, такъ-какъ государственнымъ сборщикамъ податей предписано было помогать во всемъ Жейну и исполнять всѣ его порученія. Но предприниматель вовсе не думалъ о постепенномъ и правильномъ сборѣ недоимокъ. Онъ предпочель войти въ сношенія съ желѣзнодорожными обществами, съ владѣтелями большихъ заводовъ, фабрикъ и проч., словомъ, съ главными плательщиками податей, и договорился съ ними, за извѣстную уступку, разумѣется, о взносѣ податныхъ денегъ не въ государственное казначейство, а прямо ему, Жейну, въ руки. Государство получало этимъ способомъ какъ разъ половину того, что ему слѣдовало получить, а другая половина шла въ карманъ ловкаго предпринимателя и покровительствовавшихъ ему государственныхъ сановниковъ. Къ несчастію Жейна, скоро нашлись любопытные плательщики податей, обратившіеся въ конгрессъ съ просьбою, разъяснить имъ, какъ это частное лицо получило вдругъ право взиманія податныхъ денегъ. Конгрессъ не могъ не обратить вниманія на это обстоятельство: плутовство было слишкомъ скандальное и повело-бы въ концѣ-концовъ къ удвоенію государственныхъ налоговъ. Къ великому

огорченію открытыхъ и тайныхъ участниковъ въ дѣлѣ, конгрессъ нашель себя вынужденнымъ нарядить слѣдствіе. Последнее показало, что не одинъ министръ финансовъ поощрялъ такую дешевую аренду податей, но въ ней принимала участіе цѣлая компанія другихъ высокопоставленныхъ защитниковъ ея. Чтò еще особенно замѣчательно въ этомъ дѣлѣ, такъ это то, что Грантъ назначилъ немедленно по окончаніи слѣдствія начальникомъ бостонской таможи нѣкоего Симонса, игравшаго первостепенную роль въ арендной операціи. Президента не остановили даже многочисленныя протесты, раздававшіеся противъ этого назначенія.

Какъ на примѣръ безсовѣстной эксплуатаціи, оставляющей особенно глубокіе и печальныя слѣды, укажемъ на злоупотребленія въ управленіи индѣйцами. Загнавъ индѣйскія племена въ отдаленныя пустынные мѣстности, правительство Соединенныхъ Штатовъ заключило съ ними договоры, по которымъ оно обязалось доставлять имъ пищу и одежду съ тѣмъ, чтобы индѣйцы съ своей стороны не претендовали на прежнія свои земли и не дѣлали набѣговъ на колоніи. Суммы, отпускаемыя на этотъ предметъ государствомъ, значительны и могли-бы быть совершенно достаточны для содержанія индѣйцевъ, если-бъ онѣ не сокращались отъ хищничества завѣдующихъ индѣйской администраціей. Мѣстные правители не довольствуются тѣмъ, что они нерѣдко втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ получаютъ деньги на содержаніе племенъ, которыя успѣли уже вымереть; они срываютъ особенно крупныя куши на живыхъ. Индѣйцы получаютъ скверную, испорченную и нездоровую пищу и всегда въ недостаточномъ количествѣ. Жалобы ихъ на управленіе, на провіантмейстеровъ, на поставщиковъ нисколько не улучшаютъ дѣла; за жалобой слѣдуетъ обыкновенно сомнительный репримандъ, а порціи все-таки не увеличиваются. Терпя постоянный недостатокъ, индѣйцы, разумѣется, недовольны и бросаются, очертя голову, въ борьбу съ бѣлыми, вытѣснившими ихъ изъ областей, гдѣ они могли жить охотомъ. Мѣстное правительство, само виновное въ такомъ результатѣ, говоритъ тогда о „неисправности“ индѣйцевъ, объ ихъ „варварствѣ“ и жестокости и требуетъ отъ центральной власти присылки солдатъ для усмиренія ввѣреннаго ему несчастнаго населенія. Сотни и тысячи индѣйцевъ гибнутъ при этомъ усмиреніи, а когда миръ наконецъ воз-

становленъ, то дѣла принимаютъ свой прежній ходъ: голодъ и нужда для индѣйцевъ, обогащеніе на ихъ счетъ для правителей.

Можно-бы привести еще много примѣровъ правительственныхъ злоупотребленій въ Соединенныхъ Штатахъ; но достаточно упомянуть, что тамъ существуетъ особый классъ людей, специальное занятіе которыхъ заключается въ посредничествѣ между промышленниками-предпринимателями съ одной стороны, и законодателями, администраторами, судьями, контролерами — съ другой. Классъ этотъ, извѣстный подъ именемъ lobby, довольно многочисленъ; его находятъ на всѣхъ ступеняхъ государственнаго и общественнаго управленія. Въ конгрессъ и сенатъ, въ законодательныхъ собраніяхъ Штатовъ и въ магистратахъ, въ судахъ и въ административныхъ учрежденіяхъ—вездѣ лоббисты обдѣлываютъ свои темныя дѣлишки. Въ одномъ мѣстѣ они хлопчутъ объ изданіи закона, выгоднаго для ихъ кліентовъ, въ другомъ — о какомъ-нибудь распоряженіи, въ третьемъ они заботятся объ устраненіи послѣдствій чрезмѣрнаго предпринимательскаго усердія. Они даютъ взятки должностнымъ лицамъ отъ имени своихъ довѣрителей, распредѣляютъ между цѣлымъ составомъ какого-нибудь общественнаго учрежденія выигрышъ, полученный отъ удачнаго предпріятія и ведутъ переговоры о новыхъ одолженіяхъ, услугахъ и уступкахъ, помогающихъ аферамъ. Занятіе лоббиста не считается порочнымъ—до такой степени всѣ привыкли къ нему. Оно привлекаетъ къ себѣ своей доходностью большое число людей, вносящихъ безнравственность во всѣ отрасли государственнаго управленія.

Въ томъ-же родѣ, какъ и лоббисты, работаютъ и такъ называемые политики по ремеслу. Въ качествѣ частныхъ лицъ, они заботятся, чтобъ результаты выборовъ соответствовали желаніямъ отдѣльныхъ финансовыхъ тузовъ или цѣлыхъ предпринимательскихъ обществъ, съ которыми у нихъ имѣется соглашеніе. Они произносятъ на митингахъ краснорѣчивые спичи, тайно подстрекають вліятельныхъ избирателей и всѣми способами агитируютъ въ пользу предварительно намѣченныхъ имъ кандидатовъ. Занимаясь этимъ дѣломъ, какъ постояннымъ ремесломъ, политики достигаютъ въ немъ значительнаго совершенства и имѣютъ большое вліяніе на весь ходъ выборовъ. Въ результатѣ получается то, что народными представителями во всѣхъ сферахъ

правленія являются люди, не избранные на самомъ дѣлѣ народомъ, а навязанные ему откритымъ обманомъ, подпольными интригами и подкупомъ. Политицынты, въ качествѣ должностныхъ лицъ, суть простые агенты своихъ богатыхъ покровителей, вліянію которыхъ они часто столько-же обязаны за свое мѣсто, сколько и собственнымъ агитаторскимъ талантамъ. Они связаны въ большинствѣ случаевъ самыми точными договорами относительно услугъ, которыя они должны оказать на своемъ поприщѣ предпринимателямъ, и исполняютъ ихъ тѣмъ охотнѣе, что ихъ услуги щедро вознаграждаются.

Уже одно существованіе этихъ классовъ и промышленныхъ политическихъ ассоціацій доказываетъ глубокую деморализацію правительственныхъ сферъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Мы уже упомянули, что ни одна политическая партія не свободна отъ упрека въ злоупотребленіи властью и приведенные нами факты достаточно подтверждаютъ это. Оттого-то новыя выборы и смѣна даннаго правительственнаго персонала другимъ не приводятъ къ удовлетворительнымъ результатамъ. Самое большое, что достигается такой переимѣной—это кратковременное уменьшеніе хищничества, но ужь очень кратковременное, такъ-какъ достаточно часто и одного года, чтобы при новомъ правленіи возстановились прежніе порядки во всей ихъ неприкосновенности. Такъ идутъ дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ въ продолженіи послѣднихъ двѣнадцати-пятнадцати лѣтъ и особенно со времени окончанія войны сѣверныхъ и южныхъ штатовъ. Съ этого времени грабежъ и казнокрадство особенно развились и грозятъ сдѣлаться всеобъемлющимъ и постояннымъ правительственнымъ институтомъ.

II.

Встрѣчаясь съ вопіющими фактами злоупотребленія властью въ Соединенныхъ Штатахъ и зная, какъ недавно еще существовали совсѣмъ другіе порядки въ тѣхъ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ гнѣздится теперь столько гнойныхъ язвъ, мы неизбѣжно приходимъ къ вопросу о причинахъ такой печальной переимѣны въ американской жизни. Что вызвало на самомъ дѣлѣ эту глубокую порчу въ правительственныхъ сферахъ? Откуда взялся этотъ общественный элементъ, пронизываю-

щій во всѣхъ углахъ государственнаго зданія и вносящій туда столько зла? Чѣмъ, наконецъ, обусловливается развитіе этой азартной спекуляціи въ послѣдніе годы?

Всѣ эти мрачныя явленія въ такой могущественной, политически-здоровой и такъ высоко державшей знамя своей гражданской чести странѣ вызваны нѣкоторыми сторонами основнаго. соціального фактора, господствующаго въ нашу эпоху, — а именно горячкою быстрой и легкой наживы. И такъ-какъ всякое болѣзненное пораженіе сильнѣе дѣйствуетъ на совершенно здоровый организмъ, чѣмъ на худосочный и надломленный по своей природѣ и такъ-какъ въ американскомъ обществѣ все совершается въ рѣзко-отчеканенныхъ формахъ, то спекуляція стараго міра. перенесенная въ новый. приняла здѣсь громадныя размѣры, о какихъ не имѣетъ понятія Европа. Правда, она коснулась здѣсь небольшой части общества, но дѣйствіе ея на соціальный организмъ тѣмъ не менѣе глубоко. Въ тѣхъ случаяхъ, на примѣръ. когда старыя фермеры, продавали свои земли по цѣнѣ въ десять и даже во сто разъ выше той, за которую они раньше приобрѣли ихъ, только потому, что близъ ихъ участковъ строился городъ, проводилась желѣзная дорога или просто увеличилось населеніе — они, очевидно, нисколько не участвовали трудомъ въ собственномъ обогащеніи. Они успѣли только во время занять земли, которыя впоследствии оказались близкими къ какому-нибудь торгово-промышленному центру и обязаны были своею, нерѣдко громадною. наживою раннему „занятію“ — не больше. Въ мѣстахъ постройки городовъ, гдѣ большія пространства уходили подъ торговые склады, заводы, магазины, фабрики и обыкновенные дома, фермеры продавали иногда квадратный футъ земли за деньги, которыми они прежде расплачивались за цѣлый акръ. При возникновеніи большого числа городскихъ поселеній въ послѣднее десятилѣтіе, многіе землевладѣльцы наживали громадныя состоянія, благодаря только выгодному положенію ихъ участковъ; проведеніе желѣзныхъ дорогъ точно также послужило къ внезапному обогащенію землевладѣльцевъ, у которыхъ сосредоточивались главные операціи постройки, или у которыхъ образовались первостепенные транспортные пункты. Вслѣдствіе чрезвычайнаго наплыва переселенцевъ въ послѣдніе двадцать-тридцать лѣтъ и связанной съ этимъ конкуренціи на удобныя земли, спекуляція послѣдними

сдѣлалась вообще выгоднымъ промысломъ. Отдѣльныя лица и цѣлыя промышленныя общества пріобрѣтали отъ государства обширныя земельныя районы, которые они дробили на участки и брали, нерѣдко уже послѣ пяти или десяти лѣтъ, тысячи долларовъ за то пространство, которое обошлось имъ въ какую-нибудь сотню долларовъ. Эти спекуляціи были особенно выгодны въ окрѣстности безчисленныхъ мѣстечекъ и городовъ, которыми усыяны теперь Соединенные Штаты; первоначально затраченный въ нихъ капиталъ приносилъ невѣроятныя барыши, такъ-какъ поселенія съ городскимъ характеромъ развивались несравненно живѣе, чѣмъ земледѣльческія. Легкая нажива досталась и строительнымъ обществамъ, соорудившимъ дома для населенія рабочихъ центровъ. Рабочій людъ уже за нѣсколько лѣтъ покрывалъ высокой квартирной платой стоимость домовъ, и обществамъ оставались обширныя владѣнія, доходъ съ которыхъ только увеличивался вмѣстѣ съ постояннымъ возвышеніемъ цѣнъ на квартиры. Особенно обильнымъ источникомъ быстрого обогащенія были желѣзныя дороги. Известно какого громаднаго развитія онѣ достигли въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ этомъ отношеніи американская республика превосходить всѣ другія государства; нигдѣ нѣтъ такихъ обширныхъ рельсовыхъ линій, ни такихъ колоссальныхъ пространствъ. Въ концѣ 1874 г. Соединенные Штаты обладали 73,000 миль или около 117,000 верстъ желѣзнаго пути, на которыя потраченъ капиталъ въ нѣсколько миллиардовъ долларовъ. Господствовавшая система постройки не гарантировала, правда, отъ частыхъ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ, но она и не мѣшала желѣзно-дорожникамъ наживать миліоны въ самое короткое время. Между членами тысячи желѣзно-дорожныхъ обществъ, разсыянныхъ теперь на пространствахъ Соединенныхъ Штатовъ, есть много миліонеровъ, пріобрѣтшихъ свои громадныя богатства въ одной какой-нибудь удачной желѣзно-дорожной операци. Предпринимательскій духъ все болѣе и болѣе проникалъ въ экономическую жизнь Соединенныхъ Штатовъ въ послѣднее десятилѣтіе; одна компанія возникала за другой. одно финансовое учрежденіе являлось за другимъ и самыя смѣлыя предпріятія осуществлялись въ самое короткое время. Спекуляціи въ торговлѣ и промышленности, спекуляціи во всѣхъ сферахъ экономической дѣятельности ежегодно привлекали къ себѣ тысячи новыхъ кліентовъ. Спекулянты имѣли широкое поле для дѣятельно-

сти, независимо отъ желѣзныхъ дорогъ, во всевозможныхъ государственныхъ и общественныхъ постройкахъ, въ проложеніи шоссе-ныхъ путей, въ прорытіи каналовъ, въ сооруженіи многочисленныхъ морскихъ гаваней, въ устройствѣ ежегодно десятками возникавшихъ городовъ, водопроводовъ, мостовъ, общественныхъ зданій, школъ, больницъ, отелей и проч., и проч. Все это совершалось съ чрезвычайной быстротою; здѣсь за одинъ годъ дѣлали то самое, на что въ другой странѣ потребовались-бы десятки лѣтъ. Предпринимчивымъ людямъ перепадали при этомъ громадные куши, сразу вышавшіе ихъ въ рангъ миліонеровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и финансовыя операціи, основаніе частныхъ банковъ, биржевыя спекуляціи государственными бумагами, акціями, облигаціями и проч., достигло колоссальныхъ размѣровъ въ Америкѣ. Но именно эта эконоическая отрасль еще больше, чѣмъ всякая другая, имѣетъ свойство разжигать азартную игру въ легкую наживу, увлекать толпы легкомысленныхъ людей въ тѣ биржевыя ловушки, которыя имъ ставятъ болѣе ловкіе люди.

Такъ возникъ мало-по-малу цѣлый классъ людей, наскоро и безъ труда разбогатѣвшихъ. Онъ образовалъ въ Америкѣ социальный элементъ, котораго судьба тѣсно связана съ существованіемъ источниковъ легкой наживы и который не привыкъ къ особенной разборчивости относительно характера и пріемовъ собственной дѣятельности. Онъ зародился главнымъ образомъ при системѣ предпринимательства и спекуляцій, выросъ при ея помощи и не могъ не усвоить себѣ ея принциповъ и практики. Если-бъ еще этотъ постоянно увеличивавшійся классъ людей оставался только въ сферѣ частной дѣятельности, то вліяніе его на государственные порядки было-бы лишь косвенное, слѣдовательно, не столь сильное и вредное. Но онъ стремится на самомъ дѣлѣ и на общественную арену. Предприниматели и спекуляторы видятъ въ высокой общественной должности могучее орудіе для предпринимательской работы. Они знаютъ, что при посредствѣ общественной и государственной власти, они могутъ забирать въ руки всякое выгодное дѣло и даже создавать для себя новые источники спекуляцій и наживы. Отсюда—стремленіе всей плутократіи къ законодательству и къ высшимъ административнымъ должностямъ. Представители биржи и банкирскихъ домовъ, директора разныхъ финансовыхъ обществъ и крупные капиталисты постоянно норовятъ

попасть въ конгрессъ, въ сенатъ, въ законодательныя собранія Штатовъ, въ городскую администрацію и проч. Богатства этого народа обезпечиваютъ ему успѣхъ въ его стремленіяхъ. Финансисты стоятъ у всѣхъ на виду, имѣютъ обширныя знакомства и связи и орудуютъ большими дѣлами, предоставляющими имъ всегда нѣкоторую долю вліянія на народныя массы. Ближайшими помощниками плутократіи въ дѣлѣ пріобрѣтенія общественной власти являются соціальныя элементы, родственныя меркантилистамъ, но потерпѣвшіе крушенія въ меркантильномъ морѣ. Дѣло въ томъ, что стремленіе къ быстрому обогащенію всегда идетъ въ жизни на-ряду съ другимъ явленіемъ, логически неизбѣжнымъ, — разореніемъ цѣлыхъ тысячъ людей. За періодомъ спекулятивной горячки, обыкновенно слѣдуетъ періодъ охлажденія и денежныхъ кризисовъ, въ которыхъ мелкіе спекулянты становятся жертвами крупныхъ капиталистовъ. Относительно американской биржи, наприимѣръ, опытъ доказалъ, что каждая пять-шесть лѣтъ, а иногда и черезъ два-три года смѣняется составъ мелкихъ биржевыхъ спекуляторовъ. Большинство совершенно разоряется въ періоды кризисовъ; богатѣютъ только немногіе финансовыя тузы, ненуждающіеся въ быстрой ликвидаціи цѣнностей и закупающіе послѣднія у мелкихъ биржевиковъ за ничтожныя суммы. Процессъ концентрированія богатствъ посредствомъ выжivanja мелкихъ спекуляторовъ происходитъ съ большою быстротою въ Соединенныхъ Штатахъ. Число миліоновъ живо возрастаетъ у миліонеровъ, но за то увеличивается и масса людей, потерявшихъ свое состояніе въ биржевой спекуляціи и другихъ аферахъ. Въ 1871 году было въ Соединенныхъ Штатахъ 2,915 случаевъ банкротства, въ 1872,—4,069, въ 1873,—5,183, въ 1874,—5,830, а въ 1875,—7,740 банкротствъ съ пассивомъ въ 200 миліоновъ долларовъ. Это только банкротства, объявленныя, занесенныя въ офіціальныя статистическіе списки, но извѣстно, что большая часть промышленно-торговыхъ несостоятельности обходится безъ оглашенія.

Разоренные и неудавшіеся спекулянты неохотно обращаются къ производительному труду: онъ для нихъ тоже, что для коготки—скромная семейная жизнь. Привыкшіе делѣть надежды на большія богатства и на высокое общественное положеніе, привыкшіе къ легкой и роскошной жизни, они неспособны къ

дѣлу, не обѣщающему большихъ выгодъ. Бывшій спекулянтъ не обратится къ земледѣлію — его руки слишкомъ нѣжны, не возьмется и за простое ремесло — онъ таковому не учился, и оба эти занятія не представляютъ, кромѣ того, въ перспективѣ быстрой наживы, которая одна можетъ удовлетворить его воображенію. Потерявъ состояніе, онъ жадно высматриваетъ для себя и ловитъ только такое поприще, которое богато матеріальными ресурсами и на которомъ могли-бы развернуться его предпринимательскіе таланты. Чѣмъ способнѣе и образованнѣе разоренный спекуляторъ и чѣмъ значительнѣе было мѣсто, которое онъ занималъ въ обществѣ, тѣмъ труднѣе онъ мирится съ обыкновенной хозяйственной дѣятельностью, и тѣмъ сильнѣе въ немъ стремленіе къ профессіи, выгодной и блестящей въ одно и то-же время. Въ этомъ отношеніи, для американскаго спекулятора политика, представляетъ столько-же широкое, сколько и благодарное поле; она вводитъ его въ сферу новыхъ, высшихъ интересовъ, которые такъ тѣсно связываются съ повышеніемъ и пониженіемъ биржевого термометра и слѣдовательно даютъ новую пищу его пріобрѣтательскимъ инстинктамъ. Онъ начинаетъ обыкновенно съ того, что дѣлается завсегдатаемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ граждане часто сходятся потолковать объ общественныхъ дѣлахъ, и принимаетъ горячее участіе въ происходящихъ тамъ преніяхъ и сужденіяхъ. Знаніе жизни, умѣнье пользоваться настроеніемъ собесѣдниковъ и практическое отношеніе ко всякаго рода вопросамъ совсѣмъ не рѣдки у людей, обращавшихся въ разнообразныхъ сферахъ денежно-игорнаго міра, и неудивительно, что они скоро заслуживаютъ уваженіе менѣе опытныхъ согражданъ. Не упуская случая выдвинуться, они не ограничиваются также простымъ единичнымъ участіемъ въ выборахъ, а заботятся о вліяніи на цѣлыя избирательныя кружки и вѣдываются, какъ умѣютъ, во всѣ текущіе политическіе вопросы. На митингахъ и собраніяхъ они пробуютъ свои агитаторскіе таланты и вербуютъ себѣ приверженцевъ посредствомъ тайной интриги и открытой проповѣди въ пользу собственныхъ политическихъ идей и стремленій. Республиканскія учрежденія представляютъ гражданину много средствъ для политически-организаціонной работы и спекулянты съ удобствомъ пользуются всѣми ими. Само собою разумѣется, что однимъ изъ этихъ дѣятелей приходится оставить общественное поприще уже послѣ первыхъ дебютовъ на немъ,

но за то другіе удерживаются и съ успѣхомъ дѣйствуютъ на этомъ поприщѣ. Они пріобрѣтаютъ значеніе агитаторовъ, политическихъ дѣльцовъ. Разъ укрѣпившись въ этой профессіи, бывшій спекуляторъ чувствуетъ за собою силу и спѣшитъ эксплуатировать ее. Онъ рѣшается реализовать любимую идею о „повышеніи“ и избираетъ для этого кратчайшій путь.

Съ финансовой точки зрѣнія, ничто не можетъ оказать ему столько пользы, какъ служеніе крупнымъ капиталистамъ, стремящимся на общественную арену. Онъ знаетъ, что его агитаторскія услуги будутъ щедро вознаграждены финансовыми тузами, и что, разъ заручившись высшимъ покровительствомъ, онъ и самъ попадетъ на доходную общественную должность или получить возможность участвовать въ выгодныхъ афорахъ. Въ виду этого онъ становится политическимъ агентомъ богатыхъ претендентовъ на общественныя должности и всѣми способами агитируетъ въ ихъ пользу. На собраніяхъ онъ краснорѣчиво рекомендуетъ своихъ кліентовъ, какъ кандидатовъ на высшіе общественныя посты и живописуетъ ихъ одаренными всѣми способностями, необходимыми для политическаго дѣльца, и преданными друзьями народа. Избирательнымъ кружкамъ онъ указываетъ на выгоды, которыя принесетъ правленіе претендентовъ и набираетъ для нихъ повсюду приверженцевъ. Для такого агитатора всѣ средства хороши, онъ пускаетъ въ ходъ все, что только можетъ и унижается только тогда, когда цѣль его достигнута.

Такихъ политическихъ дѣятелей въ Америкѣ — легіонъ. При многочисленности жертвъ торговаго азарта каждый крупный капиталистъ находитъ достаточное количество агитаторовъ-прихвостней, помогающихъ ему осуществлять его планы. Эти политиканты видятъ въ своей дѣятельности единственный ресурсъ къ пріобрѣтенію прежняго положенія или положенія ими, желаннаго. За неудачи на биржѣ и въ торговыхъ предпріятіяхъ они вознаграждаютъ себя на политическомъ поприщѣ, отражающемъ, такимъ образомъ, только безпорядокъ, господствующій въ экономической жизни.

Явленія, порожденныя быстрой наживой однихъ и разореніями другихъ, находятъ себѣ поддержку и въ другихъ сферахъ американской жизни. Прѣжнее рабство чернаго населенія Соединенныхъ Штатовъ также не могло не отразиться на современномъ

государственномъ управленіи. Однимъ актомъ освобожденія не могли быть, естественно, искуплены все невыгоды прежняго подневольнаго состоянія негровъ. Во времена рабства плантаторы старались обратить негровъ въ рабочій скотъ, оберегали ихъ отъ всякаго посторонняго вліянія и заботливо устранили отъ нихъ лучи свѣта, заносимые образованіемъ. Чтеніе запрещалось чернымъ подъ страхомъ тяжкихъ наказаній; рабъ жилъ въ полдѣйшемъ невѣденіи всего, что происходитъ за предѣлами плантаціи, къ которой онъ былъ прикрѣпленъ. Вся масса негритянскаго населенія Соединенныхъ Штатовъ обрѣталась въ моментъ освобожденія въ вопль первобытномъ состояніи, ухудшенномъ еще всеми послѣдствіями долгой невольничьей жизни. Понятно, что за какое-нибудь десятилѣтіе, протекавшее со времени эмансипаціи, уровень умственнаго развитія негровъ не могъ значительно возвыситься. Послѣ подчиненія рабовладѣльческихъ штатовъ, тысячи негровъ оставили непривѣтливныя плантаціи и отправились въ сѣверные города. Сѣверяне заботились нѣкоторое время о просвѣщеніи освобожденныхъ рабовъ. Были устроены вечернія и воскресныя школы для взрослыхъ и въ отдѣльныхъ курсахъ старались объяснять имъ ихъ права и обязанности, какъ новыхъ свободныхъ гражданъ великой республики. Тогда много говорили о блестящихъ способностяхъ чернаго населенія и о его быстрыхъ успѣхахъ на пути образованія. Скоро, однакожъ, усердіе въ этомъ дѣлѣ стало умаляться какъ со стороны учившихъ, такъ и со стороны учившихся. Негры перестали мало-по-малу посѣщать школы, просвѣтительная инициатива бѣлыхъ постоянно охлаждѣвала и временныя учебныя заведенія закрывались одно за другимъ. Черные образовали въ городахъ классъ паріевъ, столько-же невѣжественныхъ, сколько и бѣдныхъ. Что-же касается негровъ, оставшихся на мѣстахъ прежняго невольничества, то ихъ участь была еще хуже въ этомъ отношеніи. Взрослое поколѣніе сохранило прежнее невѣжество, а для поколѣнія подроставшаго сдѣлали очень немногое. Такъ совершались опыты съ отдѣльными школами, предназначенными только для черныхъ, и съ смѣшанными учебными заведеніями, въ которыхъ негритянскіи дѣти учились вмѣстѣ съ бѣлыми, но результаты ученія пока еще чрезвычайно незначительны. Дѣло въ томъ, что невѣжество негровъ поддерживается и укрѣпляется крайнимъ ихъ нищенствомъ. Масса черныхъ живетъ

и теперь въ страшной бѣдности; есть мѣстности, гдѣ ихъ существованіе хуже, чѣмъ во времена рабства, если исключить плантаторскій бичъ. Плата, получаемая ими за трудъ на плантаціяхъ, такъ незначительна, что они едва могутъ обезпечивать полуголодную жизнь; кромя того неграмъ фактически закрыты многіе пути къ экономическому благосостоянію, легко доступные бѣлымъ, и они не могутъ выйти изъ подчиненнаго и нищенскаго состоянія, созданнаго вѣковыми рабствомъ. Прибавимъ къ этому еще презрѣніе, питаемое къ неграмъ бѣлымъ населеніемъ вообще, не исключая и эмансипаторовъ. Это презрѣніе дѣлаетъ положеніе чернаго особенно тяжелымъ. Даже тогда, когда онъ силою своихъ способностей и энергіи выдвинулся изъ массы своихъ невѣжественныхъ собратьевъ, онъ все-таки встрѣчаетъ тысячи ограниченій въ своей дѣятельности, вызываемыхъ дурными отношеніями къ нему бѣлыхъ согражданъ. Все это не способствуетъ, очевидно, распространенію образованія въ средѣ негровъ и случаи настоящей образованности, дѣйствительно, очень рѣдки въ ней, тогда-какъ высокая степень невѣжества составляетъ общее правило.

Въ освобожденныхъ неграхъ Соединенные Штаты пріобрѣли, такимъ образомъ, массу самаго жалкаго пролетаріата, которому дарованы были, какъ извѣстно, всѣ гражданскія права. Политическое равноправіе дано было неграмъ не съ тѣмъ, чтобъ облагодѣтельствовать ихъ и не потому, что республиканская партія считала ихъ „созрѣвшими“ для общественной дѣятельности. Заботы о самихъ неграхъ были въ настоящемъ случаѣ дѣломъ второстепеннымъ и изъ тысячи республиканцевъ едва-ли найдется хоть одинъ, не раздѣляющій убѣжденій демократовъ относительно негритянской правоспособности или, лучше, неспособности. Политическія права черныхъ предназначены были служить орудіемъ въ борьбѣ противъ демократовъ, которыми хотѣли воспользоваться республиканцы и которыми они, дѣйствительно, съ успѣхомъ пользовались до сихъ поръ. Но каковы-бы ни были первоначальныя причины гражданской равноправности негровъ, послѣдніе имѣютъ теперь средства къ участію въ управленіи страной и они пользуются ими такъ, какъ умѣютъ.

Въ силу своихъ избирательныхъ правъ негры, наравнѣ съ бѣлыми, участвуютъ въ борьбѣ политическихъ партій. На выборахъ сим-

патіи негровъ клонятся, конечно, на сторону людей, одобряющихъ эмансипаторскіе принципы и выражающихъ сочувствіе къ теперешнему положенію негритянскаго населенія. Совершенно понятно, что симпатіи эти тѣмъ энергичнѣе; чѣмъ рѣзче заявляетъ та или другая партія свое сочувствіе къ положенію негровъ. И политическій спекуляторъ пользуется ими какъ нельзя лучше. Онъ агитируетъ въ средѣ негровъ, подъ маской ихъ преданнѣйшаго защитника и, разъ добившись ихъ довѣрія, направляетъ эту бѣдную и темную массу къ достиженію своихъ личныхъ и эгоистическихъ поползновеній. Одни изъ негровъ имѣютъ инструкціи отъ своихъ богатыхъ покровителей, другіе работаютъ по собственнымъ соображеніямъ и на собственный счетъ. Когда бѣлое населеніе большихъ городовъ и большей части республики поддается, несмотря на свое образованіе, влиянію этихъ политическихъ проходивцевъ, то еще скорѣе ловится на эту удочку невѣжественный черный пролетаріатъ. Негры тѣмъ энергичнѣе поддерживаютъ кандидата на общественную должность, чѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, произведенное на нихъ его сочувственными рѣчами на митингахъ и собраніяхъ, или его агитаціей въ прессѣ. Политическій авантюристъ объявляетъ себя горячимъ республиканцемъ, т. е. членомъ партіи, враждебной бывшимъ рабовладѣльцамъ. Онъ усердно отстаиваетъ на митингахъ тѣ идеи, съ которыми негры соединяютъ какія-нибудь надежды, съ ужасомъ говоритъ о страданіяхъ, перенесенныхъ черными въ своей неволѣ и справедливо напоминаетъ, что значительная часть демократовъ и теперь еще не прочь наложить на нихъ прежнее ярмо. Онъ старается пріобрѣсти на свою сторону негритянскихъ вожаковъ, за которыми слѣпо слѣдуетъ масса. Не достигая этой благосклонности краснорѣчіемъ и интригами, онъ прибѣгаетъ къ подкупу, а какъ только онъ привлекъ на свою сторону выдающіяся личности, — онъ можетъ рассчитывать на полную побѣду. Негры совершенно отдаются тогда политическому шарлатану и голосуютъ по его предписанію. Общественныя должности замѣщаются такимъ образомъ недобросовѣстными людьми, преслѣдующими только личныя корыстныя цѣли. Прихвѣры злоупотребленій со стороны правителей, достигшихъ власти посредствомъ негритянскаго большинства, чрезвычайно многочисленны. Представители негровъ не разъ запускали лапу въ государственную кассу и являлись передъ судомъ въ качествѣ уличенныхъ

казнокрадовъ. Негры недовольны, разумѣется, такими результатами собственнаго довѣрія, но случается, что они опять избираютъ на какую-нибудь должность обвиненное лицо, прощая ему его прогрѣшенія, въ виду его прекрасныхъ увлекательныхъ фразъ или поддаваясь предательскому вліянію вожаковъ. Мѣсто бѣлыхъ авантюристовъ въ негритянской средѣ занимаютъ часто сами черные. Выдаваясь умомъ или кое-какимъ образованіемъ, негръ легко пріобрѣтаетъ господство надъ своими собратьями. Онъ беретъ примѣръ съ гражданъ „высшей“ расы и становится политическимъ кулакомъ. Едва вступивъ на новое поприще, онъ встрѣчаетъ заискиванія предпринимателей и спекулянтовъ, обольщающихъ его обѣщаніями быстрой наживы. Въ качествѣ агитатора, напримѣръ, онъ скорѣе, чѣмъ всякій бѣлый, успѣетъ склонить своихъ братьевъ на сторону того или другого кандидата, и меркантилисты щедро вознаграждаютъ его за агитацію въ ихъ пользу. Въ качествѣ должностнаго лица онъ пользуется всегда большимъ довѣріемъ негровъ и можетъ, на этомъ основаніи, продѣлывать все, что ему угодно, оказывать услуги отъявленнымъ негодяямъ и получать за это денежные подачки. Черный плутократъ вполне замѣняетъ собою въ настоящемъ случаѣ бѣлаго — и нерѣдко превосходитъ его.

Все это въ порядкѣ вещей, т. е. въ полномъ согласіи съ тѣми болѣзненными симптомами, которыми страдаетъ административный организмъ Соединенныхъ Штатовъ. Демократы указываютъ однако на такіе результаты негритянской правоспособности, какъ на несчастье, занесенное въ страну эмансипаціею. Они игнорируютъ тотъ фактъ, что избирательство негровъ имѣетъ такія-же черты, какъ и избирательство бѣлыхъ въ большемъ числѣ случаевъ и что дѣятельность негритянскихъ представителей существенно такая-же, какъ и другихъ. Вся разница заключается лишь въ томъ, что должностныя лица, обязанныя своими мѣстами неграмъ, отдаются злоупотребленіямъ чаще и съ большою смѣлостью, чѣмъ избранныки бѣлаго населенія. Этотъ перевѣсъ происходитъ отъ крайняго невѣжества негровъ, невѣжества, созданнаго рабствомъ, въ которомъ держали ихъ рабовладѣльцы-демократы. Плутократія пользуется въ настоящемъ случаѣ плодами, возвращенными для нея прежнимъ невольничествомъ.

Дальнѣйшая могущественная опора плутократіи заключается

въ умственномъ пролетаріатѣ. Историческое развитіе Америки было не такого рода, чтобъ въ ней могъ возникнуть многочисленный классъ пролетаріевъ этого рода. Она имѣла-бы ихъ, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ меньше, если-бъ Европа не поставляла ихъ туда громадными массами. Германія и Англія были особенно щедры на эти продукты. Въ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія эмиграція въ Америку нѣмцевъ-пролетаріевъ изъ интеллигентнаго класса достигла громадныхъ размѣровъ. Тысячи людей, изъ которыхъ очень немногіе имѣли опредѣленное занятіе, а всѣ другіе учились только кое-чему въ германскихъ высшихъ школахъ, отправлялись ежегодно въ Соединенные Штаты, въ надеждѣ создать тамъ себѣ выгодное общественное положеніе. Доктора философіи и теологіи, молодые ученые по части фізіологіи и древностей, медики и поэты спѣшили въ Америку, являясь туда безъ всякихъ средствъ, только съ англійскимъ руководствомъ Оллендорфа и волчьимъ аппетитомъ. Если медики и вообще люди опредѣленной профессіи легко находили тамъ практику, то совсѣмъ не такъ легко было остальной массѣ этихъ эмигрантовъ. Многимъ философамъ, археологамъ и законовѣдамъ часто необходимо было пройти трудную жизненную школу прежде, чѣмъ они обезпечивали себѣ насущный кусокъ хлѣба. Въ борьбѣ за существованіе, въ погонѣ за общественнымъ положеніемъ, среди энергически-дѣятельнаго и страстно-предпринимчиваго народа, удастся выплыть на верхъ только особенно крѣпкимъ, а масса остается и тамъ обыкновенными пролетаріями, только съ большимъ заработкомъ, чѣмъ на родинѣ. Съ нѣмцами конкурировали на американскомъ житейскомъ базарѣ англичане, также переселявшіеся сюда не для физическаго труда, а съ цѣлію занять какую-нибудь высшую профессію. Изъ среднихъ учебныхъ заведеній Англіи, изъ комерческихъ школъ и разныхъ институтовъ ежегодно выходитъ большое количество юношей, ненаходящихъ на родинѣ занятія и отправляющихся искать счастья въ Соединенныхъ Штатахъ. Они, обыкновенно, ютятся въ большихъ городахъ, увеличивая собою общій контингентъ умственныхъ пролетаріевъ. Масса послѣднихъ увеличивается съ недавняго времени и людьми, выходящими изъ среды чисто-американскаго населенія. По мѣрѣ развитія промышленности и торговли, ударившейся въ отчаянную спекуляцію, измѣнялся взглядъ американ-

скаго общества на самый трудъ. Всѣ американцы относились нѣкогда съ большимъ уваженіемъ къ физической работѣ, какъ-бы скромна она ни была, а нынѣ многіе отворачиваются отъ нея, считая ее недостойной свободнаго гражданина и потомка американскаго пионера. Физическій трудъ оставляется на долю ирландца, нѣнца-эмигранта, негра, китайца, но никакъ не настоящаго янки, призваніе котораго гораздо выше. Американецъ изъ очень многочисленнаго средняго класса бросается съ ранней юности на промышленныя и торговыя предпріятія, и, когда ему не повезетъ въ нихъ, онъ не возьмется за занятіе, сопряженное съ физическимъ трудомъ, а предпочитаетъ войти въ общую массу умственнаго пролетаріата. Не имѣя средствъ къ существованію, масса этихъ претендентовъ на высшія занятія становится слѣпымъ орудіемъ плутократіи во всѣхъ ея стремленіяхъ. Ни въ чемъ эта жалкая угодливость новѣйшаго американскаго пролетаріата не выразилась такъ рѣзко и такъ вредно, какъ въ американской англійско-нѣмецкой прессѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ издаются четыре тысячи газетъ. Въ большихъ городахъ приходится по одному газетному экземпляру на каждые три человѣка, т. е. изъ каждаго трехъ гражданъ одинъ или абонированъ на газету, или покупаетъ ее у разносчиковъ. При такомъ необыкновенномъ развитіи чтенія, совсѣмъ неудивительной впрочемъ въ странѣ, гдѣ всѣ грамотны, и гдѣ каждый гражданинъ—избиратель, изданіе газеты сдѣлалось очень выгоднымъ дѣломъ. Капиталисты, не имѣющіе ничего общаго съ литературой, охотно основываютъ или покупаютъ періодическое изданіе, рассчитывая на миліонные обороты, достигаемые многими американскими газетами посредствомъ массы объявленій, наполняющихъ ихъ листы. Предприниматель смотритъ на свое изданіе исключительно съ точки зрѣнія денежной выгоды, и послѣдней регулируется вся его общественно-литературная дѣятельность. Въ средѣ бѣдняковъ и разныхъ журнальныхъ прихвостней онъ набираетъ подходящихъ людей въ качествѣ редакторовъ, сотрудниковъ, репортеровъ и проч., а себѣ назначаетъ верховное наблюденіе надъ газетою и общее руководство ею. Весь пишущій персоналъ періодическаго изданія является здѣсь слугою хозяина-издателя, направляющаго все по своему усмотрѣнію и для собственной выгоды.

Иныя изъ финансовыхъ обществъ издають свои газеты спе-

ціально для реклами своихъ фирмъ и осуществленія своихъ предпріятій. Читатели часто и не подозреваютъ, что значительная часть содержанія каждаго номера такой газеты есть простая реклама въ пользу акціонерныхъ аферъ. Въ газетахъ торгуютъ, учреждаютъ, предпринимаютъ, точно въ любомъ финансовомъ бюро. Чѣмъ распространеннѣе газета, тѣмъ больше выгодъ она извлекаетъ изъ торговыхъ сдѣлокъ, для которыхъ она назначается ея капиталистомъ-хозяиномъ въ видѣ отдѣльнаго лица или цѣлой компаніи. Мелкія газеты организованы въ главныхъ чертахъ точно такъ же, какъ и крупныя, и преслѣдуютъ тѣ же цѣли. Разница между ними заключается лишь въ численности газетнаго персонала и въ размѣрахъ доходовъ, получаемыхъ съ предпріятій.

Само собою разумѣется, что эта періодическая пресса, въ которой хищническіе элементы имѣютъ главное руководящее начало, не станетъ распинаться изъ-за общественныхъ интересовъ или заниматься какими-нибудь отвлеченными идеями. Это, собственно говоря, печатная лавочка, размѣнная контора или бюро ростовщика. Исповѣдуя общіе принципы какой-нибудь политической партіи, она состоитъ, кромѣ того, въ сношеніяхъ съ известнымъ кружкомъ правительственныхъ лицъ, корпораціею или отдѣльной сильной личностію и поддерживаетъ ихъ своимъ вліяніемъ и авторитетомъ. Она скрываетъ отъ читателей всѣ промахи и недостатки своихъ союзниковъ, всевозможно защищаетъ ихъ и выставляетъ образцами гражданской добродѣтели. Она охотно отдается обличеніямъ продѣлокъ постороннихъ ей кліентовъ изъ другого кружка или партіи, и дѣлаетъ это, дѣйствительно, очень ловко; но едва только посторонніе сдѣлались своими, т. е. едва въ ея бюро попалъ хорошій кушъ отъ обвиняемыхъ ею, какъ тонъ ея рѣчей измѣняется. Ко времени выборовъ капиталисты, претендующіе на общественныя должности, пріобрѣтаютъ за деньги нѣсколько газетъ на свою сторону и имѣютъ въ нихъ усердныхъ ходатаевъ передъ читателями. Собственники газетъ входятъ часто въ точные договоры съ народными представителями, опредѣляющіе характеръ и размѣры газетныхъ услугъ и самое вознагражденіе за нихъ. Совсѣмъ не рѣдкость, что вліятельныя газеты открыто агитируютъ въ пользу отъявленныхъ воровъ, преступленія которыхъ по общественной службѣ были не разъ уже доказаны. Подкупленное періодическое изданіе прибѣгаетъ къ извращенію фактовъ,

ко лжи, къ клеветѣ и доносу на людей, нераздѣляющихъ его мнѣній, доказываетъ совершенно противное тому, что на самомъ дѣлѣ случилось, и такъ превозноситъ своего героя, что успѣваетъ ослѣпить избирателей или вполне устранить невыгодныя общественныя сужденія относительно даннаго должностнаго лица. Каждая изъ промышленно-политическихъ ассоціацій, о которыхъ мы говорили въ началѣ этой статьи, имѣетъ въ своемъ распоряженіи по нѣскольку газетъ, отстаивающихъ ее передъ общественнымъ мнѣніемъ и маскирующихъ ея преступленія. Политиканы и лоббисты сами участвуютъ часто въ прессѣ, продолжая въ ней дѣло, которымъ они занимаются на митингахъ, на трибунахъ законодательныхъ учрежденій и въ пріемныхъ всѣхъ присутственныхъ мѣсть. Изъ процессовъ по преступленіямъ на общественной службѣ постоянно открывается, что эта продажная пресса играетъ одну изъ главныхъ ролей въ надувательствѣ общества, въ злоупотребленіи его довѣріемъ. Читатель такой газеты никогда не можетъ рассчитывать, что онъ вычитаетъ въ ней вполне справедливое сообщеніе о томъ или другомъ общественномъ фактѣ; онъ всегда, напротивъ, будетъ обманутъ, всегда его возрѣнія будутъ извращены такъ, или иначе. Чѣмъ общедоступнѣе предметъ газетнаго сообщенія или обсужденія, тѣмъ болѣе вводятъ читателя въ заблужденіе; чѣмъ больше мотивовъ для обмана, тѣмъ безцеремоннѣе и самый обманъ. Газеты заботливо скрываютъ, разумѣется, отъ публики настоящій характеръ своей дѣятельности, и это имъ удается почти всегда, пока какой-нибудь особенный казусъ не приведетъ къ судебному разоблаченію. Эта грязная газетная клоака, какъ выразился о ней Эмерсонъ, была продуктомъ американской плутократіи воспользовавшейся, какъ орудіемъ ея многочисленнымъ умственнымъ пролетаріатомъ. Не будь послѣдняго, американская пресса, нѣкогда державшая высоко знамя чести, не упала-бы такъ низко даже въ этихъ низменныхъ литературныхъ слояхъ. Въ толпѣ людей, ожидающихъ труда и конкурирующихъ другъ съ другомъ въ предложеніи услугъ, плутократь всегда найдетъ вольныхъ или невольныхъ исполнителей его плановъ и затѣй. Въ этомъ-то и заключается вся соль умственной деморализаціи.

Разоренные меркантилисты, въ качествѣ политикановъ и лоббистовъ, пролетаріатъ физическаго и умственнаго труда общими силами передаютъ такимъ образомъ административную власть

и ея органы въ руки плутократіи. Невѣжество, испорченность и нужда вмѣстѣ участвуютъ въ этой передачѣ. Мы уже упомянули, каковы побудительныя причины стремленій плутократовъ къ общественнымъ должностямъ. Онѣ заключаются въ томъ-же самомъ обстоятельстве, которымъ и вообще регулируется ихъ жизнь, т. е. въ наживѣ. „Рыцари спекуляцій, говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ американскихъ юристовъ, Зеэманъ,—имѣютъ прямыя личныя интересы въ управленіи государствомъ. Они знакомы съ искусствомъ назначенія своихъ-же людей законодателями, судьями, администраторами и контролерами и держатъ, такимъ образомъ, все правительственное дѣло въ собственныхъ рукахъ. Чего они за то не могутъ осуществить, тратя ежегодно миліоны на подкупъ политикановъ, юрисконсультовъ, газетъ и должностныхъ лицъ? Какія преступленія не могутъ совершаться подъ защитой денежной деморализаціи?“ Подъ вліяніемъ этой-то деморализаціи образовались промышленно-политическія ассоціаціи, вродѣ нью-Йоркской, вашингтонской и другихъ,—ассоціаціи, занимающіяся грандіознымъ и систематическимъ казнокрадствомъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ прекрасныхъ коллегіальныхъ учрежденій, они замѣняются внутреннимъ сознаніемъ солидарности правителей, ведущимъ къ тѣмъ-же результатамъ. Укажемъ на одинъ только фактъ, какъ на одно изъ яркихъ выраженій этой солидарности. Въ законодательныхъ собраніяхъ практикуется съ особеннымъ усердіемъ обычай *omnibus bill*'ей. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что въ послѣдніе дни законодательныхъ сессій народные представители предлагаютъ собраніямъ особенные списки лично желаемыхъ ими „неотложныхъ“ законодательныхъ проектовъ и просятъ придать послѣднимъ надлежащую санкцію. Означенные списки и называются *omnibus bill*'ями. Подъ предлогомъ недостатка времени для дебатовъ, собраніе утверждаетъ одинъ списокъ за другимъ въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены, и депутаты избѣгаютъ этимъ путемъ тягостной необходимости пріобрѣтать на свою сторону голосъ каждаго изъ своихъ товарищей. Можно судить о результатахъ этого обычая уже потому, что дѣло о немъ дошло даже до официальнаго заявленія. Грантъ возмущался недавно въ одной своей рѣчи „поспѣшностью, съ какою народные представители утверждаютъ, въ послѣдніе дни законодательныхъ сессій, важныя законодательныя проекты“. Плутократія знаетъ еще много подоб-

ныхъ способовъ осуществлять свои желанія. Нужна только солидарность послѣднихъ, а мѣры къ достиженію ихъ открываются сами собою въ такихъ случаяхъ. Личная инициатива спекулятора, тайные союзы, подкупъ, принципъ „рука руку моетъ“, убѣжденіе, что воронъ ворону глаза не выклюетъ, вліяніе продажной прессы: — все это практикуется плутократами съ блистательнымъ успѣхомъ. Эксплуатируя дурныя страсти, бѣдность и невѣжество, они въ тоже время разжигаютъ народныя страсти къ легкому и случайному обогащенію. Биржа и спекуляція служатъ для этого могущественнымъ орудіемъ. Они ежегодно привлекаютъ къ себѣ новыя толпы кліентовъ, предпринимательскій азартъ постоянно увеличивается и, сообразно съ этимъ, исчезаютъ или извращаются идемы о чести и гражданскихъ обязанностяхъ. Съ каждымъ новымъ выборомъ спекуляторскій контингентъ возрастаетъ на конгрессъ, въ законодательныхъ собраніяхъ Штатовъ, въ судахъ и административныхъ учрежденіяхъ.

Неудивительно поэтому, что великая родина Вашингтоновъ и Линкольновъ, страна обладающая необыкновенной силой культурнаго развитія, сдѣлавшая во сто лѣтъ своего энергическаго роста болѣе, чѣмъ самыя цивилизованныя страны Европы, въ послѣднее время стала выводить на сцену одно колоссальное злоупотребленіе за другимъ. Подкупъ въ администраціи: подкупъ на выборахъ, хищность ближайшихъ лицъ къ президенту, скандальныя судебныя процессы, совершенно неизвѣстные прежде — сдѣлались обыкновеннымъ явленіемъ въ странѣ, представившей намъ столько великихъ образцовъ неподкупной честности и геройскаго благородства.

Вотъ эти-то темныя пятна на свѣтломъ фонѣ Америки и подали поводъ врагамъ ея произнести рѣзкій приговоръ надъ ея будущимъ.

Я. П — рь.

ВЪ ЗАБЫТОМЪ СЕЛѢ.

И ночь, и тишь... Небесный сводъ,
Склонившись съ высоты безбрежной,
Какъ мать родному сыну, нѣжный
Привѣтъ землѣ уснувшей шлеть.
И сладко спать, подъ лаской неба,
Въ безмолвной тишинѣ земля,
И вѣютъ ароматомъ хлѣба
Ея широкія поля.

И ночь, и тишь... Открывъ окно,
Гляжу безцѣльно въ садъ тѣнистый,
И ночи лѣтней и душистой
Вдыхаю воздухъ... Какъ давно,
Уставъ отъ городского шума,
Стремился я сюда мечтой,
И мыслилъ: здѣсь отъ скорбной думы
Я отдохну своей душой!

И время прежнихъ свѣтлыхъ дней
Вновь возставало предо мною...
И садъ съ зеленою листвою,
И змѣйкой вьющійся ручей,
Съ межами узенькими поле,
И величавый старый лѣсъ,—
Манило все меня на волю,
Подъ эту ширь родныхъ небесъ!

И вотъ знакомыя мѣста,
Гдѣ дѣтства золотые годы
На лонѣ матери-природы
Я проводилъ,—и гдѣ мечта
Меня, ребенка, уносила

Въ какой-то дальній край—туда,
Гдѣ великаны, духи жили,
И гдѣ зима была всегда...

Опять знакомыя мѣста,
Гдѣ я въ слезахъ позналъ впервые,
Что жизнь, которую родные
Ведутъ,—безплодна и пуста,
Что гдѣ-то есть иные люди,
Иная жизни цѣль у нихъ,
Высокихъ чувствъ полны ихъ груди:
„Забывъ себя, спасать другихъ!“

И я пошелъ туда скорѣй,
Гдѣ силъ рабочихъ столько нужно,
Гдѣ праздно плакать не досужно,
Гдѣ столько искреннихъ друзей
Всего забытаго, больного
Въ теченьи многихъ, многихъ лѣтъ,
Откуда вскорѣ жизни новой
Явится долженъ чудный свѣтъ!

Прошло шестнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ.
И вотъ я вновь въ родномъ селеньи...
Гляжу: въ забросѣ, въ запустѣнни
И отчій домъ, и отчій дворъ!
Скосились башни, садъ заброшенъ,
И срубленъ паркъ уже давно;
А какъ красивъ онъ, какъ роскошенъ—
Я помню—былъ! и нѣтъ его!

И нѣтъ въ саду пруда, гдѣ я
Съ друзьями на плоту катался
(У насъ онъ флотомъ назывался),
Гдѣ лебедей ручныхъ семья
Привольно плавала... И нѣтъ
Въ саду той диконькой бесѣдки,
Гдѣ, въ первый разъ любя, сосѣдѣ
Открылъ я съ трепетомъ секретъ!

Въ забросѣ все... царить печаль.
Гдѣ прежде пѣсни раздавались.
Такъ громко, весело смѣялись,
Лилось рѣкой вино въ хрусталь;
И гдѣ-жь теперь оно, веселье?

Куда, къ кому оно ушло?
 Кто править нынче новолье?
 Гдѣ смѣхъ? Увы, молчить село!

Тоскливо смотреть хатоеъ рядъ...
 О, какъ онѣ мнѣ всѣ знакомы,
 Худыя, крытыя соломою,
 Какъ и шестнадцать лѣтъ назадъ!
 И тотъ-же вѣздъ и тѣ-же клѣтки,
 И та-же грязь, и тотъ-же соръ,
 И тѣ-жъ оборванные дѣти,
 И тотъ-же робкій разговоръ!

Пугливость старая въ глазахъ,
 Молитва прежняя на небо:
 Работа та-же ради хлѣба“,
 И обувь та-же на ногахъ,
 Все та-же жизнь, полна труда,
 Заботъ, тяжелаго лишенья...
 Нѣтъ, изъ чертоговъ не сюда
 Переселилось наслажденье!..

И ночь, и тишь... Открывъ окно,
 Гляжу безцѣльно въ садъ тѣнистый,
 И ночи теплой и душистой
 Вдыхаю воздухъ... Гдѣ-жъ оно?
 Гдѣ это прежнее веселье?
 Къ кому, куда теперь ушло?
 Кто править нынѣ новоселье?—
 Спокойно спать въ тиши село!..

Отвѣта нѣтъ... Но ясно мнѣ,
 Что обманулся я мечтою,
 Что наболѣвшею душою
 Въ глухой родимой сторонѣ
 Не отдохнуть,—и горькой думы
 Нигдѣ, нигдѣ не избѣжать:
 Ни тамъ, гдѣ много фразъ и шума,
 Ни тамъ, гдѣ сонъ, и тишь, и гладь!

А. Кругловъ.

ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА.

РОМАНЪ

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

ГЛАВА LVI.

Деронда не раздѣвался въ эту ночь. Прежде, чѣмъ лечь въ постель, Гвендолина потребовала его къ себѣ и шопотомъ, едва сдерживая свое волненіе, просила его придти къ ней на другое утро, когда она за нимъ пришлетъ. Хотя она сравнительно была теперь уже нѣсколько спокойнѣе, чѣмъ на берегу, но Деронда боялся, чтобъ ночью не произошла въ ней какая-нибудь перемена къ худшему и она въ лихорадочномъ бреду не произнесла какого-нибудь неосторожнаго слова. Онъ сказалъ горничной Гвендолины, чтобъ за нимъ прислали во всякое время, если случится что-нибудь серьезное. Онъ счелъ своей обязанностью принять на себя всѣ попеченія о ней, пока не пріѣдутъ ея родственники изъ Англіи. Ему тѣмъ легче было поставить себя на такую ногу, что его давно зналъ, какъ близкаго человѣка семьи, старый камердинеръ Грандворта.

Но къ утру усталость и тревоженія тяжелаго дня сомкнули глаза Деронды и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Проснувшись на другой день, онъ съ удовольствіемъ узналъ, что за нимъ еще не прислали и что Гвендолина, проведя ночь безъ сна, только недавно крѣпко уснула. Онъ удивлялся, какъ она, повидимому, чуткая къ страху, выказывала такую силу воли

и, при сильномъ физическомъ разстройствѣ, умѣла скрывать свои чувства. Самъ-же онъ находился въ апатическомъ состояніи; свиданіе съ матерью такъ сильно напрягло его нервы, что теперь весь организмъ словно замеръ и онъ заботился о Гвендолинѣ скорѣе по чувству долга, чѣмъ по своей обычной пламенной симпатіи.

Деронда прежде всего озаботился составленіемъ формальнаго акта, на основаніи свидѣтельскихъ показаній рыбаковъ, спасшихъ Гвендолину. Но онъ узналъ мало подробностей рокового происшествія. Рыбаки объяснили только, что они увидели лодку, въ которой отправился Грандкортъ съ опущеннымъ парусомъ и въ ту самую минуту, какъ приблизились къ ней, услышали крикъ брошенной въ воду женщины. По ихъ мнѣнію, Грандкортъ, вѣроятно, не умѣлъ повернуть паруса, полотномъ его столкнуло въ воду и онъ утонулъ, не умѣя плавать.

Возвратясь въ отель, Деронда узналъ, что Гвендолина проснулась и желала его видѣть. Его провели въ полутемную комнату съ опущенными занавѣсами и сторами. Гвендолина сидѣла на диванѣ, укутанная въ бѣлую шаль и устремивъ глаза на дверь съ нетерпѣливымъ безпокойствомъ. Ея роскошные волосы были старательно собраны на затылкѣ и въ ея ушахъ блестяли бирюзовые серьги. При входѣ Деронды въ комнату, она вскочила и выпрямилась во весь ростъ. Въ бѣлой шали, блѣдная, съ покраснѣвшими глазами и полуоткрытымъ ртомъ, какъ безпомощный подсудимый, она казалась призракомъ той гордой Гвендолины Гарлетъ, которую Деронда увидалъ въ первый разъ за игорнымъ столомъ. Въ сердцѣ его мгновенно пробудилось пламенное сожалѣніе, которое еще усиливалось отъ воспоминанія объ ихъ странныхъ, прежнихъ отношеніяхъ.

— Пожалуйста сядьте, сказалъ онъ, подходя къ ней; она молча опустилась въ кресло.

— Пододвиньте стулъ поближе, произнесла она, — я не могу говорить громко. Вы знаете, что я преступница?

Деронда вздрогнулъ и могъ только отвѣтить:

— Я ничего не знаю.

— Онъ умеръ, промолвила она тѣмъ-же глухимъ, но рѣшительнымъ тономъ.

— Да, сказалъ Деронда, не сознавая, что онъ говорить.

— Никто уже не увидитъ его лица надъ водою, продолжала она, не возвышая голоса, но съ сдержаннымъ жаромъ.

— Никто.

— Но, я всегда буду видѣть это лицо... это мертвое лицо.

Эти слова она произнесла, не смотря на Деронду, а устремивъ свой взглядъ въ пространство. Не преувеличивала-ли она отъ страха и волненія совершившееся событіе и свою роль въ немъ? Не говорила-ли она въ какомъ-то бреду? Эти мысли блеснули въ головѣ Деронды, какъ свѣтлая надежда. Но борьба разнородныхъ чувствъ мѣшала ему высказать ихъ. Гвендолина, хотѣла раскрыть передъ нимъ свое сердце, а онъ боялся ея исповѣди. Его пугала предстоявшая ему обязанность, и онъ желалъ, чтобъ она сохранила свою тайну, хотя вполне сознавалъ, какъ постыдно подобное желаніе, какъ постыдно опасаться, что тайна этой женщины ляжетъ тяжелымъ камнемъ на его душу.

— Вы не думаете, что я должна сказать правду всему міру? продолжала послѣшно Гвендолина, взглянувъ на Деронду;—вы не думаете, что я должна быть публично опозорена? Я-бы этого не вынесла. Я не могу сказать всего даже матери, но я не скрою ничего отъ васъ. Ради Бога, не говорите, что мою исповѣдь должны узнать и другіе.

— Я ничего не могу сказать, потому что ничего не знаю, отвѣчала мрачно Деронда, — но я отъ всего сердца желаю вамъ помочь.

— Я вамъ сказала съ самаго начала... когда только могла... что боялась сама себя, произнесла Гвендолина съ такою жалобной мольбою въ голосъ, что Деронда отвернулся, страшась увидеть соответственное выраженіе ея лица;—я чувствовала въ себѣ страшную, постоянно усиливавшуюся ненависть. Въ головѣ моей толпились мысли о томъ, какъ освободиться отъ этого ужаснаго положенія. Мнѣ становилось все страшнѣе и страшнѣе, вотъ почему въ Лондонѣ я попросила васъ пріѣхать ко мнѣ. Я хотѣла сказать вамъ все, но не могла сразу. А потомъ онъ пришелъ.

Она остановилась и лихорадочная дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

— Теперь, я вамъ скажу все, продолжала она.— Неужели вы думаете, что женщина, борющаяся съ собою, умолявшая небо о спасеніи и искавшая помощи, можетъ сдѣлаться убійцей?

— Боже мой! воскликнулъ Деронда глухимъ, дрожащимъ го-

лосою; — не терзайте меня понапрасну. Вы его не убили. Вы, напротивъ, бросились въ воду, чтобъ его спасти. Когда-нибудь послѣ вы мнѣ расскажете всѣ подробности. Я знаю, что эта смерть случайная и вы не могли ее предотвратить.

— Не сердитесь на меня, проговорила Гвендолина съ дѣтской мольбою, — вы говорили, что болѣе сочувствуете несчастнымъ, грѣшнымъ созданіямъ; вы говорили, что они могутъ исправиться. Еслибъ я не слыхала этого отъ васъ, мнѣ было-бы еще хуже. Я помню все, что вы мнѣ говорили. Даже въ послѣднюю минуту... я потому... Но, если вы теперь не позволите мнѣ сказать вамъ всего, если вы отъ меня отвернетесь... то что-же станется со мною? Развѣ я стала хуже съ тѣхъ поръ, какъ узнала васъ? Нѣтъ. Зло было уже во мнѣ и безъ васъ, оно было-бы еще больше. Неужели вы меня бросите теперь?

Ея крѣпко стиснутыя руки безпомощно дрожали, ея губы судорожно двигались, не издавая никакого звука. Деронда не могъ произнести ни слова, не могъ смотрѣть на нее. Онъ взялъ ея руку и крѣпко сжалъ, краснорѣчиво выражая этимъ: „я тебя не покину“. И однакожь онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, подписывавшаго бланкъ, на которомъ можно было выставить нѣчто роковое. Ихъ обоюдное положеніе, его отвернутое лицо, выражавшее самое жгучее страданіе могли-бы сразу объяснить постороннему наблюдателю въ чемъ дѣло.

Гвендолина ни въ комъ еще не встрѣчала такого сочувствія къ себѣ, и ея силы вдругъ возвратились. Она продолжала свою исповѣдь, увѣренная въ его терпѣливомъ вниманіи. Она говорила отрывисто, не придерживаясь нисколько хронологическому порядку событій.

— Въ моемъ умѣ вертѣлись всякія случайности, но всѣ онѣ были такъ невѣроятны. Меня приводили въ ужасъ мои собственные мысли. Давно уже я видѣла его мертвое лицо, прибавила она почти на ухо Дерондѣ, — и я желала, чтобъ онъ умеръ. Но мысль объ этомъ меня пугала. Во мнѣ было два различныхъ существа. Я жаждала его убить... и я страшилась... Я чувствовала заранѣе свою виновность. Она свершилась!

Она умоляла, точно ея память вдругъ отказалась ей повиноваться.

— Когда я въ первый разъ говорила съ вами въ аббатствѣ,

я уже кое-что сдѣлала, продолжала она черезъ нѣсколько минутъ; — это была единственная попытка къ осуществленію моихъ роковыхъ мыслей. Среди драгоценныхъ игрушекъ въ моемъ будуарѣ былъ прелестный, маленький, острый винжалъ. Я его спрятала въ свой туалетный несесеръ и постоянно думала, какъ его примѣнить къ дѣлу. Я хотѣла положить его къ себѣ подъ подушку. Но я этого не сдѣлала. Я никогда не отпирала ящичка, въ которомъ онъ хранился. На яхтѣ на меня нашелъ такой страхъ, что я бросила ключъ отъ ящичка въ море. Но страшныя мысли не покидали меня; я стала думать, какъ открыть его безъ ключа, а когда мы прибыли сюда въ Геную, мнѣ пришла въ голову мысль отпереть его тайнымъ образомъ. Но тутъ, входя по лѣстницѣ, я увидала васъ и рѣшилась повидаться съ вами наединѣ и сказать вамъ все, чего не могла высказать въ Лондонѣ. Потомъ меня принудили отправиться въ лодкѣ...

Къ ея горлу подступили слезы и она молча откинулась на спинку кресла. Вспоминая объ этомъ тяжеломъ разочарованіи, она какъ-бы забывала обо всемъ, случившемся послѣ того.

— Все это плодъ вашего воображенія, сказалъ Деронда, не смотря на нее, — и вы до конца сопротивлялись страшному соблазну.

Она молчала. Слезы текли по ея щекамъ. Она отерла ихъ платкомъ и, собравшись съ силами, сказала почти шопотомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Видитъ Богъ, я вамъ скажу всю правду. Я ничего отъ васъ не скрою. Я думала, что никогда не могу совершить ничего преступнаго. А я была преступна. Я чувствовала себя преступницей. Все казалось мнѣ карой, даже божій свѣтъ. Вы знаете, что я не должна была видѣти замужъ за него. Съ этого началось. Я причинила несчастіе другимъ и не сдержала своего слова. Я хотѣла жить въ свое удовольствіе и только подготавливала себѣ неизбежное горе. Я хотѣла извлечь себѣ пользу изъ несчастія другого, — вы помните, какъ въ рулеткѣ, — но деньги только жгли мнѣ руки. Мнѣ нельзя было жаловаться. Я торжествовала и съ тѣмъ вмѣстѣ чувствовала свою виновность. На яхтѣ, въ открытомъ морѣ, я цѣлыя ночи не смыкала глазъ и все думала. Только мысль о васъ еще нѣсколько поддерживала меня. Я была увѣрена, что вы не захотите карать меня и про-

тянете мнѣ руку помощи... Вы не измѣните себѣ, не захотите покарать меня теперь?

Слезы снова душили ее.

— Боже избави! пробормотала Деронда.

Ему было больно слушать эту исповѣдь объ ея прошломъ, но онъ не смѣлъ прервать ее какимъ-бы то ни было вопросомъ. Наконецъ, послѣ непродолжительнаго молчанія, она заговорила, безсознательно переходя къ послѣднимъ событіямъ:

— Мнѣ было очень тяжело, когда меня принудили отправиться въ лодкѣ. Увидавъ васъ, я съ неожиданною радостью подумала, что сниму съ своего сердца камень и скажу вамъ все. Я надѣялась, что тогда злоба, ненависть, соблазнъ и страхъ, преслѣдовавшіе меня, потеряютъ свою силу. Но когда меня увлекли отъ васъ и посадили въ лодку, всѣ злыя мысли вернулись и мнѣ невозможно было отъ нихъ отдѣлаться. Я отдала-бы все въ ту минуту, чтобъ поразить его громомъ. Что-бы я дѣлала, если-бы онъ былъ живъ? Я не сожалею объ его смерти, но не могу вѣчно видѣть передъ собою его мертвое лицо. Я поступила, какъ презрѣнный трусъ. Мнѣ слѣдовало вынести позоръ и уйти, убѣжать. Лучше было-бы мнѣ просить милостыню, чѣмъ чувствовать въ себѣ адскую жажду мести. Мнѣ иногда казалось, что онъ меня убьетъ, если я буду сопротивляться его волѣ. Но теперь это лицо, это мертвое лицо не даетъ мнѣ покоя!

Неожиданно выпустивъ руку Деронды, она вскочила съ кресла и, простирая свои руки къ потолку, прошептала съ сильнымъ волненіемъ:

— Я злая, грѣшная женщина! Что мнѣ дѣлать? У кого просить помощи? Я тону! Умирай... умирай... исчезай во мракѣ! Неужели меня безжалостно бросать!

Она снова опустилась въ кресло и залилась слезами. Деронда былъ пораженъ этой страстной вспышкой. Онъ воображалъ, что свиданіе съ матерью заглушило въ немъ способность откликнуться на какое-бы то ни было новое ощущеніе, но исповѣдь юнаго существа, еще недавно столь блестящаго и легкомысленнаго, а теперь предававшагося безпомощному отчаянію, заставляла биться его сердце еще тревожнѣе, чѣмъ другая исповѣдь, которая свидѣтельствовала о гнетущей нравственной борьбѣ. Онъ находился въ томъ мрачномъ настроеніи, когда чувство горячаго состраданія

побуждаетъ насъ отвязаться отъ всякихъ удовольствій и жить только для страждущихъ и несчастныхъ. Онъ всталъ и, невольно отвернувшись отъ нея, отошелъ къ окну, но черезъ минуту, снова обернувшись, увидалъ, что она молча смотрѣла на него широко открытыми глазами. Въ эту минуту она представляла собой олицетвореніе отчаянной, смиренной мольбы. Неужели онъ такъ скоро ее бросилъ? Но ихъ взгляды встрѣтились въ первый разъ послѣ того, какъ она сказала: „я преступница“, и его грустный взоръ ясно говорилъ: „я это знаю, но не покину васъ“. Онъ снова сѣлъ подлѣ нея, но не взялъ ея руки и не смотрѣлъ на нее.

Выраженіе его лица произвело на Гвендолину такое-же впечатлѣніе, какъ его грустный взглядъ въ аббатствѣ; забывъ свою эгоистичную печаль, она съ искреннимъ сожалѣніемъ сказала:

— Я вамъ причиняю горе?

— О! воскликнулъ Деронда.—дѣло идетъ не о моемъ горѣ или удовольствіи. Я желалъ-бы помочь вамъ. Скажите мнѣ все. Исповѣдь, кажется, облегчаетъ ваши страданія.

Хотя эти слова дышали добротой и преданностью, но онѣ какъ-бы открывали нравственную бездну между ними и она чувствовала, что ей было трудно продолжать; она сознавала необходимость стать ближе къ этой пламенной симпатіи, протягивавшей ей руку помощи съ недосыгаемой высоты. Она готова была броситься передъ нимъ на колѣни, но сложное, чуткое сознание удерживало ее и она осталась безмолвной, неподвижной.

— Можетъ быть, вы слишкомъ измучены, сказала, наконецъ, Деронда,—не лучше-ли мнѣ уйти, а вы пришлете за мною, когда оправитесь.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала Гвендолина, поспѣшно нарушая свое безмолвіе отъ страха, что онъ уйдетъ;—я хочу вамъ разсказать все, что случилось въ лодкѣ. Я была вѣ себя отъ злобы, что меня заставили предпринять эту морскую прогулку и сидѣла неподвижно, какъ невольникъ на галерѣ. Мало-по-малу мы удалялись отъ города въ открытое море; мы не смотрѣли другъ на друга и не разговаривали; онъ только давалъ привязанія, какъ дѣйствовать рулемъ. Вокругъ все было безмолвно. Я вспоминала, что въ дѣтствѣ жаждала полетѣть въ челнокѣ по голубымъ волнамъ въ такую страну, гдѣ не было людей, которыхъ я не лю-

била; тогда я не терпѣла только одного человѣка отчина. Теперь я сидѣла въ лодкѣ съ человѣкомъ, къ которому въ эту минуту чувствовала ненависть и судьба уносила меня все далѣе и далѣе отъ возможнаго спасенія. Я была безпомощнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Въ головѣ моей толпились злыя мысли, преступныя надежды. Я сама не хотѣла умереть и меня страшила возможность утонуть вмѣстѣ съ нимъ. Если-бы я смѣла, я стала-бы молить небо, чтобы оно ниспослало ему погибель. Я не знала, какъ его убить, но я не разъ убивала его мысленно.

Она умолила на нѣсколько минутъ, какъ-бы удрученная тяжестью воспоминаній, которыхъ нельзя было высказать словами.

— Я чувствовала, что становилась все хуже и хуже, продолжала она; — преступныя мысли брали верхъ надо всѣмъ въ моемъ сердцѣ, изгоняя изъ него всякое сознаніе добра. Я помню, что, бросивъ шнурокъ отъ руля, я произнесла: „Боже мой!“ Потомъ меня заставили снова взяться за руль и я уже ничего не помню. Грѣшныя надежды и мольбы снова зашевелились въ моемъ сердцѣ... Я не знаю какъ... онъ повертывалъ парусъ... порывомъ вѣтра... его столкнуло въ воду. Я ничего не помню, ничего не знаю... только вдругъ я увидѣла свою смутную надежду осуществленной.

Она на мгновеніе остановилась и потомъ продолжала еще поспѣшнѣе и почти шепотомъ:

— Я видѣла, какъ онъ погрузился въ воду, и сердце мое едва не выпрыгнуло изъ груди. Но я не двинулась съ мѣста и не разжала рукъ. Я въ одно и то-же время обрадовалась своему спасенію и знала очень хорошо, что эта радость очень пустая и что онъ вынырнетъ. Онъ снова показался на поверхности, но въ значительномъ разстояніи, такъ-какъ лодка не переставала двигаться. Все это произошло въ одно мгновеніе. „Веревку!“ воскликнулъ онъ не своимъ голосомъ. Я слышу этотъ голосъ до сихъ поръ. Я схватила веревку... Я чувствовала, что должна это сдѣлать, ибо такъ или иначе онъ спасется. Онъ умѣлъ плавать и я боялась его. Но онъ вновь исчезъ въ морской глубинѣ... а я держала веревку въ рукѣ. Опять надъ водою показалось его лицо и раздался его крикъ. Я протянула руку, но сердце мое лепетало: „умри...“ и онъ на вѣки исчезъ. Я чувствовала, что все кончено, что я погибла, что я преступница.

Не знаю, что я тогда думала, но я сама бросилась въ воду. Вѣрно, я хотѣла спастись отъ своего преступленія, отъ страшнаго зрѣлища мертваго лица. Это страшное лицо никогда меня не покинетъ. Вотъ что случилось. Вотъ что я сдѣлала. Вы теперь все знаете.

Она умолила и въ изнеможеніи опустила голову на спинку кресла. Деронда чувствовалъ нѣчто вродѣ радости: его опасеніе было страшнѣе дѣйствительности. Изъ исповѣди Гвендолины видно было, что она боролась съ своими злыми мыслями и эти мысли не выразились ни въ какомъ внѣшнемъ поступкѣ. Смерть Грандкорта произошла независимо отъ ея воли. Но все-же внѣшнее проявленіе преступнаго намѣренія не можетъ измѣнить его преступности. Деронда это вполне сознавалъ, но въ то-же время былъ убѣжденъ, что Гвендолина увеличивала свою вину и придавала неопредѣленному, минутному желанію значеніе рѣшительнаго преступнаго поступка. Во всякомъ случаѣ, мучившіе ее укоры совѣсти означали, что ея натура способна къ исправленію и что передъ нею открывается новая жизнь. Въ этомъ отношеніи она рѣзко отличалась отъ обыкновенныхъ преступниковъ, которые только сожалеютъ о неудачѣ своихъ преступленій. Деронда не могъ произнести ни слова въ утѣшеніе Гвендолинѣ, съ цѣлью ослабить ея святое отвращеніе къ дурнымъ стремленіямъ ея сердца. Онъ чувствовалъ, что ему приходилось-бы только подтвердить ея самоосужденіе, а потому онъ предпочелъ молчать.

Такъ прошло нѣсколько времени, онъ самъ не зналъ сколько. Наконецъ, онъ взглянулъ на нее: она полулежала въ креслахъ съ откинутой назадъ головою и закрытыми глазами, точно сраженная бурей голубка, неимѣвшая силъ продолжать своего полета. Онъ всталъ и подошелъ къ ней. Она очнулась и открыла глаза. По всему ея тѣлу пробѣжала дрожь, какъ-бы отъ испуга.

— Вы должны отдохнуть, сказалъ онъ, — постарайтесь уснуть. Я могу придти къ вамъ сегодня вечеромъ... завтра... когда хотите. Но теперь не будемъ болѣе говорить.

Гвендолина молча кивнула головой и на глазахъ ея показались слезы. Деронда позвонилъ горничную и, посоветовавъ уложить въ постель больную, вышелъ изъ комнаты.

LVII.

Вечеромъ Гвендолина снова прислала за нимъ. Почти прошли сутки съ той роковой минуты, когда рыбаки привезли ее на берегъ; она сидѣла теперь у открытаго окна, устремивъ пристальный взглядъ на море. Она казалась спокойнѣе, чѣмъ утромъ, но глубокая печаль выражалась во всѣхъ ея чертахъ. Увидавъ Деронду, она не протянула ему руки, а послѣшно сказала:

— Какъ долго! Сядьте подлѣ меня.

Онъ исполнилъ ея желаніе; замѣтя по ея лицу, что она желаетъ говорить, онъ хранилъ молчаніе. Но ее видимо удерживалъ какой-то страхъ; желая ободрить ее, Деронда отвернулся къ окну.

— Вы не думаете, что необходимо всѣмъ передать мою исповѣдь? произнесла она тономъ самой пламенной мольбы.

— Зачѣмъ, отвѣчалъ Деронда;—вашей исповѣдью ничего не загладишь, ничего не поправишь...

— Но, еслибъ я не питала убійственныхъ мыслей, сказала она, едва переводя дыханіе,—еслибъ я бросила ему веревку, то, можетъ быть, онъ не утонулъ-бы.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Деронда, — вы не могли-бы его спасти, несмотря на всѣ его усилія. Если онъ, дѣйствительно, умѣлъ плавать, то надо предположить, что у него сдѣлались судороги. Ваша минутная преступная воля, я полагаю, не могла измѣнить событія. Она отразилась только на васъ самихъ. Злая воля вліяетъ прежде всего на наше сердце, а потомъ, рано или поздно, выражается во внѣшнихъ поступкахъ, именно приводитъ или къ преступленію, или, благодаря упрекамъ совѣсти, заставляетъ насъ вести лучшую жизнь.

— Я, слава Богу, никого не ограбила, сказала Гвендолина дрожащимъ голосомъ;—другіе получаютъ все... все, что имъ слѣдуетъ. Объ этомъ я знала еще въ Лондонѣ. Вы не подозреваете меня въ корыстныхъ цѣляхъ?

— Я объ этомъ и не думалъ; я слишкомъ поглощенъ вашимъ положеніемъ.

— Но, можетъ быть, вы не знаете начала всѣхъ моихъ не-

счастій? продолжала Гвендолина съ нѣкоторымъ усиленіемъ; — онъ долженъ былъ жениться не на мнѣ, а на другой. Я это знала и сказала ей, что не буду ей помѣхой. Потому-то я и уѣхала за границу, гдѣ вы меня увидали въ первый разъ. Затѣмъ мать моя внезапно потеряла все наше состояніе; я была несчастна и поддавалась соблазну. Я думала, что все поведу по-своему и все будутъ довольны. Но вышло иначе. Мое положеніе стало ужасно. Тогда возникли въ моемъ сердцѣ ненависть и злыя мысли. Вотъ какъ все это произошло. Я вамъ говорила, что боялась себя. Я послѣдовала вашему совѣту и старалась извлечь пользу изъ этого страха. Я думала о послѣдствіяхъ... о томъ, что при дневномъ свѣтѣ, я буду всегда жаждать ночи, а ночью терзаться отъ страшныхъ привидѣній. И все это не помогло. Теперь я могу только избавить другихъ отъ знакомства съ горькой истиной; главное, я должна постараться скрыть все отъ бѣдной матери, которая никогда не была счастлива. Но вы не можете по-прежнему смотрѣть на меня, продолжала Гвендолина, едва сдерживая слезы;—вы считаете меня слишкомъ преступной, вы не вѣрите, чтобъ я могла исправиться и стать достойной...

Ея голосъ оборвался. Деронда взглянулъ на ея блѣдное, устремленное на него съ мольбою, лицо и отвѣчалъ:

— Я убѣжденъ, что вы можете сдѣлаться болѣе достойной женщиной, чѣмъ вы были до сихъ поръ. Ваша жизнь еще можетъ быть счастливой. Никакое зло не въ состояніи отравить совершенно нашего существованія, если мы не упорствуемъ въ немъ, а напротивъ стараемся исправиться. Вы дѣлали усилія въ этомъ направленіи и будете продолжать.

— Но вы, виновникъ этихъ усилій, вы не должны меня покинуть, проговорила Гвендолина, крѣпко схватившись за ручку кресла и пристально смотря на Деронду,—я согласна перенести всякое наказаніе. Я буду дѣлать все, что вы мнѣ скажете, но вы должны быть всегда подлѣ меня. Еслибъ я могла вамъ все говорить и постоянно имѣть васъ при себѣ, этого не случилось-бы. Вы не можете, вы не должны меня покинуть.

— Я никогда и не желалъ васъ покидать, отвѣчалъ поспѣшно Деронда своимъ обычнымъ, мягкимъ голосомъ, который всегда выражалъ болѣе сочувствія, чѣмъ, быть можетъ, онъ самъ желалъ.

Въ настоящемъ случаѣ онъ самъ боялся, чтобъ его слова не были истолкованы въ смыслѣ обѣщанія, которое впоследствии покажется неисполнимымъ. Онъ предугадывалъ въ будущемъ возможныя затрудненія и вполне сознавалъ, что съ его стороны было неопредѣленное обѣщаніе, а съ ея столь-же неопредѣленная надежда. Заботы близкія и отдаленныя тревожили его и, подъ ихъ вліяніемъ, онъ сказалъ послѣ минутнаго безмолвія:

— Я жду сэра Гюго Малинджера завтра къ вечеру и надеюсь, что м-съ Давило скоро послѣдуетъ за нимъ. Свиданіе съ нею будетъ для васъ большимъ утѣшеніемъ и дастъ вамъ цѣль въ жизни на первое время, именно, избавить вашу мать отъ ненужнаго излишняго горя.

— Да, да; я сдѣлаю все, что могу. Но вы не уѣдете?

— Ни въ какомъ случаѣ до пріѣзда сэра Гюго.

— Мы всѣ вмѣстѣ отправимся въ Англію?

— Да, какъ только представится возможность, отвѣчалъ Деронда, не желая входить въ подробности.

Гвендолина снова отвернулась къ окну; выраженіе ея лица обнаруживало, несмотря на сумерки, что она очнулась отъ столбняка.

— Вы теперь всегда будете жить у сэра Гюго, въ абатствѣ или въ Дипло? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Я рѣшительно не знаю, что мнѣ предстоитъ, отвѣчалъ Деронда, покраснѣвъ.

Гвендолина поняла, что она поступила слишкомъ легкомысленно и замолчала.

— Невозможно предугадать какъ сложится и моя жизнь, промолвила она черезъ нѣсколько минутъ;—было-бы лучше для меня, если-бы я была бѣдна и поставлена въ необходимость трудиться для куска хлѣба.

— Все устроится само собою, отвѣчалъ Деронда;—когда вы будете снова среди своихъ друзей, вы легко найдете и новыя для себя обязанности. Теперь вамъ надо заботиться только объ одномъ: оправиться и успокоиться, прежде чѣмъ...

Онъ остановился и Гвендолина поспѣшно отвѣчала:

— Прежде чѣмъ пріѣдетъ мама. Да, я, должно быть, очень измѣнилась. Я не смотрѣла на себя въ зеркало. Узнали-ли-бы вы во мнѣ ту самую Гвендолину Гарлетъ, которую вы видѣли въ Лейбронѣ.

— Конечно, узналъ-бы. Вышняя переѣна невелика, только видно, что вы испытали большое горе.

— Вы не сожалѣете, что узнали меня? спросила Гвендолина со слезами на глазахъ.

— Я презиралъ-бы себя за подобное чувство. Какъ могу я сожалѣть объ этомъ? Наши обязанности вытекають изъ совершившихся фактовъ, а не изъ воображаемыхъ нами событій. Но если-бъ я о чемъ-нибудь сожалѣлъ, то, конечно, не о томъ, что васъ узналъ, а что не могъ предотвратить вашего теперяшняго несчастія.

— Вы меня спасли отъ худшаго, отвѣчала Гвендолина въ волненіи, — если-бъ не вы, мнѣ было-бы еще тяжелѣе. Если-бъ вы не были такимъ возвышеннымъ человѣкомъ, я была-бы еще большей преступницей.

— Но мнѣ пора идти, сказалъ Деронда, чувствуя, что эта сцена слишкомъ напрягаетъ его нервы; — помните, что ваша обязанность теперь, какъ можно скорѣе поправиться и успокоиться.

Онъ всталъ и она молча протянула ему руку. Но когда онъ вышелъ изъ комнаты, бѣдная Гвендолина упала на колѣни и разразилась истерическими воплями. Разстояніе между нею и Дерондой было слишкомъ велико. Она была погибшимъ существомъ, которое видѣло возможность счастья въ жизни, но само пресѣкло себѣ всѣ пути для достиженія этого счастья.

Черезъ нѣсколько времени, горничная, войдя въ комнату, нашла ее безъ чувствъ на полу. Это показалось всѣмъ вполне естественнымъ въ бѣдной женщинѣ, на глазахъ которой наканунѣ утонулъ мужъ.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

ПЛОДЫ И СЪМЕНА.

ГЛАВА LX.

Время, мы знаемъ, очень невѣрное мѣрило, и извѣстное число кругообращеній земли такъ-же мало можетъ опредѣлять на сколько впередъ ушла жизнь человѣческаго рода, какъ пространство поля не обнаруживаетъ того, что на немъ тайно всходитъ. Человѣкъ можетъ втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ создать новую, поразитель-

тельную теорію въ анатоміи, найти ключъ къ познанію человѣческихъ расъ и языковъ, или, во главѣ смѣлой экспедиціи, открыть новую страну, а его сосѣди между тѣмъ по-прежнему ссорятся изъ-за пустяковъ, и зѣваки на улицахъ глазѣютъ на тѣ-же картины, выставленныя въ окнахъ магазиновъ.

Подобный контрастъ втеченіи года представляла судьба блестящей, самодовольной Гвендолины Гарлетъ, превратившейся въ мрачное, убитое существо, кающееся въ своемъ преступленіи, и ея семейства, которое вело свою обычную жизнь въ Пенникотъ безъ всякой замѣтной перемѣны, кромѣ уменьшенія нѣкоторыхъ расходовъ и числа выѣздовъ. Пасторскій домъ былъ такимъ-же приятнымъ домашнимъ очагомъ, какъ всегда; малиновые піоны на лужайкѣ и пестрыя штокроды въ изгородахъ цвѣли такъ-же роскошно, какъ въ прошломъ году; самъ пасторъ по-прежнему питалъ безусловное уваженіе къ своимъ знатымъ покровителямъ и твердую рѣшимость заслужить ихъ расположеніе ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Что-же касается потери 1,800 ф. ст. годового дохода, она вполнѣ вознаграждалась гордымъ счастіемъ, доставляемымъ ему успѣхами Рекса. Перемѣна, произведенная въ молодомъ человѣкѣ разочарованіемъ въ любви, казалась незначительной въ сравненіи съ той самолюбивой энергіей, которая проснулась въ немъ со времени семейнаго несчастія; Гаскойнъ называлъ теперь исторію первой любви сына, столь встревожившей его въ прошломъ году, испареніемъ излишней сырости изъ почвы.

На лѣтніе мѣсяцы, Рексъ возвратился вмѣстѣ съ Анной въ Пенникотъ и, обнаруживая почти прежнюю дѣтскую живость съ своими братьями и сестрами, продолжалъ серьезно перечитывать по утрамъ разныя юридическія книги.

— Ты не раскаяваешься, что избралъ юриспруденцію? спрашивалъ его отецъ.

— Я избралъ ее по влеченію, отвѣчалъ Рексъ, — и желалъ-бы кончить свою жизнь первокласснымъ судьей и составителемъ новаго кодекса. Я съ удовольствіемъ сказалъ-бы, извращая поговорку: „дайте мнѣ писать законы, а пусть кто хочетъ пишетъ пѣсни“.

— Тебѣ предстоитъ много скучнаго труда, сказалъ пасторъ.

— Я не думаю, чтобъ этотъ трудъ былъ скучнѣе всякаго другого. Между законовѣдами было не мало остроумныхъ людей;

исторія законовъ составляетъ весьма интересный отдѣлъ философіи и соціальныхъ наукъ. Конечно, необходимо трудиться и обладать терпѣніемъ, но ни что въ свѣтѣ легко не дается.

— Ну, милый Рексъ, лучшій залогъ успѣха, когда человекъ любитъ избранную имъ карьеру. Такъ смотритъ на свое дѣло всякій энергичный человекъ. Напримѣръ, на-дняхъ кузнецъ Бривитъ жаловался мнѣ на нерадѣніе своего ученика и характеристично прибавилъ: „Я, право, не понимаю, что-же любить молодому человеку, если не кузнечное ремесло“?

Гаскойнъ, въ глубинѣ своей души, гордился сыномъ, но не выказывалъ ему этого. Другой его сынъ, Варгамъ, уѣхалъ въ Индію и онъ легко перенесъ эту разлуку, но въ Рексѣ сосредоточивались всё его самолюбивыя надежды, и онъ рисовалъ уже соблазнительныя картины его будущаго величія.

— Рексъ будетъ знаменитымъ человекомъ, Нанси, говорилъ онъ женѣ по секрету;—я въ этомъ убѣжденъ такъ-же, какъ Пассей былъ увѣренъ въ славѣ своего сына.

— Пассей былъ, кажется, старымъ холостякомъ? спросила м-съ Гаскойнъ.

— Это къ дѣлу не относится, отвѣчалъ пасторъ, совершенно упустивъ изъ виду это обстоятельство.

Мирное существованіе въ пасторскомъ домѣ раздѣляла и м-съ Давило, которая переѣхала изъ Офендина въ сосѣдній низенькій, бѣлый домъ, потонувшій въ зелени и извѣстный окрестнымъ поселянамъ подъ названіемъ Джодсоновскаго. На лицѣ м-съ Давило выражалось только немного болѣе меланхолии и ея волосы болѣе посѣдѣли, чѣмъ въ прошломъ году. Молодые дѣвушки казались прелестнѣе за отсутствіемъ невыгоднаго сравненія съ Гвендолиной, а добрая Джозоза по-прежнему хладнокровно относилась ко всѣмъ удовольствіямъ свѣта, которыя, по ея мнѣнію, не были созданы для гувернантки.

Однажды въ теплый іюльскій день, въ маленькой гостиной съ двумя окнами, выходившими въ садъ, сидѣло все семейство, въ томъ числѣ и Рексъ съ Анной, которая была любимицей своихъ двоюродныхъ сестеръ и онѣ не переставали спрашивать ее о томъ, что она видѣла въ Лондонѣ, главнымъ-же образомъ о Гвендолинѣ, ея роскошномъ домѣ и яхтѣ. Въ величайшему разочарованію меньшихъ сестеръ, Анна не видала яхты, и имъ пришлось

довольствоваться одними предположеніями о невѣдомомъ интересномъ предметѣ, такъ-какъ Гвендолина написала изъ Марсели только, что у нея прелестная каюта и что она болѣе писать не будетъ, а пришлетъ длинный дневникъ о своихъ впечатлѣніяхъ во время морского путешествія; объ этой яхтѣ говорилось также, но вскользь, въ газетахъ. Вообще новая фаза блестящей жизни Гвендолины очень занимала ея сестеръ, и романтичная Изабелла рисовала въ своемъ воображеніи драматичныя картины нападеній корсаровъ, конечно, оканчивающихся благополучно.

Но теперь, въ присутствіи Рекса, молодые дѣвушки, слѣдуя приказанію старшихъ, не упоминали ни слова о Гвендолинѣ; разговоръ сосредоточивался на семействѣ Мейрикъ, и ихъ странныхъ еврейскихъ друзьяхъ, которые представляли совершенно невѣдомый человѣческій видъ для дочерей м-съ Давило; Рексъ для смѣха рассказывалъ самыя преувеличенныя подробности с жизни евреевъ. Среди общаго оживленія и часто возобновлявшагося смѣха, м-съ Давило неожиданно подали письмо отъ Гаскойна. Въ него была вложена телеграма, и м-съ Давило нѣсколько разъ перечла ее въ замѣтномъ волненіи. Всѣ взоры были обращены на нее съ безпокойствомъ; поднявъ наконецъ голову, она поняла, по блѣднымъ лицамъ всѣхъ присутствовавшихъ, что они сильно встревожены.

— Милыя дѣти, сказала она, удерживая слезы, — м-ръ Грандкорть... м-ръ Грандкорть утонулъ!

Рексъ вскочилъ, точно бомба влетѣла въ комнату. Анна тревожно взглянула на него; онъ тотчасъ-же нѣсколько собрался съ силами, и сказалъ все-таки дрожащимъ голосомъ:

— Не могу-ли я быть вамъ полезенъ, тета? не прикажете-ли передать что-либо отцу?

— Да, голубчикъ, скажи ему, что я буду готова. Онъ такъ добръ, что предлагаетъ поѣхать со мною сегодня-же въ Геную. Гвендолина спаслась, но, должно быть, нездорова. Джозефа и Алиса, помогите мнѣ приготовить все необходимое для отъѣзда. Я не хочу, чтобъ Гаскойнъ меня ждалъ. Да благословитъ его Господь за его доброту.

Рексъ и Анна успѣшили вернуться домой, но по дорогѣ хранили глубокое молчаніе. Она боялась, чтобы неожиданное извѣстіе не растравило едва закрывшейся раны въ сердцѣ Рекса, а онъ

выдерживалъ тяжелую борьбу съ пламенными чувствами, вдругъ овладѣвшими всѣмъ его существомъ.

— Нанни, сказали онъ, у воротъ пасторскаго дома,—передай отцу все, о чемъ просила тета. Если я ему нуженъ, приди за мною. Я погуляю въ саду... минутъ десять не болѣе.

Кто въ присутствіи чужого несчастія, горя или смерти не чувствовалъ эгоистичнаго удовольствія при мысли о возможномъ счастливомъ для него результатѣ мрачнаго событія? Повышеніе по службѣ и наслѣдство—самый обыденный видъ подобнаго соблазна, который однако вмѣстѣ съ удовольствіемъ возбуждаетъ обыкновенно и чувство стыда. Рексъ тѣмъ болѣе стыдился радостныхъ образовъ, возникшихъ въ его умѣ при извѣстии о смерти мужа Гвендолины, что всякая тѣнь надежды затмѣвалась сознаніемъ существованія непреодолимыхъ преградъ. Мысль, что Гвендолина свободна, немедленно изгонялась другою мыслью, что Гвендолина богата, высоко поставлена и окружена поклонниками. Если въ прошедшемъ она съ презрѣніемъ отвернулась отъ него, то на какомъ основаніи онъ могъ рассчитывать на ея любовь въ будущемъ? Впродолженіе года, онъ мало-по-малу охладилъ свои пламенные чувства, и съ большимъ трудомъ достигъ хладнокровнаго спокойствія, а теперь двухъ словъ было достаточно, чтобы все перевернуть вверхъ дномъ и снова возбудить въ его сердцѣ безнадежныя, мучительныя стремленія, которыя еще въ эту минуту заставляли его инстинктивно краснѣть.

Но бѣднаго Рекса нельзя за это винить. Полтора года тому назадъ, его поразила въ самое сердце стрѣла, часто отравленная медленнымъ, скрытымъ ядомъ. Любовь его была той мгновенно возникающей, пламенной и все пожирающей страстью, которую знали и воспѣвали древніе, но о которой только болтаютъ по наслышкѣ въ наше время, ни сколько не отличающееся страстнымъ, демоническимъ характеромъ. Сознаніе, что другая личность совершенно овладѣла всѣмъ вашимъ существомъ, и что ея власть надъ вами не зависитъ отъ ея внутреннихъ достоинствъ—составляетъ такую фазу любви, которая въ слабомъ, дюжинномъ человѣкѣ граничитъ съ животной страстью, непостигающей возвышеннаго сродства душъ. Но когда эта могучая сила привязанности встрѣчается не въ грубой, а въ впечатлительной натурѣ, сознающей вполнѣ человѣческое достоинство, то она можетъ дойти до возвышенной,

почти божественной преданности, о которой и понятія не имѣли древніе. Флегматичный рационализмъ презрительно качаетъ головою при встрѣчѣ съ подобнымъ, неразумнымъ, невѣроятнымъ чувствомъ, — но оно существуетъ, какъ вѣтеръ на морѣ, приводящій корабль къ крушенію или къ счастливому окончанію странствія.

Такая именно любовь гнѣздилась въ сердцѣ добраго, мужественнаго Рекса и онъ лелѣялъ это чувство, какъ дорогое, безпомощное существо, неожиданно лишившееся рукъ и ногъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ рѣшился не губить своей жизни изъ-за того, что одинъ видъ счастья былъ для него невыносимъ, но, напротивъ, онъ началъ съизнова, приведя въ извѣстность всѣ оставшіяся у него сокровища и чувствуя себя сильнѣе для борьбы отъ сознанія, что не для кого ему было беречь своей головы.

Ходя взадъ и впередъ по аллеямъ сада, онъ укорялъ себя за то, что, хоть на минуту, допустилъ въ свое сердце сомнѣніе въ непреложности его судьбы, благодаря такой перемѣнѣ обстоятельствъ, которая не могла нисколько вліять на него. Онъ прямо говорилъ себѣ:

— Она никогда не можетъ полюбить меня и притомъ-же въ ея теперешнемъ положеніи, я не посмѣю объяснить ей свою любовь. Я не имѣю никакого значенія въ свѣтѣ и если когда-нибудь его добьюсь, то не ранѣе сѣдыхъ волосъ. Но какое ей дѣло до меня? Она ни подъ какими условіями не согласится быть моею женою и я не стану болѣе унижаться. Подло даже объ этомъ думать теперь; подобныя мысли походятъ на грабежъ убитыхъ на полѣ брани. Мнѣ слѣдуетъ посмотрѣть прямо въ глаза совершившемуся факту и помочь на-сколько возможно отцу, который боится говорить со мною объ этомъ предметѣ.

Подъ вліяніемъ этой послѣдней мысли, Рексъ поспѣшно пошелъ къ дому и, увидавъ въ дверь кабинета, что отецъ укладывалъ чемоданъ, твердо сказалъ:

— Могу я вамъ въ чемъ-нибудь помочь?

— Да, отвѣчалъ Гаскойнъ, взглянувъ на него; — послѣ моего отъѣзда распечатывай всѣ письма на мое имя, отвѣчай на которыя можно, и увѣдомляй меня обо всемъ, что здѣсь дѣлается. Димокъ отлично управится съ приходомъ, а тебя прошу оставаться здѣсь съ матерью до моего возвращенія, или, по крайней мѣрѣ, навѣщать ее почаще.

— Вы, вѣроятно, недолго останетесь за границей и привезете Гвендолину въ Англію, сказалъ Рексъ, впервые выговаривая это имя.

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ, отвѣчалъ Гаскойнъ, очень довольный, что, наконецъ, онъ могъ говорить съ сыномъ объ этомъ щекотливомъ предметѣ; — можетъ быть, при ней останется ея мать, и я возвращусь. Въ телеграммѣ нѣтъ никакихъ подробностей, но, безъ сомнѣнія, Грандкортъ оставилъ большое состояніе Гвендолинѣ. Къ тому-же, можетъ быть, у нея еще родится ребенокъ.

— Какой страшный ударъ для нея, замѣтилъ Рексъ; — онъ, вѣроятно, былъ любящій и преданный мужъ?

— Конечно, отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ Гаскойнъ; — рѣдкій человекъ въ его положеніи женился-бы такимъ образомъ.

Рексъ никогда не видалъ Грандкорта, никогда не слышалъ о немъ ничего отъ своего семейства и не зналъ о бѣгствѣ Гвендолины въ Лейбронъ. Ему было извѣстно, только, что Грандкортъ влюбился въ нее, сдѣлалъ ей предложеніе черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ неожиданно разорилась ея мать и, живившись, щедро надѣлялъ мать и сестеръ своей жены. Все это было очень естественно и самъ Рексъ съ радостью поступилъ-бы также, будучи на его мѣстѣ. Онъ считалъ Грандкорта счастливымъ человекомъ, вусившимъ блаженство на землѣ, хотя и на короткое время. Но, онъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя дѣйствительно-ли любила Гвендолина своего мужа или только удержалась сказать ему, что терпѣть не можетъ, когда за нею ухаживаютъ.

LIX.

Сэръ Гюго Малинджеръ не торопился поѣздкой въ Геную, а Деронда не хотѣлъ ни въ какомъ случаѣ выѣхать оттуда, не повидавшись съ баронетомъ. Не только смерть Грандкорта, но и свиданіе съ матерью дѣлали разговоръ между ними крайне необходимымъ, такъ-какъ Деронда въ письмѣ не могъ написать всѣхъ подробностей. Только на пятый день вечеромъ онъ отправился

встрѣтитъ сара Гюго на станцію желѣзной дороги. Съ улыбкою удовольствія ожидалъ онъ встрѣчи съ своимъ старымъ другомъ, который долженъ былъ находиться въ самомъ счастливомъ настроеніи, оттого, что, за смертью Грандкорта, онъ могъ передать дочерямъ всѣ свои помѣстья.

— Ну, Данъ, сказалъ сэръ Гюго, выходя изъ вагона и горячо пожимая руку молодому человѣку.

Онъ ничего не прибавилъ къ этому лаконическому привѣтствію; отдавъ приказаніе насчетъ багажа, онъ предложилъ Дерондѣ отправиться пѣшкомъ въ отель.

— Я не торопился выѣздомъ, сказалъ онъ по дорогѣ; — я собиралъ кое-какія справки. Но прежде всего: что вдова?

— Гораздо спокойнѣе, отвѣчала Деронда; — она, кажется, отдѣлалась отъ серьезной болѣзни, которой можно было ожидать, какъ результата ея прыжка въ воду и нервнаго напряженія. Ея дядя и мать пріѣхали дня два тому назадъ; за нею теперь прекрасный уходъ.

— Есть надежда на наслѣдника?

— Кажется, нѣтъ; по крайней мѣрѣ, такъ говоритъ м-ръ Гаскойнъ. По его словамъ, еще вопросъ, получитъ-ли она въ жизненное пользованіе всѣ помѣстья Грандкорта.

— Я полагаю, что потеря мужа не слишкомъ огорчила ее, сказалъ сэръ Гюго, пристально смотря на Деронду.

— Неожиданность смерти Грандкорта была для нея ужаснымъ ударомъ, отвѣчала Деронда, ловко парируя нападеніе баронета.

— Я желалъ-бы знать, говорилъ-ли ей Грандкортъ о содержаніи своего завѣщанія? спросилъ сэръ Гюго.

— А вы знаете въ чемъ оно состоитъ? снова отпарировалъ Деронда.

— Да, отвѣчалъ поспѣшно баронетъ; — если Гвендолина не дастъ ему наслѣдника, все состояніе перейдетъ къ сыну, котораго онъ имѣетъ отъ м-съ Глашеръ. Ты, вѣрно, не знаешь этой исторіи. Онъ жилъ съ одной женщиной, какъ съ женою, впродолженіи многихъ лѣтъ; у нихъ три дочери и сынъ, который теперь приметъ имя отца, Генлея Малинджера Грандкорта. Этотъ щенокъ получитъ очень хорошее состояніе, особенно когда кончится черезъ четырнадцать лѣтъ падъ нимъ опека; а красавица-вдова

должна будетъ довольствоваться несчастными двумя тысячами фунтовъ стерлинговъ въ годъ и доможь въ Гадсмирѣ, гдѣ она можетъ прѣблагополучно провести остальную жизнь въ уединеніи, хотя я не полагаю, что она такъ поступитъ. М-съ Глашеръ жила тамъ въ послѣдніе года. Я, конечно, виѣ себя отъ негодованія, и Грандкортъ мнѣ просто противенъ. Я, право, не знаю, почему я долженъ сочувствовать ему и всѣмъ его распоряженіямъ по той одной причинѣ, что онъ утонулъ. Впрочемъ, для меня его смерть приноситъ большія выгоды.

— По моему мнѣнію, онъ дурно поступилъ, жепившись на миссъ Гарлетъ, но правильно поступилъ, оставивъ свои помѣстья сыну, отвѣчалъ Деронда нѣсколько сухо.

— Я ничего не имѣю противъ назначенія наслѣдникомъ этого ребенка, замѣтилъ сэръ Гюго; — но разъ, что онъ женился, онъ обязанъ былъ оставить женѣ приличное состояніе, такъ, чтобъ она могла жить соотвѣтственно ея положенію въ свѣтѣ. Ей слѣдовало-бы оставить четыре или пять тысячъ ф. ст. въ годъ и лондонскій домъ въ пожизненное владѣніе. Вотъ что я сдѣлалъ-бы на его мѣстѣ. Вѣроятно, ея друзья не могли настоять на приличной записи въ ея пользу въ брачномъ контрактѣ, такъ-какъ она не имѣла ничего своего, и понадѣялись на его завѣщаніе. Но самый умный человѣкъ часто пишетъ глупости въ своемъ завѣщаніи; я могу привести въ примѣръ своего отца. Особенно опасно завѣщаніе злого тирана. Очевидно Гранкортъ, хотѣлъ, чтобъ его смерть послужила какимъ-то гасильникомъ для его жены, если она не родитъ сына.

— А въ противномъ случаѣ, подъ гасильникомъ очутилась-бы его незаконная семья? презрительно замѣтилъ Деронда.

— Да, м-съ Глашеръ получила-бы 2,000 ф. ст. и Гадсмиръ-Хуже всего, что онъ меня назначилъ своимъ душеприказчикомъ; но онъ сынъ моего единственнаго брата и я не могу отказаться. Впрочемъ я былъ-бы очень радъ, еслибъ мнѣ удалось оказать ей какую-нибудь помощь. Лучшъ увѣряетъ, что ей давно извѣстно существованіе незаконной семьи мужа и духовнаго завѣщанія. По его словамъ, она не была очень счастлива съ Грандкортъ. Но я полагаю, ты лучше всѣхъ знаешь истину о чувствахъ м-съ Гранкортъ.

Сэръ Гюго задалъ этотъ вопросъ не своимъ обычнымъ насмѣш-

ливый тономъ, а очень серьезно и съ очевиднымъ любопытствомъ, и потому Деронда чувствовалъ невозможность уклониться отъ отвѣта.

— Она, конечно, не была счастлива, отвѣчалъ онъ; — они не сошлись характерами; что-же касается наслѣдства, то, насколько я знаю ее, она будетъ вполне довольна распоряженіями мужа.

— Такъ она не похожа на другихъ женщинъ, отвѣчалъ сэръ Гюго, пожимая плечами; — впрочемъ, она должна быть необыкновенной женщиной и ея гороскопъ, вѣроятно, сходится съ твоимъ. Когда мы получили отъ тебя телеграмму, то леди Малинджеръ тотчасъ воскликнула: „какъ странно, что именно Даніель сообщаетъ это; извѣстіе“. Въ моей жизни былъ также подобный примѣръ. Я случайно узналъ въ одномъ заграничномъ отелѣ, что какой-то мужъ бросилъ свою жену безъ гроша и когда я вызвался помочь ей, то оказалось, что она была стариннымъ предметомъ моей любви. Но въ этотъ отель я явился совершенно по другому дѣлу, точно такъ-же, какъ ты въ Геную, не для свиданія съ Грандкортами.

Наступило молчаніе. Сэръ Гюго началъ разговоръ о Грандкортахъ, какъ менѣе щекотливый для него и для Деронды, но оба они одинаково желали искренно поговорить о томъ, что касалось ихъ взаимныхъ отношеній. Деронда чувствовалъ, что его письмо къ сэру Гюго, послѣ свиданія съ матерью, нисколько не выяснило дѣла и ждалъ, чтобы сэръ Гюго, какъ старшій, первымъ затронулъ этотъ трудный вопросъ.

— Ну, Данъ, что-же ты ничего не говоришь о главной цѣли твоей поѣздки въ Геную? спросилъ наконецъ баронетъ, когда они вышли на морской берегъ, — я надѣюсь, что ты не былъ глубоко опечаленъ всѣмъ, что ты узналъ. Вѣдь въ твоемъ положеніи не произошло въ сущности никакой перемѣны. Ты всегда будешь для меня дорогъ.

— Я долженъ, сэръ, отвѣчать на вашу доброту полной откровенностью, произнесъ Деронда; — многое, что я слышалъ о прошедшемъ, огорчило меня. Мнѣ больно было увидать мою мать въ болѣзненномъ состояніи и немедленно на вѣки съ нею проститься. Но открытіе моего происхожденія нисколько меня не огорчило, а напротивъ, я очень радъ, что всѣ мои сомнѣнія окончены. Что-же касается моей будущности, то одно только не измѣнится, это —

моя благодарность къ вамъ, сэръ, за ваши отеческія попеченія и любовь ко мнѣ. Но тотъ фактъ, что я еврей, можетъ имѣть громадное вліяніе на всю мою жизнь, хотя теперь еще я не могу опредѣлить въ чемъ именно выразится эта перемѣна.

Послѣднія слова Деронда произнесъ съ твердой рѣшимостью. Баронетъ бросилъ на него пронизательный взглядъ и, отвернувшись, продолжалъ идти далѣе. Потомъ, обдумавъ свои слова, онъ сказалъ серьезно:

— Я давно ожидалъ отъ тебя, Данъ, чего-нибудь необыкновеннаго; но ради Бога не пускайся въ эксцентричности. Я уважаю мнѣніе всякаго, кромѣ сумасшедшихъ. Надо относиться къ жизни трезво, а не мелодраматично. Пожалуйста, не истолковывай въ дурную сторону моихъ словъ. Я не думаю, чтобы ты самъ былъ сумасшедшій, но ты готовъ идти рука объ руку съ сумасшедшимъ, особенно если онъ нуждается въ покровительствѣ. Ты всегда сочувствуешь, Данъ, тѣмъ людямъ, въ которыхъ бросаютъ грязью. Я также ихъ сожалею, но предпочитаю держаться отъ нихъ подальше. Впрочемъ, пожалуйста, не стѣсняйся моими взглядами въ бесѣдѣ со мною. Когда ты рѣшишься на что-нибудь и тебѣ понадобятся деньги, знай, что у меня есть твоихъ 16,000 фунт. стерлинговъ, которые накопились помимо полученныхъ тобою процентовъ. Теперь, когда я пріѣхалъ сюда, ты, вѣроятно, тотчасъ отправишься въ Англию?

— Нѣтъ, мнѣ надо прежде заѣхать въ Майнцъ, чтобы получить тамъ шкатулку моего дѣда и повидать его стараго товарища. Я уже и то потерялъ здѣсь много времени послѣ отъѣзда матери, хотя очень радъ, что могъ быть полезенъ и-съ Грандвортъ.

— Да, да, отвѣчалъ сэръ Гюго съ своей обычной веселостью; — я надѣюсь, что ты мертвому еврею не отдашь предпочтенія передъ христіаниномъ.

Деронда вспыхнулъ, но ничего не отвѣчалъ. Въ эту самую минуту они уже подошли къ отелю „Италія“.

ГЛАВА LX.

Явившись въ банкирскій домъ въ Шустеръ-штрассе въ Майнцѣ. Деронда спросилъ Иосифа Калонима и его тотчасъ провели во внутреннюю комнату, гдѣ за столомъ сидѣлъ старикъ съ сѣдой бородой, котораго онъ видѣлъ годъ тому назадъ во франкфуртской синагогѣ. На немъ была та-же старинная поярковая шляпа, а на полу подлѣ него стоялъ уложенный чемоданъ съ пледомъ и пальто, перекинутыми черезъ крышку. Увидавъ Деронду, который еще въ конторѣ подаль письмо княгини, онъ всталъ, но не сдѣлалъ ни шагу къ нему навстрѣчу и не протянулъ руки.

— Вотъ видите-ли, молодой человѣкъ, сказалъ онъ по-нѣмецки, смотря пронизательнымъ взглядомъ своихъ блестящихъ черныхъ глазъ, — теперь вы меня ищете.

— Да, ищу, чтобъ выразить горячую благодарность другу моего дѣда, отвѣчалъ Деронда: — я много обязанъ вамъ за ваши заботы обо мнѣ.

— Такъ вы не сердитесь за то, что вы не англичанинъ? спросилъ Калонимъ, радушно протягивая ему руку.

— Напротивъ, я очень благодаренъ, что вы помогли мнѣ узнать тайну моего происхожденія и сохранили для меня шкапулу дѣда.

— Садитесь, садитесь, сказалъ Калонимъ поспѣшно и, занявъ свое прежнее мѣсто у стола, снялъ шляпу.

Онъ сталъ пристально разсматривать молодого человѣка; Деронда отвѣчалъ на его испытующій взглядъ почтительнымъ молчаніемъ, сознавая съ какимъ-то инстинктивнымъ удовольствіемъ, что этотъ взглядъ соединяетъ его невѣдомымъ электрическимъ токомъ съ дѣдомъ, другомъ котораго былъ этотъ старикъ.

— Боже, Ты былъ многомилостивъ нашимъ предкамъ, многомилостивъ Ты и къ намъ, сказалъ торжественно Калонимъ по-еврейски и потомъ продолжалъ по-нѣмецки: — я очень радъ, молодой человѣкъ, что вы меня застали еще дома, потому, что я сегодня увѣжаю въ далекое путешествіе. Вы мнѣ доставили большое удовольствіе своимъ посвѣщеніемъ. Я вижу въ васъ моего друга. какимъ онъ былъ въ молодости, и меня радуетъ, что вы болѣе

не чуждаетесь своего народа, и не отворачиваетесь съ гордымъ презрѣніемъ отъ человѣка, который призналъ въ васъ еврея. Вы теперь пришли принять съ благодарностью то наслѣдіе, котораго васъ хотѣли лишить обманомъ. Не правда-ли, вы добровольно и отъ всего сердца говорите: „я внукъ Даниеля Каризи.“

— Конечно, отвѣчалъ Деронда, — но позвольте мнѣ васъ увѣрить, что я никогда не обращался презрительно съ евреемъ, только потому, что онъ еврей. Вы сами поймете, что я не могъ сказать чужому человѣку: „я не знаю, кто моя мать!“

— Грѣхъ, великій грѣхъ, произнесъ Калонимъ, закрывая лицо рукою; — это такой-же грабежъ нашего народа, какъ воспитаніе юношества въ былыя времена римскою церковью. Но я возсталъ противъ подобнаго несчастія и спасъ васъ для нашего народа. Мы съ вашимъ дѣдомъ, Даниелемъ Каризи, еще дѣтьми поклялись быть вѣчными друзьями, и хотя послѣднее время мы рѣдко встрѣчались, но связывавшія насъ узы любви не были расторгнуты. Его хотѣли ограбить послѣ смерти, но нельзя было лишить его моей дружбы. Я спасъ то, что онъ цѣнилъ дороже всего на свѣтѣ, и завѣщалъ своему внуку, а теперь я возвращаю ему и этого внука, котораго у него хотѣли отнять. Я сейчасъ отдамъ вамъ шкатулку.

Калонимъ вышелъ въ другую комнату и черезъ минуту возвратился въ сопровожденіи слуги, который несъ шкатулку въ кожаномъ чехлѣ. Она была небольшая, но очень тяжелая отъ массивныхъ, литыхъ бронзовыхъ бляхъ и ручекъ. Деревянная крышка была богато украшена инкрустаціей съ арабскими буквами.

— Вотъ, сказала Калонимъ, — и ключъ съ секретомъ. Я надѣюсь, что вы будете беречь его.

— У меня никогда не было ничего драгоцѣннѣе этого залога столькихъ надеждъ и заботъ, отвѣчалъ Деронда, пряча ключъ въ карманъ; — я буду достойнымъ хранителемъ его и никогда не забуду, что вамъ обязанъ возвращеніемъ этого дорогого для меня залога. Не можете-ли вы передать мнѣ подробныя свѣденія о дѣдѣ или я злоупотребляю вашимъ временемъ?

— Я могу еще немного посидѣть съ вами; черезъ часъ и восемнадцать минутъ я отправлюсь въ Триестъ, сказалъ Калонимъ, смотря на часы; — сейчасъ придутъ мои сыновья и вы позвольте мнѣ познакомить васъ съ ними. Они будутъ очень рады оказать гостепримство внуку моего лучшаго друга. Они живутъ здѣсь въ

богатствѣ и роскоши, но я предпочитаю жизнь вѣчнаго странника.

— Я съ удовольствіемъ познакомлюсь съ ними, но только въ другой разъ, отвѣчалъ Деронда; — мнѣ необходимо ѣхать, какъ можно скорѣе въ Англію, гдѣ друзья, быть можетъ, нуждаются въ моемъ присутствіи. Меня долго задержали на континентѣ непредвидѣнные обстоятельства. Я непременно приѣду въ Майнцъ при первой возможности, чтобъ ближе познакомиться съ вами и вашимъ семействомъ.

— Хорошо, но вы наврядъ-ли найдете меня, такъ-какъ мнѣ за семьдесятъ лѣтъ и я постоянно странствую. Но мои сыновья и внуки живутъ здѣсь въ довольствѣ и дружбѣ. Для нашего народа въ Майнцѣ теперь наступило другое время; насъ уже не рѣжутъ поголовно, какъ въ эпоху огульнаго обращенія въ христіанство. Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ Великій перевелъ изъ Италіи моихъ предковъ для просвѣщенія грубыхъ нѣмецкихъ братьевъ. Впрочемъ, въ моей юности были печальные дни; но мы выдержали борьбу и теперь спокойно наслаждаемъ богатства. Еврейскіе мозги поддерживаютъ нѣмецкое знаніе на достойной высотѣ, но наши ученые и мыслители не всегда сохраняютъ еврейскія сердца... Вы совершенно не знаете, молодой человѣкъ, исторіи нашего народа?

— Нѣтъ, я знакомъ съ нею, отвѣчалъ Деронда; — я въ послѣднее время, не подозрѣвая еще своего происхожденія, случайно изучалъ эту исторію съ большимъ интересомъ, такъ что безъ всякаго намѣренія приготовился къ воспріятію наслѣдія моего дѣда.

— Вы, вѣроятно, были-бы такимъ-же человѣкомъ, какъ вашъ дѣдъ, если-бъ не получили англійскаго воспитанія, произнесъ Калонимъ. — Вы очень похожи на него лицомъ, но у него было болѣе рѣшительное выраженіе. Желѣзная воля просвѣчивала во всѣхъ его чертахъ. У васъ я этого не вижу. Даниэль Каризи обыкновенно говорилъ: „лучше заблуждающаяся воля, чѣмъ нерѣшительная, лучше прямой врагъ, чѣмъ колеблющійся, лучше ложная вѣра, чѣмъ безвѣріе“. Онъ презиралъ болѣе всего на свѣтѣ равнодушіе. Я не могу вамъ передать всѣхъ его доводовъ, но онъ доказывалъ справедливость своего мнѣнія очень краснорѣчиво.

— Однакожь, при всей его рѣшительности, онъ не былъ человѣкомъ невѣжественнымъ? сказалъ Деронда, намекая на обычное оправданіе нерѣшительности многостороннимъ знаніемъ.

— Онъ невѣжда? Нѣтъ, отвѣчалъ съ презрительной улыбкой Калонимъ. — Съ дѣтства онъ всасывалъ въ себя знаніе, какъ растеніе дождевую влагу. Специально-же онъ занимался медициной и теоріями о жизни и здоровьѣ человѣка. Онъ путешествовалъ по различнымъ странамъ и многое видѣлъ и изслѣдовалъ лично. Онъ главнымъ образомъ утверждалъ, что сила и богатство людей зависѣли отъ равновѣсія принциповъ индивидуальности и общности; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пламенно возставалъ противъ нашихъ соотечественниковъ, теряющихся въ массѣ язычниковъ. Въ немъ соединялись всякаго рода знанія и онъ напоминалъ собою арабскихъ писателей золотой эры. Мы занимались съ нимъ вмѣстѣ, но онъ всегда уходилъ гораздо далѣе меня. Хотя мы были закадычные друзья и онъ изливалъ передо мною свою душу, но между нами была огромная разница: онъ мыслилъ самостоятельно, а я заимствовалъ его мысли. Мы оба были ревностные евреи, но онъ постоянно думалъ о будущности нашего народа, а я довольствовался тѣмъ, что нашему народу наконецъ предоставлена свобода. Я съ молодости любилъ странствовать и наблюдать. Для меня самое большое удовольствіе лежать на палубѣ парохода и смотрѣть на звѣзды. Его-же никакія зрѣлища не соблазняли; онъ все думалъ о прошедшемъ и будущемъ нашей расы. Мы любили другъ друга и я очень радъ, что могъ исполнить подъ старость обязанность, налагаемую на меня этой дружбой.

Калонимъ всталъ и Деронда послѣдовалъ по примѣру.

— Оставаясь его преданнымъ другомъ, вы вмѣстѣ съ тѣмъ не позволили лишиться меня моего наслѣдія, сказалъ Деронда, — еще разъ, благодарю васъ отъ всего сердца.

— Будьте достойнымъ его внукомъ, молодой человѣкъ. Какая ваша специальность?

Этотъ неожиданный вопросъ привелъ въ смущеніе Деронду, который считалъ безсовѣстнымъ сослаться на свою адвокатскую подготовку.

— У меня нѣтъ еще специальности.

— Вамъ надо на чемъ-нибудь остановиться. Еврей долженъ

быть дѣятеленъ и трудолюбивъ. Вы назовете себя евреемъ и будете исповѣдовать вѣру вашихъ отцевъ?

Произнеся эти слова, Калонимъ положилъ руку на плечо Деронды и впился въ него своими зоркими глазами.

— Я буду называть себя евреемъ, сказалъ Деронда, нѣсколько поблѣднѣвъ, — но я не могу исповѣдовать именно ту вѣру, которой держались отцы. Даже они измѣняли горизонтъ своей вѣры и учились многому у другихъ народовъ. Но, полагаю, что я могу держаться принципа моего дѣда о соединеніи индивидуальности съ общественностью. Я чувствую, что выше всего для меня долгъ къ нашему народу, и если можно чѣмъ-нибудь возстановить и улучшить общую жизнь моихъ соотечественниковъ, то я посвящу этой задачѣ всю свою жизнь.

— Вы разсуждаете и смотрите въ будущее; вы настоящій внукъ Даніеля Каризи, сказалъ Калонимъ и благословилъ по-еврейски молодого человѣка.

Они разстались и когда Деронда достигъ Лондона, то старикъ Калонимъ снова предавался любимому лицезрѣнію звѣздъ на безоблачномъ небѣ востока.

ГЛАВА LXI.

Извѣстіе о смерти Грандкорта произвело сильное впечатлѣніе и въ другомъ домѣ, кромѣ пасторскаго дома въ Пеннеотѣ, и поразило другое сердце, кромѣ сердца Рекса Гаскойна.

Гансъ Мейрикъ постоянно носилъ „Times“ матери, которая очень любила читать газеты, начиная отъ передовой политической статьи до объявленій о свадьбахъ. Послѣднія приносили ей особое удовольствіе, такъ-какъ она этимъ путемъ узнавала конецъ всѣхъ свѣтскихъ романовъ, не имѣя времени узнавать начало ихъ. Особенно акуратно Гансъ приносилъ газету по четвергамъ, когда Мира давала Мабъ уроекъ пѣнія. Въ одинъ изъ такихъ четверговъ, онъ, какъ всегда, тихо вошелъ въ домъ, отперевъ дверь своимъ ключемъ, но, появившись въ гостиной, сталъ такъ громко шелестить газетой, что музыка и пѣніе мгновенно прекратились.

— О, Гансъ, воскликнула Мабъ; — зачѣмъ ты поднимаешь еще худшія шумъ, чѣмъ мое пѣніе!

— Какія удивительныя извѣстія ты принесъ? спросила м-съ Мейрикъ; — не отдають-ли австрійцы Венецію?

— Да, извѣстіе изъ Италіи, но не объ этомъ, отвѣчалъ Гансъ, многозначительнымъ тономъ.

— Надѣюсь, не случилось ничего дурного, сказала м-съ Мейрикъ, съ безпокойствомъ подумавъ о Дерондѣ.

Та-же мысль блеснула въ головѣ Миры, причеиъ сердце ея дрогнуло.

— Нѣтъ, ничего дурного не случилось, по крайней мѣрѣ, для нашихъ друзей, отвѣчалъ поспѣшно Гансъ; — напротивъ, судьба улыбнулась кое-кому. Я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь умеръ такъ кстати.

— О, Гансъ, восеклинула Маъ съ нетерпѣніемъ, — скажи-же, что случилось?

— Герцогъ Альфонсо потонулъ, а герцогиня жива, произнесъ Гансъ, подавая газету м-съ Мейрикъ и указывая на одинъ изъ столбцовъ, — главное, Деронда былъ въ то время въ Генуѣ и видѣлъ, какъ ее вынесли на берегъ рыбаки. Повидимому, она бросилась въ воду вслѣдъ за мужемъ; но, признаюсь, я никогда не ожидалъ-бы подобнаго неблагоразумнаго поступка со стороны герцогини. Какъ-бы то ни было, Деронда очень ловко подвернулся, чтобы ухаживать за нею.

Мира молча опустила на стулъ, поникнувъ головой.

— Бѣдная, промолвила м-съ Мейрикъ, передавая газету Маъ; — она, должно быть, очень любила мужа, если рѣшилась броситься за нимъ въ море.

— Она это сдѣлала по ошибкѣ, произнесъ Гансъ съ лукавой улыбкой: — какая женщина можетъ любить лѣвиваго баритона съ леденящимъ взоромъ, вѣчно поющаго не въ тактъ? Повѣрьте мнѣ, мужъ игралъ именно такую роль. Онъ не могъ придумать ничего лучшаго, какъ утонуть. Герцогиня теперь свободна и можетъ выдти замужъ за человѣка, взгляды котораго могутъ воспламенить, а не заморозить женщину. Я буду приглашенъ на ихъ свадьбу.

— М-ръ Гансъ, вы не должны такъ говорить! восеклинула Мира, вскакивая со стула, гнѣвно сверкая глазами и говоря дрожащимъ отъ негодованія голосомъ; — м-ръ Деронда, конечно, не желаетъ, чтобы вы такъ выразались о немъ. Зачѣиъ вы говорите, что судьба ему улыбнулась? Зачѣиъ вы такъ легко отзыиваете

тешь о смерти? Почему вы знаете, что онъ будетъ счастливъ, женившись на м-съ Грандкортъ? Это, быть можетъ, послужило-бы къ его несчастью. Во всякомъ случаѣ, она отвлекла-бы его отъ моего брата, но едва-ли-бы м-ръ Деронда счелъ для себя счастиемъ растерзать сердце бѣднаго брата.

Всѣ присутствующіе были поражены переменной, происшедшей въ ней. Мира страшно поблѣднѣла, такъ что даже ея губы, обыкновенно темно-малиновыя, поблекли и все ея лицо дышало гнѣвомъ.

— Я дуракъ и невѣжа, произнесъ Гансъ, краснѣя и говоря съ нервной дрожью въ голосъ; — я пойду и повѣшусь, какъ Іуда, если можно здѣсь произносить его имя.

Даже въ самыя грустныя минуты Гансъ не могъ удержаться отъ шутки. Но гнѣвъ Мира не утихъ. Она молча сѣла за фортепіано и поставила передъ собою ноты, точно хотѣла продолжать урокъ.

— Мира справедливо тебя бранить, Гансъ, сказала Мабъ; — ты всегда произносишь имя м-ра Деронды всуе. Какъ тебѣ не стыдно шутить насчетъ его женитьбы на м-съ Грандкортъ!

— Будемте продолжать, Мабъ, сказала Мира необычайно рѣзкимъ для нея тономъ; — спойте еще разъ ту-же арію или, хотите, я вамъ ее спою?

— Пожалуйста спойте! воскликнула Мабъ.

Мира пропѣла „Lascia ch'io pianga“ съ особенной энергіей и задушевностью. Окончивъ послѣднюю ноту, она встала и поспѣшно сказала:

— Мнѣ надо идти домой: Эзра ждетъ меня.

Она молча протянула руку м-съ Мейрику, вмѣсто того, чтобы поцѣловать ее, какъ всегда, но добрая женщина притянула къ себѣ прелестную головку Мира и сказала тономъ нѣжнаго участія:

— Да благословить васъ Богъ, дитя мое!

Мира чувствовала, что она огорчила м-съ Мейрикъ рѣзкой выходкой противъ Ганса, и сожалѣла, что выказала такую черную неблагодарность.

Гансъ, не говоря ни слова, взялъ свою шляпу и подошелъ къ дверямъ.

— Ты-бы, Гансъ, лучше не провожалъ сегодня Миру, сказала Мабъ; — ей, вѣроятно, будетъ неприятно твое присутствіе.

— Я только посмотрю, чтобы ничего с нею не случилось, отвѣчалъ Гансъ очень смиренно.

Мира ничего не отвѣчала и они молча пошли по улицѣ. Она не рѣшалась первая заговорить, чувствуя, что, быть можетъ, слишкомъ рѣзко отвѣтила Гансу, но не могла взять своихъ словъ назадъ. Къ тому-же въ ней происходила борьба разнородныхъ мыслей и чувствъ.

Гансъ, съ своей стороны, былъ также погруженъ въ серьезную думу. Гнѣвъ Миры возбудилъ въ его головѣ новую мысль и онъ называлъ себя дуракомъ, что прежде не попалъ на нее. Онъ съ безпокойствомъ спрашивалъ себя, не занималъ-ли Деронда въ сердцѣ Миры болѣе мѣста, чѣмъ подобало благодѣтелю. Къ чести Ганса надо сказать, что это безпокойство было не эгонстичное; онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что Деронда и м-съ Грандкортъ любили другъ друга. Это мнѣніе подтверждали не только его собственныя наблюденія, но и рассказы Анны Гаскойнъ его сестрамъ. Что-же касается неодобренія Дерондой его любви къ Мирѣ, Гансъ объяснялъ себѣ это безкорыстной заботой Деронды о молодой дѣвушкѣ, находившейся въ зависимости отъ Мейриковъ. Наконецъ, увѣряя, что Мира никогда не выйдетъ замужъ иначе, какъ за еврея, Деронда исключилъ и себя изъ числа ея жениховъ, такъ-какъ Гансъ раздѣлялъ общее мнѣніе, что Деронда былъ сынъ сэра Гюго Малинджера.

Такимъ образомъ, онъ былъ спокоенъ насчетъ Деронды и очень обрадовался извѣстію о смерти Грандкорты, дѣлавшей возможнымъ бракъ его друга съ прелестной вдовой; но неожиданное обнаруженіе Мирой ея пламенныхъ чувствъ къ Дерондѣ наполнило его сердце грустью, столько-же за себя, сколько и за нее. Впрочемъ, онъ былъ-бы гораздо несчастнѣе, если-бъ думалъ, что Деронда цѣнитъ нѣжныя чувства къ Мирѣ, такъ-какъ вообще намъ легче переносить свое горе, если и предметъ нашей страсти также несчастливъ въ своей любви. Во всякомъ случаѣ, въ сердцѣ Ганса боролись два чувства: злоба на Деронду за то, что по его винѣ страдала Мира, и благодарность къ нему за его любовь къ другой женщинѣ. Онъ не могъ прямо выразить Мирѣ, что понялъ ея вспышку, но старался придать своему безмолвію характеръ нѣжной симпатіи.

Наконецъ они достигли дома Миры и Гансъ, протянувъ руку, сказали тономъ искренняго раскаянія:

— Прощайте!

— А развѣ вы не зайдете къ брату? спросила Мира грустнымъ, но мягкимъ голосомъ.

— Если позволите, отвѣчалъ онъ, принимая это приглашеніе за доказательство, что Мира его прощаетъ.

Его горе мгновенно исчезло и въ головѣ его тотчасъ составился романъ, въ концѣ котораго онъ, цѣною долгой преданности, наконецъ приобрѣталъ любовь Миры.

Они нашли Мардохея въ радостномъ настроеніи духа; онъ держалъ въ рукахъ письмо и глаза его сверкали торжествомъ. Послѣ первыхъ привѣтствій Мира обняла брата и бросила любопытный взглядъ на письмо, не рѣшаясь, однакожь, спросить, отъ кого оно.

— Это письмо отъ Даниеля Деронды, сказала Мардохей;— оно очень коротенькое; онъ пишетъ, что надѣется скоро вернуться. Его задержали непредвидѣнные обстоятельства. Надежда увидѣть его для меня лучъ свѣта среди окружающаго мрака. И вы также, прибавилъ онъ обращаясь къ Гансу, — должны быть рады его возвращенію. Такого второго друга, никогда не наживешь.

Между тѣмъ, Мира ушла въ свою комнату, заперла за собою дверь и сѣла на диванъ, закрывъ лицо руками; потомъ она встала, облила голову водою, промыла глаза и, отеревъ лицо полотенцемъ, снова опустилась на диванъ и тяжело вздохнула. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ она сидѣла неподвижно, погруженная въ глубокую думу; наконецъ, медленно поднялась и пошла внизъ дѣлать чай.

Мира сознавала, что спокойные, счастливые дни ея новаго существованія окончились на всегда и знакомое ей по прошедшей жизни горе снова вернулось послѣ краткаго отдыха. Это ее не удивило. Она такъ привыкла переносить страданія, что сразу повѣрила Гансу, хотя онъ ничѣмъ не доказывалъ своихъ словъ. Она давно уже угадывала любовь Деронды къ м-съ Грандборгъ и не могла осуждать его за это. Обстоятельства такъ сложились, что онъ былъ связанъ тѣсными узами съ женщиной, принадлежавшей другому свѣту и казавшейся не только совершенно чуждой Мирѣ и ея брату, но и самому Дерондѣ. Главнымъ образомъ ее безо-

коило вліяніе, которое произведеть на Эздру это событіе; она не знала настоящихъ отношеній между Дерондой и ея братомъ, но понимала, что бракъ Деронды съ м-съ Грандвортъ вполне разъединитъ его съ Эздрой. Этимъ опасеніемъ за брата она сперва объясняла свое отвращеніе къ м-съ Грандвортъ, но вскорѣ должна была сознать въ глубинѣ своего сердца, что оно нисколько не уменьшилось-бы, еслибъ Эдра былъ вполне обезпеченъ.

— То, что я такъ часто изображала пѣніемъ и игрою, наконецъ, клокочетъ въ моей душѣ, прямо и безпристрастно говорила Мира:— я люблю и ревную.

Но какое дѣло было другимъ до ея чувствъ? Онѣ должны были остаться на-вѣки скрытыми, какъ нѣбогда ея любовь и преданность къ матери. Но эти новыя чувства не походили на прежнія. Она теперь невольно краснѣла за то, что ощущало ея сердце; безграничная благодарность къ своему избавителю, которую она нѣбогда выражала съ радостью, теперь, къ ея величайшему стыду, превратилась въ бессмысленную жажду быть чѣмъ-нибудь для чело-вѣка, которому она была много обязана, и въ ненависть къ женщинѣ, обладавшей тѣмъ, чего она жаждала. Хотя она никогда не воображала, что Деронда могъ любить ее, но образъ м-съ Грандвортъ, увлекавшій его все далѣе и далѣе отъ нея, наполнял ея сердце еще незнакомой ей злобой.

„Я все переносила, думала она, ложась въ этотъ день спать,— но теперь я чувствую, что мое настоящее мученіе сильнѣе всѣхъ прежнихъ моихъ страданій. Я никогда еще не питала злобы“.

Къ этому печальному заключенію она пришла послѣ длиннаго разговора съ братомъ, который, радуясь скорому возвращенію своего друга, между прочимъ сказалъ:

— Я совѣщаю въ своемъ сердцѣ будущность другого чело-вѣка, которую я самъ никогда не увижу; но я сознаю эту будущность и люблю ее; я готовъ сжечь свою жизнь на кострѣ, чтобы изъ моего пепла возникла другая жизнь, въ которой сосредоточена вся моя любовь. Ты понимаешь меня, Мира?

— Немного, отвѣчала едва слышно Мира,— но, мой умъ слишкомъ мелокъ, чтобъ питать подобное чувство.

— Однакожъ, продолжалъ Мардохей,— женщины созданы для любви, которая въ самоотверженіи находитъ свое высшее проявленіе. Въ нашихъ священныхъ книгахъ говорится объ одной ев-

рейской дѣвѣ, которая до того любила одного языческаго царя. что проникла въ темницу и заняла мѣсто приговоренной къ смерти женщины, которую любилъ царь и такимъ образомъ, освободивъ ее, сама умерла на плахѣ и доставила любимому человѣку счастье съ своей соперницей. Вотъ высшая любовь, которая не останавливается ни передъ какой жертвой.

— Нѣтъ, Эзра! нѣтъ! воскликнула Мира съ жаромъ; — она такъ поступила только для того, чтобъ послѣ ея смерти царь узналъ, кто изъ нихъ двухъ лучше, кто любилъ его болѣе, она или ея счастливая соперница? Она умерла изъ желанія побѣдить соперницу, хотя-бы своею смертию.

— Ты, можетъ быть, права, Мира, отвѣчалъ Мардохей, — но представь, что она такъ дѣйствовала въ полномъ убѣжденіи, что царь никогда не узнаетъ объ ея поступкѣ.

— Только ты такъ истолковываешь эту исторію. У тебя великая душа и ты вездѣ видишь возвышенные поступки; но дѣло было не такъ. Я увѣрена, что эта еврейская дѣва терзалась ревностью и хотѣла во что-бы то ни стало занять первое мѣсто въ сердцѣ царя. Для этого она не пожалѣла и своей жизни.

— Ты, сестра, читала слишкомъ много театральныхъ пьесъ, въ которыхъ человѣческія страсти изображаются олицетворенными демонами. Ты судишь по этимъ пьесамъ, а не по влеченію твоего сердца, которое такъ-же хорошо и возвышенно, какъ сердце нашей матери.

Мира ничего не отвѣчала.

ГЛАВА LXII.

Страхъ встрѣтить отца, въ послѣднее время постоянно преслѣдовавшій Миру, еще болѣе усилился теперь, когда надъ ея головою разразилось первое горе въ ея новомъ, счастливомъ положеніи. Она была увѣрена, что старая, горькая судьба отыскала ее и уже не выпуститъ изъ своихъ когтей.

Однажды, возвращаясь домой съ утренняго благотворительнаго концерта въ знатномъ домѣ, куда ее рекомендовалъ Клесмеръ, Мира услышала, что за нею кто-то идетъ торопливыми шагами. Она была одѣта просто, въ черномъ, шелковомъ платьѣ и въ темномъ, легкомъ бурнусѣ, такъ-что не могла обратить на себя

вниманіе уличныхъ ловеласовъ; эта мысль даже ей не вошла и въ голову, но она тотчасъ подумала, не преслѣдуетъ-ли ее отецъ. Ей было страшно обернуться и она рѣшилась выждать, пока онъ самъ остановитъ ее, если ужъ это было неизбежно. Она продолжала идти своимъ обычнымъ шагомъ; не къ чему было ей торопиться, такъ-какъ убѣжать отъ судьбы она не могла. Передъ ея глазами носилась картина предстоявшей встрѣчи, какъ-будто она была совершенно увѣрена въ томъ, что за ней идетъ отецъ. Опасаясь, чтобы его неожиданное появленіе не произвело слишкомъ сильнаго впечатлѣнія на брата, она сказала себѣ, что, не доходя до дома, обернется и сама вызоветъ отца на объясненіе. Но прежде, чѣмъ она исполнила это намѣреніе, при самомъ входѣ въ улицу, гдѣ она жила съ братомъ, она почувствовала, что кто-то схватилъ ее за руку и произнесъ:

— Мира!

Она остановилась, но не вздрогнула; она ожидала услышать этотъ голосъ и встрѣтить этотъ взглядъ. Она взглянула на отца твердо, торжественно, точно передъ нею стоялъ палачъ. Онъ-же смотрѣлъ на нее съ заискивающей улыбкой. Его лицо, нѣкогда красивое, теперь пожелтѣло и покрылось морщинами. Его подвижная, поворотливая фигура придавала ему странный, комичный видъ, тѣмъ болѣе, что ему было пятьдесятъ семь лѣтъ. Одежда на немъ была поношенная и вообще вся его наружность не внушала къ нему никакого уваженія. Горе, сожалѣніе, стыдъ и отвращеніе зашевелились въ сердцѣ Мира.

— Это вы, батюшка? сказала она грустнымъ, дрожащимъ голосомъ.

— Зачѣмъ ты бѣжала отъ меня? началъ онъ поспѣшно, сопровождая свою рѣчь жестикуляціей; — чего ты боялась? Ты знаешь, что я никогда не принуждалъ тебя ни къ чему тебѣ противному. Для твоей-же пользы я нарушилъ твой контрактъ съ вѣнскимъ театромъ, а ты, въ благодарность за всѣ мои заботы, бросила меня. Я заключилъ контрактъ для тебя на гораздо лучшихъ условіяхъ съ дрезденскимъ театромъ и не сказалъ тебѣ объ этомъ ни слова, желая сдѣлать тебѣ сюрпризъ. Покинутый тобою, я долженъ былъ поплатиться за нарушеніе контракта. Тяжелое было тогда для меня время. Между тѣмъ, можетъ быть, ни одинъ отецъ не заботился такъ о своей дочери, какъ я. Ты знаешь, что

я всёми пожертвовалъ, чтобъ дать тебѣ блестящее воспитаніе и терпѣливо снесъ тяжелое разочарованіе насчетъ твоего голоса. Ты всёми была обязана мнѣ и чѣмъ-же ты меня вознаградила? Когда я постарѣлъ, ослабъ и долженъ былъ рассчитывать на чужую помощь, ты меня покинула, не заботясь о томъ, буду-ли я живъ или умру съ голоду.

Лапидотъ умолкъ не отъ израсходованія громкихъ фразъ, а потому, что онъ достигъ патетическаго момента и, заливаясь слезами, какъ женщина, сталъ отирать глаза платкомъ. Онъ искренно считалъ, что дочь дурно съ нимъ поступила, ибо онъ принадлежалъ къ тому числу безсовѣстныхъ людей, которые только признаютъ обязанности другихъ въ отношеніи къ себѣ, а за собою не знаютъ никакого долга. Несмотря на его слезы, Мира имѣла довольно силы, чтобъ твердо ему отвѣтить. Она даже впервые разъ позволила себѣ обратиться къ нему съ прямымъ обвиненіемъ.

— Вы знаете, бабушка, зачѣмъ я васъ покинула. Я имѣла право сомнѣваться въ васъ, потому что вы обманули мать. Если-бъ я могла вамъ вѣрить, то никогда-бы-васъ не оставила и съ удовольствіемъ работала-бы для вашего пропитанія.

— Я никогда не хотѣлъ обмануть твоей матери, Мира, продолжалъ Лапидотъ, пряча платокъ, но все-же по временамъ всхлипывая;—я намѣревался вернуться къ ней вмѣстѣ съ тобой, но обстоятельства помѣшали мнѣ, а потомъ я получилъ извѣстіе объ ея смерти. У меня оставалась одна ты и для твоего блага я не могъ возвратиться въ Англію. Твой братъ былъ въ состояніи самъ существовать безъ посторонней помощи. Я узналъ о смерти твоей матери отъ одного пріятели и послалъ ему денегъ на расходы. Конечно, прибавилъ Лапидотъ на всякій случай, — онъ могъ написать мнѣ ложь съ цѣлью выманить у меня деньги.

Мира ничего не отвѣчала. Она не могла рѣшиться произнести: „я вамъ не вѣрю“, а другого нечего было сказать. Она молча пошла впередъ и онъ послѣдовалъ за нею. Они представляли поразительный контрастъ, который заставлялъ прохожихъ невольно оборачиваться. Странно было видѣть прелестную молодую дѣвушку, серомно, но хорошо одѣтую, въ обществѣ оборваннаго иностранца съ сѣдыми кудрями, торопливой походкой и сомнительнымъ выраженіемъ лица.

— Ты, кажется, процвѣтаешь, Мира? Ты, я вижу, ни въ чемъ не нуждаешься, сказала, наконецъ, Лапидотъ, пристально смотря на нее.

— Добрые друзья нашли меня въ горѣ и доставили мнѣ работу, отвѣчала Мира, едва сознавая, что она говорила, такъ всецѣло она была поглощена мыслью о томъ, что ей предстояло еще сказать:— я даю уроки и пою въ частныхъ домахъ. Я только-что участвовала въ благотворительномъ концертѣ. У меня есть очень добрые друзья и они знаютъ всю мою исторію.

— И тебѣ было-бы стыдно, если-бы они увидѣли твоего отца? Это совершенно естественное чувство. Я пріѣхала въ Англію, только для того, чтобъ тебя отыскать. Я могъ остаться въ Германіи совершенно свободно и жилъ-бы, припѣваючи, но родительское сердце билось во мнѣ. Я думалъ, что моя маленькая Мира раскается, что бросила меня. Тяжело мнѣ существовать здѣсь. Мои таланты не цѣнятся въ этой странѣ и въ такой одеждѣ трудно найти хорошее мѣсто. Мнѣ уже приходилось приниматься а низкую работу, чтобъ получить хоть шиллингъ.

Мира съ безпокойствомъ подумала, что если она не поможетъ отцу, то онъ падетъ еще ниже, но прежде, чѣмъ она успѣла отвѣчать, онъ поспѣшно спросилъ:

— Гдѣ ты живешь, Мира?

— Недалеко отсюда.

— Въ меблированныхъ комнатахъ?

— Да.

— Ты живешь съ кѣмъ-нибудь?

— Да, отвѣчала Мира, смотря ему прямо въ глаза, — съ братомъ.

Во взглядѣ старика блеснула точно молнія. Но черезъ минуту онъ пожалъ плечами и провзнесъ:

— Съ Эздрой? Гдѣ ты его нашла?

— Это слишкомъ долго вамъ рассказывать. Вотъ нашъ дождь. Братъ никогда не простилъ-бы мнѣ, если-бы я отказала вамъ въ гостепріимствѣ.

Въ эту минуту Мира стояла на подъѣздѣ и пристально смотрѣла на отца, который остановился на тротуарѣ. Сердце ея тревожно билось при мысли, что произойдетъ при свиданіи отца съ

Эздрой и въ то-же время ей было жаль этого несчастнаго чело-вѣка.

— Подожди минутку, *liebschen*, сказалъ Лапидотъ, понижая голосъ, — какимъ чело-вѣкомъ сталъ Эзра?

— Добрымъ, удивительнымъ! воскликнула Мира въ волненіи, чувствуя необходимость подготовить отца къ тому, что его ожидало; — Эзра былъ бѣднымъ работникомъ, когда его нашли мои друзья. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, онъ былъ счастли-вый, цвѣтушій силами и здоровьемъ чело-вѣкъ; онъ отправился на Востокъ, куда его влекли всѣ стремленія его души; но мать вызвала его потому что... потому что она лишилась меня. Онъ отправился къ ней и окружалъ ее попеченіями пока она не умерла. Отъ тяжелой работы и простуды во время путешествія Эзра потерялъ свое здоровье. Годъ отъ году онъ становился все слабѣе и слабѣе, хотя продолжалъ работать. Онъ обладаетъ множествомъ знаній и возвышенныхъ идей; всѣ его глубоко уважаютъ. Рядомъ съ нимъ чувствуешь себя въ присутствіи пророка, прибавила Мира съ трудомъ провознося роковыя слова, — передъ нимъ бесполезно лгать.

Она опустила глаза, чтобы не видать заискивающаго, подобо-страстнаго взгляда отца

— *Liebschen*, отвѣчалъ онъ нѣжнымъ, ласкающимъ тономъ, — неужели тебѣ все равно, что сынъ меня увидитъ въ такихъ лох-мотьяхъ? Если-бъ у меня была небольшая сумма денегъ, то я одѣлся-бы прилично, походилъ-бы на вашего отца и могъ-бы найти себѣ приличное мѣсто. Въ чистомъ бѣльѣ и во фракѣ я могъ-бы поступить въ курьеры, а теперь меня принимаютъ за ни-щаго гаера. Я желалъ-бы жить съ моими дѣтьми, забыть прош-лое и простить всѣмъ. Если-бъ ты мнѣ дала десять фунтовъ стер-линговъ или принесла-бы мнѣ ихъ завтра, я черезъ два дня явился-бы къ вамъ въ приличномъ видѣ, какъ подобаетъ отцу такихъ дѣтей, какъ вы.

Мира чувствовала, что она не должна поддаться соблазну и рѣшительно отвѣчала:

— Мнѣ больно вамъ отказать, батюшка, но я общала не имѣть съ вами никакихъ тайнъ. Мнѣ тяжело видѣть васъ въ ни-щетѣ, но потеряйте немного. пойдите къ брату и мы вамъ все устроимъ.

Въ эту минуту она не могла не признать, какъ благоразумна была и-съ Мейрикъ, взявъ съ нее слово ничего не предпринимать въ отношенія отца безъ вѣдома своихъ друзей.

— Ты практическая молодая особа, сказала Лапидоть съ прерывательной улыбкой;—ты даешь обѣщанія не помогать отцу, который пожертвовалъ всей своей жизнью для тебя. Ты ходишь въ шелковыхъ платьяхъ, а для него жалѣешь нѣсколькихъ фунтовъ.

— Я знаю, что кажусь очень жестокой, отвѣчала Мира, чувствуя, что ей въ эту минуту тяжело, чѣмъ было въ то время, когда она хотѣла броситься въ рѣку;—но еще жестокосердиѣ обманывать людей, которые вамъ вѣрятъ. Отъ этого разбилось сердце матери, отъ этого умираетъ и Эзра. Мы должны нести грустные послѣдствія нашихъ поступковъ. Покоритесь своей судьбѣ: войдите, какъ вы есть, къ брату и мы сдѣлаемъ для васъ все, что можемъ.

— Хорошо, я приду завтра, отвѣчалъ Лапидоть, отворачиваясь отъ своей блѣдной, дрожащей отъ волненія дочери, но черезъ минуту, онъ снова обернулся и прибавилъ тономъ унижительной просьбы: — я разстроенъ этой встрѣчей, Мира. Позволь мнѣ немного оправиться. Но, если у тебя есть деньги въ карманѣ, одолжи мнѣ что-нибудь, на покупку сигаръ. Я надѣюсь, этииъ ты не нарушишь своего обѣщанія.

Мира, не разсуждая, опустила руку въ карманъ и подала отцу свой портмоне. Лапидоть поспѣшно схватилъ его и удалился почти бѣгомъ, повторяя:

— Прощай, дитя мое! до завтра.

Завернувъ за уголъ сосѣдней улицы, Лапидоть остановился и раскрылъ портмоне. Тамъ оказалось: двѣ золотыхъ и нѣсколько серебряныхъ монетъ и приклеенная къ крышкѣ маленькая записка, въ которой Эзра написалъ по еврейски, имя матери, день ея рожденія, свадьбы и смерти, а также ея слова „да избавитъ Богъ Миру отъ всякаго зла“. Лапидоть прочелъ эти строки и его воображеніе унесло его къ тому отдаленному дню, когда онъ, красивый, честный юноша, снискивающій себѣ пропитаніе прекраснымъ почеркомъ, обвинчался съ прелестной горячо-любящей Саррой. Однакожь онъ вспоминалъ объ этомъ счастливомъ времени совершенно хладнокровно, подобно человѣку, который, потерявъ осязаніе, дотрагивается до какого-нибудь предмета. Это воспомни-

наніе только блеснуло въ его головѣ и тотчасъ замѣнилось мыслью о томъ, сколько онъ можетъ выручить изъ продажи хорошенкаго портмоне. Потому онъ сталъ размышлять, какими средствами выманить еще денегъ отъ дочери, не подвергая себя унижительному покаянiю и скучной жизни подъ покровительствомъ сына.

Между тѣмъ Мира вернулась домой сильно взволнованная. Она застала брата за чтенiемъ старыхъ рукописей, которыя онъ хотѣлъ передать Дерондѣ. Она бросилась передъ нимъ на колѣни и, схвативъ его за руки, воскликнула со слезами:

— Эзра! Эзра!

Онъ взглянулъ на нее съ испугомъ и никакъ не могъ понять причины ея неожиданной и столь необычной вспышки отчаянiя. Однакожь, онъ не промолвилъ ни слова.

— Отецъ! сказала она сквозь слезы,—отецъ остановилъ меня. Я хотѣла его привести сюда. Сказала, что ты его примешь. Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, я приду завтра“. Онъ попросилъ у меня денегъ. Я отдала ему свой портмоне и онъ ушелъ.

Эзра ожидалъ чего-то худшаго. Замѣтно успокоенный, онъ отвѣчалъ вѣжливымъ тономъ:

— Не тревожься, Мира, и расскажи мнѣ все по порядку.

Она передала весь разговоръ съ отцомъ.

— Онъ завтра не придетъ, сказалъ Эзра.

Ни одинъ изъ нихъ не высказалъ своего тайнаго убѣжденiя, что Лапидотъ будетъ, конечно, подстерегать на улицахъ Миру и выпрашивать у нея денегъ.

Окончаніе въ слѣдующ. книжкѣ.

ГАЛИЦІЙСКІЯ ПОВѢСТИ

ЗАХЕРЪ-МАЗОХА.

II.

Крестыанскій судъ.

I.

Августъ этого года былъ чрезвычайно дождливъ; бури свирѣпствовали, какъ въ ноябрѣ. Вѣтеръ дулъ не переставая; въ его жалобномъ воѣ слышалось то рыданіе ребенка, то печальный визгъ щенка, потерявшаго свою мать, то торжественно-монотонное, раздражительное причитанье нашихъ крестьянокъ по умершемъ, послѣ погребенья, на поминаньи, когда бутылка съ водкой благочестиво передается изъ рукъ въ руки. Порою этотъ жалобный вой смѣнялся рѣзкимъ трубнымъ звукомъ: „видно настало свѣтопреставленіе! набожно крестились старухи, — вотъ сейчасъ земля развернется и мертвые выйдутъ изъ своихъ гробовъ“. Вѣтеръ срывалъ солому съ кровель, пригибалъ къ землѣ еще не сжатый хлѣбъ, при чемъ спѣлые колосья высыпались, гнулъ деревья; въ глѣсу стоялъ стонъ отъ него; онъ разметывалъ стога съ сѣномъ... Все живое и дышащее обратилось въ бѣгство. Усѣвшись на жерди въ хлѣву, прижимаясь другъ къ другу, куры уткнули головы подъ крылья; наша сторожевая собака забила въ конуру, презрительно выставивъ свою спину подъ удары бури; воробьи воспользовались каждой впадиной, въ которой можно было хоть нѣсколько укрыться отъ вѣтра; они нахохлились и присмирѣли,

не слышалось болѣе ихъ неугомоннаго чирканья. Уцѣпившись на краешкѣ своего гнѣзда, весело щебетала ласточка, точно она хотѣла ободрить своихъ птенцовъ и въ тоже время прикрыть ихъ своимъ тѣломъ. На ступеняхъ лѣстницы сидѣлъ, скорчившись, цыганъ, плотно закутанный въ плащъ съ капюшономъ изъ верблюжьей шерсти. Въ буфетной жужжала прялка старой Евки, а кучеръ — съ давняго времени усердно занимающійся астрономіей по выходѣ изъ кабака, и поэтому самому слявущій знахаремъ въ деревнѣ, — и два лакея играли салынными картами въ три листа. Подлѣ Евки сидѣлъ старый Гаэтанъ; прежде онъ былъ солдатомъ и, я полагаю, также разбойникомъ, но вотъ уже сорокъ лѣтъ живетъ въ домѣ и влюбленъ въ Евку; когда началась любовь, у Евки были черные волосы, а теперь она бѣлая, какъ и онъ. Гаэтанъ копитъ деньги, чтобы купить корчму и тогда обвѣнчаться съ предметомъ своей страсти, но до сей поры не скопилъ еще достаточной суммы. Въ большомъ креслѣ передъ каминомъ сидитъ прекрасная блондинка, она поворачиваетъ шипцами трещація полѣнья, потомъ углубляется въ чтеніе, зѣваетъ, вдрагиваетъ. Черная кошка свернулась клубкомъ на порогѣ и щуритъ свои закрытые глаза. Но шкваль не оставляетъ ихъ въ покоѣ; онъ врывается такъ свирѣпо въ трубу камина, что прелестная лѣнивица въ ужасѣ вскакиваетъ, а кошка широко раскрываетъ свои зеленые глаза; волнуемое вѣтромъ пламя вырывается изъ камина, и медвѣжья шкура, брошенная подъ кресло, начинаетъ тлѣть; дамъ съ большими усилиями удается, наконецъ, затушить этотъ затлѣвшійся коверъ, лежащій подъ ея ногами; вѣтеръ, между тѣмъ, колеблетъ ея русые локоны, перелистываетъ книгу, топорщитъ черную шерсть кошки. Въ то-же время непрерывный дождь барабанитъ въ стекла оконъ; въ гостиной становится темно; на дворѣ настали сумерки.

Весной забросили на крышу риги старое колесо. Аистъ, съ которымъ много лѣтъ къ ряду мы живемъ въ большой дружбѣ, возвратясь изъ своего путешествія въ Египетъ, осмотрѣлъ это колесо и выразилъ большое удовольствіе; благородная птица улетѣла и вскорѣ возвратилась съ своей невѣстой; вмѣстѣ они произвели осмотръ крыши и колеса; затѣмъ, долго стояли на одной ногѣ, размышляя и, наконецъ, стали вить свое гнѣздо, прикрѣпляя его къ ободу колеса; тутъ-же вокругъ нихъ, точно

шумный и бесполезный дворъ принца, присосѣдилась куча воробьевъ для высиживанія своихъ яицъ. Теперь оба аиста, промокшіе отъ дождя, распустили широкія крылья надъ своими малютками, прикрывая ихъ отъ дождя. Несмотря на вой бури, я слышала ихъ жалобныя крики. Подлѣ меня подъ навѣсомъ стоялъ старый крестьянинъ; онъ разсматривалъ гнѣздо и печально улыбался. Старому Грину было девяносто лѣтъ отъ роду; на своемъ вѣку онъ много видѣлъ и ничего не забылъ, что доказывало его землистое, мрачное, почти окаменѣлое лицо, на которомъ человѣкъ, умѣющій читать на лицахъ людей, прочелъ-бы много плачевныхъ тайнъ. Старикъ обратился ко мнѣ съ своей грустной улыбкой.

— Любопытныя птицы, сказалъ онъ, — онѣ напоминаютъ мнѣ старинную исторію. Пара аистовъ свила свое гнѣздо подлѣ трубы нашей печи; самка снесла нѣсколько большихъ яицъ и сидѣла уже на нихъ, когда намъ, молодымъ повѣсамъ, пришла охота подурачиться надъ нею. Я взялъ гусиное яйцо и, въ отсутствіи самца, отправившагося на охоту за лягушками, положилъ его въ гнѣздо. Самка посмотрѣла на меня пристально; она подалась немного въ сторону, но не оставила своихъ яицъ въ ту минуту, какъ я подкладывалъ подъ нее гусиное яйцо. Представьте себѣ, панъ, она высидѣла гусенка, который, вѣроятно, очень удивился, видя себя между маленькими аистами. Самецъ-же, замѣта чужестранца, свирѣпо щелкнулъ своимъ клювомъ, улетѣлъ и поселился отдѣльно отъ жены на [крышѣ другого дома; онъ постоянно торчалъ на одной ногѣ, точно обдумывалъ какое-нибудь важное дѣло. Потомъ — вы, пожалуй не повѣрите — наканунѣ того самаго дня, какъ аисты улетали отъ насъ въ теплыя земли, всѣ они собрались вмѣстѣ на большомъ лугу подлѣ лѣса, для суда надъ невѣрной женой. Своими собственными глазами я видѣлъ, какъ они судили ее. Они составили изъ себя кругъ; самецъ защелкалъ своимъ клювомъ; всѣ прочіе отвѣчали ему такимъ-же щелканьемъ; самка жалобно закричала; бѣдняжка была невиновата; наша шалость причинила ей несчастье. Вѣроятно, она не могла убѣдить ихъ въ своей правотѣ, потому что вскорѣ всѣ присутствовавшіе на судѣ аисты набросились на нее, всадили свои клювы въ ея тѣло и несчастная издохла. Горько мнѣ было смотрѣть на дѣло рукъ моихъ.

Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Слышали вы, панъ, снова заговорилъ Гринъ, вытирая рукавомъ рубахи потъ на своемъ лбу, — что нѣсколько дней тому назадъ, крестьяне въ Тулавѣ допросили и, своимъ судомъ, осудили и наказали воровъ. Тамъ теперь комиссары изъ Коломен, но они ничего не откроютъ... Вся деревня, какъ одинъ человекъ, скажетъ: „знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ“. Мы умѣемъ крѣпко стоять за свою старину; мы никого не трогаемъ, пусть и насъ не трогаютъ.

— Но вѣдь, это противозаконно! вскричалъ я. — Кто намъ окажетъ покровительство противъ произвола, оскорбленій, убійства, если каждая деревня захватитъ себѣ право суда, не обращая вниманія на судъ законный?

— Кто? А наша совѣсть... Хорошему человеку опасаться нечего, его никто не тронетъ; ну, а злодѣя щадить не слѣдуетъ... Вамъ-то что? Васъ судъ защититъ; поляки противъ васъ ничего: не имѣютъ... если-бъ еще кто-нибудь изъ нашихъ былъ судьей, а то тамъ сидятъ одни наши недруги...

Въ эту минуту во дворъ вѣхала бричка, страшно загрязненная. Изъ нея вышли двое мужчинъ: одинъ — маленькій, страдающій одышкой, съ огромной головой, точно ввинченной въ плечи, причесанный по-старинному, височками впередъ, въ форменномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы; волосы его были мокры отъ пота; чтобы нѣсколько освѣжиться, онъ снялъ каску и держалъ ее въ рукахъ. Другой — худой, согнувшійся, съ впалыми щеками, съ мигающими глазами, лысый, съ длинными ногтями, тщательно выровненными перочиннымъ ножикомъ.

Это были комиссары (слѣдователи) коломейскаго суда, возвращшіеся изъ Тулавы. На мои первые вопросы они пожали таинственно плечами и отвѣчали уклончиво, какъ подобаетъ австрійскимъ чиновникамъ; но во время ужина, осушивъ бутылку стараго венгерскаго вина, они стали разговорчивѣе и пустились въ откровенности, каждый на свой образецъ.

— Такъ вы нашли виновныхъ? спросилъ я.

— Какъ вы можете задавать подобный вопросъ, отвѣчалъ маленький, разгрызая своими крѣпкими зубами крыло цыпленка. — Мы люди опытные, давно знакомы съ такими продѣлками; мы хорошо знаемъ здѣшнюю страну. Виноваты всѣ безъ исключенія

жители Тулавы. Отрицать этого вы, конечно, не станете, а если это такъ, какимъ образомъ вы добьетесь признанія, кто согласится свидѣтельствовать противъ своего сосѣда, если-бъ даже самъ и не принималъ участія въ продѣлѣхъ.

— Мы сдѣлали все, что отъ насъ требуется, сказалъ худой:— допросили кого слѣдуетъ, внесли въ протоколъ ихъ показанія; мы увѣщевали, угрожали, но ничего не добились. Случай этотъ самый обыкновенный. Въ Тулавѣ давно уже завелись воры; главный изъ нихъ, наконецъ, попался въ руки правосудія; его судили и засадили въ тюрьму. Высидѣвъ срокъ, онъ воротился въ Тулаву. Онъ снова сталъ воровать, но, наученный горькимъ опытомъ, принималъ мѣры предосторожности, чтобы не попасться съ полицнымъ. Тулавскіе крестьяне не разъ выговаривали ему и его сообщникамъ, требуя, чтобы они или перестали воровать или убились куда-нибудь въ другое мѣсто, грозя, что, въ противномъ случаѣ, имъ будетъ худо, но тѣ не унимались. Тогда деревенскіе старики прибѣгли къ суду, который употреблялся въ тѣ времена, когда не было писанныхъ законовъ, не было организованныхъ государственныхъ судовъ, не было, наконецъ, самого государства. Собралась вся деревня и стала своимъ собственнымъ судомъ судить негодяевъ. На этомъ судѣ не требуется ни собственнаго признанія, ни свидѣтельскихъ показаній; обвиняемые заранѣе осуждены; подъ розгами они, конечно, сознаются въ своихъ преступленіяхъ, но это сознаніе нужно для проформы, потому что крестьяне невиннаго наказывать не стануть. Подъ розгами-же грабители рассказываютъ, что сдѣлали съ уворованнымъ имуществомъ, куда его продали, называютъ своихъ сообщниковъ, главное, укrywателей и переводчиковъ за границу лошадей и вообще скота. Дѣло оканчивается очень скоро. Вы скажете: это незаконно, это варварство... Я согласенъ съ вами, что это такъ, но взгляните и на другую сторону медали. Крестьянинъ работаетъ неутомимо; своей энергіей, честностію и трудомъ черезъ нѣсколько лѣтъ онъ пріобрѣтаетъ пару воловъ или лошадей. Вдругъ, пользуясь темною ночью, негодяи уводятъ этихъ воловъ или эту лошадь; долгодѣтнія усилія честнаго работника идутъ на пьянство и развратъ мерзавца. Вы скажете: предать его суду. Прекрасно, но гдѣ улики? Положимъ, наконецъ, мы осудили его, заперли въ тюрьму, онъ высидѣлъ срокъ и снова

воруетъ... Тулавцы отпорели своихъ воровъ и тѣ долго будутъ помнить жестокое наказаніе и, по крайней мѣрѣ, нѣсколько мѣсяцевъ будутъ сидѣть смиренно или перенесутъ свою преступную дѣятельность въ другое мѣсто, гдѣ, разумѣется, уже будутъ знать, что они за птицы и примутъ свои мѣры; тулавцы о томъ похлопочутъ... О тулавской расправѣ суду донесъ жидъ, въ корчмѣ котораго она происходила. Насъ послали произвести слѣдствіе, но мы, разумѣется, ничего не добились. Самъ жидъ перепугался и отпирается отъ своего показанія; наказанные воры тоже не хотѣли ничего открыть; каждому изъ нихъ отсыпали не менѣе ста ударовъ, но они не выдаютъ своихъ судей, зная, что если выдадутъ, то, попавшись во второй разъ, не отдѣлаются розгами, а могутъ поплатиться и головой.

— Такъ вы, значить, защищаете варварскую расправу? замѣтилъ я.

— Защищаю? вскричалъ худой, съ неистовствомъ принимаясь за чистку ногтей.— Съ чего вы взяли? Напротивъ, я нахожу, что необходимо строго преслѣдовать самоуправство, но, говоря откровенно...

— Бываютъ случаи, перебилъ маленькій, — когда поневолѣ извиняешь: негодян до того насолятъ несчастнымъ, что тѣмъ не остается другого средства, какъ прибѣгнуть къ жестокой расправѣ, иначе они не избавятся отъ своихъ мучителей.

II.

Далеко, какъ видитъ глазъ, разстилаются луга съ отличнѣйшей травой; на нихъ пасутся маленькія, сухопарныя, энергическія, неутомимыя галицкія лошади. Ихъ пасутъ, гоняя длиннымъ бичомъ, пастухи, одѣтые въ холщевую рубаху и панталоны, босоногіе, съ непокрытой головой; они разгоняютъ свою скучу частой игрой на дудкѣ. Голубое небо безоблачно, и хотя еще раннее утро, но жара уже начинается печь. Молодые пастухи увозятъ своихъ лошадей въ конюшню; невыносимый жаръ, котораго надо ожидать въ этотъ день, уже и теперь дающій себя чувствовать, заставилъ ихъ увести лошадей съ пастбища ранѣе обыкновеннаго часа. Только одинъ изъ пастуховъ остался сидящимъ на большомъ камнѣ; онъ не смотрѣлъ ни на своихъ това-

рищей, ни на лошадей, при немъ не было ни бича, ни дудки. Онъ запустилъ худыя, загорѣлыя руки въ свои волосы льняного цвѣта и горько плакалъ. Я зналъ этого страннаго мальчика, Гриця. Длинный и худой, онъ имѣлъ такую нѣжную прозрачную кожу, что видна была каждая жилка; на его блѣдное лицо не оказывали никакого вліянія солнечные лучи, оно не подвергалось загару. Онъ былъ до крайности нервнъ, чувствителенъ и болѣзненъ, но какіе чудные глаза свѣтились на его страдальческомъ лицѣ!—большіе, блестящіе голубые глаза; когда онъ пристально смотрѣлъ на васъ, вы чувствовали невольное беспокойство и опускали свои глаза, столько въ этомъ взглядѣ было страданія и безнадежности.

— Что съ тобой? спросилъ я, нѣжно глядя его по головѣ.

— Ахъ, панъ, панъ! отвѣчалъ онъ, рыдая, — они украли у меня кобылу, жеребенка и рыжаго коня.

— Какимъ образомъ?

— Хитрыя бестіи эти проклятые разбойники, конокрады, да разразить ихъ громъ небесный! отвѣчалъ онъ, вытирая слезы рукавомъ рубахи.—Въ эту ночь, я, Григорій, Ивашка и другіе пасли нашихъ лошадей подлѣ Федосьиной мельницы. Ночь была свѣжая, холодкомъ вѣяло и наши лошади съ радости прыгали и катались въ травѣ. Мы разложили хорошій костеръ; мельничиха пришла поболтать и посмѣяться съ нами, дала намъ кукурузы и мы начали печь ее въ золѣ. Скоро мельничиха простилась съ нами, а мы принялись за ѣду и стали сказывать сказки. Въ воздухѣ была такая тишина, что слышалось журчаніе воды на мельницѣ и плескъ, производимый играющими рыбами. Многіе изъ насъ вздремнули. Я не спалъ: лежа на спинѣ, я считалъ звѣзды. Вдругъ залаяли собаки; я вскочилъ и увидѣлъ волка подлѣ самой ивы; онъ выставилъ голову изъ-за листьевъ и разсматривалъ насъ. Я поднялъ тревогу; затѣмъ, схвативъ въ руку дымящуюся головню, я кинулся преслѣдовать волка; товарищи, тоже съ головнями въ рукахъ, послѣдовали за мною. Звѣрь исчезъ изъ нашихъ глазъ; пробѣгавъ напрасно въ поискахъ за нимъ, мы, наконецъ, увидели его сзади мельницы; но, панъ, онъ стоялъ не на четырехъ ногахъ, а на двухъ, какъ человѣкъ. Григорій и Ивашка стали креститься, но хитрецъ Михалка поналъ, въ чемъ дѣло. „Чтобы чортъ меня унесъ, если это не воръ

подбравшійся къ нашимъ лошадямъ“, сказалъ онъ. Какъ только онъ выговорилъ эти слова, на меня напалъ страхъ, ноги подкосились. Товарищи пустились преслѣдовать вора, а я побѣжалъ къ лошадямъ. Онѣ ходили спокойно, чего не могло быть, если-бъ они чуяли настоящаго волка; лошади издалека чувствуютъ волка и въ такомъ случаѣ собираются въ кучу, головами во внутрь, задомъ наружу. Увѣрившись, что волкъ не настоящій, я сталъ считать лошадей, но одинъ я ничего не могъ сдѣлать. Когда товарищи вернулись, мы не досчитались четырехъ лошадей... Разбойникъ нарядился волкомъ, чтобы насъ испугать, а въ то время его пособники...

Бѣдный мальчикъ зарыдалъ.

— Изъ четырехъ украденныхъ лошадей—двѣ мои, продолжалъ онъ. — Жеребенокъ-сосунокъ самъ побѣжалъ за своей матерью... Гдѣ-то онъ теперь?... Я знаю воровъ, знаю!..

— Вѣрно, Кирилль?

— Онъ самый, утвердительною тономъ сказалъ мальчикъ,— съ нимъ Ставровскій и вся ихъ шайба. Это такіе ловкіе воры, что и не приведи Господи!

— Но если ты знаешь воровъ, почему ты ихъ не преслѣдуешь вмѣсто того, чтобы плавать, сидя здѣсь, въ полѣ?

— Поздно, не выйдетъ никакого толка. У нихъ много пособниковъ. Жидъ съ лошадьми, вѣрно, уже переѣхалъ границу и продастъ ихъ въ Россіи, и я никогда не увижу моего жеребенка! О, я не ворочусь домой, не пойду домой!

— Я пойду съ тобой, сказалъ я.

— Зачѣмъ?

— Я поговорю съ твоимъ отцомъ.

— Спасибо вамъ, но это бесполезно.

— Но, вѣдь, ты боишься, что тебя побьютъ?

— Э! что для меня значать побои!

Онъ залился слезами, царапалъ себѣ лицо ногтями и кричалъ:

— О, мой жеребенокъ! моя милая кобыла бѣлоножка! Не смотри ты на меня твоими большими черными глазами! Какъ весело ржала ты, бывало, когда я съ тобой разговаривалъ! Кто станетъ кормить тебя морковью и тыквой? Боже мой, у меня сердце разрывается!.. Я хочу умереть!..

Онъ уткнулся лицомъ въ землю, рыданія его глухо раздавались, онъ лежалъ почти безъ движенія.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого событія я возвращался съ охоты; англійскій сетеръ, бѣжавшій впереди меня, зашелъ въ корчму, стоящую на полдорогѣ между нашей деревней и Тулавою. Было жарко, до дому мнѣ оставалось еще версты двѣ; мнѣ захотѣлось отдохнуть въ холодкѣ и я послѣдовалъ за своимъ путеводителемъ. Прямо противъ двери, источенной червями, находился прилавокъ, за которымъ стояла красивая еврейка въ шапочкѣ, узванной бусами, на головѣ, и въ платьѣ изъ матеріи съ разводами; она разливала въ стеклянные стаканчики водку четыремъ крестьянамъ, стоявшимъ подлѣ прилавка. Всѣ, кто былъ въ корчмѣ, съ улыбкой привѣтствовали меня, но опустили головы, точно стыдились чего-нибудь. Еврейка первая оправилась отъ смущенія и подняла на меня свои блестящіе глаза, въ которыхъ ласкающая нѣжность смѣшивалась съ хитростью.

— Вашей милости не угодно-ли выпить стаканъ тобайскаго? спросила она.

— Съ удовольствіемъ выпью, Шайка, если вы дадите, отвѣчалъ я.

Еврейка вышла изъ комнаты, переваливаясь съ ноги на ногу. Крестьяне молчали. Ихъ было четверо, какъ я уже сказалъ: старшій Гринъ, Авсенъ Провъ, зрѣлый холостякъ, на столько зрѣлый, что, по словамъ Шайки, влюблялся во всякую хорошенькую женщину. Средняго роста, полный, съ отвислыми щеками, бѣгающими синими глазами, тщательно причесанный съ цѣлью прикрыть свою лысину, онъ одѣтъ былъ щеголемъ въ свиту изъ тонкаго синяго сукна. Съ ними былъ Ларіонъ Родзянко, молодой трактирщикъ, красивый, богатый, носившій шляпу на-бекрень; онъ курилъ табакъ въ трубкѣ изъ морской пенки. Четвертый былъ мнѣ незнакомъ. Мы продолжали молчать, только Ларіонъ слегка свистѣлъ. Еврейка принесла мнѣ стаканъ венгерскаго; крестьяне стали пить отравленную жидкость, но никто не рѣшался начать разговоръ. Въ эту минуту вошелъ хозяинъ корчмы, одѣтый въ черный кафтанъ; сапоги его были въ пыли; онъ тихо утѣлся на свамью подлѣ очага и обвелъ глазами поселянъ; какъ

во взглядѣ, такъ и въ тонѣ его голоса, когда онъ заговорилъ, выражалась наглая насмѣшка.

— Хотите знать новости? спросилъ онъ.

— Говори, отвѣчалъ Аксенъ.

— Я знаю, гдѣ лошади.

— Какія лошади? спросилъ Гринъ равнодушнымъ тономъ.

— Четыре лошади и жеребенокъ, недавно уворованные съ пастбища.

— Гдѣ-же они? спросилъ Аксенъ торопливо.

— Гдѣ-жь они могутъ быть, замѣтилъ хитрый Гринъ, — какъ не за-границей, проданные въ Россію, и между ними твой бѣлый? Еврей хочетъ тебя обойти.

— Съ чего ты взялъ, что я хочу обойти кого-нибудь? вскричалъ корчмарь. — Я видѣлъ лошадей, я видѣлъ человѣка, который продалъ ихъ въ Россію.

— Да, ты видѣлъ лошадей, сказалъ старшій Гринъ, — ты видѣлъ человѣка, ты его видишь каждый день, всякій разъ, какъ, по предписанію твоей религіи, ты полощешь въ водѣ твое проклятое лицо.

— Что это значитъ? спросилъ еврей, глаза котораго совершенно сѣзулись.

— Это значитъ, отвѣчалъ Гринъ, подойдя къ нему, — онъ обѣими своими руками опорся въ колѣни еврея и вперилъ въ него пристальный взглядъ; — это значитъ, что я знаю пособника вора. У одного только человѣка въ деревнѣ есть волчья шкура: у Ставровскаго, *паша*; Ставровскій король лошадей вмѣстѣ съ Кирилломъ и...

— Ну, а кто-же этотъ пособникъ, продающій лошадей? спросилъ еврей съ вызывающимъ спокойствіемъ.

— Тотъ самый, который продалъ мою корову на рынкѣ въ Коломеѣ, а также лѣсъ, украденный у Лѣріона, и хлѣбъ...

— Ну, кто-же онъ? спросилъ еврей, не моргнувъ.

— Ты сейчасъ его увидишь, сказалъ Гринъ, схватывая его за воротъ и подводя къ кусочку разбитаго зеркала, висѣщаго на стѣнѣ. — Видишь его теперь? Нравится тебѣ эта воровская харя!

— Оставь меня, кричалъ еврей, отбиваясь.

— На сегодня будетъ; въ другой разъ я тебя, можетъ быть, не выпущу.

Еврей такъ былъ потрясѣнъ, что почти упалъ на скамью.

— Когда вы откроете воровъ, сказалъ онъ, съ остервенѣніемъ плюя вокругъ себя, — напишите прошеніе въ судъ, я заплачу все, что будетъ своить процесь.

— Не нуждаемся мы въ жидовской помощи, отвѣчалъ старый Гринъ. — А ты берегись: мы расправимся съ тобой по своему; чѣд ихъ, чѣд тебя мало повѣсить.

— Что вы говорите? пробормоталъ еврей, побагровѣвъ; губы его побѣлѣли, а глаза тревожно забѣгали. — Разбойники, убійцы, палачи, кровопійцы, да, вы кровопійцы!

— Можешь брехать и ругаться, сколько влѣзеть, сказалъ старикъ, ни на минуту не теряя спокойствія; — смотри, если дорожишь жизнью, предупреди другихъ, время еще не ушло; но если воровства и грабежи не прекратятся, тогда...

Онъ сдѣлалъ угрожающій жестъ.

Еврей, овладѣвъ собою, зашелъ сзади прилавка и сталъ перебирать стеклянную посуду.

— Надо какъ-нибудь покончить съ этой шайкой, сказалъ тихо Ларіонъ.

— Не дурно ихъ притянуть къ нашему суду, сказалъ Аксень, — но никакими штрафами, ни даже розгами ихъ не проймешь: это смѣлые и нагле мошенники... Паша и Кириллъ чистые черти... Мы ихъ накажемъ, а они такъ намъ отомстятъ, что мы долго будемъ помнить... Нѣтъ, надо придумать такую расправу, чтобы долгое время никто не смѣлъ и думать забраться къ намъ для воровства и грабежа.

Старый Гринъ посмотрѣлъ на нихъ такъ выразительно, что оба они вздрогнули. Потомъ они заплатили, что съ нихъ слѣдовало, мѣдною монетою, и вышли.

Въ дверяхъ Гринъ обернулся и хмуро посмотрѣлъ на еврея. Еврейка поняла этотъ строгій, угрожающій взглядъ; она бросилась на шею къ своему мужу и, въ свою очередь, нѣмкимъ жестомъ указала на луну; сегодня должно было наступить полнолуніе.

— У васъ теперь время почитанія луны? спросилъ я.

— Вы знаете это? сказала она, сдѣлавъ гримасу.

— Откуда произошелъ этотъ обычай?

— Моя покойная мать, отвѣчала она, опутивъ глаза въ

землю,—разсказывала мнѣ, что Богъ вначалѣ создалъ на небесной тверди оба небесныя свѣтила равными величиной и блескомъ; какъ вдругъ луна сказала: „Господи, неприлично двумъ служителямъ имѣть одинаковый рангъ; позволь мнѣ быть большимъ, чѣмъ солнце“. — Господь отвѣчалъ ей гнѣвно: „Такъ какъ ты захотѣла возвыситься надъ твоимъ товарищемъ, я тебя унижу; отнынѣ ты будешь меньше солнца, и станешь свѣтить меньшимъ свѣтомъ, чѣмъ оно“. — Луна поблѣднѣла и такъ стала грустить, что Господь сжаился надъ нею и далъ ей въ товарищи звѣзды.

— Хорошій мифъ, сказалъ я,—но онъ нисколько не объясняетъ, почему вы почитаете луну именно при наступленіи новолунія. Я слышалъ, что вы просите ея покровительства противъ грабежей, убійствъ и намѣреній вашихъ враговъ.

— У насъ есть разумная голова и рѣшительная воля, сказалъ еврей,—съ ихъ только помощію мы разсѣиваемъ намѣренія нашихъ враговъ; вотъ почему ихъ ненависть къ намъ бессильна. Посмотрите на Кирилла: онъ спитъ съ открытой дверью, безъ замка, безъ собаки, безъ оружія, какъ спятъ всегда люди справедливые, которымъ нечего бояться. Онъ знаетъ, что никто не осмѣлится тронуть волоса съ головы его; никто, ни одинъ изъ нихъ.

Наступила уже ночь, когда я вышелъ изъ корчмы. Луна ярко свѣтила, только легкія облачка, набѣгая, иногда ослабляли яркость ея свѣта. Не прошелъ я двухсотъ шаговъ, какъ мнѣ пришла идея вернуться. Еврей внимательно осматривался вокругъ себя, видимо онъ желалъ знать, не наблюдаетъ-ли кто-нибудь за нимъ. Я скрылся за ивой, а потомъ, идя кустарниками, подошелъ такъ, что онъ меня не замѣтилъ. Еврей стоялъ, оборотаясь своимъ желтымъ, печальнымъ лицомъ къ лунѣ; три раза онъ произнесъ слѣдующую фразу: „Да славится тотъ, который возобновляетъ луну“. Потомъ онъ скакнулъ три раза, произнеся такое мистическое воззваніе: „Такъ-же, какъ, скача къ тебѣ, я не могу достать тебя, пусть и мои враги не будутъ въ состояніи дойти до меня, коснуться меня!“ Потомъ онъ схватилъ полу своего кафтана и сдѣлалъ ею жестъ, долженствующій изображать, что онъ изгоняетъ своихъ враговъ, Аксена Прова, Ларіона и въ особенности стараго молчаливаго и суроваго Грина, а вмѣстѣ съ ними злыхъ духовъ и демоновъ.

III.

Верстахъ въ двухъ за нашей деревней начиналось болото, покрытое водорослями и водяными лиліями, бѣлыми и желтыми. Посрединѣ этого болотистаго пространства находился небольшой прудъ, по берегамъ обрамленный рѣдкимъ камышемъ; доступъ къ нему легокъ только съ одной стороны, съ той именно, гдѣ онъ соприкасается съ плодовымъ садомъ одного крестьянина. Придя сюда и спрятавшись за большимъ деревомъ, я наблюдаю, какъ изъ тростника выходитъ черная головка, насаженная на длинной шеѣ, за ней другая, третья, десятки головъ. Это дикія утки; за ними я хожу сюда; пришелъ за ними и сегодня. Поохотившись, я расположился на отдыхъ въ оставленной избушкѣ сторожа; при мнѣ было ружье и сильно-уставшая собака. Едва успѣлъ я войти въ избу, какъ до моего слуха достигъ шелестъ женскаго платья. Между рѣдкими деревьями, здѣсь разбросанными, я увидѣлъ молодую крестьянку, прекрасно сложенную и высокаго роста; ея русыя косы, заплетенныя красной лентой, граціозно колыхались; она шла спокойной походкой и не видала меня; время отъ времени она нагибалась и подбирала на ходу упавшія на землю дикія груши; иногда на ея миломъ лицѣ показывалась улыбка и при этомъ отрывались ея прелестные бѣлые зубы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ избы, служившей мнѣ убѣжищемъ, торчалъ пенъ орѣховаго дерева; на него усѣлась дѣвушка и стала бросать въ воду одну за другой собранныя ею груши, весело слѣдя за рикошетами, которые онѣ образовывали при своемъ паденіи. Видимо она кого-то поджидала, однакожъ, ничѣмъ не обнаруживала своего нетерпѣнія; но когда длинная и темная тѣнь человѣка, остановившагося сзади нея, упала на нее, она быстро вскочила и на ея вспыхнувшемъ лицѣ показалась грустная улыбка. Мужчина былъ молодъ и красивъ, но не съ точки зрѣнія правильной греческой красоты; онъ очаровывалъ энергіей и ловкостью, лукавымъ выраженіемъ своего лица и веселой, увлекающей улыбкой. Онъ носилъ костюмъ краковскаго крестьянина: высокіе сапоги, доходящіе до колѣнъ, широкіе штаны изъ синяго сукна, полукафтанье изъ той-же матеріи и того-же цвѣта и кокетливо надѣтую низкую шляпу изъ бѣлыхъ мер-

лушекъ; эта шляпа очень шла къ его чернымъ курчавымъ волосамъ. Подойдя къ молодой дѣвушкѣ, онъ весело засмѣялся, пожалъ ей руку, сѣлъ подлѣ нея, потомъ обнялъ ее, притянулъ къ себѣ и покрылъ страстными поцѣлуями ея сильно покраснѣвшее лицо. Она не препятствовала ему и мнѣ показалось, что его ласки прогнали ея меланхолю. Долго онъ ласкалъ ее, наконецъ, она вздохнула.

— У тебя есть что-то на душѣ? спросилъ онъ. — Тебя что-то тревожить? Скажи мнѣ, моя голубка.

Крупныя слезы закапали изъ глазъ бѣдной дѣвушки.

— Какъ, ты плачешь?

И онъ съ нѣжностью привлекъ къ себѣ на грудь запечалившуюся красивую головку.

— Любишь-ли ты меня по-прежнему? прошептала она.

— Люблю-ли я тебя?.. Съ какой стати мнѣ разлюбить тебя!

— Но что станется со мною, когда...

Она остановилась и закрыла руками свое лицо; я видѣлъ, какъ кровь густо окрасила ея маленькія уши.

— Ахъ, какой стыдъ, Ставровскій! почти шепотомъ проговорила она.

Это былъ онъ, ловкостью и наглостью превосходящій всѣхъ воровъ въ окрестности. Его прозвали „нашею“ потому, что онъ, по крайней мѣрѣ, у дѣвицы женщины укралъ сердце, какъ король лошадей, коровъ и пр.

— Ты можешь спасти меня, если захочешь, съ рыданіемъ говорила молодая женщина, — да, если захочешь!

Паша засмѣялся, но смѣхъ его не выражалъ, какъ я могъ ожидать, ни насмѣшки, ни легкомыслія; это былъ горькій смѣхъ, тронувшій меня до глубины души.

— Послушай, Каса, сказалъ онъ, и его обмѣновенно веселое лицо затуманилось, — развѣ я когда-нибудь общалъ, что женюсь на тебѣ... общалъ я?

— Нѣтъ, отвѣчала она нервно.

— Ну, такъ я скажу тебѣ теперь то, чего я никому не говорилъ, продолжалъ онъ нѣжнымъ и выразительнымъ голосомъ. — Если-бъ я могъ жениться, никого я не взялъ-бы въ жены, кромѣ тебя. Слышишь, никого, хотя у тебя нѣтъ ни земли, ни хаты,

ни даже коровы, и у меня тоже нѣтъ ничего. Ни на что не посмотрѣлъ-бы я и пошелъ съ тобою въ церковь.

— Ты говоришь правду? спросила дѣвушка, и ея восхищенный взглядъ съ нѣжностью остановился на Ставровскомъ.

— Правду отвѣчалъ онъ.—Но... у меня уже есть жена; она жива...

— У тебя есть жена, тогда все пропало, сказала Кася, пораженная въ самое сердце;—все... но я не буду много горевать, если ты не оставишь... своего ребенка.

— Я никогда не оставлю васъ обоихъ! вскричалъ онъ, и искренность звучала въ тонѣ его голоса.— Если твои родители прогонятъ тебя, приходи ко мнѣ. Я буду работать для насъ троихъ.

— Ты, Ставровскій, будешь работать?

— Да, я стану больше воровать! вскричалъ молодой человѣкъ съ свирѣпой энергіею.— Почему-же нѣтъ? Развѣ не украли у меня мою жену? Развѣ не выманили у меня столько долговыхъ обязательствъ, что я сталъ нищимъ? Станемъ жить и умереть веселясь! Моя жена носитъ соболью куцавейку, а жида по-своему распорядились моимъ имѣніемъ, ну и чортъ съ ними! Они отняли у меня мои средства и живутъ на нихъ, я стану оплачивать имъ тою-же монетою. Если умретъ моя негодяйка-красавица жена, я женюсь на тебѣ. Въ ожиданіи этого, малютка, я ворую и буду воровать и днемъ, и ночью: я отнимаю у нихъ хлѣбъ, фрукты, женъ и дочерей. Меня зовутъ „пашей“. Но съ этого дня я буду знать только тебя одну; ты будешь жить, какъ султанша, а нашъ сынъ, какъ восточный принцъ. Покажу я имъ себя! Посмотримъ, кто кого осидитъ!

— И ты не будешь любить никакую другую женщину? спросила она тономъ сомнѣнія.

— Ты моя жена, отвѣчалъ онъ,— а другія...

Онъ сдѣлалъ рукою презрительный жестъ.

— Но будешь-ли ты въ состояніи противиться, сказала она съ радостнымъ смѣхомъ;— при видѣ хорошеенькой женщины ты становишься, точно безумный... ты настоящій паша...

— Что тебѣ до нихъ? сказалъ онъ, отбрасывая далеко подвернувшійся ему подъ ногу камень;—къ чему станешь ты обращать на нихъ вниманіе, если я отдаю тебѣ свою кровь; да,

ною кровь, потому что для тебя я, кажется, способенъ уворо-
вать звѣзды съ неба. Слышишь, для тебя одной... Полно-же,
малютка, не опускай свою милую головку. Смѣйся, скачи, пой!
Ты моя возлюбленная; будемъ-же жить весело и умремъ ве-
село!

IV.

Въ такой-то обстановѣ я въ первый разъ встрѣтился съ
Ставровскимъ; черезъ короткое время мнѣ пришлось познако-
миться съ Кирилломъ, его сообщникомъ. У насъ были гости;
кухня была не запорта и впродолженіи нѣсколькихъ минутъ въ
ней никого не было. Этимъ временемъ воспользовались воры и
утащали нѣсколько цѣнныхъ вещей изъ нашей семейной сере-
бряной посуды. Никто не могъ указать, чтобы посторонніе люди
входили къ намъ во дворъ; однакожъ, подозрѣніе ни на секунду
не остановилось на комъ-нибудь изъ нашихъ слугъ. Все это были
старые, испытанные слуги; нѣкоторые изъ нихъ служили въ домѣ
болѣе двадцати лѣтъ, и съ ними, по принятому нами обыкнове-
нію, обращались скорѣе, какъ съ друзьями, чѣмъ со служи-
телями.

— Кромѣ Кирилла украсть некому, рѣшила кухарка.

— Кто-жъ возьметъ, кромѣ него, подтвердилъ кухарь, — са-
мое лучшее — перегорать съ нимъ.

Я согласился съ этимъ мнѣніемъ и отправился въ корчму къ
еврею, котораго всѣ знали, какъ сбытчика украденныхъ вещей.

— Скажите Кириллу, что я желаю съ нимъ говорить и буду
здѣсь сегодня вечеромъ въ восемь часовъ, объявилъ я безъ вся-
кихъ предисловій.

— Что вы хотите узнать отъ него? спросилъ корчмарь равно-
душнымъ тономъ.

— Онъ укралъ у насъ серебро.

— Да разразитъ меня Господь!.. вскричалъ еврей.

— Имѣй терпѣніе, все совершится въ свое время и ты бу-
дешь наказанъ по заслугамъ... Повторяю, я желаю видѣть Ки-
рилла сегодня вечеромъ здѣсь, у тебя. Я желаю-бы возвратить
это серебро: съ нимъ связаны драгоцѣнные воспоминанія... Поми-
наешь?

— Я ничего не понимаю, что вы говорите, ясновельможный панъ, отвѣчалъ еврей съ невозмутимымъ спокойствіемъ,—но обещаю, что вы найдете здѣсь Кирилла...

Когда, въ назначенный часъ, я вошелъ въ корчму, плохо освѣщенную лампой, Шайка стояла за прилавкомъ, а еврей плачевнымъ голосомъ читалъ молитву въ углу. У одного изъ столовъ сидѣлъ мужчина, вставшій при моемъ входѣ и поклонившійся мнѣ почтительно, но безъ рабскаго униженія. Онъ стоялъ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Вы, вѣрно, Кириллъ? спросилъ я, подходя къ нему.

— Да, панъ, я Кириллъ, что желаете вы отъ меня?

— У насъ еще много времени впереди для разговору, отвѣчалъ я.— Шайка, подай намъ токайскаго.

Шайка вышла; еврей закрылъ глаза и продолжалъ молиться въ тактъ раскачиваясь всѣмъ корпусомъ.

Кириллъ былъ ниже средняго роста; лицо его не выражало ни дикости, ни наглости, ни хитрости. Онъ походилъ на смысленнаго крестьянина, служившаго въ арміи или побывавшаго въ школѣ. Его новые сапоги были тщательно вычищены; его сѣрякъ *) изъ хорошаго сѣраго сукна ловко сидѣлъ на немъ; его короткая трубка была въ серебряной оправѣ; подлѣ него на скамьѣ лежала его палка съ свинцовымъ набалдашникомъ. Его нервное лицо имѣло пріятное выраженіе; лобъ у него былъ выпуклый, глаза сѣрые, блестящіе съ длинными рѣсницами и густыми черными бровями. Онъ носилъ коротко-обстриженные волосы; его длинные усы меланхолично упали на выбритый подбородокъ. Таковъ былъ человѣкъ, который своей ловкостью, хитростью и наглостью, заставилъ бояться себя весь округъ; онъ обворовывалъ насъ безнаказанно и собиралъ съ насъ контрибуцію.

Когда вино было подано, я сѣлъ и пригласилъ его сдѣлать тоже самое.

— Убирайся! сказалъ онъ, не поворачивая головы.

Еврейка тотчасъ-же повиновалась.

— Не ждешь-ли ты, чтобы я тебѣ помогъ? закричалъ онъ, обращаясь къ еврею.

*) Верхняя одежда.

Тотъ всталъ и съ полужакрытыми глазами послѣдовалъ за своею женою, продолжая читать молитву.

— Теперь я готовъ слушать васъ, милостивый панъ, сказалъ онъ.

— У меня украли серебро...

— Можеть-ли это быть! вскричалъ воръ, — у васъ на службѣ такіе преданные и вѣрные люди, какъ-же это они не сберегли.

— Однакожь, это случилось, я пришелъ сюда затѣмъ, чтобы спросить васъ, сколько вы возьмете за то, чтобы возвратить намъ украденное серебро.

Кирилль засмѣялся.

— Никогда еще ни одинъ панъ не говорилъ такъ вѣжливо со мною, воромъ... Вы догадываетесь, что я укралъ ваше серебро... Правда, я его взялъ и, признаюсь, дѣло это было не изъ легкихъ... Все надо было спроворить въ самое короткое время и притомъ у васъ была толпа народа... Но вы дѣствуете со мною ласкою и я не хочу оказываться передъ вами подлецомъ. Я возвращу вамъ ваше серебро за дешевую цѣну. Десять флориновъ, не дорого, какъ вы думаете?

— Вотъ вамъ десять флориновъ.

— Нѣтъ, я не возьму ихъ, пока не возвращу вамъ серебро. А теперь позвольте дать вамъ совѣтъ. У васъ честные и преданные слуги, однакожь, это не помѣшало намъ сдѣлать въ вашемъ домѣ хорошую кражу. Вы человекъ великодушный и добрый, обижать васъ не приходится, такъ вотъ-что: платите намъ въ годъ такую сумму, которая васъ не разоритъ, и я ручаюсь, ни одинъ изъ насъ не посмѣетъ тронуть у васъ даже какой-нибудь завалившейся веревки, не то, что цѣнной вещи.

— Я посмотрю; но, скажите прежде, какой-бы суммой вы удовольствовались?

— Пятьдесятъ флориновъ, напримѣръ, отвѣчалъ Кирилль, не задумавшись ни на секунду.

— Идетъ.

— Я-бы не спросилъ такъ много, сказалъ воръ, — но мы теперь сильно нуждаемся въ деньгахъ. У наши есть любезная, она скоро родитъ; мы думаемъ, что будетъ непременно сынъ...

Онъ поднялъ свой стаганъ, выпилъ за здоровье мое и моею

семьи и оставшіяся въ стаканѣ капли выплеснулъ на поле, по старинному обычаю.

— Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ вами, Кирилль.

— Ну, находите вы во мнѣ что-нибудь очень странное?

— Васъ называютъ въ нашемъ окологдѣ чудовищемъ.

— И вы находите теперь, сказалъ онъ, покачивая головой, — что я человѣкъ слабый, безразсудный, несчастный, какинъ только можетъ быть человѣкъ...

— Зачѣмъ ты воруешь? прервалъ я.

— Зачѣмъ?

Онъ снялъ свою шапку, поправилъ волосы и продолжалъ:

— Вы, можетъ быть, не поймете меня... Я не такъ глупъ и не такъ трусливъ, какъ другіе. Меня выводитъ изъ себя, когда я подумаю, что однимъ всегда и во всемъ удача, — другіе вѣчно страдаютъ, вѣчно теряютъ. Одинъ не вышелъ ни съ кожи, ни съ рожи, а счастливъ; что-бы ни задумалъ онъ, все является къ его услугамъ; другой и хорошъ, и пригожъ, работа спорится въ его рукахъ, цѣлыми днями не покладаетъ онъ рукъ своихъ, а все остается нищимъ, не добѣдаетъ, не досыпаетъ... Былъ я земледѣльцемъ, то градъ побьетъ мое поле, то червь сгложетъ зерно, то дойдетъ болѣзнь картофеля. Пошелъ къ солдатамъ и завелъ у нихъ торговлю — не вывезло; пошелъ въ кучера на службу къ графу, заѣлъ меня ясновельможный своими капризами; работалъ я въ свинцовыхъ рудникахъ, въ калишской солеварнѣ, — никакой пользы не получилъ отъ этой тяжелой работы; былъ каменщикомъ — упалъ съ лѣстницы; былъ, наконецъ, столяромъ и да пѣвцомъ. Вездѣ терпѣлъ неудачу, голодъ, побои и руготню. Самому кроткому человѣку не вынести-бы той судьбы, какая выпала на мою долю. Злоба душила меня; тутъ-то я понялъ, что только деньги даютъ счастье, покой, значеніе; что будь ты самый дрянной человѣкъ, а при деньгахъ тебя величаютъ, тебя считаютъ честнымъ; если-же ты бѣденъ, то будь ты честный, будь разумный, все останешься въ глазахъ людей дуракомъ и, пожалуй, мошенникомъ. Зачѣмъ-же я буду вѣчно глотать сухую корку хлѣба, раздумывалъ я, когда я могу приобрѣсти хорошей домъ съ голубатней, когда я могу радить мою милую въ шелки... Развѣ я не съумѣю, какъ другіе, вывести своихъ сыновей въ

чиновники... Нѣтъ, надоѣло мнѣ жить по-свински и захотѣлъ я попробовать другой жизни...

Кирилль все болѣе и болѣе разгорячался; на его впалыхъ щекахъ показался густой румянецъ. Совершенно машинально, не замѣчая, въ волненіи онъ налилъ два стакана виномъ одинъ за другимъ и выпилъ ихъ залпомъ.

— Они дѣлають на меня облаву, они преслѣдуютъ меня, продолжалъ онъ.— Они въ своеѣ правѣ. По вашему, мнѣ слѣдуетъ отдаться въ ихъ руки. Нѣтъ, шалишь! на хитрость я отвѣчаю хитростью, беру, гдѣ можно взять... Вы насъ называете негодяями, преступниками, а мы несчастные, судьба насъ гнететь... Люди, всѣ безъ исключенія, болѣе всего заботятся о самихъ себѣ; каждому своя рубашка ближе къ тѣлу...

Онъ положилъ голову на руки и казалось задремалъ.

— Предположимъ, сказалъ я послѣ нѣкоторой паузы, — что ты отчасти правъ, хотя многое ты понимаешь не такъ, какъ слѣдуетъ. Но ты и самъ себя осудилъ; твой образъ дѣйствія не дѣлаеть тебя счастливымъ.

— Кто вамъ сказалъ объ этомъ? вскричалъ Кирилль съ дрожью въ голосѣ.

— Ты самъ.

— Я, да, я самъ, сказалъ онъ съ грустью, — но тѣмъ не менѣе, бываютъ минуты, когда я считаю себя счастливымъ... Насолять врагу, который смотритъ на тебя звѣремъ, оскорбляеть тебя, развѣ это не благополучіе, продолжалъ Кирилль и на его лицѣ появилось дикое, свирѣпое выраженіе.— У меня есть зубы, какъ у волка, я могу огрызаться и огрызаюсь! Одною я заставляю ревновать ко мнѣ его жену, другою, по моей милости, трепещеть за свои деньги; я сѣю тревогу между ними, въ этомъ моя радость; я говорю женщинамъ такія слова, что онѣ краснѣють отъ стыда; я научаю ребятишекъ разнымъ шалостямъ, что бѣсить ихъ отцовъ; я задираю, пьяница, игромъ, воръ; когда можно сдѣлать пакость, я дѣлаю, и что-же? никто не смѣеть меня тронуть, я не боюсь никого.

— Но ты забываешь о Богѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня такъ, что я пожалѣлъ, зачѣмъ произнесъ эти слова. Свирѣпое выраженіе на лицѣ Кирилла нисколько не смягчилось, онъ только отчаянно махнулъ рукой.

— Ну, скажи на милость, развѣ ты не негодай, сказалъ я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Пусть такъ, вы можете называть меня этимъ именемъ; другого, за такое слово, я схватилъ-бн за горло, сказалъ онъ упавшимъ голосомъ и закрывъ лицо руками.—Но этотъ негодай имѣетъ сердце и можетъ любить, какъ ни одинъ изъ добродѣтельныхъ молодыхъ людей, которые встрѣчаются сотнями... Это великое несчастіе... ты нищій, какъ-же смѣешь ты думать, что у тебя есть сердце? дуракъ ты, и больше ничего...

— Постой, Кирилль, сказалъ я растроганный, — я понимаю, что ты такое... Ты родился не подъ счастливой звѣздой и жизнь сдѣлала изъ тебя...

— Негодая; не стѣсняйтесь, договаривайте.

— Но у тебя доброе сердце...

— Было время, сказалъ онъ нѣжнымъ, почти дѣтскимъ голосомъ,—это сердце билось для людей; я готовъ былъ все сдѣлать для нихъ. Въ то время я былъ молодъ, недурень собой; меня полюбила хорошенькая дѣвушка, а я... когда я видѣлъ ее, я упивался ею, радость, которую я чувствовалъ при свиданіи съ нею, была такъ велика, что походила на муку. Мы честно любили другъ друга и на мысль мнѣ не приходило дурное помышленіе... Она была богата, а я голышъ... „Если ты возьмешь этого нишаго, онъ спуститъ все твое состояніе,“ сказалъ ей отецъ. Онъ былъ неправъ; въ то время я не былъ ни игрокомъ, ни пьяницей: я работалъ хорошо и неутомимо. Тутъ присватался къ ней Максимъ. Я и прежде ненавидѣлъ этого Максима; получивъ большое наслѣдство отъ отца, онъ сталъ такимъ гордецомъ и задирой, что къ нему и приступу не было... Что-же сталъ я чувствовать къ нему, когда онъ и она растоптали мое сердце, когда она сдѣлалась его женой?.. Съ горя я ушелъ работать въ рудники. Черезъ годъ послѣ ихъ свадьбы я вернулся домой, и случай привелъ меня къ ихъ дому, въ тотъ моментъ когда... Ахъ! какъ трудно мнѣ говорить объ этомъ...

Кирилль колебался; его глаза были полны слезъ, въ голосѣ слышалось рыданіе; руки его повисли безжизненно, голова опустилась на грудь; казалось, онъ чувствовалъ сильное утомленіе.

— Да, трудно вспомнить о такихъ вещахъ, продолжалъ онъ, придя въ себя.—Подлѣ ихъ дома находится садъ, окруженный

живой изгородью, а въ томъ саду бесѣдка изъ жимолости. Солнце свѣтило ярко, въ саду стоялъ сильный запахъ цвѣтовъ... Я посмотрѣлъ черезъ изгородь... она сидѣла въ бесѣдкѣ, съ ребенкомъ на рукахъ... Она попоилила и еще похорошѣла; грудь у нея была открыта, ребенокъ колотилъ по ней своими рученками; она улыбалась, смотря на него и ничего не видѣла, что происходило вокругъ нея... Въ эту минуту бѣсъ сталъ смущать меня... Онъ указывалъ мнѣ на это молодое, сибьющееся, прекрасное созданіе и шепталъ мнѣ... о, что онъ шепталъ мнѣ!.. Съ этой пагубной минуты я сталъ бродить вокругъ деревни точно звѣрь лютый... какъ бродитъ волкъ вокругъ стада... Однажды, продолжилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія, — въ воскресенье — никогда не забуду я этого дня — въ корчмѣ играла музыка, люди танцевали, а я сидѣлъ въ углу, курилъ, пилъ и думалъ... о чемъ я только не думалъ. Вошелъ Максимъ, замѣтилъ меня, подошелъ ко мнѣ и сѣлъ за мой столъ.

— Полно горевать сказалъ онъ мнѣ насмѣшливо, — лучше выпей со мной вина; выпьемъ за здоровье моей жены: она не разсердится на насъ за это.

— А я отвѣчу тебѣ, закричалъ я съ гнѣвомъ, — что никогда не пью съ дураками, подобными тебѣ.

— Ты, вѣрно, уже напился, сказалъ Максимъ.

— Мнѣ не нравится, закричалъ я, — что ты разыгрываешь изъ себя пана; иди лучше къ женѣ, у которой ты находишься подъ башмакомъ.

— Я подъ башмакомъ? вскричалъ онъ, поднимая сжатый кулакъ; онъ былъ сердитъ подъ часъ и любилъ издѣваться надъ всѣми, но ему, какъ первому богачу у насъ, все сходило съ рукъ.

— Да, ты подъ башмакомъ, сказалъ я.

— Онъ ударилъ меня въ лицо, понимаете-ли вы! онъ, Максимъ, за котораго только ради его богатства отдали любимую мною женщину.

— И что-же? спросилъ я.

— Я его убилъ, сказалъ Кирилъ, смѣясь своими адскими смѣхомъ.

На этотъ разъ между нами на-долго воцарилось молчаніе.

— Былъ ты наказанъ за это? спросилъ я наконецъ.

— Тогда мнѣ еще не было двадцати лѣтъ; убійство я совершилъ изъ ревности и въ пьяномъ видѣ, къ тому-же Максимъ самъ былъ зачинщикомъ; — все это судъ принялъ въ соображеніе, и меня судили на десять лѣтъ тюрьмы... Высидѣвъ тамъ десять лѣтъ, я вышелъ совершеннымъ негодяемъ... но все-таки теперь она моя. Развѣ я не достигъ того, чего такъ пламенно желалъ?

— Онъ жена твоя?

— Нѣтъ, но будетъ ею, хотя-бы для того мнѣ пришлось поженаться съ самимъ чортомъ.

V.

Я сбился съ дороги, возвращаясь отъ туловскаго русскаго священника, у котораго былъ въ гостяхъ. Когда я вышелъ изъ дому стоялъ великолѣпный зимній день; небо было чистое, голубое, солнце свѣтило ярко, снѣгъ хрустѣлъ подъ моими ногами, заивдѣвшія сосны были очень красивы. Я засидѣлся у священника; въ то время, какъ величественная, гостепріимная попадья угощала насъ кофе, подавая его въ огромныхъ чашкахъ, а мы съ попомъ толковали о христіанствѣ, буддизмѣ, природѣ, броненосныхъ корабляхъ, новомъ ружьѣ, политикѣ и о другихъ матеріяхъ важныхъ, — пошелъ сильный снѣгъ, а затѣмъ совершенно стаяло. Я потерялъ тропинку, по которой мнѣ слѣдовало идти, и сталъ блуждать, не зная на какомъ направленіи остановиться, какъ вдругъ увидалъ вдали свѣтъ и пошелъ на него. Онъ привелъ меня прямо къ Федосьиной мельницѣ. Шумливый ручей замерзъ, колеса остановились и кругомъ обмерзли. Я стукнулъ въ дверь нѣсколько разъ, наконецъ, съ смолянымъ факеломъ въ рукахъ, показалась хозяйка мельницы, вдова Федосья. Предварительно опросивъ, кто такой пришелъ, она отперла дверь, съ улыбкой меня привѣтствовала и впустила въ комнату.

Федосья принадлежала къ числу тѣхъ счастливыхъ по природѣ женщинъ, на которыхъ время почти не дѣйствуетъ; въ тридцать лѣтъ онѣ какъ будто возрождаются къ новой юности и до пятидесяти лѣтъ все остаются красавицами. Въ манерѣ дер-

жаться, во всей фигурѣ Федосьи было что-то величественное; всякое ея движеніе, звукъ ея чистаго, очаровательнаго голоса показывали, что она привыкла повелѣвать. Ее нельзя было назвать безукоризненной красавицей; при внимательномъ наблюденіи оказывалось, что черты ея лица рѣзки, подбородокъ нѣсколько выдавшійся, скулы тоже выдавшіяся, носъ небольшой и курносый, ротъ чувственный и высокочѣрный, зеленые глаза слишкомъ быстры; длинныя и густыя русые волосы нѣсколько грубы; однимъ словомъ, у нея была энергическая, упорная, безжалостная фizioномія, которая съ перваго взгляда давала понять, почему наши великіе князья, наши польскіе короли, наши магнаты, наши бояре такъ сильно подчинялись капризамъ своихъ любовницъ изъ крестьянокъ. Красота талии Федосьи производила такое впечатлѣніе, что красавица-вдова казалась выше ростомъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности; въ ея походкѣ, въ поворачиваніи головы, въ поднятіи руки была такая смѣсь силы и граціи, что нельзя было не очароваться. И теперь я любовался ею, одѣтою въ красныя туфли, въ короткую холщевую юбку и въ коротенькую кофту зеленого сукна, открытую на-столько, чтобы была видна пышная грудь, прикрытая только вышитой рубахой, и мысленно переносился въ другіе, подобныя ей женщинамъ, силою воли и красотой достигшимъ самого трона...

Федосья оторвала меня отъ моихъ думъ, поставивъ передо мной, на столѣ, холодную говядину, сыръ и бутылку вина. Она сѣла рядомъ со мною на скамьѣ и обратилась ко мнѣ съ вопросами, показывавшими, что она женщина уная и осторожная. Напримѣръ, она спросила меня, хорошо-ли она сдѣлала, продавъ пше-ницу и муку прусскимъ купцамъ, а когда я выяснилъ ей всѣ выгоды такой сдѣлки, она отвѣчала съ улыбкою:

— Я нашла ихъ цѣну хорошею и уже покончила съ ними; я хотѣла только знать, одобряете-ли вы эту сдѣлку. Очень рада, что вы находите ее разумной.

Какая самостоятельность звучала въ этихъ словахъ! Потомъ заговорила она о политикѣ, о послѣдней войнѣ, о сеймѣ, о новыхъ либеральныхъ законахъ.

— Теперь, сказала она, пристально смотря мнѣ прямо въ глаза,—намъ надо выбрать депутата. Я имѣю право голоса, т. е. могу передать его по довѣренности. Хотите, я передамъ его вамъ.

— Принимаю ваше предложеніе отъ чистаго сердца; но почему вы остановились на мнѣ?

— Я знаю, вы не станете поддерживать поляковъ, отвѣчала она.—Какъ вы думаете, кого преимущественно должны выбирать русскіе округа: крестьянъ или священниковъ?

— Скажите прежде ваше мнѣніе, Федосья, потомъ я сообщу вамъ свое.

Она скрестила руки на груди и искоса посмотрѣла на меня.

— Я думаю, недурно выбрать нѣсколькихъ крестьянъ, сказала она,—чтобы въ собраніи были люди, хорошо знающіе нужды деревенскихъ жителей; однакожь все-таки я предпочитаю имъ поповъ; они знаютъ больше, чѣмъ крестьяне. Вообще-же я отдала бы преимущество тѣмъ, которые много учились, которые хорошо знаютъ, что именно нужно всѣмъ безъ исключенія, и дворянамъ, и крестьянамъ, и купцамъ; — тѣмъ, которые смѣло идутъ впередъ, а не оглядываются безпрестанно назадъ,—которые въ состояніи, въ случаѣ надобности, повести за собой, какъ теленка на веревкѣ, тѣхъ, кто не хочетъ слѣдовать за ними.

— Могу сказать вамъ, Федосья, что вы столько-же разумны, сколько красивы.

— Очень вамъ благодарна, отвѣчала она, играя рукавомъ своей вышитой рубашки и кокетливо улыбаясь, при чемъ выставились ея превосходные зубы,—но къ чему говорите вы мнѣ такія слова, вы панъ, а я...

Она встала, красивая, кокетливая и засмѣялась самымъ веселымъ смѣхомъ.

— Однакожь, вамъ пора и на покой. Извините меня за мою докучливость. Пожалуй, уже полночь?

— Нѣтъ, всего десять часовъ, отвѣчалъ я.

— Тѣмъ лучше!

Въ той комнатѣ, гдѣ мы сидѣли теперь, она приготовила мнѣ великолѣпную постель изъ сѣна, а вмѣсто одѣяла предложила свой широкій плащъ.

— А гдѣ-же будете спать вы, Федосья?

— Рядомъ.

Въ ея домѣ было двѣ комнаты, какъ и въ большей части домовъ богатыхъ русскихъ крестьянъ.

— Покойной ночи, сказала она;—запомните хорошенько сонъ,

который увидите сегодня ночью: онъ непременно сбудется, такъ-какъ вы почувете въ первый разъ подъ этой кровлею. Покойной ночи!

Она вышла и затворила дверь, но не на ключъ. Я слышалъ, какъ она раздѣвалась и укладывалась на свою постель. Она засыпала тихо, беззаботно, не думая о томъ, что я нахожусь въ двухъ шагахъ отъ нея. Эта женщина не нуждалась въ покровительствѣ ни противъ другихъ, ни противъ самой себя. Вскорѣ она вздохнула, но сильнѣе, чѣмъ обыкновенно вздыхаютъ во снѣ. Въ домѣ была мертвая тишина, нарушаемая только чирканье сверчка.

Въ полночь я былъ внезапно разбуженъ инымъ шумомъ. Кто-то сильнымъ кулакомъ колотилъ въ дверь мельницы и кричалъ. Пока я не проснулся совершенно, я не различалъ словъ; вдругъ мнѣ показалось, что я узнаю голосъ Кирилла. Нѣтъ сомнѣнія, это онъ требуетъ, чтобы его впустили... Стало быть, Федосья его... Въ новомъ свѣтѣ представилась мнѣ теперь эта осторожная, выскокѣрная женщина. Какъ остро насмѣхалась она, жестокая, какъ демонъ! Федосья отказывалась отворить дверь.

— Я сломаю замокъ или высажу дверь, выбирай! кричалъ Кириллъ.

— Какъ хочешь, но не забывай, что у меня собаки спущены съ цѣпи.

— Пусти, Федосья; ты меня знаешь, если я захочу войти. ничто меня не остановитъ, ничто не испугаетъ.

— Пьяница, воръ! Убирайся! не то я позову собакъ.

— Я не пьянъ, я безумно люблю тебя, сказалъ Кириллъ, налегая на дверь.

Красавица-мельничиха расхохоталась неудержимымъ смѣхомъ.

— Гэй, Бетьяр! Гола! Султанъ! кликнула она собакъ.

— Не кличь собакъ, я ихъ задушу!

— Ты? Скажи, что ты забылъ тутъ? спросила съ ироніей Федосья.

— Я пришелъ къ тебѣ съ новостями, мы поговоримъ;.. безъ кривляній, Федосья! Ты знаешь хорошо, что воръ не можетъ при дневномъ свѣтѣ къ тебѣ, богатой гордой вдовѣ. Вотъ почему я прихожу ночью,.. всякому свое.

— Тоже разсуждаетъ, бездѣльникъ...

— Не болтай, а отвори, на дворъ холодно.

— Мерзни, если хочешь, мнѣ-то что до этого, сказала Федосья, смѣясь.— Не шуми; у меня панъ, не разбуди его.

— У тебя панъ! вскричала Кирилль.— Ты не изъешь жалости ко мнѣ.

— Конечно, не имѣю.

— Федосья!

— Чего еще?

— Я на колѣняхъ, въ снѣгу. Умоляю тебя, пусти, сказалъ Кирилль нѣжными, просительными тономъ.

— А! ты переѣвилъ тонъ, отвѣчала она; — волеъ стать ручнымъ.

— Отвори.

— Изволь, если это сдѣлаетъ тебѣ удовольствіе.

Она встала, я слышалъ, какъ она одѣвалась, лучъ свѣта блеснулъ въ щели перегородки. Она отодвинула задвижку, ключъ щелкнулъ и грабитель вошелъ къ богатой и прекрасной вдовѣ.

— Теперь ты доволенъ? спросила она насмѣшливымъ тономъ.

— А ты развѣ не довольна? въ свою очередь спросилъ Кирилль.

— Тихе, я уже говорила тебѣ, что здѣсь ночуетъ панъ, въ сосѣдней комнатѣ.

Она назвала меня; нѣкоторое время они гѣворили очень тихо; потомъ голоса стали возвышаться; свѣтлый лучъ скользилъ по потолку ноей комнаты. Я не могъ удержаться, чтобы не посмотрѣть въ щель. Федосья совсѣмъ одѣтая, сидѣла на кровати; Кирилль сидѣлъ рядомъ съ нею и цѣловалъ ее.

— Оставимъ это, сказала рѣзко странная женщина, — я не хочу, чтобы ты повторялъ эти глупости.

— Почему-же? Развѣ ты меня не любишь? Развѣ ты не моя?

— Я тебя люблю и никогда не любила никого другого.

— Даже твоего мужа?

— Не любила и его; я вышла за него замужъ потому, что у него была хорошая земля, много лошадей и скота.

— А я убилъ его за это, сказалъ Кирилль мрачнымъ тономъ.

— Что-жь, развѣ я много плакала объ немъ? спросила Федосья пренебрежительно.— Съ тѣхъ поръ я стала свободна и поль-

зова лась свей свободой, какъ могла. Пока ты былъ въ тюрьмѣ, я забавлялась.

— Молчи! закричалъ Кирилль, хмура лобъ.

Она посмотрѣла на него и въ первый разъ улыбнулась нѣжной, выражающей симпатію къ нему улыбкой; потомъ поцѣловала его и положила свою голову къ нему на плечо.

— Трудно повѣрить, какъ я тебя любила, сказала она, — ди тебя, я разсталась съ богатымъ паномъ, когда ты возвратился; я разошлась съ нимъ, единственно для тебя...

— Почему-же ты не хочешь быть моею женою?

— Твоею женою?

Она залилась самымъ искреннимъ хохотомъ.

— Смѣйся, Кирилль, продолжала она, — что-же ты не смѣешься?

Онъ, однакожь, не смѣлся.

— Почему, говори, почему? твердилъ онъ. — Не лги. Почему? Федосья не отвѣчала; она быстро вскочила и зашагала по комнатѣ; грудь ея сильно колыхалась, глаза метали молніи.

— Что-жь, когда попъ объявить о нашей свадьбѣ? приставалъ онъ.

— Прежде онъ объявить, что ты сумасшедшій, помѣшавшійся на тщеславіи.

— Желалъ-бы я знать, у кого изъ насъ двоихъ болѣе гордости, сказалъ Кирилль. — Представляйся дамою съ другими, но не со мною, иначе...

Онъ поднялъ свой сжатый кулакъ.

— Что иначе? спросила Федосья презрительно; она не моргнула бровью.

— Иначе ты узнаешь крѣпость моего кулака, чортова дочка.

— Ты кончилъ, проговорила холодно красавица-мельничиха. — Выслушай-же, что я тебѣ скажу. Ты коришь меня гордостью, но развѣ отворила-бы я тебѣ дверь сегодня, если-бъ была горда съ тобою?

— Пойдемъ со мною къ священнику, если у тебя есть сердце, настаивалъ Кирилль.

— Я тебя люблю, отвѣчала она, — развѣ этого не довольно? Всѣ стануть осуждать меня, если я выйду замужъ за вора.

— Изъ-за чего-же стануть осуждать тебя? Не изъ-за того-

ли, что я носилъ кандалы? Но вѣдь я надѣлъ ихъ изъ-за любви къ тебѣ, неблагодарная.

— Нѣтъ, вовсе не это, отвѣчала Федосья невозмутимо; — ты былъ честнымъ малымъ — я не хотѣла идти за тебя, ты сталъ негодаешь — и я снова не могу взять тебя въ мужа, потому что какъ тогда, такъ и теперь у тебя нѣтъ ничего, а я не бѣдна.

— Старая исторія, вѣчно одно и то же! сказалъ Кирилль и бѣшено захохоталъ.

— Эта мельница, эти поля, эти луга, этотъ лѣсъ принадлежатъ мнѣ, доказывала Федосья съ жестокой логикой; — у меня семнадцать коровъ, восемь воловъ, четыре лошади, не считая птицы, и три тысячи флориновъ, лежащихъ въ этомъ ящикѣ. А что есть у тебя? Только то, что ты украдешь у другихъ. Нѣтъ у тебя ничего, нищій, воръ!

Кирилль вскочилъ, страшно вращая глазами.

— А, для любовника я еще гожусь; я не слишкомъ подлѣ, говори?

— Я не знаю сама, почему я чувствую къ тебѣ влеченіе, сказала она, пожимая плечами съ такимъ презрѣніемъ, что у меня кровь похолодѣла въ жилахъ, — но я не возьму тебя въ мужа. Я скорѣе приму ядъ, слышишь ты?..

Кирилль упалъ на кровать и рыдалъ.

— У тебя нѣтъ никакого чувства, бормоталъ онъ слабымъ голосомъ. — Можно-ли говорить такъ съ человѣкомъ, которій...

— Десять лѣтъ сидѣлъ въ колодежахъ, окончила Федосья. — По мнѣ этого мало... Плачь, сколько хочешь... я буду смѣяться.

— Придетъ день, когда я заставлю тебя плакать, шепталъ Кирилль, глотая свои слезы; — будешь помнить ты меня!

Федосья продолжала смѣяться, потомъ вдругъ лобъ ея омрачился и она машинально стала поправлять свою рубаху.

— Угрозы! Не хочешь-ли ты обокрасть меня?

— Федосья!

— Пришелъ ты въ разумъ?

— Дай мнѣ твою руку, Федосья.

— На, цѣлуй ее, проси у меня прощенья.

Онъ поцѣловалъ ея руку съ покорностью и преданностью собаки.

— Дай слово, по крайней мѣрѣ, что ни за кого не выйдешь замужъ.

— Отчего-жъ мнѣ не выйти?

— Потому что я этого не хочу, сказалъ Кирилль, крѣпко стукнувъ ногой.

— Такъ я тебя и послушала! Ахсенъ Провъ добивается моей руки. Какъ ты думаешь, приличная онъ партія для меня? У него восемьдесятъ акровъ земли.

— И лысая голова.

— Что-жъ изъ этого, у него много наличныхъ денегъ.

— Этотъ пузанъ напивается каждый день.

— У него есть чѣмъ платить за выпитое вино.

— Возьми его, сказалъ Кирилль дрожащимъ голосомъ, — и мы увидимъ...

— Ты ревнивъ, бѣдняга.

Она наклонила его голову, показывая видъ, что желаетъ его поцѣловать, но дала ему тукманку.

Кирилль нахлобучилъ шляпу на голову и направился къ двери.

— Когда придешь? спросила она.

— Никогда!

— То-есть завтра.

Она сердито хлопнула дверью.

— погоди, я обрѣжу тебѣ крылья, кричала вслѣдъ ему Федосья.

И ея смѣхъ пронесся въ тиши ночи точно хохотъ русалки, которая, по народному повѣрью, прикрываясь своими золотыми косами, при свѣтѣ луны, качается на вѣтвяхъ деревьевъ и убиваетъ своими страстными поцѣлуями, чередующимися съ безумнымъ хохотомъ, того, кто неосторожно за нею послѣдуетъ.

VI.

За недѣлю передъ выборами я зашелъ къ Федосьѣ, желая получить отъ нея довѣренность на подачу ея голоса въ пользу нашего кандидата. Она сидѣла на скамьѣ подлѣ очага; она скрестила руки на груди и улыбалась злою улыбкою. На низенькомъ

табуретѣ, подлѣ нея сидѣлъ, скорчившись, старый холостякъ, Аксень Провъ, имѣвшій теперь видъ кающагося ребенка, пойманнаго на какой-нибудь шалости. Онъ дрожалъ и плакалъ; двѣ пряди волосъ въ беспорядкѣ свѣсались у него на уши и открыли во всемъ блескѣ его лысину. Федосья встала, когда я пришелъ и поздоровалась со мною; Аксень закрылъ руками свое изсѣра-блѣдное лицо.

— Могу я получить вашу довѣренность, Федосья? спросилъ я.

— Разуѣвется, можете; напишите ее, пожалуйста.

— Вы, можетъ быть, измѣнили свое мнѣніе.

— Никогда не измѣняю я то, что разъ сказала.

— Я заранѣе заготовилъ довѣренность, сказалъ я, кладя ее на столъ.

— Кого предполагаете вы выбирать? спросила она, внимая изъ ящика комода бутылочку съ заплѣсневѣлыми чернилами; потомъ стала отыскивать перо.

— Нашъ кандидатъ выставленъ львовскимъ комитетомъ; это очень способный учитель и человѣкъ вполне честный.

— Такого-то намъ и нужно, сказала вдова.

Подойдя къ столу, она подписала довѣренность крупными буквами. Этотъ процессъ она совершила съ нахмуренными бровями, съ открытымъ ртомъ, съ прерывистымъ дыханіемъ и съ такой строгой важностью и волненіемъ, точно она была судьей, подписывавшимъ смертный приговоръ.

Отчаянные вздохи Аксена Прова заставили ее обернуться.

— Посмотрите, панъ, вскричала она, — на эту кислятину! И онъ еще желаетъ быть моимъ мужемъ. Перестань реветь, Аксень, или я вытолкну тебя за дверь.

— Горе мнѣ! со слезами въ голосѣ сказалъ старый холостякъ, — горе, что я узналъ тебя. Я разоренъ, совершенно разоренъ, и по твоей винѣ. Да будетъ проклять день, когда я родился; да будетъ проклять день, когда я узналъ тебя; я сталъ скотомъ съ того времени, какъ сказалъ тебѣ: „Федосья, если хочешь, я женюсь на тебѣ“.

— Гдѣ научился ты этимъ ругательствамъ? Навѣрное, въ корчмѣ жида, спросила спокойно Федосья.

— Отчего ты не отказала мнѣ тогда-же! пробормалъ Аксень.

— Убирайся, старый плакса; тебѣ въ пору наниматься пла-

кальщикомъ при погребеніяхъ; тамъ будутъ хорошо платить тебѣ за твои крики и слезы; я-же не дамъ ничего.

— Такъ ты не пойдешь за меня замужъ?

— Нѣтъ.

— А изъ-за кого потерялъ я лошадей, скотъ, посѣвы?..

— Это не мое дѣло.

— Нѣтъ, я хочу сказать все, проговорилъ онъ, рѣшительно выходя изъ себя.—Послушайте, панъ, изъ-за этой женщины я потерялъ все... Я былъ богатъ; дѣвушки смотрѣли на меня благо-склонно, а теперь я дошелъ до нищенства и все изъ-за нея, а она еще смѣется надо мной!

— Вы дошли до нищенства! какъ я долженъ понимать ваши слова? спросилъ я.

— О, вы сейчасъ поймете... Я былъ осломъ, какихъ мало. Я думалъ только о томъ, чтобы жениться на ней, но, дуракъ, не подумалъ о Кириллѣ, который убилъ ея мужа и сталъ ея любовникомъ. Не правда-ли, что я...

— Послѣдній изъ ословъ, закричалъ кто-то въ открытое окно.

Это былъ Кириллъ. Аксенъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ; на лицѣ Федосьи показалась торжествующая улыбка.

— Развѣ я смотрѣлъ на тебя иначе, какъ на осла, котораго слѣдуетъ бить, пока онъ не станетъ слушаться, продолжалъ Кириллъ.—Я отнял у тебя коровъ и лошадей; я взялъ у тебя твое новое платье, сапоги, банковые билеты, часы; я открылъ шлюзы запруды и затопилъ твои посѣвы; я это сдѣлалъ и поступлю также со всякимъ, кто станетъ ухаживать за этой женщиной. Мнѣ кажется, что ты, дуракъ, еще не отказался отъ своего глупаго желанія жениться на ней. Не хочешь-ли ты, чтобы я покончилъ съ тобой, какъ съ Максимомъ. Хочешь?

Съ этими словами Кириллъ вскочилъ въ комнату черезъ окно и схватилъ за волосы бѣднаго Аксена. Я пытался остановить его; Федосья смѣялась. Аксенъ не дѣлалъ никакой попытки освободиться отъ своего мучителя, который, собравъ въ пригоршню всѣ волосы несчастнаго, тянулъ ихъ къ себѣ.

— Боже мой! бормоталъ Аксенъ,—ты меня убьешь! Отпусти меня и я откажусь отъ Федосьи, только отпусти меня, ради Бога.

— Трусъ! вскричала вдова съ отвращеніемъ.

— А, ты хотѣлъ взять ее въ жены, сказалъ Кирилль, давая ему полноувѣснаго тумака въ спину; — ты хотѣлъ цѣловать ее, вотъ тебѣ въ рыло—(онъ далъ ему пощечину);— ты хотѣлъ разувать ее, вотъ тебѣ мой сапогъ, и другой.

Онъ два раза ударилъ несчастнаго ногой. Федосья хохотала каждый разъ, какъ Кирилль наносилъ ударъ Аксену. Избивъ его до полу-смерти, Кирилль выбросилъ несчастнаго черезъ окно въ протекавшій подлѣ дома ручей. Вымокшій, какъ щенокъ, несчастный Аксенъ съ трудомъ перебрался на другой берегъ, отряхнулся и пошелъ домой такъ быстро, какъ позволяли ему его ослабѣвшія силы.

— Ты мнѣ нравишься такимъ, сказала Федосья своему любовнику;—онъ возвратилъ мнѣ мое слово изъ страха къ тебѣ. Я пойду въ погребъ и сама принесу тебѣ вина.

Она захохотала, какъ сумасшедшая. Кирилль ничего не отвѣтилъ; онъ стоялъ въ углу, зубы его были сжаты.

— Если дѣла пойдутъ такимъ порядкомъ, сказалъ я ему,—эта женщина приведетъ тебя прямо на висѣлицу. Прими честную работу... я дамъ тебѣ ее охотно.

— Я желаю работать, отвѣчалъ Кирилль,—только...

— Не раздумывай долго, рѣшайся.

— Я уже рѣшился.

Федосья вернулась съ бутылкой и раскупорила ее. Воръ поднялъ глаза на свою мучительницу; въ нихъ выражалась нѣжная мольба.

— Я сдѣлаю все, что вы говорите, сказалъ Кирилль, — лишь-бы она согласилась выйти за меня замужъ. Безъ нея, я не могу...

— Слышите, Федосья, сказалъ я.—Хотите спасти его?

— Не стоитъ труда, отвѣчала она. — Перемѣнникъ разговоръ.

— Но развѣ вы не боитесь отяготить свою совѣсть ужасной отвѣтственностью, если онъ кончитъ худо? спросилъ я тономъ упрека.

— Я принимаю на себя отвѣтственность, отвѣчала она спокойно;—я пойду смотрѣть, когда его будутъ вѣшать.

Я пожалъ плечами и вышелъ; она послѣдовала за мной.

— Значить, вы его не любите? спросилъ я, когда мы были уже за дверью.

— Я люблю только его одного.

— И не хотите спасти.

— На него нужна розга. И зачѣмъ я выйду за него замужъ? Я увѣрена, что онъ не посмотритъ ни на какую другую женщину. Наружность его только свирѣпая, но этотъ медвѣдь ѣсть у меня изъ рукъ, какъ самый ручной цыпленокъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого разговора, въ свѣжее майское утро, я встрѣтилъ Федосью, одѣтую въ праздничный костюмъ галицiйской крестьянки: высокіе мужскіе сапоги, яркую юбку, красный корсетъ и длинный плащъ, называющійся „сукмана“. Голова ея была повязана ярко-красною косынкою; на шеѣ и на груди блестяли коралы. Она вела на веревкѣ теленка, который упирался, не желая слѣдовать за нею.

— Куда вы идете, прелестная вдова? спросилъ я.

— Веду теленка къ мяснику, отвѣчала она насмѣшливымъ тономъ,—и въ замѣнъ приведу себѣ мужа.

— Вы шутите?

— Нисколько.

— Вы хотите снова выйти замужъ?

— Да, и на этотъ разъ серьезно. Долго я раздумывала и наконецъ, какъ мнѣ кажется, сдѣлала хорошій выборъ. Я выйду за Ларіона Родзянко; онъ богатъ, у него порядокъ въ домѣ, это сторона серьезная; онъ молодъ и красивъ, это сторона пріятная.

— А Кирилль... Подумайте...

— Я все обдумала, прервала она меня совершенно спокойно;— онъ можетъ видѣться со мной, когда захочетъ.

— Я боюсь, онъ скорѣе совершитъ какое-нибудь преступленіе.

— Ну что-жь, его заберутъ, и я, какъ обѣщала ему, пойду смотрѣть, когда его будутъ вѣшать.

— Нѣтъ, возразилъ я,—невозможно, чтобъ вы вышли замужъ за Ларіона.

— Пойдемте вмѣстѣ, и вы повѣрите.

Я отправился съ нею сперва къ мяснику, которому она съ большимъ хладнокровіемъ помогла убить теленка, а потомъ къ Ларіону. Онъ былъ въ полѣ, но, замѣтивъ насъ, тотчасъ-же под-

объжалъ къ намъ и привѣтствовалъ насъ, низко кланяясь. По обычаю, онъ спросилъ у Федосьи, чего ей пожелать.

— Пожелайте мнѣ выйти замужъ, отвѣчала она.—И знаете, кого я желала-бы выбрать? Васъ, Ларіонъ.

Въ то-же время она бросила на него такой взглядъ, что привела его въ смущеніе.

— Меня! Вашимъ мужемъ? пробормоталъ онъ.—Вы смѣтаетесь вѣдо мной. Могу-ли я повѣрить, что наша красавица Федосья, болѣе десяти лѣтъ оставшаяся вдовою, захочетъ...

— Можете вѣрить, прервала она его;—я желаю снова выйти замужъ и именно за васъ, Ларіонъ, конечно, если вы не найдете къ тому препятствій.

— Возможно-ли? сказалъ молодой человѣкъ, совсѣмъ сконфуженный.—Вы не только красавица, вы умная женщина и отличная хозяйка. Я сочту за честь быть вашимъ мужемъ, вашимъ слугою, но...

— Ты не имѣлъ мужества объясниться со мною, прервала его Федосья;—я это знала и сама пришла къ тебѣ, и ты не уйдешь отъ меня, будь покоенъ. Я обмотаю этой веревкой твою шею и приведу тебя въ свой домъ, какъ вола.

— Такъ оно и будетъ, прошепталъ Ларіонъ съ покорностью вола, котораго ведутъ на бойню. — Но развѣ вы забыли Кирилла?

— Не говори мнѣ объ этомъ негодяѣ.

— Но этотъ негодяй убилъ вашего мужа, исколотилъ одного изъ влюбленныхъ въ васъ; я какъ-бы чувствую веревку, которую онъ затягиваетъ на моей шеѣ... Я не осмѣлюсь...

— Неужели ты изъ той-же породы, что и Аксень, вскричала Федосья съ презрѣніемъ: — пустая башка въ родѣ выдолбленной тыквы?

Ларіонъ почесался за ухомъ.

— Ну полно-же, не вздыхай, мой милый, продолжала мельничиха,—а то ты, пожалуй, растаешь, какъ снѣговикъ на солнцѣ. Желаетъ-ли ты получить мою руку?

— Ахъ, Федосья! вскричалъ Ларіонъ, въ которомъ боролись страхъ и удовольствіе, — съ трудомъ могу я повѣрить, что вы меня выбираете; но если вы дѣйствительно желаете быть моею женою, надобно окончить все дѣло какъ можно скорѣе и тайно.

Какъ только стану я вашимъ мужемъ, я съумѣю отдѣлаться отъ *того*, дьяволъ его поберетъ!

— Ты говоришь теперь, какъ слѣдуетъ, сказала весело Федосья.—Я твоя!

Она подала ему руку; затѣмъ они стали строить планы насчетъ будущаго и на прощанье выпили водки.

Ларіонъ проводилъ насъ до перекрестка, гдѣ раздѣляются дороги.

— Чѣмъ кончится все это? сказалъ я, идя рядомъ съ Федосьей, когда мы разстались съ Ларіономъ.

— Какъ? Я сдѣлаю то, что сказала.

— Кирилль способенъ на все, онъ доказалъ это.

— Самому ему слѣдуетъ побережься! вскричала она, хмури брови и съ злымъ выраженіемъ на лицѣ.—Онъ желаетъ жениться на мнѣ, но онъ упрямъ, какъ осель и я не соглашаюсь выйти за него именно за его упрямство. На зло ему, я избираю другого мужа и нисколько не буду печалиться, если они вцѣплятся другъ другу въ волосы. Когда мой мужъ поселится въ моемъ домѣ вы увидите, какъ я заставляю ихъ идти рядышкомъ, ровнымъ шагомъ; о, я съумѣю ихъ вести въ поводу.

VII.

Въ воскресенье, послѣ обѣдни, Федосья и Ларіонъ, одѣтые по праздничному, въ сопровожденіи своей свадебной свиты, зашли ко мнѣ, пригласить меня на ихъ свадьбу; по обычаю, они три раза поклонились мнѣ въ ноги.

— Значить, все благополучно? спросилъ я.

— Священникъ разомъ сдѣлалъ всѣ три оклички, отвѣчала Федосья,—и сегодня общалъ насъ обвѣнчать.

— Славу Богу, все идетъ хорошо, сказалъ въ свою очередь Ларіонъ, сильно взволнованный, отирая платкомъ крупныя капли пота на лицѣ.

— А Кирилль?

— Мы его приглашали, сказала Федосья, — онъ нисколько не удивился, поподчивалъ насъ водкой и общалъ придти на свадьбу.

— Въ такомъ случаѣ, и я доволенъ.

По дорогѣ къ дому Федосьи я встрѣтилъ Кирилла; шляпа его была украшена лентами различныхъ цвѣтовъ; одинъ букетъ онъ несъ въ рукѣ; другой, меньшій, былъ заткнутъ у него за поясомъ; его глаза блестѣли страннымъ блескомъ. Онъ остановился, о чемъ-то размышляя, потомъ заплѣлъ про себя припѣвъ какой-то веселой пѣсни. Я пошелъ рядомъ съ нимъ.

— Ты идешь на свадьбу? спросилъ я.

— Нельзя не идти; она сама меня пригласила и какъ была рада, когда я согласился.

— Совѣтую тебѣ не ходить, Кирилль, иначе можетъ случиться большое несчастье.

— Случится только то, чему суждено случиться, возразилъ онъ, вздохнувъ нѣсколько разъ.

До самой мельницы мы шли вѣстѣ; толпа приглашенныхъ на свадьбу, собравшаяся передъ домою, посмотрѣла на насъ съ любопытствомъ. Кирилль подошелъ къ молодымъ дѣвушкамъ и сталъ отпускать имъ такія шутки, которыя заставляли ихъ краснѣть, но вѣстѣ съ тѣмъ вызывали хохотъ, — точно онъ обязался играть роль шута на этомъ свадебномъ пиру. Заиграла музыка: скрипки скрежетали, труба издавала нестройные звуки, цимбалы хныкали, бась ворчалъ, какъ сильно соскучившійся медвѣдь. За музыкантами шель женихъ, свидѣтели, пѣвицы, вся свадебная свита, разукрашенная цвѣтами и лентами, и веселящаяся отъ души. Однакожь, Ларіонъ опустилъ глаза, зачѣтивъ Кирилла.

По старинному обычаю, передъ дверьми дома невѣсты заплѣли пѣсню, прося позволенія войти. Пѣніе продолжалось недолго. Вышла Федосья, великолѣпно одѣтая, съ вѣнкомъ живыхъ цвѣтовъ на головѣ, и сказала:

— Будетъ пѣть; зачѣмъ долго просить права войти; охотно, отъ чистаго сердца приглашаю васъ всѣхъ къ себѣ. Пожалуйте!

Кирилль закусилъ губы, смотря на нее изъ подлобья. Такая красавица и во второй разъ для него потеряна, — потеряна навсегда! Однакожь, онъ спокойно вошелъ въ домъ вѣстѣ съ остальными гостями. Федосья взяла за руку Ларіона и три раза поклонилась въ землю каждому изъ гостей, прося его благословенія. Дошла очередь до Кирилла.

— Какое счастье для меня, что вы пришли, сказала она, улыбаясь. — Надѣюсь, нашъ праздникъ будетъ веселъ.

— Да, очень веселъ, если Богу будетъ угодно, отвѣчалъ Кирилль также съ улыбкой.

Она простерлась передъ нимъ вѣстѣ съ Ларіономъ; онъ положилъ руки на ея голову и сказалъ:

— Да сбудется все, что я вамъ желаю.

— Аминь, отвѣчала Федосья громкимъ и твердымъ голосомъ. „Аминь“ остановился въ горлѣ Ларіона, который совершенно побавровѣлъ.

— Давай Богъ! вскричала толпа.

Въ то время какъ свадебное шествіе направилось къ церкви, я подошелъ къ Федосьѣ.

— Не дразните его, онъ раздраженъ, сказалъ я ей.

Она пожала плечами и ничего мнѣ не отвѣтила.

Когда священникъ соединилъ руки жениха и невѣсты. Кирилль сдѣлалъ одобрительный знакъ своей головою. Федосья, ставъ женой Ларіона, съ торжествующимъ видомъ посмотрѣла на своего любовника. По возвращеніи изъ церкви на мельницу, она отвела Кирилла въ сторону и сказала ему:

— Какъ ты себя чувствуешь, Кирилль?

— Хорошо, очень хорошо.

— Очень рада, отвѣтила она торопливо. — Ничто не измѣнится въ нашихъ отношеніяхъ; ты можешь приходить ко мнѣ, когда тебѣ заблагоразсудится; если хочешь, приходи завтра, даже... можетъ быть, ты желаешь сегодня?

И она, точно стрѣла, быстро скользнула въ двери дома.

Мы вошли въ первую комнату; нѣсколько столовъ были сдвинуты вѣстѣ, покрыты чистой скатертью и уставлены огромными блюдами съ ветчиной, колбасами, разнаго рода жареными и пирогами всевозможныхъ видовъ. По всему столу были разставлены бутылки съ водкой, запеканкой и венгерскимъ виномъ. Вторая комната была совершенно пуста. Музыканты расположились въ сѣняхъ. Почетные гости, старики и старухи усѣлись за столъ, молодежь стала танцевать. По самой срединѣ стола сдѣлаи новобрачные; начался обычный церемоніалъ представленія подарковъ, съ которыми подходилъ къ новобрачнымъ каждый изъ гостей. Кирилль послѣднимъ поднялся со скамьи подлѣ очага, гдѣ

онъ сидѣлъ одинъ, и, при громкомъ смѣхѣ всего общества, поднесъ новобрачной вышитыя туфли. Она бросила на него быстрый взглядъ, въ которомъ, однакожь, не замѣчалось неудовольствія; Ларіонъ съ гнѣвомъ сталъ крутить усы.

Когда окончилась церемонія поднесенія подарковъ, гости, поочередно, поднимались одинъ за другимъ съ стаканомъ въ рукахъ; провозгласивъ тостъ и выпивъ залпомъ вино или водеу, выплескивали остатокъ на полъ. Наступила ночь; Ларіонъ, держа въ объятіяхъ свою жену и цѣлуя ее, совершенно пьяный, бросилъ свой стаканъ, наполненный виномъ, за окно, и закричалъ:

— Уже время, молодныя дѣвушки, уже время!

Музыка тотчасъ-же прекратилась; подружки невѣсты выгнали всѣхъ танцующихъ и стали готовить брачную постель; всѣ женщины запѣли старинную торжественную свадебную пѣсню.

Кирилъ выпилъ два стакана водки одинъ за другимъ, потомъ вскочилъ на столъ между блюдами, бутылками и стаканами, которыя затанцовали точно на кораблѣ въ открытомъ морѣ. Раздался общій крикъ, хохотъ, ругательства, но его звучный голосъ покрылъ весь этотъ шумъ.

— Я хочу спѣть пѣсню новобрачнымъ! вскричалъ онъ; — смирно!

Онъ ударилъ ногой по столу съ такою силою, что золотая водка расплескалась и залила новобрачныхъ и ихъ ближайшихъ сосѣдей. Наступила минутная тишина. Федосья встала; въ глазахъ ея свѣтился гнѣвъ. Кирилъ съ скрещенными на груди руками, со взоромъ, обращеннымъ на нее, запѣлъ пѣсню, въ которой рассказывалось, какъ гордая пава вышла замужъ за хохлача. Веселый пригвѣвъ этой пѣсни съ хохотомъ подхватили всѣ присутствующіе.

— Хохлачъ? пробормоталъ Ларіонъ, не въ состояніи двинуться съ мѣста; глаза его смотрѣли неподвижно и остеклянѣли, какъ у мертвеца.

— Да, хохлачъ, сказалъ Кирилъ со смѣхомъ.

— Кто хохлачъ? вскричалъ Ларіонъ, поднимаясь.

— Кто-же, какъ не ты! отвѣчалъ Кирилъ; — гордая пава взяла тебя потому, что ты богатъ, а я нищій; но брачная постель приготовлена для меня, а не для тебя: ея любезный я, а не ты.

За этими словами послѣдовалъ страшный шумъ. Ларіонъ бросился на Кирилла и повалилъ его; но тотъ съ страшными усилиями, высвободился изъ-подъ него и, въ свою очередь, смаялъ подъ себя своего противника. Толпа ринулась на несчастнаго вора, обезумѣвшаго отъ ревности, и вытолкала его за двери, награждая по пути тумаками въ спину.

— Всѣмъ вамъ отплачу, и на моей улицѣ будетъ праздникъ! ревълъ Кириллъ.

Подняли Ларіона, у котораго носъ былъ разбитъ до крови.

— Я покажу ему, кто здѣсь хозяинъ! кричалъ онъ. — Подойди ко мнѣ, Федосья, моя голубка, моя возлюбленная, моя пава, подойди, не бойся... работники будутъ зорко стеречь... Спустите собакъ!

— Мнѣ бояться! съ чего ты взяла, сказала Федосья. — У меня хватить храбрости за насъ двоихъ!

Друзья (свидѣтели) и подружки невѣсты окружили новобрачныхъ, чтобы вести ихъ на брачную постель.

— Кириллъ! Кириллъ! кричали въ сосѣдней комнатѣ и эти крики сопровождались громкимъ хохотомъ. Я бросился туда. Надъ постелью новобрачныхъ были намалеваны огромные оленьи рога.

— Это сдѣлалъ Кириллъ, сказала Федосья съ негодованіемъ. — Негодай, воръ; хоть-бы забралъ чортъ отъ насъ этого мерзавца!

Между тѣмъ приближалъ Ларіонъ съ топоромъ; желая соскоблить оскорбительную эмблему, онъ, разгоряченный водкой, сильно попортилъ стѣну.

Въ тяжеломъ настроеніи духа я простился съ новобрачными и отправился отыскивать Кирилла, но не нашелъ его ни въ его домѣ, ни въ корчмѣ, нигдѣ. Машинально я вернулся къ Федосьиной мельницѣ; ея бѣлыя стѣны выдѣлялись въ темнотѣ; одно изъ оконъ было освѣщено. Вдругъ, подлѣ риги, только на одну секунду блеснулъ другой свѣтъ, — свѣтъ искры, получаемой отъ удара огнива о камень. Загорѣвшійся кусокъ твута освѣтилъ обезображенное злостью лицо Кирилла; въ зубахъ у него была трубка.

— Кириллъ! позвалъ я, охваченный какой-то неопредѣленной тоской; — Кириллъ!

Никто не отвѣтилъ на мой зовъ; только ручей неумолчно журчалъ да на тропинкѣ ворчала большая бѣлая собака. Въ домѣ новобрачныхъ потухъ послѣдній огонь.

Я возвратился домой медленнымъ шагомъ. На крыльцѣ своего дома я остановился и еще разъ посмотрѣлъ по направленію къ мельницѣ, точно ожидалъ увидѣть что-нибудь необыкновенное. Ночь была тепла, тиха и темна; нельзя сказать, чтобы царствовала совершенная темнота, но всѣ предметы представлялись какой-то однообразной туманной массой; небо было облачное, не видѣлось ни луны, ни звѣздъ, никакого свѣта. Вдругъ показалось пламя; оно поднималось къ верху, увеличиваясь съ каждою минутою; вскорѣ весь горизонтъ покрылся ужаснымъ красноватымъ заревомъ. Предчувствіе не обмануло меня.

Я разбудилъ конюха и приказалъ ему осѣдлатъ мою лошадь. Въ ту-же самую минуту на колокольнѣ церкви нашей деревни ударили въ набатъ.

— Пожаръ! Гдѣ пожаръ? спросилъ я подбѣжавшаго ко мнѣ и сильно перепуганнаго кучера.

— Должно быть, горитъ Федосьина мельница, отвѣчалъ онъ, пристально всматриваясь по тому направленію, гдѣ видѣлось зарево.

Вскочивъ на лошадь, я поскакалъ въ сопровожденіи нашихъ слугъ, везущихъ пожарные насосы, багры, ведра и лѣстницы. По дорогѣ я встрѣчалъ крестьянъ, въ одиночку и группами, спѣшившихъ къ мѣсту бѣдствія; большая часть изъ нихъ не имѣла времени одѣться какъ слѣдуетъ: накинулъ на плечи, что попало подъ руку и побѣжалъ. Уже три огненные столба подвигались къ небу, точно желая поддержать собою сводъ изъ чернаго и густого дыма. Слышался звонъ набата; въ сосѣдствѣ лаяли собаки; издали доносились человѣческіе голоса и лошадиный топотъ.

Я прибылъ однимъ изъ первыхъ на мельницу. Пожаръ вспыхнулъ въ одно время въ домѣ, въ ригѣ и на конюшнѣ. Пламя пожирало все, съ чѣмъ соприкасалось; оно перебѣгало вдоль стѣнъ, лизало балки, вырывалось черезъ окна, двери и крышу. Изъ объятаго пламенемъ соломы вылетали во всѣ стороны искры и разсыпались по луку, представляясь огромными свѣтящимися червячками или-же падали въ ручей, мгновенно ихъ поглощавшій;

мельничныя колеса еще вращались, издавая свой монотонный звукъ; огонь не смѣлъ еще коснуться ихъ, сдерживаемый стремительно-рвущейся черезъ нихъ водой.

Тщетна была наша помощь, тщетны были наши энергическія усилія въ борьбѣ съ огнемъ. Къ берегу ручья протянулась цѣпь людей; ведра передавались изъ рукъ въ руки, наполнялись и снова возвращались къ тѣмъ, кто стоялъ на лѣстницѣ и поливалъ крышу. Нѣсколько человѣкъ накачивали пожарные насосы; нѣсколько мужественныхъ молодыхъ людей забрались на крышу и тамъ, безпрестанно окачиваемые водой, крюками сбрасывали на землю комья горѣвшей соломы. Скотъ неистово мычалъ; лошади съ бѣшенствомъ рвали свои недоуздки; курн бѣжали къ лѣсу на столько быстро, сколько позволяли имъ ихъ обожженные крылья. Вся окрестность была освѣщена пламенемъ пожара; въ красноватомъ туманѣ ярко вырисовывались кустарники и фруктовые сады; въ ручьѣ, казалось, текла не вода, а расплавленное золото.

Въ эту минуту, въ сѣромъ дымѣ, наполнявшемъ дворъ Федосьи, показалась она, полудѣтая, растрепанная, подобная боже-ству Олимпа, сходящему на облакѣ, или высокому дѣмону, изрыгнутому адомъ. Свирѣпыи, помутившимся взглядомъ она посмотрѣла вокругъ себя.

— Это дѣло рукъ Кирилла, сказала она. — Помогите намъ спасите насъ! Гдѣ Ларіонъ? Спасите сундукъ... красный сундукъ. Сто флориновъ тому, кто принесетъ мнѣ его.

Прибѣжалъ Ларіонъ; лицо его было закончено дымомъ, брови, волоса на головѣ и усы обгорѣли.

— Гдѣ ты, Федосья? крикнулъ онъ.

— Спаси сундукъ! закричала она ему. — Тамъ три тысячи флориновъ, твои и мои бумаги.

Ларіонъ скрылся за дымомъ.

— Ко мнѣ! распоряжалась Федосья.

Схвативъ толстую жердь, она пыталась выбить ею дверь; я прибѣжалъ къ ней на помощь. Вдругъ раздался пронзительный крикъ:

— Назадъ! крыша сейчасъ обрушится.

Я оттащилъ Федосью; храбрые молодые люди, бывшіе на крышѣ, стремительно соскочили на землю; послышался страшный

трескъ; мельница пошатнулась на своемъ основаніи... повалилась объятая пламенемъ крыша.

— Гдѣ Ларіонъ? кричала Федосья.— Неужели онъ погибъ?

Тщетно искали его между обугленными развалинами; не было его ни на дворѣ, ни между тѣми, кто стоялъ въ цѣпи. Наконецъ его нашли сзади дома; онъ лежалъ на спинѣ, кровь струилась изъ его лба, мѣстами запеклась на его рубашкѣ и шла по ней двумя струями. Подлѣ него лежалъ разбитый сундукъ; ни денегъ, ни бумагъ нигдѣ не оказалось.

— Онъ умеръ! слышался крикъ.

— Кто?

— Ларіонъ.

Федосья подбѣжала къ трупу своего мужа.

— Его убило балкой въ ту минуту, какъ онъ пытался спасти деньги и бумаги, сказалъ Гринъ.— Здѣсь, подлѣ него и сундукъ.

— Кириллъ его убійца! вскричала Федосья.— Посмотрите на рану... и сундукъ пустъ. Кириллъ укралъ бумаги; онъ-же и убилъ.

Мы увидѣли невозможность потушить огонь. Мало-по-малу всѣ разошлись по домамъ. Вскорѣ мельница Федосья представляла груду развалинъ, изъ которой валилъ дымъ и вырывалось пламя. Сама хозяйка сидѣла на камнѣ; она опустила на руки свое блѣдное, окаменѣлое лицо; она ничего не видѣла, ничего не слышала, не произносила ни одного слова... но она не плакала.

VI.

На другой день, рано утромъ я былъ уже на пожарищѣ. Какое свѣжее, прекрасное утро поднималось надъ этими печальными развалинами, откуда все еще выходилъ адскій дымъ и выползало пламя! Ручей безпечно катилъ свои волны и, какъ-бы въ насмѣшку, ворочалъ остатки мельничныхъ колесъ: жаворонокъ вспорхнулъ въ голубое безоблачное небо, видъ котораго въ первый разъ вызвалъ во мнѣ горечь. Природа не знаетъ ничего, не хочетъ ничего знать о человѣкѣ, о его страданіяхъ, объ его отчаяніи; она точно насмѣхается надъ нимъ своей свѣтлой улыбкой, своимъ торжественнымъ, невозмутимымъ спокойствіемъ.

Я шелъ, перебираясь черезъ груды развалинъ, и встрѣтилъ только одно живое существо—бѣлую собаку Федосья; опустивъ внизъ голову и смотря на меня свирѣпо, животное оскалило зубы и зарычало, потомъ показало мнѣ пятки. Слѣдуя по тропинкѣ, густо-засоренной пластою сгорѣвшаго и обгорѣвшаго зерна, я подошелъ къ большому камню. Федосья сидѣла на немъ въ томъ же положеніи, въ какомъ я оставилъ ее вчера. Я заговорилъ съ нею, она не отвѣчала; я назвалъ ее по имени, она съ изумленіемъ посмотрѣла на меня, и, казалось, не узнавала меня; она снова опустила свою голову и подперла ее руками.

Вдругъ въ сосѣднихъ кустахъ обрисовалось блѣдное безстрастное лицо, на которомъ выдѣлялись горѣвшіе лихорадочно глаза. Это былъ Кирилль.

— Федосья! позоваль онъ.

При звукѣ его голоса она задрожала.

— Женщина, не помѣшалась-ли ты? сказалъ воръ, притрогиваясь къ ея плечу.

Федосья обернулась, яростная, скрежеща зубами, сжимая кулаки; глаза ея налились кровью.

— Ну, что ты дѣлаешь? спросилъ холодно Кирилль.—Жива еще?

Федосья молчала.

— Еще разъ ты осталась вдовою; можетъ быть, скоро мы сыграемъ нашу свадьбу!.. Мы оба теперь бѣдны... Возьмешь теперь меня?.. Я буду ожидать тебя съ товарищами въ корчмѣ... слышишь ты, нищая, оцѣпанная павя! Ты можешь теперь придти къ Кириллу просить, чтобы онъ взялъ тебя послѣ хохлача. Ха, ха, ха!

Онъ повернулся къ ней спиною и нагло запѣлъ пѣсню о павѣ хохлачѣ, которую пѣлъ наканунѣ.

— Уходи! сказалъ я ему.

— Итакъ, въ корчмѣ, мое сокровище, сказалъ онъ небрежно и пошелъ по тропинкѣ.

Она упорно молчала. Уже онъ скрылся, но до нашего слуха долго доносилась его пѣсня.

На пожарище стали сходитья крестьяне изъ нашей деревни. Они окружили вдову: одинъ принесъ ей миску съ супомъ, другой — хлѣбъ, третій — цыпленка; принесли ей башмаки, платье.

Женщины старались ее утѣшить. Вся наша деревня была здѣсь въ сборѣ: мужчины, женщины, дѣти; всѣ съ ужасомъ смотрѣли на опустошеніе, произведенное пожаромъ; никто не говорилъ громко; слышались только вздохи и стоны. Вдругъ Федосья поднялась и, посмотрѣвъ вокругъ себя, взяла узелъ съ платьемъ, откуда, съ грустной улыбкой, вынула холщевую юбку, надѣла старую, засаленную кофту, откинула назадъ волосы, закрывавшіе ея лицо, свернула ихъ въ толстый узелъ и пошла къ ручью вымыть лицо и руки. Сдѣлавъ это, она пошла по тропинкѣ, держа за изгородью, какъ-бы для того, чтобы избѣгнуть любопытства толпы.

На дорогѣ стоялъ крестъ. Федосья опустила передъ нимъ на колѣни и долго молилась. Я наблюдалъ за каждымъ ея движеніемъ; обернувшись, по выраженію моего лица она замѣтила, что мнѣ очень жаль ее.

— Вы можете подавать мнѣ милостыню, сказала она, протягивая руку, — теперь я нищая...

— Все можно еще поправить, прервалъ ее старый Гринъ.

— Какими средствами? спросила она усталымъ, равнодушнымъ голосомъ.

— Сосѣди вамъ помогутъ; мы всѣ, вся наша деревня. Развѣ вы не помогали намъ, когда мы были въ нуждѣ? Мы всѣ это помнимъ.

— Помогала, это правда.

— Ну, такъ не теряйте мужества!

Она покачала головой съ мрачной рѣшимостью.

— И это все, что вы могли мнѣ сказать? заговорила она болѣе твердымъ голосомъ. — Злодѣй останется ненаказаннымъ? Представить его въ судъ? Но развѣ есть у насъ достаточныя улики? Мы знаемъ, что все это дѣло рукъ его, но суду этого недостаточно.

— Нѣтъ, онъ не долженъ оставаться безнаказаннымъ! внезапно вскричалъ Гриць въ сильномъ волненіи, но тотчасъ-же замолчалъ, испуганный своими собственными словами.

— Чего-же вы хотите, Федосья? спросилъ старый Гринъ, бросая на землю уголь, которымъ онъ закуривалъ свою трубку.

— Чего я хочу? сказала рѣзко вдова. — Я желаю, чтобы мы

сами наказали этого поджигателя, убійцу и вора, наказали сегодня-же, на этомъ самомъ мѣстѣ.

— Что? Что она говоритъ такое? послышалось въ толпѣ.

— Она требуетъ, чтобъ мы наказали Кирилла.

— Если Кирилла, такъ и другихъ, произнесъ кто-то въ толпѣ: — Ставровскаго, Лапковича, Костку...

— Наказаніе для всей этой шайки подлецовъ, коноврадовъ! вскричалъ Гриць, воздѣвая руки къ небу и вращая глазами, точно онъ находился въ галлюцинаціи.

— Да, я требую, чтобъ ихъ наказали, сказала Федосья.

— Я также, подтвердилъ Аксень Провъ;—они сдѣлали меня нищимъ.

— Я также! я также! кричали сотни голосовъ въ толпѣ.

— Пусть будетъ такъ! сказалъ старый Гринъ, снимая шляпу. — Вся деревня требуетъ ихъ наказанія. Да сохранить насъ Богъ отъ несправедливости, жестокости и грѣха.

Чувствуя, что это можетъ кончиться чѣмъ-нибудь ужаснымъ, я вмѣшался.

— Что вы хотите дѣлать? сказалъ я, обращаясь къ толпѣ. — Вы нарушаете законъ, колеблете порядокъ, дѣлаете зло за зло. Кто далъ вамъ право наказывать? Осудивъ этихъ разбойниковъ, вы дѣлаете то-же, что дѣлали они съ вами, воруя вашихъ лошадей, поджигая ваши дома. Подумайте хорошенько! Если вы имѣете основательныя подозрѣнія, свидѣтелей, доказательства, арестуйте негодяевъ и предайте ихъ на сужденіе законнаго суда.

— Ихъ нѣтъ, но если-бы они и были, для насъ вышло-бы мало путнаго, сказалъ Аксень Провъ.

— Отсидѣвъ срокъ, если только судъ ихъ осудить, что сомнительно, сказалъ Гринъ, — черезъ нѣсколько лѣтъ они воротятся къ намъ для новыхъ злодѣйствъ и жестоко намъ отплатятъ.

— Боже милостивый! неужели вы хотите убить ихъ? вскричалъ я съ ужасомъ.

— Кто говоритъ объ убійствѣ? Зачѣмъ убивать? сказалъ сурово Гринъ.

— Можемъ-ли мы судить другихъ, когда мы сами не безъ грѣха, сказалъ я.

— Никто изъ насъ и не осмѣлится судить, возразилъ Гринъ;— приговоръ произнесетъ вся деревня.

Я пытался успокоить раздраженную толпу напоминаніемъ чувствъ милосердія къ несчастнымъ, которыхъ къ воровству побудила нищета; я старался увѣрить ее, что и не прибѣгая къ крайнимъ мѣрамъ, можно воспрепятствовать злодѣямъ причинять вредъ.

— Все, что вы говорите, истинная правда, отвѣчалъ мнѣ Гриць; — но что-же намъ дѣлать? Мы бѣдны, не просвѣщены наукой, намъ приходится терпѣть отъ погоды, отъ хищныхъ звѣрей; сколько вреда намъ дѣлаютъ эпидеміи, война, неурожаи. Много тяготы мы несемъ; можемъ-ли мы послѣ того жалѣть тѣхъ, кто насъ не жалѣетъ? Жизнь и безъ того тяжела, чтобы можно было безнаказанно вредить другому, чтобы можно было позволить разбойнику издѣваться надъ честнымъ трудящимся человекомъ...

— Мы въ своемъ правѣ! вскричала Федосья съ энергіей.

Я схватилъ за руку эту бѣшеную женщину.

— Подумай, сказалъ я ей, — ты предаешь своего любовника ярости толпы, когда ты должна-бы спасать его.

— Его спасать! отвѣчала она съ рѣзкимъ смѣхомъ. — Я готова задушить его собственными руками... Если мы не накажемъ ихъ, обратилась она къ толпѣ, — эти негодяи составятъ организованную шайку, будутъ грабить, убивать, выжгутъ всю нашу деревню и наведутъ ужасъ на весь околodoкъ.

— Наказать ихъ! Наказать! вскричалъ Гриць тономъ фанатика.

— Наказать! повторила толпа.

— Въ корчму! вскричала Федосья, поднимая руку съ величественнымъ жестомъ; потомъ подняла съ земли полу-обгорѣвшій колъ.

Вся толпа, подражая ей, бросилась къ еще дымящимся развалинамъ мельницы и каждый вооружился кто жердью, кто строиломъ, а кто и камнемъ.

Меня проняла дрожь; съ возможной скоростью я побѣжалъ къ корчмѣ черезъ поле; въ то-же время вся деревня, старики, мужчины, женщины, дѣвушки и дѣти, движимые одинаковой мыслью, одинаковымъ чувствомъ, одинаковой волей, направились туда-же по большой дорогѣ.

VIII.

Когда я подходилъ къ корчмѣ, до меня донеслись звуки веселой пѣсни. Семь воровъ, сидя вокругъ большого костра, пили, пѣли и шутили между собой. На шеѣ у Кирилла, на розовой лентѣ висѣла гитара съ разбитыми струнами; Ставровскій, обнавъ станъ красивой еврейки, предлагалъ ей танцовать съ нимъ краковякъ; еврей считалъ деньги.

— Скорѣ спасайтесь, вскричалъ я, входя въ корчму; — не медля ни минуты старайтесь перебраться за венгерскую границу. Вся деревня рѣшила васъ судить и наказать; они уже идутъ сюда.

— Пусть приходятъ! Мы ихъ встрѣтимъ такъ, что другой разъ они не сунутся, сказалъ Кирилль.

— Не придутъ, сказалъ, смѣясь, Ставровскій: — не хватить храбрости; пари держу, они вернутся, не дойдя до корчмы.

— Бѣгите! умоляла еврейка.— Возьмите лошадей!

— Да, Кирилль, намъ надо спастись, сказалъ потерявшійся еврей.

Воры покатались со смѣху. Смотря на ихъ спокойствіе, молодость и здоровье, приходилось согласиться, что они самые красивые и самые смѣлые въ деревнѣ, даже во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ.

— Если вы не хотите бѣжать, совѣтовалъ я, — по крайней мѣрѣ, подчинитесь приговору, заплатите штрафъ, который на васъ наложить, снесите наказаніе, поклонитесь, что сдѣляетесь честными людьми, станете работать.

— Работать? Мы? сказали съ удивленіемъ воры.

— Работать? Ну, ужъ извините, сказалъ Ставровскій со смѣхомъ.

— Если я перестану воровать, сказалъ Лапковичъ, безбородый двадцати-лѣтній юноша, — я не буду знать, что съ собой дѣлать, мнѣ останется только умереть. Мнѣ кажется, что еще въ младенчествѣ я отнималъ у брата—мы были близнецы—сосокъ изъ его рта. Позже, яблоко или груша только тогда мнѣ казались вкусными, если я ихъ укралъ. И не то, чтобы мнѣ нуж-

но было воровать—отецъ и мать всего дѣлали мнѣ вдоволь. Но, видно, я родился воромъ... Мой духъ, вѣрно, изъ тѣхъ духовъ, которые по ночамъ шныряютъ на пастбищахъ между лошадьми, путаютъ ихъ гривы и загоняютъ въ болото.

— Да и что худого въ воровствѣ? спросилъ Костка, здоровякъ съ стальными мускулами, съ звѣрской фізіономіей и съ бронзовымъ цвѣтомъ лица;—хлѣбъ растетъ для всѣхъ.

— Ты не обрабатывалъ земли, какъ-же ты можешь брать то, что вырощено трудомъ другого, сказалъ я.—Брать чужое запрещаетъ намъ религія. Ты знаешь десять заповѣдей?

— Откуда мнѣ знать ихъ, отвѣчалъ онъ; — я никогда не былъ ни въ школѣ, ни въ церкви. Я знаю только, что наказываютъ воровъ, а почему,—мнѣ неизвѣстно.

Его товарищи, смѣясь, наполнили водкою стаканы и выпили за его здоровье; Ставровскій взглянулъ въ окно.

— Чортъ возьми! Кася... нелегкая ее принесла! прошепталъ онъ.

Въ эту минуту въ корчму вбѣжала бѣдная дѣвушка, блѣдная, растрепанная.

— Они идутъ, они станутъ тебя бить, спасайся! вскричала она; голосъ ея заглушался рыданіями.

— Боже милостивый! шепталъ еврей, — случится несчастье, великое несчастье!

Жена его рыдала и кричала.

— Мы можемъ въ самомъ дѣлѣ... началъ Ставровскій, лаская Касю, прижавшуюся къ его груди.

— Не пришла-ли тебѣ охота спастись, паша, лакей женщины? пробурчалъ Кирилль, —бѣги или позволь твоей любовницѣ запрятать тебя подъ юбку. Прячься!

— Кто осмѣлится назвать меня трусомъ?

— Не хотимъ уходить! закричали разбойники. — Водки! музыку!

Кирилль натянулъ струны своей гитары, и хоръ запѣлъ застольную пѣсню; лопнула одна изъ струнъ и издала жалобный раздрающій ухо звукъ, но никто изъ помѣщихъ этого не замѣтилъ. Еврей молился въ слухъ; еврейка плакала; Кася, точно безумная, смѣялась нервными смѣхомъ.

— Смѣйся, малютка, сказалъ Ставровскій, давая ей пить изъ своего стакана.

— Ты видишь, я смѣюсь, отвѣчала она, съ отвращеніемъ проглатывая водку; она поперхнулась и закашлялась; лицо ея побагровѣло.

— Ты, кажется, плачешь? сказалъ паша.

— Нѣтъ, я смѣюсь, пробормотала она; ея слезы капали въ стаканъ.

— Можетъ быть, вы хотите спастись, сказалъ Кирилль на смѣшливомъ тономъ, — такъ уже поздно. Они идутъ.

Разбойники снова заплѣли свою пѣсню; между тѣмъ къ корчмѣ подошли тѣ, отъ рѣшенія которыхъ зависѣла теперь ихъ участь. Крестьяне окружили корчму, ставъ полукругомъ передъ ея входомъ. Наступило молчаніе; прошло не мало времени прежде, чѣмъ было нарушено это молчаніе, предвѣщавшее что-то недоброе. Съ вызывающимъ взглядомъ, съ высоко-поднятой головой, ниѣя одну руку въ карманѣ, а въ другой держа гитару, вышелъ Кирилль на порогъ корчмы.

— Что желаете вы, добрые сосѣди и друзья? Не хотите-ли выпить и спѣть съ нами?

Онъ ударилъ по струнамъ гитары; разбойники заплѣли новый куплетъ. Въ это время камень, разбивъ окно, влетѣлъ въ корчму.

— Кто бросилъ этотъ камень? закричалъ Ставровскій, высунуваясь черезъ окно.

— Мы пришли сюда не затѣмъ, чтобы бросать камни, сказалъ сурово Гринъ; — мы пришли судить.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Лапковичъ, присоединяясь къ Кириллу. — Шайка болвановъ! кого это вы предполагаете судить?

— Васъ! васъ! отвѣчала толпа.

— Тебя, Кирилль, тебя, преимущественно передъ другими, сказала Федосья, выходя изъ круга; — судить тебя, поджигатель, убійца, Каинъ!..

— Я, убійца? вскричалъ Кирилль запальчиво.

— Ты воръ, сказалъ Аксень Провъ, — это мы знаемъ всѣ.

— Конокрадь! закричалъ Гриць, угрожая ему своимъ слабымъ кулачкомъ.

Въ это время вышли и другіе разбойники въ сопровожденіи Каси и еврейки. Еврей, сѣвъ на корточкахъ за прилавкомъ, продолжалъ молиться.

— И такъ, я воръ! сказалъ Кирилль, со смѣхомъ поворачи-
ваясь къ своимъ товарищамъ.

— Укралъ ты у меня корову? спросилъ Гринъ.

— Иначе, кто-бы ее укралъ?

— А моего жеребенка-сосунка и кобылу? вскричалъ Гринъ,
теребя его за рукавъ.

— Безъ сомнѣнія, и твоего жеребенка, и твою кобылу, отвѣ-
чалъ Кирилль, схватывая мальчика за зашеекъ и, какъ щенка,
бросая въ толпу.

— Кто укралъ мой скоть, мой новый сюртукъ, кто затопилъ
мой посѣвъ? визжалъ Аксень Провъ.

— Это мы! это мы! кричали воры.

— Кто поджегъ мою мельницу, сказала Федосья, — кто укралъ
мои деньги, кто убилъ моего мужа?..

— Ты лжешь, прервалъ ее Кирилль, пытаясь ударить ее
гитарой. Онъ силился смѣяться, но былъ очень блѣденъ.

— Моихъ воловъ... мой хлѣбъ... мои фрукты... мое бѣлье,
кто ихъ укралъ? раздавались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Мы! мы! отвѣчали нагло воры.

Толпа, посовѣщавшись нѣкоторое время, уполномочила Грина
объявить разбойникамъ свой приговоръ.

— Мы рѣшили, сказалъ онъ, — наказать каждого изъ васъ
пятьюдесятью ударами; вы обязаны возратить каждому все у
него уворованное или заплатить деньгами. Кирилль сейчасъ-же
долженъ отдать Федосьѣ ея бумаги и деньги.

Кругъ съуживался все болѣе и болѣе.

— Попробуйте только наложить руку на меня и вы увидите,
что будетъ! сказалъ угрожающимъ голосомъ Ставровскій.

— Не подходите ко мнѣ! говорилъ Кирилль глухо.

— Вы хотите противиться! вскричалъ Гринъ; — берегитесь!

Ставровскій бросился на нѣсколькихъ крестьянъ, смялъ ихъ,
вошелъ въ корчму и воротился оттуда съ ножкой отъ сломан-
наго стула.

— Они хотятъ защищаться! вскричала Федосья.

— Убирайся отсюда! заревѣлъ Кирилль и разбилъ свою ги-
тару объ голову Аксена, нагнувшагося, чтобы поднять камень.

— Меня бьютъ! закричалъ старій холостякъ.

— Ну вотъ, вы наложили на него дѣвъ наказаніе; вы при-

судили ихъ къ розгамъ и къ возврату украденнаго; они не только не подчиняются вашему приговору, но еще сами нападаютъ, сказала Федосья. — Между ними находится убійца моего мужа. Я обвиняю Кирилла въ томъ, что онъ пролилъ кровь Ларіона. Кровь его требуетъ отмщенія.

— Убилъ ты, Кириллъ? спросилъ Гринъ, раздвигая толпу и выходя впередъ.

— Отопрись, если можешь, сказала Федосья, становясь передъ Кирилломъ. — Отопрись, солги!

Кириллъ отвернулся.

— Онъ не можетъ отпереться! Опъ убійца! Пусть кровь Ларіона падетъ на него! кричала Федосья и схватила за горло своего бывшего любовника.

— Оставьте его, иначе вы дорого заплатите за свою дерзость, сказалъ Ставровскій.

— Эта женщина сумасшедшая! бормоталъ Кириллъ, стараясь какъ-нибудь высвободиться.

— Слушайте! вскричала Федосья, задыхаясь отъ ярости, — онъ еще угрожаетъ, онъ хочетъ истить намъ. Убейте его сейчасъ! Кровь за кровь!

— Убейте его! повторилъ Гриць въ какомъ-то экстазѣ.

— Бейте его! раздалась сотня голосовъ.

Федосья нанесла первый ударъ. Жажда убійства блестя въ ея глазахъ; она ударила Кирилла обуглившимся коломъ, принесеннымъ ею съ пожарища. Толпа бросилась на разбойника съ палками и камнями.

— Подлецы! Сто на одного! раздался голосъ Кирилла среди сумятицы.

Разбойники, желая отбить своего товарища, ринулись въ толпу, кромѣ сломанныхъ стульевъ, у нихъ не было никакого оружія. Началась ужасная свалка. Въ перемѣшавшейся толпѣ я увидѣлъ Касю и услышалъ ея умоляющій голосъ.

— Пощадите его! Избѣйте жалость къ нему изъ состраданія къ моему бѣдному ребенку! молила она.

Въ общей суматохѣ ее смаяли, она упала, поднялась, снова упала, борясь, какъ львица, прикрывая своимъ тѣломъ своего возлюбленнаго, отца ея будущаго ребенка.

— Вы бѣшенныя собаки! Вы дикіе звѣри! кричала она.

Еврея вытащили изъ корчмы; на него со всѣхъ сторонъ посыпались удары. Я кинулся въ средину толпы, желая освободить несчастныхъ, но Гринъ и нѣсколько другихъ крестьянъ силою удержали меня и втолкнули въ корчму.

— Вы рискуете лишиться жизни; неужели вы согласитесь пожертвовать ею для нѣсколькихъ мерзавцевъ.

Наконецъ шумъ стихъ.

— Все кончено! сказалъ Гринъ, выпуская меня изъ корчмы.

Передъ дверью лежало нѣсколько труповъ, въ числѣ которыхъ были еврей, Ставровскій, Кирилъ и Бася. Ужасное зрѣлище! Глаза Кирилла, казалось, еще угрожали, кулаки его были сжаты. Гринъ, стоя на колѣняхъ подлѣ него, приложилъ свое ухо къ его груди.

— Похолодѣлъ! сказалъ онъ, обращаясь къ Федосьѣ, — сердце его уже не бьется.

Федосья посмотрѣла на убитаго Кирилла съ жестокостью удовлетворенной мести.

— Что вы надѣлали? сказалъ я, потрясенный всѣмъ, чему мнѣ привелось быть свидѣтелемъ.

— Мы судили ихъ по старинѣ, по старинной правдѣ; не наша вина, что они убиты; они сами захотѣли своей смерти; они не подчинились нашему легкому приговору и напали на насъ.

— Смотрите, вы погубили невинную, сказалъ я и указалъ имъ на Басю, лежавшую на трупѣ Ставровскаго.

— Развѣ она умерла? спросилъ Гринъ.

Одна изъ женщинъ, тщетно пытавшаяся привести Басю въ чувство, такъ какъ она еще не похолодѣла, теперь сдѣлала утвердительный знакъ головою.

— Несчастлива! она скоро должна была сдѣлаться матерью, сказала она.

МОТИВЫ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ БОЛГАРЪ.

I.

Не цвѣты-ли алые, не розы-ль
Распустились вдоль родныхъ полей?
Не взвились-ли бѣловатой тучей
Надъ горами стаи голубей?
Нѣтъ, не розы, не цвѣты алѣютъ,—
Блещетъ пламя, пламя на поляхъ
И не стаяй голубей, а дымомъ
Омрачился воздухъ на горахъ.
Омрачился онъ зловѣщимъ дымомъ,—
Разливаетъ этотъ дымъ пожаръ:
То горять, горять кругомъ деревни
Убѣжавшихъ отъ враговъ болгаръ.

Мы въ горахъ засѣли, какъ злодѣи,
Какъ бродяги, скрылись по кустамъ,
Какъ бездомнымъ овцамъ, страшный голодъ
Близкой смертью угрожаетъ намъ.
Кто поджегъ дома—да будетъ проклятъ,—
Будь онъ турокъ или славянинъ,
Отщепенецъ церкви христіанской
Иль пророка правовѣрный сынъ!
Пусть враговъ сразитъ проклятемъ небо,
И почтитъ благословеньемъ адъ!
Пусть они въ Дунаѣ захлебнутся
И его теченье прекратятъ!
Пусть подувшій съ моря дикій вѣтеръ
Разбросаетъ трупы мертвецовъ,
Чтобъ дымился воздухъ, словно паромъ,
Надъ тѣлами тлѣющихъ враговъ!

Ахъ, что наши странники здѣсь встрѣтятъ,
Возвратившись изъ Святой земли,
Гдѣ они передъ Христовымъ гробомъ

Преклоняли головы свои?
 Груды пепла въ выжженныхъ селеньяхъ
 Встрѣтятъ ихъ. Несчастные придутъ,
 Накупивъ святыхъ изображеній,
 Чтобъ украсить ими свой пріютъ.
 Гдѣ-жь для этихъ бережно хранимыхъ,
 Въ яркихъ краскахъ переданныхъ сценъ
 Будетъ мѣсто? Чтобы ихъ развѣсить—
 Бѣдняги здѣсь не отыщутъ стѣнъ.

Велика земля родная наша.
 Но кто скажетъ намъ: въ какіе дни
 И придутъ-ли дни, когда мы снова
 Въ ней лачуги выстроимъ свои?
 Счастье быстро, какъ овесъ, не зрѣеть,
 Какъ бурьянъ негодный, на пути
 Не восходить и, какъ солнце въ небѣ,
 Не заходить, чтобъ опять взойдти.
 Нѣтъ, какъ дубъ, оно взростаеъ туго
 И, погибнувъ, снова не растеъ, —
 Но и съ пулей соколъ улетаетъ,
 И съ несчастьемъ мы идемъ впередъ.

Удержи, о Боже, нынче зиму,
 Удержи ее на небесахъ,
 Удержи ее за облаками
 И не дай замерзнуть намъ въ лѣсахъ!
 Крова нѣтъ у бѣдныхъ нашихъ дѣтокъ,
 Крова нѣтъ у бѣдныхъ нашихъ женъ
 И онѣ, подобно намъ, рыдаютъ,
 Что у насъ врагами отнять онѣ.

Ничего спасти мы не успѣли,
 Только горсть серебряныхъ монетъ,
 Для дѣвицъ служившихъ украшеньемъ,
 Уцѣлѣла въ дни грозы и бѣдъ.
 Подарите намъ, голубки наши,
 Подарите намъ скорѣ ихъ,
 Чтобы мы могли на нихъ хоть хлѣбомъ
 Запастися для ребятъ своихъ!

„Вотъ вамъ вся серебряная мелочь!
 Только хлѣба не достать нигдѣ
 И за сотни золотыхъ дукатовъ...
 Горе, горе бѣдной сторонѣ!“

II.

Мой желанный, ты въ умѣ-ли:
 Ты меня у брата сваталь?
 Гдѣ-же деньги для хозяйства,
 Изъ чего ты домъ построишь
 Съ парой горницъ, съ кухней, съ стойломъ
 Для воловъ твоихъ рабочихъ?

—Хватить ихъ, чтобъ домъ построить
 Съ парой горницъ и со стойломъ
 Для воловъ моихъ рабочихъ.

Но довольно-ли ихъ, милый,
 Чтобъ купить нарядъ хорошій
 И пригодный для вѣнчанья?

—Голубой, хорошій, новый
 Я куплю нарядъ альбанскій
 Будетъ вышить онъ шнурками,
 И оранжевымъ, и краснымъ,
 Съ золотыми галунами,
 Какъ то дѣлается въ Шумлѣ.

Но гдѣ-жь деньги, чтобъ султану
 Заплатить процентъ и подать
 Въ десять грошей въ четверть года?

—Что мнѣ значать десять грошей?
 Если надобно, султану
 Серебромъ отдамъ я двадцать.

А попу платить ты можешь
 За вѣнчанье, за крестины?
 Въ Рождество и въ праздникъ Пасхи?
 Въ Духовъ день и въ постъ великій?
 И въ Ивановъ день и въ Юрьевъ?
 Въ каждый праздникъ ежегодно?
 На прибытіе владыки?
 Каждый разъ, когда порогъ нашъ
 Попъ почтить благословеньемъ,
 Чтобъ спасти нашъ скотъ въ заразу,
 Чтобъ святить у насъ иконы,
 Чтобъ продать святую воду
 Чтобъ пропѣть и помолиться?

—О, молчи, молчи, голубка!
 Да, останусь холостымъ я,
 Не по деньгамъ намъ хозяйство:
 Часть изъ нихъ идетъ султану,
 Девяносто девять—причту.

III.

Изловилъ въ лѣсу я какъ-то волка,
 На спинѣ стащилъ его въ деревню
 И убилъ его тамъ кулаками,—
 Только въ этомъ небольшая слава.

Вель меня кавасъ однажды къ кади
 И ему ножемъ ничтожнымъ разомъ
 Удалось мнѣ перерѣзать глотку,
 У него-жь за поясомъ торчали
 Сабля, ножъ да пара пистолетовъ,—
 Только въ этомъ небольшая слава.

Изъ плохого, стараго ружьишка,
 Словно птицу, спавшую на вѣткѣ,
 Я убилъ агу, когда онъ ѣхалъ
 Посреди пятнадцати конвойныхъ,
 Такъ что этотъ подвигъ вослѣвуютъ
 И теперь слѣпцы передъ народомъ,—
 Только въ этомъ небольшая слава

Нѣтъ, меня иной прославилъ подвигъ:
 Принужденный скрыться изъ селенья,
 Принужденный бросить тамъ на вѣки
 Горячо любимую невѣсту,
 Въ дорогую грудь ея, не дрогнувъ,
 Я всадилъ свой ножъ—вотъ этотъ самый,
 Хоть она смотрѣла такъ тоскливо...
 Чтобъ убить любимую голубку,
 Нужно было мужества побольше,
 Чѣмъ стащить живьемъ въ деревню волка,
 Чѣмъ кавасу глотку перерѣзать,
 Чѣмъ убить агу среди конвоя.
 Тѣмъ, что я убить ее не струсилъ,
 Заслужилъ великую я славу.

IV.

Равно утромъ по Дунаю
 Мчался ящикъ, какъ ладья,
 Въ этомъ ящикѣ былъ мальчикъ
 И тѣмъ мальчикомъ былъ я.

Бѣдной доброю старукой
 Жизнь была мнѣ спасена;
 Я подростъ и вотъ однажды
 Мнѣ повѣдала она:

„Если нашъ Дунай отъ нѣмцевъ
 Къ намъ течетъ,—то нѣмецъ ты,
 Но едва-ли такъ: у нѣмцевъ
 Нѣтъ подобной красоты.

„Если онъ беретъ начало
 Съ черныхъ горъ,—то ты, дитя,
 Смѣлый горецъ и не даромъ
 Эта дикость у тебя.

„Если-жь точно, какъ толкуютъ,
 Съ неба падаетъ онъ къ намъ,—
 То, красавецъ ненаглядный,
 Сынъ родной ты небесамъ...“

Съ той поры тебѣ на-встрѣчу
 Я иду, родной потокъ,
 Чтобъ хоть во сто лѣтъ увидѣть,
 Край родимый твой истокъ.

Нѣмецъ я—купцомъ я буду,
 Горецъ—стану удалцомъ,
 Если-жь я рожденъ отъ неба,—
 Горе!—быть мнѣ чернецомъ.

А. Михайловъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕДАГОГИКА—РОДНАЯ ДОЧКА ПСИХОЛОГИИ.

(Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства. Соч. М. Зеленскаго. Спб., 1876.)

I.

„Педагогія, говоритъ г. Зеленскій,—есть ни болѣе, ни менѣе, какъ тѣнь психологіи (?). Отымите первую, и послѣдняя сама уничтожится. Какъ можно учить развѣивать то, что совершенно не познано, даже приблизительно не понято. Понятія и законы, управляющіе психической дѣятельностью и ея развитіемъ, составляютъ необходимую исходную точку педагогическаго ученія. Она то-же для умственнаго развитія, что гигиена и діететика для другихъ отправленій нашего тѣла. Но мыслимы-ли эти двѣ послѣднія науки безъ пониманія физиологіи? Точно также невозможенъ уходъ за умственнымъ развитіемъ безъ мало-мальски яснаго знанія законовъ развитія и дѣятельности въ умственной жизни“.

(стр. 309—310.)

Въ этихъ словахъ, за исключеніемъ первой фразы, которую я великодушно отношу къ числу обмолвокъ г. Зеленскаго, — а подобныхъ обмолвокъ въ книгѣ почтеннаго доктора болѣе, чѣмъ достаточно,—въ этихъ словахъ высказана одна изъ самыхъ банальнѣйшихъ истинъ. Но именно потому, что это истина банальная, и, такъ-сказать, истрепанная, она и принимается всѣми

безъ жалѣйшаго спора и критики; самые невѣжественные люди (вродѣ отставныхъ солдатъ-педагоговъ, рекомендуемыхъ извѣстнымъ яснополянскимъ просвѣтителемъ, гр. Львомъ Толстымъ), въ своей педагогической практикѣ, всегда и неизмѣнно, если не сознательно, то инстинктивно руководствуются ею *). А это-то именно и обязываетъ относиться къ ней съ большою осторожностью. Банальныя истины—это самыя подозрительныя истины, потому что онѣ никогда не подвергаются критикѣ.

„Безъ знанія психологіи невозможна никакая педагогія,“ — это очевидно для всякаго“. Но безъ какого знанія? вотъ въ этомъ-то и вопросъ. Есть такого рода психологическія знанія, безъ которыхъ нельзя даже представить себѣ ни одного нормально-развитаго человѣка, а, слѣдовательно, и ни одного педагога, хотя-бы онъ былъ изъ ранга отставныхъ солдатъ. Каждый человѣкъ, живущій среди подобныхъ себѣ и обладающій тѣмъ среднимъ количествомъ унціи мозга, которымъ обуславливается человѣческая способность къ самонаблюденію, неизбѣжно долженъ и не можетъ не имѣть этихъ знаній. Слѣдовательно, если подѣ знаніями, необходимыми для педагога, мы подразумѣваемъ знанія, въ большей или меньшей степени, свойственныя всѣмъ людямъ, то наша банальная истина сведется къ истинѣ еще болѣе банальной, къ той истинѣ, что человѣкъ умственно-больной, человѣкъ ненормально-развившійся не только не можетъ быть хорошимъ педагогомъ, но и хорошимъ коноваломъ. Но неужели мы хотимъ сказать только подобную глупость,—глупость потому, что есть такія истины, говорить о которыхъ, значить повторять старыя глупости,—когда утверждаемъ, что „безъ знанія психологіи невозможна педагогія?“

— *Ei donec?* скажетъ, пожалуй, читатель,—къ чему вамъ было затрогивать подобный вопросъ? Конечно, подѣ „психологическими знаніями“ мы подразумѣваемъ не тѣ знанія,—грубыя и чисто-эмпирическія, которыя, быть можетъ, присущи любому педагогу, даже во

*) Совершенно справедливо, по этому поводу, говорить г. Зеленскій, что „всякій шагъ въ воспитаніи, дѣлаемый самымъ-ли невѣжественнымъ или образованнѣйшимъ человѣкомъ, былъ и всегда будетъ выводомъ изъ психологическаго возрѣвія воспитателя. Палачъ-воспитатель, безпрестанно сѣкущій своего воспитанника (вродѣ, напр., г. Кронеберга) или морящій его голодомъ въ наказаніе за проступки, навѣрное, имѣетъ свои психологическіе мотивы, на основаніи которыхъ онъ такъ поступаетъ“ (стр. 311.)

вкусъ графа Льва Толстаго, — нѣтъ, мы подразумѣваемъ знанія научныя, рациональныя знанія, которыя приобретаются лишь путемъ долгаго и основательнаго изученія науки психологии...

Прекрасно! Но что такое ваши научныя, рациональныя знанія? Если вы понимаете подъ ними знаніе законовъ, управляющихъ возникновеніемъ, послѣдовательностью и сосуществованіемъ нашихъ умственныхъ воспріятій (или идей, понятій, — назовите ихъ, какъ хотите) и нашихъ чувствъ, то, повѣрьте, это научное знаніе почти ничѣмъ не отличается, по крайней мѣрѣ, по своему содержанію, отъ эмпирическаго знанія любого изъ отставныхъ солдатъ-педагоговъ. Въ этомъ отношеніи Бенъ и Спенсеръ не имѣютъ никакого преимущества передъ лавочникомъ, поставляющимъ имъ мясо, и передъ поваромъ, приготовляющимъ его, хотя ни лавочникъ, ни поварь, быть можетъ, никогда и не слышали о существованіи такихъ прекрасныхъ сочиненій, какъ „Senses and Intellect, „Wile and amotions“ или „Principles of Psychologie“. Не подумайте, чтобы это былъ парадоксъ. Не угодно-ли, въ самомъ дѣлѣ, поразмыслить вамъ, читатель: вѣдь все, что Бенъ и Спенсеръ знаютъ, — ну хоть объ ассоціаціи идей (а извѣстно, что всѣ наши умственныя отправленія обусловливаются той или другой формой сочетанія нашихъ умственныхъ воспріятій), — все это они узнали путемъ чисто-эмпирическихъ наблюденій, отчасти надъ своимъ собственнымъ психологическимъ міромъ, отчасти надъ поступками и жизнью окружающихъ ихъ людей. Но развѣ лавочникъ и поварь, развѣ вообще всякій заурядный человѣкъ, вышедшій изъ младенческаго періода растительно-безсознательной жизни, не занимается ежечасно и ежеминутно подобными-же наблюденіями? Конечно, между степенью наблюдательности Спенсера, Бена, ихъ лавочника и повара существуетъ большое различіе; но какъ-бы оно ни было велико, а, наблюдая постоянно однѣ и тѣ-же явленія, одни и тѣ-же психическіе процессы, — всѣ эти люди неизбѣжно должны придти (и, какъ показываетъ практика, дѣйствительно, неизбѣжно приходятъ) къ однимъ и тѣмъ-же выводамъ, по крайней мѣрѣ, относительно наиболѣе общихъ, и, слѣдовательно, наиболѣе существенныхъ свойствъ наблюдаемыхъ фактовъ. Поварь Бена не хуже своего хозяина знаетъ, что впечатлѣнія, воспріятыя нами одновременно или послѣдовательно, вступаютъ между собою въ тѣсную, неразрывную ассоціацію, и что каждый разъ, когда въ

сознаніи появляется одинъ изъ членовъ этой ассоціаціи, съ неизбѣжною необходимостью, появляются вслѣдъ за нимъ и другіе. Поваръ знаетъ, что эта ассоціація будетъ тѣмъ крѣпче, чѣмъ чаще мы воспринимали образующія ее представленія въ той связи сосуществованія или послѣдовательности, въ которой мы восприняли ихъ въ первый разъ. Онъ знаетъ также, что представленія вступаютъ между собою въ ассоціацію не только тогда, когда онѣ воспринимаются нами одновременно или послѣдовательно, но и когда онѣ представляютъ между собою извѣстную степень сходства или подобія. Онъ знаетъ далѣе, что не только наши идеи способны соединяться въ одну неразрывную цѣпь, но что той-же способностью обладаютъ и наши чувства, какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и по отношенію къ идеямъ. Онъ знаетъ, что если разъ въ нашемъ опытѣ представленіе о какомъ-нибудь предметѣ свяжется — ну хоть съ чувствомъ досады, злобы, то затѣмъ уже достаточно будетъ вызвать въ умѣ первое, чтобы тотчасъ-же, само собою, безъ всякаго внѣшняго повода, появилось и второе. Онъ знаетъ... Но довольно; не буду перечислять всего, что онъ знаетъ объ ассоціаціи идей и чувствъ; онъ знаетъ о ней нисколько не меньше своего господина, хотя сомнительно, чтобы Бенъ читалъ ему свои произведенія. И не только онъ это знаетъ, но и всякій профанъ въ психологіи знаетъ, — знаетъ не только это, но и гораздо больше. Кто не знаетъ, напр., какъ развивается и упражняется память? Кто не знаетъ, чѣмъ обусловливается вниманіе, что значитъ обобщать и сравнивать предметы? Какія новыя практическія знанія могу я пріобрѣсти по всѣмъ этимъ вопросамъ изъ „научной психологіи“? Вотъ, напр., я въ научной психологіи совершенный профанъ, никогда не читалъ ни одной психологической книги и не имѣю ни малѣйшаго понятія о самомъ существованіи Бена, Спенсера, Вундта, Рибо, Тена и др. Но я знаю не хуже этихъ свѣтилъ, что я долженъ дѣлать, если хочу сосредоточить все свое вниманіе на какомъ-нибудь заинтересовавшемъ меня предметѣ; я знаю, что, во-первыхъ, я долженъ не думать ни о какихъ другихъ постороннихъ предметахъ; во-вторыхъ, долженъ стать къ предмету моего вниманія въ такія отношенія, при которыхъ онъ могъ-бы всего сильнѣе воздѣйствовать на мои внѣшнія чувства и затронуть во мнѣ (т. е. вызвать въ моемъ сознаніи) возможно большую группу воспріятій, знакомыхъ уже мнѣ по прежнимъ опытамъ, возбудить въ

моемъ умѣ идеи и чувства, наиболѣе мнѣ привычныя и играющія наиболѣе видную роль въ моемъ внутреннемъ мирѣ. Хочу я теперь, положимъ, провѣрить, насколько согласуются мои эмпирическія знанія съ знаніями научными: раскрываю первое попавшееся мнѣ подъ руку научно-психологическое сочиненіе, ну хоть „Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ...“ и т. д., отыскиваю страницу, на которой говорится о вниманіи; въ качествѣ профана, я пропускаю все „теоретически-научное“ и прямо перехожу къ практической постановкѣ вопроса: „Выводы изъ сказаннаго (т. е. изъ того, что я, профанъ, пропустилъ) для правильнаго развитія вниманія...“ (стр. 394).

Читаю эти выводы:

„1) Вниманію сначала должно предшествовать образованіе воспріятій; они и ихъ комбинаціи, въ свою очередь дѣйствуя на чувство, составляютъ силу вниманія“... т. е. чѣмъ больше воспріятій возбуждаетъ въ моемъ умѣ данный предметъ, тѣмъ сильнѣе будетъ мое къ нему вниманіе.—Да, вѣдь это я и раньше зналъ. Но пойдемъ дальше.

„2) Такъ-какъ... специальное развитіе воспріятій интеллектуальныхъ формаций вообще порождаетъ только и специальное вниманіе, то, для всесторонняго развитія познанія человѣка, необходимо не развивать сначала преимущественно одну специальную сторону воспріятій и мышленія, а предоставлять необходимый матеріалъ для равномернаго развитія и упражненія воспріятій со стороны всѣхъ органовъ чувствъ“ и т. д. Мысль автора хотя и выражена крайне дурно и несовѣстѣмъ вѣрно, — но, тѣмъ не менѣе, я, профанъ, прекрасно ее понимаю; я никогда не читалъ ни одной психологической книжки, а все-таки я знаю, — что всякій специалистъ по преимуществу склоненъ обращать свое вниманіе лишь на тѣ предметы, которые прямо или косвенно соприкасаются съ его специальными знаніями; и, что, слѣдовательно, если мы желаемъ, чтобы ребенокъ подольше сохранилъ способность интересоваться и внимательно относиться ко „всѣмъ (какъ выражается г. Зеленскій) явленіямъ природы“, — мы не должны торопиться пріорочивать его мышленіе къ одной какой-нибудь опредѣленной специальности.

„3) Такъ-какъ сосредоточеніе вниманія на объектъ наблюденія есть необходимое условіе правильнаго и отчетливаго развитія вос-

пріятія, то, во время всякаго наблюденія, необходимо избѣгать всѣхъ другихъ побочных явленій, которыя въ состояніи отвлечь или даже ослабить вниманіе...“

„4) Такъ-какъ сила вниманія есть собственно результатъ дѣйствія на чувство выработанныхъ психическихъ процессовъ“ и т. д., „то нужно во-время давать отдыхъ дѣйствующимъ во вниманіи психическимъ процессамъ“.

Но, Боже мой! какой-же профанъ, которому хоть разъ въ жизни случилось на чемъ-нибудь остановить свое вниманіе, не приходилъ совершенно къ такимъ-же выводамъ, руководствуясь при этомъ, своимъ личнымъ опытомъ, своимъ эмпирическимъ наблюденіемъ? Наука, значитъ, только подтвердила и скрѣпила своимъ авторитетомъ то, что онъ и безъ нея и до нея отлично зналъ и безошибочно примѣнял на практикѣ. Она не сказала ему ничего новаго... по крайней мѣрѣ, относительно условій „развитія вниманія“.

То-же можно сказать и относительно другихъ психическихъ явленій. Возьмите хоть самое общее и почти элементарное явленіе, называемое на языкѣ ученыхъ „умственнымъ воспріятіемъ“. Г. Зеленскій на многихъ страницахъ разбираетъ и анализируетъ это явленіе; онъ посвятилъ ему всю вторую часть своего перваго тома; но, сказали-ли онъ мнѣ, профану, хоть что-нибудь такое, чего-бы я не зналъ гораздо раньше его? Не думаю.

„Для правильнаго развитія воспріятій, резюмируетъ онъ свое ученіе о воспріятіяхъ, — нужно наблюдать слѣдующія правила, которыя, для краткости, я перескажу своими словами: 1) нужно наблюдать объекты по возможности безстрастно; они должны „вызывать въ наблюдателѣ только объективныя мыслевныя движенія, не сопровождаясь явленіями, дѣйствующими на чувства; 2) нужно, чтобы объектъ наблюдался при условіяхъ, наиболѣе благопріятствующихъ точности и вѣрности нашихъ объективныхъ воспріятій; потому, не слѣдуетъ наблюдать, напр., слабѣйшій источникъ свѣта, при одновременномъ существованіи съ нимъ источника сильнѣйшаго (звѣздъ при солнцѣ, свѣтъ сальной свѣчи при друмовомъ освѣщеніи и т. п.); не слѣдуетъ также смотрѣть на одно, а думать о другомъ; 3) при наблюденіяхъ нужно тщательно избѣгать всякой поспѣшности; 4) „чѣмъ важнѣе воспріятіе для познанія, тѣмъ чаще нужно воспроизводить его объектъ передъ ор-

ганами нашихъ чувствъ“; 5) „если мы хотимъ, чтобы воспріятія образовывались быстро и энергично,—нужно, чтобы образующія ихъ внѣшнія явленія были въ количественномъ отношеніи сильны; при чемъ слѣдуетъ всегда начинать съ слабыхъ раздраженій и постепенно переходить къ сильнымъ“; 6) „наблюдающій до тѣхъ поръ не долженъ оставлять предмета наблюденія, пока онъ не получитъ отъ него всѣ воспріятія, какія этотъ послѣдній способенъ доставить“; 7) онъ долженъ разсматривать предметъ „всесторонне“, хотя-бы ему и казалось, съ перваго взгляда, что нѣкоторыя его стороны тождественны; 8) онъ долженъ, по возможности, устранять изъ своихъ объективныхъ воспріятій все, что производится въ нихъ субъективными ощущеніями его органовъ чувствъ; а тамъ, гдѣ такое устраненіе невозможно, постоянно провѣрять и исправлять невѣрныя воспріятія, уже образовавшіяся въ его умѣ, подъ вліяніемъ субъективныхъ процессовъ. Наконецъ въ заключеніи всѣхъ этихъ „научныхъ истинъ“, я нахожу слѣдующій мудрый афоризмъ: „для пониманія менѣе вредно, когда внѣшнее раздраженіе не вызоветъ вовсе воспріятія, нежели вызоветъ воспріятіе ложное“ (стр. 396—400).

Согласитесь, что вы не найдете ни одного такого наивнаго педагога, хотя-бы даже изъ расадника г. Льва Толстаго, которому не были-бы извѣстны всѣ эти „правила“ такъ-же досконально, какъ онѣ извѣстны и любому „мужу науки“?

Такимъ образомъ вы увидите, что тѣ „научныя психологическія знанія“, о которыхъ вы говорили, по содержанію своему ничѣмъ не разнятся отъ знаній ненаучныхъ, т. е. чисто эмпирическихъ, вытекающихъ изъ личнаго опыта каждаго человѣка: и тѣ, и другія приводятъ къ одинаковымъ правтическимъ выводамъ. Чему же новому можемъ научиться мы, профаны, отъ ученыхъ психологовъ? Или позвольте предложить вопросъ въ другой формѣ: чему новому можетъ научиться эмпирическая педагогика отъ научной психологіи? И какой смыслъ имѣетъ послѣ этого наша банальная истина?

II.

Большая часть психическихъ явленій, описываемыхъ въ психологіи, извѣстны каждому простому смертному такъ-же хорошо, какъ и ученому мужу; профанъ и ученый доходятъ до пониманія

этихъ явленій однимъ и тѣмъ-же путемъ, путемъ эмпирическаго наблюденія надъ собою и надъ окружающими ихъ людьми. Мы убѣдились въ этомъ наглядными примѣрами, взятыми нами изъ книги того самого автора, у котораго мы заимствовали и цитату о необходимости для педагога научно-психологическихъ познаній. Должны-ли мы вывести отсюда заключеніе, что мысль автора не вѣрна и что такой необходимости вовсе не существуетъ? Конечно, да... если-бы научная психологія не ставила себѣ никакой другой задачи, кромѣ описанія явленій, и безъ того уже намъ извѣстныхъ. Но мы знаемъ, что это не такъ: мы знаемъ, что научная психологія не только описываетъ то, что есть, но и старается выяснитъ и опредѣлять, почему есть то, что есть. Выясняя этотъ послѣдній вопросъ, она логически приходитъ къ другому вопросу, имѣющему для практической педагогики особенно важное значеніе,—къ вопросу о томъ, что должно быть, т. е. каковы должны быть тѣ общія, нормальныя условія нашей психической дѣятельности, при которыхъ послѣдняя получаетъ самое полное, правильное, всестороннее и здоровое развитіе. Рѣшая этотъ вопросъ, психологія волей-неволей должна сойдти съ торной дорожки чисто-эмпирическихъ наблюденій: съ ними одними она тутъ ничего не подѣлаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-бы хорошо ни наблюдалъ ученый мужъ психическіе процессы, совершающіеся въ его собственной душѣ и у его ближнихъ, но эти наблюденія не дадутъ ему ни малѣйшаго права дѣлать какія-бы то ни было заключенія насчетъ правильности и нормальности этихъ процессовъ. Кто знаетъ, можетъ быть, наблюдаемые имъ субъекты думаютъ и чувствуютъ совсѣмъ не такъ, какъ-бы слѣдовало думать и чувствовать здоровому, нормально развитому субъекту; быть можетъ, и самъ онъ находится въ подобныхъ-же условіяхъ? Но предположимъ даже, что наблюденія психолога охватываютъ такую массу индивидуумовъ, что вопросъ о ненормальности ихъ умственнаго развитія устраняется самъ собою; предположимъ, что наблюдаемыя явленія психической жизни вполне нормальны,—что-же изъ этого? Причина ихъ по-прежнему останется для него неизвѣстною. Сколько-бы человекъ ни наблюдалъ психическіе процессы, совершающіеся въ его душѣ, онъ никогда не узнаетъ, почему именно они совершаются такъ, а не иначе. А пока онъ этого не узнаетъ, онъ не можетъ имѣть надъ ними никакой дѣйствительной власти; онъ вѣчно будетъ находиться, по

отношенію къ нимъ, въ положеніи скромнаго зрителя, пользующагося правомъ негодовать или восхищаться, выражать свое удовольствіе или неудовольствіе по поводу видѣннаго, но онъ не можетъ ни на волосъ ни измѣнить, ни передѣлать его.

Всякая наука ставитъ свою задачую научное изученіе наблюдаемыхъ ею явленій; а научно изучить явленіе—значитъ раскрыть его причину, выяснить и опредѣлять управляющій имъ законъ. Такова-же должна быть и задача психологіи. Но такъ какъ она не можетъ ее разрѣшить тѣмъ элементарнымъ средствомъ (само-наблюденія), о которомъ мы говорили выше, и которымъ вѣстѣ съ нею пользуемся и всѣ мы, заурядные профаны, то ей придется употреблять при своихъ изслѣдованіяхъ новыя средства, новыя методы, намъ, простымъ смертнымъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно недоступныя. Такимъ образомъ, она покидаетъ тотъ путь, который приводитъ насъ, профановъ, къ нашимъ эмпирическимъ выводамъ, и идя по которому, она не могла сказать намъ ничего такого, чего-бы мы не знали и безъ нея. Она направляется въ повня, такъ-сказать, высшія сферы изслѣдованій, куда намъ за нею не совсѣмъ-то легко слѣдовать,— въ сферы, доступныя лишь для немногихъ, — для спеціалистовъ, способныхъ восходить въ эти высшія области. Намъ-же, простымъ смертнымъ, приходится оставаться на порогѣ этихъ сферъ и, довольствуясь нашими эмпирическими выводами, смиренно ждать, пока „люди науки“ отыщутъ, наконецъ, при помощи своихъ усовершенствованныхъ методовъ, скрытыхъ отъ нашихъ глазъ, таинственный механизмъ нашей психической жизни. Когда они это сдѣлаютъ, тогда, только тогда мы дѣйствительно услышимъ отъ нихъ новое слово и только тогда „банальная истина“ станетъ истинной, и психологія будетъ имѣть для педагогики такое-же значеніе, какое имѣетъ теперь физиологія для діететики и гигиены.

Но случится-ли это когда-нибудь? Суждено-ли намъ когда-нибудь услышать отъ нашихъ ученыхъ психологовъ новое слово? Или они вѣчно будутъ повторять зады и никогда не выйдутъ изъ того заколдованнаго круга „самосознанія“ и „самонаблюденія“, въ которомъ топчемся и мы, простые смертные?

Совершенно понятно, что вопросъ этотъ долженъ сильно интересовать насъ и что мы не можемъ не желать такъ или иначе добиться на него отвѣта. Впрочемъ, это и не трудно: средства

и методы психологии на-лицо: стоит, значить, только обрешивать их и мы сейчас увидимъ, отличаются-ли они чѣмъ-нибудь отъ тѣхъ эмпирическихъ средствъ и методовъ, которыми пользуемся и мы, профаны, и которые, какъ мы уже знаемъ по собственному опыту, не въ силахъ разъяснить намъ скрытую причину, истинную сущность психическихъ явленій нашего внутреннего міра.

Хотя психологія, какъ отдѣльная, самостоятельная наука, появилась на божій свѣтъ очень недавно, однако психическія явленія служили предметомъ наблюденій и изученія для ученыхъ мыслителей, еще со временъ первыхъ греческихъ мудрецовъ. Теперь трудно даже съ точностью опредѣлить, чѣмъ впервые заинтересовался человѣческій умъ: тѣмъ-ли, что онъ находилъ внутри чело-вѣка или тѣмъ, съ чѣмъ онъ сталкивался внѣ его. И что-же? несмотря на эту древность изученія явленій внутренней природы, мы знаемъ о ней въ настоящее время ничуть не больше того, что знали о ней и наши отдаленнѣйшіе предки.

Этого нельзя, конечно, сказать о явленіяхъ природы внѣшней. Теперь мы знаемъ о нихъ, по крайней мѣрѣ, въ тысячу разъ больше, чѣмъ знали о нихъ... ну, хоть самъ Аристотель; пропорціонально развитію нашего знанія возросла, конечно, и наша власть надъ ними. Наша мысль подчинила себѣ главнѣйшія силы внѣшняго міра, раскрыла и разъяснила ихъ наиболѣе общіе законы. Но отчего-же науки, изучающія явленія окружающей насъ природы, постоянно прогрессируютъ, а наука, изучающая явленія нашего внутреннего міра, постоянно топчется на одномъ и томъ-же мѣстѣ и, несмотря на всѣ свои усилія, не можетъ выбиться изъ того закодированнаго круга, въ который попала съ самаго начала? Очевидно, на этотъ вопросъ можетъ быть данъ одинъ только отвѣтъ: методъ наукъ, изучающихъ явленія внѣшняго міра, постоянно развивался и совершенствовался; методъ-же психологии, напротивъ, ни на волосъ не измѣнился со времени Пифагора, Сократа и Платона. Дѣйствительно, до своего обособленія въ отдѣльную науку, что случилось такъ недавно, психологія сливалась съ метафизическою философіею—философіею, населявшею міръ какими-то невидимыми, таинственными сущностями, при пособіи которыхъ она силсилась объяснить все, чего не понимала или, лучше сказать, чего не хотѣла понимать. Метафизическія сущности освобождали ее отъ необхо-

димости всесторонняго, научнаго изученія наблюдаемыхъ явленій. Она брала ихъ такими, какими онѣ представлялись въ ея поверхностномъ, отрывочномъ, эмпирическомъ опытѣ и затѣмъ, съ спокойною совѣстью, подводила ихъ подѣ категоріи той или другой сущности. Совершивъ эту легкую операцію, она съ важнымъ видомъ приступала къ созерцанію своей сущности и, разумѣется, безъ малѣйшаго затрудненія, объясняла ея свойствами все, что желала объяснить. Понятно, что подобный несложный методъ изслѣдованія психическихъ явленій былъ очень соблазнителенъ, даже и для насъ, простыхъ профановъ. А для профановъ-ученыхъ онъ былъ еще соблазнительнѣе. Съ помощію его, они въ одинъ мигъ разрубали всѣ гордые узлы нашей внутренней жизни и уничтожали въ самомъ зародышѣ всякія сомнѣнія и недоумѣнія. Совѣсть ихъ была вполне спокойна. Они все знали и ничѣмъ не смущались; чуть представится какое-нибудь затрудненіе, отвѣтъ уже былъ готовъ: жизненная сила и т. под. и проч. Что хотѣли они сказать этими словами? Связывались-ли съ ними въ ихъ умѣ какія-нибудь ясныя, отчетливыя представленія? Они объ этомъ не думали. Но если-бы они подумали, то имъ легко было-бы убѣдиться, что они связываютъ съ ними понятіе о нѣкоторомъ общемъ x , суммирующемъ въ себѣ всѣ тѣ частныя x' 'ы, на которые ихъ ежеминутно наталкивалъ эмпирической опытъ. Подставить вмѣсто многихъ неизвѣстныхъ одно неизвѣстное—это была, конечно, штука не особенно хитрая, но для ученыхъ профановъ привлекательная и удобная. Съ отвлеченнымъ, абстрактнымъ x , имъ въ дѣйствительности никогда не приходилось сталкиваться. Совѣсть другое дѣло тѣ частныя, конкретныя x' 'ы, которые на каждомъ шагу навязывались ихъ вниманію, на каждомъ шагу настоятельно требовали своего разрѣшенія, для котораго у ученыхъ не было подѣ руками никакихъ готовыхъ данныхъ, а искать ихъ самимъ не хотѣлось; чтобы по-пусту съ нимъ не возиться, они взяли, да всѣ эти x' 'ы и упразднили. Понятно, что послѣ такого смѣлаго шага они почувствовали себя совершенно свободными отъ всякихъ психологическихъ задачъ, анализовъ и изысканій; наша эмпирическая опытность изодня въ день возрастала, но они не извлекали изъ нея почти никакихъ полезныхъ для себя указаній. Сваливъ всѣ психическіе процессы въ одну общую кучу, они ограничили свои попытки къ разъясненію ихъ тѣмъ, что наклеили на нее одинъ общій ярлыкъ.

Съ освобожденіемъ психологій изъ-подъ ярма трансцендентальной философіи характеръ и общее направленіе ея нѣсколько измѣнились. Хотя психологія и не отказалась отъ своихъ метафизическихъ сущностей, но эти сущности, — число которыхъ она значительно увеличила, — потеряли въ ея глазахъ свое прежнее значеніе. Она прямо и откровенно заявила, что непосредственное знаніе и пониманіе ихъ для нея совершенно недоступно, что она можетъ имѣть дѣло лишь съ ихъ частными проявленіями, т. е. съ тѣми психическими процессами, которые ими обуславливаются. А такъ-какъ эти психическіе процессы познаются нами только тогда и только настолько, когда и насколько мы ихъ сознаемъ, то она и признала это сознаніе своимъ главнымъ и почти единственнымъ руководителемъ.

Такимъ образомъ, самостоятельно выступившая психологія, отвергнувъ непосредственное созерцаніе абстрактныхъ сущностей, поставила на его мѣсто непосредственное созерцаніе конкретныхъ психическихъ явленій, насколько эти явленія доступны нашему сознанію. Иными словами, она занялась тѣмъ-же грѣшнымъ дѣломъ, какимъ занимаемся подчасъ и мы, профаны; она стала воздвигать свое научное зданіе на той-же рыхлой и неудобной почвѣ, на которой и мы, профаны, строимъ наши легковѣсныя, на живую нитку сволоченные домики, — домики, приспособленные лишь къ незатѣшливымъ потребностямъ нашего будничнаго обихода и незаявляющіе ни малѣйшихъ притязаній на роль „храмины науки“.

Въ самое послѣднее время психологи „непосредственнаго сознанія“ нѣсколько расширили свои научныя средства, позаимствовали кое-что у физиологій и убѣдились въ необходимости сравнительно-психологическихъ наблюденій надъ проявленіями душевной жизни. Однако непосредственное сознаніе по-прежнему остается ихъ главнымъ руководителемъ и они по-прежнему сосредоточиваютъ все свое вниманіе почти исключительно на описаніи и классификаціи психическаго матеріала, добываемаго ими тѣмъ-же самымъ нехитрымъ путемъ, какимъ и мы, профаны, добываемъ его.

Ясно, слѣдовательно, что и отъ нихъ пока еще нечего ждать новаго слова. А между тѣмъ ихъ психологія пользуется въ настоящее время огромною популярностью, и не только въ Англіи, ея настоящимъ отечествѣ, но и на всемъ континентѣ. И дѣйствительно. если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія „непосредственнаго

сознанія“, то нельзя не убѣдиться, что по обширности и тщательности своихъ наблюдений, по глубинѣ и тонкости своего анализа, она не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Но за то, съ точки зрѣнія нашихъ профановскихъ интересовъ, она оставляетъ желать очень и очень многого. Отказываясь самымъ рѣшительнымъ тономъ отъ возможности когда-нибудь познать сущность природы психическихъ процессовъ и устраняя даже самый вопросъ о ней изъ круга своихъ изслѣдованій, она, по необходимости, должна ограничиться лишь простымъ констатированіемъ и описаніемъ этихъ процессовъ, оставляя совершенно открытымъ вопросъ, который насъ, профановъ, всего болѣе интересуетъ,—вопросъ о причинахъ, ихъ обуславливающихъ, о коренныхъ законахъ, ими управляющихъ. Постоянно занимаясь непосредственнымъ созерцаніемъ нашихъ субъективныхъ воспріятій, идей и чувствъ, на сколько они обнаруживаются въ нашемъ сознаніи, она приходитъ къ полному разграниченію субъективнаго отъ объективнаго, явленій психической природы отъ явленій природы внѣшней и, подводя первыя подъ одну общую рубрику „душа“, а вторыя—подъ столь-же общую рубрику „матерія“, она противопоставляетъ ихъ другъ другу, какъ величины несоизмѣримыя и, по природѣ своей, абсолютно различныя *).

Такимъ образомъ оказывается, что психологія и послѣ этого какъ отдѣлилась отъ трансцендентальной философіи, сохранила свой прежній метафизико-эмпирическій характеръ, свои прежніе нигуда негодные методы. Руководимая блѣднымъ, мерцающимъ свѣточемъ „непосредственнаго сознанія“, она, по-прежнему, топчется въ заколдо-

*) Не желая испещрять статьи цитатами, отсылаемъ любознательнаго и недобрчиваго читателя къ небольшой, популярной книжкѣ Бена «Духъ и Тѣло», изд. Международной научной Библіотекой. Бенъ—одинъ изъ корифеевъ той психической школы, о которой я говорю; онъ считается въ то-же время однимъ изъ лучшихъ и блестящихъ представителей современной научной психологіи и вотъ, между прочимъ, что онъ говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ явленій міра матеріальнаго къ міру духовному: «явленія міра духовнаго и міра тѣлеснаго находятся между собою въ рѣзкомъ противорѣчій: сравнивать ихъ одинъ съ другими невозможно, такъ какъ между ними нѣтъ ничего общаго, кромѣ развѣ того, что первыя, какъ и послѣднія совершаются во времени и что они представляютъ количественную величину. Когда мы занимаемся изученіемъ однихъ, мы должны совершенно забыть всѣ тѣ свойства, которыми характеризуются другія» («Тѣло и Духъ», гл. VI, стр. 165). Не имѣя подъ руками англійскаго изданія, я сдѣлалъ вышеприведенную цитату по нѣмецкому переводу, изд. Брокгауза, Лейпцигъ, 1874 г.

равномъ кругѣ и по-прежнему отказывается разъяснить намъ, профанамъ, истинную причину и основные законы нашей психической жизни. Какихъ-же плодовъ можемъ ожидать мы отъ нея въ будущемъ.

Впрочемъ, будемъ къ ней вполне справедливы. Хотя она топчется въ заколдованномъ кругу и изъ него, по всей вѣроятности, никогда не выйдетъ, но за то въ предѣлахъ этого круга, въ предѣлахъ своего „непосредственного сознанія“, она работаетъ съ неутомимою добросовѣстностью и съ весьма значительнымъ успѣхомъ. Благодаря ея трудамъ, масса психологическаго матеріала, добытаго, преимущественно, путемъ самонаблюденія, приведена въ извѣстный порядокъ, сгруппирована въ болѣе или менѣе стройную систему, психическія явленія распределены по категоріямъ, довольно удовлетворительно опредѣляющимъ ихъ существенныя свойства, выяснены ихъ взаимныя отношенія и ихъ отношенія къ явленіямъ внѣшняго міра, — выяснены, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько это позволяютъ односторонніе методы эмпирической психологій. Но, конечно, дальнѣйшая обработка собраннаго и систематизированнаго ею матеріала, — обработка строго-научная, ставящая себѣ цѣлью раскрытіе самой сущности психическихъ процессовъ и управляющихъ ими законовъ, — такая обработка превышаетъ ея силы и средства. Однако, кому-же въ такомъ случаѣ взяться за нее?

Кромѣ метафизики, за нее брались и до сихъ поръ берутся физиологія и медицина, — науки, давно уже пережившія свой метафизическій періодъ развитія, давно усвоившія себѣ строго-научный методъ изслѣдованія. Понятно, что онѣ, постоянно изучавшія съ помощью этого метода явленія внѣшней природы, постарались теперь примѣнить его и къ явленіямъ внутренняго міра. Благодаря этому обстоятельству, центръ тяжести психологическихъ изслѣдованій (если можно такъ выразиться) перемѣстился съ субъективной стороны психологическаго процесса на сторону объективную. Объективною стороною называются обыкновенно тѣ матеріальныя условія, при наличности которыхъ возникаетъ данное психическое явленіе, а тотъ субъективный аффектъ, который она на насъ производитъ и который мы опредѣляемъ словомъ *сознаніе*, составляютъ его субъективную сторону. Такъ какъ сознаніе является главнымъ орудіемъ изслѣдованій эмпирической психологій, то понятно, что ей доступна только одна субъективная сторона явленія:

сторона-же объективная выходит за предѣлы ея наблюдений. Вслѣдствіе этого и методъ ея часто называется субъективнымъ методомъ; въ противоположность ему, методъ, отправляющійся отъ изученія матеріальныхъ условій психическаго явленія, называется методомъ объективнымъ.

Вотъ этотъ-то объективный методъ фізіологія и медицина и внесли въ психологію и подъ его вліяніемъ не только общій характеръ, но даже и содержаніе этой науки значительно видоизмѣнились. Субъективная психологія по необходимости должна ограничивать сферу своихъ изслѣдованій лишь небольшою группою явленій, достигающихъ нашего сознанія, лишь сознательными процессами нашей души. Но этими процессами, какъ извѣстно даже и намъ, профанамъ, далеко не исчерпывается все содержаніе психической жизни человѣка. Напротивъ, они играютъ въ ней очень скромную и, можно сказать, даже второстепенную роль. Мозгъ нашъ, безъ помощи сознанія, постоянно воспринимаетъ массу впечатлѣній, доставляемыхъ ему какъ внѣшними, такъ и внутренними органами нашего тѣла, безъ помощи сознанія усваиваетъ ихъ себѣ, перерабатываетъ, извѣстнымъ образомъ комбинируетъ и распредѣляетъ. Въ сознаніи являюся обыкновенно уже готовые результаты его дѣятельности, и то не всѣ, а только нѣкоторые, и на очень короткое время. Такъ, напримѣръ, между нимъ и нашими внутренними органами (органами пищеваренія, дыханія, кровообращенія, половыми органами и т. п.) происходитъ непрерывный обмѣнъ впечатлѣній, изъ которыхъ главнымъ образомъ складывается основной фонъ нашей душевной жизни—то, что мы называемъ нашимъ темпераментомъ, „настроеніемъ духа“, нашимъ „характеромъ“. Отсюда очевидно, что дѣятельность мозга, обусловливаемая этими впечатлѣніями, играетъ въ нашей духовной жизни господствующую роль, отъ нея зависитъ общій тонъ и направленіе нашей сознательной мысли, она вліяетъ на наши сознательныя отношенія къ явленіямъ окружающаго насъ объективнаго міра, опредѣляетъ, до извѣстной степени, характеръ нашихъ внѣшнихъ воспріятій. А между тѣмъ обыкновенно она совершается за предѣлами нашего сознанія, и сознаніе замѣчаетъ ее только тогда, когда, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь болѣзненныхъ условій, она разстраивается и начинаетъ дѣйствовать ненормально. Слѣдовательно, изученіе ея и раскрытіе законовъ, управляющихъ ею, совершенно немислимо при

помощи субъективного метода. И пока этотъ методъ считался единственно приложимымъ къ изслѣдованію явленій внутренняго міра, о ней и рѣчи не могло быть. Но, исключая ее изъ своей науки, психологи уродовали нашу психическую природу, отнимали ея существеннѣйшія части, и, такимъ образомъ, сами лишали себя возможности узнать и понять ее во всемъ ея цѣломъ. Объективный методъ, сдѣлавъ безсознательную душу исходною точкою изученія сознательной души, возстановилъ цѣлостность и полноту нашего внутренняго міра и ввелъ въ область психологическихъ изслѣдованій массу новыхъ фактовъ и явленій, безъ знанія которыхъ немислимо составить себѣ даже приблизительно-вѣрное понятіе о законахъ и природѣ нашей духовной жизни.

Изученіе дѣятельности безсознательной души и ея отношеній къ душѣ сознательной, выяснило, во-первыхъ, что между ними не существуетъ никакого качественного различія и что каждый психическій процессъ, достигая извѣстной степени интенсивности, неизбѣжно переходитъ изъ безсознательнаго въ сознательный; во-вторыхъ, что безсознательные психологическіе процессы суть ничто иное, какъ нѣкоторая форма дѣятельности нервной силы.

Всякій шагъ впередъ, всякое новое открытіе въ области изученія явленій нашей безсознательной жизни, будетъ шагомъ впередъ, новымъ открытіемъ и въ области явленій сознательной жизни. Изучивъ причины, установивъ законы, управляющіе первыми, подчинивъ ихъ своему господству, — человѣкъ узнаетъ причины и законы вторыхъ, а слѣдовательно и на нихъ также и въ такой-же степени распространится его власть. Однимъ словомъ, „душа безсознательная“, — какъ сказалъ кто-то, — „дастъ намъ ключъ къ познанію души сознательной“.

Но чтобы овладѣть этимъ ключемъ, наука, какъ мы сказали, должна разрѣшить вопросъ о характерѣ и природѣ того процесса, который происходитъ въ нашихъ нервахъ и мозгахъ, при образованіи такъ-называемаго безсознательнаго психическаго процесса. Въ настоящее время, онъ еще очень далекъ отъ этого рѣшенія. И очень вѣроятно, что, при теперешнихъ своихъ средствахъ, онъ и не можетъ къ нему придти, по крайней мѣрѣ, путемъ прямого опыта и непосредственнаго наблюденія. Прямой опытъ и непосредственное наблюденіе на каждомъ шагу сталкиваются тутъ съ почти непреодолимыми препятствіями, — препятствіями, лежащими

въ самой природѣ изучаемыхъ явленій. По необходимости, наукѣ приходится прибѣгнуть къ помощи гипотетическаго метода. Гдѣ нельзя дѣйствовать непосредственно, гдѣ прямой путь загроможденъ неодолимыми преградами, — тамъ благоразуміе совѣтуетъ искать окольныхъ, боковыхъ дорожекъ. Часто послѣднія приводятъ къ цѣли несравненно скорѣе, чѣмъ первый. Такою окольною дорожкой и является въ настоящемъ случаѣ гипотеза. Гипотеза, болѣе или менѣе правдоподобная, т. е. болѣе или менѣе научная. — всегда была и, можетъ быть, всегда будетъ, могущественнымъ рычагомъ всякаго научнаго прогресса. Едва ли было хоть одно великое научное открытіе, которому-бы она не предшествовала, которое-бы она не подготовила.

Нужно думать, или лучше сказать, — можно съ полною увѣренностью утверждать, что, при данномъ состояніи нашихъ научныхъ средствъ, вопросъ о характерѣ и природѣ нервного процесса если и можетъ быть рѣшенъ, то не иначе, какъ при содѣйствіи гипотезы. Въ настоящее время уже существуетъ нѣсколько гипотезъ, и хотя основательность ихъ подлежитъ спору, однако каждая изъ нихъ принесла наукѣ свою долю пользы, бросивъ искру свѣта на тѣ или другіе факты, до нея оставшіеся въ тѣни.

Впрочемъ, позвольте, можетъ быть, даже и надѣяться не нужно; можетъ быть, такая гипотеза уже и явилась... Передо мною лежатъ первый томъ сочиненія, общающаго, судя по началу, быть обширнымъ сочиненіемъ, которое приподноситъ намъ нашъ соотечественникъ, докторъ Зеленскій, подъ заглавіемъ: „Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства“. Авторъ излагаетъ въ вышедшемъ томѣ „свою собственную и совершенно новую“ (такъ онъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ) „теорію“, т. е. гипотезу относительно „метаморфозы внѣшнихъ движеній во внутреннія, нервныя“, „внѣшнихъ силъ въ интеллектуальныя“, психическія! Эта гипотеза, по словамъ автора, имѣетъ неоспоримыя преимущества передъ всѣми предъидущими: — она вполне удовлетворительно объясняетъ всѣ наши психическія явленія, не противорѣчитъ ни одному факту нашей внутренней жизни, основана на строго научныхъ данныхъ, — вообще лучше, проще и основательнѣе этой гипотезы ничего и выдумать нельзя. Ключъ къ рѣшенію одной изъ труднѣйшихъ и существеннѣйшихъ задачъ современной научной психологіи найденъ! И его нашелъ нашъ соотечественникъ —

докторъ Зеленскій! Если-бы въ настоящее время нашъ патріотизмъ и безъ того уже не находился на точкѣ непреывнаго кипѣнія, то, право, одинъ этотъ фактъ могъ-бы значительно подогрѣть его. Только... знаете-ли что: говорятъ, будто предметы, всего болѣе способные раскалять патріотизмъ, взятые сами по себѣ, часто оказываются... ну, какъ-бы это поделибатѣе выразиться!.. оказываются весьма афемерными. Не таковы-ли и претензіи автора „Основъ для ухода и т. д.“?

Посмотримъ, посмотримъ. Предметъ, о которомъ онъ трактуетъ, настолько важенъ и настолько общентересенъ, что всякая попытка освѣтить его съ какой-нибудь новой стороны, направить на него какую-нибудь новую точку зрѣнія, — всякая такая попытка заслуживаетъ съ нашей стороны самаго полнаго вниманія и, конечно, самаго безпристрастнаго отношенія къ дѣлу.

III.

Начнемъ-же смотрѣть... „Помилюте, воскликнетъ нетерпѣливый читатель, — это только теперь вы хотите начать! Да чего же вы думали раньше? Отчего вы прямо не начали съ той банальной фразы, съ которой обыкновенно начинаютъ всѣ критики и до которой вы дописались только теперь: „передо мною лежитъ книга... заслуживающая съ нашей стороны самаго полнаго вниманія и безпристрастнаго отношенія къ дѣлу... начнемъ смотрѣть“... Для чего вамъ понадобился весь этотъ длинный и скучный приступъ“?

Вы желаете получить отвѣтъ, читатель? А вѣдь, знаете-ли, вашъ вопросъ довольно щекотливаго свойства, и если-бъ долгая практика не научила меня, какъ слѣдуетъ вообще относиться къ щекотливымъ вопросамъ, то я-бы, пожалуй, и ничего вамъ не отвѣтилъ. Къ счастью для васъ, у меня есть вѣрное средство отнимать щекотливость у щекотливаго вопроса, — средство очень простое и, такъ-сказать, дипломатическое. Нужно, во-первыхъ, „приступить къ его разсмотрѣнію“ совсѣмъ не съ того конца, съ какаго слѣдуетъ; во-вторыхъ, наговорить по поводу его столько лишняго, чтобы вы, наконецъ, совсѣмъ перестали интересоваться его рѣшеніемъ. Тогда вы выслушаете это рѣшеніе совершенно спокойно и даже вниманія на него не обратите. Впрочемъ, лишняго го-

ворить я не буду, а съ другого конца начну, — ужь безъ этого нельзя обойтись.

Этимъ другимъ концомъ будетъ... Гайдебуровъ. Вы скажете, что я не имѣю права касаться Гайдебурова, потому что я общалъ не говорить ничего лишняго, а Гайдебуровъ въ данномъ случаѣ, а можетъ быть, и во всѣхъ случаяхъ—вещь совершенно лишняя. Ошибаетесь. Обо „всѣхъ случаяхъ“ я не спорю, но въ данномъ случаѣ—онъ вовсе не лишній. Дѣло въ томъ, что когда я читалъ „Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ...“ и т. д., я невольно вспомнилъ о Гайдебуровѣ; воспоминаніе о почтенномъ редакторѣ „Недѣли“ вызвало въ моемъ умѣ воспоминаніе о Кавелинѣ, о Стронинѣ и о многихъ другихъ—все въ родѣ Гайдебурова. Эти воспоминанія навѣяли нѣкоторыя мысли и соображенія, а эти мысли и соображенія привели меня къ такому выводу: русскій интеллигентный человѣкъ вообще и особенно русскій ученый (или инящій себя таковымъ) ужасно какъ любитъ рисоваться... рисоваться передъ каждымъ знакомымъ, передъ публикою, передъ самимъ собою. Причину этого слѣдуетъ, вѣроятно, искать въ его крайне мизерномъ внутреннемъ содержаніи. Жизнь на каждомъ шагу даетъ ему чувствовать, что онъ послѣдняя спица въ колесницѣ, на каждомъ шагу она щелкаетъ его по носу и плюетъ ему въ глаза. А онъ... онъ можетъ только утираться, благодарить и кланяться. Положеніе незавидное и, если хотите, очень даже обидное. Конечно, интеллигентный человѣкъ не жалуется (еще-бы жаловаться!) онъ дѣлаетъ даже серьезный видъ, будто совершенно доволенъ... Но въ темныхъ тайникахъ своей души, въ тѣхъ тайникахъ, куда онъ изъ предосторожности и женѣ не позволяетъ заглядывать, — онъ ропщетъ и негодуетъ. Помимо его воли въ немъ возникаетъ смутное желаніе какъ-нибудь реабилитировать свое оскорбленное достоинство, — разумѣется, реабилитировать дозволеннымъ и вполне законнымъ образомъ. Это не совсѣмъ легко: нужно ждать и выискивать случая. За то ужь когда представится случай... о, тогда онъ мгновенно преображается: вмѣсто тихаго, смиреннаго и оплеваннаго обывателя передъ вами возстаетъ, во весь ростъ, классическая фигура... самодовольнаго фюфана. „Вотъ каковъ я! смотрите на меня и любуйтесь: я-ли не молодецъ, я-ли не герой? Кассу ссудо-сберегательную открылъ, школу устроилъ, книжку для народа на-

писаль, пятиалтынный братьямъ славянамъ пожертвоваль, у самого Чернаева въ ординарцахъ состояль... Да-съ, и мы таки можемъ быть силою, вѣдь не лыкомъ шиты, гдѣ нужно, въ грязь лицомъ не ударимъ!“ И поидеть, и поидеть...

Конечно, все это очень невинно и совершенно безопасно: чуть только нашему фюфану покажется, что кто-нибудь готовится зычвымъ голосомъ кривнуть: „тсъ! мол-чать!“—и онъ опять уходитъ въ скерлупу скромнаго обывателя и опять становится „тише воды, ниже травы“.

Впрочемъ, рисоваться намъ гражданскими подвигами приходится рѣдко: не по нашей это части да и не къ лицу намъ; по другимъ частямъ сподручѣе, а если принять во вниманіе умственное состояніе среды, выслушивающей наше бахвальство, то и не особенно даже трудно. Развѣ трудно было Гайдебурову провозгласить себя Колумбомъ и, въ качествѣ Колумба, получать отъ обывателей обоего пола благодарственные адреса? Развѣ трудно было г. Суворину прослыть за неподкупнаго публициста и передоваго застрѣльщика славянскаго освобожденія? Развѣ трудно было Мещерскому выдать себя за столбъ и опору російской консервативно-охранительной партіи, Каткову — за спасителя отечества, братьямъ Градовскимъ — за честныхъ людей и глубоко-мысленно-либеральныхъ политиковъ, генералу Чернаеву за... Впрочемъ, къ чему продолжать эти вопросы, вѣдь ихъ можно никогда не кончить. Всѣ эти господа и множество другихъ съ удивительнымъ апломбомъ разыгрываютъ роль фюфановъ и публика имъ аплодируетъ и ихъ дѣйствительно принимаютъ за фюфановъ, хотя въ сущности это самые смиренные и самые заурядные обыватели. Я убѣжденъ, что это едва-ли-бы могло случиться, если-бы въ ихъ апломбѣ не было нѣкоторой дозы искренности. Да, до извѣстной степени они искренни. Они въ сурьезъ убѣждены, что они если и не совсѣмъ, но все-таки хоть отчасти таковы, какими кажутся, что они взаправду что-то охраняютъ и подпираютъ, кого-то спасаютъ и освобождаютъ... что они почти честны и независимы, что они очень неглупы и... немножко даже Колумбы.

Я знаю, напримѣръ, навѣрное, что вѣчной памяти ташкентскій политикъ Стронинъ не только другихъ увѣряль, но и самъ былъ увѣренъ, будто онъ человѣкъ весьма ученый, мыслитель первораз-

рядный, и многих наук основатель. Я знаю также, что г. Суворинъ убѣжденъ, будто онъ не просто „сквернословъ“, а патриотъ, и будто, когда онъ пишетъ, то не только „словесный гной источаетъ“, но при этомъ еще что-то и кого-то очень тонко проводить. Г. Кавелинъ положительно оскорбился-бы и оскорбился-бы въ сурезъ, если бы кто-нибудь изъ его близкихъ пріятелей и сверстниковъ позволилъ себѣ въ дружеской бесѣдѣ приравнять его старческую болтовню къ дудышкинскому праздномыслию. А вѣдь, между тѣмъ, въ этомъ сравненіи не было-бы ни малѣйшаго преувеличенія. Почему-же-бы оно обидѣло г. Кавелина? А потому, что г. Кавелинъ не только хочетъ казаться глубокомысленнымъ философомъ и свѣдущимъ психологомъ, но и самъ убѣжденъ въ глубинѣ и основательности своихъ философски-психическихъ познаній.

Конечно, подобное искреннее самомяѣніе нельзя объяснять одною лишь тою общею причиною, о которой я говорилъ выше. Рядомъ съ нею и въ одномъ съ нею направленіи тутъ дѣйствуютъ, вѣроятно, и другія причины. Во-первыхъ, всѣ мы (слѣдовательно и наши фюфаны) учимся обыкновенно только „чему-нибудь и какъ-нибудь“; потому мы почти никогда не знаемъ исторіи своихъ мыслей, и намъ всегда кажется, будто мы сами до нихъ додумались. Во-вторыхъ, мы... какъ-бы это выразиться по-деловитѣе, ну... не обладаемъ черезчуръ богатымъ запасомъ знаній, оттого въ большинствѣ случаевъ мы считаемъ даже неудобнымъ притязанія нашихъ литературныхъ, ученыхъ и иныхъ фюфановъ на оригинальность и самобытность мысли, на ученую солидность, на чистоту намѣреній и т. д., и т. д. Мы принимаемъ ихъ слова на вѣру и, своею добродушною снисходительностью къ нимъ, еще пуще укрѣпляемъ и развиваемъ ихъ самомяѣніе. Ахъ, если-бы не наша добродушная снисходительность! Не открываль-бы г. Гайдебуровъ Америки, не подвергаль-бы тисненію г. Кавелинъ своего старческаго праздномыслия о русской критикѣ, объ общинѣ, теоретикахъ западничества, и практикахъ славянофильства. Не прослыль-бы г. Суворинъ за искренняго и честнаго публициста; гг. Баймаковъ и Полетика не смѣялись-бы себѣ въ бороду надъ російскими прогрессистами и радикалами! — „Однако, позвольте, когда же вы, наконецъ, до Зеленскаго дойдете? когда свой длинный приступъ объясните?“ О, нетерпѣливый читатель, ты не только не-

терпѣливъ, но и непроницателенъ. Развѣ ты не видишь, что до г. Зеленскаго я давно дошелъ и приступъ свой давно объяснилъ! — „Какъ! вы хотите сказать, что считаете г. Зеленскаго ученымъ фофаномъ, а насъ, вашихъ читателей, тою „добродушно-снисходительною публикою“, которая готова повѣрить ему на слово, которая на-столько невѣжественна, что неспособна даже провѣрить его притязаній?“

Нѣтъ, читатель, я далекъ отъ мысли ставить г. Зеленскаго на одну доску съ такими „самоучками-изобрѣтателями“, какъ гг. Стронинны, Кавелины и т. п.; я далекъ отъ мысли приравнивать весьма почтенный, хотя и компилятивный, трудъ перваго, къ досужему праздномыслию послѣднихъ. Еще болѣе далекъ я отъ мысли обвинять тебя, мой читатель, въ кругломъ невѣжествѣ и въ совершенной неспособности отличить мишуру отъ золота. Но... да не обидится г. Зеленскій, не обидься и ты, читатель, — но авторъ „Основъ для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства“, несмотря на всѣ свои добрыя намѣренія, не могъ избѣгнуть судьбы, общей почти всѣмъ интеллектуальнымъ россіянамъ, не могъ немножко не порисоваться и не поважничать передъ тобою, добродушный читатель *); тебѣ-же, вѣчно занятому

*) Надѣюсь, г. Зеленскій въ этомъ скромномъ моемъ замѣчаніи не найдетъ ничего для себя предосудительнаго. Право, въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Неужели-же это не рисовка утверждать, будто до книги г. Зеленскаго, изслѣдованія явленій вѣшняго и психическаго міровъ представлялись звеньями „разорванной нити“, и будто „если за мнѣмъ (т. е. его, Зеленскаго) трудомъ признается (извините меня, по-русски говорятъ *будетъ признана*) когда-нибудь заслуга относительно психологіи, то она состоитъ только въ томъ, что я поднялъ концы разорванной нити и связалъ ихъ вмѣстѣ“ (стр. 231.)

Маленькую-же заслугу приписываете вы себѣ, г. Зеленскій! Да вѣдь если, дѣйствительно, до васъ никто еще не слумѣлъ „поднять и связать“ концы этой „разорванной нити“, и если дѣйствительно вамъ удалось это сдѣлать первому, такъ вамъ отечество монументъ должно воздвигнуть, а ученые всей Европы смиренно склонить передъ вами головы и увѣчать васъ лавровымъ вѣнкомъ! А вы еще такъ скромны, что называете это какою-нибудь заслугой!

А ваше предисловіе! Положимъ, вы предназначаете его для своихъ дѣтей, но, во-первыхъ, и передъ дѣтьми, не слѣдуетъ рисоваться, а, во-вторыхъ, вѣдь его прочтеть и публика. Ну, зачѣмъ это вы увѣрите насъ, говоря: „продолженіи всей моей жизни, медленно и съ трудомъ подымался я къ поражающей вершинѣ величественнаго зданія, сложеннаго изъ научныхъ фактовъ вѣковымъ трудомъ человѣческой мысли и опыта. Тамъ (т. е. на вершинѣ-то) съ доступной мнѣ высоты я съ восторгомъ...“ ну, и т. д. Достигнуть или даже значительно приблизиться къ «поражающей вершинѣ величественнаго зданія, сложеннаго изъ вѣковыхъ трудовъ человѣческой мысли и опыта» — это штука не легкая, и удастся она не всякому.

разными житейскими дразгами и почитывающему ученыя книги „между дѣломъ“, не всегда до того, чтобы самому вникать и справляться насчетъ основательности или неосновательности притязаній автора-специалиста на новизну и оригинальность высказываемыхъ имъ взглядовъ. Моимъ длиннымъ вступленіемъ я хотѣлъ поэтому немножко оріентировать тебя въ занимающемъ насъ вопросѣ. Доволенъ-ли ты моимъ объясненіемъ? Теперь буду продолжать.

И такъ начнемъ смотрѣть...

IV.

Посмотримъ сначала на тѣ общія и руководящія идеи, которыми г. Зеленскій ставитъ своихъ читателей на ту „поражающую вершину величественнаго зданія, сложеннаго... вѣковымъ трудомъ человѣческой мысли и опыта“, на которую онъ самъ поднимался въ продолженіи всей его жизни; судя по тому высокому пьедесталу, съ котораго эти идеи провозглашаются намъ, онѣ, дѣйствительно, должны быть не только руководящими, но и новыми, никѣмъ до сихъ поръ невысказанными. Такъ мы, профаны, и думали о нихъ, пока не отнеслись къ нимъ критически..

Рисуя намъ идеальнъ воспитателя, г. Зеленскій взбирается уже

а лишь избраннымъ натурамъ. Конечно, очень можетъ быть, что и вы принадлежите къ числу этихъ натуръ, но, только зачѣмъ-же заявлять объ этомъ въ предисловіи, зачѣмъ провозглашать объ этомъ на весь міръ, — предоставьте судить самимъ читателямъ. *C'est un peu fort, c'est un peu fort!*

Вы говорите также въ предисловіи о своихъ „химическихъ анализахъ, микроскопическихъ наблюденіяхъ“ и проч., и проч. Но почему въ вашей книгѣ вы ни разу не указываете на ваши собственныя, самостоятельныя работы, почему вы ограничиваетесь вездѣ лишь ссылками на работы «вашихъ учителей»? Въ этомъ нѣтъ, конечно, ничего дурного; напротивъ, эта скромность весьма похвальна; видно, по крайней мѣрѣ, что вы хорошо знакомы съ литературою вопроса. Но зачѣмъ-же вы пускаете пылъ въ глаза вашими химическими анализами и микроскопическими наблюденіями? Всякій знаетъ, что если-бы вы не дѣлали химическихъ анализовъ и микроскопическихъ наблюденій, то вы и докторомъ не могли бытъ.

Ну, скажите, развѣ все это не рисовка? А вѣдь я могъ-бы привести изъ вашей книги не два, не три, а цѣлыя десятки подобныхъ-же образчиковъ, хотя въ сущности и невиннаго, но все-же очень смѣшного важничанья. Истинная заслуга, г. Зеленскій, сама за себя говорить: она не нуждается въ напыщенныхъ рекамъ. Зачѣмъ вы прибѣгаете къ нимъ? Оставьте это! Пусть ужъ этимъ дѣломъ занимаются гг. Суворины, Гайдебуровы и проч.

на такую „поражающую вершину“, что становится страшно и за воспитателя, и за его воспитанника. Первый долженъ быть, по меньшей мѣрѣ, всеобъемлющимъ умомъ, Платономъ XIX вѣка, а второй — ну хоть Галилеемъ. Во-первыхъ, воспитатель долженъ обладать всеѣмъ наслѣдствомъ умственнаго богатства, переданнаго намъ вѣками. „Для того, говоритъ авторъ, — чтобы дитя могло пользоваться всеѣми дарами этого наслѣдства, нужно, чтобы отъ колыбели до полнаго развитія оно находилось подъ вліяніемъ людей, усвоившихъ уже себѣ все то, что выработано прежними поколѣніями. Обладаніе этими преемственными приобрѣтеніями есть первое условіе для воспитателя“ (стр. 29.) Но вѣдь это, г. Зеленскій, такое условіе, котораго не можетъ выполнить никто изъ современныхъ педагоговъ, и не только педагоговъ, но и величайшихъ мыслителей XIX вѣка. Кто-же можетъ изъ насъ похвалиться тѣмъ, что онъ обладаетъ всеѣмъ умственнымъ богатствомъ, переданнымъ намъ прежними поколѣніями? Кто рѣшится сказать, что онъ обладаетъ вполне хоть сотой долей тѣхъ знаній, которыя въ наше время такъ специализировались и развились? Ну вотъ вы, напр., г. докторъ, всю вашу жизнь поднимавшійся на „поражающую вершину“, развѣ вы обладаете хоть миллионной долей этого богатства? Если-бы вы даже были человѣкъ съ гениальнымъ умомъ Дарвина, съ пламенной и безкорыстной любовью къ дѣтямъ — Песталоцци, если-бы врачебная практика не отнимала у васъ ни минуты вашего времени и вся жизнь ваша была всецѣло посвящена наукѣ, то и тогда вы не могли-бы совмѣстить въ себѣ всеѣхъ разнообразныхъ приобрѣтеній современнаго знанія. Зачѣмъ-же требовать невозможнаго отъ такого скромнаго и ограниченнаго существа, какъ педагогъ нашего времени? Изъ вашего *Посвященія* дѣтямъ я вижу, что вы отецъ семейства, отецъ, любящій и умѣющій цѣнить хорошее воспитаніе, но я спрашиваю васъ, гдѣ-бы, за какими это морями и горами, вы могли-бы приобрѣсти имъ, вашимъ собственнымъ дѣтямъ, такого воспитателя, идеаль котораго вы рисуете намъ? На другой страницѣ вы-же сами говорите: „вслѣдствіе закона постепенности въ умственномъ развитіи, нужно, чтобы учитель становился *только одной ступенькой выше своего ученика относительно усвоиваемаго предмета*“. Иначе, по мнѣнію вашему, воспитатель, несоблюдающій этой мѣры, вмѣсто развитія будетъ убивать интеллектъ ребенка.

Прекрасно! Но тогда что-же будетъ дѣлать вашъ всеобъемлющій воспитатель съ вашимъ идеальнымъ питомцемъ? Если-бы вы заставили Ог. Контя преподавать ему арифметику или утирать ему носъ, то вѣдь Контъ никуда негодился-бы, и вы первый прогнали-бы его со второго урока; а не годился-бы онъ потому, что „становиться только одной ступенькой выше своего ученика“ ему было-бы трудно и даже невозможно, если-бы онъ и согласился на это. Затѣмъ, удобенъ-ли онъ былъ-бы и для самихъ родителей, къ которымъ ему пришлось-бы тоже нагибаться нѣсколькими ступеньками внизъ, чтобы они понимали его, а онъ—ихъ. Согласитесь, почтенный докторъ, что вы хватили ужъ слишкомъ далеко съ вашей „поражающей вершины“.

Но г. Зеленскій не одного этого требуетъ отъ воспитателя; онъ желаетъ видѣть въ немъ и психолога, и физиолога, и гигиениста, и критика, и неутомимаго наблюдателя, и философа. „Наконецъ, только тотъ можетъ быть призванъ къ многотрудному дѣлу воспитанія, резонирующъ авторъ „Основъ для ухода“,—кому это занятіе дорого и мило, кто преданъ ему всей душой и готовъ всецѣло пожертвовать себя ему. Только тотъ вполне осуществляетъ цѣль воспитанія, кто безпрестанно слѣдитъ за всѣми движеніями души своего воспитанника, за всякимъ проявленіемъ его творчества, всякимъ порывомъ его чувства“. (Стр. 33.) Но ужъ это само собою разумѣется, и мнѣ кажется, что не зачѣмъ было и толковать объ этомъ. Если воспитатель непремѣнно долженъ быть всеобъемлющій человекъ, то онъ ужъ, конечно, будетъ и психологъ, и философъ, и гигиенистъ,—однимъ словомъ, все, чего хотите, того и просите. Что-же касается того, чтобы занятіе педагога было *дорого* и *мило*, особенно при той обстановкѣ, въ какой онъ находится въ настоящее время, то при этомъ невольно вспомнился мнѣ одинъ изъ моихъ пріятелей, очень хорошій врачъ, который былъ откровененъ со мной. Онъ часто жаловался на свое двусмысленное положеніе, говоря: „чортъ знаетъ, что за профессія медика-практика; передъ больнымъ распинаешься въ своемъ высокомъ призваніи благодѣтеля и спасителя, а пріѣдешь домой и подумаешь: „эхъ! Господи, какъ усталъ, — хоть-бы они поскорѣй умирали: авось легче будетъ“. Не знаю, что чувствуютъ воспитатели, потому что въ ихъ шкурѣ я не былъ и съ ихъ женами объ этомъ не бесѣдовалъ, но едва-ли ошибусь, что 99 изъ 100

они выражаются насчетъ своего высокаго призванія не хуже моего пріятеля-доктора. Такимъ образомъ, я убѣжденъ, что г. Зеленскій сочинилъ идеаль своего воспитателя вовсе не для дѣйствительнаго воспитанія дѣйствительныхъ дѣтей, а для тѣхъ „вершинъ“, съ которыхъ онъ насъ поучаетъ.

Теперь будемъ смотрѣть на самыя условія воспитанія, предлагаемыя авторомъ „Основъ для ухода“. Въ этомъ отношеніи онъ гораздо сговорчивѣе и скромнѣе, а главное, какъ мы увидимъ изъ его собственнаго размышленія, все дѣло всеобъемлющаго Песталоцци, въ концѣ концовъ, сводится къ *искусству жизни*. Хотя, признаться, мы не совсѣмъ понимаемъ, что это такое за искусство жизни, какъ не понимаемъ многого, благодаря тяжелому и крайне-нелитературному изложенію г. Зеленскаго, но все-таки считаемъ долгомъ остановиться на его *руководящемъ* принципѣ:

„Первая забота, говоритъ докторъ, — должна состоять, безъ сомнѣнія, въ охраненіи жизни и здоровья вашего ребенка, въ развитіи его средствъ самозащиты и способности къ физическому труду... За этимъ по важности, слѣдуетъ забота о развитіи ума и знаній вообще. Третья забота состоитъ въ развитіи нравственнаго чувства не только въ той мѣрѣ, чтобы поступки воспитанника не нарушали выработанныхъ обществомъ законовъ, не приходили съ ними въ столкновеніе (вотъ пайныка-мальчикъ!), но настолько, чтобы всѣ высокія убѣжденія, въ немъ вырабатываемыя (это насчетъ Бруно и Галилеевъ), постоянно отражались на его чувствахъ и дѣйствіяхъ; другими словами, чтобы на пути нравственности и долга вашъ воспитанникъ не искалъ указаній внѣ себя, не шелъ по влеченію общественнаго мнѣнія (отчего-же, если оно хорошо и нравственно?) или эгоистической выгоды, а руководствовался только силой своего внутренняго убѣжденія. Четвертая ваша забота должна состоять въ развитіи эстетическихъ чувствъ, согласныхъ съ принципами разума и законамъ и эстетики“. Наконецъ, когда сформируется этотъ новый Эмиль, вы вмѣсто Элоизы посадите его за какуюнибудь спеціальную науку, — но пусть лучше самъ расскажетъ намъ г. Зеленскій: „...когда въ немъ уже развилось влеченіе ко всему истинно-прекрасному, тогда только вы приступите или, правильнѣе, онъ приступитъ къ образованію изъ себя дѣльнаго спеціалиста, полезнаго своимъ трудомъ для общества (въ родѣ, на примѣръ, адвоката Плеваки или извѣст-

наго московскаго доктора, на дверяхъ котораго en toutes lettres прописано, чтобы больной платилъ за визитъ ему не менѣе 25 р.) и въ то-же время способнаго обезпечивать какъ свое собственное существованіе, такъ и существованіе своей семьи. Въ развитіи вашего дитяти по всѣмъ вышеизложеннымъ направленіямъ заключается *искусство жизни*“ (стр. 34). Итакъ теперь мы начинаемъ соображать, что искусство жизни есть ничто иное, какъ всестороннее воспитаніе и специальное образованіе юноши. Повидимому такъ, но нѣтъ, выходитъ совсѣмъ не такъ. Черезъ нѣсколько строкъ, г. Зеленскій утверждаетъ, „что искусство жизни, какъ всякое другое искусство, почерпаетъ свою силу только въ знаніи соответствующихъ наукъ“. Что это за соответствующія науки — объ этомъ докторъ умалчиваетъ, но положительно настаиваетъ, что безъ нихъ искусство жизни нигде не годится: оно „только тогда становится истиннымъ путемъ къ достиженію счастья, когда достаточно знакомы и науки, на которыхъ построено это искусство“. (Тамъ-же). Но что-же, наконецъ, надо понимать подъ *искусствомъ жизни*? Умѣнье-ли пользоваться жизнью, практическое-ли знаніе ея, способность-ли наслаждаться ею или первенствовать въ ней, какъ въ борьбѣ за существованіе. Чтобы не вводить читателя въ заблужденіе на этотъ счетъ, особенно въ ученое и серьезное трудѣ, гдѣ все должно быть точно, опредѣленно и досказанно, автору слѣдовало убрать нѣсколько лишнихъ фразъ и строго опредѣлить, что именно онъ подразумѣваетъ подъ этимъ выраженіемъ. Понятіе *искусство жизни* до такой степени растяжимо и эластично, что въ какую житейскую сторону ни потяни его, оно останется все тѣмъ-же искусствомъ. Для г. Плеваки оно будетъ искусствомъ побольше нахватать крупныхъ процесовъ и поскорѣ сойти съ своей колокольни; для московскаго кулака-доктора увеличить свой гонораръ съ 25 р. на 100; для биржевого игрока — искусствомъ забраться въ чужой карманъ и выворотить его въ свою пользу, однимъ словомъ, каждый вправѣ понимать искусство жизни по своей индивидуальной иѣркѣ и стремиться къ своему *счастью* на основаніи своего *искусства*. Хотя г. Зеленскій и замѣчаетъ далѣе, „что главнымъ основаніемъ искусства жизни должно быть то правило, которое древніе греки давно написали на дверяхъ храма своего оракула: „учись познавать самого себя“, но и эта фраза столько-же объ-

ясняетъ дѣло, сколько „соотвѣтствующія науки“ или „достиженіе счастья посредствомъ искусства жизни“.

Но положимъ, что намъ удалось исполнить осуществить идеаль г. Зеленскаго, то-есть воспитать совершеннѣйшаго юношу, — ну, а дальше что же съ нимъ дѣлать? Какъ ввести его въ общественную среду и какъ устроить его тамъ? Въ рѣдкихъ случаяхъ, говоритъ г. Зеленскій, — вліяніе общества согласуется съ цѣлями разумнаго педагога, а большею частію вліяніе перваго идетъ въ разрѣзъ съ цѣлями послѣдняго“. Совершенно справедливо; и мы не выйдемъ изъ сферы самыхъ банальныхъ истинъ, если прибавимъ, что вліяніе общества гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на воспитаніе, чѣмъ самый гениальный воспитатель; потому что общественные стимулы, формирующіе юношу, состоятъ не изъ теоретическихъ уроковъ, а изъ самой жизни, изъ всей совокупности сложныхъ, неотразимыхъ и ежеминутно дѣйствующихъ на него обстоятельствъ. Но какъ-же ему быть, если его воспитаніе тянетъ въ одну сторону, а общественная среда—въ другую? Ну что если онъ съ его идеальными стремленіями попадетъ въ ту шайку, которая была противна даже Струсбергу? Тутъ, я думаю, и искусство жизни не поможетъ; сколько ни познавай себя, а придется или съ волками по-волчьи выть или бѣжать отъ нихъ. Впрочемъ, г. Зеленскій не оставляетъ безъ отвѣта этотъ вопросъ. „Истинное интеллектуальное развитіе, говоритъ онъ, насколько его можетъ дать настоящая наука, есть скала, высоко поднимающаяся надъ житейскимъ моремъ современнаго общества, надъ всѣми его тревоженіями и дразнами. Человѣкъ, поднявшійся на эту высоту, ничего не ожидаетъ отъ общества, а все даетъ ему (но беретъ-ли оно?—вѣдь это тоже не мѣшаетъ принять въ соображеніе). Онъ смотритъ на это общество, какъ мудрецъ на дѣтей, прощая имъ ихъ неправды, не возмущаясь ихъ обидами. Счастіе свое онъ находитъ въ высокихъ идеяхъ и нравственныхъ чувствахъ, выработавшихся въ его душѣ. Въ согласіи его дѣятельности съ ними совѣсть его находитъ себѣ удовлетвореніе“. (Стр. 45.) Но развѣ это отвѣтъ на вопросъ? Очевидно, г. Зеленскій говоритъ намъ о какихъ-то безплотныхъ духахъ, совершенно независимыхъ, которымъ кромѣ „высокихъ убѣжденій“ ничего болѣе не нужно, ни хлѣба, ни соли, ни обезпеченныхъ профессій, ни доходовъ и мѣстъ, ни жены, ни дѣтей; только нужна высокая скала,

съ которой-бы этотъ святой отшельникъ могъ спокойно созерцать людскія дрязги. Боже мой, какъ это должно быть скучно и невыносимо — все созерцать и созерцать... И охота вамъ, г. Зеленскій, увѣрять насъ въ томъ, во что и вы сами не вѣрите. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему эти поэтическія картины, эти *ria desideria*, когда вы очень хорошо знаете, какъ практическій врачъ, что въ нихъ нѣтъ ничего реальнаго и положительнаго.

Вотъ и всѣ руководящія идеи г. Зеленскаго о воспитаніи. Ясно, что его педагогика — родная дочка психологіи, а кто изъ нихъ лучше?—пусть на это отвѣтитъ самъ читатель.

Удастся-ли мнѣ поговорить о самой теоріи г. Зеленскаго — не знаю, но впередъ могу обѣщать, что и въ ней мы не найдемъ ничего новаго, что было-бы неизвѣстно намъ прежде.

II. Искитичъ.

(Окончаніе будетъ.)

ОТЖИВАЮЩИЙ НАРОДЪ.

(Земля и люди, всеобщая географія Элизэ Реклю, Т. I, вып. I. Спб., 1876.)

Насъ, русскихъ, нерѣдко упрекаютъ за то, что мы гораздо лучше знаемъ жизнь чуждыхъ намъ народовъ и положеніе иностранныхъ государствъ, чѣмъ жизнь своего собственнаго народа и положеніе своей родины. Этотъ упрекъ справедливъ только отчасти. Мы, дѣйствительно очень плохо знаемъ свой народъ и дѣйствительное положеніе своей страны, но при этомъ мы такъ-же плохо знакомы и съ жизнью иныхъ народовъ, и съ положеніемъ иныхъ странъ. Мы знакомы со всѣмъ тѣмъ, что дѣлается за предѣлами Россіи, крайне неполно, отрывочно, знакомы на-столько, на-сколько это возможно для поверхностныхъ наблюдателей-туристовъ, для читателей легкихъ этнографическихъ сочиненій, въ родѣ произведеній г. Диксона, для читателей переводныхъ романовъ и новѣстей. Серьезными свѣденіями по части этнографіи и географіи, въ широкомъ значеніи этого слова, обладаютъ у насъ только весьма немногіе, спеціально занимающіеся этими предметами изученія. Это объясняется, конечно, тѣмъ способомъ преподаванія географіи, который въ ходу у насъ. Въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ объ этомъ говорилось сотни разъ, преподаваніе географіи крайне несостоятельно: оно въ сущности ограничивается сухими и не всегда вѣрными перечнями именъ и названій. Ученикъ, конечно, очень скоро забываетъ эти названія, лишеныя для него всякаго смысла и интереса, всякаго живого значенія, и, сдавъ послѣдній экзаменъ, остается почти безъ всякихъ серьезныхъ познаній въ ге-

ографіи, какъ-будто свѣденія по этому предмету вовсе ему не нужны.

А между тѣмъ эти свѣденія съ каждымъ днемъ дѣлаются все болѣе и болѣе необходимыми для каждаго образованнаго чело-вѣка, и недостаточность ихъ у насъ замѣчается на каждомъ шагѣ. Только незнаніемъ другихъ народовъ и другихъ странъ объясняется у насъ то, что мы очень и очень часто представляемъ и русскій народъ какижъ-то особеннымъ, ни на кого непохожимъ народомъ, и Россію какижъ-то такимъ государствомъ, которому нѣтъ и не было ничего подобнаго на земномъ шарѣ, точно мы не подчинены тѣмъ-же законамъ природы, которые вліяютъ на другія націи. Когда наши квасные патріоты рисуютъ нашъ народъ какижъ-то сказочнымъ героемъ за его выносливую натуру, за его изумительную удачу, за его упорность въ трудѣ и тому подобныя качества, и замѣчаютъ, что все это можетъ понять только „русское сердце“ и можетъ вынести только „русскій народъ“, — мы видимъ тутъ очевидное невѣжество, очевидное незнакомство этихъ людей съ характерами, образомъ жизни и положеніемъ другихъ народовъ. Тѣмъ-же невѣжествомъ отличаются и яростныя нападены крайнихъ пессимистовъ на невѣжество, пьянство, тупость, лѣнь и разныя другіе пороки нашего народа, который если и страдаетъ множествомъ пороковъ и недостатковъ, то страдаетъ подъ вліяніемъ тѣхъ-же самыхъ причинъ, которыя развиваютъ тѣ-же недостатки и тѣ-же пороки и у другихъ народовъ. Большинство господъ, толкующихъ и о великихъ доблестяхъ, принадлежащихъ будто-бы исключительно русскому народу, и о постыдныхъ недостаткахъ, пятнающихъ будто-бы только русскій народъ, всегда напоминаютъ намъ того наивнаго мужичка, который увѣрялъ, что нигдѣ нѣтъ такой земли, какъ „Расоя“, потому что „найди-ка гдѣ-нибудь лѣсную землянку — нигдѣ не найдешь!“ Въ послѣднее время наше незнаніе того, что дѣлается въ другихъ странахъ, какъ живутъ другіе народы, сказалось самымъ жалкимъ образомъ. Мы десятилетия лѣтъ хвалились своимъ славянофильствомъ, мы называли себя естественными покровителями славянъ, мы даже наводили страхъ на европейскіхъ политиковъ своими вѣчными толками о братьяхъ-славянахъ и заставили Европу думать, что именно у насъ главный очагъ, въ которомъ зажигаются первыя искры славянскихъ

возстаній и смуть; а когда началось послѣднее возстаніе Босніи и Герцеговины, — оказалось, что мы ровно ничего не знаемъ объ этихъ братьяхъ-славянахъ. У насъ не оказалось ни исторіи, ни путешествій, ни порядочныхъ картъ славянскихъ земель; мы явились въ эти земли, не зная языка живущихъ тамъ народовъ и не имѣя никакихъ лексиконовъ, которые могли-бы быстро научить насъ языку этихъ обожаемыхъ нами братьевъ; мы изумились, найдя въ Сербіи, вмѣсто войска, людей, взятыхъ отъ сохи къ пушкѣ, и озлобились на этихъ „трусовъ“, на этихъ „дезертировъ“, на этихъ „предателей“; мы читали въ телеграммахъ названія мѣстностей, которыя считали за города, и которыя послѣ оказывались просто какими-нибудь почтовыми станціями. Однимъ словомъ, здѣсь наше невѣжество сказалось въ полномъ блескѣ, сказалось въ каждой корреспонденціи, въ каждой газетной статьѣ, въ каждой географической замѣткѣ. Чтобы познакомиться на-скоро со своими любезными братьями-славянами, мы должны были выписывать иностранныя книги, иностранныя карты, выписывать ихъ отъ того-же гнилого Запада, передъ которыми мы выставляли себя какими-то привилегированными ходатаями и печальниками о славянскихъ народахъ. На этомъ гниломъ Западѣ нашлись люди, которые подобно Канитцу, исходили вдоль и поперекъ Болгарію, подробно изучили Сербію, или которые, подобно Фриллеу, могли дать подробный отчетъ о Черногоріи. Мы не знаемъ, исходили-ли изъ конца въ конецъ славянскія земли наши завзятые славянофилы, но мы знаемъ, что они не сумѣли познакомить русское общество съ географіей тѣхъ странъ, которыми они послали столько братскихъ объятій, о которыхъ они такъ много *охали* и *ахали*. Это былъ намъ урокъ, — жесткій, грубый, оскорбительный урокъ, послѣ котораго нужно только желать, чтобы мы поспѣшили пополнить свои свѣденія, конечно, не относительно однихъ братьевъ-славянъ, а относительно всѣхъ народовъ. Мы еще сотни разъ можемъ стать въ такое положеніе, когда намъ нужно будетъ вполнѣ ясно и подробно знать, сколько войска, какое войско, какія крѣпости, какія матеріальныя средства имѣются у Австріи; великъ-ли англійскій флотъ, хорошо-ли онъ вооруженъ, какія силы могли-бы мы противопоставить ему; какими военными силами, какими провіантскими запасами, какими матеріальными средствами, какими

способами передвиженія обладаетъ Пруссія; короче сказать, мы должны, какъ можно подробнѣе, во всѣхъ мелочахъ, ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что дѣлается за-границею, чтобы не имѣть тѣхъ ложныхъ представленій, которыя мы имѣли, напримѣръ, относительно сербовъ и турокъ. Вѣдь большинство публики было крайне удивлено, не найдя въ сербахъ такихъ великихъ героевъ, какими оно представляло ихъ, узнавъ когда-то и гдѣ-то, что слово „сербовать“, значитъ, „воевать“; оно еще болѣе удивилось, не встрѣтивъ на сторонѣ турокъ жалкой и малочисленной шайки трусовъ, а увидавъ довольно большое и относительно хорошо выправленное и, во всякомъ случаѣ, стойкое и выносливое турецкое войско. Мы изумлялись наглости одного англійскаго корреспондента, утверждавшаго, что „Алексинацъ не взять еще, но будетъ взятъ“, — но потомъ вѣдь оказалось, что этотъ корреспондентъ говорилъ, основываясь на знаніи, на цифрахъ, на фактахъ, а мы удивлялись его дерзости только по своему невѣдѣнію и благодаря рекламѣ такого героя, какъ Черняевъ. А сколько горькихъ ошибокъ было сдѣлано вслѣдствіе этого невѣдѣнія, вслѣдствіе этого невѣжества! Когда настанетъ время для исторіи послѣдней славяно-турецкой войны, историки укажутъ на эти ошибки, сдѣланныя нами невольно, но стоившія намъ дорого.

Въ виду всего этого, нельзя не радоваться появленію cadaго новаго средства, cadaго новаго источника для ознакомленія русской публики съ жизнью другихъ народовъ и другихъ государствъ. Однимъ изъ такихъ источниковъ является книга, заглавіе которой выписано нами въ началѣ этой замѣтки, и русскій переводъ которой только-что началъ появляться въ свѣтъ.

Это трудъ самостоятельный, обладающій несомнѣнными достоинствами, являющійся самымъ важнымъ вкладомъ въ сокровищницу науки землевѣденія, составленный не на скорую руку, а подготовлявшійся авторомъ втеченіи многихъ лѣтъ. Нужно знать лично Элизе Реклю, нужно видѣть тѣ груды матеріаловъ, которыми онъ окруженъ, нужно прослѣдить, какъ онъ добросовѣстно знакомится со всѣмъ, что можетъ служить ему пособіемъ и матеріаломъ, хотя-бы для этого нужно было знакомиться съ языкомъ, неизвѣстнымъ до сихъ поръ этому труженнику, какъ былъ ему неизвѣстенъ русскій языкъ, который онъ началъ изучать только для того, чтобы не полагаться на второстепенные источники, — нужно при-

помнить, сколько путешествовалъ, сколько наблюдалъ этотъ человѣкъ, обладающій энциклопедическимъ образованіемъ, чтобы опѣнить вполне, чего стоило автору созданіе этой книги. Въ самой книгѣ вы не увидите слѣдовъ черной подготовительной работы. Элизэ Реклю трудолюбивъ, какъ самый трудолюбивый нѣмецъ, но въ то-же время онъ, какъ истинный французъ, любитъ изящную форму, стремится къ легкости изложенія, никогда не рѣшится представить публикѣ груды собраннаго, но не обработаннаго, а просто сшитаго на живую нитку матеріала, какъ нерѣдко это дѣлаютъ ученые другихъ націй и въ особенности нѣмцы. Вслѣдствіе этого произведеніе Элизэ Реклю, несмотря на крайнюю серьезность содержанія, является доступнымъ для всѣхъ читателей, хотя-бы они и были недостаточно подготовлены къ серьезному чтенію. Есть еще одна особенность, придающая особенную привлекательность произведенію Элизэ Реклю: читая его книгу, вы всегда видите передъ собою крайне симпатичный образъ автора этого сочиненія, — человѣка серьезнаго, честнаго, справедливаго, стремящагося принести посильную пользу человѣчеству и скромнаго до послѣдней степени. Какое Элизэ Реклю въ дѣйствительности, такимъ онъ является и въ своемъ произведеніи. Раскрывъ его книгу, вы сразу убѣждаетесь, что этотъ человѣкъ не обманетъ васъ умышленно, не выдастъ бѣлаго за черное, не исказитъ истины ради постороннихъ наукъ цѣлей. „Я предвижу, говоритъ онъ, что въ моемъ трудѣ будутъ ошибки, которыя могутъ произойти или отъ незнакомства съ какими-либо трудами моихъ предшественниковъ, или, что еще важнѣе, отъ какого-нибудь предрасудка, отъ котораго я еще, быть можетъ, не совсемъ отдѣлался—поэтому заранѣе прошу у читателей извиненія. Впрочемъ, я могу обѣщать имъ строгость въ работѣ, прямоту въ сужденіяхъ, постоянное уваженіе къ истинѣ. Вотъ что позволяетъ мнѣ обратиться къ нимъ съ полною довѣрчивостію и пригласить ихъ вмѣстѣ со мною къ изслѣдованію той „благодатной земли“, которая носитъ всѣхъ насъ и на которой такъ хорошо было-бы жить братьями!“ Далѣе, замѣчая, что земля, которая носитъ людей,—намъ мало извѣстна, онъ говоритъ, что сами люди извѣстны намъ еще меньше и объясняетъ причины нашего незнакомства съ людьми слѣдующимъ образомъ: „Не говоря уже о первоначальномъ происхожденіи племенъ и расъ, которое намъ

совершенно неизвѣстно, ихъ ближайшая родословная, родственныя связи, смѣшеніе большей части племенъ и народовъ, мѣста ихъ исхода и остановокъ—составляютъ еще тайну для самыхъ ученѣйшихъ людей и предметъ самыхъ противорѣчивыхъ мнѣній. Какое вліяніе испытываютъ различныя народности отъ окружающей ихъ природы, отъ среды, въ которой жили ихъ предки, отъ инстинктовъ расы, отъ различныхъ смѣшеній, отъ внесенныхъ извнѣ традицій?—Неизвѣстно,—и развѣ только иногда блеснетъ лучъ свѣта въ этомъ мрачѣ. И важнѣе всего то, что не одно только незнаніе составляетъ причину нашихъ заблужденій: антагонизмъ страстей, инстинктивная ненависть между племенами и народами часто также видятъ людей въ превратномъ видѣ, а не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. Дикари отдаленныхъ странъ представляются нашему воображенію какими-то призраками, а наши сосѣди, наши соперники въ цивилизаціи — являются намъ въ искаженномъ видѣ. Чтобы видѣть ихъ въ истинномъ свѣтѣ, намъ нужно сперва отдѣлаться отъ всякихъ предразсудковъ, отъ всѣхъ разъединяющихъ народы чувствъ презрѣнія, ненависти, страха и т. д. Еще нашими мудрыми предками сказано, что самое трудное дѣло — это познать самого себя; на-сколько-же труднѣе изучить человѣка разомъ во всѣхъ племенахъ человѣческихъ“. Изъ этихъ словъ вы ясно видите, что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, нежелающимъ подтасовывать факты. Эта прекрасная черта проходитъ сквозь все произведеніе Элизе Реклю.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ достоинствъ, сочиненіе Элизе Реклю, конечно, будетъ прочитано каждымъ, въ комъ еще сохранилось желаніе пополнить пробѣлы въ своихъ знаніяхъ по части жизни другихъ народовъ. Но, независимо отъ этихъ достоинствъ, первый выпускъ сочиненія Элизе Реклю будетъ уже и потому прочитанъ многими, что онъ имѣетъ современный интересъ: въ этомъ первомъ выпускѣ дѣло идетъ главнымъ образомъ о Балканскомъ полуостровѣ. Здѣсь говорится о Греціи, Европейской Турціи, Румыніи, Сербіи, Черногоріи и Италіи. Конечно, Элизе Реклю началъ свою географію съ описанія этихъ странъ вовсе не потому, что онѣ приковываютъ къ себѣ въ настоящую минуту все вниманіе Европы: онъ началъ свой трудъ въ то время, когда никто и не думалъ о близости славяно-турецкой войны. Причины начать географію съ Балканскаго полуострова были болѣе серь-

езныя, независящія отъ случайнаго настроенія, господствующаго въ данную минуту въ обществѣ.

„Всякій народъ, говоритъ авторъ, — конечно, склоненъ думать, что первое мѣсто въ описаніи земли принадлежитъ его странѣ. Всякое ничтожное дикое племя, ничтожная группа людей, пребывающихъ еще въ чисто-естественномъ состояніи, воображаетъ себя центромъ вселенной, совершеннѣйшимъ представителемъ человѣческой породы. И его языкъ непремѣнно свидѣтельствуетъ объ этой наивной иллюзіи, происходящей отъ крайней узкости его умственнаго горизонта: рѣка, орошающая его поля, называется „Отець Водъ“; гора, защищающая его лагерь, — „Пупъ земли“. Имена, которыми дѣтскіе народы называютъ сосѣднія племена, выражаютъ презрѣніе: они ставятъ иностранцевъ ниже себя, называя ихъ „Глухими“, „Нѣмыми“, „Бармоталами“, „Неряхами“, „Дураками“, „Дьяволами“. Такъ китайцы, которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, дѣйствительно представляютъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ народовъ и превосходятъ всѣ другіе народы, по крайнѣй мѣрѣ, численностью, — не довольствуясь тѣмъ, что видятъ въ своей странѣ „Срединный цвѣтокъ“, приписываютъ ей такое превосходство, что вслѣдствіе высказываемаго ими къ другимъ презрѣнія, назвали себя „Сынами Неба“. Что-же касается народовъ, разбросанныхъ вокругъ „Небесной имперіи“, то ихъ только четыре: „Собаки“, „Свиньи“, „Дьяволы“ и „Дураки!“ Да и заслуживаютъ-ли они, чтобы давать имъ какое-нибудь имя? Не проще-ли называть ихъ „Погаными“, по четыремъ странамъ свѣта: западные, сѣверные, восточные и южные“.

„Если мы отводимъ въ нашемъ описаніи земли первое мѣсто цивилизованной Европѣ, то это вовсе не вслѣдствіе предразсудковъ: — это мѣсто принадлежитъ ей по праву. Прежде всего европейскій материкъ — единственный, котораго поверхность вся обойдена и изслѣдована научно, карта почти полна, матеріальный перечень почти законченъ. Не имѣя столь густого населенія, какъ Индія и центральный Китай, Европа заключаетъ въ себѣ около четверти всего населенія земного шара, и ея народы, несмотря на ихъ недостатки и пороки, несмотря на состояніе варварства, въ которомъ они пребываютъ во многихъ отношеніяхъ, все-таки руководятъ остальное человѣчество въ трудахъ промышленности и мысли. Именно въ Европѣ втеченіи почти двадцати пяти вѣковъ, не по-

тухалъ главный свѣточъ, испускавшій свѣтъ для наукъ, искусствъ и новыхъ идей, перемѣщаясь постепенно съ юго-востока къ сѣверо-западу. Даже смѣлые европейскіе переселенцы, перенесшіе за моря свои языки и нравы и имѣвшіе громадное преимущество свободно расселиться на дѣвственной землѣ, вовсе не доставили новому свѣту того значенія въ развитіи современной исторіи, какии пользуется маленькая Европа“.

Признавая, такимъ образомъ, необходимымъ начать свой трудъ съ описанія Европы, вслѣдствіе превосходства ея цивилизаціи надъ цивилизаціей другихъ странъ свѣта, Элизе Реклю, естественно, долженъ былъ начать свою географію съ колыбели этой цивилизаціи. „Съ точки зрѣнія исторіи и успѣховъ человѣческаго знакомства съ землею, говоритъ онъ, — намъ слѣдуетъ начать описаніе Европы съ прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря, а именно съ Греціи съ Фракійскимъ полуостровомъ, которая должна стать во главѣ всѣхъ другихъ странъ внутренняго морского бассейна. Въ началѣ нашей европейской цивилизаціи Эллада была центромъ всего извѣстнаго въ то время міра; въ ней жили поэты, которые воспѣвали экспедиціи странствующихъ мореплавателей; историки и ученые, которые повѣствовали объ открытіяхъ и классифицировали всѣ факты о странахъ отдаленныхъ. Позднѣе Италия, расположенная въ самой серединѣ Средиземнаго моря, сдѣлалась, въ свою очередь, центромъ великаго „Круга извѣстныхъ земель“, и ей именно принадлежитъ инициатива географическихъ изслѣдованій. Роль эта принадлежала ей втеченіи пятнадцати вѣковъ. Риму наслѣдовали Генуя, Венеція, Флоренція — города, управлявшіе цивилизованнымъ міромъ и служившіе точками отправленія путешествій и открытій въ отдаленныхъ странахъ. Народы группировались вокругъ Средиземнаго моря и Италіи до тѣхъ поръ, пока сами итальянцы не порвали этого круга открытіемъ Новаго Свѣта за океаномъ, которымъ закончился циклъ собственно средиземной исторіи“.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, Элизе Реклю начинаетъ описаніе земли и людей съ родины Перикловъ, Платоновъ, Аристотелей. Демосфеновъ, Сократовъ, — съ первобытной колыбели европейской цивилизаціи. Здѣсь все еще хранится память о великомъ прошломъ. Взгляните на Афины. Храмъ Парфенона, хотя и разбитый бомбами венеціанца Морозини, лишенный своихъ самыхъ луч-

шихъ скульптурныхъ украшеній, по своей чистой и простой красотѣ, такъ прекрасно гармонирующей съ окружающею его скромною природою, остается все-таки первымъ изъ всѣхъ великихъ архитектурныхъ произведеній. Рядомъ съ этими величественными остатками, на Акропольскомъ плато, на которомъ мореходцы, входившіе въ Эгинскій заливъ, еще издалека видѣли золотое копье Атеней *Промакхоса*, возвышаются другіе памятники, хотя не столь прекрасные, но относящіеся къ тому-же великому періоду искусства, а именно: Эрехтейонъ и Пропилеи. За городомъ на выступѣ горы возвышается храмъ Тезея, — зданіе, сохранившееся лучше всѣхъ другихъ остатковъ греческой древности: далѣе, недалеко отъ Иллисеуса группа колоннъ напоминаетъ величіе храма Юпитера Олимпійскаго, на постройку котораго афиняне потратили семьсотъ лѣтъ и который для потомковъ ихъ послужилъ простою каменоломнею. Во многихъ другихъ мѣстахъ, занятыхъ древнимъ городомъ, замѣтны еще замѣчательные остатки древности, видѣть которые тѣмъ интереснѣе, что съ ними связываются воспоминанія о великихъ людяхъ: на этой горѣ былъ ареопагъ, въ которомъ судили Сократа; съ этой каменной трибуны говорилъ Демосфенъ; въ этомъ саду училъ Платонъ! Но какъ грустно, какъ странно читать о современномъ положеніи Греціи, когда вспомнишь ея блестящее прошлое, отъ котораго остались только однѣ развалины. Ея исторія — поучительная исторія. Греція была надѣлена всѣми благами: благодарная почва, дѣлавшая возможнымъ земледѣліе; море, окружавшее страну, содѣйствовало развитію торговли; очаровательные виды природы и благодатное небо юга, способствовавшіе развитію въ народѣ духа творчества, все это очень рано поставило Грецію на такую ступень развитія, что оно и до сихъ поръ служитъ предметомъ изученія и удивленія для новѣйшихъ народовъ. Этой-то странѣ пришлось пасть подъ давленіемъ менѣе развитыхъ, но болѣе многочисленныхъ, болѣе сильныхъ физически народовъ. Покореніе ея другими народами, долготѣнная борьба и тяжелое рабство втеченіи вѣковъ сдѣлали то, что теперь „Греція представляетъ только скелетъ того, чѣмъ она была нѣкогда“. Рабство всегда деморализуетъ народъ, приучаетъ его къ лѣни, заставляетъ его бѣжать изъ родной страны, дѣлаетъ его пассивнымъ лицомъ въ общественныхъ дѣлахъ. Долготѣнее рабство не могло не погубить и Грецію.

Греческій народъ, говоритъ Элизэ Реклю, — безъ сомнѣнія, сдѣлалъ большіе успѣхи съ тѣхъ поръ, какъ онъ свергнулъ турецкое иго; но онъ далеко еще не достигъ всего того, чего ожидали отъ него рыаные эллинофилы. Считая его по мужеству равнымъ грекамъ Марафона и Платея, полагали, что онъ могъ-бы въ короткое время подняться до умственнаго и художественнаго уровня тѣхъ поколѣній, которые произвели Аристотеля и Фидія. Но эти великія надежды далеко еще не осуществились. Невозможно, чтобы народъ втеченіи одного поколѣнія могъ освободиться вполне отъ варварства, отдѣлаться отъ давившихъ его духъ всякаго рода предрасудковъ, перемѣнить нравы, привыкшіе во время рабства къ насилію, вѣроломству, лѣности, усвоить себѣ научныя пріобрѣтенія двадцати вѣковъ и занять мѣсто въ ряду руководящихъ народовъ Европы. Впрочемъ, надо принять въ соображеніе, что число эллиновъ въ Греціи едва равняется населенію двухъ департаментовъ Франціи и притомъ слишкомъ разсѣяно по гористой, суровой и неимѣющей дорогъ территоріи. Изрѣзанные заливами берега полуострововъ и острововъ Греціи удивительно благоприятны для торговли, и жители ея не преминули воспользоваться ими съ извѣстнымъ уже успѣхомъ; но за то мадо странъ въ Европѣ, рельефъ которыхъ былъ-бы менѣе благоприятенъ для извлеченія земледѣльческихъ и промышленныхъ выгодъ страны. Свойства почвы всюду мѣшаютъ устройству дорогъ, а голубое море всюду улыбается въ заливахъ и манитъ вдаль, къ путешествіямъ и торговлѣ, потому-то эмиграція идетъ не изъ Оттоманской имперіи въ Грецію, а наоборотъ, масса грековъ, особенно съ Ионическихъ и Цикладскихъ острововъ, отправляется ежедневно искать счастья въ Константинополѣ, Каирѣ и даже въ Индіи. Люди работающіе и предприимчивые удаляются, а остается толпа интригановъ, которые изъ политики дѣлаютъ себѣ доходное ремесло, и миролюбивые чиновники, будущее которыхъ зависитъ отъ милости министра. Изъ этого выходитъ результатъ весьма странный: самыя богатыя и состоятельныя и даже болѣе свободныя и благоустроенныя являются общины грековъ, которыя развиваются за границею. Какъ-нибудь ничтожный новогреческій городокъ Фракіи или Македоніи, на зло надзирающему за нимъ пашѣ, могъ-бы служить образцомъ веденія общественныхъ дѣлъ для самостоятельнаго и державнаго королевства Греціи. Значитъ,

онъ непосредственно заинтересованъ въ хорошемъ управленіи своими дѣлами, которые составляютъ, такъ-сказать, дѣла семьи, между тѣмъ какъ въ Элладѣ безпокойная и жадная бюрократія не упускаетъ случая попользоваться общественными грошами, подкупаетъ избирателей, чтобы поддержать свое положеніе, и старается возратить свои расходы, поддерживая подъ всѣми возможными стѣснительными и болѣе или менѣе печальными формами традиціи такъ давно свойственнаго ихъ странѣ пиратства и грабительства. Разоряемые уплатою налоговъ, которые казна увеличиваетъ иногда вдвое или даже втрое противъ нормальнаго размѣра, большая часть поселянъ ведетъ жалкій образъ жизни: несмотря на крайнюю природную воздержность, поселяне не имѣютъ достаточной пищи; ихъ жилища — нездоровыя лачуги; жители часто не могутъ удѣлить себѣ ничего на одежду и на предметы первой необходимости. Потому-то молодые люди бѣднѣйшихъ мѣстностей толпами и выселяются изъ Греціи, либо на годъ, либо на неопредѣленное время. Аркадія въ этомъ отношеніи можетъ быть сравниваема съ Овернемъ, Савойею и большею частью гористыхъ странъ центральной Европы. У этолійцевъ, которые съ большимъ трудомъ рѣшаются покинуть свои прекрасныя, дикія долины для чужестранныхъ городовъ, существуетъ одинъ обычай, показывающій, до какой безнадежности доведены они требованіемъ податей. Въмѣсто того, чтобы бороться противъ рабства, какъ сдѣлали-бы ихъ грубые предки, эти несчастные, разоренные сборщиками податей, выходятъ изъ своей деревни и складываютъ на краю большой дороги кучу камней, которая навсегда должна оставаться свидѣтельствомъ совершенной надъ ними несправедливости. Эта куча значитъ „анафема“, и каждый поселянинъ, проходя мимо этого памятника вѣного проклятія, набожно кладетъ въ кучу и свой камешекъ: общая мать, земля, должна отомстить за обиженныхъ. Обычный спутникъ нищеты — невѣжество, также велико въ деревняхъ Греціи, особенно въ трудно доступныхъ мѣстахъ, каковы Этолія и Майна или полуостровъ Тайгетскій. Въ Греціи, какъ и въ Албаніи и Черногоріи, вѣрятъ въ русалокъ, которыя заставляютъ молодыхъ людей полюбить себя и увлекаютъ ихъ въ волны; вѣрятъ въ вампировъ, въ дурной глазъ, въ чудеса магіи и т. д. Къ счастью для грековъ, несмотря на нищету, въ которой влачитъ свое существованіе большая часть

населенія, у нихъ есть желаніе учиться, есть стремленіе къ знанію, хотя-бы и неглубокому. Такъ на островѣ Итакѣ жители останавливаютъ образованныхъ путешественниковъ и заставляютъ ихъ читать себѣ пѣсни Гомера. Бѣдность правительства не помѣшала основанію первоначальныхъ школъ почти во всѣхъ деревняхъ Греціи, а во многихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ для школъ помѣщеній, преподаваніе совершается подъ открытымъ небомъ, и дѣти не только не прогуливаютъ классовъ, а даже едва отрываютъ глаза отъ тетрадей, чтобы взглянуть на проходящихъ мимо иностранцевъ или на порхающихъ птицъ. Воспитанники гимназій и университетовъ въ Афинахъ и Корфу посвящаютъ себя труду совершенно добросовѣстно, хотя часто только за тѣмъ, чтобы научиться разглагольствовать; но въ Греціи вы не найдете студентовъ, которые-бы, подъ предлогомъ слушанія курсовъ наукъ, являлись въ большіе города для разгула. Среди тысячи двухсотъ молодыхъ людей, посѣщающихъ афинскій университетъ, есть и такіе, которые, чтобы заниматься днемъ наукою, часть ночи проводятъ за какою-нибудь механическою работою, и даже такіе, которые поступаютъ въ лакеи и кучера, чтобы заработать средства пріобрѣсти себѣ дипломъ юриста или доктора. Къ несчастію, несмотря на все свое рвеніе, греки получаютъ плохое образованіе вслѣдствіе несовершенства учебныхъ заведеній, бѣдности страны, хищности бюрократіи и неумѣлости правительства. Вслѣдствіе долгихъ страданій, рабства, эмиграціи населеніе Греціи не увеличивалось, а уменьшалось втеченіи вѣковъ. Если вѣрить писателямъ, хорошо изучившимъ прошлую исторію эллиновъ, то собственно Греція, въ эпоху своего наибольшаго благосостоянія, имѣла, по крайней мѣрѣ, отъ шести до семи миліоновъ жителей. Одна Аттика уже была населена вдесятеро гуще, чѣмъ теперь, а нѣкоторые острова, на которыхъ теперь едва увидишь лишь нѣсколько пастуховъ, были покрыты многолюдными городами. Теперь-же въ Греціи насчитывается до 1.540,000 жителей, и то до этой цифры Греція дошла только послѣ своего освобожденія отъ турокъ.

Таковы плоды, принесенные Греціи рабствомъ. Но рабство не отняло у грековъ ихъ возвышающей духъ природы, ихъ моря, ихъ грѣющихъ небесъ, оно, наконецъ, не отняло у нихъ воспоминаній о славномъ прошломъ, памятниковъ этого

прошлаго. Этого было довольно, чтобы въ Греціи никогда не погасало стремленіе къ освобожденію, никогда не могло произойти полнаго паденія народа, полнаго подчиненія его врагамъ.

Но сколько-же нужно было народу имѣть силу, какъ высоко нужно было ему стоять въ прошломъ. чтобы среди долготѣныхъ бѣдствій, среди невообразимыхъ испытаній сохранить свои характерныя черты, дающія право надѣяться на его возрожденіе, на его успѣхи въ будущемъ. „Какъ-бы то ни было, говоритъ Элизе Реклю, — греческая національность, вопреки нашествіямъ и смѣшеніямъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ климата, въ которомъ она живетъ, возстановила большую часть своихъ отличительныхъ чертъ. Прежде всего она счумѣла сохранить свой языкъ; и дѣйствительно, стоитъ удивляться тому, что народный греческій языкъ такъ мало отличается отъ древняго литературнаго. Всѣ измѣненія, подобно измѣненіямъ въ языкахъ новолатинскихъ, сводятся почти только къ сокращенію словъ посредствомъ сліянія гласныхъ, нестоящихъ подъ удареніемъ, и къ употребленію въ спряженіяхъ вспомогательныхъ глаголовъ. Слѣдовательно, современнымъ грекамъ стоитъ только очистить понемногу свой языкъ отъ варварскихъ оборотовъ и иностранныхъ словъ, чтобы возвратиться къ языку Фукидида. Физически раса также нисколько не измѣнилась; во многихъ мѣстахъ новой Греціи вы узнаете древній типъ: у беотійца та-же тяжелая походка, которая была предметомъ насмѣшекъ между другими греками, молодой афинянинъ обладаетъ тою-же гибкостью, стройностью и осанкою, которымъ мы удивляемся въ скульптурныхъ всадникахъ на фризахъ Пантеона; спартанская женщина сохранила ту здоровую и гордую красоту, которую воспѣвали поэты въ дорійскихъ дѣвушкахъ. Въ моральномъ отношеніи происхожденіе новыхъ эллиновъ также очевидно. Современный грекъ, какъ и его предки, любитъ переѣзды, любопытенъ къ новостямъ, очень любитъ разспрашивать иностранцевъ; происходя изъ свободныхъ гражданъ, онъ сохранилъ чувство равенства и всегда опыаненъ своею діалектикою, предается безконечнымъ преніямъ, какъ будто онъ еще на форумѣ; онъ опускается иногда до лести, но безъ убѣжденія, а ради краснаго словца. Наконецъ, какъ и древній грекъ, интеллектуальное достоинство онъ очень часто ставитъ выше моральнаго: по примѣру „мудраго Улиса“, героя гомеровскихъ пѣсенъ, онъ

лжетъ умно и обманываетъ ловко; для него правдивый акарна-нець и „тугой на обѣщанія, но крѣпкій въ словѣ“ майноть — грубые чудаки. Одна изъ характерныхъ чертъ, отличающихъ какъ древняго, такъ и новаго грека отъ другихъ европейцевъ, состоитъ еще въ томъ, что онъ рѣдко увлекается сильными страстями, за исключеніемъ патріотизма, но и не знаетъ меланхоліи, а любитъ жизнь и хочетъ наслаждаться ею: онъ добровольно отдаетъ ее въ день битвы, но въ этомъ случаѣ и сама смерть составляетъ актъ, въ которомъ сосредоточиваются все силы въ жизни. Самоубійство неизвѣстно у современныхъ грековъ: какъ-бы ни былъ несчастенъ человѣкъ, онъ все-таки привязанъ къ своему существованію. Съумасшествіе въ Греціи точно также явленіе чрезвычайно рѣдкое.“ Этотъ запасъ народныхъ силъ, та энергія, съ которой греки боролись втеченіи шести лѣтъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія за освобожденіе отъ Турціи, это стремленіе грековъ къ образованію, вотъ что даетъ право надѣяться, что когда-нибудь Греція еще воскреснетъ и будетъ процвѣтать. Читая о бѣдствіяхъ въ Греціи, о дурныхъ чертахъ въ характерѣ современныхъ грековъ, видишь, что она пала подъ давленіемъ чисто физической силы многочисленнѣйшаго врага, что она пережила вѣка порабоженія, но что она не нашла сама въ себѣ задатковъ разложенія и потому, смотря на этотъ народъ, никто не рѣшится сказать, что это народъ отжившій, для котораго невозможно возрожденіе и блестящее будущее. Напротивъ того, большинство предъявляетъ этому народу гораздо большія требованія, чѣмъ онъ въ состояніи исполнить въ данную минуту, когда онъ еще не оправился отъ долготѣльныхъ страданій. Одно это обстоятельство показываетъ, что въ грековъ вѣрятъ, что на нихъ надѣются. Большія требованія предъявляются только тѣмъ, у кого предполагается много силъ. Отъ какого-нибудь дикокаменнаго киргиза не ждутъ ничего, потому что знаютъ, что онъ ничего не можетъ дать.

Совершенно другое впечатлѣніе выносите вы при взглядѣ на Турцію. Въ Греціи вы видите страну, которая была покорена, опустошена и разорена грубой физической силой многочисленныхъ враговъ, но все-таки успѣла сохранить значительную долю силы, благодаря своему счастливому естественному положенію, благодаря извѣстной степени культурнаго развитія, благодаря традиціямъ о прекрасномъ прошломъ; въ Турціи вы видите типъ чисто-военнаго, соз-

давагося и державшагося завоеваніями государства, въ которомъ господствовалъ грубый азійскій деспотизмъ, которое относилось съ пренебреженіемъ ко всѣмъ другимъ народамъ, которое придавало значеніе только своей грубой физической силѣ и пришло вслѣдствіе этого къ полнѣйшей несостоятельности. „Изъ трехъ полуострововъ южной Европы, самое счастливое географическое положеніе имѣетъ Балканскій полуостровъ, который, поэтому, и пользуется наибольшими, сравнительно съ остальными полуостровами, естественными преимуществами. Контуръ его гораздо богаче контура Испаніи и даже Италіи; берега его, омываемые четырьмя морями, изрѣзаны заливами и бухтами, окаймлены, какъ бахромою, вѣтвями полуострововъ и окружены многочисленными островами. Многіе изъ его долинъ и равнинъ такъ плодородны, какъ берега Гвадалевивира и равнины Ломбардіи; на немъ встрѣчаются два растительные пояса и смѣшиваются въ красивыхъ пейзажахъ флоры двухъ разныхъ климатовъ. Горы въ Турціи, живописная красота которыхъ не прославляется только потому, что въ ней рѣдко бывають путешественники, тѣмъ не менѣе не уступаютъ по своему величію цѣлямъ другихъ полуострововъ, и большею частью отличаются еще тою прелестью, которую придаютъ имъ лѣса“. Обладая плодородными землями, турецкая имперія обладаетъ кромѣ того однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Европы. „Именно въ Константинополь перекрещивается континентальная ось европейско-азійскаго міра и морская ось Средиземнаго моря. Кромѣ того, естественный путь, идущій съ сѣвера на югъ отъ Дунайскаго залива къ Босфору, продолжается снова за Дарданеллами въ направленіи въ Смирнѣ, Самосу и Родосу. Такимъ образомъ, Константинополь стоитъ и на главномъ континентальномъ пути народовъ, и на нѣсколькихъ большихъ морскихъ путяхъ; географически можно сказать, что онъ расположенъ при устьяхъ Дуная, Днѣстра, Днѣпра, Дона, Ріона и Кизиль-Ирмака, ибо сторожить ихъ общій проходъ черезъ проливъ Босфоръ“. Не смотря на все это, Турція не пользуется цвѣтущимъ состояніемъ. Можно-бы подумать, что здѣсь природа не исполнила своей задачи, не создала въ народѣ того характера, котораго нужно-бы отъ него ждать, смотря на эту благоприятную для челоѣческаго развитія мѣстность; но дѣло въ томъ, что характеръ турокъ сложился не здѣсь, сложился не подъ вліяніемъ этой при-

роды, сложился до ихъ переселенія въ Европу. На нихъ наложилась свою неизгладимую печать Азія. Прибавьте къ этому, что турки сначала не имѣли никакого значенія и только путемъ войнъ расширили свою территорію и приобрѣли силу. Долгое время жизнь Турціи была рядомъ войнъ и побѣдъ, когда никто не думалъ и не могъ думать объ умственномъ развитіи, о развитіи промышленности и торговли. Народъ и правительство обогащались при помощи оружія, на счетъ покоренныхъ народовъ, на счетъ грабежа всего того, что добывалось другими упорнымъ трудомъ. Но Турція дошла до полнѣйшей несостоятельности, какъ только кончалась для нея возможность проявлять свою грубую физическую силу, выражавшуюся въ завоеваніяхъ. Являясь завоевателями, турки долго слыли народомъ могущественнымъ и смѣлымъ. Они были воодушевлены фанатизмомъ, ихъ гнала впередъ жажда къ наживѣ. Они стремились покорить и сдѣлать рабами другіе народы и ихъ исторія была столько-же блестяща, сколько и кровава въ военномъ отношеніи. Совѣтъ не такова была ихъ участь, когда современное развитіе промышленности, усовершенствованіе военного искусства, стремленія Европы задержать турецкія завоеванія положили конецъ расширенію турецкихъ владѣній при помощи войны. Съ концемъ завоеваній насталъ и конецъ грабежа сосѣднихъ земель, обогащенія при помощи войны, но не насталъ конецъ стремленію къ азіатской роскоши и не явилось умѣнья заниматься мирнымъ трудомъ, торговлею, промышленностью. Долгіе вѣка чисто военной жизни не дали возможности туркамъ стать на ту степень торговаго, промышленнаго и земледѣльческаго развитія, на которой уже стояли другіе народы Европы. Турки отстали отъ этихъ народовъ на десятки вѣковъ. Еще менѣе способствовало развитію трудолюбія и предпримчивости рабство: турки могли пользоваться трудомъ рабовъ и потому стремились при каждомъ удобномъ случаѣ избѣгать чернаго труда, возлагая его на рабовъ. Вслѣдствіе этого явилось, съ одной стороны, стремленіе выжимать послѣдніе соки изъ покоренныхъ народовъ, а съ другой—то страшное мотовство, тѣ страшные займы правительства, которые уже нельзя ничѣмъ покрыть. Взгляните на современное положеніе Турціи.

„Падишахъ, говоритъ Элизе Реклю, —въ одно и то-же время господинъ души и тѣла своихъ подданныхъ, главный полководецъ, великій судья и первосвященникъ. Прежде власть его огра-

ничивалась практически дальними вассалами, которымъ часто удавалось добиться понемногу независимости, но съ паденіемъ Али-паши и избіеніемъ янычаръ, султану уже нечего бояться выскочекъ, и существеннымъ ограниченіемъ его произвола служатъ обычай, преданія предковъ и интересы европейскихъ правительствъ. Сверхъ того онъ самъ добровольно пожелалъ регулировать отправленія своей власти нѣкоторыми актами: такъ, онъ установилъ для всей имперіи бюджетъ, по которому беретъ себѣ около десятой части доходовъ. Онъ самый неограниченный изъ монарховъ Европы и получаетъ больше всѣхъ послѣ черногорскаго князя, содержаніе котораго является самымъ высокимъ по отношенію къ доходамъ страны; но и этотъ особый бюджетъ недостаточенъ и очень часто приходится увеличивать дефицитъ займами за пятнадцать даже за двадцать процентовъ на сто, обезпечиваемыхъ налогами, десятинами и таможенными сборами. Расходы на содержаніе дома султана и членовъ его семейства по-истинѣ непоимѣрны. Во дворцѣ цѣлая армія слугъ и рабовъ обоюга пола, число которыхъ простирается, по крайней мѣрѣ, до шести тысячъ, въ томъ числѣ восемьсотъ однихъ поваровъ; сверхъ того сама прислуга окружена цѣлымъ скопищемъ лизоблюдовъ, проживающихъ около дворца и питающихся на императорской кухнѣ, такъ что поставщики обязаны, по контрактамъ, поставлять ежедневно среднимъ числомъ по тысячѣ двѣсти штукъ барановъ; уже по одному этому предмету потребленія можно судить о громадности суммъ, поглощаемой остальными. Текущіе расходы увеличиваются еще тратами на постройку дворцовъ и кіосковъ, на приобрѣтеніе всякихъ чаръ востока, фабрикуемыхъ въ Парижѣ, на фантастическія коллекціи, всевозможное мотовство и безконечныя кражи и расхищенія. Министры, вали и другія высокія особы имперіи стараются изо-всѣхъ силъ подражать своему повелителю и, подобно ему, поневолѣ должны выходить изъ предѣловъ своего фиктивного бюджета. Впрочемъ, имъ платятъ очень щедро, ибо на Востокѣ принято, чтобы высшіе сановники отличались блескомъ богатства и безумной роскоши. Такимъ образомъ на полезныя работы не остается ничего. Что касается высшихъ чиновниковъ, то жалованье ихъ, конечно, если снизойдутъ заплатить его, является какою-то насмѣшкою; впрочемъ за то существуетъ нѣкое разрѣшеніе удовлетворять себя какъ угодно на-

счетъ подчиненной имъ толпы. Поэтому въ Турціи все продажно, и правосудіе въ особенности. Положеніе турецкихъ финансовъ до того плачевно, займы дѣлаются за такіе непомѣрные проценты и служебный беспорядокъ до того великъ, что не разъ предполагалось учредить особый синдикатъ отъ европейскихъ державъ для управленія отоманскимъ бюджетомъ. При подобномъ управленіи земледѣліе и промыслы должны развиваться, конечно, весьма медленно. Недостатка въ землѣ нѣтъ, напротивъ — огромныя пространства плодородной земли пустѣютъ, и никто не знаетъ, кому онѣ принадлежатъ, такъ что всякій можетъ завладѣть ими; но горе тому, кто извлечетъ изъ нихъ хорошую выгоду или вздумаетъ обогатиться ими: обработанная имъ земля тотчасъ оказывается принадлежащею къ землямъ священнымъ или придется по вкусу какому-нибудь пашѣ, который и завладѣваетъ ею, отдувши предварительно владѣльца палками! Поэтому во многихъ мѣстностяхъ иной, даже самый экономный и дѣятельный земледѣлецъ, съ умысломъ уменьшаетъ свой урожай до самыхъ необходимыхъ размѣровъ и былъ-бы въ отчаяніи отъ обильной жатвы, ибо увеличеніе количества произведеній повлекло-бы за собою увеличеніе налога и могло-бы навлечь на него подозрительные розыски сборщика податей. Точно также въ маленькихъ городахъ купецъ, дѣла котораго пойдутъ на ладъ, опасается какъ-нибудь обнаружить свое богатство: онъ будетъ прикидываться униженнымъ, покорнымъ и держать свой домъ въ крайней нищетѣ. Что касается мусульманскихъ фамилій, то большая часть ихъ, для спокойнаго пользованія своею поземельною собственностью, уступили свои права собственности мечетямъ, оставивъ за собою только пользованіе доходами, но имѣютъ въ этомъ случаѣ ту выгоду, что имъ не нужно платить налоговъ, ибо земля стала священной и ихъ потомки могутъ пользоваться доходами имѣнія до прекращенія рода. Земли эти, называемыя *вакуфами*, составляютъ около трети всей территоріи и не приносятъ государству рѣшительно ничего. Онѣ имѣютъ ничтожную цѣну и для самихъ жертвователей, которые освободили себя отъ права собственности только вслѣдствіе недостатка всякой предпримчивости, ибо когда церковныя земли увеличились до непомѣрныхъ размѣровъ, то большая часть ихъ стала оставаться невоздѣланною. Вся тяжесть налога, слѣдовательно, падаетъ на землю, обрабатываемую несчаст-

ными христианами, и все-таки доходъ съ этого налога долженъ необходимо уменьшаться по мѣрѣ распространенія *вакуфныхъ* земель. Такимъ образомъ, рано или поздно должна быть произведена секуляризація этихъ закрѣпощенныхъ имѣній, и уже турецкое правительство, къ большому скандалу старовѣровъ, протянуло тихонько руку къ землѣ, принадлежащей мечетямъ Стамбула. Если сербскій, албанскій и болгарскій земледѣльцы успѣвають въ настоящее время удержать свою землю въ состояніи производительности, то это, можно сказать, происходитъ случайно. Объ этомъ можно судить по одному слѣдующему факту. Для избѣжанія обмана, нѣкоторые сборщики десятины не нашли болѣе остроумнаго средства для контроля, какъ обязать земледѣльцевъ складывать вдоль поля всю собранную ими жатву, и такъ какъ агенты не отбираютъ своевременно каждый десятый снопокъ, то выходитъ, что груды манса, риса и ржи остаются на полѣ подъ вѣтромъ, дождемъ, на истребленіе животными, такъ что часто, пока правительство отберетъ наконецъ десятину, сборъ жатвы теряетъ половину своей цѣны. Иногда крестьяне не трогаютъ даже и винограда и другихъ плодовъ, чтобы не платить налога“.

Таково положеніе Турціи: она дошла до полнѣйшаго безсилія и если-бы не зависть европейскихъ государствъ другъ къ другу, говоритъ Элизе Реклю, то она давно-бы пала. Это паденіе, какъ мы сказали, обуславливалось чисто азіатскимъ складомъ турецкаго народнаго характера: неподвижность, фатализмъ, равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, склонность къ наслажденіямъ и роскоши, все это, въ соединеніи съ необходимостью завоевывать себѣ каждый клочекъ земли, сдѣлало турокъ народомъ, неимѣющимъ будущаго, неумѣющимъ воспользоваться даже такою мѣстностью, какъ Константинополь, о которомъ говорилъ еще Наполеонъ I, что „владѣющій Константинополемъ можетъ управлять міромъ“. Столкнувшись съ такимъ народомъ, греки могли сохранить свои національныя черты въ характерѣ и нѣкоторыя изъ своихъ національныхъ учрежденій. Деспотизмъ Турціи былъ слишкомъ грубъ, но не утонченъ. Турція обирала порабощенные ею народы, но она не умѣла повліять на ихъ національный характеръ, отуречить ихъ. Въ этомъ случаѣ она не походитъ на Пруссію. Впрочемъ это и понятно. Покорителю нужно стоять въ нравственномъ или въ умственномъ отношеніи гораздо выше покоренныхъ народовъ, чтобы

заставитъ ихъ слиться съ собою. На это, къ счастью, у Турціи не было ни силъ, ни умѣнья. Государство, подобное Турціи, живя одними военными интересами, умѣя только высасывать соки изъ покоренныхъ народовъ, отставая отъ другихъ народовъ въ дѣлѣ торговли промышленности и земледѣлія, всегда является безсильнымъ, когда нужно подчинить себѣ какую-нибудь національность безъ оружія въ рукахъ, а при помощи нравственной и умственной силы. Въ этомъ обстоятельствѣ и лежатъ первыя сѣмена будущаго разложенія подобнаго государства, умѣвшаго прикрѣпить къ себѣ мечомъ извѣстныя земли, но неумѣвшаго слить съ собою народы, живущіе на этихъ земляхъ. Подобное „сшитое“ государство всегда должно дрожать за свою участь и думать, что при первой войнѣ съ внѣшними врагами у него могутъ подняться въ тылу внутренніе враги. Турція это очень хорошо понимаетъ и отсюда происходитъ та нерѣшительность, съ которою она дѣйствовала въ послѣднее время, страшась со всѣхъ сторонъ возстаній и бунтовъ.

Но если такое государство и не можетъ слить съ собою покоренные имъ народы, если оно и не умѣетъ истребить въ нихъ ихъ національный характеръ, то есть другая сторона, вслѣдствіе которой этимъ народамъ нелегко и опасно жить подъ гнетомъ такого государства. Такое государство обыкновенно вовсе не заботится ни о школахъ, ни о земледѣліи, ни о промышленности, ни о торговлѣ покоренныхъ странъ: оно неразсчетливо высасываетъ у покоренныхъ деньги, подавляетъ ихъ волненія и дальше этого нейдетъ. Эта система постоянно практиковалась Турціей. Эта система не могла-бы остаться безъ печальныхъ послѣдствій даже тамъ, гдѣ покоренные стояли-бы на довольно высокой степени развитія; но еще гибельнѣе должна была она отразиться тамъ, гдѣ покоренные народы сами стояли очень низко въ дѣлѣ умственного развитія. Если Турція въ значительной степени содѣйствовала паденію грековъ, то какъ-же должно было отразиться ея владычество на славянахъ?

Славяне, когда ихъ подчинила себѣ Турція, стояли сами на очень низкой степени промышленнаго, земледѣльческаго, торговаго и умственного развитія; географическое положеніе населенныхъ ими мѣстностей было далеко не такъ благопріятно для развитія народныхъ силъ, какъ географическое положеніе Греціи; сами славяне отлича-

лись тогда, какъ и теперь, однимъ несчастнымъ недостаткомъ — неумѣнемъ спланиваться, вѣчными раздорами между собою, полнымъ неумѣнемъ организовать въ одну группу, чтобы достигнуть извѣстныхъ общественныхъ цѣлей, забывъ свои личные интересы. Подчиненіе Турціей такихъ народовъ, конечно, грозило имъ гораздо большими опасностями, чѣмъ грекамъ. Не достигнувъ блестящаго положенія среди другихъ народовъ во дни своей свободы, они, разумѣется, еще менѣе могли надѣяться достигнуть этого положенія во дни неволи. Они испытывали турецкій гнетъ не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Цѣлыя массы ихъ приняли магометанскую вѣру, цѣлыя массы изъ нихъ отуречились, усвоили турецкіе нравы и привычки. Находясь въ рабствѣ, они никогда не умѣли энергично и во время воспользоваться удобными минутами для своего освобожденія и пропустили, наприимѣръ, такой удобный случай, какъ возстаніе Греціи, освободившейся отъ турецкаго ига, несмотря на незначительность своего населенія. Они даже не сумѣли заинтересовать своею судьбою Европу, которая узнавала о ихъ положеніи не по ихъ рассказамъ, а по рассказамъ иностранцевъ, посѣщавшихъ славянскія земли. У поработанныхъ Турціей славянъ не было за-границей даже порядочной интеллигентной эмиграціи, которая могла-бы, тѣсно сплотившись за-границею, повліять на общественное мнѣніе Европы въ пользу своихъ собратьевъ. Европа, видя бездѣйствіе и пассивность славянъ, всегда говорила, что, значить, имъ хорошо живется, если они молчатъ, и всѣ ихъ волненія считала просто слѣдствіемъ подстрекательства со стороны Россіи, а не слѣдствіемъ ихъ страданій. На что-бы мы ни взглянули въ славянскихъ земляхъ, вездѣ мы видимъ ту-же рознь, ту-же пассивность, то-же неумѣнье дѣйствовать. Вслѣдствіе всего этого, положеніе этихъ людей по большей части просто ужасаетъ: бѣдность, невѣжество, неспособность къ политической дѣятельности, вотъ что является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ рабства для славянъ. Сознавая очень хорошо, что всѣ плоды труда могутъ быть въ каждую удобную минуту разграблены хищниками-губернаторами, сборщиками податей, пашами, эти народы не стремились къ развитію и усовершенствованію, на-сколько это было возможно, своей промышленной и земледѣльческой дѣятельности. Напротивъ того, они приучались къ праздности, къ дѣланію всего кое-какъ,

къ добыванію только необходимаго. Это мало-по-малу совершенно деморализировало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ народъ. Рабство именно тѣмъ и гнусно, что оно одинаково дурно отзывается какъ на рабовладѣльцѣ, такъ и на рабѣ, особенно если этотъ рабъ стоитъ на низшей степени развитія. Возьмемъ для примѣра босняковъ. „Они, говоритъ Элизэ Реклю,—прямодушны, гостепріимны, храбры въ битвѣ, трудолюбивы, бережливы, склонны къ поэзіи, тверды въ дружбѣ, постоянны въ любви; бракъ у нихъ уважается и даже босняки-мусульмане отказываются отъ дозволяемаго имъ кораномъ многоженства; герцеговинскіе босняки-мусульмане не держатъ своихъ женъ взаперти и во многихъ деревняхъ во всякомъ домѣ есть задняя дверь, черезъ которую женщины могутъ „сосѣдиться“, не выходя на улицу. Впрочемъ, мусульманки сѣверной Босніи такъ закутываются въ свои бѣлыя покрывала, что походятъ на привидѣнія, даже глаза бывають на-половину закрыты, такъ что онѣ видятъ передъ собою не дальѣе, какъ на три шага. Но, несмотря на хорошія качества, какое варварство, какое невѣжество, сколько предрасудковъ и фанатизма найдете вы, какъ у христіанъ, такъ и у магометанъ! Нравы ихъ одичали отъ непрерывныхъ войнъ, отъ тираніи съ одной стороны, и отъ рабства съ другой, а недостатокъ дорогъ, лѣса, и скалы горъ удалили ихъ отъ всякаго цивилизующаго вліянія. Школь у нихъ почти не существуетъ и мѣстами ихъ замѣняютъ монастыри; но чему могутъ научиться дѣти у монаховъ, которые и сами-то ничего не знаютъ, кромѣ пѣнія псалмовъ? У самыхъ воротъ города Сераева существуетъ гротъ, который въ народѣ считаютъ „жилищемъ нимфъ“. Наконецъ, *раки* или *сливовица*, которую босняки употребляютъ въ огромномъ количествѣ, много способствовала къ удержанію ихъ въ этомъ состояніи задріблости: сосчитано, что жители Босніи, въ томъ числѣ женщины и дѣти, выпиваютъ сливовой водки среднимъ числомъ ежегодно по сто тридцати литровъ каждый“. Почти тоже встрѣчается и среди другихъ славянскихъ подданныхъ Турціи: они идутъ не впередъ, а регрессируютъ. Да и можетъ-ли быть иначе тамъ, гдѣ, съ одной стороны, стоитъ малообразованный народъ, нежившій политической жизни, нестличавшійся ни промышленностью, ни торговлею, ни литературою, и гдѣ, съ другой стороны, существуетъ полный произволъ властей, гдѣ эксплуата-

рують чужой трудъ, гдѣ повальный грабежъ является обиденнымъ явленіемъ, гдѣ, въ сущности, никто не имѣетъ никакихъ правъ?

Если дѣла будутъ идти такъ и въ будущемъ, то, конечно, славянскіе подданные Турціи погибнуть окончательно. Славяне, подвластные Турціи, повторяемъ, никогда не стояли на той степени цивилизаціи, на которой стояли греки; географическое положеніе ихъ земель далеко не такъ благопріятно, какъ положеніе Греціи, того единодушія, которымъ отличались греки, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ, и потому славянамъ трудно сохранить свои характерныя черты подъ турецкимъ игомъ. Оставаться дольше подъ гнетомъ турецкаго правительства, неспособнаго къ прогресу, для славянъ значитъ погубить всю свою будущность, исчезнуть съ лица земли. Вотъ почему самые ярые противники войны не могутъ относиться враждебно къ возстанію славянъ. Въ этомъ возстаніи единственное ихъ спасеніе. Ждать реформъ отъ турецкаго правительства, вѣрить въ эти реформы—это было-бы слишкомъ наивно. Турецкія реформы могутъ быть дѣйствительны только тогда, когда ихъ возьметъ самъ народъ; но турецкій народъ, находящійся подъ вліяніемъ ретрограднаго духовенства, народъ, развращенный долгими войнами, никогда не сдѣлаетъ этого и не пойдетъ далѣе мелкихъ и бесполезныхъ волненій, которыя оканчиваются замѣной Абдуль-Азиса Мурадомъ, а Мурада — Абдуль-Гамидомъ.

И.

БОРЬБА

НЕПОГРѢШИМАГО СЪ ПОГРѢШИМЫМЪ.

(Дж. Уил. Дрэнперъ. Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой. Перев. съ англ., подъ ред. А. Н. Пыпина. Спб., 1876.)

За четыре вѣка до Р. Х. греческія вѣрованія начали быстро разлагаться, и греки, руководимые своими философами и учеными, были глубоко поражены тѣмъ контрастомъ, какой они начали замѣчать между величіемъ дѣйствій природы и ничтожествомъ боговъ Олимпа. Пора чудеснаго прошла, оракулы онѣмѣли и боги уже не появлялись между смертными. Чрезвычайно извилистый морской берегъ и обширный архипелагъ содѣйствовали сильному развитію въ Греціи мореплаванія, торговли и колонизаціи. Странствуя по морямъ Черному и Средиземному, греки съ изумленіемъ видѣли, что чудеса, прославленныхъ въ Одиссеѣ и освященныхъ традиціей, вовсе не существовало. Когда-же мыслители, изучая природу, разъяснили, что лазурный сводъ есть иллюзія зрѣнія, то люди поняли, что и Олимпа нѣтъ и что вверху только пустое пространство да звѣзды. Исчезло жилище, исчезли и боги. Само собою понятно, что все это совершилось не вдругъ, что новыя понятія не могли утвердиться въ жизни безъ ожесточенной борьбы съ старыми. За философами и учеными къ этимъ новымъ понятіямъ пристали поэты. Эврипидъ подвергся обвиненію въ ереси, Эсхиль едва избавился отъ побіенія камнями. Но въ концѣ-концовъ новое увлекло даже массу народа, и отрицаніе дошло, наконецъ, до такого абсурда, что многіе не только отвергали чудесное, но даже утверждали, что и самый міръ — призракъ и что въ дѣйствительности ничего не существуетъ.

Одновременно съ этимъ движеніемъ подходила къ концу вѣковая борьба Греціи съ Персіей, и Александръ Македонскій покорялъ Азію. Его изумительные походы были могущественнымъ стимуломъ для умственнаго развитія грековъ. Самые обыкновенные солдаты, прошедшіе съ македонскимъ войскомъ отъ Дуная до Нила, отъ Нила до Ганга, должны были вырости умственно, увидѣвъ разнообразныя страны съ чудесами природы и роскоши, съ громадными городами и зданіями, съ произведеніями искусствъ и невиданными ими обычаями жизни. Что-же касается ученыхъ, то, благодаря этимъ походамъ, они обогатились чрезвычайно важными знаніями. Каллисфенъ пріобрѣлъ въ Вавилонѣ рядъ халдейскихъ астрономическихъ вычисленій, восходившихъ за 1903 года; онъ послалъ ихъ Аристотелю. Египетскій астрономъ Птоломей имѣлъ вавилонскій списокъ затмѣній, восходившій за 747 лѣтъ до Р. Х. Возбуждающее вліяніе Азіи на грековъ вскорѣ обнаружилось въ Александріи, населенной египтянами, греками и евреями, украшенной чудесами искусства и сдѣлавшейся, подъ правленіемъ Птолмеевъ, умственнымъ центромъ міра. Ея знаменитый музей, ботаническій и зоологическій сады, астрономическая обсерваторія, химическая лабораторія, анатомическій театръ, бібліотека, имѣвшая 700,000 томовъ, ея публичныя лекціи, множество ея ученыхъ и переводчиковъ,—все это чрезвычайно много способствовало какъ развитію, такъ и распространенію знаній. Краеугольнымъ камнемъ александрійской науки была аристотелевская философія, существенный принципъ которой заключался въ томъ, чтобы отъ изученія частныхъ восходить къ познанію общихъ началъ путемъ индукціи. „Методъ Аристотеля, по выраженію Дрэпера, — есть прежде всего и въ особенности методъ труда и знанія, а не методъ воображенія“. Въ то время, какъ научная александрійская школа была основана на положеніяхъ Аристотеля, въ основу нравственной школы легло ученіе Зенона и стоекковъ, по которому нѣтъ ничего вѣчнаго, кромя пространства, атомовъ и силы; вселенная въ своемъ цѣломъ неизмѣнима, по формѣ ея постоянно измѣняется. Душа человѣка есть искра жизненнаго пламени, общаго жизненнаго начала. Подобно теплу, она переходитъ отъ одного къ другому и, въ заключеніе, поглощается тѣмъ началомъ, отъ котораго произошла; поэтому, мы должны ожидать не уничтоженія, а воссоединенія, и какъ усталый чело-

вѣкъ жагаетъ предаться безчувственности сна, такъ философъ, наскучившій міромъ, радуется смерти. Наконецъ, въ Александріишла себѣ пріютъ и философія Платона, столь противоположная аристотелевской. Въ то время, какъ Аристотель восходилъ отъ частныхъ къ общимъ началамъ посредствомъ индукціи, Платонъ нисходилъ отъ общихъ началъ, принимаемыхъ на вѣру, къ частностямъ. Методъ Аристотеля былъ медленнѣе, но прочтѣе; методъ Платона способенъ былъ быстро создавать результаты, которые хотя и казались блестящими, но не были существенными. Аристотель руководилъ разумомъ, Платонъ—воображеніемъ, и когда въ Александріи настало время умственного упадка, Платонъ взялъ верхъ надъ Аристотелемъ и школа неоплатонизма переполнилась крайними мистиками, замѣнившими строгихъ ученыхъ прежняго времени, сдѣлавшихъ такъ много для развитія науки. Во главѣ ихъ стоитъ знаменитый математикъ Евклидъ, сочиненіе котораго, по выраженію Драпера, „не можетъ встрѣтить противорѣчія во всемъ родѣ человѣческомъ; послѣ 22-хъ столѣтій оно все еще живетъ, какъ образецъ точности, ясности и строгой доказательности“. Рядомъ съ Евклидомъ стоитъ Архимедъ, математикъ, равнаго которому не было въ Европѣ впродолженіи почти двухъ тысячъ лѣтъ. Онъ былъ основателемъ гидростатики, изобрѣлъ способъ опредѣленія удѣльнаго вѣса и винтъ, носящій его имя, открылъ истинную теорію рычага. Эратосфенъ опредѣлилъ разстояніе между тропиками, занимался географическими изслѣдованіями и составилъ полную систему земли, съ приложеніемъ карты всѣхъ извѣстныхъ тогда странъ. Гиппархъ открылъ совпаденіе равноденствій, опредѣлилъ неравенства въ движеніи луны и составилъ каталогъ звѣздъ, внесши въ него тысячу восемьдесятъ звѣздъ. Система Птолемея господствовала въ Европѣ вплоть до Ньютона. Птоломей доказалъ, что земля шарообразна и утверждена въ пространствѣ, онъ опредѣлилъ орбиты планетъ, наклонность эклиптики и т. д. Наконецъ, нужно упомянуть, что въ александрійскомъ музеѣ была изобрѣтена и работала первая паровая машина.

Но всѣ эти великія открытія, открывавшія, повидимому, столь блестящую будущность Европѣ, не могли пустить прочныхъ корней въ обществѣ, разлагавшемся внутри и поражаемомъ варварами извнѣ. Изъ долины Иордана шло христіанство и, быстро распро-

странившись въ имперіи, сдѣлалось наконецъ государственной религіей. Въ то время, какъ на Востокѣ александрійская наука и философія пришли къ безвременному концу, а въ Афинахъ Юстиніанъ закрылъ всѣ философскія школы, на Западѣ римскіе первосвященники, оспаривавшіе верховную власть у патриарховъ Константинополя и Александріи, создавали теократическое государство, въ которомъ наука не находила себѣ мѣста. Будучи незнакомы съ выводами александрійскихъ ученыхъ или отвергая ихъ, какъ нечестивые, писатели римской церкви утверждали въ умахъ убѣжденіе, что земля есть плоская поверхность, надъ которою небо протянуто, „какъ кожа“. На небѣ движутся луна, солнце и звѣзды, чтобы освѣщать днемъ и ночью землю, это центральное и главнѣйшее тѣло во вселенной. Ученіе о шарообразности земли казалось не только ересью, но даже глупостью, и, опровергая его, Лактанцій писалъ: „возможно-ли, чтобы люди могли быть такъ безумны и повѣрили, что жатва и деревья на другой сторонѣ земли висятъ внизъ и что у людей ноги выше головъ? Если вы у нихъ спросите, какъ они защищаютъ эти чудовищныя нелѣпости, какъ вещи не упадутъ на той сторонѣ земли, они отвѣчаютъ, что природа вещей такова, что тяжелыя тѣла стремятся къ центру, какъ спицы колеса, а легкія, какъ напр., облака, дымъ, огонь, стремятся отъ центра во всѣ стороны къ небсамъ! Я, право, не нахожусь, что сказать о тѣхъ, которые, впадъ однажды въ ошибку, упорствуютъ въ своемъ заблужденіи и одно нелѣпое мнѣніе защищаютъ другимъ“ (стр. 59). Въ шестомъ вѣкѣ была написана „Христіанская топографія“ Козьмы Индикоплова, главной цѣлью которой было опроверженіе шарообразности земли. Высказывая господствовавшія въ то время географическія представленія, Козьма утверждалъ, что земля есть четырехугольная плоскость, простирающаяся на 400 дней пути отъ востока къ западу и на 200 дней отъ сѣвера къ югу, что она окружена горами, поддерживающими небо, и что наиболѣе громадная изъ этихъ горъ на сѣверѣ, закрывая отъ насъ солнце, производитъ ночь, и что, наконецъ, эта плоскость не горизонтальна, а повата съ сѣвера на югъ, такъ-какъ Тигръ, Ефратъ и другія рѣки, текуція на югъ, быстры, между тѣмъ, какъ Нилъ, которому приходится, такъ сказать, взбираться въ гору, течетъ весьма тихо. Бада Достопочтенный, писавшій въ седьмомъ вѣкѣ, рассказываетъ,

что небо имѣетъ огненную и тонкую природу, оно обращается ежедневно кругомъ съ несказанною быстротой, умѣряемой только сопротивленіемъ семи планетъ, а чтобы оно не загорѣлось, существуютъ ледяныя воды. Нижнее небо называется твердью, потому что оно отдѣляетъ падающія сверху воды отъ нижнихъ, водъ. Эти воды тверди служатъ для умѣренія огня неподвижныхъ звѣздъ.

Эти новыя ученія враждебно отнеслись къ прежней наукѣ и скоро вытѣснили ее со сцены. Въ частныхъ домахъ и на площадяхъ, въ церквахъ и театрахъ, въ школахъ и на базарахъ шли самыя ожесточенныя метафизическія споры, сопровождавшіеся нерѣдко драками, кровопролитными схватками, войнами и государственными переворотами. Въ то время, какъ Востокъ погибаетъ отъ этой анархіи, на Западѣ искушеніе богатства, роскоши и власти, соединявшееся съ положеніемъ римскаго епископа, были таковы, что избраніе его сопровождалось часто страшными убійствами. Между тѣмъ, въ пустыняхъ Аравіи, подъ вліяніемъ отрывочныхъ христіанскихъ идей, Магометъ выступилъ пророкомъ единого Бога и военная пропаганда новой религіи быстро охватила міръ; Сирія, Малая Азія, Палестина, греческій архипелагъ, Египетъ, Персія были покорены сарацинами и въ то-же время, какъ китайскій императоръ въ Пекинѣ просилъ дружбы ихъ халифа, знамя пророка развѣвалось на берегахъ Инда, а арабы покоряли уже Испанію и грабили Римъ, къ властителямъ котораго они относились съ величайшимъ пренебреженіемъ. Когда римскій императоръ Никифоръ послалъ халифу Гаруну угрожающее письмо, то получилъ такой отвѣтъ: „Во имя всемилосердаго Бога! Гарунъ-аль-Рашидъ, повелитель правовѣрныхъ! Никифору, римскому собацѣ. Я читалъ твое письмо, о, ты, сынъ невѣрной матери!.. Ты не услышишь моего отвѣта,—ты увидишь его!“

Магометане сдѣлались первою силою въ мірѣ, но эта сила была тоже враждебна наукѣ. Когда Амру завоевалъ Египетъ и узналъ о сокровищахъ александрійской бібліотеки, то отдалъ такое приказаніе: „если эти книги согласны съ кораномъ, словомъ бога, то онѣ бесполезны и ихъ нечего сохранять; если-же онѣ не согласны, то онѣ вредны. Пусть ихъ уничтожатъ!“ И книги были розданы по александрійскимъ банямъ для топки печей (стр. 96.) Но магометанство въ государствахъ, основанныхъ арабами, не могло долго

сохранить свою первобытную чистоту и, подъ вліаніемъ богатствъ, накопленныхъ грабежемъ завоевателей и трудомъ покоренныхъ. Жизнь арабовъ скоро потеряла свой прежній суровый характеръ. Одинъ персидскій сопуганъ, которому случилось представляться Омару, второму халифу, нашелъ его спящимъ между нищами на ступеняхъ мечети, а иноземные посланники, имѣвшіе случай видѣть Моавію, шестого халифа, были представляемы ему въ роскошномъ дворцѣ, украшенномъ блестящими арабесками, окруженномъ цвѣтниками и фонтанами (стр. 101.) Истинные магометане составили о мірѣ понятіе по корану, который училъ, что земля есть четырехугольная плоскость, окруженная горами, поддерживающими небо,—это обширное, хрупкое, хрустальное пространство, которое, благодаря высшей силѣ, поставлено на свое мѣсто безъ трещины или другого поврежденія. Надъ видимой твердью находится небо. построенное въ семь этажей; въ самомъ верхнемъ изъ нихъ обитаетъ Богъ, который, въ видѣ исполинскаго человѣка, сидитъ на престолѣ, имѣя по обѣимъ сторонамъ крылатыхъ быковъ (стр. 99.) Но подобныя понятія въ арабскихъ государствахъ быстро измѣнялись подъ вліаніемъ сирийскихъ несторіанъ и египетскихъ евреевъ, сохранявшихъ традиціи александрійской науки. Халифъ Аль-Момунъ приказалъ опредѣлить астрономамъ градусъ земли и они, вопреки корану, доказали шарообразную форму ея. Черезъ столѣтъ послѣ Магомета, Гомеръ уже былъ переведенъ для арабовъ на сирийскій языкъ. Халифы, подобно папамъ Возрожденія, увлекшись греческой наукой, отставали отъ своихъ традицій, щедро покровительствовали ученымъ и писателямъ, устраивали библіотеки, обсерваторіи, лабораторіи, школы. „Въ наукѣ, говоритъ Дрэнгеръ,—великая заслуга сарацинъ состоитъ въ томъ, что они обрабатывали ее по способамъ александрійскихъ грековъ, а не по способу европейскихъ грековъ. Они поняли, что науки нельзя вести впередъ одними умозрѣніями, что единственный вѣрный прогрессъ ея достигается практическими изслѣдованіями природы. Существенная, отличительная черта ихъ метода есть опытъ и наблюденіе. Геометрію и математическія науки они считали орудіями разсужденія. Въ ихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ о механикѣ, гидростатикѣ, оптикѣ любопытно замѣтить, что рѣшеніе проблемы всегда получается путемъ опыта или съ помощію инструментальныхъ наблюденій. Это и сдѣлало ихъ родоначальниками химіи,

это повело ихъ къ изобрѣтенію всякаго рода аппаратовъ для дистилляціи, сублимации, плавленія, фильтраціи и проч., это побудило ихъ въ астрономіи обращаться къ инструментамъ съ дѣленіями, какъ квадранты и астролябія; въ химіи употреблять вѣсы, съ теоріей которыхъ они были знакомы въ совершенствѣ и т. п. Таковы были результаты того, что они предпочли индуктивный методъ Аристотеля и отвергли мечтанія Платона“ (стр. 103.). Математика, физика, астрономія, химія, географія и философія арабовъ были и продолженіемъ греческой науки, и блестящимъ началомъ новой европейской. Арабскіе и еврейскіе ученые первые пробудили средне-вѣковую мысль, а тысячи европейскихъ юношей, между которыми бывали даже будущіе папы, обучавшихся въ арабскихъ университетахъ Испаніи, дѣлались достойными продолжателями своихъ учителей. Новыя идеи неизбѣжно должны были встрѣтить ожесточеннаго врага въ католицизмѣ.

Борьба началась споромъ о природѣ души. Греки и римляне думали, что духъ человѣка походитъ на его тѣлесную форму и ведетъ послѣ смерти почти такую-же жизнь, какъ на землѣ. Христіанство отвергло это вѣрованіе, но долгое время не было опредѣленнаго понятія о томъ, что дѣлается съ душою въ промежутокъ времени между отдѣленіемъ ея отъ тѣла и днемъ страшнаго суда. Послѣ Григорія Великаго во всемъ на Западѣ было принято ученіе о чистилищѣ, и мѣсто для отшедшихъ душъ было найдено. Но въ то-же время въ Европѣ начали распространяться мнѣнія совершенно противоположнаго характера, пришедшія изъ Азіи. Восточные азіатцы усвоили себѣ представленія о безличномъ Богѣ, универсальномъ духѣ, который проникаетъ собою весь міръ, отъ котораго истекаетъ человѣческая душа при рожденіи тѣла и въ которомъ она исчезаетъ послѣ смерти. Буддизмъ, напр., признаетъ бытіе вышшаго Могущества и существованія Силы, дающей начало матеріи, какъ своему проявленію. Онъ держится теоріи эманации и поглощенія и указываетъ изображеніе человѣка въ горящей свѣчѣ. Что случилось съ пламенемъ, когда оно потухло, и въ какомъ состояніи было оно, когда свѣча еще не была зажжена? Такъ и душа. Личность послѣ смерти соединяется съ всеобщимъ разумомъ и погружается въ то-же состояніе, какъ и пламя потухшей свѣчи. Эти идеи, перенесенныя въ Европу Аристотелемъ, отъ него, посредствомъ александрійскихъ грековъ, перешли къ

арабскимъ философамъ, сообщившимъ ихъ католическимъ европейцамъ. Главнымъ представителемъ этой философіи былъ Аверроесъ, пользовавшійся такимъ безусловнымъ авторитетомъ въ средніе вѣка. „Существенный смыслъ этой философіи заключается въ неразрушаемости матеріи и силы. Она видѣла аналогію между собираніемъ того матеріала, изъ котораго состоитъ тѣло человѣка, собираніемъ его изъ великаго запаса матеріи въ природѣ и его конечнымъ возвращеніемъ въ этотъ запасъ и между эманацией человѣческаго духа изъ всеобщаго разума божества и конечнымъ обратнымъ поглощеніемъ“ (стр. 132). Аверроизмъ неслышно проложилъ себѣ путь въ Италію, Германію, Англію; онъ сосредоточился въ парижскомъ университетѣ и встрѣтилъ благосклонный пріемъ себѣ у францисканцевъ. Его придерживались не только такіе мыслители, какъ Рожеръ Бэконъ и Спиноза, но и папа Гербертъ и императоръ Фридрихъ II. Главными пропагандистами этой философіи были образованные испанскіе евреи и на нихъ-то прежде всего обрушился католицизмъ съ своими кострами и пытками. Въ 1481 г. въ Испаніи была учреждена инквизиція и въ первый-же годъ ея существованія въ Андалузіи было сожжено 2,000 жертвъ, кромя того много тысячъ труповъ вырыто изъ могилъ и предано огню. 17,000 человѣкъ было подвергнуто штрафу или пожизненному тюремному заключенію. Всѣ, кто только могъ бѣжать, бѣжали. Втеченіи 18 лѣтъ Торквемада и его сотрудники сожгли на кострѣ 10,220 человѣкъ и наказали другими карами 97,321 человѣка. Этотъ ужасный фанатикъ уничтожалъ еврейскія библіи и сжегъ въ Саламанкѣ 6,000 томовъ произведеній восточной литературы. Наконецъ, въ 1492 году послѣдовалъ декретъ о поголовномъ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи, а вскорѣ послѣдовало такое-же изгнаніе мавровъ.

Таковы были первые подвиги католицизма въ его борьбѣ съ знаніемъ; но ни костры, ни кровопролитіе, ни изгнанія не могли остановить развитіе идей. Ученые арабы и евреи были изгнаны, но сѣмена, брошенные ими на европейскую почву, принесли свой плодъ. Между католицизмомъ и наукой начался великій споръ относительно природы міра. Въ Европѣ впродолженіи многихъ вѣковъ господствовали, какъ мы уже видѣли, представленія о землѣ, какъ о плоскости, а ученый міръ придерживался системы Птолемея считавшаго землю центральнымъ тѣломъ во вселенной, созданной

исключительно для нея. Предпочтеніе, которое оказывалось этой системѣ и клерикальной учености, было такъ сильно, что христіанское общество существовало цѣлыхъ полторы тысячи лѣтъ и не произвело ни одного астронома; оно нисколько не заботилось о вопросахъ относительно природы міра и все его вниманіе было занято схоластическими толками. Это равнодушіе продолжалось до конца XV вѣка, когда вопросъ о формѣ земли былъ, наконецъ, рѣшенъ тремя мореплавателями, Колумбомъ, Васко-де-Гамою и, въ особенности, Магеланомъ. „Политическія послѣдствія, тотчасъ происшедшія изъ этого, поставили папское правительство въ очень затруднительное положеніе. Его преданія и политика запрещали ему допускать какую-либо форму земли, кромѣ плоской. Скрыть факты было невозможно, софизмы были бесполезны“ (стр. 155). Но дальнѣйшія послѣдствія этого открытія встрѣтили въ католицизмѣ самое ожесточенное сопротивленіе. Въ 1543 году полякъ Коперникъ издалъ свою книгу „Объ обращеніяхъ небесныхъ тѣлъ“ и тѣмъ основалъ гелиоцентрическую теорію, доказавъ, что центромъ нашей системы служитъ солнце, вокругъ котораго обращаются всѣ другія планеты и наша земля, эта ничтожная пылинка въ мірозданіи. Лишая землю ея господствующаго центрального положенія, указывая много равныхъ ей и превосходящихъ ея планетъ, Коперникъ сильно подрывалъ авторитетъ католицизма и его книга была запрещена. Въ 1608 г. голландецъ Липперсгей изобрѣлъ телескопъ, и въ то-же время знаменитый флорентійскій математикъ Галилей усовершенствовалъ этотъ инструментъ, съ помощью котораго онъ на всѣхъ пунктахъ неба открывалъ множество звѣздъ, совершенно невидимыхъ невооруженному глазу. Изслѣдуя луну, онъ нашелъ что на ней, какъ и на землѣ, есть равнины и горы, бросающія тѣнь. Открывъ спутниковъ Юпитера, онъ увидѣлъ, что они вращались вокругъ планеты по своимъ орбитамъ, и ему такимъ образомъ представилась въ миниатюрѣ система Коперника. До Коперника предполагали, что планеты свѣтятъ своимъ собственнымъ свѣтомъ, но онъ доказалъ, что свѣтъ ихъ отраженный; онъ выяснилъ, что солнце несовершенно, что на немъ есть пятна и что оно обращается на своей оси, а не находится въ состояніи величественнаго покоя. Эти открытія Коперника и Галилея возбудили страшную тревогу во всемъ католическомъ мірѣ; Галилей былъ обвиненъ въ ереси, богохульствѣ и безбожїи и, опасаясь сожженія на ко-

стрѣ, принужденъ былъ отречься передъ инквизиціей отъ своей теоріи. Шестнадцать лѣтъ клерикалы были спокойны, но въ 1630 году Галилей рѣшился издать свою „Систему Мира“. Его снова потянули въ инквизицію и обвинили въ ереси за теорію обращенія земли вокругъ солнца. На колѣняхъ, положивъ руку на библію, онъ принужденъ былъ отречься и проклясть ученіе о движеніи земли. Этотъ неутомимый ученный, этотъ знаменитѣйшій астрономъ своего времени вынужденъ былъ подъ угрозою смерти отрицать факты, истинность которыхъ была извѣстна судьямъ такъ-же, какъ и ему! Его заключили потомъ въ тюрьму, обращались съ нимъ съ безжалостной суровостью въ остальные десять лѣтъ его жизни, а по смерти ему отказано было въ погребеніи на кладбищѣ. Вскорѣ система Коперника получила въ ученомъ мѣрѣ всеобщее признаніе и дополнилась новыми открытіями. Еще въ XVII вѣкѣ астрономія начала доказывать неизмѣримость вселенной и опредѣлять разстояніе земли отъ солнца десятками миліоновъ миль. Но и это разстояніе, составляющее, въ дѣйствительности около 92,000,000, совершенно ничтожно сравнительно со многими другими опредѣленными разстояніями вселенной. Одна звѣзда въ созвѣздіи Центавра дальше отъ насъ въ 230,000 разъ, чѣмъ солнце, а Сиріусъ въ шесть разъ дальше, чѣмъ эта звѣзда; діаметръ Сиріуса имѣетъ 12,000,000 миль, и свѣтъ, имъ испускаемый, въ 200 разъ ярче, чѣмъ свѣтъ нашего солнца. Есть другія звѣзды, лучи которыхъ требуютъ тысячъ, быть можетъ, миліоновъ лѣтъ, чтобы дойти до насъ. Самые сильные телескопы не могутъ показать намъ границъ нашей системы, а подобныхъ системъ во вселенной безчисленное множество. И неужели всѣ онѣ существуютъ для того, чтобы давать свѣтъ, даже тѣ, которыхъ люди не видятъ и можетъ быть не увидятъ никогда? Распространеніе этой истины въ Европѣ тоже не обошлось безъ жертвъ и человѣческой крови, которою хотѣлъ залить ее католицизмъ. Джордано Бруно, родившійся черезъ семь лѣтъ послѣ смерти Коперника, былъ первымъ великимъ апостоломъ ученія о безконечности вселенной. Онъ утверждалъ, что вселенная безпредѣльна и что она наполнена самосвѣтностями и темными мірами, изъ которыхъ многіе необитаемы и что вокругъ насъ нѣтъ ничего, кромѣ пространства и звѣздъ. Его размысленія объ этихъ предметахъ привели его къ тому заключенію, что есть Разумъ, одушевляющій вселенную, что видимый

міръ есть только проявленіе этого разума, поддерживаемое силой, заимствованной отъ него, и что если-бы отнять эту силу, то міръ исчезъ-бы. 16 февраля 1600 года Бруно былъ сожженъ на кострѣ въ Римѣ по приговору инквизиціи. „Невозможно, говорить Дрэперъ, — безъ чувства жалости вспоминать страданія безчисленныхъ мучениковъ, которыхъ сначала одна партія, потомъ другая возводила на костеръ за ихъ религіозныя мнѣнія. Но и тѣ и другіе въ свою послѣднюю минуту имѣли могущественную и вѣрную поддержку. Для Бруно не было такой поддержки. Философскія мнѣнія, которымъ онъ пожертвовалъ своею жизнью, не могли дать ему никакого утѣшенія. Онъ долженъ былъ вынести послѣднюю борьбу одинъ. И не есть-ли нѣчто очень высокое въ положеніи этого одиокаго человѣка, нѣчто, чему не можетъ не удивляться человѣческая природа, когда онъ стоитъ въ сумрачной залѣ передъ своими неумолимыми судьями? Здѣсь нѣтъ ни обвинителя, ни свидѣтелей, ни защитника и только одни служители священной инквизиціи, одѣтые въ черныя мантіи, снуютъ здѣсь украдкой. Мучители и орудія пытки внизу подъ сводами. Ему просто говорятъ, что онъ навлекъ на себя сильное подозрѣніе въ ересь, такъ какъ онъ говорилъ, что есть другіе міры, кромѣ нашего. Его спрашиваютъ, хочеть-ли онъ отречься отъ своего заблужденія. Онъ не хочеть и не можетъ отвергать того, истину чего онъ знаетъ, и, быть можетъ, — какъ онъ часто дѣлалъ это прежде, — онъ говоритъ своимъ судьямъ, что они сами внутри себя чувствуютъ то-же. Зная, что мучители его хотя могутъ уничтожить его тѣло, но его мысли все-таки будутъ жить между людьми, онъ сказалъ своимъ судьямъ: „быть можетъ, вы съ большимъ страхомъ постановляете приговоръ мнѣ, чѣмъ я принимаю его“ (стр. 173).

Астрономическія открытія скоро привели къ теоріи о томъ, что въ мірѣ все совершается по опредѣленнымъ, неизмѣннымъ законамъ. Кеплеръ открылъ подробности законовъ обращенія планетъ и возбудилъ противъ себя преслѣдованіе со стороны клерикаловъ. Около того-же времени явился трактатъ о механикѣ Галилея, установившій основные законы движенія. Наконецъ, послѣ многихъ другихъ второстепенныхъ трудовъ, въ 1687 году вышелъ знаменитый трудъ Ньютона. На основаніи принципа, что всѣ тѣла притягиваютъ другъ друга съ силой, находящейся въ прямомъ отношеніи съ ихъ массами и въ обратномъ отношеніи съ квадра-

тами ихъ разстояній, Ньютонъ показалъ, что всё движеніе небесныхъ тѣлъ могутъ быть объяснены и что законы Кеплера могли бы быть предсказаны. Ньютонъ жилъ уже послѣ реформациі, и его открытія не возбудили преслѣдованія со стороны клерикаловъ, занятыхъ религіозной борьбой. Между тѣмъ, для католицизма его теорія была болѣе опасна, чѣмъ ученія сектъ. Она не только утверждала геліоцентрическую систему и законы, открытыя Кеплеромъ, но и доказывала, что они — результатъ математической необходимости и что результатомъ той-же самой математической необходимости является неизмѣнный законъ, управляющій солнечной системой. Телескопныя наблюденія Гершеля и другихъ открыли много двойныхъ звѣздъ, двойныхъ не потому только, что онѣ случайно находятся на одной линіи зрѣнія, но и потому, что онѣ связаны физически и обращаются одна около другой. Ихъ движеніе по эллипическимъ орбитахъ показываетъ, что законъ тяготѣнія дѣйствуетъ далеко за предѣлами нашей солнечной системы.

„Вселенная, говоритъ одинъ писатель прошлаго вѣка, есть только одинъ фактъ, она есть только одна великая истина“. Дѣйствительно, мы видимъ, что всё планеты и ихъ спутники движутся по эллипсамъ столь малаго эксцентриситета, что они приближаются къ кругу. Всё они движутся въ одномъ и томъ-же направленіи и почти въ одной и той-же плоскости. Движеніе около своей оси солнца, планетъ и спутниковъ происходитъ въ томъ-же направленіи, какъ и ихъ орбитныя движенія и почти въ тѣхъ-же плоскостяхъ. Все это указываетъ на единство закона и общаго происхожденія этихъ тѣлъ изъ одной общей массы, которую наука признаетъ первичною небулозною субстанціей, вращавшеюся около оси. Эта гипотеза основывается прежде всего на томъ открытіи Гершеля старшаго, что на небѣ въ разныхъ мѣстахъ разсыяны блѣдныя свѣтящіяся пятна; изъ которыхъ только не многія могутъ быть видимы невооруженнымъ глазомъ. При помощи телескопа одни изъ этихъ пятенъ разрѣшаются въ кучи звѣздъ, но нѣкоторыя даже въ самые лучшіе телескопы все-таки кажутся туманными пятнами. Въ 1846 году Дрэперъ открылъ, что спектръ раскаленнаго твердаго тѣла бываетъ ровный, сплошной, не имѣетъ ни темныхъ, ни свѣтлыхъ линій, а нѣсколько раньше Фраунгоферъ нашелъ, что спектръ раскаленныхъ газовъ бываетъ не ровный и не сплошной. Въ 1864 году Геггинсъ воспользовался этими

открытіями для изслѣдованія туманныхъ пятенъ и оказалось, что одни изъ нихъ, дающія ровный и сплошной спектръ, являются скопленіемъ воспламененныхъ твердыхъ тѣлъ, звѣздъ и солнць. между тѣмъ какъ другія, съ неровнымъ спектромъ, — ничто иное, какъ массы горящихъ газовъ. При послѣдующихъ изслѣдованіяхъ оказалось, что изъ шестидесяти наблюдаемыхъ туманныхъ пятенъ 19 дали несплошные или газовые спектры, остальные — спектры сплошные. Такимъ образомъ гипотеза Лапласа получила твердое основаніе. Въ такой туманной газовой массѣ охлажденіе ея посредствомъ лучеспусканія равнымъ образомъ сгущеніе и вращеніе явленія необходимы. При этомъ неизбѣжно совершаются отдѣленіе колець, лежащихъ въ одной плоскости, происходятъ планеты и спутники, центральное солнце и окружающіе пары. Упадокъ теплоты еще и теперь производитъ интеграцію вещества въ міръ какъ онъ совершалъ это нѣкогда въ нашей системѣ. Постепенный переходъ мировыхъ тѣлъ изъ газообразнаго состоянія въ твердое обнималъ собою безчисленные миліоны лѣтъ, по истеченіи которыхъ на землѣ появилась, наконецъ, органическая жизнь и начала новый безконечный процессъ развитія. „Животныя съ горячей кровью не могли существовать въ атмосферѣ, обильной углекислотой, какъ это было въ первобытныя времена. Но удаленіе этого вреднаго ингредиента изъ воздуха листьями растений подъ влияніемъ солнечнаго свѣта, покрытіе ея угольнаго элемента землемъ въ формѣ каменнаго угля, освобожденіе ея кислорода сдѣлали ихъ жизнь возможною. Какъ видоизмѣнена была такимъ образомъ атмосфера, такъ въ эту пережѣну включено было и море: оно отдало большую долю своей углекислоты, и известнякъ, который до сихъ поръ разлагался ею, отложился въ формѣ плотнаго тѣла. На каждый эквивалентъ угля, погребенный въ землѣ, былъ эквивалентъ углекислой извести, выдѣлявшійся изъ моря не непремѣнно въ аморфномъ состояніи, но всего чаще въ органической формѣ. Солнечный свѣтъ дѣлалъ свое дѣло день за днемъ, но требовались мириады дней для того, чтобы кончить его. Это былъ медленный переходъ отъ временной атмосферы къ очищенной и столько-же медленный переходъ отъ типа животныхъ съ холодной кровью къ типу животныхъ съ горячей кровью. Но физическія пережѣны происходили подъ управленіемъ закона, и органическія преобразованія не были внезапными или произвольными актами.

Онѣ были непосредственными, неизбѣжными послѣдствіями физическихъ перемѣнъ, и потому, подобно имъ, необходимымиъ результатомъ закона* (стр. 233).

Когда развивались эти послѣднія теоріи, католицизмъ былъ уже безсиленъ и ограниченъ бесплодными проклятіями имъ, равно какъ и въ спорѣ о древности земли. Средневѣковая католическая наука полагала, что земля сравнительно недавняго происхожденія. Научная космогонія началась открытіемъ астронома Кассини, что планета Юпитеръ есть не шаръ, а сфероидъ, сжатый при полюсахъ. Механическая философія показывала, что такая форма есть необходимый результатъ вращенія жидкой или растяжимой массы и что чѣмъ быстрѣе движеніе, тѣмъ больше должно быть и сжатіе. Сжатіе земли при полюсахъ указало, во-первыхъ, на то, что земля находилась прежде въ жидкомъ или пластическомъ состояніи, во-вторыхъ, что она получила свою форму отъ механической, и слѣдовательно, отъ второстепенной причины. Это вліяніе механическихъ причинъ обнаруживается и при изслѣдованіи расположенія веществъ, составляющихъ земной шаръ. Масса непуническихъ, или осадочныхъ породъ, имѣетъ толщины нѣсколько миль, и однакожь она составила путь медленнаго осажденія. Матеріаль, изъ котораго она произошла, получался отъ размыванія древней почвы, и посредствомъ потоковъ разносился по земной поверхности. Этотъ процессъ совершается и въ настоящее время передъ нашими глазами, и изслѣденія показываютъ, что во сто лѣтъ толщина наносныхъ слоевъ увеличивается всего на какихъ-нибудь три дюйма. Сколько-же нужно было лѣтъ на образованіе непуническихъ породъ въ нѣсколько миль толщиною? Геологія учитъ, что вся масса земли изъ расплавленнаго, или, быть можетъ, газообразнаго состоянія охладилась лучеиспусканіемъ до настоящаго равновѣсія своей температуры втеченіе миліоновъ вѣковъ. Ископаемые остатки, находимые въ землѣ, доказываютъ, что была постоянная физиологическая прогрессія органическихъ формъ, какъ растительныхъ, такъ и животныхъ, отъ древнѣйшихъ и до самыхъ новыхъ; что тѣ формы, которыя населяютъ землю теперь, составляютъ лишь незначительный отростокъ другихъ формъ, населявшихъ ее прежде, и всѣ они медленно и постепенно возникали изъ предъидущихъ, развивались и затѣмъ вымирали. Для того требовались тоже миліоны вѣковъ. Наконецъ, послѣдній ледяной

періодъ Европы существовалъ не менѣе 250,000 лѣтъ, а человѣческое существованіе предшествуетъ ему.

Пораженный во всѣхъ вышеизложенныхъ спорахъ, католицизмъ втеченіе всего своего существованія не переставалъ подвергаться ударамъ и въ той сферѣ, которая касается его непосредственно. Съ первыхъ вѣковъ его существованія мы видимъ безчисленное множество сектъ и ересей. Около времени Никейскаго собора епископъ Иларій писалъ: „равно печальная и опасная вещь то, что между людьми столько-же вѣръ, сколько мнѣній, столько-же ученій, сколько наклонностей, и столько-же источниковъ богохульства, сколько у насъ заблужденій, потому что мы произвольно составляемъ ученія и столь-же произвольно объясняемъ ихъ. Каждый годъ, даже каждый мѣсяцъ мы дѣлаемъ новое ученіе; что-бы объяснить невидимыя таинства, мы раскаяваемся въ томъ, что сдѣлали; мы защищаемъ тѣхъ, которые раскаяваются, мы предаемъ анафемѣ тѣхъ, кого защищаемъ; мы осуждаемъ ученія другихъ въ самихъ себѣ, или самихъ себя въ ученіи другихъ, и, взаимно разрывая другъ друга въ клочки, служимъ причиною раззоренія другъ друга“ (стр. 195.) Для примиренія этихъ разногласій прибѣгли къ совѣщаніямъ соборовъ. Въ одномъ IV вѣкѣ было 13 соборовъ противъ Арія, 15 за него и 17 за полуаріанъ, всего 45. Что въ эти времена считалось критеріемъ истины, показываютъ появившіеся уже въ то время „божіи суды“. „Обвиняемый человѣкъ тонетъ или плаваетъ, будучи брошенъ въ прудъ; онъ обжигается или остается невредимъ, держа въ рукѣ раскаленное желѣзо; боецъ, котораго онъ нанимаетъ за себя, побѣждаетъ или побѣжденъ въ поединкѣ; онъ можетъ держать руки, протянувъ ихъ на подобіе креста, или не можетъ сдѣлать этого дольше, чѣмъ его обвинитель,—и его невиновность или виновность въ какомъ-нибудь приписанномъ ему преступленіи доказана! Таковы были критеріи истины“. Понятно, что долженъ былъ наступить, наконецъ, день, когда мнѣнія и доктрины, основанныя на подобныхъ доказательствахъ, подверглись такому-же недоувѣрью, какое возбудили самыя доказательства. Съ наступленіемъ 13 вѣка появляется множество враждебныхъ католицизму сектъ, катары, вальденсы и т. д. Всѣ онѣ учатъ, что католицизмъ „полонъ заблужденій и что господство, которое папа присвоилъ себѣ надъ христіанами, есть незаконное и тираническое, что заявленное Римомъ притязаніе,

будто-бы епископъ римскій есть верховный госнодинъ вселенной, и что ни князья, ни епископы, ни гражданскіе, ни церковные правители не имѣютъ никакой законной власти въ церкви и государствѣ, кромѣ той какую получили отъ папы,—что это притязаніе не имѣетъ ни малѣйшаго основанія и есть узурпація правъ человѣка“.

Противъ этой страшной для него бури католицизмъ пустилъ въ ходъ два средства: инквизицію и тайную исповѣдь. Инквизиція должна была искоренить ересь посредствомъ террора. Ей предоставлялось опредѣлять что такое ересь, и слѣдовательно, въ руки ей отдавался критерій истины. Ей поручалось окрывать и представлять суду еретиковъ, „которые таятся въ городахъ, домахъ, подвалахъ, лѣсахъ, пещерахъ и поляхъ“. Она съ такой дикой ревностью исполняла свое назначеніе, что между 1481 и 1808 годами наказала 340,000 человѣкъ и изъ нихъ болѣе 32,000 сожгла. Она истребила сектаторовъ въ южной Франціи и искоренила протестантизмъ въ Италіи и Испаніи. Она была посрамленіемъ христіанства и всего человѣчества; важною пособницею ей служила введенная въ католической церкви въ XIII вѣкѣ тайная исповѣдь. „Относительно домашней жизни это дѣлало инквизицію вездѣущою и всевѣдущею. Никто не былъ въ безопасности. Въ рукахъ патера, который могъ въ конфесіоналѣ извлекать или вымучивать у нихъ самыя сокровенныя мысли, жена и прислуга были обращены въ шпионовъ“. Несмотря на все это могущество, инквизиція вообще не достигла своихъ цѣлей; невѣріе и ереси усиливались и увлекали даже папъ съ ихъ кардиналами. Вѣра въ божьи суды начала падать уже въ XI и XII столѣтіяхъ. Открытіе Пандектъ Юстиніана и другихъ старинныхъ постановленій каноническаго права, усиливъ изученіе юриспруденціи, много содѣйствовало устраненію сверхъестественныхъ доказательствъ и ускорило реформацію. Отвергнувъ авторитетъ католицизма, реформація попала въ руки такихъ-же рутинеровъ, какъ и католическіе обскуранты. Предводители ея, Лютеръ и Меланхтонъ, были такими-же врагами науки, какъ и папы. Объявляя, что изученіе Аристотеля бесполезно, Лютеръ говорилъ, что Аристотель „поистинѣ дьяволъ, страшный клеветникъ, злой сифофантъ, князь тьмы, антихристъ, звѣрь, ужасный обманщикъ, въ которомъ едва-ли есть какая-нибудь философія, публичный и явный лжецъ, козель, эпику-

реець“. Схоластикомъ Лютеръ считалъ „сараячою“. Подобныхъ-же мнѣній держался и Кальвинъ. Относясь къ наукѣ такъ враждебно, реформаты, подобно католикамъ, даже казнили людей за различіе мнѣній, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Сервета, сожженнаго Кальвиномъ въ Женевѣ.

Но ни католическія, ни реформатскія преслѣдованія не остановили развитія науки. „Не дѣло науки, говоритъ Дрэперъ, опредѣлять, гдѣ можетъ быть для религіознаго человѣка найденъ критерій истины; она требуетъ себѣ только права, которое такъ охотно предоставляетъ другимъ, — права принять свой собственный критерій; если она съ совершеннымъ равнодушіемъ относится къ мнѣнію большинства въ опредѣленіи истины; если она оставляетъ притязанія какого-нибудь человѣческаго существа на непогрѣшимость быть рѣшенными непреклонной логикой послѣдующихъ событій, — то эту-же холодную безстрастность, какою она обнаруживаетъ здѣсь, она выказываетъ и къ своимъ собственнымъ ученіямъ. Она, колеблясь, оставила-бы теорію тяготѣнія или теорію волнъ, если-бы нашла, что онѣ не могутъ быть примирены съ фактами. Для нея вдохновенная книга, есть книга природы, листы которой всегда раскрыты передъ глазами каждаго человѣка. Человѣческое честолюбіе и человѣческій фанатизмъ никогда не въ состояніи были подкупить ее, безконечную по объему, вѣчную по продолжительности. На землѣ она проявляется всѣмъ, что великолѣпно и прекрасно, на небѣ буквы ея — солнце и міръ“ (стр. 212). Она не разъединяетъ, но объединяетъ человѣчество, она стремится къ его благоденствію, матеріальному благосостоянію и умственному развитію. А что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи католицизмъ? Ничего, какъ это многіе видѣли еще при началѣ реформаціи. Въ самомъ вѣчномъ городѣ исчезли древніе блескъ и величіе его; мраморныхъ улицъ, которыми нѣкогда хвалился Августъ, уже не было; разрушенные храмы, разбитыя колонны и статуи, остатки громаднхъ водопроводовъ, тянувшихся черезъ пустынную Кампанію, представляли собою печальное зрѣлище; на мѣстѣ древняго Капитолія паслись козы, а на римскомъ форумѣ — коровы. Отъ Колизея осталась только одна треть и изъ развалинъ его была сдѣлана каменоломня, изъ которой брался матеріалъ для построекъ; дворецъ цезарей и роскошныя бани Каракаллы поросли травами и кустарниками. Даже растительный міръ измѣнился къ

худшему: миртъ, который цвѣлъ нѣкогда на Авентинскомъ холмѣ, исчезъ; лавръ, листья котораго вѣнчали чело императоровъ, былъ вытѣсненъ плющемъ, эмблемой смерти. Правда, что всѣ эти опустошенія были результатомъ частныхъ воинственныхъ набѣговъ варваровъ, но еще Макиавелли указывалъ, что почти всѣ нашествія варваровъ на Италію совершались по приглашенію папъ, призывавшихъ ихъ орды. Мы не будемъ повторять здѣсь общеизвѣстныхъ фактовъ о нравственномъ растлѣніи, о чудовищныхъ порокѣхъ и преступленіяхъ, о наглости развратѣ и казнокрадствѣ, объ эксплуатаціи народнаго суевѣрія и всеобщей соціальной анархіи, которые порождало папство. Чтобы оцѣнить степень его благодѣтельности для подчиненныхъ ему народовъ, стоитъ обратить вниманіе на движеніе народонаселенія въ странахъ, подвластныхъ Риму. Крестовые походы произвели замѣтное уменьшеніе народа, вслѣдствіе громадной смертности отъ войны и неизбежно сопряженныхъ съ нею болѣзней и вслѣдствіе воздержанія множества сильныхъ людей отъ брачной жизни. Въ Мексикѣ католическіе грабители истребили 2,000,000 человекъ и довели индѣйцевъ до отчаянія. То-же было и въ Перу. Во время норманскаго завоеванія въ Англіи народонаселенія было около двухъ миліоновъ, въ 500 лѣтъ оно едва удвоилось, и такой слабый приростъ справедливо приписывается католицизму, утвердившему безбрачіе духовенства и расплодившему множество монастырей. Это главнымъ образомъ побудило и мірянъ, и правительство Англіи закрыть монастыри. Вообще подъ властью папъ европейскіе народы почти вовсе не развивались и втеченіи тысячи лѣтъ населеніе Европы удерживалось въ застоѣ своекорыстной политикой Рима. „Поверхность континента большею частью покрыта была непроходимыми лѣсами, тамъ и сямъ стояли монастыри и города. Въ низменностяхъ и по теченію рѣкъ были болота, простиравшіяся иногда на сотни миль, которыя испускали свои ядовитые миазмы и далеко распространяли лихорадки. Въ Парижѣ и Лондонѣ дома были деревянные, вымазанные глиной, крытые соломой или тростникомъ. Въ нихъ не было оконъ и, до изобрѣтенія лѣсопиленъ, въ очень немногихъ домахъ были деревянные полы. Такая роскошь, какъ коверъ, была неизвѣстна; коверъ замѣнялся соломой. Печныхъ трубъ не было; дымъ отъ плохо поддерживаемаго, невеселаго огня выходилъ въ отверстіе, продѣланное въ крышѣ.

Въ такихъ жилищахъ едва-ли была какая защита отъ дурной погоды. О водосточныхъ каналахъ вовсе не заботились; напротивъ, гниющіе остатки и мусоръ просто выбрасывались за дверь. Мужчины, женщины и дѣти спали въ одной комнатѣ и нерѣдко товарищами ихъ были домашнія животныя; при такомъ смѣшеніи семьи невозможно было, чтобы сохранялась скромность или нравственность. Постель состояла обыкновенно изъ мѣшка, набитаго соломой, деревянный чурбанъ служилъ подушкой. Опрятность была совершенно неизвѣстна; важные сановники въ государствѣ, какъ архіепископъ кентерберійскій, кишѣли насѣкомыми; такъ рассказываютъ о Фомѣ Бекетѣ, противникѣ короля. Чтобы скрывать такую неопрятность, по необходимости и изобильно употребляли благовонія. Горожанинъ одѣвался въ кожу, — платье, которое, съ набравшейся въ него нечистотой, могло держаться много лѣтъ. Онъ считался зажиточнымъ человѣкомъ, если могъ разъ въ недѣлю добыть себѣ на обѣдъ свѣжее мясо. Улицы не имѣли стоковъ для нечистотъ, онѣ были не мощены и не освѣщены. Съ наступленіемъ ночи ставни отворялись и на улицу безъ церемоніи выливались помои, къ неудовольствію прохожаго, отыскивающаго свою дорогу по узкимъ улицамъ съ фонаремъ въ рукахъ. Въ половинѣ XV вѣка дома поселянъ строились изъ камня, безъ цемента; крыши были изъ дерна, бычачья шкура привѣшивалась вмѣсто двери. Пища состояла изъ грубыхъ растительныхъ продуктовъ, какъ горохъ или древесная кора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поселяне не знали хлѣба. Хижины изъ тростника, смазаннаго грязью, дома изъ колебъ и плетня, печи безъ трубъ, гдѣ горѣлъ торфъ и едва было отверстіе для дыма, берлоги физической и нравственной нечистоты, кишѣвшія насѣкомыми, клоки соломы, обернутые около тѣла для защиты отъ холода, пораженный лихорадкой поселянинъ, лишенный всякой помощи, кромѣ суевѣрнаго леченія! Возможно-ли было, чтобы населеніе возрастало? Удивительно-ли послѣ этого, что во время голода 1030 г. жарилось и продавалось человѣческое мясо или что въ голодный 1258 годъ въ Лондонѣ умерло съ голоду 15,000 человѣкъ? Удивительно-ли, что въ нѣкоторыя нашествія моровой язвы число умиравшихъ было такъ страшно велико, что живые едва успѣвали хоронить мертвыхъ? Въ моровую язву 1348 года, которая пришла съ востока по линіямъ торговыхъ сношеній и распростра-

нилась по всей Европѣ, была уничтожена треть народонаселенія Франціи“ (стр. 250).

Таково было положеніе крестьянъ и вообще простонародья, но немногимъ лучше была и жизнь людей знатныхъ. „Ихъ знатные люди, говоритъ Мальмсебри, преданные обжорству и сладострастію, никогда не ходили въ церковь, а вмѣсто того священникъ, пока они вставали, торопливо читалъ въ ихъ спальнѣ утреннюю и обѣдню, которыхъ они не слушали. Простой народъ былъ добычею болѣе сильного, его имущество грабили, людей уводили въ дальнія стороны, ихъ дѣвушки или шли въ публичные дома, или продавались въ рабство. Пить день и ночь было общимъ обычаемъ: за пьянствомъ слѣдовали его спутники — пороки, ослаблявшіе мужской характеръ. Замки бароновъ были разбойничьими вертепами“. Саксонскія хроники рассказываютъ, какъ мужчинъ и женщинъ хватали и уводили въ эти крѣпости, вѣшали ихъ за пальцы или за ноги, подкладывали подъ нихъ огонь, перетягивали головы узловатыми веревками, причиняли множество другихъ пытокъ, чтобы вымучить отъ нихъ выкупъ. Во всей католической Европѣ важныя или выгодныя должности были заняты духовными. Въ каждой странѣ было двойное правительство — мѣстное, представляемое свѣтскимъ государемъ, и иноземное, состоявшее изъ поповъ и подчиненное Риму. Это повсемѣстное вмѣшательство папъ въ государственныя дѣла прикрывалось благовиднымъ предлогомъ заботъ объ устройствѣ нравственнаго благосостоянія народовъ, но дѣйствительною цѣлью было полученіе возможно большихъ доходовъ папами и духовенствомъ. Нерѣдко эти доходы были въ нѣсколько разъ больше тѣхъ, какіе попадали въ казну мѣстной свѣтской власти. Когда, напр., Инновентій IV потребовалъ, чтобы англійская церковь давала содержаніе дополнительному штату итальянскаго духовенства въ 300 человекъ и чтобы одинъ изъ его племянниковъ, еще мальчикъ, получилъ мѣсто въ линкольнскомъ соборѣ, то оказалось, что сумма, ежегодно извлекаемая изъ Англій итальянскимъ духовенствомъ, въ три раза превосходитъ сумму, поступавшую въ шкатулку короля. Въ то время, какъ высшія духовныя лица эксплуатировали всѣ высшія должности государства, и абаты, изъ которыхъ иные имѣли по 20,000 рабовъ, соперничали съ графами. — по странѣ бродили пѣлмы пол-

чища нищенствующихъ монаховъ, отбиравшихъ все, что еще оставалось у бѣдняка.

Страна бѣднѣла больше и больше и духовные опекуны ни мало не заботились объ ея матеріальномъ и нравственномъ развитіи. Всюду, куда ни появлялись легіоны древняго Рима, они устраивали и поддерживали превосходные пути сообщенія, но подъ владычествомъ представителей папскаго Рима эти дороги разрушались, зарастали травами и кустарниками, а о новыхъ не было и помину. Дороги обыкновенно были непроходимыми большую часть года. Обыкновеннымъ экипажемъ была неуклюжая одноколка, запряженная быками и двигавшаяся много-много по три, по четыре мили въ часъ. Гдѣ товаровъ нельзя было сплавлять по рѣкамъ, тамъ ихъ навьючивали на лошадей или муловъ. Каждая повозка частнаго лица была рискованна, такъ-какъ лѣса, овраги, пустыри кишѣли разбойниками. При передвиженіяхъ большого числа людей трудности и препятствія дѣлались почти непреодолимыми. Все это, понятно, задерживало развитіе взаимныхъ человѣческихъ сношеній и поддерживало то невѣжество, объ искорененіи котораго духовные опекуны вовсе не заботились, держась правила, что „невѣденіе есть мать благочестія“. Папская политика всегда старалась мѣшать даже развитію медицины, такъ-какъ врачъ лишалъ практики патеровъ, получавшихъ большіе доходы отъ ихъ способовъ леченія, основанныхъ на суевѣріи народа. Для предотвращения болѣзней употреблялись тоже церковныя средства и никакихъ санитарныхъ мѣръ. Когда въ городахъ, заваленныхъ всякою гнилью и грязью, появлялись эпидеміи, то духовенство пускало въ ходъ тѣ-же самыя средства, какія употребляло оно для низведенія дождя во время засухи, для полученія вѣдра во время продолжительнаго ненастья, для предотвращения вреднаго вліянія затмѣній и кометъ. Когда въ 1456 году явилась Галлеева комета, то навела такой страхъ, что необходимо было вмѣшаться въ дѣло самому папѣ. Онъ проклялъ и изгналъ ее съ неба. Она упала въ пропасти пространства, перепуганная проклятіями Калликста III, и не осмѣлилась вернуться втеченіи 75 лѣтъ. При употребленіи подобныхъ средствъ цифра смертности была около $\frac{1}{23}$, въ настоящее-же время, при чисто-матеріальномъ леченіи, эта цифра около $\frac{1}{40}$. Патологическое состояніе европейскаго общества чрезвычайно усилилось и низкій уровень его нрав-

ственности особенно рѣзко обнаружился, когда спутники Колумба вывезли изъ Америки сифилисъ. Онъ распространился по Европѣ съ чрезвычайной быстротой; всѣ сословія, начиная съ святѣйшаго отца Льва X и до уличнаго нищаго, получили постыдную болѣзнь, причеиъ многіе старались извинить себя тѣиъ, что это эпидемія, происходящая отъ какой-то „зловачественности воздуха“...

Главная задача католицизма заключалась въ господствѣ надъ міромъ; для выполненія ея онъ пускалъ всѣ средства, и его исторія есть исторія обмана и преступленія. Въ древности каждая церковь сама управляла своими собственными дѣлами, но папство рано начало стремиться къ уничтоженію такого порядка и къ преобразованію всей католической церкви въ абсолютную монархію. Для этого оно прибѣгло къ самому наглому подлогу. Въ половинѣ IX вѣка были сфабрикованы поддѣльные Исидоровы декреталии, заключавшія въ себѣ около сотни мнимыхъ декретовъ папъ и постановленій соборовъ. Эта поддѣлка произвела страшное расширеніе папской власти, она сдѣлала папу абсолютнымъ монархомъ церкви и подчинила ему всѣхъ остальныхъ епископовъ. Благодаря ей, Григорію VII не трудно было обратить государства Европы въ теократическое духовное царство съ папою во главѣ. Онъ задумалъ исполнить это посредствомъ соборовъ, предоставивъ право собиранія ихъ исключительно папамъ. Для утвержденія этой реформы были сфабрикованы новая поддѣльная система древнихъ церковныхъ законовъ и даже новая исторія, которая, посредствомъ вымышленныхъ примѣровъ низложенія королей и ихъ отлученія отъ церкви, доказывала, что они всегда были подчинены папѣ. Декреты папъ были поставлены наравнѣ съ священнымъ писаніемъ и на всемъ Западѣ утвердилось убѣжденіе, что папы съ самаго начала христіанства были законодателями и повелителями всей церкви. Не менѣе ложное значеніе имѣлъ другой подлогъ, совершенный въ Римѣ въ VIII вѣкѣ, именно такъ-называемый даръ Константина. Онъ утверждалъ, что будто-бы императоръ Константинъ въ благодарность за то, что папа Сильвестръ окрестилъ его и исцѣдилъ отъ проказы, подарилъ папѣ Италію, а въ знакъ своего подчиненія даже служилъ ему конюхомъ и велъ подъ уздцы его лошадь. Этою поддѣлкою папы убѣдили франкскихъ королей въ томъ, что они обязаны подчиняться ихъ духовной власти и возвратить имъ то, что было подарено Констан-

тиномъ. Затѣмъ, около половины XII вѣка, появилась цѣлая масса подобныхъ поддѣлокъ, составившихъ таеъ-называемый декретъ Граціана. Онъ дѣлалъ весь христіанскій міръ черезъ папство достояніемъ итальянскаго духовенства. Онъ утверждалъ, что священные законы предписываютъ принуждать людей къ добру, пытать и казнить еретиковъ, конфисковать ихъ имущество въ пользу церкви; что умерщвленіе чловѣка, отлученнаго отъ церкви, не есть убійство, что папа выше всякаго закона и стоитъ въ этомъ отношеніи наравнѣ съ Сыномъ Божиимъ. Съ помощью подобныхъ средствъ нетрудно было превратить всю западную церковь въ одно абсолютное теократическое государство, основные законы котораго состояли въ томъ, что вся церковь есть собственность папы и онъ можетъ дѣлать съ нею все, что хочетъ; что онъ выше всякаго закона и выше соборовъ, что всякій, кто не повируется ему, долженъ быть преданъ смерти, что всякій крещенный чловѣкъ есть его подданный, хочетъ онъ этого или нѣтъ. До конца XII вѣка папы считались викаріями Петра, но послѣ Иннокентія III они провозгласили себя намѣстниками Христа. Вскорѣ они дошли до того, что заявили притязаніе на обладаніе всѣмъ земнымъ шаромъ, и когда открытъ былъ Новый Свѣтъ, то они подарили одну половину его испанцамъ, другую португальцамъ!..

Преслѣдуя свои честолюбивыя цѣли, папы не гнушались и матеріальной эксплуатаціи; они обложили міръ налогами. Ихъ легаты, посѣщавшіе подъ разными предлогами мѣстныя церкви, собирали для нихъ большія деньги. Монастыри за уплату дани Риму освобождались отъ власти мѣстнаго епископа. Назначеніе епископовъ зависѣло отъ папы, и изъ-за мѣсть ихъ шла ожесточенная борьба между различными кандидатами, которые, какъ съ аукціона, покупали въ Римѣ выгодныя должности. Часто, обобравъ ихъ, папа выпроваживалъ ихъ всѣхъ и назначалъ своего кандидата, сына, племянника и т. д. Палліумъ, знакъ архіепископскаго достоинства, продавался въ Римѣ тысячь за 30 гульденовъ и иногда его заставляли покупать по-нѣскольку разъ одно и то-же лицо. Архіепископы майнцкіе съ 1200 по 1700 годъ заплатили за свои палліумы не менѣе 300,000 гульденовъ. Нужда въ деньгахъ заставляла папъ прибѣгать ко всевозможнымъ изворотамъ; съ первыхъ вѣковъ папства оно старалось обходить

богатыхъ вдовъ, убѣждая ихъ постригать въ монашество дѣтей своихъ и забирая себѣ ихъ наслѣдство. Отъ государей, епископовъ, большихъ владѣтелей папы требовали подарка, состоявшаго изъ золотой чаши, наполненной червонцами. Съ той-же цѣлью были учреждены такъ-называемые *юбилеи*, во время празднованія которыхъ всѣ стекавшіеся въ Римъ богомольцы получали прощеніе грѣховъ своихъ; еще возмутительнѣе была продажа индульгенцій, которыя развозились папскими агентами по всей Европѣ и открыто продавались на базарахъ. Левъ X составилъ даже таксу отпущенія грѣховъ: за содомитство 90 гульденовъ, за святотатство, клятвопреступленіе и крупное воровство 36, за убійство 30, за многоженство и прелюбодѣяніе 24, за волшебство 6, за поджогъ 4 гульдена и т. д. Сикстъ IV обложилъ налогомъ публичные дома Рима и получилъ, такимъ образомъ, 30,000 дукатовъ новаго ежегоднаго дохода. Онъ-же ввелъ налоги на такъ-называемые *браки священниковъ*, т. е. дозволялъ имъ за извѣстную сумму держать любовницъ. Въ Римѣ всегда можно было купить и расторгеніе заключеннаго уже брака и разрѣшеніе брака незаконнаго; Мартинъ V дозволилъ даже одному лицу жениться на родной сестрѣ. Сплонъ и рядомъ папы изрекали отлученіе отъ церкви для того только, чтобы снимать его за извѣстный выкупъ. Григорій XI предалъ анафемѣ Фридриха II и потомъ снялъ съ него анафему за 100,000 унцій золота; Климентъ V отлучилъ всю венеціанскую республику и взялъ съ нея отступного 100,000 дукатовъ. Интердикты, налагавшіеся на цѣлыя страны, какъ, напр., на Францію, были тоже важнымъ источникомъ дохода. Вся церковная дѣятельность прекращалась въ это время: не было ни церковнаго звона, ни богослуженія, ни крещеній, ни вѣнчаній, ни погребеній; танцы, пѣсни, музыка, всѣ удовольствія запрещались; женихъ не смѣлъ цѣловать новѣстную жену. Но за извѣстный взносъ въ папскую казну можно было сдѣлать все, за 30 дукатовъ окрестить ребенка и т. д. Въ концѣ XIII столѣтія открыто было новое царство. съ котораго можно было получать новые доходы; это было чистилище, вѣру въ которое папы эксплуатировали, доказавъ, что они имѣютъ власть избавлять изъ него души умершихъ. Папы постоянно плодили должности, чтобы торговать ими. Сикстъ IV основалъ цѣлыя коллегіи и продавалъ мѣста по 300 и 400 червонцевъ.

Левъ X, о которомъ говорили, что онъ промоталъ доходы трехъ папъ, т. е. сбереженія своего предшественника, свои собственные доходы и такія суммы, которыхъ хватило-бы на расходы его преемника, — Левъ X учредилъ 2,050 новыхъ должностей и успѣшно продалъ ихъ, такъ-какъ онѣ давали 12 процентовъ и считались хорошимъ помѣщеніемъ капитала. Хотя папство въ теоріи запрещало проценты, но въ то-же время учредило свою обширную банковую систему, занималось ростовщичествомъ и выдавало деньги предатамъ, искателямъ жѣсть и людямъ, имѣвшимъ проценты. Ростовщичество сдѣлалось привилегіей папскихъ банкировъ. Папская курія посредствомъ этихъ долговъ забрала себѣ въ казну большинство европейскаго духовенства и за неплатежъ процентовъ отлучала должниковъ отъ церкви. Громадныя суммы со всей Европы стекались въ Римъ, въ которомъ занимались главнымъ образомъ не религіозными дѣлами, а денежными оборотами. „Всякій разъ, говоритъ епископъ Пелайо, когда я входилъ въ комнаты римскаго придворнаго духовенства, я находилъ этихъ людей занятыми счетомъ золота, лежавшаго въ комнатахъ кучами“. Съ развитіемъ централизаціи столбами папской системы сдѣлались коллегія кардиналовъ и курія. Кардиналы, добившись исключительнаго права избирать папу, охотно допускали, чтобы онъ пользовался абсолютною властью въ своемъ иноземномъ управленіи, но за то требовали и себѣ значительныхъ уступокъ. Послѣ своего избранія и до посвященія папа давалъ кардиналамъ клятву соблюдать заключенныя съ ними условія, какъ, напримѣръ, раздѣленіе доходовъ пополамъ съ ними. Когда къ концу XI вѣка римская церковь сдѣлалась римскимъ дворомъ, то явилась надобность во множествѣ разныхъ чиновниковъ; возникла канцелярія правителей, нотаріусовъ, сборщиковъ податей, гдѣ вершались дѣла о привилегіяхъ, изыятіяхъ, индульгенціяхъ, брачныхъ разводахъ и т. д. Эта курія состояла изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ, выжимавшихъ деньги изъ всякаго, имѣвшаго дѣло до папы. Наконецъ, инквизиція, сдѣлавшая папскую систему непреодолимою и каравшая всякое сопротивленіе ей огнемъ и мечемъ, была, по выраженію одного ея современника, „отличнымъ средствомъ превращать въ золото человѣческую кровь“. Собственность каждаго обвиненнаго конфисковалась, одна половина ея поступала въ папскую казну, другая иневизиторамъ. До чего доходило въ этомъ

отношеніи папство съ своею инквизиціей—можно видѣть на примѣрѣ тамплиеровъ, массы которыхъ были преслѣдуемы и сожжены съ цѣлью завладѣнія ихъ несмѣтными богатствами. Когда въ XIV вѣкѣ борьба между итальянцами и французами за обладаніе папскимъ престоломъ повела къ расколу, когда втеченіе 40 лѣтъ было по два, иногда даже по три папы, предававшихъ другъ друга проклятіямъ, когда расходы, выжимаемые изъ націи двумя или тремя куріями удвоились и утроились, то христіане пришли въ отчаяніе, и Эразмъ восклицалъ: „если Христосъ не освободитъ своего народа отъ этой многообразной тираниі, то тираниа турокъ сдѣлается менѣ несносною“.

Авторитетъ католицизма былъ силенъ, доходы его представителей неизмѣримы, и за этотъ авторитетъ, за эти доходы они вели отчаянную борьбу противъ всего, что могло повредить имъ: противъ королей и ученыхъ, противъ школъ и литературы, противъ евреевъ и сектантовъ. Единство и сила католической церкви требовали употребленія одинаго священнаго языка, которымъ сдѣлался латинскій, и вполнѣ понятна та ненависть, каковую обнаружилъ Римъ къ изученію греческаго и латинскаго и къ образованію новѣйшихъ языковъ изъ народныхъ нарѣчій. „Что станется съ религіей, восклицали ревностные католики, если позволите изученіе греческаго и еврейскаго языковъ?“ Еще понятнѣе ненависть католицизма къ развитію науки и свѣтской литературы, а также къ развитію политической жизни народовъ. Папство заботилось только о своей власти да о своихъ доходахъ, всѣми силами удерживая народы въ невѣжествѣ и разоряя ихъ своими чудовищными вымогательствами. Правда, католицизмъ создалъ свою виѣшнюю культуру, но въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, онъ дѣйствовалъ для себя, а не для другихъ. „Когда, говоритъ Дриперъ, мы представимъ себѣ великолѣпный монастырь, воплощеніе роскоши, съ его чисто-скошенными лугами, его садами и бесѣдками, фонтанами и журчащими ручьями, мы должны связывать его не съ пораженнымъ лихорадкою крестьяниномъ, умирающимъ безъ помощи въ болотахъ, но съ абатомъ, его иноходцемъ, соколомъ и гончими собаками, хорошо наполненнымъ погребомъ и кладовой. Онъ есть часть системы, имѣющей центръ своего авторитета въ Италіи. Его подданство относится туда, для этого авторитета служить всѣ его дѣйствія. Когда мы осматриваемъ, какъ это

возможно еще теперь, великолѣпныя церкви и кафедралы тѣхъ временъ, чудеса архитектурнаго искусства, единственныя настоящія чудеса католицизма, когда мы возстановляемъ въ воображеніи въ высшей степени величественныя, благородныя служенія, которыхъ нѣкогда они были мѣстомъ, религиозный полусвѣтъ, проникающій черезъ цвѣтныя окна, звуки небесныхъ голосовъ священниковъ въ ихъ церковныхъ облаченіяхъ и въ особенности всѣхъ простершихся здѣсь поклонниковъ, слушающихъ шептаніе и молитвы на чужомъ, неизвѣстномъ языкѣ, то не спросимъ-ли мы себя, дѣлалось-ли все это для этихъ поклонниковъ или во славу великаго авторитета Рима?“ (стр. 268.) Безпристрастная исторія папства показываетъ, что все это служило тому-же, чему служили наполняющіе эту исторію подложные документы, подложныя мощи, подложныя чудеса и далеко неподложные пороки и преступленія.

Вредъ, принесенный католицизмомъ Европѣ, можно измѣрить прирѣзомъ необычайно быстраго развитія Америки, развитія, совершившагося въ всякихъ вліяній папства. Въ Европѣ развитіе пошло несравненно быстрѣе и сдѣлалось плодотворнѣе, какъ только наукѣ удалось нѣсколько поколебать авторитетъ католицизма и замѣнить безусловную преданность традиціи требованіемъ рациональныхъ доказательствъ. Особенно благодѣтельно было въ этомъ отношеніи развитіе математики. Привычка къ умственной точности, поощряемая математикой, распространилась на другія области мысли и произвела умственный переворотъ. Уже нельзя было больше удовлетворяться сверхъестественными доказательствами или той логикой, которая господствовала втеченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ, она оказала вліяніе не только на способъ мышленія, но измѣнила также направленіе мысли. Какъ, напр., былъ великъ шагъ, сдѣланный европейскимъ умомъ съ 1456 по 1759 годъ показываетъ исторія съ Галлеевой кометой. Когда она появилась въ первый изъ этихъ годовъ, то ее сочли предзнаменованіемъ войны, голода, мора; во всѣхъ церквахъ западной Европы звонили въ колокола, чтобы прогнать ее, самъ папа предалъ ее проклятію; комета исчезла, и народы искренно благодарили святѣйшаго отца за избавленіе ихъ отъ нея. Между тѣмъ, Галлей, руководясь открытіями Кеплера и Ньютона, нашелъ, что комета движется въ силу неизмѣннаго закона по своей эллиптической орбитѣ и предсказывалъ время новаго появленія ея. Зная, что

природа отказываетъ ему въ возможности быть свидѣтелемъ выполненія своего пророчества, онъ умолялъ астрономовъ слѣдующихъ поколѣній наблюдать возвращеніе кометы въ 1749 году, въ этомъ году она явилась снова, и ни одинъ образованный человѣкъ не считалъ этого страннымъ.

Католицизмъ поработалъ человѣческую мысль, наука-же освобождаетъ умъ и дѣлаетъ его повелителемъ природы. Католицизмъ держалъ народы въ грязи и бѣдности; наука улучшаетъ ихъ матеріальную жизнь. Достаточно упомянуть здѣсь нѣкоторые изъ произведенныхъ ею улучшеній. „Введеніе лѣсопилень доставило домамъ деревянные полы, изгнавшіе полы изъ гипса, черепицы или камня; улучшеніе и удешевленіе производства стекла доставили окна, давая возможность отапливать комнаты. Впрочемъ, хорошо вставлять стекла стали не раньше XVI столѣтія, когда было введено обрѣзываніе стекла алмазомъ. Прибавка дымовыхъ трубъ очистила атмосферу жилищъ, прежде дымныхъ и закопѣлыхъ, какъ хижины дикарей; это доставило невыразимую прелесть сѣверныхъ жилищъ, — пріятный каминъ. До тѣхъ поръ невеселымъ и неудовлетворительнымъ средствомъ отопленія были отверстіе въ крышѣ для выхода дыма и яма въ срединѣ пола для дровъ, которую приходилось покрывать крышкой, когда приходила ночь и раздавался звонъ для тушенія огня. Хотя не безъ жестокаго сопротивленія со стороны клерикаловъ, люди начали думать, что эпидеміи не наказанія, но физическія послѣдствія грязи и испорченности, что настоящее средство избѣгать ихъ есть не обращаться къ суевѣрію, но стараться о личной и общественной опрятности. Въ XII столѣтіи найдено было нужнымъ вымостить улицы Парижа, такъ ужасна была вонь на нихъ. Тотчасъ уменьшились дизентеріи и гнилыя горячки. Въ этой, теперь прекрасной столицѣ, запрещено было держать свиней, — приказаніе, приведшее въ негодованіе монаховъ аббатства св. Антонія, которые требовали, чтобы свиньи этого аббатства могли гулять, гдѣ хотятъ; правительство вынуждено было вступить въ сдѣлку, но потребовало, чтобы на шею этимъ животнымъ вѣшались колокольчики. Изданы были запрещенія противъ выливанія помой изъ оконъ. Въ 1870 г. одинъ очевидецъ въ концѣ папскаго правленія въ Римѣ нашелъ, что, гуляя по оскверненнымъ нечистотами улицамъ этого города, гораздо нужнѣе смотрѣть на землю, чѣмъ созерцать небеса, чтобы

предохранить личную опрятность. До начала XVII столѣтія улицы Берлина никогда не мелись. Существовалъ законъ, что каждый крестьянинъ, прїѣзжавшій на рынокъ съ телѣгой, долженъ былъ вывезти назадъ возъ грязи. За мощеніемъ улицъ слѣдовали попытки, часто несовершенныя, устраивать водосточныя канавы и трубы. Для всѣхъ разсудительныхъ людей стало очевидно, что эти вещи необходимы для сохраненія здоровья не только въ городахъ, но и въ отдѣльныхъ домахъ. Затѣмъ слѣдовало освѣщеніе проѣздныхъ улицъ. Сначала дома, выходящіе на улицу, должны были имѣть въ окнахъ свѣчи или лампу, затѣмъ попробовали систему, уже давно съ большой пользою употреблявшуюся въ Кордовѣ и Гренадѣ, устройство публичныхъ лампъ, но эта система была доведена до совершенства только въ нидѣннемъ столѣтіи, когда было изобрѣтено газовое освѣщеніе. Въ одно время съ публичными фонарями было усовершенствовано устройство ночной стражи и полиціи. Съ XVI столѣтія механическія изобрѣтенія и мануфактурныя улучшенія оказывали замѣтное вліяніе на домашнюю и общественную жизнь. Это были зеркала, стѣнные часы, колпаки надъ очагомъ. Хотя во многихъ мѣстахъ кухни топились все еще торфомъ, но начало преобладать употребленіе каменнаго угля. Обѣденный столъ представлялъ новыя утонченности; торговли приносила для него иностранныя продукты, грубые напитки сѣвера замѣнились винами юга. Стали строить ледники. Просѣваніе муки, введенное на вѣтряныхъ мельницахъ, дало болѣе бѣлый и хорошій хлѣбъ. Мало-по-малу вещи, которыя были прежде рѣдкостью, становились обыкновенными, — индѣйскій хлѣбъ, индѣйка, картофель и замѣтный въ длинномъ спискѣ табакъ. Итальянское изобрѣтеніе, — вилка замѣнила неопрятное употребленіе пальцевъ. Можно сказать, что дѣята цивилизованнаго человѣка подверглась теперь радикальной переимѣнѣ. Изъ Китая пришелъ чай, изъ Аравіи — кофе, изъ Индіи — сахаръ, и они не въ малой степени вытѣснили крѣпкіе напитки. Ковры замѣнили на полу постилку соломы, въ комнатахъ постели стали лучше, въ гардеробахъ болѣе опрятное и чаще мѣняемое платье. Ванна входила въ болѣе частое употребленіе, меньше нужны становились благовонныя средства, скрывавшія неопрятность. Увеличивался вкусъ къ невиннымъ удовольствіямъ садоводства и обнаруживался введеніемъ многихъ иноземныхъ цвѣтовъ. На улицахъ появились

носили, потомъ закрытые экипажи, наконецъ, кареты“ (стр. 299—302.) Паровая машина сдѣлалась рабочей силой цивилизаціи и, показавъ тонкость своей работы въ промышленныхъ искусствахъ и пряденіи, создала обширныя мануфактуры и дала міру дешевую и хорошую одежду. На водѣ она болѣе, чѣмъ утвердила скорость сообщенія: вмѣсто сорока дней, которые требовались для перехода черезъ Атлантическій океанъ, теперь нужно только 8. Изобрѣтеніе локомотива дало людямъ возможность проѣзжать въ одинъ часъ больше, чѣмъ прежде проѣзжали они въ день. Совершенство морского пароходнаго сообщенія было въ значительной степени усилено изобрѣтеніемъ хронометра, который, постепенно совершенствуясь, далъ, наконецъ, возможность съ точностью опредѣлять мѣсто корабля въ морѣ; кстати здѣсь замѣтить, что, подобно другимъ важнымъ изобрѣтеніямъ, хронометръ былъ враждебно встрѣченъ католицизмомъ и одинъ изъ патристическихъ писателей говорилъ о подобныхъ инструментахъ: „во всѣхъ этихъ чудовищныхъ демонахъ водится искусство, враждебное Богу“. Для перечисленія даже однихъ главнѣйшихъ успѣховъ цивилизаціи необходимы цѣлыя книги и мы, чтобы докончить свой обзоръ, ограничимся здѣсь только немногимъ. Распространеніе знаній черезъ распространеніе умѣнія читать и писать, черезъ публичныя школы, и происшедшее отсюда образованіе читающей публики; развитіе общественнаго мнѣнія посредствомъ газетъ и журналовъ; распространеніе публичныхъ и частныхъ свѣденій почтовыми, телеграфными и другими дешевыми и скорыми сообщеніями; улучшение больницъ, основаніе пріютовъ для умалишенныхъ, устройство каналовъ, публичныхъ садовъ; санитарныя инженерныя работы; изобрѣтеніе фотографіи; машины для очистки хлопка и улучшенія производства хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, удешевившія одежду и, слѣдовательно, увеличившія опрятность, комфортъ и здоровье; успѣхи медицины и хирургіи; важныя открытія фізіологіи; прогрессъ рациональнаго земледѣлія и сельскаго хозяйства, открытія въ области астрономіи и географіи, магнетизма и электричества; приложеніе спектральнаго анализа, великія руководящія идеи, положенныя въ основу естествознанія; новое построеніе фізіологіи на основаніяхъ химіи; швейная машина; телескопы, дающіе человѣку возможность проникать въ безконечное величіе вселенной; воздушный шаръ, поднимающій его за облака, и водолазныя

колоколь, опускающій до дна морского; микроскопъ, открывающій ему безконечный миръ малаго и введеніе вѣсовъ, сообщившее точность химіи и давшее возможность доказать неразрушимость матеріи и т. д., и т. д. И всѣ эти безчисленные изобрѣтенія, всѣ эти важныя открытія не только ничѣмъ не обязаны католицизму, но даже должны были бороться съ нимъ за свое существованіе, какъ-бы, повидимому, ни были они невинны. Когда въ 1721 году Мери Монтегю вывезла впервые изъ Константинополя искусство оспопрививанія, то духовенство оказало ему такое упорное сопротивленіе, что оно могло быть введено въ употребленіе только послѣ принятія его англійской королевской фамиліей. Такое же сопротивленіе встрѣтилъ и Дженеръ, когда онъ вводилъ свое великое усовершенствованіе въ дѣлѣ оспопрививанія. Подобнымъ-же образомъ, когда замѣчательное американское открытіе анестетическихъ средствъ начали употреблять при родахъ, то противъ него говорили не столько по фізіологическимъ соображеніямъ, сколько на томъ основаніи, что это есть дерзновенное желаніе избавиться отъ проклятія, наложеннаго на всѣхъ женщинъ въ лицѣ Евы. Когда Де-Доминисъ и Ньютонъ показали, что радуга есть не что-нибудь сверхъестественное, а только извѣстное преломленіе лучей свѣта въ капляхъ воды, то де-Доминиса заманили въ Римъ общаніемъ кардинальской шапки; ему дали, правда, отличную квартиру, но зорко стерегли, и наконецъ, подъ ничтожнымъ предлогомъ, онъ былъ посаженъ въ тюрьму, въ которой и умеръ. Въ своемъ гробу онъ былъ принесенъ передъ влерикальный трибуналъ, обвиненъ въ ереси, и его тѣло съ кучей еретическихъ книгъ было брошено въ огонь. И не одни ученые, но даже обыкновенные фокусники возбуждали преслѣдованіе со стороны католицизма, такъ какъ въ ихъ искусствѣ видѣли сильное противодѣйствіе суевѣрію въ тѣхъ, напр., случаяхъ, когда фокусникъ на площади дышалъ пламенемъ, ходилъ по горячимъ угольямъ, держалъ въ зубахъ раскаленное желѣзо, вытаскивалъ изо рта цѣлыя корзины яицъ и т. д. Лошадь, которую ея хозяинъ обучилъ разнымъ штукамъ, попала подъ судъ въ Лисабонѣ въ 1601 году, была найдена виновною въ одержаніи бѣсомъ и сожжена. Во всей этой вѣковой много-сторонней борьбѣ науки съ католицизмомъ человѣчество тѣмъ болѣе страдало, чѣмъ болѣе осиливалъ католицизмъ, и выигрывало всюду, гдѣ только побѣждала наука. Вліяніе католицизма и науки лучше

всего можно оцѣнить статистическими данными о средней продолжительности человѣческой жизни. Католицизмъ втеченіе тысячи лѣтъ не удвоилъ населенія Европы и не увеличилъ замѣтно продолжительности жизни. Средняя продолжительность жизни въ Женевѣ въ эпоху реформаціи была 21,21 годъ, между 1814 и 1833 годами эта цифра была 40,48; теперь такое-же число людей доживаетъ до 70 лѣтъ, какое 300 лѣтъ тому назадъ жило 40. Въ 1693 году британское правительство сдѣлало заемъ, продавая пожизненные доходы съ дѣтства, на основаніи средней долговѣчности. Дѣло оказалось выгоднымъ. 97 лѣтъ спустя, изданъ былъ другой размѣръ процентовъ или роспись пожизненныхъ доходовъ, на основаніи ожиданія такой-же долговѣчности, какъ въ прежнемъ столѣтіи. Но эти послѣднія лица, получавшія пожизненный доходъ, жили на столько дольше своихъ предшественниковъ, что на этотъ разъ заемъ оказался очень дорогимъ для правительства. Оказалось, что въ то время, какъ въ первомъ случаѣ 10,000 человѣкъ каждаго пола умерли, не достигнувъ 28 лѣтъ, 100 лѣтъ спустя, въ этомъ возрастѣ умерло только 5,772 мужчинъ и 6,460 женщинъ (стр. 311).

Продолжительная борьба непогрѣшимаго католицизма съ погрѣшимой наукой есть борьба двухъ принциповъ: католицизмъ говорить— „невѣжество есть мать благочестія“, наука съ благородной гордостью отвѣчаетъ— „знаніе есть сила“. И успѣхи знанія такъ велики, что католицизмъ предчувствуетъ опасность, какой онъ еще никогда не подвергался. Одинъ католическій архіепископъ правдиво заявляетъ, что все населеніе Европы въ своей общественной жизни выходитъ изъ католицизма. Въ Англии и Америкѣ благочестивые послѣдователи сектъ, недалекихъ по своимъ принципамъ отъ католицизма, съ смущеніемъ видятъ, что теологическія основанія ихъ ученій подкопаны духомъ вѣка. Что-жъ дѣлаетъ католицизмъ въ виду предстоящаго великаго кризиса? Онъ встрѣчаетъ его вселенскимъ соборомъ 1869—70 года, энцикликой и силабусомъ, въ которыхъ папа предастъ анафемѣ науку и цивилизацію и провозглашаетъ догматъ своей непогрѣшимости! Около того-же времени въ Нью-Йоркѣ собирается Евангелическій союзъ, и, подавъ руку своему вѣковому врагу, папству, тоже отрывается отъ науки. Это, какъ выражается Дрэперъ, „страстное обращеніе къ разуму, совѣтующее ему поглубѣть въ пользу римской церкви“, конечно, не можетъ имѣть

никакого успѣха. „Согласится-ли новѣйшая цивилизація оставить путь развитія, который далъ ей столько могущества и счастья? Согласится-ли она воротиться назадъ, къ полуварварскому невѣжеству и суевѣрью среднихъ вѣковъ? Подчинится-ли она повелѣнiю власти, которая, заявляя притязанiе на божественный авторитетъ, втеченіе многихъ вѣковъ держала Европу въ застоѣ, свирѣпо подавляя кистью и мечомъ всякія попытки къ прогрессу.

На чьей сторонѣ будетъ окончательная побѣда?—это очевидно для всякого.

С. Ш.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

13 сентября 1876 г.

Въ послѣднемъ романѣ Октава Фелье: „Бракъ въ большомъ свѣтѣ“ пожилая мать, узнавъ, что ея замужняя дочь забеременѣла вскорѣ послѣ рожденія перваго ребенка, высказываетъ такой упрекъ мужу дочери:

— Вы, должно быть, принимаете мою дочь за курицу, которой предназначено исключительно заниматься несеніемъ яицъ.

Эта маменька списана съ натуры. Такихъ маменекъ много въ семьяхъ богатой французской буржуазіи, въ средѣ которой въ большомъ ходу искусственныя средства противъ дѣторожденія. Это обстоятельство отчасти вліяетъ на слабое приращеніе населенія во Франціи, что обусловливается, конечно, дѣйствіемъ также и другихъ причинъ. Интересные факты даютъ статистическія таблицы Лаверна, возбуждившія тревогу во французскомъ обществѣ.

По переписи 1871 года Германія, со включеніемъ Лотарингіи и Эльзаса, была населена 41,009,999 жителями, а по переписи 1875 года населеніе ея исчислено до 42,757,812 душъ, слѣдовательно втеченіи четырехъ лѣтъ увеличилось на 1,748,000 человекъ или ежегодно на 435,000 человекъ.

Во Франціи въ это-же самое время населеніе увеличивалось въ значительно меньшей пропорціи. По переписи 1872 года оно показано въ 36,102,921 человекъ, слѣдовательно, почти на 5 миліоновъ менѣе, чѣмъ въ Германіи. Съ тѣхъ поръ разница между населеніемъ двухъ сосѣднихъ странъ значительно измѣнилась не въ пользу Франціи. Новой переписи послѣ 1872 года еще не

было, но акуратно веденныя статистическія записи даютъ вѣрное понятіе о числѣ рожденій и смертныхъ случаевъ за 1872 и 1873 годы. Судя по этимъ даннымъ, можно достовѣрно заключить, что въ настоящую минуту населеніе Франціи не превышаетъ 36 съ половиною миліоновъ, и что, слѣдовательно, оно на $6\frac{1}{4}$ миліоновъ меньше германскаго. Слѣдовательно, въ то время, какъ въ Германіи населеніе увеличивается ежегодно слишко́мъ на четыреста тысячъ человекъ, во Франціи возрастаніе его выразилось всего цифрой въ сто тысячъ; если-бы пропорція увеличенія населенія была одинакова для обѣихъ странъ, во Франціи оно должно-бы увеличиваться на 345,000 человекъ ежегодно. Если увеличеніе населенія будетъ слѣдовать той-же пропорціи, которой оно теперь слѣдуетъ, втеченіи десятилѣтняго періода времени, то къ 1886 году въ Германіи будетъ до 47 миліоновъ жителей, а во Франціи нѣсколько болѣе 37 миліоновъ; разница въ численности населенія сосѣднихъ странъ достигаетъ 10 миліоновъ.

Лавернь особенно тщательно изслѣдовалъ статистическія данныя, относящіяся къ 1873 году. Выводы, извлеченныя имъ изъ группировки фактовъ, весьма неутѣшительны. Ихъ можно выразить слѣдующими словами: уменьшеніе числа браковъ, уменьшеніе числа рожденій, увеличеніе смертности и увеличеніе числа жертво-рожденныхъ сравнительно съ предыдущимъ 1872 годомъ.

Неудивительно, что число смертныхъ случаевъ во Франціи въ 1870 и 1871 годахъ превышало число рожденій; этотъ фактъ былъ прямымъ послѣдствіемъ войны и тѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ лишеній, которымъ подверглась страна; война вызвала эпидемическія болѣзни и нравственныя страданія, унесшія массу людей. На численность рожденій въ 1870 году война, однакожь, не могла еще оказать вліянія, такъ-какъ она была объявлена только въ іюль мѣсяцѣ; между тѣмъ рожденій въ этомъ году было 943,515, т. е. такая цифра, до какой число рожденій во Франціи не спускалось съ 1860 года. Число-же смертныхъ случаевъ въ этомъ году достигло 1,046,909. Такимъ образомъ, въ 1870 году населеніе Франціи уменьшилось болѣе чѣмъ на 100,000 человекъ. 1871 годъ былъ еще менѣе утѣшителенъ. Число рожденій вслѣдствіе войны, уменьшилось до 826,121; напротивъ, смертные случаи увеличились до громадной цифры 1,271,100. Слѣдовательно, народонаселеніе Франціи уменьшилось въ 1871 г.

на 445,000 душъ, а за два года, къ которымъ относится француско-прусская война, на 550,000 человекъ. При исчисленіи этой цифры не принято въ расчетъ движеніе эмиграціи.

Съ заключеніемъ мира весьма естественно было разсчитывать на соотвѣтственное увеличеніе населенія. По окончаніи войны, какъ и послѣ всякаго общественнаго бѣдствія, всегда увеличивается число браковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ умножается и число рожденій. Въ 1872 году населеніе Франціи дѣйствительно увеличилось, но не настолько, какъ можно было ожидать. Число браковъ въ этомъ году дошло до 352,754 противъ 223,705 1870 года и 262,476 1871 года. До войны средняя цифра браковъ была 300,000. Число рожденій въ этомъ году простиралось до 966,000 противъ 793,064 смертныхъ случаевъ. Населеніе Франціи увеличилось на 173,000 душъ.

Этотъ весьма посредственный результатъ оказывается еще ниже, если принять въ соображеніе нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ не могутъ ничего сказать приведенные выводы. Такъ въ 1872 г. на 100 жителей приходилось 2,67 рожденій, но въ 1861 и 1863 гг. пропорція эта была благоприятнѣе, а въ началѣ текущаго столѣтія, съ 1817 по 1833 годъ, она достигала 3,11. Если принять во вниманіе это отношеніе, окажется, что 1872 годъ былъ менѣе благоприятенъ, чѣмъ это обнаруживается съ перваго взгляда. Цифры слѣдующаго года еще болѣе подтверждаютъ вѣрность этого заключенія.

Въ 1873 г. число браковъ было 321,238 противъ 352,754 1872 г.; число рожденій также уменьшалось; ихъ было 946,364. слѣдовательно на 20,000 менѣе сравнительно съ 1872 годомъ. Число смертныхъ случаевъ, напротивъ, увеличилось; оно дошло до 844,588, такъ что въ этомъ году народонаселеніе Франціи увеличилось только на 102,000 душъ.

Такимъ образомъ, по вычисленію Лаверня оказывается, что увеличеніе народонаселенія во Франціи идетъ очень туго, значительно слабѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ цивилизованнаго міра, въ особенности чѣмъ въ Германіи, Англии, Россіи и Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, такъ что въ то время, какъ въ этихъ четырехъ государствахъ населеніе удвоится, во Франціи оно увеличится только въ полтора раза. Такое съ перваго взгляда невыгодное положеніе дѣла приводитъ въ смущеніе

многихъ изъ французскихъ публицистовъ и экономистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ зашли такъ далеко, что заговорили о безвыходномъ положеніи Франціи и о необходимости пріискать средства измѣнить неблагоприятныя условія. Одинъ предлагалъ сокращеніе формальностей, которыми во Франціи обставлено вступленіе въ бракъ; другой нападалъ на дѣйствующій законъ о наслѣдствѣ; третій вычислялъ влияние, которое производитъ на приращеніе народонаселенія существующая воинская повинность. Вопросу этому была посвящена такая масса статей въ журналистикѣ, что побудила сатирическую газету „Шаривари“ своимъ смѣхомъ охладить нѣсколько пылъ радѣтелей о благѣ отечества. Она напечатала рядъ писемъ, будто-бы адресованныхъ въ редакцію ея читателями. Въ одномъ изъ этихъ писемъ предлагалось установить значительныя преміи и награды въ пользу отцовъ многодѣтныхъ семействъ; въ другомъ настаивалось на необходимости устранить общее стремленіе женщинъ къ роскоши, удерживающее весьма многихъ мужчинъ отъ вступленія въ бракъ; наконецъ, въ третьемъ указывалось на своевременность обложенія податью всѣхъ холостяковъ и принятія обуздательныхъ мѣръ противъ тѣхъ, которые, не будучи женаты, позволяютъ себѣ имѣть любовныя связи внѣ брака.

Смѣхъ „Шаривари“ явился кстати для охлажденія расхвалившихся шовинистовъ, которые, въ своемъ плачѣ объ участи, грозящей ихъ родинѣ, дошли до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости. Впрочемъ не только эти господа, но даже и нѣкоторые изъ достойныхъ уваженія, но увлекшихся писателей, хватили черезъ край. Они упустили, что быстрое увеличеніе народонаселенія въ странѣ не всегда служитъ залогомъ ея благосостоянія; что страны, гдѣ населеніе растетъ слишкомъ быстро, безъ соотвѣтственнаго увеличенія народнаго богатства, безъ соотвѣтственнаго возвышенія нравственнаго и умственнаго уровня, не только не увеличиваютъ, но скорѣе ослабляютъ свое влияние и значеніе. Эти писатели упустили изъ виду, что дѣйствительная сила страны заключается не въ чрезмѣрно густой населенности на данной территоріи, а въ томъ, чтобы населеніе было здорово, дѣятельно, богато, чтобы оно въ значительной степени обладало нравственной и матеріальной силой, способствующей распространенію власти человѣка надъ природой. Если разсматривать наростаніе населенія въ различныхъ государствахъ съ этой точки зрѣнія, то нельзя придти въ отно-

шеніи Франціи къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ приходитъ французская журналистика.

Возьмемъ для примѣра Россію, въ которой населеніе разнѣжается въ очень выгодной пропорціи. Можно-ли сказать, что ея могущество, что благосостояніе ея жителей находятся въ соотвѣтствіи съ громадной численной силой ея населенія? Народное богатство усиливается въ ней далеко несоразмѣрно съ ежегоднымъ приращеніемъ ея населенія; народное образованіе въ ней находится еще въ зародышѣ; ея пути сообщенія на большей части территоріи плохи. Далѣе, несмотря на ея восьмидесяти-миліонное населеніе, Россія пользуется на всемірномъ рынкѣ весьма ограниченнымъ кредитомъ; ея промышленное развитіе слабо и она не ведетъ той обширной торговли, которая привела къ исключительному благосостоянію государства, съ гораздо меньшимъ населеніемъ, и въ которыхъ его приращеніе совершается въ болѣе слабой степени. Обладая массою рабочихъ рукъ, Россія сравнительно съ другими странами, бѣдна.

Во Франціи наблюдателя поражаетъ противоположное явленіе. Статистика говоритъ намъ, что, съ начала текущаго столѣтія, умственное и экономическое развитіе французскаго народа совершалось въ значительно большей пропорціи, чѣмъ наростаніе населенія. Съ 1801 по 1872 года, населеніе увеличилось съ 27 на 36 миліоновъ, слѣдовательно, на одну третью часть, между тѣмъ распространеніе просвѣщенія, масса новыхъ открытій и изобрѣтеній, переворотъ въ способахъ передвиженія, рядъ улучшеній въ земледѣльческой и мануфактурной промышленности, наконецъ, поразительное увеличеніе сбереженныхъ капиталовъ — все это утроило, если не учетверило существовавшее въ началѣ столѣтія народное богатство. Увеличеніе благосостоянія усиливалось въ несравненно большихъ размѣрахъ, чѣмъ увеличеніе числа жителей.

Изъ-за чего-же быть тревогу французскіе публицисты и экономисты? Давно-ли уплата пяти-миліардной контрибуціи Пруссіи явно показала, какой громадной силой обладаетъ Франція!

Слабость Франціи заключается скорѣе въ несоразмѣрномъ накопленіи населенія въ городахъ, гдѣ дѣйствительно борьба за существованіе между конкурентами въ дѣлѣ промышленности и торговли доведена до крайнихъ своихъ послѣдствій. Парижъ, Ліонъ, Бордо, Марсель изобилуютъ массою рабочей силы, для

которой часто не хватает работы; отсюда необходимость учрежденія національных мастерскихъ въ 1848 году, отсюда затѣи второй имперіи по переломкѣ и перестройкѣ Парижа. Въ сельскомъ населеніи излишка рабочей силы не замѣчается; скорѣе тамъ случается въ ней недостатокъ. Если-бы въ деревняхъ число рабочихъ было такъ-же велико, какъ и въ городахъ, то норма рабочей платы непременно понизилась-бы и масса сбереженій тотчасъ стала-бы уменьшаться. Поэтому нѣтъ основанія французскимъ патріотамъ гнаться за усиленнымъ размноженіемъ населенія, которое можетъ привести къ усложненію рабочаго вопроса, и безъ того опаснаго въ городахъ, и къ уменьшенію сбереженій въ рукахъ сельскихъ жителей.

Другая слабость Франціи кроется въ допущеніи и упроченіи со времени второй имперіи биржевой игры и безумной роскоши, повлекшихъ за собой упадокъ въ нравахъ; французы точно потеряли политическое чутье: стремленіе къ наживѣ пересилило у нихъ всякія другія чувства. Если нація могла двадцать лѣтъ терпѣть развращающій порядокъ, какой представляла собой вторая имперія, значить въ ней сильно понизился нравственный уровень. Вліяніе этого порядка такъ сильно, что даже и теперь, когда прошло нѣсколько лѣтъ послѣ паденія второй имперіи, въ нравахъ все еще не замѣчается слишкомъ большой перемены.

20 сентября.

Года два тому назадъ появился надѣлавшій много шума во Франціи романъ Альфонса Доде „Фромонъ младшій и Рислеръ старшій“. Нѣсколько дней тому назадъ въ театрѣ „Водевиль“ была представлена пьеса, извлеченная изъ этого романа. Пьеса эта, представляющая талантливую сатиру французскихъ нравовъ, достойна серьезнаго вниманія и разбора. Кстати прибавимъ, что романъ Доде, о которомъ идетъ рѣчь, произвелъ такое впечатлѣніе, что даже французская академія присудила автору одну изъ значительнѣйшихъ своихъ премій.

Доде выросъ среди той литературной школы, которая процвѣтала во время второй имперіи, если только можно назвать школою группу писателей, которая со времени крымской войны до паденія Наполеона, играла роль общественнаго забавника, обяза-

шагося развлекать публику и отвлекать ея мысли отъ политики бывшей въ загонѣ; въ это время всякая свѣжая мысль считалась подозрительною, а публикѣ рекомендовалось заботиться только о наживѣ и неумѣренно пользоваться общественными развлечениями. Въ это время главнымъ руководителемъ общественнаго движенія былъ герцогъ Морни, а газета „Фигаро“ считалась однимъ изъ правительственныхъ средствъ для руководства общественнымъ мнѣніемъ. Писателямъ, подъ условіемъ выраженія восторженной симпатіи къ существовавшему правительству, дозволялось писать о чемъ угодно, не стѣсняясь ни моралью, ни приличіями, ни истинною. Правительство отечески покровительствовало эротическому направленію, которое приняла литература, такъ-какъ при этомъ достигалась главнѣйшая цѣль, а именно, развлечение массы.

Сценическія произведенія, романы, наконецъ, самая журналистика слѣдовали одному и тому-же пути объединенія крайняго и чистаго реализма съ самой безграничной фантазійей. Мысль считалась дѣломъ второстепеннымъ, потому что публика въ нихъ не нуждалась. Въ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ кружкахъ мысль почиталась даже преступленіемъ противъ установленныхъ властей. Читатель довольствовался изложеніемъ фактовъ. Городскія и придворныя сплетни, закулисные анекдоты, мелкая общественная хроника и вообще всякій матеріалъ, принадлежащій къ отдѣлу смѣси — вотъ чѣмъ пробавлялась тогдашняя журналистика; фотографическія снимки съ современныхъ нравовъ, акуратные, до пошлости, очерки внутренней семейной жизни, подробныя и до мелочей точныя описанія туалетовъ, мебели и всего того вещественнаго міра, среди котораго двигалась толпа парижанъ и парижанокъ, наконецъ точный, если не сказать педантическій разборъ всякой будничной суеты и всякой мелкой страсти, могущихъ занять собою лишь таковую публику, которой запрещено было додумываться до серьезныхъ мыслей и обобщеній, — вотъ какимъ матеріаломъ преимущественно пробавлялись писатели романовъ и театральныхъ пьесъ. Для удовлетворенія читателя, которому могли, наконецъ, прискутить подобные мелочные приемы, литература погналась за остроуміемъ, воображеніе писателей бросилось въ невозможныя крайности, и человѣческой фантазійи былъ данъ полный просторъ. „Фигаро“ въ журналистикѣ, Офенбахъ въ театрѣ,

и Гюставъ Флоберъ въ литературѣ, — олицетворяли собою тѣ крайніе идеалы, которые успѣли выработаться за это время.

Доде въ молодыхъ лѣтахъ занялъ мѣсто личнаго секретаря герцога Мори. Уроженецъ одного изъ южныхъ департаментовъ Франціи, онъ отличался быстротою соображенія, пылкимъ воображеніемъ и живымъ, развязнымъ изложеніемъ; обладая такими качествами, онъ не могъ не понравиться дѣятелю, сочинившему второе декабря, мексиканскій походъ и такіе оперетты-водевилы, какъ переведенный на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Званный вечеръ съ итальянцами“. Дѣйствительную роль и степень участія Доде въ направленіи, указаніе которому исходило изъ того кабинета, гдѣ въ перемежку обсуждались государственныя дѣла, биржевыя спекуляціи и водевильные куплеты, — опредѣлить чрезвычайно трудно. Какая специальность была ему поручена, политическая, финансовая или опереточная — рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ прожилъ часть своей жизни въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ личностью, не страдавшею излишествомъ предрасудковъ, со скептикомъ, имѣвшимъ самое неутишительное возрѣніе на человѣческое достоинство, съ такимъ, наконецъ, человѣкомъ, который смѣялся надъ всѣми и всѣмъ и безъ всякаго стѣсненія набивалъ свой карманъ. Подъ руководствомъ такого Мецената, Доде изучилъ всѣ стороны той спеціальной жизни, которую вела въ Парижѣ такъ называемая „золотая цыганщина“ (*bohème dorée*); благодаря его-же покровительству, Доде попалъ и въ сотрудники „Фигаро“.

Мы не станемъ останавливаться на произведеніяхъ Доде, написанныхъ имъ въ этотъ періодъ жизни, не будемъ заниматься анализомъ его замѣчательнаго романа „Фромонъ младшій и Рислеръ старшій“, скажемъ только, что появленіе этого романа сбило съ толку французскую критику, насчетъ значенія его таланта. Чтеніе такой сильной сатиры удивило читающую публику, привыкшую видѣть въ его произведеніяхъ только анализъ мелкихъ будничныхъ подробностей общественной жизни. Читатели теперь были поражены широтою обобщеній и рѣзкостью писателя, до сихъ поръ чрезвычайно сдержанною. Во Франціи, гдѣ привыкли злоупотреблять классификаціею, бѣда автору если онъ отброситъ тѣ условныя рамки, въ которыя публика привыкла вставлять всякое его произведеніе! Тонкія очертанія, вычеканенныя подробности опи-

сываемой обстановки, однимъ словомъ, самая желкая, безусловно точная по отдѣлкѣ живопись — вотъ къ чему приучилъ Доде читающую публику! Широкая сатира парижской буржуазіи, какую представилъ онъ своимъ новымъ произведеніемъ, привела публику въ недоумѣніе.

Представленная на сценѣ „Водевиля“ пьеса, „Фромонъ младшій и Рислеръ старшій“, извлеченная изъ романа того-же имени, принадлежитъ къ числу произведеній, затрогивающихъ направленіе и тонъ всего современнаго французскаго общества, хотя имѣетъ дѣло только съ парижской буржуазіей. По самому существу творенія, по выставленнымъ въ немъ страстямъ, порокамъ, смѣшнымъ сторонамъ, по мелкимъ наконецъ тенденціямъ выводимыхъ на сцену лицъ, эта драма будетъ всегда понятною, потому что человѣческая природа вездѣ и во всѣхъ случаяхъ остается одинаковою. Есть творенія, затрогивающія только извѣстный моментъ народной жизни, только опредѣленную среду, привлекающую моментально вниманіе автора; подобныя литературныя явленія, при всей талантливости ихъ авторовъ, имѣютъ значеніе блистательныхъ фейерверковъ, о которыхъ вскорѣ изглаживается изъ памяти всякое воспоминаніе. Произведеніе Доде имѣетъ несравненно болѣе широкое значеніе. Оно рисуетъ эпоху. Насколько извѣстная „Госпожа Бовари“ Флобера служитъ олицетвореніемъ нравовъ второй имперіи, на-столько-же романъ и драма Доде служатъ поразительной сатирой тѣхъ общественныхъ явленій, къ которымъ привела растлѣвающая система второй имперіи. Героиня „Фромона младшаго“ — младшая сестра и наслѣдница „Г-жи Бовари“. И въ томъ и въ другомъ произведеніи на сценѣ буржуазія, т. е. управляющій классъ французскаго общества. Оба произведенія анализируютъ супружескую жизнь, въ конецъ испорченную недостаткомъ нравственнаго закала въ людяхъ. Ниже, при разборѣ пьесы, обнаружится, въ чемъ именно выразилось поступательное движеніе парижскихъ нравовъ съ того времени, какъ вышелъ въ свѣтъ романъ Флобера.

На первомъ планѣ въ разбираемой драмѣ Доде, разумѣется, находится, наоборотъ, человѣкъ уже не молодой, собственнымъ трудомъ и терпѣніемъ достигшій извѣстнаго положенія, т. е. участія на правахъ товарища въ богатой и уважаемой торговой фирмѣ. По своему характеру онъ принадлежитъ къ тѣмъ довѣрчивымъ людямъ,

которые всегда готовы видѣть скорѣе хорошее, чѣмъ дурное въ поступкахъ людей. Увлекающійся до самозабвенія собственными изобрѣтеніями, всю жизнь свою посвятившій сосредоточенному труду и настойчивымъ изысканіямъ; мало знакомый съ практической жизнію, онъ долженъ былъ подпасть подъ власть женщины-кокетки, которую страстно любилъ. Мастеръ своего дѣла во всемъ, что касалось его фабрики, онъ оказывается совершеннымъ ребенкомъ передъ хитростію и уловками своей жены, ловкой кокетки, женщины безнравственной.

Съ самой первой сцены завязка пьесы становится ясною для зрителя: въ началѣ за роскошью и жизненнымъ комфортомъ, молодая, очевидно, не можетъ миновать пути прелюбодѣянія. На хорошенькомъ лицѣ Сидоніи замѣтно то томленіе, которое должно привести ее на жизненномъ пути къ послѣднимъ крайностямъ современной ходячей безнравственности. Роскошь другой женщины, ея свѣтскіе успѣхи, ея умѣнье окружать себя всеми прелестями богатой обстановки—все это вызываетъ горькую улыбку на устахъ новобрачной, непредвѣщающую ничего хорошаго. Начинается свадебный балъ. Въ вихрѣ увлекательнаго вальса проносится Сидонія по сценѣ.

— Вы ждете, говоритъ она своему кавалеру, компаньону ея мужа по торговому предпріятію, молодому Фромону съ такой улыбкой, которая какъ-бы говоритъ, что она готова отвѣтить на всякое его предложеніе.

— Я не лгу, отвѣчаетъ Фромонъ, блѣднѣя и все болѣе увлекаясь своею дамою. — Я женился по желанію дяди, я не смѣлъ отвѣтить ему отказомъ.

А между тѣмъ мужъ на нихъ смотритъ, любитъ избранной имъ въ подруги жизни красавицей и не подозрѣваетъ, что она ему готовить.

— Какъ она мила! восклицаетъ онъ.—Какъ они хорошо танцуютъ!

Этою сценою весьма характеристично обрисовывается та нота, на которой модулируется все развитіе современной парижской семейной жизни.

Этимъ самымъ опредѣляется и успѣхъ растлѣнія за время, прошедшее между появленіемъ „Г-жи Бовари“ и настоящимъ моментомъ. Въ произведеніи Флобера женщина доходитъ до паденія „Дѣло“, № 11, 1876 г.

постепенно; въ драмѣ Доде принципъ разврата входитъ въ брачную жизнь изъ подъ самаго вѣнца и является непосредственнымъ послѣдствіемъ воспитанія и среды.

Хороша-же эта среда, въ которой вырастаютъ экзотическія растенія, подобныя Сидоніи! Отецъ, празднопатающійся, придающій себѣ видъ до крайности занятого человѣка, такъ сказать утомленный отъ чужого труда, и заботящійся только о томъ, какъ-бы попользоваться тѣми жизненными удобствами, которыя можетъ ему предоставить относительно-состоятельный зять! Мать, ищущая только случая пристроить свою дочь и затѣмъ окончательно стирающаяся передъ оригинальными воззрѣніями дочери на честь мужа и свою собственную! Хорошъ также и актеръ Делобель, узкій эгоистъ, нестѣсняющійся эксплуатировать дочь-ребенка, трудомъ которой онъ живетъ, подъ предлогомъ преслѣдованія артистическихъ цѣлей!

Однимъ словомъ, драма даетъ образчики самаго низкаго нравственнаго уровня. Вездѣ ложь, низость, эксплуатація и подлость! Даже въ тѣхъ характерахъ, которые, повидимому, пользовались большимъ сочувствіемъ автора, проявляются тѣже черты, которыя далеко не возбуждаютъ симпатіи. Дочь Делобеля, наприимѣръ, представлена весьма чистымъ существомъ; но какова слабость характера, какъ болѣзненно настроено ея воображеніе? Она раздѣляетъ всѣ увлеченія своего отца, бездушность и негодность котораго для всѣхъ очевидна; она вѣритъ въ его талантъ, вѣритъ, что съ нимъ поступлено несправедливо. Еще менѣе удовлетворяетъ младшій братъ Рислера, молодой человѣкъ, великодушный, увлекающійся всѣмъ нравственнымъ и хорошимъ, а между тѣмъ сразу, безъ борьбы, поддающійся кокетству бездушной женщины, забывающій всѣ свои прежнія увлеченія и попадающій въ ея сѣти настолько, что соглашается играть далеко не благовидную роль.

Каковъ-же самъ герой драмы, Рислеръ старшій, высшее олицетвореніе современной нравственности? Въ зрѣлыхъ годахъ онъ женится на молодой дѣвушкѣ, точно онъ не понимаетъ, что не можетъ ждать отъ нея любви. Человѣкъ умный и развитой, полу-промышленникъ и полу-артистъ, онъ тѣмъ не менѣе поддается безтолковымъ умствованіямъ тестя и друга. Изобрѣтеніе новой машины до того увлекаетъ его, что онъ не замѣчаетъ, какъ жена и компаньонъ обманываютъ его. Онъ получаетъ въ подарокъ отъ

компаньона порядочную сумму денегъ, подѣ предложомъ участія въ барышахъ, и даже не думаетъ провѣрить конторскія книги, изъ которыхъ онъ увидѣлъ-бы, что предпріятіе дасть не барышъ, а значительныя потери. Что касается Сидоніи и Фромона, они предаются двойному прелюбодѣянью, не чувствуя никакой любви другъ къ другу: чванство со стороны женщины, распутство со стороны мужчины — вотъ побудительныя причины ихъ дѣйствій. Сидонія точно родилась публичной женщиной и воспитана на такой почвѣ, которая могла только развить ея развратныя инстинкты; любовникъ ея сходится съ нею изъ каприза и отвратительной праздности. Онъ не любитъ ее, а только содержитъ.

Однако на-сколько Сидонія, въ сравненіи съ г-жею Бовари, ушла впередъ по пути растлѣнія, на-столько въ ея мужѣ олицетворенъ нравственный прогрессъ мужского поколѣнія. Рислеръ служить представителемъ возрождающейся Франціи, хотя онъ, по простотѣ, физическимъ недостаткамъ и общей посредственности характера, мало отличается отъ Бовари-мужа; при первомъ извѣстіи о поступкахъ жены и разореніи фирмы, онъ проявляетъ замѣчательную энергію, тогда какъ Бовари не можетъ отдѣлаться отъ напора болѣзненной страсти даже и послѣ того, какъ ему стали извѣстны всѣ плутни жены.

Капитальная сцена въ пьесѣ Доде происходитъ во время бала, который даетъ г-жа Рислеръ. Кассиръ торговаго дома, обѣгавъ всѣхъ, кто могъ дать и не отыскавъ ни у кого суммы, необходимой для уплаты по векселямъ, срокъ которыхъ наступалъ на другое утро, вынужденъ предупредить о томъ Рислера. Несчастный сразу узнаетъ о банкротствѣ и о невѣрности своей жены! Съ судорожнымъ ужасомъ посылаетъ онъ за женой въ балльную залу, и требуетъ отъ нея возвращенія цѣнныхъ предметовъ, продажа которыхъ можетъ приостановить объявленіе несостоятельности.

— Мы воровали съ тобою, кричитъ онъ на нее, — теперь надо все возратить! Бери все это, прибавляетъ онъ, обращаясь къ кассиру, — и обрати въ деньги!..

И онъ бросаетъ на столъ всякія мелкія драгоценности, которыя взялъ у жены.

— Теперь подавай серги и ожерелье, что надѣты на тебѣ, говоритъ онъ ей.

Сидонія колеблется, но взглядъ мужа пугаетъ ее и она согла-

шается выполнить его требованіе. Лихорадочно начинает она снимать браслеты, кольца, наконецъ, серги. Находя, что она разстается съ своими бездѣлушками не совсѣмъ охотно Рислеръ въ припадкѣ бѣшенства бросается на нее и срываетъ ожерелье съ такою силой, что такъ и слышится, какъ пружины трещать подъ его руками.

Возвративъ неправильно пріобрѣтенное имущество, Рислеръ съ ужасающимъ насилиемъ повергаетъ ее на колѣни передъ г-жею Фромонъ и заставляетъ просить прощенія у оскорбленной супруги; Сидонія, видя себя отъ испуга, рѣшается повторить первыя слова, которыя нашептываетъ ей на ухо мужъ, — однакожь вскорѣ раздраженная ненависть превозмогаетъ такую уступчивость. — „Нѣтъ, не могу я!“ восклицаетъ она и убѣгаетъ изъ комнаты, на встрѣчу той грустной жизненной обстановкѣ, которая, со ступеньки на ступеньку, должна привести ее до предѣловъ общественнаго разврата и расплыванія эротическихъ пьесенокъ въ кафе-шантанѣ.

Сцена эта эффектна и производитъ сильное впечатлѣніе на публику, хотя пріемъ автора въ этомъ случаѣ нѣсколько дюжинный, напоминающій мелодраму. Въ романѣ это положеніе дѣйствующихъ лицъ очерчено гораздо болѣе тонкою кистью, что, разумѣется, труднѣе сдѣлать въ драматическомъ діалогѣ. Доде большой мастеръ на мелкую живопись подробностей обстановки, но на театральной почвѣ, гдѣ должна преобладать сосредоточенность и яркость очертаній, эта сторона его таланта непримѣнима.

Съ этого момента авторъ пьесы все свое вниманіе сосредоточиваетъ на томъ, чтобы привлечь симпатію слушателей къ нѣкоторымъ изъ его героевъ. Ему, какъ французу, все-таки хочется облагородить эту комерческую среду, которую онъ съ начала пьесы забросалъ своими сарказмами. Для этого онъ выдвигаетъ на первый планъ другую сторону жизни буржуазной среды, — сторону спеціальную, неизмѣющую того общаго значенія, которымъ отличается поведеніе Сидоніи, какъ замужней женщины. Въ этомъ заключается оригинальная сторона новаго произведенія. Сильное по своему сатирическому направленію, удачное по изображенію типовъ, оно изобличаетъ изумительную наблюдательность автора, въ совершенствѣ изучившаго изображаемую имъ среду. Только въ ней и возможенъ тотъ фактъ, что семейная честь отодвигается на второй планъ передъ честью торговаго дома. Какъ ни тяжело ви-

дѣтъ ему свою жену поправшей данную подъ вѣнцомъ клятву, Рислеръ все-таки считаетъ этотъ печальный фактъ гораздо менѣе жестокимъ, чѣмъ банкротство торговой фирмы. Очертаніе Сидоніи и Фромона блѣднѣютъ въ его сознаніи передъ опасеніями финансовой катастрофы и впереди оказывается честь дома, составляющая альфу и омегу того круга понятій, которыми живетъ изображенная въ пьесѣ среда, т. е. тотъ высшій принципъ, отъ котораго беретъ начало всякое дѣйствіе въ описываемой средѣ.

Покончивъ съ женою, Рислеръ начинаетъ собирать со всѣхъ сторонъ крохи, чтобы на другой день не было остановки въ платежахъ комерческой конторы. Зритель готовъ уже заключить, что о героинѣ пьесы не будетъ и рѣчи въ послѣднемъ актѣ; но къ чрезвычайному легкомыслію Сидоніи присоединяетъ еще коварство. Чтобы отомстить за нанесенное оскорбленіе, она посылаетъ Рислеру письмо, въ которомъ его младшій братъ, нарочно пріѣхавшій изъ Египта, чтобы открыть мужу глаза на поведеніе жены, соблазненный ею, сознается въ любви къ ней. Несчастный Рислеръ пораженъ этимъ страннымъ событіемъ, но, по счастью, является молодая дѣвушка, любящая неосторожнаго юношу, увѣряетъ, что письмо писано къ ней, и въ доказательство прочитываетъ его наизусть. Конецъ нѣсколько натянутый, но автору не хотѣлось выпустить зрителя изъ театра подъ тѣми тяжелыми впечатлѣніями, которыми онъ заканчиваетъ свой романъ. Тамъ измѣна брата имѣетъ своимъ послѣдствіемъ самоубійство Рислера, но для театральной публики сочтено за лучшее присочинить благополучную развязку.

Въ заключеніе, очертимъ въ нѣсколькихъ словахъ фигуру героини пьесы, которая, по словамъ автора, должна служить представительницей того типа современной французской женщины, которая, изъ-за стремленія къ роскоши, не останавливается передъ распутствомъ и падаетъ все ниже и ниже.

Альфонсъ Доде знатокъ парижской жизни со всѣми присущими ей проявленіями своеволія, тщеславія и сластолюбія, со всѣми ея слабостями и претензіями, со всѣми возбуждаемыми ею надеждами и разочарованіями. Онъ знаетъ, какъ трудно здѣсь жить людямъ необеспеченнымъ и какъ тѣмъ не менѣе ежедневно соприкасаясь съ чужою роскошью, чужимъ богатствомъ и чужими удачами, эти люди, кто-бы они ни были, мужчина или женщина, старикъ или

юноша, красавица или уродъ, ни за что и никогда не откажутся отъ погони за общимъ идеаломъ, выражающимся въ роскошной обстановкѣ и чванной свѣтской жизни. Разумѣется, отъ преслѣдованія этого идеала не могла отказаться и красивая Сидонія Шебъ, убѣжденная въ своихъ физическихъ достоинствахъ, работающая въ родительской кухнѣ надъ выдѣлкой фальшивыхъ жемчужинъ и нищющая при этой работѣ достаточно случаевъ любоваться красотой настоящаго жемчуга. Проведя дѣтскіе и отроческіе годы въ маленькой квартирѣ, по посѣдству съ двумя Рислерами и неудавшимся актеромъ Делобелемъ, она вдоволь насмотрѣлась, съ высоты своего пятого или шестого этажа, на великолѣпную обстановку квартиры Фромоновъ и ихъ богатой фабрики.

Всѣ выведенные въ драмѣ Рислеры, Фромоны и Делобели, которыхъ суждено было сдѣлаться жертвами этого красиваго, но опаснаго созданія, оказываются непредусмотрительными, близко сходясь съ нимъ. Они упускаютъ изъ виду общежитійскую основную истину, по которой всякому хищному звѣрю необходимо найти сырое мясо, служащее ему пищею. Сидонія Рислеръ, конечно, хищникъ изъ самыхъ ненавистныхъ, но не надо забывать, что и обстановка у нея такая, при которой ея паденіе не представляетъ собою ничего поражающаго. Клара Фромонъ, только по капризу свѣтской, избалованной дѣвушки, вызываетъ красивую Сидонію къ себѣ на лѣто и дѣлаетъ изъ нея свою временную подругу; Жоржъ Фромонъ влюбляется въ Сидонію, ухаживаетъ за нею, разыгрываетъ съ нею романъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ принадлежащаго его дядѣ парка. Послѣ всего этого Клара выходитъ замужъ за Жоржа, а маленькую, ничтожную Сидонію отсылаютъ назадъ въ родительскую кухню, къ прежнимъ занятіямъ по части выдѣлки фальшивыхъ жемчужинъ. Могла-ли красивая Сидонія примириться съ своей участію и удовольствоваться тѣмъ, что Жоржъ воспользовался первыми любовными увлеченіями сбитой съ толку дѣвушки, могла-ли она окончить свою карьеру, проглядѣвъ глаза надъ своею скучною работою? Молодой Францъ Рислеръ, необладающій ничѣмъ, кромѣ свободнаго сердца, и пренебрегающій привязанностью милой дочери Делобеля, предложилъ свою любовь Сидоніи, алчущей добыть своею красотой миліоны; онъ удивляется, что она не хочетъ обратить на него вниманія; но она обожглась

на Жоржѣ и стала опытноѣ. Тутъ является Рислеръ старшій, Хотя онъ вышелъ изъ работниковъ, плохо одѣтъ, ему за сорокъ лѣтъ, онъ все еще увлекающійся своими изобрѣтеніями, но для Сидоніи онъ подходящій мужъ. Удивительно только, какъ могъ онъ не видѣть, что въ бракѣ его съ тщеславною красавицею есть что-то ненормальное? Женившись, онъ по-прежнему предался своимъ техническимъ изысканіямъ и ни разу не задалъ себѣ вопроса: довольна-ли его жена той жизненной обстановкою, которую онъ ей предоставилъ?

Проникнуть въ самое сердце фабрики въ качествѣ жены Рислера, захватить Жоржа Фромона, напѣченного заранѣе бѣлыми, но хищническими зубками, затѣмъ, пользоваться завидною жизнью, которая дается только богачамъ, забыться въ послѣдовательномъ ряду увлеченій, увеселеній и удовлетворенныхъ похотей — вотъ эта цѣль, которую даже не задаетъ Сидонія, но которая ей предначертана степеніемъ обстоятельствъ и совпаденіемъ характеровъ. Все это для нея игра, на-столько-же увлекательная, какъ и жестокая, и она ни на минуту не задумывается пуститься по этому направленію, предоставляющему ей возможность пользоваться именно тѣми земными благами, которыя кажутся наиболѣе привлекательными ея узенькому, но хищническому разуму. Воспитаніе и среда начали дѣло, случай и жизненная обстановка доканчиваютъ его.

Въ романѣ авторъ счелъ необходимымъ наказать героиню за ея безнравственность, въ драмѣ этого нѣтъ. Наказаніе, однакожъ, не причиняетъ ей особыхъ страданій. Лишенная своего величія, униженная, оскорбленная, она стала искать на подмосткахъ кафешантана рукоплесканій публики и эротическими пѣсенками развлекать полу-пьяную толпу. Другія, сопрякосновенныя съ нею, лица потерпѣли гораздо болѣе: Жоржъ и Клара не найдутъ болѣе неосторожно-загубленнаго семейнаго счастья, а несчастный Рислеръ, напавъ на слѣды любовной переписки Сидоніи съ его братомъ, съ горя повѣсилъ у входа въ парижскія катакомбы!

Конецъ романа лучше, чѣмъ конецъ драмы. Онъ сообразнѣе съ психологическою правдою. Сидонія — вредное созданіе и по справедливости терпитъ наказаніе за свою безпутную жизнь. Но одна-ли она виновата? Фромоны, позволившіе себѣ сдѣлать изъ нея куклу для своего развлеченія, Францъ, вздумавшій поиграть съ

нею въ любовь, и, наконецъ, самъ старшій Рислеръ, столь неосторожно вступающій съ ней въ бракъ, способствовали ея порчѣ; они сами вызвали ту печальную драму, которой заканчивается романъ; въ драмѣ этой нѣтъ ничего преувеличеннаго: она естественно вытекаетъ изъ хода событій.

Французская критика съ скрытымъ недоброжелательствомъ отнеслась къ произведенію Доде. Онъ слишкомъ рѣзко выставилъ общественныя язвы, а буржуазія рѣзкой сатиры переварить не можетъ. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ критической статьи напечатанной въ еженедѣльномъ изданіи „Revue politique et littéraire“ и принадлежащей одному извѣстному критику:

„Если-бы парижское общество, пишетъ онъ, — походило на то представление о немъ, которое даетъ г. Доде, а съ нимъ вмѣстѣ и вся школа реалистовъ; если-бы здравый смыслъ, честность и благородство представлялись дѣйствительно столь рѣдкимъ явленіемъ, какъ старается доказать г. Доде въ своемъ „Фромонъ и Рислеръ“, то мы не имѣли-бы права претендовать на нашихъ враговъ за то, что они выставляютъ насъ испорченнымъ до мозга костей и отжившимъ свой вѣкъ народомъ. Для меня остается непонятнымъ то удовольствіе, которое испытываютъ писатели, обладающіе рѣдкимъ талантомъ, начиная отъ автора „Мемуаровъ Грендоржа“ до г. Доде, выставя Францію въ столь невыгодномъ свѣтѣ передъ остальною Европою, всегда готовою повѣрить всякой напраслиной, взведенной на насъ. Еще менѣе понимаю я, чтобы французы, любящіе отечество, находили удовольствіе смотрѣть на публичныя представленія, выводящія на сцену подобную клевету, приправленную характеристическими и живописными подробностями грустныхъ сторонъ нашей внутренней жизни. Въ оправданіе г. Тэна можно, по крайней мѣрѣ, привести то обстоятельство, что выставленный имъ торговецъ свиной Грендорж посѣтилъ Парижъ во-время второй имперіи, до ошеломившаго насъ разгрома и въ такую минуту, когда увлеченіе нашимъ кажущимся благосостояніемъ могло намъ служить извиненіемъ. Но „Фромонъ и Рислеръ“ — это твореніе вчерашняго дня, авторъ счелъ нужнымъ выставить передъ нами французовъ благополучно истекшаго 1875 года. Не могу допустить, чтобы начертанные имъ портреты были похожи и чтобы представленные имъ типы сходились съ дѣйствительностью“.

Ясно, что сатира Доде попала въ цѣль; развитая часть публики чувствуетъ, гдѣ у нея наболѣла рана, но не хочетъ, чтобы ее указывали со стороны!

15-го октября.

Чтобы приобрести громадную извѣстность, чтобы сдѣлаться человѣкомъ замѣтнымъ, чтобы получить мѣсто въ исторіи, бываетъ иногда достаточно напасть на такую мысль, которая, по сосредоточенному въ ней понятію и воззрѣнію, соотвѣтствовала бы потребностямъ того общества, среди котораго живетъ дѣятель. Мысль эта можетъ быть лишена всякаго смысла, можетъ оказать вредныя послѣдствія для общественнаго блага, но если въ данный моментъ она попала въ тонъ, то общественныя силы съ какою-то необъяснимою настойчивостью начинаютъ группироваться вокругъ нея и придаютъ ей такой рѣзкій обликъ, такой твердый устой, что потомъ нужны цѣлыя столѣтія на ниспроверженіе ученія, въ существѣ своемъ фальшиваго и вреднаго. Основателями нѣкоторыхъ религіозныхъ сектъ были люди положительно безумные, а между тѣмъ за ними шли массы, именно потому, что они отличались послѣдовательностью въ выводахъ одного жизненнаго принципа изъ другого и неуклоннымъ, желѣзнымъ характеромъ, дающимъ имъ средство проводить свои принципы въ жизнь. Эти люди обыкновенно кончали тѣмъ, что ихъ или выставляли къ позорному столбу, въ качествѣ отщепенцевъ, или общество поддавалось ихъ настойчивому вліянію и прославляло ихъ при жизни и послѣ смерти.

Вотъ общее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ чтенія только-что появившейся книги Споллера: „Игнатій Лойола и общество іезуитовъ“.

Игнатій Лойола не былъ выставленъ къ позорному столбу и не былъ сожженъ на кострѣ; алтарямъ, воздвигнутымъ въ честь его, нѣтъ числа; а между тѣмъ Игнатій Лойола былъ безумецъ, отличавшійся только безконечною гордостью и исключительнымъ упрямствомъ въ проведеніи въ жизнь измышленныхъ имъ началъ. Задавшись мыслью сдѣлаться основателемъ такого учрежденія, которое потрясло-бы весь міръ своею силою и устойчивостью, онъ достигъ своей цѣли и наградилъ общество на многіе годы учрежденіемъ,

отъ котораго не легко отдѣлаться. Самолюбіе-ли это, честолюбіе-ли, или просто тщеславіе, но въ людяхъ съ сильнымъ характеромъ всегда существуетъ создательская струнка, побуждающая ихъ показать на дѣлѣ свою творческую силу. Струнка эта натягивается тѣмъ болѣе сильно, что у этихъ людей другія страсти обыкновенно не играютъ никакой роли и что вся ихъ настойчивость сосредоточивается въ достиженіи одной преобладающей цѣли. Не имѣй Лойола подобной струнки въ характерѣ, онъ остался-бы простымъ монахомъ, былъ-бы, можетъ быть, весьма умнымъ церковнымъ дѣятелемъ и администраторомъ, но никогда не создалъ-бы пресловутаго ордена.

Отказавшись отъ постриженія по существовавшимъ въ то время порядкамъ, Игнатій посвятилъ себя образованію малолѣтнихъ. Какъ личность капитальная по уму, способностямъ и характеру, онъ вскорѣ сгруппировалъ вокругъ себя нѣсколькихъ поклонниковъ и помощниковъ, которые во всемъ слѣдовали системѣ его преподаванія и даже его образу жизни. Вотъ этотъ-то кружокъ посвященныхъ и сталъ домогаться у папы изданія буллы объ учрежденіи новаго монашескаго ордена.

И папа, и прочіе ордена противились.

Новой, честолюбивой группѣ приходилось выискивать такія начала, которыя могли-бы поставить ее въ исключительное положеніе въ римской церкви. И вотъ Игнатій началъ съ того, что отказался отъ всякаго вѣншнаго клерикальнаго почета, отъ всякихъ церковныхъ званій и повышеній, отъ всякихъ, наконецъ, претензій на епископскія мѣста и управленіе богатыми монастырями. Должностями придворныхъ духовниковъ, хранителей душевныхъ тайнъ своихъ владыкъ и государей, которымъ особенно пріятно было имѣть на духу дѣло съ людьми, непродаящими разрѣшеніе отъ грѣховъ за какую-либо епископскую кафедру.

И это долго не помогало: папа все не слушался настояній покровителей Лойолы.

Тогда Игнатій придумалъ новое средство завлечь римскаго первосвященника. Ко всѣмъ клятвамъ, произносимымъ при поступленіи въ монашество, онъ для своего ордена присовокупилъ еще общаніе безусловнаго повиновенія папѣ и исключительнаго преслѣдованія интересовъ римскаго престола. Эта-то новость побудила колебавшагося папу принять сторону Игнатія и его учениковъ.

„Фактъ этотъ служитъ только лишнимъ доказательствомъ, что и въ религиозныхъ дѣлахъ всякая постройка начинается преимущественно съ восторженныхъ впечатлѣній и тенденцій, а кончается всегда искусственными измышленіями, въ которыхъ человѣческая ловкость и хитрость играютъ не послѣднюю роль“, пишетъ Спюллеръ. Лойола былъ, разумѣется, энтузіастомъ, восторженнымъ ревнителемъ интересовъ католичества, но при всемъ томъ онъ ясно видѣлъ цѣль, къ которой направлялъ свою дѣятельность, и для достиженія ея не пренебрегалъ никакими средствами, между которыми хитрость, скрытность и честолюбіе играли солидную роль. Спюллеръ въ своей книгѣ не разъ показываетъ, къ какому многочисленнымъ обманамъ прибѣгалъ Игнатій для достиженія успѣха.

Жизнь Лойолы весьма подробно изслѣдована въ книгѣ Спюллера. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на томъ ея періодѣ, когда Лойола начиналъ создавать энергическій кружокъ такихъ дѣятелей, которые всю свою жизнь посвятили-бы интересамъ папства. Онъ торжественно поклялся достигнуть своей цѣли. Клятва эта была произнесена въ Парижѣ, на высотахъ Монмартра, чѣмъ и объясняется то особое значеніе, которое французское духовенство придаетъ учрежденію на этихъ высотахъ собора сердца Христова (*Sacré coeur*). Очень многіе думаютъ, что Монмартръ выбранъ былъ для этой цѣли какъ мѣсто, гдѣ погребены тѣла первыхъ христіанскихъ мучениковъ; но книга Спюллера ясно доказываетъ, что дѣло тутъ вовсе не въ мученикахъ, а въ почетѣ, который желаютъ оказать памяти основателя іезуитства. Въ мысляхъ французскаго духовенства новый соборъ долженъ служить памятникомъ учрежденія ордена, видимымъ знакомъ іезуитскаго преобладанія не только въ Римѣ, какъ центрѣ католичества, но и въ Парижѣ, граждане котораго, по нищетѣ духа, поддаются большими массами подъ вліяніе эксплуатирующей ассоціаціи, играющей на человѣческихъ слабостяхъ, какъ на клавишахъ.

„*Sacratissimo cordi Jesu Gallia pœnitens et devota*“,— вотъ надпись чисто-іезуитскаго стиля, которую предположено помѣстить на фронтонѣ новаго храма и которая должна служить цѣлому міру доказательствомъ побѣды сыновъ Лойолы и окончательнаго подчиненія всей Франціи елерикальному вліянію римской курии. Никогда еще не случалось обществу іезуитовъ высказать столь

откровенно всё его надежды на окончательное торжество въ борьбѣ съ либерализмомъ. „Воздвигаемый въ Монмартрскомъ предмѣстьи храмъ, по справедливому выраженію Спюллера, — долженъ быть символомъ торжества іезуитовъ надъ ненавистнымъ имъ Парижемъ, которому они обязаны своимъ зачатіемъ и рожденіемъ и который, съ самаго появленія ихъ на поприщѣ общественной дѣятельности, всегда считалъ ихъ за людей самаго сомнительнаго нравственнаго достоинства“.

Отъ момента монмартрской клятвы іезуитство пошло въ гору, все болѣе и болѣе развиваясь. Въ 1540 году орденъ былъ, наконецъ, утвержденъ папою Павломъ III. Игнатій былъ первымъ генераломъ ордена; восторженность его осталась тою-же, какъ была и прежде, но въ этому присоединилась еще лихорадочная организаторская дѣятельность въ видахъ упроченія новаго созданія. Товарищи и ученики Лойолы разсѣялись вскорѣ по всѣмъ концамъ земли, проводя вездѣ принятый ими принципъ поклоненія папской власти. Въ 1556 году Лойола умеръ, успѣвъ учредить въ разныхъ мѣстахъ до 12 іезуитскихъ коллегій.

Особенно курьезенъ фактъ, что первоначально въ братство ордена принимались и женщины. Поселившись, по утвержденіи ордена, въ Римѣ, Игнатій задумалъ ввести въ кругъ орденскихъ задачъ обращеніе кающихся женщинъ на путь истины. Но съ перваго-же приступа, имѣя дѣло только съ тремя женщинами, онъ рѣшительно разочаровался въ возможности подчинить лицъ прекраснаго пола установленной имъ дисциплинѣ. Испытавъ неудачу въ этомъ дѣлѣ, Лойола выхлопоталъ у папы воспрещеніе принимать въ составъ ордена женщинъ.

Читая сочиненіе Спюллера, такъ и хочется сравнять Игнатія Лойолу то съ Макиавелли, то съ Дон-Кихотомъ. Перваго напоминаетъ въ немъ неразборчивость въ выборѣ средствъ, лишь-бы цѣль была достигнута; на послѣдняго онъ похожъ по сумасброднымъ, но рыцарскимъ побужденіямъ, воодушевлявшимъ его. Трудно подобрать другой примѣръ, въ которомъ практической смыслъ чловѣка былъ-бы до такой степени соединенъ съ широкимъ воображеніемъ. Спюллеръ считаетъ Лойолу соединительнымъ принципомъ между проникнутымъ религиозными тенденціями міромъ среднихъ вѣковъ и чисто-политическимъ обществомъ новѣйшаго времени. Въ немъ сосредоточилась средневѣковая восторженность

съ выработавшимися впоследствии дипломатическими приемами. И въ этомъ-то именно фактъ и слѣдуетъ, повидимому, искать причину того успѣха, которымъ увѣнчалось затѣянное имъ дѣло.

Отсутствіе простого нравственнаго смысла составляетъ главное отличіе іезуитскихъ доктринъ. Въ глазахъ Лойолы истина не существуетъ внѣ безусловной вѣры. Единственная истина—это преподаваемое ученіе, внѣ котораго все имѣетъ только кажущееся, а не дѣйствительное существованіе. „Признавайте чернымъ предметъ даже безусловно бѣлымъ, учить онъ, — если проповѣдуемое вами ученіе того требуетъ“. Поэтому если ложь полезна ученію, она не воспрещена. Зло представляется на-столько-же законнымъ орудіемъ къ достиженію цѣли, какъ и добро. Сила порока, увлеченіе страстями были хорошо знакомы Игнатію и онъ не захотѣлъ пренебречь участіемъ этихъ двигательныхъ силъ для упроченія создаваемаго имъ учрежденія. Убѣжденный въ справедливости проповѣдуемой системы, онъ вдумалъ дать отпоръ первородному грѣху, обративъ грѣховность созданія на славу самого Создателя и поставивъ сатану, т. е. начало зла, въ положеніе рабское, подчиненное волѣ человѣческой, могущей эксплуатировать его на пользу Творца вселенной. Всякое зло, всякая нравственная немощь въ его глазахъ могла быть точно такъ-же дисциплинирована, какъ и полезные элементы жизни.

Въ видахъ достиженія подобной дисциплины созданы были тѣ массы мелкихъ правилъ, инструкцій и указаній, которыми жизнь іезуита охватывается точно желѣзнымъ кольцомъ. Читая выдержки изъ правилъ іезуитскаго поведенія, приходится удивляться значительному количеству подробностей и тому богатству предусмотрительности, которыми отличается этотъ кодексъ. Регламентация доведена до своихъ крайнихъ предѣловъ и представляетъ собою безпримѣрное объединеніе принциповъ чистой бюрократіи съ схоластикой.

Споллеръ сводитъ все это множество мелкихъ правилъ къ нѣсколькимъ главнымъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ безпримѣрное, пассивное послушаніе. Подобное послушаніе, основанное на сознательномъ устраненіи всякой самостоятельной мысли, всякаго личнаго умственнаго движенія, составляетъ идеаль іезуитскаго совершенства. Этой высокой цѣли достигаютъ, однакожъ, далеко не всѣ лица, задающіяся іезуитскими похотями. Есть много

и такихъ, которые десять, двадцать лѣтъ посвящаютъ работѣ надъ самоуничженіемъ, и тѣмъ не менѣе не признаются заслуживающими посвященія. Умереть іезуитомъ — это крайняя цѣль, крайняя радость, крайнее счастье, къ которому стремится всякій. Кто учится въ іезуитскихъ колегіяхъ съ цѣлью поступить въ орденъ.

Другое начало, излюбленное іезуитами, — это безусловное пожертвованіе рѣшительно всеѣмъ на пользу ордена: добродѣтель, нравственность, истина — все должно быть принесено въ жертву. Если отъ этого получается выгода для учрежденія, которая въ глазахъ адептовъ господствуетъ надъ всеѣми жизненными началами, какъ-бы святы они ни были. Достиженіе цѣли оправдываетъ средства — вотъ главная аксіома, которой держится созданіе Лойолы.

При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что школа, заведенная Игнатіемъ съ папскаго благословенія, послужила зерномъ, изъ котораго выросло учрежденіе, ставшее враждебнымъ прогрессу; оно подчинило себѣ многихъ и многое, но никогда не умѣло сосредоточивать своихъ силъ. Что можетъ создать въ жизни личность, воля которой окончательно забита? Не касаясь вообще религіозно-политическаго вопроса, составляющаго самое послѣднее слово іезуитской тенденціозности, самый принципъ или способы дѣятельности іезуитовъ не могутъ вести къ достиженію общихъ цѣлей міроваго развитія. Іезуитскіе приемы разбиваютъ въ прахъ дѣятельную струну души человѣческой и тѣмъ самымъ отвергаютъ всякій прогрессъ. Въ результатъ, желая воспользоваться даже зломъ для достиженія своихъ цѣлей, іезуиты и своими хорошими качествами послужили одному злу.

Преемники Лойолы не могутъ ничего создать, но могутъ задержать всякое чуждое имъ созданіе. Идеаль самоотверженія, которыми они задаются, приводитъ ихъ къ отрицанію общечеловѣческихъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи отъ іезуита недалеко и до скопца! Поэтому неудивительно, что и правительства, и народы всегда относились къ нимъ недоброжелательно. Какъ можетъ современное свѣтское государство терпѣть у себя людей, которые не подчиняются ни общимъ правиламъ нравственности, ни законамъ, ни властямъ? Въ-концѣ-концовъ они вѣдь не граждане и даже не люди. Они просто іезуиты.

Анонимъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія Сербіи, по сербскимъ источникамъ. Соч. проф. Ранке. Перев. съ нѣмецкаго Петра Бартепева. Изд. 2-е. М. 1876.

Въ концѣ XIV вѣка независимость Сербіи пала подѣ ударами османовъ, на Коссовомъ полѣ. Ударъ былъ рѣшительный и смертельный; онъ отнялъ у сербовъ не только ихъ свободу и начинавшуюся внутреннюю культуру, но и самое право на человѣческое существованіе. Система азіатскаго деспотизма, занесенная турками на Балканскій полуостровъ, вполне обрушилась на Сербію; народъ сдѣлался не только данникомъ султана, но и безусловнымъ его рабомъ, въ политическомъ, административномъ и экономическомъ отношеніи. Народъ, въ собственномъ смыслѣ, пересталъ существовать; это была презрѣнная раія, разоренная и безгласная, не смѣвшая ничего требовать отъ своего завоевателя, но обязанная все исполнять по его приказанію. «Крестьяне изъ окрестностей Вѣлграда, говорятъ историкъ Ранке, отправлялись въ Константинополь косить сѣно на лугахъ султанскихъ. Страна была подѣлена между спахиями, коимъ жители обязаны были отправлять всякаго рода службу. Они не смѣли носить оружія; при началѣ возстанія все вооруженіе изъ состояло въ длинныхъ дубинахъ. Они не могли обзавестись лошадьми, которыхъ у нихъ отнимали турки. Одинъ путешественникъ XVI вѣка описываетъ ихъ нищими, узниками, изъ которыхъ ни одинъ не осмѣливается глядѣть прямо. Каждый пять лѣтъ производился наборъ мальчиковъ; цвѣтъ и надежда народа, они уводими были въ Константинополь для непосредственной службы султану; изъ нихъ выросли „ревностные губители христіанства“. (Стр. 31—32). Экономическая эксплуатація и открытый грабежъ были главнымъ стимуломъ османскихъ завоеваній. Голодныя, полунагія и хищныя орды, ринувшіяся изъ бесплодныхъ среднеазіатскихъ степей на плодородныя долины Балканскаго полуострова, искали въ своихъ побѣдахъ

прежде всего добычи и смотрѣли на побѣжденныхъ, какъ на простую рабочую силу. «Угнетай ихъ, поучаетъ коранъ о невѣрныхъ,—пока не смирятся и не заплатятъ поголовой дани». Развивая этотъ хищническій принципъ далѣе, шаріатъ выражаетъ его еще яснѣе: «Не щади ни имущества, ни жизни гяура, пока не обратишь его или въ правовѣрнаго, или въ раба. Если нужно, убей его, и все, что онъ имѣетъ, обрати въ свою собственность». Такимъ образомъ, въ основаніи турецкаго господства надъ покоренными народами лежалъ принципъ безопаднаго экономического угнетенія, самаго тяжелаго изъ всѣхъ угнетеній. Политика, религія и администрація были только орудіями его и строго согласовались съ его цѣлями. Вся система внутренняго управленія была построена на хозяйственной эксплуатаціи, на выжиманіи изъ презрѣнной райи возможно большей матеріальной прибыли. Къ этому все было направлено и изъ этого источника все вытекало. Земли раздавалась спахіямъ, которые кормились на-счетъ побѣжденной массы и за то несли военную службу; они были охранителями султанскихъ интересовъ и полными хозяевами той страны, гдѣ распоряжались. Подушной податью были обложены всѣ подданные, начиная съ семилѣтнихъ дѣтей; сборъ ея отдавался на откупъ константинопольскимъ фанаріотамъ и армянскимъ ростовщикамъ; они-же покупали патенты на должность судей и перепродавали ихъ тѣмъ, кто выгоднѣе предлагалъ. Раздача пашалыковъ точно также сообразовалась съ чисто-денежными расчетами эксплуатирующей власти. Для этого была введена барщина, и каждая деревня, не исключая дѣтей и стариковъ, должна была сто дней въ году батрачить на пашу, кромѣ прямой подати натурою. Послѣ пашы цѣлый рядъ другихъ чиновниковъ до послѣдняго жандарма или муселлима—все кормилось и обогащалось на-счетъ того-же народа. Религія была также на откупъ у греческаго духовенства, которое высасывало послѣдніе соки изъ безправной и безгласной массы. Ея невѣжество, ея предрасудки, ея послѣднее утѣшеніе въ вѣрѣ своихъ отцовъ давали обильную почву для ея нравственной и матеріальной эксплуатаціи. Такимъ образомъ, рассматривая съ этой точки зрѣнія турецкое господство, становится понятнымъ весь его механизмъ, со всѣми его атрибутами и послѣдствіями. Повидимому, гнетъ его былъ только внѣшній, неотнимаемый ни національнаго характера, ни религіозной самобытности, ни внутренняго образа жизни райи, ни ея преданій, ни обычаевъ, а между тѣмъ, это былъ самый ужасный и разрушительный гнетъ, потому именно, что онъ держался на самой широкой соціальной почвѣ. Оттоманская Порта не теоретически, а по опыту знала, что экономическая безпомощность, матеріальное истощеніе побѣжденнаго народа есть глубочайшее изъ рабствъ, такое рабство, которому на цѣлые вѣка нѣтъ исхода. Такъ это, дѣйствительно, и было въ Сербіи. Потерявъ свою свободу, уничтоженная политически, она скоро была уничтожена и соціально; разоренная, отданная на произволъ хищнаго управляющаго класса, неимѣвшая права ни носить

оружія, ни требовать суда, никакого человѣческаго права, она буквально была раздавлена и болѣе чѣмъ на четыре вѣка какъ будто исчезаетъ съ лица земли. Никто объ ней не говоритъ и она никому не подаетъ о себѣ ни одного живого звука. Только горный юнакъ или гайдукъ и печальная нота народной пѣсни кое-когда напоминають о ея существованіи. И если-бы побѣдитель ея былъ не степной дикарь, а обладалъ высшей гражданской культурой, то, нѣтъ сомнѣнія, Сербія слилась-бы съ нимъ неразрывно и давно уже утратила-бы свою національную физиономію. Къ счастью, этой-то поглощающей и разлагающей силы и не было у турецкаго деспотизма; онъ угнеталъ, но не обезличивалъ, онъ разорялъ, разорялъ страшно, но не убивалъ нравственно. Вотъ этому именно обстоятельству и обязана Сербія своимъ спасеніемъ. Сосредоточенная въ себѣ, сохранившая преданія о своей старой свободѣ, накопившая въ народной душѣ такъ много слезъ и страданій, наконецъ, окрѣпшая въ постоянной внутренней борьбѣ съ врагомъ, борьбѣ безгласной, глухой и незамѣтной, но тѣмъ болѣе упорной и сильной, она, по прошествіи четырехъ столѣтій, возстаетъ. Это былъ первый признакъ ея народной жизни, первый клѣкъ къ ея возрожденію, тотъ первый актъ кровавой и длинной драмы, развязка которой предвидится только въ наше время.

Сигналомъ къ возстанію Сербіи послужили своевольныя распоряженія янычаръ, непризнававшихъ надъ собою ни власти султана, ни мѣстнаго управленія пашей. Опираясь на силу ятагана и на свои старыя привилегіи, эта военная каста подняла, наконецъ, открытый бунтъ противъ своего повелителя и, подъ предводительствомъ отважнаго пашы Пасвана-Оглу, заставила трепетать Стамбуль. Поводомъ къ мятежу послужили реформы, предпринятыя въ это время въ турецкомъ войскѣ,—реформы, уничтожавшія старыя привилегіи янычаръ. Борьба съ Пасваномъ-Оглу окончилась для Константинопольскаго правительства неудачно, тѣмъ болѣе, что угрожала перейти изъ мѣстнаго возстанія въ общее, съ равнинъ Болгаріи проникнуть на площади столицы. Послѣ побѣды Пасванъ-оглу, поддерживаемый янычарами, остался безусловнымъ распорядителемъ не только своего Виддинскаго пашалыка, но и окрестныхъ областей. Въ Сербіи точно также начали господствовать янычары; предводители ихъ, дахи, захватили землю и людей въ частную собственность, ввели новую податную систему и барщину, развѣзжали по странѣ и брали у народа все, что хотѣли и могли. Это былъ, въ собственномъ смыслѣ, разбой, неприкрытый, какъ это было доселѣ, даже внѣшними благовидными формами прежней турецкой администраціи. „Не рѣдко, говоритъ Ранке,—они отнимали у крестьянина его праздничную одежду на попоны лошадейъ своимъ, мѣшали совершать богослуженіе, принуждали женщинъ плясать коло передъ своими домами и брали къ себѣ лучшихъ красавицъ“. (Стр. 107). Малѣйшее сопротивленіе серба наказывалось убійствомъ его или жестокимъ тѣлеснымъ наказаніемъ. „Никогда еще, даже въ самыя мрачныя эпохи

своего рабства, говорить Канитцъ, сербскій народъ не выносилъ такихъ оскорбленій, насилія и разоренія, какъ въ это смутное время. Ни жизнь, ни честь, ни имущество, ни самыя святыя человѣческія чувства не находили себѣ болѣе защиты“. Разореніе селъ, заустѣнныя поля было общее. Многіе покинули свои дома и бѣжали въ горы. Наконецъ въ концѣ 1803 года сербы отправили султану слѣдующую жалобу: „Даки обобрали насъ совершенно; намъ приходится подпоясываться лязкомъ; но нѣтъ и того мало; они не оставляютъ въ покоѣ нашу душу, оскорбляютъ честь и вѣру; у мужа отнимаютъ жену, у отца дочерей, у брата сестеръ. Монастыри, церкви, монахи и попы—все предано поруганію. Если ты еще нашъ царь, то приди и освободи насъ отъ злодѣевъ; если же не хочешь спасти насъ, то, по крайней мѣрѣ, скажи о томъ; тогда намъ останется бѣжать въ горы и лѣса или топиться въ рѣкахъ“. (Стр. 108). Это былъ общій народный вопль, въ которомъ Отоманская порта не могла не замѣтить рѣзкой ноты протеста, готового на все и глубоко затаеннаго въ душѣ Сербіи. Но что могъ сдѣлать султанъ, угрожаемый междоусобной войной и осаждаемый старо-турецкой партіей, принявшій сторону янычаръ? Онъ обратился къ нимъ съ грознымъ посланіемъ и затѣмъ замолчалъ. Сербы поняли, что рассчитывать на чужую помощь нечего, что минута народнаго возстанія настала, и во главѣ этого движенія въ первый разъ явилась необыкновенно эгергическая и гевіальная личность, отлитая какъ будто изъ стали, именно такого закала человѣкъ, какой нуженъ въ подобныя эпохи. Это былъ Кара Георгій.

Чтобы составить себѣ понятіе о народныхъ сербскихъ вождяхъ назадъ тому семьдесятъ лѣтъ, надо искать ихъ типа въ старомъ горномъ разбойникѣ Альпъ или Апенинъ, въ человѣкѣ закаленномъ физически и нравственно, отважномъ до энтузіазма, съ непреклонной волей и непримиримой ненавистью ко всякому стѣсненію, съ инстинктивною любовью къ угнетенному собрату и безпощадному къ его угнетателю. Это цѣльная и грубая натура полу-дикаря, вырабатываемая долгимъ рабствомъ и затаеннымъ протестомъ противъ него, хищная и гуманная, отвратительная и симпатичная, честная и коварная въ одно и то-же время. Таковъ былъ именно Кара Георгій. Онъ родился во второй половинѣ прошлаго вѣка отъ крестьянина Петронія и назывался въ своемъ округѣ Георгій Петровичъ. Дѣтство его прошло въ горахъ среди постоянныхъ тревогъ и опасностей со стороны турокъ. „Поставленный въ необходимость спастись отъ нихъ бѣгствомъ, онъ собралъ все свое движимое имущество, состоявшее по преимуществу въ скотинѣ, и вмѣстѣ съ отцомъ, котораго не хотѣлъ оставить между турками, отправился на рѣку Саву. Старикъ, подобно многимъ другимъ сербамъ, лучше желалъ покориться туркамъ и не разъ уговаривалъ сына воротиться домой. Уже Сава была не далеко, когда онъ снова началъ уговаривать Георгія: „лучше поидемъ назадъ, совѣтовалъ онъ:—турки простятъ насъ“.—Георгій не хотѣлъ и слушать о томъ; отецъ рѣшился

также поставить на своемъ.—Ну, такъ иди-же ты одинъ, сказалъ онъ, а я ворочусь домой!—„Нѣтъ, воскликнулъ Георгій, я не потерплю, чтобы турки уморили тебя медленною смертью; лучше умри теперь отъ моей руки“.—Онъ, сивативъ пистолеть, выстрѣлилъ въ отца и, не желая видѣть его предсмертной агоніи, велѣлъ одному изъ товарищей добить его. Въ ближайшей деревнѣ онъ подарилъ поселянамъ свое стадо, сказавъ имъ: „Похороните моего старика, да выпейте за упокой его души“, и затѣмъ переправился на другой берегъ Савы. Этотъ поступокъ, совершенный имъ въ первыхъ лѣтахъ мужества, выдвинулъ его изъ обыкновенной колѣи“. Лучшіе годы жизни онъ провелъ то въ изгнаніи, то въ горахъ, то сторожемъ монастырскаго лѣса, то свинопасомъ. „Часто просиживалъ онъ цѣлые дни, не говоря ни слова и кусая себѣ ногти. Иногда онъ не отвѣчалъ ничего на вопросы и только покачивалъ головой. За виномъ онъ становился словоохотливъ и даже пускался плясать коло“.

„Роскошь и вѣншій блескъ ни сколько не привлекали его; на-верху своего могущества онъ продолжалъ носить свои старые голубые штаны, короткую истасканную шубу и всѣмъ извѣстную черную шапку. Дочери его также не отличались отъ деревенскихъ дѣвушекъ и ходили съ ведрами за водою, въ то самое время, какъ отецъ ихъ занимался правительственными дѣлами... Въ Тополѣ (гдѣ онъ родился) всякій считалъ бы его за обыкновеннаго крестьянина. Онъ работалъ съ своими момками въ лѣсу, спускалъ воду на мельницѣ, или ловилъ съ ними рыбу въ ручьѣ Ясеницѣ. Онъ пахалъ и косилъ... За то въ битвѣ онъ былъ истиннымъ воиномъ. Сербы воодушевлялись, завидя его въ толпѣ момковъ; узнать его было легко по высокому росту, сухощавому стану, широкимъ плечамъ, большому рубцу на лицѣ, маленькимъ, впалымъ и свергающимъ глазамъ. Обыкновенно онъ слѣзалъ съ коня, любя ходить пѣшкомъ. Еще когда онъ былъ гайдукомъ, пуля исковеркала ему правую руку; но это не мѣшало ему отлично владѣть ружьемъ. Появленіе его пугало турокъ, ибо побѣда считалась его спутницей... Единственный его братъ, надѣясь на него, много позволялъ себѣ лишняго; онъ все терпѣлъ; но когда тотъ обезчестилъ одну дѣвушку и родственники ея начали горько жаловаться, говоря, что и турокъ прогнали за такіа дѣла, Кара Георгій разсвирѣпѣлъ и какъ ни любилъ брата, но велѣлъ повѣсить его на воротахъ и запретилъ матери плакать по немъ. Не смотря на свое добродушіе, онъ вѣрилъ, когда о комъ-нибудь говорили ему дурное, хотя-бы не задолго предъ тѣмъ и убѣжденъ былъ въ противномъ. Стоило только раздражить его, и тогда его гнѣвъ не зналъ предѣловъ. Въ этихъ случаяхъ онъ не щадилъ никого и даже не призывалъ момковъ, а самъ убивалъ на мѣстѣ своего противника. Такъ погибъ князь Теодосій, коему онъ былъ обязанъ своимъ савомъ; но, опомнившись, онъ плакалъ и обыкновенно говаривалъ: „Суди тому Богъ, кто затѣялъ ссору“. Чувство мести было ему вовсе незнакомо и, простивъ своего врага, онъ уже никогда больше не вспо-

миналь о полученномъ оскорбленіи“. (Стр. 183 — 187). Вотъ настоящій типъ народнаго вождя той эпохи, когда Кара Георгій началъ дѣйствовать; на него болѣе или менѣе походили и остальные вожди, какъ напр., гайдукъ Велько, воеводы Лука Лазаревичъ, Алекса Ненадовичъ, Милошь Обреновичъ и т. д. Всѣ они были полнымъ выраженіемъ своего народа, съисью его великихъ достоинствъ и недостатковъ, полу-варвары, бывшіе гайдуки или свинопасы, выносливые и твердые въ неудачахъ, какъ чугуны, энергическіе и дѣятельные, какъ первобытная активная сила. Въ этомъ отношеніи, по сравненію съ ними мягкій и добродушный Миланъ покажется намъ сахарнымъ пастальнымъ херувимомъ и самъ великій главнокомандующій Червяевъ не болѣе, какъ соломеннымъ генераломъ. Тѣ не прятались отъ врага и не врали на цѣлый міръ о своихъ мнимыхъ побѣдахъ, но побѣждали почти всегда и говорили о себѣ мало. Они, конечно, были грубы и жестоки, но вѣдь кремь не проймешь тестомъ и чтобы бороться съ такимъ могучимъ врагомъ, какъ Турція, нужны были именно такіе люди, какъ Кара Георгій. Когда шумадійскіе старѣйшины избирали себѣ главнаго предводителя, выборъ упалъ на Кара Георгія. „Но вѣдь я жестокъ, говорилъ онъ,—и у меня крутой нравъ; я не стану долго толковать и на кого разсержусь—убью на мѣстѣ“.—Теперь намъ такой и нуженъ, отвѣчали кнезы и не ошиблись. (Стр. 116).

Дѣйствительно, въ это время имъ нужны были люди именно такого сорта. Чтобы организовать возстаніе среди народа апатичнаго, приученнаго долгимъ рабствомъ къ малодушію и трусости, чтобы соединить и направить къ одной цѣли самые разнородные элементы народнаго быта, разединеннаго и деморализованнаго четырехъ-вѣковымъ гнетомъ, наконецъ, чтобы противопоставить могущественному и правильно-вооруженному врагу почти безоружную толпу поселянъ и свое личное мужество, необходимъ былъ и отважный гайдукъ, и хорошій администраторъ, дальновидный вождь и неутомимый организаторъ. Чтобы судить о томъ, съ какими средствами Кара Георгій выступалъ противъ турокъ, не надо забывать, что у его момковъ часто не было другого оружія, кромѣ дубинъ, и когда Яковъ Ненадовичъ досталъ одну пушку, то Кара Георгій былъ радъ этому приобрѣтенію, какъ необыкновенному счастью. „Намъ нужно оружіе, говорилъ онъ своей дружинѣ;—добывайте его у турокъ, берите его у живого и мертваго“. (Стр. 181). Когда онъ очистилъ Сербію отъ дахивъ и субашей, его отряды обладали уже и хорошею конницею, и полнымъ вооруженіемъ; взятыя приступомъ крѣпости теперь служили точками опоры для Кара Георгія. Въ то-же время онъ разсылалъ гонцевъ по всѣмъ концамъ Сербіи для возбужденія возстанія, уговаривалъ воеводъ дѣйствовать за одно и самъ лично, съ отборнымъ своимъ отрядомъ, являлся вездѣ, гдѣ угрожала опасность со стороны хитраго врага. Такимъ образомъ въ началѣ 1806 года вся Сербія представляла вооруженный лагерь, всѣ обратились въ воиновъ, и въ деревняхъ остались только одни

старяки и дѣти. Порта, видя, что сербы съ одной стороны ведутъ переговоры съ Россіей, съ другой—вооружаются поголовно, что они перестали повиноваться пашамъ и платить дань султану, рѣшилась разомъ подавить непокорную райю. Для этого она двинула до 40,000 своего войска, подъ предводительствомъ храбраго полководца Ибрагима. Сербія дрогнула; многіе поселяне струсли и готовы были бѣжать, но Кара Георгій удержалъ трусовъ и одушевилъ храбрыхъ. Теперь никто болѣе не оспаривалъ у него ни авторитета верховнаго вождя, ни искусства лучшаго полководца. „Противъ многочисленнаго боснійскаго войска, рассказываетъ Ранке, онъ отрядилъ около полуторы тысячи человекъ подъ предводительствомъ храбраго Катича, (который, несмотря на невыгодную позицію, успѣлъ удержать напоръ враговъ, хотя и заплатилъ за то собственною жизнію), а самъ, взявъ почти такой-же отрядъ, устремился на наступавшаго изъ Сокола Хаджи Бега, настигъ его близъ Пецки, разбилъ на голову и, перейдя горы, явился въ покоренныхъ босняками округахъ. Тутъ онъ перебилъ новопоставленныхъ кнезовъ, не пощадилъ и тѣхъ, которые склоняли народъ къ покорности врагамъ, созвалъ и присоединилъ къ своему отряду бѣжавшихъ и вообще всѣхъ, способныхъ носить оружіе, наградилъ и возвысилъ сохранившихъ присутвіе духа, во время непріятельскаго погрома... Вскорѣ турки, угрожаемые со всѣхъ сторонъ, сочли нужнымъ стянуть свои силы въ Шабцѣ; Кара Георгій съ 7,000 пѣхотинцевъ и 2,000 всадниковъ настигъ ихъ у Мишара, въ двухъ часахъ пути отъ Шабца и, по сербскому военному обычаю, немедленно окопался. У него было теперь три пушки и одна бомба. Тутъ предстоялъ рѣшительный бой. Турки гордо требовали покорности и выдачи оружія; сербы отвѣчали: „Придите и возьмите“!

„Два дня сряду по утрамъ турки выходили изъ своего стана, расположеннаго подъ Шабцемъ, нападали на окопы, бились безъ устали и къ вечеру безъ малѣйшаго успѣха отступали. Они не могли надивиться твердости сербовъ и все-таки не сомнѣвались въ побѣдѣ; они послали сказать имъ: „двое сутокъ вы держались крѣпко, но мы нападѣмъ на васъ еще разъ со всѣми силами и либо очистимъ вамъ всю землю по самую Дрину, либо прогонимъ къ Смедереву. Вы вызвали бѣглецовъ изъ-за Савы, и они теперь, сидя на деревьяхъ, съ горь смотрятъ на битву; но мы покажемъ имъ, какъ поступаютъ съ гайдуками“.

„Это было въ послѣднихъ числахъ іюля 1806 года. Въ ночь передъ битвою Кара Георгій послалъ свою конницу въ ближайшій лѣсъ: по первому его выстрѣлу она должна была ударить непріятелю въ тылъ. Въ самыхъ окопахъ онъ запретилъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока турки не подойдутъ ближе, такъ чтобы ни одинъ выстрѣлъ не пропалъ даромъ. На разсвѣтѣ сераскиръ со всею силою двинулся изъ лагеря; храбрѣйшіе боснійскіе бегі шли впереди, неся знамена. Спокойно, съ заряженнымъ оружіемъ, дожидались ихъ сербы. Какъ скоро турки подошли къ окопамъ

на довольно близкое разстояніе Кара Георгій подалъ звукъ; всѣ впередъ подняли ружья и всѣ до одного угодили, какъ говорится у стрѣлковъ прямо въ мясо. Знамена попадали; раздавшіеся затѣмъ пушечные выстрѣлы, поколебали толпы турокъ. Въ это самое время сзади стремительно ударила сербская конница, а самъ Кара Георгій во главѣ пѣхоты вышелъ изъ оконцовъ и ворвался въ непріятельскіе ряды; въ одно мгновеніе турки смѣшались и потерпѣли рѣшительное пораженіе“. (Стр. 150—153). Отступая отдѣльными отрядами по Кытогскому лѣсу, турки окружены были со всѣхъ сторонъ преслѣдовавшими ихъ сербами и частію погибли, частію были взяты въ плѣнъ. Эта побѣда имѣла громадныя результаты для Сербіи. Она ясно показала, что борьба съ турками не только возможна, но и можетъ быть успѣшной. Она одушевила Сербію, пробудила сочувствіе къ ней въ другихъ славянскихъ странахъ Балканскаго полуострова и положила начало осуществленію идеи о народной независимости. Теперь самыя малодушныя изъ сербовъ ободрились, и сосѣднія Боснія и Герцеговина начали постепенно сближаться съ сербами. Турки заговорили о мирѣ и въ этихъ переговорахъ Сербія въ первый разъ поставила вопросъ о своей внутренней автономіи; она требовала совершеннаго очищенія земли ея отъ турокъ, занятія крѣпостей своими гарнизонами, своего собственнаго выборнаго правительства и вмѣсто прежнихъ хищническихъ поборовъ—опредѣленной уплаты денежной дани, что было прямымъ признаніемъ ея политической зависимости отъ Порты, какъ вассальнаго государства. Турція была уже согласна утвердить эти требованія, но побѣды Наполеона I, ея союзника, ободрили ее и она отказалась отъ заключенія мира. Мы не станемъ говорить здѣсь о всѣхъ перепетіяхъ борьбы сербовъ съ турками, о неотразимомъ стремленіи первыхъ добиться своей свободы и о наглomъ обманѣ вторыхъ, постоянно нарушавшихъ свои обѣщанія и трактаты. Какъ только Порта чувствовала себя въ состояніи отнять у сербовъ то, что она была принуждена уступить имъ изъ своихъ правъ, она отнимала и въ этомъ случаѣ искусно пользовалась соперничествомъ европейскихъ державъ и ихъ дипломатическими дрязгами. Только благодаря этимъ чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ Сербія не могла завоевать своей полной независимости, а Турція спаслась отъ окончательнаго паденія. Козломъ очищенія въ этой безобразной политической игрѣ европейскихъ государствъ были, конечно, балканскіе славяне.

Но если Европа мѣшала имъ выбиться изъ подъ гнета, то надо сказать, что и они сами не понимали своего положенія и цѣлыми рядами ошибокъ повредили своему освобожденію, по крайней мѣрѣ, на-долго отстрочили его. Такъ какъ Сербія шла во главѣ славянскаго движенія, первая развернувъ знамя независимости, то на ней ясно отразились эти ошибки, болѣе или менѣе свойственныя и другимъ славянскимъ народамъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Сербія отвоевала себѣ право на самостоятельное внутреннее управленіе и свободно могла располагать своими силами, за-

дача ея дальнѣйшаго развитія была очевидна. Чтобы упрочить за собой независимость и ежеминутно не опасаться за нее со стороны хищнаго турецкаго правительства, все еще довольно сильнаго, чтобы во всякое время напасть и отнять дарованныя права Сербіи, маленькое государство, окруженное со всѣхъ сторонъ могущественными сосѣдами, не могло рассчитывать на свои ничтожныя военныя силы; надо было искать своего превосходства въ развитіи внутренняго устройства, тѣхъ социальныхъ и нравственныхъ силъ, которыя однѣ даютъ несомнѣнный перевѣсъ надъ варварствомъ. Въ наше время слишкомъ очевидно, чтобы сомнѣваться въ той истинѣ, что рѣшительная побѣда, въ концѣ-концовъ, остается не за тѣми, у кого больше штыковъ и пушекъ, а за тѣми, кто обладаетъ высшей культурой и цивилизаціей. Если сравнить современную Турцію, напр., съ Швейцаріей, то первая, какъ грубая матеріальная сила, болѣе чѣмъ въ десять разъ превосходитъ вторую; но при столкновеніи ихъ, нѣтъ сомнѣнія, швейцарская республика одолѣла-бы Оттоманскую Порту. На нашихъ глазахъ Германія подавила Францію, временно разорила и истощила ее, но только временно, и теперь мы видимъ, что дѣйствительнымъ побѣдителемъ изъ этой катастрофы вышла вовсе не Германія, а побѣжденная Франція; и это опять потому, что нравственное превосходство оказалось не на сторонѣ нѣмцевъ, а на сторонѣ французовъ; мы знаемъ, что экономическій уровень Франціи стоитъ въ настоящее время на-столько-же выше этого уровня въ Германіи, на-сколько онъ былъ ниже вслѣдъ за войной. Франція, въ лицѣ своихъ лучшихъ людей, поняла свое положеніе и, послѣ нанесеннаго ей удара, обратила все свое вниманіе на внутреннія реформы, на улучшеніе своихъ политическихъ учреждений, на образованіе и социальное устройство. И если это развитіе пойдетъ правильнымъ путемъ, то черезъ два или три поколѣнія она далеко опередитъ Германію въ превосходствѣ своихъ силъ. Та-же задача предстояла и Сербіи; чтобы противопоставить турецкому господству дѣйствительную преграду, чтобы привлечь на свою сторону симпатіи другихъ славянскихъ племенъ и возбудить къ своимъ судьбамъ сочувствіе въ Европѣ, необходимо было употребить всѣ усилія — дать внутреннюю организацію странѣ навозможно лучшую, позаботиться о высшемъ образованіи народа и стать къ западно-европейской наукѣ и цивилизаціи въ самыя тѣсныя отношенія. Но что-же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Нѣсколько счастливыхъ побѣдъ надъ турками выдвинули на первый планъ тѣхъ народныхъ вождей, которымъ Сербія была обязана этими побѣдами. Когда наступило мирное время, они являлись не устроителями страны, а военными диктаторами, заводившими между собою тѣ-же междоусобные споры и драки, какіе были и при туркахъ. Отсутствие всякаго единства, вездѣ столь извѣстная славянская рознь и гражданская тупость поражаютъ историка на каждомъ шагу. Последніе годы Кара Георгія прошли въ постоянныхъ смутахъ съ воеводами и креатурами его собственнаго созданія; подъ конецъ его окружали преданные ему, но бездарные и

ачные интриганы, которые и погубили его. Онъ, основатель сербской свободы, былъ убитъ своимъ бывшимъ другомъ, — убитъ коварнѣйшимъ образомъ. Кое-какъ составленный сенатъ не имѣлъ и тѣни того верховнаго авторитета, который присвоивался ему номинально. Каждый воевода самоуправствовалъ въ своемъ округѣ, какъ паша, и не хотѣлъ подчиняться никакимъ законамъ. Когда скупщина позвала воеводу Велько въ Бѣлградъ для объясненія и суда, вслѣдствіе многихъ жалобъ и обвиненій, поданныхъ на него, онъ собралъ своихъ момковъ и сказалъ имъ: „Я шелъ сюда, думая, что меня спросятъ, сколько я получилъ ранъ, сколько потерялъ храбрыхъ товарищей, сколько пало подо мною коней; вѣсто того, спрашиваютъ, сколько я перецѣловалъ дѣвокъ. Что-же намъ здѣсь дѣлать? Пойдемте назадъ!“ И онъ не считалъ болѣе нужнымъ являться по приглашенію скупщины. Бывшіе гайдуки и свинопасы только о томъ и думали, какъ-бы захватить въ свои руки болѣе власти и нажиться насчетъ народа какъ можно скорѣе. Та-же рознь и тѣ-же хищные инстинкты явились и въ народѣ, развращенномъ продолжительными и жестокими войнами. Жѣжда добычи и военная отвага собирала толпы вокругъ воеводы и онъ охотно шлъ за нимъ повсюду, куда-бы онъ ни повелъ,—противъ своихъ-же братьевъ, сербовъ, или протавъ турокъ. Когда послѣ бухарестскаго мира, особенно съ 1834 года, спокойствіе Сербіи было надолго обезпечено и Милошъ Обреновичъ могъ вполне отдаться внутреннему преобразованію Сербіи—онъ и обѣщалъ заняться имъ, — но какъ только константинопольскій берать утвердилъ за нимъ верховную власть, онъ сдѣлался первымъ эксплуататоромъ народа. „Казалось, говоритъ Ранке, — что Милошъ пользуясь общественною властью, не хотѣлъ знать никакого частнаго права. Онъ бралъ себѣ въ собственность все, что ему нравилось: луга, дома, мельницы. плата за нихъ владѣльцамъ цѣну, какую ему было угодно. Разъ, ни у кого не спросясь, онъ велѣлъ сжечь одно бѣлградское предмѣстіе, потому что намѣревался выстроить тамъ новыя зданія. По-прежнему онъ отягощалъ народъ работами. Ужицкіе крестьяне ходили подъ Крушевацъ на его сѣнокосъ; бѣлградскіе мелочные торговцы запирали свои лавки и отправлялись убирать княжеское сѣно. Между тѣмъ какъ турецкіе татары уже начинали платить за постои и продовольствіе, сербскіе гонцы по-прежнему требовали, чтобы имъ все давалось даромъ. Иногда кто-нибудь изъ момковъ, прискакавъ въ деревню на измученномъ конѣ, ставилъ его на корки и бралъ себѣ другого, какой ему попадался: „Посмотрѣлъ-бы я, говаривалъ княжескій извозчикъ, — кто не послушается князя“, и спокойно запрягалъ крестьянскихъ воловъ въ свою телѣгу“.

„Само собою разумѣется, что общественная власть злоупотреблялась для личныхъ выгодъ. Милошъ началъ дѣлать тоже самое, что нѣкогда возбуждало такое негодованіе противъ Младена и Милое (креатуръ Кара Георгія): онъ одинъ завладѣлъ самымъ обильнымъ источникомъ доходовъ,

торгошь щетиною. По лѣсамъ, которые до сихъ поръ считались общественною собственностію, были учреждены заставы, ибо тамъ паслись княжескія свиньи... Повидимому, онъ думалъ, что султанская власть передана ему, и что поэтому онъ можетъ безусловно распоряжаться землею, людьми и достояніемъ ихъ. — „Развѣ я не властитель, говаривалъ онъ, -- и не могу дѣлать, что мнѣ угодно“? Онъ одинъ во всей Сербіи считался господиномъ. И горе тому, кто сопротивлялся или казался ему опаснымъ! Онъ распоряжался жизнью и смертію столь-же произвольно, какъ и безответственно“. (Стр. 251—252.) Такимъ образомъ, турокъ не было болѣе въ Сербіи, но турецкіе порядки по-прежнему процвѣтали, съ тою только разницею, что вмѣсто турецкаго паши или сераскира управлялъ Сербіею князь Милошъ. Въ странѣ, экономически-разоренной и неуспѣвшей оправиться отъ турецкаго грабежа, онъ былъ первый откупщикъ и монополизаторъ; самъ обладая громадными богатствами, онъ никогда не подумалъ объ улучшеніи социальнаго состоянія страны и, въ этомъ отношеніи, былъ на-столько-же сербъ, на-сколько и Пасванъ-Оглу. Чиновники его получали ничтожное жалованье и если поднимали голосъ, то онъ подвергалъ ихъ палочнымъ ударамъ. Но это не шѣшало битыхъ опредѣлять въ сенатъ и опозоренныхъ возводить въ достоинство кнезовъ. Наконецъ, приближенные Милоша совѣтовали ему завести крѣпостное право въ Сербіи, т. е. раздать имъ земли на тѣхъ-же правахъ, на какихъ владѣли ими турецкіе спахи. Когда одного изъ нихъ спросили, что-же онъ будетъ дѣлать съ тѣми деревнянами, которыя онъ просилъ отдать ему, онъ отвѣчалъ: „Я буду сидѣть и курить до тѣхъ поръ, пока князю будетъ нужна моя помощь; тогда я поскачу къ нему съ своими жонками“ (стр. 254.) Но Милошъ, нестѣснявшійся ничѣмъ, передъ этою мѣрой остановился потому, что деспотизмъ его идти далѣе не могъ. Очевидно, военная диктатура вполне господствовала въ Сербіи и, въ самомъ зародышѣ, губила ея гражданское и социальное развитіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что Оттоманская Порта пользовалась этими злоупотребленіями сербскаго правительства и если-бы европейскія государства не обязывали Турцію своими трактатами, то она не замедлила-бы увлчаться за первый удобный случай, чтобы набросить на сербовъ свою старую петлю. Ясно, что независимость Сербіи покоилась на глиняномъ пьедесталѣ. Въ ней не было подготовлено ея правителями даже элементарныхъ началъ гражданского развитія, а между тѣмъ демократическіе элементы глубоко таились въ нѣдрахъ этого народа, и военная диктатура всего болѣе была антипатична его мирному характеру. Явись гениальный чловѣкъ и смѣлый вызвать къ жизни, организовать и направить эти элементы, то конституція Сербіи была-бы одною изъ лучшихъ въ Европѣ и культурный ея уровень теперь стоялъ-бы во сто разъ выше, чѣмъ онъ стоитъ въ настоящее время. Тогда, навѣрное, Сербія не протянула-бы

руку за помощьюъ къ сосѣднему народу, начиная настоящую войну съ Турціей; тогда она не имѣла-бы надобности признаваться передъ Европой въ такомъ печальномъ фактѣ, что у нея нѣтъ своего собственнаго полководца и потомки Душановъ и Кара Георгіевичей должны сражаться подъ командою какого-то ташкентскаго фрунтовики.

Послѣ Милоша и его грубаго самоуправства скущина ограничила власть его преемниковъ, точнѣе опредѣлила ихъ отношенія къ народу и къ его представителямъ, наконецъ, ея собственный авторитетъ нѣсколько возвысился, но она не могла создать ни лучшихъ правителей, ни вліять непосредственно на самый народъ. Не рѣдко случалось, что правительство и сербская нація шли совершенно разными путями, къ совершенно противоположнымъ цѣлямъ! Такъ, напр., въ 1852—1853 года война черногорцевъ съ турками произвела сильное волненіе въ Сербіи, но правительство ея поступило такъ безтактно, такъ глупо, что не только равнодушно отнеслось къ народному желанію, не только безучастно смотрѣло на эту войну, но предлагало даже свои услуги Портѣ, которая, къ стыду Сербіи, ихъ отклонила; однимъ словомъ, Сербія можетъ гордиться своими вождями, которые возвратили ей прежнюю ея независимость, но она не можетъ похвалиться своими правителями, которые не умѣли дать ей ни внутренняго содержанія, ни жизненныхъ силъ. Въ этомъ великое ея несчастье и пока она не создастъ себѣ другого, болѣе прочнаго порядка, ея политическая свобода будетъ для нея идеаломъ ея желаній, но не дѣйствительнымъ фактомъ. Только тѣ народы могутъ пользоваться этимъ высочайшимъ благомъ, которые умѣютъ не только приобрести его, но и распорядиться имъ.

Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ, съ приложеніемъ рѣчей и письма, В. Е. Гладстона. Спб. 1876.

Англію называютъ классической страной консерватизма; но это одинъ изъ тѣхъ консерватизмовъ, который часто оказывается лучше многихъ либерализмовъ. Положимъ, не легко расшевелить Джона Буля, но разъ вы заставите его выслушать себя и разъ ваши доводы будутъ убѣдительны для него, онъ не замедлитъ проснуться отъ своего обыденнаго сна и дѣловой флегматичности. Англичанинъ въ своихъ реформахъ немедленно послѣ перваго толчка становится консервативенъ, въ смыслѣ упорнаго отстаиванія своихъ мнѣній и убѣжденій, и уже не раньше успокоится, какъ добившись того или другаго рѣшительнаго результата. Такъ оно впрочемъ и должно быть. Уже изъ элементарной физики извѣстно, что чѣмъ больше тѣло, тѣмъ труднѣе привести его въ движеніе; но за то, разъ выведенное изъ пассив-

наго покоя, оно не скоро останавливается и преодолевает на своем пути препятствия, которые оказали-бы несравненно больше влияния на тѣла меньшаго объема. Эта истина примѣняется не только къ физическимъ, но и къ социальнымъ тѣламъ. И общественные организмы, если они только *организмы*, а не простые конгломераты разнородныхъ частей, ничего общаго между собою неимѣющихъ, не слишкомъ скоро поддаются вѣшнему давлению. Инерція, дающая устойчивость общественному тѣлу, оказываетъ свое дѣйствіе и мѣшаетъ его быстрому движенію. Чѣмъ общественный организмъ стройнѣе, чѣмъ большая внутренняя связь въ немъ существуетъ, тѣмъ неподатливѣе онъ бываетъ для мимолетныхъ вліяній. Но не мимолетныя, а имѣющія въ своей основѣ требованія правды и справедливости—такія вліянія глубоко проникаютъ въ него и приводятъ его нерѣдко къ великимъ результатамъ.

Отношеніе Англіи къ современному славянскому движенію какъ нельзя лучше подтверждаетъ справедливость этой истины. Долго смотрѣла она безучастно на ту великую борьбу, которую предприняло угнетенное славянство для защиты своихъ человѣческихъ правъ. Простымъ зрителемъ оставалась она въ то время, когда всѣ ожидали отъ нея дѣятельнаго участія и рѣшительнаго голоса. Неужели-же, думалось многимъ, та самая Англія, которая не разъ подавала руку помощи тѣмъ, кто боролся за свою независимость и отстаивалъ культуру противъ варварства, — неужели она можетъ остаться равнодушной къ борьбѣ, въ которой заиѣшаны самые высокіе интересы цивилизаціи и справедливости?

Событія какъ будто подтверждали эти горькія сомнѣнія. Дизраэли былъ до того солидаренъ съ константинопольскими взглядами и воззрѣніями, что трудно было опредѣлить, гдѣ начинается англійскій премьеръ и гдѣ кончается Махмудъ-паша. Лордъ Эліотъ могъ-бы гораздо вѣрнѣе быть названъ великимъ визиремъ или даже шейхъ-уль-исламомъ, чѣмъ представителемъ христіанской державы. „Standard“ и „Morning Post“ говорили языкомъ „Басирета“ и другихъ мусульманскихъ макулатуръ. Эти и другіе факты наводили близорукихъ людей на мысль объ окончательномъ нравственномъ паденіи родины великихъ пѣвцовъ свободы, Байрона и Шелли.

Но таковъ былъ взглядъ только близорукихъ людей. Ближе знакомые съ умственной и нравственной физиономіей британскаго народа не сомнѣвались, что общественное мнѣніе Англіи обмануто ея правительствомъ. И дѣйствительно, когда „Daily News“ представилъ на судъ Европы потрясающую картину болгарскихъ звѣрствъ и, обозвавъ своего премьера политическимъ шулеромъ, подтверждалъ это неотразимыми фактами, Англія изъ конца въ конецъ заколебалась: общій взрывъ негодованія пронесся по всему протяженію соединеннаго королевства, затѣмъ начинаются одинъ за другимъ митинги съ десятками тысячъ участниковъ, ораторы возбуждаютъ толпу, газеты примыкаютъ къ общему движенію. Во главѣ его становится человекъ безупречной политической честности, испытанныхъ убѣжденій и свѣт-

лаго ума. Это Гладстонъ. Движеніе дѣлается національнымъ, глубоко отозвавшимся во всѣхъ слояхъ общества, особенно среди рабочихъ массъ, сердцу которыхъ болѣе доступны чужія страданія.

Политическій взглядъ Гладстона на судьбы Турціи и Балканскаго полуострова ясно резюмируется въ его брошюрѣ: „Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ“. Книжка не велика—въ русскомъ переводѣ листа три крупной печати. Но если принять въ соображеніе, что брошюра во многихъ тысячахъ экземпляровъ была распродана въ нѣсколько дней, что ее писалъ человекъ, за которымъ стоитъ добрая половина Англіи, и который выражаетъ и объясняетъ мнѣніе громаднаго большинства своихъ соотечественниковъ, то книжка получаетъ капитальное европейское значеніе. Тѣмъ болѣе, что она очерчиваетъ програму тѣхъ руководящихъ принциповъ, которые, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, послужатъ основаніемъ политикѣ Англіи въ восточномъ вопросѣ.

Передадимъ здѣсь содержаніе этой брошюры и укажемъ на ея главные выводы.

Брошюра начинается съ того, что авторъ въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ нападаетъ на правительство за то, что оно держало англійскій народъ въ невѣденіи истиннаго положенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и тѣмъ косвенно вовлекло его въ отвѣтственность за совершившіяся злодѣянія, неимѣющія, можетъ быть, во всей всемірной исторіи ничего подобнаго себѣ. Но когда въ глазахъ Англіи раскрылась истина, она заволновалась, громко заговорила, и Гладстонъ явился истолкователемъ ея чувствъ и симпатій.

„Они должны понять, говоритъ Гладстонъ, какъ велико, свыше всякой мѣры, значеніе ихъ митинговъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ. Какъ Ингерманъ былъ рѣшительною битвою для воинновъ, такъ настоящая минута, есть минута кризиса для всей націи. Вопросъ состоитъ не только въ томъ, чтобы произнести судъ справедливый и дѣйствительный надъ неприимѣрными злодѣяніями,—но въ томъ еще, чтобы повтореніе этихъ злодѣяній сдѣлать дѣйствительно и рѣшительно невозможнымъ. Чтобы пріобрѣсти увѣренность въ этомъ, народъ долженъ высказаться чрезъ свое правительство; но мы видимъ теперь ясно, что надобно сначала научить это правительство такъ-же почти, какъ учать едва лепечущихъ дѣтей,—что оно должно сказать. Тогда сдвинется камень, лежащій поперекъ дороги, и ничто не помѣшаетъ соединенной Европѣ наказать исполненное злодѣйство“.

Вы видите, что дѣло сразу поставлено на широкую почву. Гладстонъ, одинъ изъ виновниковъ крымской войны, предпринятой для поддержки Турціи, не затрудняется громкогласно предъ всѣмъ міромъ высказать измѣнившійся взглядъ свой на восточный вопросъ; онъ торжественно отрывается отъ своихъ прежнихъ воззрѣній, убѣдившись въ томъ, что внѣшняя поддержка Турціи, дальнѣйшее ухаживаніе за этимъ незлечимо больнымъ—совершенно бесполезны; этого мало, они не только бесполезны, но они положительно вредны какъ самому *больному*, такъ и его врачамъ. Гладстонъ

откровенно и прямо сознается въ своей ошибкѣ. Но не онъ одинъ ошибался назадъ тому двадцать лѣтъ; ошибалось большинство тогдашнихъ государственныхъ людей и эта ошибка стояла жизни многимъ десяткамъ тысячъ французовъ, англичанъ и итальянцевъ. Теперь взглядъ измѣнился. Гладстонъ въ самой турецкой національности, въ самыхъ основахъ ея религіозно-политическаго застоя и антагонизма, усматриваетъ элементы неотразимаго разложенія и невозможность ея дальнѣйшаго господства надъ христіанскимъ населеніемъ, завоеваннымъ силою Османскаго меча.

„Мы имѣемъ тутъ дѣло не съ кроткою магометанскою расой, какъ въ Индіи, и не съ Саладиновыми рыцарями Сиріи, и не съ образованными испанскими маврами. Начиная съ того чернаго дня, когда турки вступили въ Европу, мы видимъ въ нихъ человѣческое общество, олицетворяющее въ себѣ врага человѣчеству. Гдѣ ни появлялись они, всюду оставляли за собою широкій, кровавый слѣдъ; куда ни проникало ихъ владычество, всюду цивилизація гнила, совсѣмъ пропала изъ виду. Они представляли повсюду власть и правленіе грубой силы, съ отрицаніемъ правленія, на законѣ основаннаго. Въ здѣшней жизни однимъ руководствомъ служилъ для нихъ — непреклонный фанатизмъ; въ будущей жизни представлялась одна награда — рай чувственности“.

Даже право сильного теперь не на сторонѣ турокъ, потому что военная доблесть Баязетовъ, Амуратовъ и Махмудовъ совершенно утрачена ихъ потомками. И вотъ ихъ-то, этихъ героев тамерлановской эпохи, почему — то англійское правительство считаетъ нужнымъ поддерживать. Гладстонъ энергично отвергаетъ эту необходимость и съ удвоенною силою снова набрасывается на правительство за тотъ туманъ, который оно хотѣло напустить на болгарскія звѣрства. Гладстонъ констатируетъ громадную заслугу „Daily News“ въ дѣлѣ раскрытія истины предъ англійскимъ народомъ. И въ самомъ дѣлѣ, газета на свои частныя средства снаряжаетъ уполномоченнаго! Снилось-ли что-нибудь подобное русскимъ газетамъ, которыя такъ свысока смотрятъ на англійскую націю? Казалось-бы, кому, какъ не намъ, единоплеменникамъ, говорящимъ на родственномъ нарѣчій, пролить истинный свѣтъ на положеніе дѣла! И все-таки эта честь выпала на долю представителя совершенно чуждой славянству расы.

Гладстонъ дѣлаетъ затѣмъ подробный обзоръ самыхъ убійствъ, причѣмъ указываетъ на цинизмъ турецкихъ властей, ограничивающихся однимъ голымъ отрицаніемъ фактовъ. Бывшій премьеръ съ грустью сознается, что болгарскія звѣрства не были-бы совершены, если-бы послышка англійскаго флота въ безыксскую бухту не внушила туркамъ мысли о безнаказанности и осолитарности ихъ съ англійскимъ народомъ.

Разсуждая о проектѣ раздѣла Оттоманской имперіи, Гладстонъ говоритъ:

„Что касается цѣлости Турціи, то я продаю желать сохранить ее; но не скажу, что на это желаніе слѣдуетъ смотрѣть, какъ на что-либо меревѣшивающее другія высшія задачи политики. Изъ всѣхъ задачъ поли-

тики, по-моему, первая и важнѣйшая есть челоуѣколюбіе, разумно понятое и поставленное въ вѣрныя отношенія съ справедливостью. Я вѣрю, что можно не нарушить эту высокую цѣль и достигнуть нѣкоторыхъ другихъ важныхъ цѣлей, сохраняя территориальную цѣлость Турціи“.

Причина, почему Гладстонъ отстаиваетъ, хотя и очень не смѣло, неприкосновенность Турціи — боязнь гегемоніи Россіи, опасеніе, что съ паденіемъ Турціи весь Востокъ Европы, съ ея лучшими морями, будетъ находиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ Россіи и современемъ перейдетъ въ ея руки. При этомъ нужно принять во вниманіе, что Гладстонъ не журналистъ, который, рассуждая теоретично, можетъ и даже долженъ руководствоваться возвышенными принципами. Онъ не сегодня, такъ завтра можетъ стать во главѣ правительства; слѣдовательно, произносимыя имъ теперь слова служатъ ручательствомъ того, что они будутъ осуществлены на дѣлѣ, когда власть очутится въ его рукахъ.

„Мы требуемъ не менѣе, какъ измѣненія въ принятыхъ правительствомъ положеніи и политикѣ. Мы требуемъ, чтобы оно уничтожило и изгладило то справедливое впечатлѣніе, которое оно успѣло, скрывая все отъ своихъ соотечественниковъ, распространить по Европѣ, будто мы рѣшительные сторонники турокъ и будто, объявивъ цѣлость и независимость Турціи существенно нужными для „британскихъ интересовъ“, мы закрыли глаза и—если обстоятельства потребуютъ,—закроемъ ихъ, если возможно еще болѣе, на всѣ преступленія и варварское насиліе турокъ. Мы желаемъ привести себя въ согласіе съ общимъ чувствомъ образованнаго челоуѣчества, а не быть злымъ духомъ, каковыми мы казались, который преслѣдуетъ это чувство, иѣшаетъ ему и портитъ его. Мы желаемъ заставить турокъ понять, что британское правительство, внушая имъ своими словами и дѣйствіями подобнопонятіе, не поняло, а потому и невѣрно передало мысль британскаго народа“.

Гладстонъ на-столько проникнутъ желаніемъ поскорѣ смыть пятно, лежащее на Англій за ея косвенное содѣйствіе болгарскимъ убійствамъ, что онъ согласенъ даже на союзъ съ Россією. Онъ требуетъ, чтобы Англія вступила съ Россією въ соревнованіе, чтобы она приняла участіе въ ея добрыхъ дѣлахъ и отложила свое сопротивленіе до тѣхъ поръ, пока Россія не злоупотребитъ своей силой.

Гладстонъ требуетъ автономіи для Болгаріи, Босніи и Герцеговины та-того-же рода, какою пользуется Румынія. При такой автономіи силы этихъ несчастныхъ странъ придутъ въ нормальное положеніе. Но для этого нужно удаленіе турокъ или, вѣрнѣе, турецкихъ властей изъ возставшихъ провинцій. Этимъ требованіемъ и заканчивается брошюра.

„Пусть теперь турки уничтожаютъ свои злоупотребленія единственно для нихъ возможнымъ способомъ: пусть уберутъ сами себя. Ихъ запятія и мудры, биябашы и юзбашы, каймакамы и паши, всѣ, сколько ихъ ни есть со всѣмъ своимъ сварбомъ, очистить, надѣюсь, провинцію, которую они,

осквернили и привели въ разореніе. Это рѣшительное очищеніе, это блаженное избавленіе будетъ единственно возможною для насъ жертвою возмездія—памяти этихъ мертвецовъ, пирамидами покрывающихъ несчастную землю,—этой поруганной чистотѣ женской, дѣвической и дѣтской,—цивилизациі, подвергнутой такому насилію и позору,—законамъ Божиимъ или, если угодно, законамъ Аллаха и нравственному чувству всего человѣчества. Нѣтъ преступника въ европейскихъ тюрьмахъ, нѣтъ канибала на островахъ Южнаго океана, кто не вскидѣлъ-бы негодованіемъ при разказѣ о томъ, что совершилось, что слишкомъ поздно подвергнуто изслѣдованію и остается еще не отищеннымъ, что оставляетъ позади себя всѣ гнусныя и звѣрскія страсти, бывшія причиною злодѣяства; а эти страсти могутъ еще воспрануть на другую кровавую жатву, на землѣ, упитанной еще дымящейся кровью, въ воздухѣ, проникнутомъ дѣйственною силою всякаго беззаконія, всякаго срама и позора“.

„Позоръ, что такое дѣло могло когда-нибудь совершиться, позоръ и проклятіе той части нашего племени, которою совершено дѣло; но этотъ позоръ ляжетъ на всѣхъ насъ, ляжетъ на цѣломъ племени, если еще послѣ того дверь не будетъ затворена и страшное дѣло можетъ повториться вновь. Лучше,—можемъ мы, по справедливости, сказать султану словами поэта (Теннисонъ),—лучше тебѣ потерпѣть что-бы то ни было отъ потери Болгаріи,

Чѣмъ сѣсть опять во свѣтлости престола,
И власть держать на посягающе людяхъ
И на погибель своему народу...

„Перечитавъ всѣ лѣтописи міра, сомнѣваюсь, найдемъ-ли гдѣ еще такой чудовищный примѣръ дьявольскаго злоупотребленія властью, Богомъ установленной „въ наказаніе злымъ и въ утверженіе добротворящимъ“.

„Если-бъ возможно было допустить, что турецкая исполнительная власть можетъ въ эту критическую минуту, съ согласія или утверженія Европы, продолжить въ Болгаріи законное свое существованіе,—въ такомъ случаѣ надо признать преступленіемъ всякій протестъ правды человѣческой противъ злоупотребленія власти, всякое сопротивленіе самой гнусной тираніи“.

Вотъ основной взглядъ Гладстона на такъ-называемый восточный вопросъ. Намъ кажется, что взглядъ этотъ долженъ быть симпатиченъ всѣмъ, неослѣпленнымъ пробудившимся въ насъ національнымъ чувствомъ. Национальное чувство не только хорошее чувство, но оно можетъ быть и высокимъ политическимъ чувствомъ. Но у насъ, за время славянскаго движенія, чувство національности до-того специализировалось, до-того сдѣлалось исключительнымъ и нетерпимымъ, до-того извращено и обезсмыслено нашими полицейско-публицистами, что мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ останавливаемся на обширной и высоко-гуаянной точкѣ зрѣнія Гладстона.

Звѣрства въ Болгаріи. Письма спеціального корреспондента „Daily News“ Д. Е. Макгаана. Переводъ съ англійскаго. Спб., 1876.

Мы говорили только-что о брошюрѣ Гладстона, въ которой онъ отдаётъ полную дань уваженія корреспонденту „Daily News“ за его сообщенія, возбуждшія англійское общество протавъ турокъ. Эти корреспонденціи вышли въ Англій отдѣльной брошюрой и на дняхъ появились въ русскомъ переводѣ. Для развитія и оцѣнки восточнаго вопроса они имѣютъ капитальное значеніе; итъ, этииъ корреспонденціямъ, обязана Европа разоблаченіемъ июльскихъ убійствъ, произведенныхъ въ Болгаріи; они вывели на свѣтъ божій всю эту грязь и кровь, которую старалась скрыть отъ общественнаго мнѣнія Европы іезуитская политика Дизраэли и варварская система турецкой администраціи. Только благодаря этимъ сообщеніямъ, одна изъ самыхъ мрачныхъ страницъ въ исторіи Болгаріи восстановлена въ ея настоящемъ свѣтѣ, тогда-какъ многія подобныя страницы остаются потерянными для насъ, потому что о нихъ никто не знаетъ, никто не слышалъ и онѣ погребены въ могилѣ вмѣстѣ съ жертвами турецкаго насилія.

Имя этого корреспондента — Макгаанъ. Это тотъ самый англичанинъ, который описывалъ въ „New-York Herald“ хивинскій походъ и описалъ на-столько интересно, что „Русскій Вѣстникъ“ не счелъ лишнимъ перевести это описаніе на своихъ столбцахъ. Довольно любопытное явленіе: о русскомъ походѣ мы переводимъ описаніе иностранца. Неудивительно послѣ этого, что мы и о болгарской рѣзнѣ узнаемъ не отъ своихъ консуловъ и корреспондентовъ, а отъ иностраннаго туриста.

Какъ опытный корреспондентъ, Макгаанъ, зная, что въ Турціи всего удобнѣе путешествовать не простымъ туристомъ, а официальнымъ лицомъ, присоединился къ Берингу и Скайлеру, которые формальнымъ образомъ производили слѣдствіе. Какъ корреспондентъ англійскихъ газетъ, Макгаанъ хотѣлъ застаться полнымъ безпристрастіемъ и хладнокровіемъ при оцѣнкѣ видѣнныхъ и слышанныхъ имъ фактовъ, но на этотъ разъ не выдержалъ.

„Бываютъ факты, говорятъ онъ, на которые нельзя смотрѣть съ хладнокровіемъ судьи; при видѣ ихъ кровь кипитъ въ вашихъ жилахъ и мускулы сжимаются отъ негодованія. Бываютъ факты, которые до того ужасны, низки и позорны, что глазъ отказывается глядѣть, ухо слушать и умъ обсуждать“.

Да и въ самомъ дѣлѣ: сохраните хладнокровіе, когда съ самаго начала слѣдствія весь вопросъ вертится на томъ, перебито-ли 15 тысячъ людей разсвирѣпѣвшими баши-бузуками, или эта цифра достигла 25 тысячъ; сожжено-ли 60 селеній, или вдвое больше?

Мы не станемъ извлекать изъ брошюры Макгаана описанія картинъ кучи череповъ, костей, скелетовъ, кусковъ мяса, прядей волосъ и обрыв-

ковъ одежды, сваленныхъ въ одну безобразную массу. Все это было въ свое время приведено въ „Дѣлѣ“ Изъ брошюры корреспондента „Daily News“ можно почерпнуть другія интересныя подробности: о турецкой администраціи, объ англійскихъ дипломатахъ въ Турціи, а главное о внутренней жизни болгаръ. Оно, положимъ, обидно справляться о бытѣ соплеменниковъ у англичанина, но что-же дѣлать?—такова горькая необходимость. Современное славянское движеніе, безъ сомнѣнія, увеличило въ нашемъ обществѣ свѣденія о жизни соплеменныхъ намъ народностей; но эти свѣденія куда какъ скудны еще, куда какъ недостаточны и отрывочны! Только теперь мы съ грѣхомъ пополамъ кое-что узнали о сербахъ, но остальные славянскія народности все еще представляютъ даже для громаднѣйшаго большинства нашей интеллигенціи совершеннѣйшую terra incognita. Знаемъ мы, что существуютъ чехи, словаки, хорваты, русины, что австріянки ихъ „притѣсняють“—вотъ и все, что мы знаемъ о своихъ соплеменникахъ. Но какъ эти самые братья наши живутъ, чѣмъ промышленяютъ, во что вѣрятъ, на что надѣются, каковъ ихъ характеръ, наклонности, привычки—въ этихъ подробностяхъ мы столько-же смыслимъ, какъ въ бытѣ папуасцевъ, открытыхъ Миклухой-Маклаемъ. Когда вдругъ на политическую арену выплываетъ какой-нибудь галиційскій, хорватскій и еще такъ недавно сербскій и болгарскій вопросъ, мы объ немъ не имѣемъ понятія и должны лѣзть за справками въ какой-нибудь нѣмецкій энциклопедическій словарь или англійское специальное сочиненіе. На этотъ разъ позвольте пригласить васъ, читатель, къ Макгаану.

„Въ Англии и вообще въ Европѣ, говоритъ онъ, имѣютъ самое превратное понятіе о болгарахъ. Я всегда слышалъ и, признаюсь, до послѣдняго времени самъ полагалъ, что они дикари, не болѣе цивилизованные, чѣмъ американскіе индѣйцы. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я узналъ, что почти въ каждомъ болгарскомъ селеніи находится школа и что эти школы, гдѣ онѣ не сожжены турками, въ цвѣтущемъ положеніи. Онѣ содержатся на суммы добровольно возложеннаго на себя болгарами налога, не только безъ правительственныхъ побужденій, но вопреки многочисленнымъ затрудненіямъ, причиняемымъ властями; обученіе въ этихъ школахъ даровое, одинаковое для богатыхъ и бѣдныхъ. Такимъ образомъ, едва-ли найдется болгарскій ребенокъ, неумѣющій читать и писать и вообще процентъ грамотныхъ въ Болгаріи не менѣе, чѣмъ въ Англии и Франціи. Точно также я думалъ, что болгарскія селенія состоятъ изъ нѣсколькихъ малоцѣнныхъ мазанокъ, которыя не трудно возстановить послѣ пожара. Каково-же было мое изумленіе, когда я увидалъ, что большинство этихъ селеній—хорошо выстроенные города съ прочными каменными домами и значительнымъ количествомъ состоятельныхъ, даже достаточныхъ гражданъ; нѣкоторые-же изъ нихъ могли-бы выдержать сравненіе съ англійскими и французскими мѣстечками. Въ дѣйствительности выходитъ, что болгары не только не дикари, а работающій, промышленный, честный, образованный и мирный народъ“.

Изъ этого коротенькаго очерка наши національ-либералы могутъ убѣдиться, что ихъ цивилизаторскія права совсѣмъ не такъ велики, какъ они воображаютъ. Еще въ другихъ мѣстахъ разбираемой теперь брошюры вы найдете много фактовъ, указывающихъ на такую культуру болгаръ, о которой наши костромичи и не мечтаютъ. Такъ, напр., у нихъ простая сельская учительница получаетъ 600 р. годового жалованья, что, соотвѣтственно дешевизнѣ жизни въ Болгаріи, будетъ тоже самое, что у насъ тысячи полторы. И притомъ замѣтите, что платитъ учителямъ и вообще содержитъ школу не правительство, а каждая община, причеиъ дѣлаетъ это вполне добровольно, потому что само собою разумѣется, что въ желаніи остаться невѣжественными Турція предоставляетъ своимъ подданнымъ самую обширную свободу. Болгары, несмотря на страшные налоги и поборы, находятъ еще деньги для образованія. Наши національные либералы, проповѣдующіе цивилизацію посредствомъ станovýchъ приставовъ, могутъ также убѣдиться при ближайшемъ разсмотрѣніи болгарской системы образованія, что дѣйствительно сильная культура оказываетъ вліяніе даже тогда, когда она вовсе не заинтересована въ судьбахъ извѣстнаго народа. Вотъ, напр., американцы и англичане—націи, совершенно чужія славянской расѣ, а между тѣмъ англійскіе и американскіе миссіонеры учредили въ Болгаріи множество школъ и помогли болгарамъ указаніями, какъ слѣдуетъ организовать и поддерживать школы. А вотъ авторъ „Національной задачи“ все боится, что болгары уйдутъ изъ подъ нашего вліянія. Не уйдутъ, г. національ-либераль, если вы только будете имѣть чѣмъ вліять и вліять непремѣнно въ хорошую сторону.

Любопытны нѣкоторыя черты турецкой системы управленія, разбросанныя здѣсь и тамъ у Макгаана.

„Вотъ примѣръ турецкой идеи о реформѣ. До прошлаго года все мужское христіанское населеніе, начиная съ только-что родившагося младенца до столѣтняго старика, обязано было платить налогъ за освобожденіе отъ военной повинности. Но въ прошломъ году была объявлена новая великая реформа. Впредь только способные къ военной службѣ обязывались платить военный налогъ; народъ ликовалъ. Но вотъ наступило время сбора налога и каково-же было всеобщее изумленіе, когда оказалось, что каждое селеніе обязано было платить ту-же сумму. Налогъ былъ только распредѣленъ иначе, то-есть онъ легъ всей своей тяжестью на людей, способныхъ къ военной службѣ, но цифра не измѣнилась. И это Турція называетъ реформой и такой наглый обманъ она выдаетъ передъ Европой за „неуспынная заботы Султана объ участи его христіанской райи“.

Но когда уже очень пристанутъ европейскіе представители, что называется, наступать на горло Влнстательной портѣ, она немедленно издаетъ либеральное распоряженіе; это распоряженіе сейчасъ появляется на одномъ изъ цивилизованныхъ языковъ въ „Levant Herold'ъ“ или „Turquie“. Газета приходитъ въ Вѣну, Пештъ, и „Neue Freie Presse“ „Pesther Lloyd“ и вся вообще фаланга австрійскихъ продажныхъ газетъ, запасшихся

турецкими фундами по низкой цѣнѣ, начинаетъ испускать крики радости и восторга: вотъ, молъ, смотрите, смотрите, какое это либеральное справедливое государство въ мірѣ! Но какъ только европейскіе опекуны Порты опочіютъ отъ дѣлъ своихъ, всѣ либеральныя мѣры превращаются въ варварскія распоряженія. Англійскій консулъ въ Багдадѣ, говоря о томъ, какъ изолгалось турецкое правительство, замѣчаетъ: „простой турокъ считаетъ стыдомъ сказать неправду, тогда какъ турецкій паша, губернаторъ или министръ считаютъ чѣмъ-то неприличнымъ сказать правду и потому официальная ложь здѣсь никого не удивляетъ.“ Макгаанъ вполне убѣдился въ этомъ.

„Несмотря на многочисленныя обѣщанія, говоритъ онъ, ни кубы для приготовления розоваго масла, ни скотъ не были возвращены. Филиппопольскій мутесарифъ объяснилъ Скайлеру и Берингу, что множество скота собрано въ Филиппополѣ и жителямъ окрестныхъ селеній приказано явиться для признанія своей скотины. Это распоряженіе, конечно, очень разумное и справедливое. Стоило только придти, хотя иногда за 100 миль, и доказать свое право собственности, чтобъ получить отнятую скотину. Скайлеръ и Берингъ были въ восторгѣ отъ этой простой и вполне дѣйствительной мѣры. На сколько мнѣ извѣстно, Берингъ и до сихъ поръ остался при этомъ мнѣніи, но Скайлеръ, съ отличающимъ его умѣньемъ разузнавать тайны, навелъ справку, что вмѣстѣ съ этимъ распоряженіемъ было приказано никого не выпускать изъ селеній безъ особаго паспорта. Итакъ, болгары имѣли полное право явиться въ Филиппополь и взять свое имущество, но они должны были осуществить это право, не отлучаясь изъ своихъ селеній. Имъ дозволяли придти въ городъ, но запрещали выйти изъ деревни“.

Но не всѣ Скайлеры, не всѣ искусились въ искусствѣ говорить турецкимъ сановникамъ прямо въ глаза, что они врутъ. Если вы только обладаете самою ничтожною долею довѣрчивости, васъ убѣдятъ во всемъ и вы, возвратитесь изъ Турціи, по всей вѣроятности, ярымъ туркофиломъ.

„Чтобъ понять, какъ могутъ хладнокровно, искусно и добросовѣстно лгать турки, надо видѣть самому все, что я видѣлъ въ Болгаріи. Я много путешествовалъ, но, сознаюсь, что до настоящаго времени не постигалъ, до какого коварства можетъ дойти человѣкъ. Просто невѣроятно, какими честнымъ, искреннимъ и серьезнымъ тономъ турки лгутъ и потому неудивительно, что обману поддаются самые скептическіе, недовѣрчивые умы. Они говорятъ до того добросовѣстно и съ такимъ знаніемъ дѣла, что вы невольно убѣждаетесь въ полномъ соотвѣтствіи ихъ мнѣній съ вашими взглядами и чувствами. Они понимаютъ добро не хуже васъ и потому кажется невозможнымъ, чтобъ они дѣлали зло и, только убѣдившись собственными глазами, что они намѣренно, хладнокровно лгутъ, вы начинаете понимать всю глубину ихъ коварства. Бываютъ случаи, какъ настоящій, когда можно добиться до истины, но вообще мы не имѣемъ средствъ къ повѣркѣ слышаннаго и поневолѣ приходится вѣрить. Необходимъ особый складъ ума, чтобъ сомнѣваться въ каждомъ словѣ, которое вамъ говорятъ, а европейцы

не отличаются подобной привычкой, которая приобретается съ дѣтства. Вотъ почему европейцевъ постоянно проводятъ и обманываютъ на Востоку. Можетъ быть, читатель скажетъ, что въ этомъ отношеніи я достаточно искуссился. Но это только такъ кажется. Я вполне увѣренъ, что мутесарифъ Филиппополя или всякій другой турокъ можетъ заставить меня повѣрить всевозможной лжи, если я не имѣю подъ руками средствъ доказать ихъ обманъ. Я чувствую себя совершеннымъ ребенкомъ въ ихъ рукахъ. Я нимало не усумнился-бы въ свидѣтельствѣ Кіани-паши и Эдиба-эфенди о томъ, что никто не убитъ въ Батакѣ, если-бы самъ лично не посѣтилъ Батака и не видѣлъ отъ 6,000 до 7,000 труповъ, валявшихся на землѣ. Устынскіе турки не только не возвратили несчастнымъ болгарамъ ихъ скота, но, услыжавъ о нашемъ посѣщеніи Перуштицы, и боясь нашихъ энергическихъ представленій по этому поводу, угнали его въ другую часть страны и тамъ продали*.

Но англійскіе государственные люди поддаются на такія турецкія удочки или, вѣрнѣе, позволяютъ себя поддѣвать. Макгаанъ самымъ рѣзкимъ образомъ выступаетъ противъ Эллиота, который дѣйствительно болѣе чѣмъ достоинъ порицанія за свое туркофильство, превосходящее всякія границы. Совѣмъ забывая, что „большой человекъ“ долженъ быть руководитъ, чтобы не надѣлать самыхъ ужасныхъ варварствъ, Эллиотъ вполне представляетъ ихъ въ ихъ собственное распоряженіе, сообразно ихъ дикимъ инстинктамъ, защищаетъ ихъ во всемъ, одобряетъ всѣ ихъ дѣйствія, закрываетъ глаза на всѣ ихъ недостатки и отрицаетъ всѣ факты, утверждая, что все это выдумываютъ русскіе. За такое отношеніе Макгаанъ прямо называетъ Эллиота отвѣтственнымъ лицомъ за болгарскую рѣзню, потому что онъ своимъ влияніемъ вполне могъ-бы удержать турецкія власти отъ прибыва турокъ къ оружію.

Но Эллиотъ ничего этого не сдѣлалъ, не сдѣлалъ также ничего для облегченія участи разоренныхъ его потворствомъ болгаръ. А помощь имъ была необходима еще въ августѣ.

„Если Европа не вмѣшается, то ничего не будетъ сдѣлано для злополучныхъ болгаръ. Если христіанскія державы, лицемерно принявшія на себя покровительство надъ славянскими народами только для того, чтобы предать ихъ связанныхъ по рукамъ и ногамъ варварамъ-туркамъ,—не возьмутъ этого дѣла въ свои руки, то бѣдствующія женщины и дѣти должны умереть отъ голода, холода и болѣзней. Скайлеръ, выѣзжая три мѣсяца тому назадъ изъ Парижа, былъ яростнымъ туркофиломъ; но его такъ глубоко поразило все видѣнное здѣсь, всюду распространенное опустошеніе и быстро увеличивающаяся нищета, что онъ рѣшился сдѣлать попытку возбудить иностранное вмѣшательство и назначить комиссію для покровительства болгарскому народу. Онъ хочетъ предложить этой комиссіи слѣдующія необходимыя, по его мнѣнію, мѣры: во-первыхъ, повѣсить Ахмета-агу, истребителя Батака, и другого Ахмета-агу, столь-же преступнаго героя Перуштицы; Шевкета-пашу, награжденнаго за свои жестокости почетнымъ мѣ-

стоишь при султанскомъ дворѣ, и Тассума-бея, о которомъ я нѣсколько разъ упоминалъ; во-вторыхъ, обезоружить мусульманское населеніе, и въ-третьихъ, на счетъ турецкаго правительства выстроить вновь сожженныхъ селенія, вознаградивъ вполне пострадавшихъ христіанъ“.

Мы ничего не имѣли-бы противъ такихъ требованій, если-бы не были увѣрены, что сколько-бы Макгаанъ ни перевѣшалъ чиновниковъ, но Ахметъ-аги не переведутся тамъ, гдѣ будетъ господствовать общая система управленія, оплодотворяющая и производящая на свѣтъ это крапивное сѣмя. Прочтите, читатель, всю брошюру Макгаана; извлекать изъ нея описаніе ужасовъ невозможно, потому что вся она представляетъ собою одну картину и ее пришлось-бы перепечатать цѣликомъ. Всякая страница до того изобилуетъ кровавыми эпизодами, всѣ перечисленные случаи до того ужасны, что не знаешь, что тутъ страшнѣе, что возмутительнѣе: звѣрство турокъ или равнодушіе европейскихъ дипломатовъ.

Руководство для преподавателей русскаго языка въ младшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Классная русская хрестоматія, составленная Владиміромъ Стоюнинымъ. Спб., 1876 г.

Это собственно учебникъ для учителей, которыхъ тоже отъ времени до времени подбучивать не мѣшаетъ. Въ предисловіи, составленномъ специально для учителей, мы находимъ нѣсколько здравыхъ мыслей, надъ которыми не мѣшало-бы призадуматься нашимъ преподавателямъ-составителямъ учебниковъ, вроде г. Радонежскаго. Г. Стоюнинъ совершенно справедливо вооружается противъ раннихъ занятій грамматикой, которая онъ называетъ „сущеніемъ ума или, лучше сказать, насиліемъ надъ нимъ; ребенку даютъ слово, какъ форму самостоятельную, отвлеченную отъ содержанія, а онъ видитъ образъ, понятіе, съ которымъ сливается это слово, и не замѣчаетъ той формы; наконецъ, съ помощью сравненій однородныхъ формъ, написанныхъ на доскѣ, что должно отвлечь слово отъ слуха и привлечь къ нему зрѣніе, удается дойти до отвлеченія слова и отъ понятія; ребенокъ будетъ видѣть только форму, онъ будетъ запоминать грамматическія правила, разбирать отдѣльныя слова, но за то уже за грамматикой не будетъ видѣть живого языка, который выражаетъ всѣ душевныя ощущенія. Несвоевременное и неумѣлое обученіе грамматикѣ часто напускаетъ туманъ въ голову ученика, вмѣсто того, чтобы развивать его. Не всегда помогаетъ и такъ-называемое наглядное обученіе, которое у насъ начинаетъ входить въ школьную практику. За него часто берутся непонимающіе настоящаго его значенія. Они такъ много говорятъ съ учениками о томъ, что имъ и безъ того давно хо-

рошо знакомо и такъ мало указываютъ имъ на то, чего они не могли сами подѣлать въ предметѣ, что не даютъ имъ почти ничего новаго, не пополняютъ ихъ понятій, а наводятъ на нихъ скуку, съ которою вообще не далеко уйдешь впередъ. Своими неумѣлыми занятіями они не поднимаютъ ученика, чему онъ всегда бываетъ радъ, а прививаютъ его, потому что онъ чувствуетъ себя выше этихъ занятій и болѣе смѣлый начинаетъ подсмѣиваться надъ ними, а иной перестаетъ даже отвѣчать на нехитрые вопросы преподавателя. Точно тоже случается и при объясненіи прочитанной статьи. Слишкомъ много стараются объ объясненіи отдѣльныхъ фразъ, окружая ихъ множествомъ разныхъ вопросовъ съ цѣлью убѣдиться, понимаетъ-ли ихъ ученикъ. И никому не приходитъ на умъ, что этими вопросами, многоглаголювыми объясненіями, заслоняютъ цѣлое и убиваютъ тотъ живой образъ, который долженъ быть вызванъ чтеніемъ и пополненъ какими-либо новыми признаками. Мы не говоримъ уже о чувствѣ, которое должно-бы было вызываться образомъ; чувство тутъ совершенно подавляется фразами; ученикъ скоро устаетъ отвѣчать на вопросы: кто? что? какъ? гдѣ? куда? зачѣмъ? и проч., и вмѣсто удовольствія, какое могъ-бы вызвать въ душѣ образъ, чувствуетъ скуку. Иные преподаватели, по поводу тѣхъ или другихъ прочитанныхъ фразъ, пускаются въ подробныя объясненія даже того, что прямо не относится къ прочитанной статьѣ, наивно полагая, что своими обильными разсказами они обогатятъ умъ ребенка новыми понятіями. Они думаютъ, что такими путями умъ въ состояніи пріобрѣтать новыя, ясныя понятія и прочно удерживать ихъ въ памяти; мы рѣшительно утверждаемъ, что подобное объяснительное чтеніе, если не убиваетъ, то ослабляетъ въ ребенкѣ тѣ задатки, изъ которыхъ должно вытекать правильное умственное развитіе. Эти задатки заключаются въ тѣхъ живыхъ впечатлѣніяхъ, которыя накопились въ ребенкѣ втеченіе его жизни, въ тѣхъ образахъ, которые у него слагались изъ этихъ впечатлѣній, въ тѣхъ понятіяхъ, которыя вытекали изъ этихъ образовъ, въ тѣхъ, наконецъ, чувствахъ, какія вызывались тѣми и другими. Со всѣмъ этимъ должно соединяться объяснительное чтеніе, оно должно вызывать знакомыя впечатлѣнія и образы тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ перестаютъ повторяться въ жизни ребенка и, невызываемыя ничѣмъ въ памяти, могутъ поблекнуть или совсѣмъ заглухнуть, при частомъ-же вызовѣ ихъ изъ памяти они, такъ-сказать, обновляются, оживляются и укрѣпляются въ памяти, вступивъ въ новыя ассоціаціи съ другими образами. Вотъ это-то особенно и важно въ первоначальномъ обученіи ребенка и мы считаемъ большимъ вредомъ, когда его слишкомъ рано вводятъ въ классъ и заставляютъ тамъ просиживать по нѣсколькимъ часамъ. У него насильственно сокращаютъ то время, которое онъ проводитъ съ наибольшою для себя пользою, подъ непосредственными впечатлѣніями отъ природы, отъ всего окружающаго, въ играхъ, въ своихъ дѣтскихъ забавахъ; тутъ его настоящій классъ, тутъ его дѣйствительное ученье. Никакія книги, ни объяснительное чтеніе не дадутъ ему тѣхъ живыхъ впечатлѣній,

какія нужны для развитія душевныхъ силъ. Дайте ему набраться этихъ впечатлѣній и не считайте то время потеряннымъ, когда онъ не сидитъ у васъ за книжкою“ (стр. 13—15.) Не мало и другихъ вѣрныхъ замѣчаній дѣлаетъ г. Стоюнинъ относительно преподаванія. Онъ, напр., не совѣтуетъ слишкомъ долго держать учениковъ надъ какой-бы то ни было статьей, что всегда производитъ на нихъ непріятное томленіе и нетерпѣливое ожиданіе новаго; тѣмъ болѣе не кстаети вызывать это чувство такимъ произведеніемъ, которое должно связываться только съ пріятными впечатлѣніями (стр. 21.) Г. Стоюнинъ также врагъ прописной морали, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ переходить въ ясное сознаніе ребенка и быть ему уздою въ поступкахъ. „Мораль есть очень сложный выводъ изъ многихъ явленій жизни, выводъ, недоступный пониманію дѣтскаго разсудка. Если ребенокъ поступаетъ въ данномъ случаѣ нравственно, то не потому, что онъ помнитъ вашу мораль и старается съ нею согласоваться, а потому, что онъ слѣдовалъ влеченію какого-либо хорошаго чувства или наклонности, вызванныхъ и развитыхъ въ немъ воспитаніемъ. Всѣ эти дѣтскія моральныя повѣсти рѣшительно не имѣютъ никакого вліянія на дѣтскую нравственность“ (стр. 25.) Совершенно справедливо такъ-же вооружается г. Стоюнинъ противъ помѣщенія въ дѣтскихъ хрестоматіяхъ сказокъ, хотя и считаетъ нужнымъ знакомить дѣтей съ народными вѣрованіями и обычаями, но знакомить такъ, чтобы поставить ребенка въ положеніе наблюдателя надъ всѣми этими образами, чтобы онъ не могъ вѣрить имъ, какъ вѣрилъ, слушая разныя сказки чтобы изъ нихъ онъ могъ извлекать истинное понятіе о взаимномъ отношеніи силъ природы и объ отношеніи къ нимъ русскаго народа, начиная съ очень давняго времени (стр. 28.) Къ сожалѣнію, г. Стоюнинъ ничего не говорить о томъ привитіи къ ребенку искусственныхъ чувствъ кваснаго патріотизма, о которомъ такъ усердно стараются педагоги, вродѣ г. Радонежскаго...

Какъ ни вѣрны приведенныя нами замѣчанія г. Стоюнина, но на практикѣ его теоретическія положенія осуществляются плохо и онъ самъ уподобляется тѣмъ педагогамъ, противъ которыхъ ратовалъ въ своемъ введеніи. Вотъ, напр., какія указанія онъ дѣлаетъ для практическихъ занятій по хрестоматіи. Первая пьеса въ книгѣ „Весна“, Аксакова; составитель раздѣляетъ этотъ отрывокъ на четыре части: „1) что чувствуется? 2) что видится и слышится? 3) что хочется дѣлать? 4) что дѣлаютъ птички? Списать въ тетрадь первую часть, представивъ все въ настоящемъ (времени). Во второй части показать, въ какихъ предметахъ или явленіяхъ весна себя выказала. Переписать всю эту часть въ другомъ порядкѣ, сперва написать все, что слышится, потомъ все, что видится, вездѣ уничтожая слово *когда* и представляя въ настоящемъ“ и т. д., и т. д. (стр. 35—36.) Отрывокъ „Осенняя переправа черезъ Волгу“ раздѣляется даже на *десять* частей и съ каждой изъ нихъ ученики должны продѣлать тѣ-же фокусъ-покусы, которые какъ-разъ противорѣчатъ тому, что говорилъ г. Стоюнинъ въ своемъ введеніи. Самый выборъ пьесъ въ хрестоматіи сплошь-и-рядомъ крайне не-

удаченъ. Особенно неприятно поражаютъ славянофильскія завыванія поэта Языкова и фальшивыя поддѣлки подъ народность графа Толстаго. Ну, скажите на милость, какъ можно давать дѣтямъ читать такую фальшь, какъ „Журавли“ графа Толстаго?

По небеснымъ пространствамъ спѣша голубымъ,
Гдѣ насъ видѣть едва можетъ око,
Ко знакомымъ мѣстамъ мы летимъ и кричимъ,
Длинной цѣпью вѣясь издалека.
Видимъ сверху мы праздникъ веселый земли,
Здѣсь кончается наша дорога,
И мы кружимся вокругъ журавли, журавли,
Хвалимъ криками Господа Бога! (стр. 7.)

Еще больше фальши въ сказкахъ Жуковского (стр. 268 — 303) и во многихъ отрывкахъ Печерскаго, особенно въ тѣхъ, которые, какъ „Ярмо и Мать-сыра земля“ (стр. 211 — 237), относятся къ мифологiи. Нѣкоторые отрывки въ высшей степени риторичны, какъ, напр., „Лѣсной ручей“. „Чья душа въ подобную минуту останется холодною? Все такъ спокойно, торжественно. Это таинственная молитва природы... Лѣтожь, когда столько дѣтей лѣса падаетъ подъ жестокими ударами неумолимаго рока“ и т. д. (стр. 42.) Чрезвычайно неприятно дѣйствуютъ также трескучія вирши Бенедиктова въ такомъ родѣ:

Чу! съ двора стучится въ ставни!
Узнаю богатыря!
Здравствуй, другъ, прiятель давнiй,
Здравствуй, чадо декабря (стр. 91.)

Словомъ, хотя христоматiя г. Стоюнина гораздо лучше такихъ спекуляцiй какъ „Родина“ г. Радонежскаго, но и ее мы не рѣшились-бы безусловно рекомендовать читателю...

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Крушеніе Московскаго коммерческаго банка и *процессъ безиртъимыхъ*.—Большой Струсбергъ и маленькіе Струсберги, получившіе отъ него урокъ.—На какой экономической почвѣ произрастаютъ они?—„Cercle vicieux“ спекуляціи, сдѣлавшей своимъ орудіемъ кредитъ.—Практическіе дѣльцы, невидящіе далѣе своего носа.—Исповѣдь Полянскаго и опоздавшее раскаяніе.—Всѣ *безиртъимы*, но всѣ *виноваты*.—Ненсконный омутъ путаницы и противорѣчій.

Въ прошломъ году, въ первыхъ числахъ октября, произошелъ крахъ Московскаго Коммерческаго - ссуднаго банка. Крушеніе его совершилось такъ неожиданно и спокойно, что многіе изъ его ближайшихъ руководителей не знали, въ чемъ дѣло, гдѣ обнаружилась течь въ корабль, на которомъ они такъ благополучно плыли, и точно-ли онъ тонетъ. Только послѣ того, какъ на поверхности пучины остались однѣ щепки и верхушки мачтъ, они догадались, что крахъ—дѣйствительный фактъ, а не „преувеличенныя опасенія“, что приходится каждому спасать себя, какъ попало. Еще менѣе могла предвидѣть этотъ кризисъ публика, привыкшая судить о благосостояніи своихъ финансовыхъ дѣлъ только по официальнымъ отчетамъ и понимающая подъ словомъ „общественный кредитъ“ что-то вродѣ своей обиходной пословицы: „что съ возу упало, то пропало“. Акціонеры и вкладчики,—эти вѣчные козлы очищенія въ подобныхъ случаяхъ,—довѣрившіе свои капиталы банку, еще наканунѣ краха увѣренные въ процвѣтаніи его дѣлъ, на другой день проснулись и безъ денегъ, и безъ банка. Чающіе платежей и возврата внесенныхъ въ него суммъ ринулись шумной волной къ дверямъ банка, но двери были уже заперты и кассы очищены. Затѣмъ начались толки, плачь и скрежетъ зубовъ, скандалы и угрозы, но все было напрасно,—банкъ погружался на дно своего омута все глубже и глубже; спасенія не было, и его не

могли придумать ни *ловкій* человекъ, Ландау, ни докторъ философіи и *носитель идеи*, Струсбергъ. Далѣе начались судебное слѣдствіе, подарившее насъ нѣсколькими интересными фоліантами своихъ работъ, и наконецъ судъ.

На скамьѣ подсудимыхъ явились первостатейные тузы, которыми, назадъ тому годъ, москвичи считали за честь пожать руку и поклониться въ поясъ. Обстановка самого процесса была торжественная: обвиняемымъ было цѣлое кредитное учрежденіе, обвинителемъ, кромѣ прокурора, всѣ вкладчики и участники банка, масса свидѣтелей, гражданскихъ истцовъ, адвокатовъ, о которыхъ только и можно связать:

Не стая вороновъ слеталась

На груди тлѣющихъ костей,

и наконецъ, для дополненія декоративной части, схватки между прокуроромъ и присяжными повѣренными, слезы подсудимыхъ, покайныя признанія, гордая осанка Струсберга, и подхалюзническое поведеніе Ландау и т. д. Все это, повидимому, должно было придать „процессу безгрѣшныхъ“, какъ назвала его Москва, особенный интересъ, сильно возбудить общественное вниманіе, навести насъ на цѣлый рядъ назидательныхъ размышленій; а между тѣмъ процессъ окончился среди полнѣйшаго равнодушія и даже утомялъ слѣдившую за нимъ публику, — ту же самую публику, которая съ такимъ неутомимымъ любопытствомъ слѣдила за процессомъ Овсянникова. Правда, въ процессѣ Овсянникова ее занимала не столько общественная сторона дѣла, сколько чисто-юридическій вопросъ: обвинять или оправдать подсудимаго? Слѣдовательно, главный интересъ и тутъ заключался не въ томъ, что показалъ передъ нами Овсянниковъ своимъ процессомъ изъ нашей бытовой жизни, а въ томъ, какой приговоръ вынесутъ присяжные, и гдѣ будетъ Овсянниковъ — у себя дома, или въ Сибири? Къ процессу Струсберга публика отнеслась еще одностороннѣе и болѣе близоруко. Тутъ она не интересовалась даже юридическимъ ходомъ дѣла, а шла посмотрѣть на фізіономіи подсудимыхъ и послушать ихъ объясненія на судѣ. Какой-то репортеръ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, исписавшій нѣсколько десятковъ столбцовъ этой газеты, подмѣчалъ всякую гримасу у того или другого подсудимаго, обрисовалъ cadaго изъ нихъ до мельчайшихъ подробностей, кто изъ нихъ смѣялся или плакалъ, кто зякался или кашлялъ, но ни единого слова не про-

ронилъ о внутреннемъ содержаніи самого процесса, объ его общественномъ значеніи. Очевидно, что онъ самъ не понималъ его вмѣстѣ съ большинствомъ зрителей и глазѣлъ только на одну наружную обстановку его. А между тѣмъ въ процессѣ Струсберга для насъ открывается тотъ-же славянскій вопросъ, вопросъ Европы или Азіи, съ ея халатностью, лѣнью мысли и какимъ-то тупымъ непониманіемъ своихъ собственныхъ интересовъ. Самъ по себѣ Струсбергъ ничто иное, какъ единица, и въ этомъ отношеніи онъ вовсе не важенъ для насъ, но за нимъ стоитъ цѣлый легіонъ другихъ маленькихъ Струсберговъ, которыхъ какъ ни судите строго, но они, какъ грибы, каждый день будутъ выростать на той финансовой почвѣ, которая ихъ ежеминутно производитъ; Струсбергъ служитъ только слабымъ выраженіемъ той экономической путаницы понятій, которую мы каждый день, въ маленькихъ размѣрахъ, наблюдаемъ на рынкѣ, въ банкирской конторѣ, въ ибнальной лавкѣ, въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ и даже въ кабинетѣ. Подписываемъ-ли мы вексель, по которому не надѣемся уплатить, даемъ-ли слово, котораго и не думаемъ сдержать, торгуемъ-ли, обмѣривая и обвѣшивая на каждомъ шагѣ, занимаемъ-ли деньги, не имѣя чѣмъ уплатить ихъ, спекулируемъ-ли на биржѣ, искусственно повышая или понижая денежный курсъ, сочиняемъ-ли ложныя телеграммы, эксплуатируя легковѣріе толпы, пускаемъ-ли въ ходъ бронзовые векселя, обирая довѣрчивыхъ кредиторовъ и выходя сухими изъ разнаго рода банкротствъ, администрацій и конкурсовъ, — вся эта безконечная ежедневная практика, въ которой каждый изъ насъ побываетъ то въ роли Ландау, выпускающаго въ трубу банкъ, то въ роли добродушнаго акціонера, стоящаго съ разинутымъ ртомъ у запертыхъ дверей банка, — все это есть ничто иное, какъ повтореніе, въ маленькомъ масштабѣ, той-же струсберговской исторіи. И надувательство самого Струсберга не есть его собственное изобрѣтеніе, не его *идея*, о которой онъ такъ краснорѣчиво повѣствуетъ въ своей біографіи, а плодъ обширнаго спекулятивнаго направленія, выросшаго на европейской экономической почвѣ и завезеннаго къ намъ вмѣстѣ съ варшавскими и берлинскими евреями. Струсбергъ упалъ къ намъ не съ неба, а пріѣхалъ изъ Германіи, пропитанный воздухомъ Аі глиіи, и лично ничего не выдумалъ такого, за что теперь приговоренъ къ лишенію правъ и изгнанію. Въ Москвѣ онъ тоже никого не развратилъ, Москва и

безъ него знала кое-что по части запусканія пѣтерни въ чужой карманъ;—онъ, можетъ быть, не совсѣмъ неправъ, говоря, что онъ попалъ въ „такую шайку“, отъ которой не отдѣлываются легко. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно то, что онъ самъ былъ продуктомъ цѣлой системы, плоть отъ плоти того общества, въ которомъ обращался и которое такъ ловко провель; однимъ словомъ, почва для него была совершенно готова и требовала только оплодотворенія, чтобы дать обильный урожай. Ну вотъ сѣятель и явился и жатва собрана. Когда дѣла Струсберга покачнулись, онъ попробовалъ было сѣять въ Германіи и Англии, но тамъ люди оказались поумнѣе насъ, и Струсбергъ перенесъ свою дѣятельность въ Москву. Въ Москвѣ ему удалось воплотить, потому что здѣсь онъ нашелъ все то, чего искалъ такъ жадно.

И въ печати, и въ обществѣ давно уже раздаются предостерегающіе голоса противъ азартной спекуляціи, которая овладѣла денежнымъ рынкомъ и безусловно хозяйничаетъ на немъ. Страсть къ легкой и быстрой наживѣ, порожденная биржевой игрой, сдѣлалась преобладающимъ стимуломъ въ нашихъ экономическихъ предпріятіяхъ. Каждому хочется какъ можно меньше употребить труда, знанія, энергіи и силы и какъ можно скорѣе разбогатѣть и попасть въ Струсберги. Прежде, когда мы не знали этой страсти, не были заражены ея болѣзненными припадками, наше денежное хозяйство было до крайности скромнымъ, осторожнымъ, и если не всегда заботилось о развитіи производительныхъ силъ страны, то и не страдало азартнымъ рискомъ и лихорадочной спекуляціей.

Правда, промышленная наша дѣятельность была узка и тѣсна, но за то тогда мы не знали ни струсберговскихъ катастрофъ, ни крушенія банковъ. Но вотъ явилась и къ намъ денежная спекуляція, и у всѣхъ на языкѣ только и было одно слово — „кредитъ“, всѣ заговорили объ источникахъ и средствахъ развитія промышленныхъ и производительныхъ силъ. Но промышленныхъ силъ нельзя создать безъ денегъ и кредита. И вотъ создается широкій кредитъ, смѣлый и рискованный до головокруженія. Нашъ патріархальный промышленный застой смѣнился горячечнымъ увлеченіемъ денежной спекуляціей, открывшей всѣ свои двери къ внезапному и легкому обогащенію. И вся эта игра въ кредитъ и въ развитіе банковаго дѣла велась во имя интересовъ Россіи и

во имя развитія народныхъ и государственныхъ силъ. Но гг. Полетики, Ламанскіе, Шиповы и ихъ адъютанты Скальковскіе служили службу не Россіи, а Струсбергамъ, служили желѣзнодорожнымъ тузамъ, дутому кредиту, игрѣ въ повышеніе и денежной эксплуатаціи тѣхъ проходимцевъ, масса которыхъ частію осталась не у дѣлъ послѣ откуповъ, а частію явилась послѣ освобожденія крестьянъ.

Конечно, вожаки новаго спекулятивнаго движенія и пророки биржи поступали такъ незавѣдомо. Они, можетъ быть, и не хотѣли ловить рыбу въ мутной водѣ, но рыба сама шла на ихъ удочку. И странная вещь: какая-бы гроза не разразилась надъ нашимъ финансовымъ міромъ, какіе-бы ни лопались банки, какіе-бы не случались банкротства, надъ пророками сіяло всегда яркое солнце и золотой дождь для нихъ не превращался ни разу въ каменный градъ.

Наши финансисты и дѣльцы, стремясь, повидимому, къ развитію промышленныхъ силъ страны, приняли внѣшніе атрибуты развитія за сущность, и слѣдствіе за цѣль. На народные производительные источники обращалось слабое вниманіе, потому что хоръ финансистовъ и дѣльцовъ пѣлъ свою безконечную пѣсню о кредитѣ, безъ котораго невозможно существованіе и развитіе промышленности. А между тѣмъ, коренные источники производительности и свобода народнаго труда отодвигались на второй планъ. И вотъ уже нѣсколько лѣтъ мы гонимся только за формою богатства, нисколько не думая о его сущности. Производительные источники остаются въ томъ-же положеніи. Коренной производитель, — народъ, несмотря на то, что въ двухъ третяхъ Россіи онъ не можетъ существовать безъ подспорной промышленности, находится въ томъ экономически замкнутомъ состояніи, при которомъ дутый кредитъ ему не поможетъ и которое все болѣе и болѣе ослабляетъ его податную способность. Денежное хозяйство финансистовъ и пророковъ биржи всегда игнорировало непосредственнаго производителя. Оно покровительствовало почти исключительно тому сорту производителей, который могъ создать лишь внѣшній блескъ и служить казовымъ концомъ Россіи на всемірныхъ выставкахъ, но не могъ создать Россіи дѣйствительной экономической силы. И вотъ Струсбергъ и московская катастрофа являются тѣмъ болѣзненнымъ вередомъ, тѣмъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ путаницы нашихъ экономическихъ по-

нятій, которая, желая создать кредитъ, привела къ спекуляціи и къ горячкѣ акціонерныхъ предпріятій.

Финансовыя пророки точно изъ всёхъ силъ надрывались, чтобы создать Струсберга и когда они его создали, на него-же обрушились. Но развѣ не мы сами стремились къ Струсбергу, развѣ не мы сами видѣли въ думѣ, безграничномъ кредитѣ и въ развитіи промышленныхъ предпріятій цѣль, а не средство? Вы скажете, что кредитъ долженъ быть благоразумный, честный, осторожный; вы скажете, что люди, которымъ ввѣрено управленіе общественными интересами, должны вести ихъ такъ, чтобы оправдать общае довѣріе, а не губить общественное состояніе; но вѣдь это только юридизмъ, форма, а не сущность дѣла. Вы измѣняете сами себя и на финансовый вопросъ даете отвѣтъ юридическій. Струсберговская исторія не больше, какъ слѣдствіе, которое вы принимали за цѣль; она должна была случиться и случится еще разъ, и еще разъ, и еще много, много разъ. Какъ слѣдствіе спекуляціи и игры, московская катастрофа есть непреложный и неустрашимый продуктъ ложнаго пониманія кредита. И никакія постановленія, никакія карательныя мѣры, никакая каторжная работа, будь она втрое тягостнѣе, чѣмъ въ Сибири, не предупредятъ и не уничтожатъ подьбныхъ послѣдствій. Это омутъ путаницы, гдѣ взаимное надувательство и выуживаніе изъ кармана другъ друга доходитъ до грандіозной виртуозности; гдѣ словами честь, честность, благородство играютъ точно въ кости и во имя этой чести, честности и благородства и во имя довѣрія каждый норовитъ выворотить чужой кармацъ и обшарить ближняго повсюду, чтобы узнать, не зашита-ли у него гдѣ копейка, послѣдняя копейка, которую еще можно найти и затѣмъ пустить его обманутаго и обобраннаго на всѣ четыре стороны. Точно война Сербіи съ Турціей, гдѣ только и думаютъ о томъ, какъ-бы вѣрнѣе уложить одинъ другого. Но на войнѣ люди искреннѣе и прямѣе. Тамъ стоитъ противъ насъ врагъ, и мы знаемъ, что онъ врагъ, а тутъ люди играютъ въ дружбу, распинаются въ любви и искренности и опускаютъ васъ въ колодезь. Что это, — глупость, или безчестность?

Струсбергъ, въ показаніи судебному слѣдователю, говоритъ, что онъ, въ качествѣ должника московскаго комерческаго банка, „дѣйствовалъ самымъ законнымъ образомъ“. И конечно, въ этомъ можно съ Струсбергомъ согласиться. Если только поставить дѣло на юри-

дическую законность, лисица всегда съумѣетъ замести свой слѣдъ законнымъ образомъ. И самымъ законнымъ образомъ, такъ что подъ васъ не подточится никакой законъ, можно провести ближняго на какую угодно сумму. Струсбергъ, нуждаясь въ деньгахъ, получилъ изъ банка до 7,000,000 рублей, самымъ законнымъ образомъ, а именно, подъ ничего нестоящихъ бумаги и промесы, имѣющія форму накладныхъ на вагоны. А знаете, что это значить? Это значить, что вагоновъ въ дѣйствительности не было и что Струсбергъ обѣщаль ихъ только выстроить, т. е. они принадлежали къ тѣмъ фантастическимъ предметамъ, которые существовали только въ его воображеніи. Форму кредита въ счетъ будущаго труда предлагали социологи, но ихъ никто не послушалъ. Но, вотъ, является Струсбергъ и такіе социологи, какъ Полянскій и Ландау, въ счетъ будущаго труда открываютъ ему кассу московскаго банка.

Услуги московскаго банка были даже для самого Струсберга неожиданными. „Незнакомый мнѣ московскій банкъ предложилъ мнѣ свой кредитъ и я имъ воспользовался, считая себя въ силахъ платить. Я жертвовалъ временемъ, деньгами и чувствами, говоритъ Струсбергъ. — Я долженъ былъ измѣнить своей натурѣ, лицемерить, выражать любовь и благодарность тамъ, гдѣ питалъ глубокое отвращеніе и ненависть. Съ другой стороны я не могъ не чувствовать благодарности, надѣясь, что поданная помощь дастъ мнѣ средство расплатиться со всѣми и спасти свое доброе имя. Я допускаю, что банкъ не былъ вправѣ дѣлать такого рода операціи, но я былъ вправѣ занимать и платить за это. Сознательно я никогда не заставлялъ другихъ способствовать въ растратѣ капиталовъ. Я не искалъ, — меня побуждали“.

Струсбергъ, конечно, говоритъ все это искренно. Онъ чувствуетъ и благодарность къ людямъ, которые его спасли, и въ то-же время ихъ презираетъ. Раздвоившись между двумя чувствами, онъ любить и ненавидитъ, лицемеритъ и искренничаетъ, и окончательно коверкаетъ свою натуру.

Но кто-же демонъ-искуситель, побуждавшій Струсберга поступать такимъ образомъ? Этимъ Мефистофелемъ оказывается Ландау. Разъ къ Струсбергу приходитъ Манчикъ и говоритъ ему: „я возобновилъ старое знакомство съ человѣкомъ, имѣющимъ власть въ одномъ банкѣ съ 20,000,000 капитала. Человѣкъ этотъ былъ самъ нѣкогда банкиромъ, но обанкротился и сегодня еще въ долъ

гахъ. Когда вы были великимъ, знаменитымъ докторомъ Струсбергомъ, онъ желалъ представиться вамъ и добиться какой-нибудь должности. Ему извѣстно, что вы очень богаты, но скрытны. Онъ вѣрить въ вашъ талантъ и въ вашу звѣзду, готовъ вступить съ вами въ обширныя сношенія въ интересахъ своего банка. Ему извѣстно, что вамъ нужны большія суммы и на продолжительное время, что вы нуждаетесь въ поддержкѣ. Услуживая вамъ и своему банку, онъ желалъ-бы кое-что приобрести на черный день и на старость лѣтъ. Я, Манчикъ, условился съ нимъ раздѣлить полученную прибыль. Мнѣ, полагаю, удастся дать вамъ авансы!“

Ландау, какъ говоритъ Струсбергъ,—хотѣлъ спустить ему бумаги, которыми владѣлъ банкъ и которыя пали въ цѣнѣ. Ландау предложилъ ему ссуду подъ сбировскіе заводы. Еще Струсбергъ не вступилъ въ личное сопривосновеніе съ банкомъ, а уже Ландау успѣлъ добыть себѣ хорошій барышъ. Какъ и большинство иностранцевъ, говоритъ Струсбергъ, — я былъ того мнѣнія, что въ Россіи невозможно достигъ чего-либо безъ подарковъ. Само собой разумѣется, что дающіе не могутъ имѣть слишкомъ высокое понятіе о нравственныхъ принципахъ берушихъ. „Я не былъ обязанъ облагораживать здѣшніе нравы“. (Хороши-же мы, если даже Струсбергъ говоритъ объ насъ такимъ образомъ). Что Ландау выходилъ за предѣлы устава, Струсбергъ этого не зналъ, да и не считалъ себя обязаннымъ объ этомъ справляться. Ландау получилъ отъ Струсберга во все время 500,000 рублей наличными, да въ 500,000 бумагами; да Полянскій больше 50,000, да Бруннеру досталось 50,000 или 60,000, да Манчику 250,000 рублей; такъ-что ссуда изъ банка стоила Струсбергу около 2,000,000 рублей. Ландау не дожидаясь конца этой сдѣлки, а всегда самъ бралъ изъ слѣдующихъ Струсбергу суммъ. „Я былъ вынужденъ соглашаться на подобный грабежъ, говоритъ Струсбергъ.—Среда разбойничьей шайки, въ которой находился я полтора года, разстроила меня окончательно и я положительно упалъ духомъ“. Вотъ какъ Струсбергъ характеризуетъ Ландау: „Ландау всегда работяпенъ, ласковъ и покоевъ; его дуалистическая натура превратила въ мое несчастье то добро, которое онъ хотѣлъ сдѣлать для меня. Онъ можетъ потерять присутствіе духа, боязливость его природы можетъ увлечь его и тогда онъ потерпитъ полнѣйшее фіаско“.

Кто-же этотъ Ландау, котораго Струсбергъ съ одной стороны

считаетъ Мефистофелемъ, съ другой — рабомъ и трусомъ, говорить о немъ, какъ о человѣкѣ, заискивавшемъ добиться какой-нибудь должности у Струсберга, и наглому грабителю, награждавшему самого себя подачками отъ сдѣлки, неспрашивая даже согласія Струсберга? Ландау — обанкротившійся еврей, выписанный изъ Варшавы членомъ совѣта Гивартовскимъ на должность директора иностраннаго отдѣленія. Жалованья онъ получалъ 12,000 и имѣлъ право на прибавку въ 3,000 рублей. Хотя, по словамъ Струсберга, Ландау и трусъ, но, однако, черезъ мѣсяцъ послѣ распоряженія, чтобы онъ подписывалъ всѣ бумаги съ директоромъ Полянскимъ, Ландау выдалъ Струсбергу около 1,000,000 и затѣмъ еще 1,200,000 подъ „приготавливаемые вагоны“. Ландау говоритъ о себѣ, конечно, не то, что рассказываетъ о немъ Струсбергъ, и если, по словамъ послѣдняго, „Ландау, актеръ по природѣ, попеременно является въ дѣлѣ въ различныхъ роляхъ, начиная съ честнаго дѣятеля и любящаго друга, до корыстолюбиваго стараго преступника и злодѣя“, то Ландау протестуетъ противъ такой характеристики и говоритъ, что полученный имъ первый *заработокъ* вызвалъ въ немъ чувство глубокой признательности къ Струсбергу и онъ оказывалъ ему услугу, „какъ отецъ сыну“. Онъ жертвовалъ ему должностью, спокойствіемъ, безсонными ночами... Боже милосердный! Изогаться до такой степени, актерствовать даже передъ прокуроромъ, которому нужны факты, а не мелодрама... Но вотъ, когда Струсбергъ прошилъ Ландау своей объ немъ характеристикой, Ландау надѣваетъ на себя другую личину и говоритъ, что не онъ заискивалъ передъ Струсбергомъ, а Струсбергъ передъ нимъ; что Струсбергъ, пріѣхавъ въ Россію, рассказывалъ, что вскорѣ представится одной высокопоставленной особѣ, построить казармы по всему государству, приметь сооруженіе донецкой желѣзной дороги съ разработкой копей и проч. Затѣмъ Струсбергъ наговорилъ ему очень много о своихъ великодушныхъ чувствахъ и о своемъ благородствѣ, и Ландау воротился изъ Петербурга вполне очарованный. Но когда Струсбергъ просилъ принять трасировки на 600,000 рублей, противъ которыхъ, онъ тотчасъ по полученіи изъ Петербурга, внесеть 200,000 талеровъ банкиру Мендельсону въ Берлинѣ, но Мендельсону не заплатилъ, — мнѣніе Ландау о добросовѣстности Струсберга колебалось. Наконецъ, когда возникло дѣло, Ландау уже

совсѣмъ измѣняетъ свое мнѣніе о Струсбергѣ: все, что онъ думалъ о немъ прежде, онъ выдаетъ за заблужденіе. „Я думалъ, говоритъ онъ,—что имѣю дѣло съ честнымъ человѣкомъ, вынужденнымъ обстоятельствами прибѣгнуть къ дѣйствіямъ, противнымъ нравственному чувству, и ошибся“. На другой день послѣ первой встрѣчи Струсбергъ говоритъ Ландау: „намъ необходимо знать другъ друга, вѣрить другъ другу. Я человѣкъ правды, я выше всего низкаго, вѣрите мнѣ во всемъ слѣпо и вы никогда не будете обмануты“. Хотя эта рѣчь, какъ говоритъ Ландау, и показалась ему довольно странною, но Струсбергъ сумѣлъ такъ красиво сказать ее, такъ часто говорилъ въ своихъ письмахъ о своихъ нравственныхъ достоинствахъ, что Ландау началъ мечтать сдѣлать для банка счастливое приобрѣтеніе. И послѣ всего того, что Ландау сдѣлалъ для Струсберга и въ интересахъ банка, сдѣлалъ чисто „какъ отецъ“, по отношенію къ своему дѣтищу, неблагодарный сынъ позволяетъ себѣ говорить о вымогательствахъ! Самъ Струсбергъ явился Мефистофелемъ, онъ первый совращалъ Ландау, онъ первый предложилъ ему деньги. Но Ландау не принялъ подарка. „Вы горды, какъ испанецъ“, отвѣтилъ на это Струсбергъ и затѣмъ употребилъ слѣдующій вкрадчивый приемъ подкупа. Вручая Ландау 150,000 акцентовъ, Струсбергъ сказалъ ему: „къ вашему успокоенію пусть служитъ то, что сумма эта отлѣчена въ моихъ книгахъ, какъ взятая на мои собственные надобности“. Противъ такой деликатности Ландау, конечно, устоять не могъ. Затѣмъ Струсбергъ сталъ грозить. Онъ сталъ пользоваться отчаяніемъ Ландау и пугалъ его своимъ конкурсомъ. Подъ гнетомъ невыразимаго страха, Ландау сталъ уступать и исполнять всѣ желанія Струсберга. „При всѣхъ моихъ слѣдующихъ распоряженіяхъ, говоритъ Ландау,—я не видалъ въ глаза Струсберга. Изъ Карлсбада я заѣзжалъ въ Струсбергу; онъ извинялся новыми потребностями, потерянными процесами, опять просилъ денегъ, опять пугалъ конкурсомъ. Я сталъ, какъ окаменѣлый, и лишь слезами могъ облегчить себя. Пусть Струсбергъ скажетъ, въ какомъ я былъ тогда положеніи... И послѣ всего этого онъ смѣетъ указывать на меня, какъ на сообщника его безчестныхъ дѣйствій! Въ началѣ сентября, въ Москвѣ, онъ, отведя меня въ сторону, сказалъ: „говорите съ Полянскимъ, нельзя терять ни минуты—я совершилъ проступокъ, котораго стыжусь и который желалъ-бы, какъ можно

скорѣе, заглазить; нуждаясь въ деньгахъ и не желая беспокоить васъ въ Карлсбадѣ, я ваши 400 вагоновъ для Полякова и 200 комисионныхъ заложилъ въ 300,000 у вдовы Симонъ и К^о въ Кенигсбергѣ. Дѣлая это признаніе, Струсбергъ зналъ, что воронъ ворону глазъ не выклюетъ, что Ландау пойметъ европейскаго афериста... Чтобы пустить въ ходъ свои предпріятія, чтобы заручиться покровительствомъ разныхъ лицъ для полученія концессіи отъ правительства, Струсбергъ придерживался девиза, никогда его не покидавашаго: „золотой ключъ отворяетъ любую дверь, и нагруженный золотомъ осель перескочитъ любую ограду“. Въ каждомъ учрежденіи Струсбергъ имѣлъ знакомыхъ, въ каждомъ судѣ у него были свои друзья, нѣкоторые высокопоставленные чиновники принуждены были изъ-за него выйти въ отставку. И такъ поступаетъ человѣкъ, который говоритъ, что въ Россіи ничего нельзя получить безъ подарковъ! Затѣмъ Ландау приводитъ мнѣніе Ласкера и нѣмецкихъ газетъ, изъ которыхъ оказывается, что истиннымъ Мефистофелемъ былъ Струсбергъ; Ландау-же не больше, какъ несчастная жертва, вовлеченная обманомъ. Онъ страдалъ, мучился, проводилъ безсонныя ночи, онъ обливался слезами, чувствуя себя въ желѣзныхъ тискахъ, изъ которыхъ не могъ выбиться. Кто-же, въ самомъ дѣлѣ, жертва, и кто искуситель? Струсбергъ говоритъ, что Ландау, а Ландау увѣряетъ, что Струсбергъ. Оба увѣряютъ всѣхъ въ своей честности, и оба укоряютъ другъ друга въ безчестности. Друзья, — пока они обирали московскій банкъ, — теперь сдѣлались непримиримыми врагами и обливаютъ другъ друга грязью и помоями!

На той-же сценѣ фигурируетъ еще лицо, пожалуй, болѣе интересное — директоръ-распорядитель Полянскій. Полянскій воспитывался въ московскомъ архитектурномъ училищѣ и, не кончивъ курса, поступилъ писцомъ въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго. Полянскій вскорѣ обратилъ на себя вниманіе начальства и менѣе чѣмъ черезъ годъ былъ назначенъ къ Закревскому въ домашніе секретари. Вообще способный, Полянскій свелъ знакомство съ лицами, окружающими Закревскаго и вскорѣ достигъ виднаго положенія. Когда образовалась новая городская дума, Полянскій задумалъ попасть въ гласные, сталъ посѣщать засѣданія, познакомился съ Шумахеромъ и другими и черезъ посредство ихъ былъ выбранъ въ гласные. Сдѣ-

лавшись гласнымъ, онъ пожелалъ быть мировымъ судьей. Избранный въ мировые судьи, онъ, по словамъ свидѣтеля колежскаго совѣтника Цвѣтаева, знавшаго его втеченіи 20 лѣтъ, по уму, развитію и „другимъ лучшимъ качествамъ, присущимъ развитому человѣку“, предсѣдательствовалъ больше въ мировыхъ сѣздахъ и былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми почти судьями. Полянскій посѣщалъ англійскій клубъ, слылъ тамъ за человѣка безукоризненной честности, пользовался общимъ уваженіемъ, и „разговаривать съ нимъ считалось особеннымъ удовольствіемъ“. Занимая мѣсто гласнаго и судьи, онъ былъ избранъ членомъ ревизіонной комисіи въ правленіи рязанской желѣзной дороги и членомъ наблюдательнаго комитета московскаго кредитнаго общества. Въ Москвѣ нѣтъ мѣста или учрежденія, которое-бы его не знало. Полянскаго знали и всѣ высокопоставленныя лица Москвы. По словамъ того-же Цвѣтаева, Полянскій былъ умный, гуманный, безукоризненно-честный и постоянно стремящійся къ добру человѣкъ, веселый товарищъ и пріятный собесѣдникъ. Но съ лѣта 1875 года, этотъ веселый товарищъ сталъ задумчивъ, скучалъ и осенью уѣхалъ въ Крымъ „провѣтриться“. Професоръ Божениковъ отзывался о Полянскомъ, какъ о человѣкѣ очень умномъ, честномъ, нравственнымъ и добромъ, одаренномъ широкимъ и свѣтымъ взглядомъ на жизнь и людей. Хотя Полянскій не получилъ хорошаго школьнаго образованія, но обширнымъ и серьезнымъ чтеніемъ приобрѣлъ, по словамъ профессора, достаточно свѣденій и представлялся человѣкомъ очень развитымъ. Но тотъ Полянскій, который казался, былъ-ли ижъ *дѣйствительно*? Не болѣе-ли точную оцѣнку дѣлаетъ Полянскій самъ себѣ въ письмѣ къ женѣ, которой онъ пишетъ: „я — дрянной человѣкъ, мелкая душа, отсутствіе всякой нравственной основы. Я приодѣвался хорошими словами и чужими мыслями; я совсѣмъ изжилъ; не осталось во мнѣ ничего цѣльнаго, сильнаго: исковерканный въ сферѣ нравственныхъ стремленій, я исковеркалъ свою жизнь, положеніе свое“. И что Полянскій, несмотря на кажущееся его развитіе и на хорошую репутацію, которой онъ пользовался, былъ человѣкъ, именно умственно и нравственно неустановившійся, что у него не было никакихъ принциповъ — можно заключить изъ его исповѣди судебному слѣдователю, хотя обвинительный актъ дѣлаетъ изъ этой исповѣди другой выводъ. Отрицая обвиненіе, Полянскій го-

ворить, что небольшія средства и семья заставили его бросить прекрасную должность мирового судьи, на которую онъ избирался три раза, однимъ изъ первыхъ, и онъ пошелъ въ банкъ. Здѣсь его охватила новая, незнакомая ему атмосфера. Барыши, нажива, ловкое дѣло и смѣлая спекуляція были предметами всегдашнихъ, ежеминутныхъ разговоровъ. Вокругъ него только и дѣлали, что наживались, или старались нажить, выжимали изъ всѣхъ или старались выжать. Эта новая атмосфера, какъ говоритъ Полянскій, подѣйствовала на него отуманивающимъ образомъ. Не алчный по природѣ, онъ поддался искушенію, и человекъ, котораго звали нѣкогда „безрербренникомъ“, занялся биржевою игрою. Мы не станемъ разбирать, почему г. Полянскій заслужилъ себѣ репутацію безрербренника, почему ему былъ пріятенъ барышъ отъ бумагъ, какъ-бы онъ ни былъ незначителенъ, но мы не думаемъ, чтобы это было чувство тщеславія или простое удовольствіе успѣха. Въ основаніи ужъ, конечно, лежало стремленіе къ пріобрѣтенію, такъ что безрербренность г. Полянскаго должна отискивать себѣ какое-нибудь другое объясненіе. Конечно, и не исключительно изъ честолюбивыхъ видовъ г. Полянскій забиралъ массу должностей и попалъ, наконецъ, въ директоры банка. Ужъ таковъ омутъ, въ которомъ вращался г. Полянскій, такова и страсть къ наживѣ, которою, несмотря на всю свою безрербренность, отличался г. Полянскій. Поэтому, при той „дрянности“, о которой говоритъ самъ г. Полянскій и упоминая о которой мы только повторяемъ его слова, — ничего нѣтъ удивительнаго, что все случилось такъ, какъ и случилось, и г. Полянскій кончилъ продажей московскаго ссуднаго банка. Не удивляемся мы и тому, что человекъ, поступившій такимъ образомъ, говоритъ въ оправданіе свое, что онъ былъ проникнутъ всегда благородными и лучшими намѣреніями. что онъ никогда не стремился при такой малой наживѣ, нажити больше и, служа банку, онъ старался только объ одномъ, какъ-бы усилить вклады, — этотъ краеугольный камень и силу банка. Раскрывъ женѣ свою душу, г. Полянскій и въ объясненіи своемъ судебному слѣдователю, фактически подкрѣпляетъ то, что онъ писалъ ей. Во всемъ причиной судьба, да люди, сбившіе г. Полянскаго съ толку, да злой демонъ, ставшій поперекъ его дороги. Мы не пускаемся въ моральную философію и не станемъ требовать отъ г. Полянскаго доброй воли юристовъ, точно такъ, какъ

не станемъ обвинять его за злую волю. Тутъ рѣчь не о доброй и злой волѣ. Рѣчь о томъ, что въ нашемъ русскомъ обществѣ и до сихъ поръ люди цѣнятся по тому, какъ они говорятъ, а не какъ они думаютъ и дѣйствуютъ, и что въ самихъ условіяхъ русской дѣятельности еще слишкомъ мало возможности для оцѣнки людей. Полянскій, которому пошелъ пятый десятокъ, человѣкъ, установившій себѣ репутацію безсребренника, внезапно полюбилъ сребренника, и въ „новой атмосферѣ“ становится изъ скромнаго семьянина биржевымъ игрокомъ! Пожалуй, это можетъ показаться превращеніемъ, но превращенія тутъ нѣтъ никакого: Полянскій, конечно, всегда былъ такимъ. Не было у него никогда ни твердыхъ правилъ, не было у него чувства общественнаго долга, однимъ словомъ, не было у него ничего такого, чему-бы ему пришлось измѣнять, переработывать въ себѣ или съ чѣмъ-нибудь бороться. Тѣмъ титулярнымъ совѣтникомъ, до котораго онъ дослужился въ канцеляріи графа Закревскаго, онъ остался и въ банкѣ. Тамъ несла его одна волна, тутъ понесла другая; попадись онъ въ третью волну—понесла-бы и эта. Все это дѣлалось-бы съ младенческой наивностью и съ дѣтскимъ непониманіемъ ребенка, начавшаго плакать и оправдываться, когда его поймали на шалости. „Я не оправдываюсь и не обвиняю, я исповѣдуюсь, говоритъ Полянскій.—Меня не страшитъ ссылка, я готовъ на все; но я не былъ воромъ, не продавалъ дѣла, которому служилъ, хотя и погубилъ его. Я всюду былъ уважаемъ, избираемъ на почетныя должности. Я гордился тѣмъ, что возвышался честно. Имѣя 16—18 тысячъ годового дохода, живя въ собственномъ домѣ я мечталъ лишь дать отличное воспитаніе дѣтямъ; за какую-же цѣну я долженъ былъ продать все это—состояніе, имя и добрую славу, чтобы пріобрѣсти вѣчный позоръ для дѣтей моихъ?“. И гордости-то не достало, чтобы не плакать передъ судебнымъ слѣдователемъ, не достало и разсудительности, чтобы не говорить противорѣчій! Мы выражаемся еще слишкомъ деликатно: слѣдовало бы назвать это не противорѣчіями, а лицемеріемъ и ложью. Не былъ воромъ,—а что-же вы сдѣлали? Не продали дѣло—а за что-же вамъ платили деньги? Живя въ собственномъ домѣ, вы мечтали лишь дать дѣтямъ отличное воспитаніе, а зачѣмъ вы играли на биржѣ? Вы говорите, что ни за что не продали-бы свою добрую славу, чтобы пріобрѣсти вѣчный позоръ, а продали

и себя, и жену, и дѣтей своихъ за то, чтобы пріобрѣсти 50,000 рублей! Вы избирались на почетныя должности, вы гордились тѣмъ, что возвышались честно, но все это факты прошлаго. Если-бы вы гордились честнымъ возвышеніемъ, — зачѣмъ вамъ лѣтъ безчестно стремглавъ внизъ? Видите, сколько тутъ противорѣчій и лжи. Если-же это незавѣдомое лганье, то дѣтское непониманье и ребяческая трусливость. Ну, дали себя подкупить и продали банкъ — такъ продали. Посмотрѣли-бы вы на людей изъ народа; посмотрѣли-бы вы на разбойниковъ и убійцъ, какъ они держатъ себя на судѣ. Скажете „убилъ, грѣхъ попуталъ“ да и только. А ваши интеллигентные люди, когда ихъ поймаютъ за ухо въ мошенничествѣ, тотчасъ начнутъ толковать о своихъ честныхъ намѣреніяхъ, о благородныхъ побужденіяхъ и о томъ, что они ни за что-бы не смазурничали если - бы ихъ не попуталъ какой-нибудь съверный человекъ. Ландау, прожившій 60 лѣтъ, и тоже честно, на седьмомъ десяткѣ встрѣчается съ Мефистофелемъ и продаетъ ему душу за миліонъ. Г. Полянскій на пятомъ десяткѣ продаетъ свою душу только за 50,000! И опять виноватъ Мефистофель! Не встрѣтись съ Ландау, г. Полянскій дожилъ-бы до конца своихъ дней честнымъ человекомъ. „Но я долженъ признаться, что, довѣрчивый по природѣ, я вѣрилъ Ландау. Я противился акцептамъ, не видя исполненія прежнихъ обязательствъ, робѣлъ и трусилъ необычайности дѣла, но Ландау убѣждалъ меня... Находясь подъ вліяніемъ Ландау и вообще всей обстановки своей (охъ эта „среда!“ Кто-только не ставитъ своей дряблости и дрянности подъ ея защиту), я поддался искушенію. Кончивъ дѣло съ Струсбергомъ для Полякова, я получилъ 5,000 руб., какъ комисію за оконченное дѣло, и, слѣдовательно, ни къ чему меня не обязывающую“. За что-же вы взяли даромъ деньги? Какъ милостыню, какъ подарокъ? Но ни Струсбергъ, ни Ландау не были ни вашей женой, ни вашимъ отцомъ, ни вашимъ братомъ, чтобы дѣлать вамъ имянинные подарки! Если это не была милость, это была кража. Полянскому сказалъ кто-то, что при крупныхъ дѣлахъ въ „этой денежной атмосферѣ всегда бываютъ комисіонные платежи“. Какая наивность! Вы говорите теперь — *въ этой денежной атмосферѣ*, но вѣдь она и тогда была такою-же. Неужели-же только судебный слѣдователь объяснилъ, что никто даромъ денегъ не даетъ, и вы не знали, что продаетесь? „Это было со-

бытіемъ, случившимся въ первый разъ въ моей жизни, плачется слѣдователю Полянскій. — Оно довело меня до гибели, потому что отдало въ руки тѣхъ, кто потомъ эксплуатировалъ меня“. О младенчество! о, изолгавшаяся ложь, привыкшая рисоваться фразами и красивыми словами! Г. Полянскій точно оправдывается, что онъ взялъ взятку въ первый разъ въ жизни. Но тѣмъ-то и хуже, что это случилось на пятomъ десяткѣ жизни. И тотъ-же Полянскій, который думалъ, что беретъ деньги не за безчестное дѣло, черезъ 10 минутъ показывается: „тысячу разъ я хотѣлъ бросить эти деньги, и, по своей всегдашней, погубившей меня нерѣшимости, не сдѣлалъ этого“. Отчего-же деньги жгли вамъ руку, если вы ихъ взяли честно? И, начавъ брать, Полянскій съ одной стороны, тянулся въ деньгамъ, съ другой — трусилъ и велъ себя, какъ блудливая кошка. Получая отъ Ландау деньги. Полянскій, по его словамъ, боялся дѣлать что-либо для Струсберга, но въ то-же время совѣсть говорила ему, что онъ долженъ сдѣлать, въ то-же время онъ боялся, что каждую минуту скажутъ объ его денежной сдѣлкѣ и онъ погибнетъ. „Ландау тонко, лукаво эксплуатировалъ меня. Онъ никогда не упоминалъ о томъ, что мнѣ дадутъ деньги, но доказывалъ необходимость сдѣлать то или другое въ видахъ пользы банка, а также намекалъ, что мы должны-же сдѣлать для человѣка, который и намъ дѣлаетъ одолженіе. Не могу сказать, не могу описать того чувства омерзѣнія къ самому себѣ и того отчаянія, какія испытывалъ я. Ландау, этотъ мастеръ зла, утѣшалъ и увлекалъ меня. Онъ уѣхалъ за границу и прислалъ мнѣ оттуда 7,500 рублей. Я даже не могу пояснить, за что именно, потому что въ это самое время я отказывался дѣлать что-либо для Струсберга и протестовалъ его векселя. Последній разъ, когда мы рѣшились акцентовать его тратты на 1,500,000, я, подъ гнетомъ всего предшествовавшаго, былъ внѣ себя... Болѣе всего меня мучила моя собственная совѣсть. Ландау далъ мнѣ билетъ въ 27,000 рублей. Я оставилъ его у себя, вполне довѣряя прочности банка, и заплатилъ этимъ билетомъ долгъ моей тещѣ. Остальные деньги Струсберга ушли такъ: 5,000 заплатилъ я долгу за акціи, лежавшія въ кассѣ, такъ какъ у меня не хватало денегъ уплатить ихъ сразу и я занималъ; 10,000 рублей пошли частію на постройки въ домѣ, а частію на спекуляціи съ выигрышными бл-

летами нынѣшнимъ лѣтомъ; въ этой-же спекуляціи осталась большая часть денегъ, присланныхъ мнѣ Ландау изъ заграницы. Не жалѣя этихъ, съ вѣтра пришедшихъ денегъ, я пускалъ ихъ въ игру; остальные проѣздилъ и оставилъ на прожитіе женѣ. Повторяю вновь: я не продавалъ банка; если-бы я подозрѣвалъ опасность, возможность упадка дѣла, за 40 — 50 тысячъ я не могъ отдавать на жертву своего состоянія и состоянія людей мнѣ близкихъ. Сознаюсь, что гибель моя и всего случившагося произошла отъ этой проклятой суммы, всторую убѣдилъ меня взять Ландау въ первый разъ...“ Опять сваливанье на Ландау, опять прикидыванье младенцемъ, увлеченнымъ въ шалость, и цѣлый рядъ самыхъ скучныхъ, мелкихъ, дрянныхъ противорѣчій.

И всѣ эти храбрые люди, пока они разсчитывали... впрочемъ, едва-ли они что-нибудь и разсчитывали; — скорѣе думается, что они хлопотали лишь о наживѣ и не видѣли ничего дальше вчерашняго дня. Впрочемъ, въ этомъ незаглядываніи въ завтра и заключается весь секретъ отваги. Спекуляція, биржевая игра и всякая эксплуатація, порождаемая денежнымъ хозяйствомъ и стремленіемъ къ быстрой наживѣ, именно и отличается тѣмъ легкомысліемъ, при которомъ ей нельзя быть предусмотрительной. Секретъ ея храбрости въ томъ-то и заключается, что она дѣйствуетъ съ завязанными глазами: чуть начини она соображать риски и вѣроятности потерь, вся отвага пропадаетъ, потому что исчезаетъ „авось“. Спекулятивная нажива совершенно вѣрно называется горячкой. Голова кружится, какъ у влюбленныхъ, вѣрный расчетъ исчезаетъ, факты подтасовываются, берутся только розовые, благопріятные; а затѣмъ, когда разразится громъ небесный и люди очнутся, они растопыриваютъ руки и недоумѣваютъ, какъ все это могло случиться. Люди покрѣпче, вида, что сорвалось, держатъ себя порядочно, знаютъ, что въ ихъ глупости не виноватъ никто, кромѣ нихъ самихъ; въ большинствѣ-же случаевъ храбрецы упадаютъ духомъ и начинаютъ малодушно сваливать вину одинъ на другого. Такъ и было въ дѣлѣ московскаго банка. Пока все шло благополучно и деньги сыпались золотымъ дождемъ, герои струсберговскаго дѣла держали себя, какъ Юпитеры олимпійскіе. Но вотъ пронесся слухъ о банкротствѣ — и вчерашніе герои сегодня разбѣжались во всѣ стороны, каждый сталъ спасать себя, какъ заяцъ; началось повальное бѣгство съ поля битвы.

Какъ только обнаружилась несостоятельность Струсберга, Ландау, которому лучше всѣхъ было извѣстно, что банку не выдержатъ, бѣжитъ въ банкиру Блюху и проситъ его продать заложенные у него акціи по 175 рублей. Блюхъ, основываясь на блестящемъ отчетѣ 1 сентября, совѣтуетъ не торопиться, но Ландау настаиваетъ. Тогда Блюхъ продаетъ акціи по 211 и по 209 руб. и разницу уплачиваетъ зятю Ландау, Бруннеру. За Ландау слѣдуетъ Борисовскій. Онъ пишетъ къ Милліоти такую записку: „Любезный братъ, Дмитрій Юрьевичъ! Послѣ вчерашней исторіи (ревизіи, когда обнаружилось банкротство банка) я *поразстроился и желаю себя обмечить* — продать 200 акцій ссуднаго банка; посему продай по существующей цѣнѣ. Твой братъ Борисовскій“. Милліоти поступилъ такъ: онъ предложилъ 50 акцій Крюкову, сказавъ, что ихъ продаетъ какой-то Федоровъ, а когда Крюковъ заплатилъ за акціи 10,525 рублей, ему дали счетъ, подписанный какимъ-то Стуловымъ. Милліоти объясняетъ эту продѣлку тѣмъ, что онъ не желалъ надѣлать шума въ публикѣ продажей акцій предсѣдателя совѣта. Что-же касается предсѣдателя Борисовскаго, то онъ ихъ продавалъ будто-бы потому, что у него ихъ много. А до ревизіи не было много? По нравственнымъ понятіямъ, это, конечно, вранье и надувательство ближняго; а на языкѣ нашихъ биржевыхъ и банкировъ дѣльцовъ — это значить сдѣлать хорошее дѣло. Но такъ-какъ невыгода должна же достаться кому-нибудь, то нѣкто Залогинъ, купившій акціи по 210 руб. 50 копеекъ, когда акціи были ему сданы, узналъ, что они стоятъ ниже 200 рублей. Тотъ-же Борисовскій сбывалъ свои акціи черезъ Алафузова. Шампинъ, основываясь на балансѣ банка, купилъ 50 акцій отъ маклера Крюкова, скрывшаго отъ него, что акціи идутъ отъ Милліоти. Черезъ маклера Музиля, тотъ-же Шампинъ купилъ еще 50 акцій и на этой скрытой продѣлкѣ понесъ убытку 30,000 рублей.

За Борисовскимъ занялся продажей членъ совѣта Гивартовскій. И онъ занялся ею больше изъ предусмотрительности. „Убѣдившись, говоритъ онъ, — что истинно Струсбергъ состоитъ должнымъ семь миліоновъ, всѣ мы, члены совѣта, были въ ужасномъ положеніи. Я-же продалъ свои акціи, не зная еще, чѣмъ выяснится дѣло“. И вотъ, не зная чѣмъ еще выяснится дѣло, хотя онъ и зналъ это очень хорошо, Гивартовскій, въ конторѣ Блюха

предлагаетъ 100 акцій, потомъ въ конторѣ Юнкера 100 акцій, на другой день — 50 акцій Винтерфельду, служащему въ конторѣ Юнкера; онъ общаетъ по 1 рублю съ акціи, лишь-бы только продать ихъ, потому что цѣна ихъ упала до 120 рублей. Акціи купилъ какой-то Едзубовъ, а сколько онъ потерпѣлъ убытку, — неизвѣстно.

За Гивартовскимъ событіемъ акцій занялись Пренъ и Вишняковъ. Эти господа употребили тотъ-же приѣмъ, т. е. сбывали не отъ себя, а отъ имени подставныхъ лицъ, выдавая свои акціи за чужія. Со 2 по 10 октября, когда акціи упали до 115 рублей, членами совѣта Гивартовскимъ, Редеромъ и Граббе продано 1,720 акцій, номинальный капиталъ которыхъ составлялъ 344,000 рублей. Такъ-какъ акціи упали гораздо ниже, чѣмъ на половину, а съ огласившимся банкротствомъ банка еще болѣе, то мы не сдѣлаемъ ошибки, если предположимъ, что тѣ злополучные покупатели, между которыми разошлись эти 1,720 акцій, потерпѣли убытку не меньше 250,000. Тѣ, кто ихъ продали, конечно, сдѣлали хорошее дѣло, а тѣ, кто потерпѣлъ убытокъ — дѣло неудачное. Видите, какъ это просто и законно. И Ландау, когда завѣдывалъ иностраннымъ отдѣленіемъ, обнаруживалъ весь свой талантъ именно въ томъ, — и только потому онъ считался способнымъ человѣкомъ, специально даже выписаннымъ изъ Варшавы, — что зналъ хорошо „арбитражное дѣло“, или яснѣе, — владѣлъ искусствомъ пользоваться выгодно разницей бумагъ по биржевому курсу. Въ этой путаницѣ, гдѣ даже чортъ ногу сломить, Ландау зналъ, какъ говорить, всѣ лазейки. О честности и безчестности тутъ и рѣчи быть не можетъ; о нравственномъ человѣческомъ достоинствѣ нечего и заикаться. Вся биржевая нажива основана на разницѣ, а разница дѣло цифръ и простого вычитанія или умноженія. У васъ есть акціи, которыя вы купили выгодно, т. е. взваливъ на кого-нибудь убытокъ, затѣмъ, по соображеніямъ вѣроятностей, а иногда и потому, что вы просто знаете раньше, чего не знаютъ другіе, вы прозрѣваете убытокъ и, чтобы избавиться отъ него, очень предупредительно стараетесь свалить его на своего ближняго. Вы дѣлаете тоже самое, что въ вопросѣ о податяхъ называется переложеніемъ податей. Кто-нибудь долженъ всегда терпѣть убытокъ. Въ этомъ-то и заключается проявленное слово денежной спекуляціи и биржевой игры. И вотъ, какъ въ дѣлѣ

податей убытокъ падаетъ на того, кому не на кого переложить налогъ, или подать, такъ въ дѣлѣ денежнаго хозяйства убытокъ достается тому, кто глупѣе, кто меньше знаетъ, кто болѣе до-вѣрчивъ и кто, какъ куръ во щи, лѣзетъ въ бѣду, садясь играть въ игру неизвѣстную. А въ этой игрѣ все основано на томъ, чтобы скрыть правду, чтобы хвалить свой товаръ, какъ дѣла-ютъ мелочные лавочники, продавая гниль за свѣжее и клянясь Богомъ, что все дѣлается по совѣсти и въ вашихъ интересахъ. Если вамъ понятно, что въ денежномъ хозяйствѣ все лишь раз-счетъ и цифра, выгода и убытокъ, а люди ничего, что дѣло за-ключается лишь въ томъ, чтобы пріобрѣсти барышъ, то вамъ бу-детъ совершенно ясно, что такимъ чувствительнымъ матеріямъ, какъ вопросъ о человѣческой бѣдѣ, въ денежномъ хозяйствѣ нѣтъ мѣ-ста. Кто способенъ имъ отдаваться, никогда не будетъ ни фи-нансистомъ, ни человѣкомъ денежнаго дѣла. Полянскій хорошо изучилъ эту теорію: „Кто вель когда-нибудь торговое дѣло, го-ворилъ онъ на судѣ, — тотъ хорошо знаетъ, какъ торговому чело-вѣку слѣдуетъ обходиться съ своими покупателями: вѣдь банкъ есть то-же самое торговое дѣло, тотъ-же магазинъ, и кто прихо-дитъ въ него, тотъ есть покупатель и нужно дѣлать такъ, чтобъ привлечь болѣе покупателей, и чтобы они не уходили недоволь-ными“. И вотъ, чтобъ покупатели были довольны, г. По-лянскій, теорію котораго держался, конечно, и Ландау, устра-иваетъ это довольство такъ, что довѣрители банка терпятъ 7,000,000 убытку. Очень любопытное показаніе о банковыхъ дѣлахъ сдѣлалъ и г. Блюхъ. Послѣ характеристики Струсберга, защитникъ Спиро предложилъ г. Блюху такой вопросъ: „поз-вольте узнать, кто вы такой?“ — „То-есть, какъ, кто вы такой?“ — „Ну да, кто вы такой?“ — „Банкиръ“. — „Чѣмъ вы занимаетесь?“ — „Всѣмъ, что входитъ въ составъ банкирскаго дѣла“. — „А поз-вольте-ка васъ спросить: не торгуете-ли вы въ разсрочку про-центными билетами?“ — Блюхъ смущается и неохотно отвѣчаетъ: „да, торгую“. — „Это тоже входитъ въ составъ банкирскаго дѣла?.. Не занималась-ли ваша банкирская контора продаженіемъ иностранныхъ выигрышныхъ билетовъ и не были-ли они у васъ заарестованы?“ Г. Блюхъ заминается; переступая съ ноги на ногу, поправляетъ галстухъ и отвѣчаетъ: „нѣтъ, они за-границу опять пошли назадъ“. — „Эти билеты выписывались на имя вашей бан-

кирской конторы? — „На мое имя“. — „Но сказано было: въ контору Блюха? — „Моя фирма: „Блюхъ и К^о“, а это лично для меня“. — „А позвольте васъ спросить: что это были за билеты? — „Есть разныя бумаги; были турецкія акціи...“ — „Достаточно, достаточно“!.. И дѣйствительно достаточно. Въ самомъ дѣлѣ, что это за путаница понятій, но путаница вездѣ одинаковая; въ ссудномъ банкѣ, гг. Полянскій и Ландау и всѣ члены правленія, и директоры неуловимо-тонко умѣютъ то соединить, то разъединить свои интересы и интересы общаго дѣла; одни продаютъ себя, желая доставить выгоду банку, другіе тоже должно быть, въ интересахъ того-же банка, спасаютъ и перепродаютъ свои акціи; г. Блюхъ — банкиръ, по той-же общей теоріи, продаетъ съ разсрочкой билеты отъ имени „Блюхъ“ и К^о“ и лично отъ себя торгуетъ турецкими акціями, годными только на обертку селедокъ. Очень можетъ быть, что ни г. Полянскій, ни г. Блюхъ никогда себѣ не выясняли, никогда не задумывались надъ тѣмъ, что они дѣлаютъ, конечно, не въ смыслѣ нравственныхъ, отвлеченныхъ понятій, а просто даже въ смыслѣ личныхъ интересовъ. И вотъ когда имъ пришлось объ этомъ подумать, когда Полянскій увидѣлъ, что ему не миновать суда, онъ пишетъ своей женѣ слезное письмо съ раскаяніями, скорбитъ что она связала свою судьбу съ нимъ, недостойнымъ человѣкомъ, и дѣлаетъ намеки на самоубійство. Г. Блюху, конечно, такъ далеко еще не пришлось идти, и мы не знаемъ, какое-бы еще письмо онъ написалъ своей женѣ; но, очевидно, что ему на судѣ пришлось подумать впервые. А думать ему было на-столько трудно, что онъ переминался съ ноги на ногу, не давалъ отвѣтовъ сразу, поправлялъ галстухъ, и когда г. Спиро объяснилъ ему, что всѣ свои вопросы онъ дѣлалъ только для того, чтобы узнать, кто „банкиръ Блюхъ“, Блюхъ былъ приведенъ въ полное недоумѣніе и, пожимаая плечами, сказалъ: „я не понимаю, къ чему такой вопросъ“. Право, точно младенецъ.

Во всей этой уголовной исторіи, полной и трагизма и комизма, болѣе симпатичный все-таки Струсбергъ: онъ, по крайней мѣрѣ, беретъ на дистанцію большого размѣра, шевелитъ васъ широкими замыслами, считаетъ себя геніальнымъ и возбуждаетъ къ себѣ изумленіе разныхъ банковыхъ карапузиковъ и малолѣтнихъ директоровъ. Напримѣръ, въ письмѣ къ доктору Штерну онъ,

по поводу новаго задуманнаго имъ предпріятія, уже предусматривая свое крушеніе, говоритъ: „если я паду, я никакимъ образомъ не буду заботиться объ этомъ дѣлѣ. Ландау считаетъ себя за очень умнаго человѣка; онъ, однакожь, въ своей жизни еще ничего не создалъ, и я говорю ему, я одинъ могу привести въ исполненіе „Парижъ-Нарбонъ“ и именно лично я, если я устою на ногахъ и останусь въ положеніи привести свой планъ. Безъ этого акціи—старая бумага, продающаяся на вѣсъ. Теперь перейдемъ къ главному пункту, т. е. къ обществу. Это общество заключаетъ въ себѣ элементы, могущіе сдѣлать его однимъ изъ первыхъ учрежденій въ свѣтѣ; но въ настоящую минуту это только зародышъ, умирающій вмѣстѣ со мною. Это случилось-бы даже въ томъ случаѣ, если-бъ позаботились обо всемъ. Но если не будетъ моего умственнаго участія при этомъ для того, чтобы учить, создать и связать силы, нужныя для оживленія и поддержанія, то все это бесполезно“. И, побуждаемый жаждой къ наживѣ, Струсбергъ проникался такимъ находчивымъ вдохновеніемъ, что не только русскіе Полянскіе и Ландау, но англійскіе и нѣмецкіе смотрѣли на него съ благоговѣніемъ снизу вверхъ и молились ему, какъ кумиру. Полянскому онъ казался на-столько интеллигентнымъ, что онъ совершенно вѣрилъ въ наполеоновскую звѣзду Струсберга; также молился ему и Ландау, который считалъ его своимъ благодѣтелемъ. Но Струсбергъ, этотъ великій Струсбергъ, „король желѣзныхъ дорогъ“ онъ чувствовалъ себя всегда на цѣлую версту выше. Онъ всегда принималъ людей, — по крайней мѣрѣ, ему такъ казалось, — и для cadaго у него была готова характеристика, отличающаяся художественной красотой: извѣстно, что Струсбергъ былъ литераторомъ. Такъ, говоря на судѣ о Ландау, Струсбергъ сказалъ, что Ландау „всегда разыгрывалъ роль святого, а между тѣмъ между нимъ и наперсниками Струсберга, Манчикомъ и Шлезингеромъ, были всегда внутреннія отношенія... При этомъ было множество разговоровъ, потому что извѣстно, что когда поляки сойдутся между собою, то они шепчутся во всѣхъ углахъ. Такъ-какъ я терпѣть не могу такого шептанья, сказалъ Струсбергъ, — то всегда уходилъ изъ комнаты, какъ только оно начиналось. потому что я люблю говорить всегда громко, во всеуслышаніе“. Когда спросили Струсберга, говорилъ-ли онъ съ Милліоти, онъ

отвѣтилъ: „въ разговорѣ съ Милліоти было произнесено больше звуковъ, чѣмъ словъ, потому что я не зналъ по-русски, а онъ по-нѣмецки“. (публика смѣется) Когда свидѣтель Жакъ далъ показаніе, что будто онъ Струсбергъ, сообщилъ ему, что кромѣ Ландау его эксплуатировалъ и Полянскій, Струсбергъ возразилъ: „я долженъ сказать, что Жакъ очень почтенный, но нѣсколько разочарованный человѣкъ, который крайне не любопытенъ и не обращаетъ на вещи вниманія, которое-бы слѣдовало. Вѣроятно, онъ употребилъ слово *директоръ* во множественномъ числѣ безъ особаго значенія, и я объясняю его показаніе тѣмъ, что онъ не могъ представить себѣ, чтобы одинъ человѣкъ могъ приводить въ движеніе все дѣло“. Сколько тонкой ироніи! И въ то же время, этотъ интеллигентный представитель ведетъ дѣло такъ, что проваливается и самъ, и съ нимъ проваливается цѣлая масса людей, которыхъ онъ по всѣмъ своимъ отношеніямъ къ нимъ, имѣлъ полное право считать очень мелкими и недорослыми, которыми не выдумать никакого дѣла и не заработать безъ него порядочной денъги.

Во всѣхъ показаніяхъ Струсберга проводится мысль, что онъ очень хорошій, честный человѣкъ и не сдѣлалъ ничего дурного. Эта мысль такъ проста, что ея, пожалуй, лучше всего выясняется путаница тѣхъ понятій, которая ведетъ къ крушеніямъ, къ банкротствамъ, спекуляціямъ, аферамъ и эксплуатаціямъ. Но что можетъ быть проще струсберговскаго дѣла? Забудьте только его размѣръ и вы увидите, что въ водоворотѣ того денежнаго хозяйства, въ которомъ вы сами купаетесь, вы поступаете точно также. Струсбергъ принимаетъ весной 1874 года желѣзныя дороги. Дѣло большое, и на немъ можно нажить милліоны. При большомъ дѣлѣ всегда и большія потребности въ деньгахъ. Къ этому присоединяются у Струсберга и другія нужды, и потребность въ деньгахъ все увеличивается. Струсбергъ, конечно, очень хорошо знаетъ, что ему нужно платить московскому комерческому банку; но какъ-же отдать денъги, когда ихъ нѣтъ? И Струсбергъ не платитъ не потому, чтобы хотѣлъ обмануть, а потому что „какъ это весьма часто случается при сооружеіи дорогъ, денъги поступаютъ не такъ скоро, какъ ихъ ожидаешь“. Это побуждаетъ Струсберга писать въ Москву письмо и просить новой помощи банка. При этомъ онъ обѣщаетъ сдѣлать уплату Мендельсону, но

обязательства не могъ исполнить тоже потому, что не было денегъ. Струсбергъ вполне сознаеть, что многія изъ его срочныхъ обязательствъ банку не были выполнены. „Это дѣлалось невольно и съ величайшимъ сожалѣніемъ, говоритъ Струсбергъ, — но обстоятельства складывались такъ, что я иначе поступать не могъ“. И Струсбергъ вполне оправдываетъ Ландау, который говоритъ о немъ, что онъ не всегда держитъ свое слово. Но вѣдь всѣ денежные предпріятія, и особенно большого размѣра, зависятъ всегда отъ многихъ случайностей. Ихъ часто нельзя предусмотрѣть: для этого и существуетъ кредитъ. Но кредитъ долженъ оказывать дѣйствительную, а не фиктивную помощь. Струсбергъ брался за свои дѣла не для того, чтобы вылетѣть въ трубу. Если его обстоятельства ухудшались, если ему не удалось довести до конца предпріятія, которое-бы доставило миліоны ему и московскому ссудному банку, то, конечно, въ этомъ виноваты только такіе трусы, какъ Ландау и Полянскій. Если-бы они продолжали свои сношенія съ Струсбергомъ, ничего-бы этого не случилось. И такое-то чисто коммерческое дѣло, гдѣ слѣдствія всегда вытекаютъ изъ извѣстныхъ причинъ, ставится на моральную почву и служитъ поводомъ для обвиненія Струсберга въ томъ, въ чемъ онъ не виноватъ. „Вообще, кто читаетъ этотъ обвинительный актъ, тотъ не можетъ не найти въ немъ большого количества ловушекъ, посредствомъ которыхъ одинъ подсудимый ловитъ другого, говоритъ Струсбергъ. — Когда я читалъ этотъ актъ, то я былъ пораженъ отсутствіемъ въ немъ логики. Но когда ближе ознакомился съ нимъ, то убѣдился, что въ основаніе такого нелогическаго распредѣленія положенъ тонкій расчетъ: на меня дѣлается нападеніе насчетъ Ландау, а на Ландау нападеніе производится на мой счетъ. Совѣтъ банка обвиняется въ моральныхъ поступкахъ тамъ гдѣ не можетъ быть привлеченъ юридически. Въ обвиненіи меня, напримѣръ, говорится, что я не заплатилъ 7,000,000 рублей. Но вѣдь это не преступленіе, это несчастіе!“ Докажите, что Струсбергъ не несчастная жертва, но докажите такъ, чтобы онъ самъ съ этимъ согласился. И попробуйте доказать это каждому, кто очутится въ положеніи Струсберга. Вы скажете, что онъ не долженъ былъ зарываться. Такъ; но вѣдь всякое дѣло основано на рискѣ. Если вы владѣете массой цѣнныхъ бумагъ, можете-ли вы ручаться за то, что они завтра не упадутъ въ цѣнѣ. У васъ въ

карманъ есть, положимъ, акціи желѣзныхъ дорогъ, билеты внутренняго займа и т. д.; посмотрите, какъ, втеченіи одного года, они то поднимаются, то подають, сосчитайте всѣ разницы и вы увидите, какой убытокъ вы, ни душой ни тѣломъ неповинный человекъ, терпите отъ какихъ-то причинъ, внѣ васъ лежащихъ, которыхъ вы не можете ни предусмотрѣть, ни устранить, и которыя давятъ васъ, какъ роковая сила. Струсбергъ говоритъ, что онъ былъ-бы очень глушь если-бы явился въ Москву, полагая, что совѣтъ банка ничего не знаетъ о его положеніи. И онъ пріѣхалъ, когда его пригласили и считаетъ этотъ пріѣздъ лучшимъ доказательствомъ своей невинности. Струсбергъ привыкъ думать, что какъ въ другихъ странахъ правленіе вполне представляетъ общество, а потому и не заботится о внутреннихъ отношеніяхъ банка, да и не имѣлъ случая ихъ узнать. И вотъ когда напуталъ самъ банкъ, коварно заманившій его въ Москву и протестовавшій его вексель, онъ былъ арестованъ и посаженъ въ долговую тюрьму. Струсбергъ глубоко сожалѣетъ, что сталъ невольною причиною привлеченія къ суду значительнаго числа людей и дѣлаетъ себѣ только одинъ упрекъ, что слишкомъ довѣрялъ самому себѣ, слишкомъ рисковалъ.

„Я сожалѣю о послѣдствіяхъ и готовъ принести всякую жертву, чтобы исправить это. Но я никого не хотѣлъ побудить къ неправдѣ и лично самъ не совершилъ ничего противозаконнаго. Я увѣряю въ этомъ и предоставляю здравому смыслу и чувству справедливости гг. присяжныхъ засѣдателей судить объ этомъ“. Мало того, что Струсбергъ самъ честный—всему виною банкъ. По словамъ Струсберга, банкъ допустилъ возможность компрометировать его, зная, что его паденіе влекло за собою крушеніе самого банка. Струсбергъ относитъ это къ легкомыслію Ландау, который, вѣроятно, не вѣрно характеризовалъ совѣту положеніе дѣлъ Струсберга. И Струсбергъ просилъ, чтобы Ландау относился къ этому дѣлу цѣлесообразно. И такъ-какъ оно слишкомъ важно, чтобы разыгрывать комедію, то чтобъ онъ шелъ прямо въ совѣтъ. На вопросъ предсѣдателя: „значитъ, письмо ваше къ Ландау, которымъ былъ снабженъ Штернъ, не привело ни къ какимъ результатамъ?“ Струсбергъ отвѣтилъ: „оно привело къ тому результату, что я былъ заманенъ сюда и теперь явился здѣсь предъ судомъ. Я полагаю, что это довольно значительный результатъ, потому что при этомъ потеряны миліоны“.

И всё они правы! И не думайте, что они прикидываются такими, что фальшивать или лукавить съ своею совѣстью. Напротивъ, совѣсть ихъ не укоряетъ и не можетъ укорять. Ихъ всегдѣшнимъ идеаломъ была спекуляція и они поступали, какъ повелѣваетъ законъ спекуляціи. Вините сѣтъ, которая сплелась повсюду, а не мухъ, которыя въ нее попадаютъ. Струсбергъ таже муха, только побольше. Вся причина въ чѣмъ-то и въ какомъ-то недомыслии, недомыслии, которое точно виѣ насъ и ни отъ кого отъ насъ не зависить.

Вы хотите найти виноватыхъ, но сами вы въ вашихъ копеечныхъ дѣлахъ и расчетахъ поступаете по другому расчету. Можетъ быть, вы осторожнѣе? въ такомъ случаѣ виной становится смѣлость. Понятно, что когда смѣлая муха запуталась въ тенетахъ, она говорить, что это „несчастіе“. Точно вы про себя сказали-бы другое. Скажите-же, при чемъ тутъ совѣсть? Вѣдь это все равно, что идти на войну и мучиться совѣстью, когда будешь раненъ или попадешь въ плѣнъ. И вотъ передъ московскимъ судомъ фигурируетъ цѣлая масса „несчастныхъ“, людей можетъ быть, увлекающихся, неосторожныхъ, смѣлыхъ, но которыхъ ни въ чемъ не укоряетъ совѣсть, потому что каждый изъ нихъ или увлекался, или былъ неостороженъ, или слишкомъ рисковалъ, или слишкомъ довѣрялъ, но никто не сдѣлалъ никакого безчестнаго дѣла. Люди занимались спекуляціей, а развѣ это безчестно? И кто-же не спекулируетъ?

А когда сорвалось, сорвалось вслѣдствіе разныхъ не предусмотрѣнныхъ обстоятельствъ, развѣ это счастье? Еще-бы укорила совѣсть! Понятно, что она никого не укоряетъ и честь тутъ не причемъ. И вотъ въ московскомъ судѣ, не только предъ глазами всей Россіи, но, пожалуй, и всей Европы, виѣтъ съ Струсбергомъ является цѣлая масса людей, занимавшихъ исключительное общественное положеніе, пользовавшихся почетомъ и уваженіемъ, — людей, имена которыхъ извѣстны и не въ одной Москвѣ; всё они расписываютъ теперь свою честность и благонамѣренность и всё доказываютъ, что съ ними случилось только несчастіе. Струсбергъ — „несчастный“, Ландау — „несчастный“, Полянский — „несчастный“, Гивартовскій — „несчастный“, Милліоти — „несчастный“, Пренъ — „несчастный“, Борисовскій — „несчастный“, Шумахеръ — „несчастный“, Дожечниковъ — „несчастный“. Кто-же счастливый?

или тѣ, которымъ придется переваривать убытки московскаго банка? Но защитникъ Полянскаго говоритъ, что убытковъ никто не потерпѣлъ. Что это — иронія? Если иронія, то надъ самимъ собою. Будто защитники не тѣ-же люди живы, не тѣ-же мухи, попадающія въ собственныя сѣти. Люди живы пришли защищать людей живы и еще-бы вы ожидали отъ нихъ другихъ рѣчей. Въ какомъ видѣ защитники будутъ говорить, конечно, ясно. Все будетъ сведено, къ несчастію или къ недоразумѣнію, каждый будетъ оправдываться обвиненіемъ другого и виноватыхъ не будетъ. Виноватымъ окажется или легковѣріе или глупость, но, конечно, не тѣхъ, кто сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Въ нѣкоторыхъ защитительныхъ рѣчахъ усердіе адвокатовъ зашло такъ далеко, что они обратили обвиненіе на акціонеровъ и вкладчиковъ. И эти наемные мастера юридическаго краснорѣчія очень хорошо понимали, что они „вруть, не зная мѣры“, но надо было врать, потому что такова ужъ профессія адвоката.

Рѣчь г. Курилова, защитника Полянскаго, произвела впечатлѣніе на публику. Куриловъ — романтикъ и знаетъ, что когда нечего дѣлать съ разумомъ, нужно дѣйствовать на чувство. Онъ кончилъ свою рѣчь такъ: „акціонеры и вкладчики вовсе не разорены, какъ увѣряли всѣ. Акціонеры покупали акціи на излишнія деньги (не хотѣлъ-ли г. Куриловъ, чтобъ ихъ покупали безъ денегъ). Вкладчики уже получили по 70% на рубль. (А гдѣ-же остальные 30%)? Но Полянскій и его семья нищѣ: все имущество ихъ взято, дѣти розданы чужимъ на прокормленіе. Отъ имени нищихъ мы пришли сюда просить милости. Возьмите и отдайте гражданскимъ испцамъ все, о чемъ они просятъ васъ, а ему (Полянскому) оставьте имя и жизнь!“

Мы знаемъ, что Полянскому не легко; не легко и другимъ. Мы знаемъ, что не только каторга, но и плети не помогли-бы тутъ. Наша рѣчь только о путаницѣ понятій. Развѣ во всей этой кашѣ кто-нибудь что-нибудь думалъ и что-нибудь понималъ. Всѣ крутились, какъ лунатики, и въ первый разъ у каждого открылись умственные очи только на скамьѣ подсудимыхъ. Вѣдь это повальное недомысліе и игра въ жмурки. Полянскій хорошій, добрый человекъ, хорошій семьянинъ, любящій мужъ, чадолюбивый отецъ, но развѣ онъ когда-нибудь думалъ? Онъ только угождалъ и желалъ всѣмъ нравиться. Другіе были менѣе кокетли-

вы, но развѣ отъ этого они больше думали? И въ то-же время сколько въ каждомъ чувства достоинства, сколько каждый признаетъ въ себѣ общественныхъ заслугъ, сколько за каждымъ общественныхъ отличій. Напримѣръ, Борисовскій: предсѣдатель банка, гласный городской думы, выборный отъ купеческаго общества, членъ биржевого комитета, членъ торгово-промышленнаго товарищества, членъ совѣта общества комерческаго кредита, членъ учетнаго комитета, директоръ товарищества табачной фабрики Бостанджогло и депутатъ общества „Торговый посредникъ“. Гивартовскій—членъ совѣта ссуднаго банка, членъ общества взаимнаго кредита, членъ совѣта общества комерческаго кредита, директоръ трехгорнаго пивовареннаго завода, исправляющій должность члена правленія конно-желѣзныхъ дорогъ и почетный смотритель 2-го народнаго училища. А Шумахеръ? Шумахеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ. Прошлое его записано въ длинномъ формулярѣ. И у каждого изъ обвиняемыхъ оказался длинный формуляръ, и всѣ эти длинные формуляры были прочитаны на судѣ, и судѣ, и публика узнала, что подсудимые получали и медали, и ордена, и оказали множество услугъ отечеству. Одинъ, напримѣръ, пожертвовалъ 25 фунтовъ корпіи, другой—200 шинелей, третій обнаружилъ необыкновенное благочестіе, — все это люди почтенные, заслуженные, полные достоинства, которыхъ можно подозрѣвать развѣ въ несчастіи, но которые въ то-же время чисты отъ всякаго другого упрека. Когда на судѣ была читана справка о Шумахерѣ, изъ которой оказывалось, что въ 1849 г. изъ московской сохранной казны выдано было 15,000 рублей по подложному билету, виновники въ подлогѣ были наказаны, и, въ случаѣ ихъ несостоятельности, взысканіе было обращено на ихъ начальниковъ, а въ то-же время и на Шумахера, то Шумахеръ, узавлеченный въ своемъ неприкосновенномъ достоинствѣ, обращаясь къ предсѣдателю суда, сказалъ: „вамъ хорошо извѣстно, что меня должно было отдать подъ судѣ или мое начальство, или губернское правленіе; но этого не было, и судился мой подчиненный. Но изъ этого, что судился недавно за растрату судебный приставъ московскаго окружнаго суда, нельзя вывести заключенія о вашей прикосновенности“. Предсѣдатель нашелъ, что это дерзость. Но это была не дерзость, это было крайнее непониманіе. И такіе-то люди служатъ обществу! Это наши выборные, наши

уполномоченные, охранители нашихъ интересовъ, наши опекуны. На нихъ лежатъ наши упованія, мы вѣряемъ имъ наше имущество, нашу жизнь, счастье нашихъ дѣтей!

Какой-же выходъ изъ этой путаницы? Кого наказывать? Насъ ли, кто не умѣетъ выбирать, или тѣхъ, кто не оправдываетъ нашего довѣрія? По какимъ признакамъ опредѣляемъ мы годность человѣка, по какимъ признакамъ Борисовскій, Гивартовскій облечены довѣріемъ десятковъ частныхъ обществъ. Возьмите Полянскаго и Шумахера: въ чемъ тотъ и другой обнаружили свои высшія способности? Да и гдѣ можемъ мы ихъ заявлять? Чѣмъ мы можемъ зарекомендовать свою общественную пригодность, по какимъ признакамъ выбираемъ мы людей? Въ земствѣ, повидимому, какъ-будто есть за что держаться; есть кое-какіе точные признаки пригодности; ну, а для банковаго дѣла и финансовыхъ учреждений? Возьмите Москву, возьмите Петербургъ. Вѣдь это почти миліонные города. Кто является учредителями, кто выбираетъ предсѣдателей, директоровъ отдѣленій и воротилъ? Все одни и тѣ-же люди. Посмотрите, что дѣлалъ московскій ссудный банкъ, чтобы отводить акціонеровъ и рѣшать всѣ дѣла своими домашними голосами. Акціи давались собственнымъ кухаркамъ, горничнымъ и лакеямъ! Вѣдь это позоръ ничтожества, позоръ непонимающей ничего тупости. Это не халатность, это чортъ знаетъ что такое! Что-же удивительнаго, что при повальномъ невѣжествѣ мы не находимъ у себя людей, и московскій ссудный банкъ выписываетъ чуть-ли не изъ-за границы директора иностраннаго отдѣленія, а ловкій Струсбергъ забираетъ эту корыстную, ограниченную шайку въ свои руки, да еще смѣется надъ нею, обзываетъ всѣхъ глупцами и говоритъ: „я привыкъ думать, что какъ въ другихъ странахъ правленіе вполне представляетъ общество, и потому не заботился о внутреннихъ отношеніяхъ банка, да и не имѣлъ случая ихъ узнать“. Да это въ другихъ странахъ, а не въ Москвѣ.

Н. Ш.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

(Литературныя и общественныя замѣтки.)

Мученики на скамьѣ подсудимыхъ или струсберговскій процессъ въ Москвѣ.— Стихотворная ода по этому случаю.— Мой другъ Языкоблудникъ, импровизирующій защитительную рѣчь.— Плагіатъ, обнаруженный мною.— Акціонеры — эксплуататоры и члены совѣта — жертвы эксплуатаціи.— Плевако, какъ наиболѣе яркій представитель провинціальной адвокатуры.— Превращеніе подсудимыхъ въ ангеловъ кротости и невинности.— Куперникъ или „волшебный стрѣлокъ“.— Впечатлѣніе, произведенное процессомъ на нашу публику.— Г. Баймаковъ, защищающій безнаказанность „финансовыхъ операцій“.— Объясненіе волжско-камскаго банка.— Подкупъ акціонеровъ рыбной дороги.— Наши газеты, какъ выразительницы общественнаго мнѣнія.— Неудачная апологія газетъ, предпринятая литературнымъ обозрвателемъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.— Засиживанье славянскаго вопроса.— Можно-ли болгаръ бить по зубамъ?

Въ половинѣ прошлаго мѣсяца въ Москвѣ разыгрывался эпилогъ многоактной драмы, начавшейся уже съ годъ тому назадъ. Авторомъ этой драмы считается по преимуществу Herr Струсбергъ, „докторъ индустріи“ и разныхъ другихъ наукъ, хотя въ трудахъ его не мало помогли члены правленія и члены совѣта московскаго комерческаго-ссуднаго банка. Эпилогъ давался „съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей“, какъ самыхъ компетентныхъ цѣнителей всѣхъ высокихъ достоинствъ этой *comédie de la haute école*. Мѣсто дѣйствія часто мѣнялось въ этой пьесѣ: она началась на Никольской улицѣ, въ домѣ Востанджогло, гдѣ помѣщался почившій банкъ, переходила изъ камеры прокурора въ квартиры „именитѣйшихъ гражданъ Москвы“ (по выраженію г.

Плевако), заглянула въ одинокую кутузку, назначенную для вѣдворенія нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, и завершила свои путешествія въ залѣ московскаго окружнаго суда, въ присутствіи огромной толпы, ломившейся посмотрѣть хоть однимъ глазкомъ на это необычайное зрѣлище...

„Семимилионная растрата, говорилъ въ своей обвинительной рѣчи г. товарищъ прокурора Обнинскій, — масса пострадавшихъ лицъ, 21 обвиняемый, 7 категорій обвиненія, городскіе головы столицы: два бывшихъ и кандидатъ въ будущіе, непобоявшіеся занять мѣста на скамьѣ подсудимыхъ, европейская финансовая знаменитость и наши именитыя торговыя фирмы, *непогнушавшіяся самымъ грубымъ мошенничествомъ*, — насколько объемисты и вѣски эти внѣшнія формы процесса, настолько-же объемисто и вѣско его внутреннее содержаніе... Между обвиняемыми мы видимъ представителей умственнаго развитія, капитала и высокаго общественнаго положенія: эти три силы, которыя обыкновенно служатъ надежнѣйшею защитою общества отъ преступленій, здѣсь дружно слились вмѣстѣ, сговорились точно, чтобъ послужить преступному дѣлу; зло, организованное такими могучими силами, явилось колоссальнымъ; разорено нѣсколько сотъ семействъ, растрочены деньги не одного, а нѣсколькихъ обществъ и корпорацій, пошатнулось довѣріе къ банкамъ вообще; рядъ обмановъ совершился въ стѣнахъ учрежденія, созданнаго этимъ довѣріемъ; сбереженія народа, добродушно ввѣрившаго ему свое достояніе, проданы въ Берлинъ всѣмъ извѣстному спекулянту. Ни умственное развитіе, ни высота общественнаго положенія, ни богатство не остановили рукъ, которыми совершенно это дѣло... Было-бы страшно за судьбы общества, способнаго давать такія явленія, если-бы явленія эти не сдѣлались достояніемъ судебной власти. Было-бы страшно за послѣдствія ея приговора, если-бы явленіе это не было доказано до несомнѣнности. Вотъ въ чемъ заключается великое воспитательное значеніе процесса, которое *далеко выходитъ за рамки чисто-уголовной области, непосредственно и всесторонне охватывая интересы нашей современной общественной жизни*“.

Можно-бы, конечно, замѣтить г. прокурору, что онъ возлагаетъ слишкомъ большія надежды на силу судебного приговора, который всегда приходитъ *post factum* и караетъ зло, уже созрѣвшее, не касаясь и не устраняя причинъ его возникновенія,—

причинъ, лежащихъ гораздо глубже юридической поверхности „сдѣяннаго преступленія“; но нельзя отрицать того дѣйствительно широкаго интереса, который представляетъ собою струсберговскій процессъ, какъ назрѣвшій нарывъ. Въ процессѣ этомъ несомнѣнно обнаружилось, что члены правленія, Ландау и Полянскій, брали крупныя „благодарности“ отъ г. Струсберга за доставленіе ему чужихъ денегъ подъ залогъ бумажной макулатуры, именуемой „накладными“ несуществующихъ вагоновъ, „приоритетами“ и акціями невыстроенныхъ желѣзныхъ дорогъ и находящихся въ проектѣ разныхъ дутыхъ промышленныхъ предприятий; обнаружилось до-нельзя ясно, что члены совѣта, обязанности, по уставу, слѣдить за правленіемъ, ревизовать его дѣйствія, разсматривая особенно подробно всѣ значительныя выдачи, — знали давнымъ-давно, что въ портфеляхъ банка лежитъ, вмѣсто денежныхъ цѣнностей, одна *безцѣнная* струсберговская шелуха. И, зная все это, составляли вкупѣ подложный балансъ, чекнули закрытіемъ банка, чтобы вынуть оттуда свои взносы и продать по дорогой цѣнѣ свои ничего нестоющія акціи, — словомъ, поступали, по удачному сравненію обвинительной рѣчи, „какъ отвратительные мародеры, которые тащатъ, съ теплаго еще трупа, забытые убійцами сапоги и рубашку“. Этого мало; убѣдясь вполне, что банкъ уже не можетъ подняться ни въ какомъ случаѣ, что онъ выпустилъ въ трубу складочный капиталъ и денежные вклады своихъ довѣрителей, члены совѣта командируютъ въ Петербургъ особую депутацію, съ цѣлью обмануть правительство и извлечь, въ видѣ помощи, изъ казеннаго сундука еще нѣсколько миліоновъ для покрытія своихъ старыхъ грѣховъ. Обвинительная власть раскрыла и взаимныя отношенія между служащими въ совѣтѣ и въ правленіи банка. Оказалось, что все это свои люди, родственники, свояки, кумовья, друзья и пріятели, — и предсѣдатель совѣта, Борисовскій, могъ смѣло сказать:

Одинъ Полянскій мнѣ не свой,

И то затѣмъ, что дѣловой!

Милліотти, „простодушный Милліотти“, — какъ называлъ его прокуроръ, — потребовавшій раньше другихъ подлинныя документы и счета банка (вѣдь умудряетъ-же Богъ младенцевъ!), этотъ „директоръ-распорядитель“, выказавшій свою распорядительность только въ моментъ крушенія банка, приходится шуриномъ Борисов-

сному и Крестовникову. Веденисовъ, попавшій въ члены правленія за нѣсколько мѣсяцевъ до закрытія банка, тотъ самый Веденисовъ, о которомъ одинъ изъ газетныхъ репортеровъ выразился, что его врядъ-ли-бы приняли въ дворники въ порядочный петербургскій домъ (такъ вразумительны и связны были его показанія на судѣ!), состоитъ въ близкомъ родствѣ съ Крестовниковымъ. Гивартовскій, Граббе, Борисовскій и Редеръ учредили вмѣстѣ на паяхъ пивоваренный заводъ и они-же являются участниками въ маслобойномъ заводѣ. Граббе—зять Прена; Ляминъ—родственникъ Сорокоумовскаго. Вездѣсущій Борисовскій числится директоромъ на табачной фабрикѣ Бостанджогло. Шумахеръ протезировалъ Полянскому и тащилъ его вверхъ за уши; главный бухгалтеръ Ложечниковъ былъ принятъ, какъ родной, въ домъ Полянскаго. Даже второстепенныя личности въ канцеляріи банка сажались туда по родственнымъ соображеніямъ. Помощникъ главнаго бухгалтера Шиллеръ женатъ на родной сестрѣ Полянскаго, г. Вашкевичъ—на сестрѣ Шумахера; родной братъ г-жи Полянскоіи женатъ на сволченицѣ Сучкова, бухгалтера ссуднаго отдѣленія. Словомъ, вся эта банковская компанія изображала собой нѣсколько паръ сіамскихъ близнецовъ: все это были кумовья и братья. Когда дѣло приходило уже къ развязкѣ, и совѣтъ узналъ, въ мартѣ 1874 г., какія ничтожныя бумажонки лежатъ у него въ залогѣ, когда понадобилось, для замаскированія большихъ потерь, перенести эти бумаги на счетъ корреспондентовъ банка, т. е. показать ихъ проданными, и когда составленный такимъ образомъ фальшивый отчетъ былъ поднесенъ правленіемъ къ подписи совѣта,—тогда Ляминъ, лучше другихъ сознававшій круговую поруку и общую отвѣтственность совѣта и правленія, справедливо говорилъ: „*всѣ мы виноваты*, всѣмъ и подписывать нужно, дѣлать нечего“. Но ловкіе облакаты, нанятыя Ляминимъ и его сотоварищами, успѣли замаять это искреннее признаніе, и убѣдили своихъ нанимателей, что они — „не то что правы, чуть не святы“... Дружеское согласіе и родственная солидарность этой честной компаніи опирались больше всего на миліоны Борисовскаго и на видное общественное положеніе Шумахера—городскаго головы и директора московской сохранной казны. „Страшно было-бы, напримѣръ, размышляеть г. прокуроръ,—наводнять собраніе подставными акціонерами и гнать вонъ настоящихъ (между

этими подставными акціонерами фигурировали, какъ извѣстно, малолѣтнія дѣти и домашняя прислуга членовъ совѣта; удивляемся, какъ вучера и лошади ихъ не попали туда-же); страшно подписывать подложные отчеты; но когда то-же дѣлаетъ городской голова съ своимъ вліяніемъ и связями да предсѣдатель совѣта съ своими миліонами, — все это дѣлается очень легко и просто; жутко стащить изъ общей кассы, втихомолку отъ собратьевъ, свои вклады, но когда то-же дѣлаетъ городской голова, — отчего не послѣдовать его примѣру?.. Въ этомъ *коллеціальномъ мошенничествѣ* не всѣ члены участвуютъ одинаково: одна половина — активно, другая — пассивно; но эта послѣдняя, составленная изъ безцвѣтныхъ личностей, виновата такъ-же, хотя и по-своему. Вѣдь они могли не давать своего согласія, не подписывать протоколовъ; вѣдь ихъ было большинство, они могли вотировать противъ меньшинства, напр., въ вопросѣ о закрытіи банка“. Но вотировать противъ меньшинства, т. е. закрывать банкъ, было неудобно и невыгодно: крысы спѣшили воспользоваться временемъ, чтобы спастись вшлавъ съ разбитого и тонущаго корабля. Съ 6 октября 1875 г., когда очевидно стало, что банкъ уже треснулъ и вотъ-вотъ рухнетъ на-дняхъ, члены совѣта: Борисовскій, Редеръ, Гивартовскій, Вишняковъ и Лѣвиновъ пустились поскорѣе сбывать свои акціи, рассчитывая на то, что подложный балансъ, отъ 1 октября, еще удерживаетъ довѣріе публики, еще скрываетъ истинное положеніе банка, извѣстное только его кормчимъ и правителямъ. Въ это время на московской биржѣ появились разнокалиберныя личности, которымъ поручено было распродавать „негодное тряпье“, чтобы не компрометировать самихъ членовъ совѣта и не возбуждать подозрѣнія въ покупателяхъ, идущихъ на эту удочку; продавцы эти ходили массами, а между ними толкались и шептались настоящіе владѣльцы акцій. Опытный глазъ биржевого маклера Алафузова замѣтилъ, однако, эту шулерскую подтасовку. „Все это показало мнѣ сквернымъ, говорить этотъ свидѣтель. — Я никогда не видалъ ни такой тѣсной толпы, ни такого ежедневнаго присутствія на биржѣ членовъ совѣта комерческо-суднаго банка; я подумалъ, не таится-ли во всемъ этомъ что-нибудь нехорошее, хотя на биржѣ никто еще не зналъ ни о подложномъ балансѣ 1 октября, ни о громадныхъ долгахъ этого банка“. Всѣхъ акцій члены совѣта спустили на сумму свыше трехсотъ тысячъ рублей, при

чемъ Борисовскій, по словамъ прокурора, „слишкомъ неосторожно, слишкомъ жадно мошенничалъ“, а именно: онъ одинъ продалъ до 880 акцій, номинальная цѣна которыхъ была по 200 рублей за каждую, что составляетъ всего 176,000 рублей. Взявъ обратно свои вклады и надувъ публику на негодныхъ акціяхъ, члены совѣта рѣшили, что теперь уже нечего медлить закрытіемъ банка и постарались, прежде всего, свалить всю вину на одного Ландау. Съ этою цѣлью, Шумахеръ и Гивартовскій явились 11 октября въ камеру прокурора и учинили поздній доносъ на своего товарища, прося сдѣлать у него немедленный обыскъ. Прокуроръ не согласился на эту крайнюю мѣру, вслѣдствіе одного лишь словеснаго заявленія двухъ членовъ совѣта, и попросилъ г. Шумахера обратиться къ нему съ письменнымъ представленіемъ, въ которомъ изложены были-бы мотивы, оправдывающіе такой обыскъ. Но г. Шумахеръ не успѣлъ настроить свою письменную кляузу, какъ дѣло приняло уже иной оборотъ. Покуда члены совѣта ѣздили съ своею жалобою въ окружной судъ, банкъ былъ уже закрытъ, и посторонніе вкладчики, которымъ назначено было это число для полученія вкладовъ, прогулялись попусту къ запертымъ дверямъ. При этомъ одинъ изъ нихъ, потомственный почетный гражданинъ Алексѣевъ, узналъ стороною, что 9 октября, когда онъ предъявлялъ чекъ въ 50,000 руб., товарищу предсѣдателя совѣта выдали по такому-же точно чеку 38,000 руб., узналъ, что банкъ разоренъ мошенническими дѣйствіями лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія, что Струсбергу выдано семь миліоновъ безъ всякой гарантіи, что для расчета съ кредиторами денегъ въ кассѣ нѣтъ,—и тотчасъ-же заявилъ обо всемъ этомъ прокурорскому надзору съ тѣмъ, чтобы приняты были немедленныя мѣры къ охраненію имущества банка и къ раскрытію слѣдовъ преступленія. На биржѣ уже говорили въ этотъ день, что, безъ прокурорскаго вмѣшательства, лица, близко стоящія къ правленію банка, растащатъ все остальное,—а это могло легко послѣдовать, такъ-какъ совѣтъ не только не отнималъ полномочій у директоровъ правленія, но, напротивъ, посылалъ ихъ депутатами къ министру финансовъ для обманнаго вымогательства казеннаго кредита. Немедленно, по полученіи этихъ свѣденій, прокурорскимъ надзоромъ возбуждено было уголовное преслѣдованіе, и судебный слѣдователь, прибывъ вечеромъ того-же 11 октября въ помѣщеніе банка,

опечатавъ кассу, книги и все текущее дѣлопроизводство. Рѣшительный шагъ прокуратуры подѣйствовалъ на Шумахера и Борисовскаго: первый изъ нихъ внесъ обратно въ кассу свои вклады, второй началъ выкупать проданныя имъ акціи. На этотъ свой поступокъ г. Шумахеръ печатно указывалъ, какъ на подвигъ, достойный вѣнчанія лаврами, и онъ былъ-бы, дѣйствительно хорошъ, если-бы... если-бы совершенъ былъ добровольно, а не подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, которая, въ моментъ совершенія подвига, перестала уже быть абстрактною угрозою, а обратилась въ очень реальное явленіе. Борисовскій также не догадался самъ о незаконности своей распродажи: выкупъ акцій послѣдовалъ за возбужденіемъ противъ почтеннаго капиталиста судебного преслѣдованія, послѣ врученія ему обвинительнаго акта и даже послѣ назначенія засѣданія суда на 29 мая. И все-таки не весь проданный товаръ былъ выкупленъ, такъ-какъ, по объясненію Борисовскаго, многія его акціи успѣли, дескать, перейти въ третьи и четвертыя руки, и нельзя было донскаться, отъ кого именно онѣ были пріобрѣтены. Такое вынужденное и неискреннее раскаяніе не искупило вины Шумахера и Борисовскаго, а печатное самохвальство городского головы еще больше насторожило противъ него бдительное око прокурорскаго надзора. Начались аресты и допросы провинившихся членовъ правленія и совѣта. Между прочимъ, изъ показанія члена совѣта Волкова выяснилось то важное обстоятельство, что совѣтъ банка, еще въ 1873 году, въ одномъ изъ своихъ засѣданій, выслушалъ цѣлую печатную статью о разстройствѣ дѣлъ Струсберга, въ которой упоминалось о его связяхъ съ московскимъ банкомъ,—выслушалъ спокойно и не поинтересовался даже заглянуть въ иностранное отдѣленіе, къ Ландау. Газеты, брошюры, юмористическія изданія за границую то и дѣло выставляли какое-нибудь изъ безобразій „железнодорожнаго короля“, а о румынскихъ дорогахъ, построенныхъ имъ, существовала уже поэма въ стихахъ, съ рисунками. Прусскій депутатъ Ласверъ громилъ Струсберга публично, въ парламентѣ, и его рѣчь не могла остаться неизвѣстною въ банкѣ, получавшемъ иностранныя газеты, да къ тому-же она была переведена въ апрѣльской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1873 г. Но эти печатныя предостереженія плохо дѣйствовали на московскихъ финансистовъ: нужны были грома небесныя, чтобы

пробудить ихъ отъ пріятной дремоты и заставить поближе познакомиться съ кассою банка. Какъ не вспомнить при этомъ знаменитой барышни Беранже, которая, побаловавшись любовью настолько удачно, что ей предстояло на девятый мѣсяць сдѣлаться матерью, все еще недоумѣваетъ, при наступленіи кризиса, откуда пришла къ ней такая напасть и горестно спрашиваетъ:

Да какъ это могло со мною случиться?
Рѣшительно ума не приложу!

Такую-же точно невинную барышню разыгралъ и московскій коммерческій банкъ по отношенію къ своему обольстителю, доктору Струсбергу.

Понятно, что процессъ, обставленный такъ грандіозно, захватившій чуть-ли не всю *vieillesse dorée* нашей бѣлокаменной столицы, взволновалъ москвичей и приковалъ ихъ вниманіе къ судебнымъ трибунамъ, съ которыхъ втѣченіи двухъ недѣль текли шумныя хляби адвокатскаго краснорѣчія. Каждый пріѣзжій, взирая на необычайное движеніе въ городѣ, невольно вопрошалъ и отвѣтствовалъ самъ собѣ:

Какое торжество готовить намъ Москва?
Куда текутъ народа шумны волны?
Куда-же городской дѣвался голова
И съ нимъ комерціи тузы, величья полны?

—
Зачѣмъ къ дверямъ суда такой огромный съѣздъ?
Зачѣмъ полиція на стражѣ?
Какъ, въ „залѣ вздоховъ“, не хватаетъ мѣстъ
Для публики сановной даже?!

—
Зачѣмъ? Затѣмъ, что здѣсь безстрастный прокуроръ,
Глухой къ мольбѣ, проклятыямъ, стону,
Съ тузами вмѣстѣ — *quel horreur!*—
„Привлекъ“ и голову, просившаго пардону.

—
Затѣмъ, что здѣсь гремитъ московскій аблакавъ
Съ чудеснымъ прозвищемъ „плеваки“,
А съ нимъ другихъ плевакъ воздвигся цѣлый рядъ,
Кончая „кукишемъ во фракѣ“.

—
Не стая вороновъ слеталась въ этотъ часъ,

Не „добры-молодцы“ въ дорожку собирались:
Здѣсь Спиро, Лохвицкій, Купернигъ—всѣ заразъ
Въ потугахъ краснорѣчья надрывались...

Россійскіе аблакаты могутъ быть очень довольны если не успѣхъ, то ревностью своихъ московскихъ сотоварищей, которые, взявъ приличные куши съ „мучениковъ“, терзаемыхъ прокуроромъ, дали себѣ слово: не жалѣть груди и легкихъ, и распинаться „за правду“ до обморока. По удостовѣренію одного газетнаго репортера, *ораторы*, подвизавшіеся на струберговскомъ процессѣ, „оглушали всѣхъ, *орали* ужасно, возносили руки къ небу, жестикулировали, лѣзли на стѣны“. Всѣхъ болѣе, по части этой жестикуляціи, отличался г. Евгений Утинъ: онъ началъ рѣчь съ своего мѣста и обыкновеннымъ тономъ, но, воспламеняясь аблакатскимъ ражемъ, подогрѣтымъ „благодарностью“ въ нѣсколько тысячъ рублей, перескочилъ на середину зала, стучалъ стуломъ, махалъ платкомъ, билъ себя въ грудь и, наконецъ, „источнымъ голосомъ“ провозгласилъ своихъ *хозяевъ* евангельскими мужами. Безъ сомнѣнія, *хозяева* и сами вытаращили глаза, увидавъ, до чего можетъ дойти чловѣкъ, увлеченный хорошимъ гонораромъ.

У меня есть юный пріятель, по фамиліи Языкоблудинъ. Онъ, какъ водится, прошелъ юридическій курсъ со степенью кандидата разныхъ правъ, обзавелся, какъ водится, щегольскимъ портфелемъ съ вытѣсенною золотомъ своею фамиліею, хотя и сожалѣеть, въ пріятельской бесѣдѣ, что эта злополучная фамилія нѣсколько шокируетъ богатыхъ невѣсть, за которыми онъ тщетно, но усердно пріударяетъ. Рысаковъ онъ побуда еще не имѣетъ, ибо не участвовалъ ни въ какихъ монстрахъ-процесахъ, пробавляясь больше по части мелкой защиты, но его лихачъ-извозчикъ, нанимаемый по суткамъ, уже нерѣдко вводилъ въ заблужденіе его знакомыхъ, а мовоклемъ онъ владѣетъ съ такой-же свободой и граціей, какъ г. Аристовъ на вечерахъ въ художественномъ клубѣ. Считаю почти излишнимъ прибавлять, что онъ всегда пристойно одѣтъ, непристойно раздушенъ, и что его цѣпочка отъ часовъ раздѣляется живописно на два колѣна, впадающія золотымъ ручьемъ въ оба жилетные кармана.

Вотъ этотъ-то самый юнецъ врывается ко мнѣ недавно игривый, румяный, вседовольный и всеблаженный. Монокль былъ на

своемъ мѣстѣ, но прическу онъ нѣсколько поразстроилъ вдохновеннымъ забрасываніемъ волосъ à la Шиллеръ.

— „Ну что, Языкоблудинъ, не поздравить-ли васъ съ какою-нибудь большою удачею? Не женитесь-ли вы, наприѣръ, на хорошенькомъ капиталцѣ, эдакъ тысячъ во сто, или не попался-ль въ ваши юридическія сѣти какой-нибудь крупный лещъ изъ породы комерсантовъ? Признавайтесь скорѣе. Если секретъ, то я готовъ, до поры-до-времени, помолчать“.

— „Никакого секрета тутъ нѣтъ, cher Misanthropoff, и подлыя купчихи до сихъ поръ отказываютъ мнѣ въ своихъ дебелыхъ лапищахъ на томъ основаніи, что я не камеръ-юнкеръ и даже не офицеръ, а просто—*imaginez vous!*—проходимецъ, лазящій по чужимъ карманамъ. По своему необразованію, эти глупые куски мяса еще не могутъ понять, сколько величія заключается въ этомъ, по ихъ мнѣнію, проходимствѣ и лазаньи по чужимъ карманамъ. Но подождите, дайте срокъ, —и эти упорныя красавицы поймутъ, что обмѣривать и обвѣшивать на лавочныхъ вѣсахъ не такъ трудно, не требуетъ такого умственного изощренія, какъ производить ту-же операцію на вѣсахъ Фемиды, и что хотя мы ломаемся и коверкаемся при исполненіи нашей службы, но все-же, говоря словами великаго поэта—„цѣлая пропасть между нами и балаганными скоморохами!..“

— „Постойте, однако, постойте, Языкоблудинъ. По привычкѣ всѣхъ адвокатовъ, вы невѣрно цитируете. Гоголь сказалъ это о сатирическихъ поэтахъ, а не объ адвокатахъ, которые не носили еще въ ту пору своего европейскаго названія, а именовались по-просту крючкотворцами, ябедниками и крапивнымъ сѣменемъ“.

— „Мнѣ все равно, лишь-бы цитата подходила къ моей мысли, а тамъ, прахъ ихъ побери, Гоголь, Маркевичъ, Пушкинъ, Минаевъ, Мартыановъ, Лейкинъ и Власъ Ловласовъ,—мнѣ, повторяю, все единственно. *Que sais-je* въ этой беллетристикѣ? Всѣ эти поэты одинаково велики и, *entre nous*, одинаково скучны... Власъ-то Ловласовъ, пожалуй, еще повеселѣй ихъ всѣхъ будетъ. Я пользуюсь ими, на-сколько мнѣ нужно. *Je prends mon bien partout où je le trouve...*“

— „Короче, мой юный другъ, короче! Зачѣмъ эти амплификации? Вѣдь вы не въ окружномъ судѣ, а въ частномъ кабинетѣ, гдѣ можно говорить проще и яснѣе“.—

— „Хорошо, хорошо! Постараюсь быть краткимъ. И такъ, дѣло состоитъ не въ хорошежь приданомъ, отъ котораго я, конечно, не прочь, и не въ „крупномъ лещѣ“, — какъ вы изволили выразиться, cher Misanthropoff, — въ лещѣ, котораго я счелъ-бы за особенное удовольствіе отвѣдать; дѣло состоитъ въ моей, такъ-сказать, внутренней жизни, въ успѣхахъ моего юридическаго развитія...“

— „Языкоблудинъ, не изнуряйте меня вашимъ краснорѣчіемъ. Я вамъ скажу, наконецъ, какъ Фамусовъ: „терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!“ —

— „Приступаю къ дѣлу. Представьте, мой почтеннѣйшій, mon vénérable vieillard, у меня на душѣ давно лежитъ уголовная защита нѣкоего человѣкоубійцы, который отравилъ свою жену, соблазнилъ, а потомъ прирѣзаль богатую старуху, чтобы овладѣть ея деньгами, и, au bout du compte, — изнасиловалъ самымъ варварскимъ образомъ свою родную дочь, — „свое порождение“, какъ онъ называетъ ее на своемъ странномъ жаргонѣ. Человѣкоубійца этотъ, надо вамъ сказать, имѣетъ деньги, и притомъ не малую, хотя выбился въ люди изъ простыхъ мужиковъ. Насчетъ гонора я спокоенъ...“

— „Такъ что-жь? и прелестно! Получайте слѣдующій гонораръ и „оправьте“ человѣкоубійцу“.

— „C'est tout simple, mon vénérable. Да вотъ бѣда: болванъ этотъ никакъ не можетъ объять всего величія моей задачи и хочетъ весьма серьезно повредить моей защитѣ. Въмѣсто того, чтобы вторить мнѣ и назвать себя на судѣ, согласно съ моей защитой, „героемъ и другомъ человѣчества“, онъ только о томъ и твердить, что „паду, молъ, въ ноги православнымъ христіанамъ да всю душеньку мою имъ и раскрою; пуцай казнятъ, какъ знаютъ; запирайтесь не буду“. Ну, спрашиваю я васъ, гдѣ можно найти нынче такого дурака? Да, вѣдь, его надо, послѣ этого, за деньги въ музеѣ Гаснера показывать“.

— „Но, однако, милѣйшій Языкоблудинъ, не слишкомъ-ли смѣлой задались вы задачей: превратить изверга, хотя и раскаявашагося, въ героя и друга человѣчества? Вѣдь для такой задачи потребны смѣлость и безстыдство нашихъ, что ни на есть, знаменитѣйшихъ аблакатовъ, а вы покуда, сколько мнѣ извѣстно, не въ числѣ знаменитостей“.

— „И вы думаете, mon cher, что эта задача мнѣ не подь силу? Плохого-же вы мнѣнія объ моихъ ораторскихъ способностяхъ. Да еслибъ только онъ, каналья, самъ не препятствовалъ мнѣ вернуться во всю мочь своимъ глупымъ признаніемъ, такъ я-бы, повѣрьте, раскопался почище Лохвицкаго и затенулъ-бы за поясъ всѣхъ этихъ московскихъ „плевакъ“. У меня уже готовъ былъ планъ защиты, всѣ хорошенькія фразы и выраженія записаны на бумажку. Во-первыхъ, я обратилъ все вниманіе на личность убитой жены, раскопалъ всѣ дрызги семейной жизни моего кліента, и ужь могу аттестовать покойницу съ такой лестной стороны, что она — *ragole d'honneur!* — три раза повернется въ своемъ гробу. По этому случаю, я внесъ въ мою записную книжку цѣлый рядъ изреченій нашихъ древнихъ мудрецовъ о *злой женѣ*. Помните Даніила Заточника: „не скотъ въ скотѣхъ коза и не звѣрь въ звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ и не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣеть... Что есть злая жена? мірской мятежъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ, поборница грѣху, засада спасенію“. А вотъ еще и изъ „Домостроя“: „аще слово и поученіе неиметь, то плетвою вѣжливенько постегать, держа жену за руки“. Хорошо, что я учился, въ гимназіи, словесности у Василья Ивановича Водовозова: дай Богъ ему, старичку, добраго здорovia!“

— „Но позвольте: вы сами сказали, что жена отравлена; вѣдь эта мѣра укрощенія не рекомендуется ни Домостроемъ, ни Даніиломъ Заточникомъ“.

— „Это я вамъ сказалъ по дружбѣ, но на судѣ я сталъ-бы доказывать, что покойница отравилась сама и притомъ совершенно невзначай. Она, видите-ли, имѣла дурной обычай кушать салныя свѣчи и передъ смертью поѣла ихъ множество, не замѣтивъ, что концы нѣкоторыхъ огарковъ, побывавшихъ въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, обволоклись уже цѣлымъ слоемъ мѣдной яри. Ну а ярь, какъ вы знаете, вещество сильно ядовитое. Правда, что медикъ-экспертъ могъ-бы стоять на своемъ, что отравленіе произошло не отъ мѣдной яри, а отъ сулемы, употребительной въ нашемъ народѣ, но я этого медика постараюсь сбить съ толку глупыми вопросами, а потомъ его-же подыму на смѣхъ. Вѣдь вы сами писали о томъ, какъ тамбовскій аблакатъ Барковъ поднялъ на смѣхъ ни въ чемъ неповиннаго доктора“.

— „Но Тамбовъ и Петербургъ — большая разница. Здѣсь и доктора позубастѣе да и вамъ придется воздержаться отъ тѣхъ нечистоплотныхъ остротъ, которыя позволилъ себѣ тамбовскій Цяперонъ. У насъ публика другая, и подобными остротами можно смѣшнить только въ „малинникѣ“ на Свѣной площади“.

— „Это точно-съ; но вѣдь между Барковимъ и мной тоже есть разница. Чтобы преобразовать своего кліента въ агнца, чистаго, какъ снѣгъ, я намѣренъ пойти, что называется, на проломъ. Я намѣренъ доказать, что въ настоящемъ, моральномъ убійствѣ, виновна именно эта презрѣнная старуха, что она своимъ гнуснымъ вліяніемъ отравила душу моего кліента, убила его нравственно, прежде, чѣмъ онъ убилъ ее физически. Что-же касается до ея капиталовъ, которые лежали мертвыми въ желѣзныхъ сундукахъ, то мой кліентъ прекрасно сдѣлалъ, что овладѣлъ ими. Политическая экономія гласитъ, что только капиталъ, пущенный въ оборотъ, приноситъ пользу обществу, а мой кліентъ, добравшись до этихъ мертвыхъ денегъ, сейчасъ-же нашелъ имъ употребленіе и, первымъ дѣломъ, открылъ триста кабаковъ въ одномъ уѣздѣ. Слышите: триста! Онъ былъ, такъ сказать, „піонеромъ кабацкой промышленности“, обогащалъ казну взносомъ огромнаго акциза и доставлялъ минуты истиннаго наслажденія бѣдному, трудящемуся люду, который не знаетъ дороги въ наши клубы и рестораны... Не заслуживаетъ-ли мой кліентъ общественной благодарности? а его *вдругъ* посадили на скамью подсудимыхъ! Это одна сторона дѣла, — сторона политико-экономическая. Другая сторона увлекаетъ насъ въ сферу „полицейскаго права“, а именно той его части, которая называется „предупрежденіемъ и пресѣченіемъ преступленій“. Несомнѣнно, что убійство старухи благодѣтельно подѣйствовало на весь тотъ глухой закоулокъ, въ которомъ влачила она свои жалкіе дни. Осторожность и бдительность обывателей усилились до поразительной степени, и разумное правило: „не клади плохо, не вводи вора во грѣхъ“, — правило, забытое легкомысленною старухою, державшею ключи подъ подушкою, — воцарилось въ полной силѣ во всей этой окрестности. Прежде никто не затворялъ ставнями оконъ, не имѣлъ понятія о желѣзныхъ болтахъ, не запиралъ дверей на ночь прочными ключами, цѣпями и задвижками, прежде мошенникъ могъ проникнуть всюду, куда хотѣлъ, а нынче и честнаго человѣка, ни за что, ни про что,

схватятъ за шиворотъ. Не прогресь-ли это съ точки зрѣнія полицейскаго права?”

Языкоблудинъ замѣтно разгорался, заслушиваясь своего собственнаго краснорѣчія. Онъ становился все нервнѣе и подвижнѣе, и успѣлъ уже, какъ-то мимоходомъ, вооружиться черешневымъ чубукомъ, мирно стоявшимъ въ углу моего кабинета. Этимъ чубукомъ онъ взмахивалъ и потрясалъ съ такою выразительною энергiею, что я началъ опасаться за благосостояніе какъ чубука, такъ и зеркала, на которое ораторъ напиралъ, какъ Ноздревъ на Чичикова...

— „Я полагаю, — такъ скажу я присяжнымъ, — что въ смыслѣ предупрежденія и пресѣченія преступленій, убійство презрѣнной старухи будетъ имѣть самыя благодатныя послѣдствія. *Громъ не грянетъ, говоритъ пословица, мужикъ не перекрестится. Громъ грянулъ, и все встrepенулось, всѣ сдѣлались сдержанными, точно образумились.* Не разразись гроза надъ старухою, кто знаетъ, не испытало-ли-бы русское общество одного изъ тѣхъ страшныхъ кризисовъ“...

— „Нѣтъ, позвольте, позвольте, юный другъ. Хотя я и знаю, что „прекрасныя умы встрѣчаются въ своихъ мысляхъ“, но, однако, не до такой степени. Кайтесь сейчасъ-же, что вы учинили плагіатъ, слрѣчь похитили у Евгенія Утина и постановку послѣдняго вопроса, и даже самыя выраженія. Я только что прочиталъ защитительную рѣчь г. Утина, произнесенную имъ въ струсберговскомъ процесѣ, и довольно злопамятенъ, чтобъ не забыть такъ скоро ея избраннѣйшихъ мѣстъ“...

Но Языкоблудина уже и слѣдъ простылъ. Уличенный неожиданно въ адвокатскомъ плагіатѣ, онъ стремительно удралъ отъ меня, захвативъ второпяхъ и черешневый чубукъ, съ которымъ, я не знаю, что будетъ онъ дѣлать на своей ораторской трибунѣ. Такъ я и не дослушалъ, какъ сталъ-бы онъ оправдывать изнасилованіе отцомъ своей родной дочери. Надѣюсь, впрочемъ, со временемъ, прочитать его рѣчь въ печати. Печатный станокъ, какъ извѣстно, все терпитъ.

Г. Языкоблудинъ... виноватъ, я хотѣлъ сказать: г. Плевако. Но о г. Плевакѣ необходимо маленькое предисловіе. Послѣ ка-

гастрофы, постигшей московскій банкъ, сначала никто не ожидалъ, что будетъ учреждена *ликвидационная комисія*, но многія личности, падкія до жизни, возлагали большія надежды на учрежденіи *конкурса*, участіе въ которомъ, въ роли предсѣдателя или членовъ, сулило имъ великія и богатыя милости. Въ это-то смутное время разные ловкіе рыцари аблакатскаго ордена поспѣшили нахватать себѣ побольше довѣренностей отъ потерпѣвшихъ, и храбро начали ходатайствовать о скорѣйшемъ учрежденіи достопозваннаго конкурса. Въ числѣ этихъ, — по выраженію корреспондента „Биржевыхъ Вѣдомостей“ — „алчущихъ и жаждущихъ конкурсной манны“ *явился и г. Плевако по довѣренности отъ гражданскаго истца Лепешкина*. Указъ о ликвидационной комисіи разстроилъ блистательные планы г. Плеваки, и онъ, выбравъ для себя нѣсколько богатѣйшихъ кліентовъ по банковскому дѣлу, между членами совѣта, отказался отъ гражданской претензіи, самую же довѣренность возвратилъ г. Лепешкину въ декабрѣ прошлаго года, т. е. тогда, когда слѣдственное дѣло уже вполне обнаружилъ виновность банкокрадовъ. „Я полагаю, говоритъ корреспондентъ, — что московскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ обслѣдуетъ это дѣло болѣе тщательно. Быть можетъ, юридически г. Плевако останется и правымъ въ своихъ поступкахъ, но его бы *трѣмъ переходъ съ одной стороны на другую* (даже болѣе быстрый, чѣмъ петербургскаго Плеваки, г. Герарда, отъ Овсянникова къ Кокореву), *во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуемъ о его нравственной неряшливости*. Послѣ взятія довѣренности отъ г. Лепешкина (о чемъ послѣдній заявлялъ на судѣ), послѣ тѣхъ громкихъ фразъ, которыми г. Плевако клеймилъ публично позоромъ какъ директоровъ, разорившихъ банкъ, такъ и членовъ совѣта, сбывающихъ мошенническимъ образомъ свои акціи, ему совсѣмъ не подобало-бы являться на судѣ для защиты того, что имъ-же самимъ осуждалось еще такъ недавно“. Но это только корреспонденту кажется, что „совсѣмъ не подобало-бы“, а сотоварищи г. Плевако, по всей вѣроятности, завидуютъ, что не имъ удалось совершить такой ловкій и выгодный вольтъ-фасъ. Вотъ напр., г. Громницкій, осуждавшій въ „Недѣлѣ“, съ цѣломудріемъ юридической Сусанны, дурное поведеніе своихъ собратьевъ, — онъ-то же подхватилъ себѣ кліентовъ между богатыми подсудимыми, а не между разоренными, но правыми акціонерами. На совѣтъ-же

присяжныхъ повѣренныхъ плоха надежда: каковъ попъ, таковъ и приходъ!

Такимъ образомъ, все, что мы говорили и будемъ говорить объ ораторахъ струсберговскаго процесса, не рассчитывается ни мало на ихъ вниманіе, на ихъ исправленіе или даже огорченіе; мы обращаемся только къ русскому обществу, которое, рано или поздно, съумѣетъ оцѣнить своихъ враговъ, прячущихся подъ личиною друзей.

Г. Плевако — любопытный типъ. Въ немъ нѣтъ никакихъ литературныхъ поползновеній, какъ у его сотоварища, г. Евгенія Утина; онъ не болѣетъ страстишкой къ психологическому анализу („что ему Гекуба или онъ Гекубъ!“), не заигрываетъ съ общественнымъ мнѣніемъ, не обтачиваетъ своихъ фразъ, а рубитъ сплеча, грубо, нескладно и плоско, какъ какой-нибудь замоскворѣцкій купеческій сыновъ или вольноопредѣляющійся изъ семинаристовъ. Это — характерный представитель провинціальной адвокатуры, обнаженной отъ всякихъ научно-литературныхъ прикрасъ и лѣзущей, au naturel, по намыленному столбу, за плисовой поддевкой. Его доводы топорны и, такъ сказать, халатно-наивны; его остроты безвкусны и нелѣпы, и когда онъ собирается острить, то постороннему зрителю можетъ показаться, что онъ хочетъ чихнуть или высморкаться въ руку. Г. Плевако не придумалъ ничего сильнѣе, какъ упереться на то, что вотъ, молъ, четырнадцать „именитѣйшихъ, излюбленныхъ гражданъ Москвы, которые пользовались всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ, которыхъ мы съ удовольствіемъ подавали руки, *вдругъ* оказались мошенниками, ворами и грабителями, вдругъ превратились въ каторжниковъ, въ кандидатовъ на острогъ“. Но, г. Плевако, вѣдь и игуменья Митрофанія тоже *вдругъ* начала писать подложные векселя, Овсянниковъ тоже вдругъ спалилъ мельницу; именитостью-же своею Митрофанія, дочь намѣстника кавказскаго и всѣмъ извѣстная „въ мірѣ“ съ титуломъ баронесы Розенъ, ужь, конечно, превосходила вашего „піонера промышленности“ Борисовскаго. Вы, однако, не пощадили ее, потому что съ нее, въ ту пору, нечего было взять, вы даже, какъ извѣстно, лазили на Синай, чтобы оттуда метать въ нее громами, заказанными на счетъ Солодовникова. Въ дѣлѣ-же Борисовскаго, который могъ хорошо ублагоотворить защиту, прокуроръ уже напомнилъ вамъ, что „для владѣльца и акціонера

рѣшительно все равно, бѣтъ онъ будетъ разоренъ: дѣйствительнымъ-ли статскимъ совѣтникомъ, мануфактуръ-совѣтникомъ съ российскими и иностранными орденами или простыми торговцами саломъ и кожей, которые, какъ выразился Струсбергъ, не способны опѣнить и понять его заслуги“. За то прокурору и досталось отъ г. Плеваки: „теперь, говорить, нужно обращаться къ ихъ превосходительству и спрашивать, кто между нашими гражданами хорошъ, кто дуренъ“. Что-жь! и обращайтесь съ Богомъ, г. Плевако, коли сами не умѣете отличить плутню отъ честнаго дѣла, а порядочныхъ людей отъ мошенниковъ.

Дальнѣйшая аргументація г. Плеваки отличается такою-же первобытною прелестью. Что у членовъ совѣта „вынули подъ руками семь миліоновъ руб., которые перешли къ Струсбергу, (беремъ подлинныя слова оратора) это *даже не преступленіе, а только проступокъ*. Оправдають-ли ихъ или обвинять за этотъ проступокъ, *честное имя ихъ не замазается*. (Да въ чемъ-же. московская говорильня, состоитъ, послѣ этого, честное-то имя!)) Каждый человекъ можетъ иногда недостаточно ревниво относиться къ своему долгу, можетъ иногда *не совѣсть строго* исполнять возложенныя на него обязанности; *въ виду своихъ домашнихъ интересовъ, въ виду желанія сохранить нѣсколько лишнихъ часовъ для отдыха* (слушайте, слушайте!) *онъ можетъ не исполнять то, что возлагаетъ на него законъ*“. Ну можно-ли халатнѣе, безцеремоннѣе относиться къ дѣлу защиты? Немудрено, что Борисовскому не поздоровилось отъ такой медвѣжьей услуги... Человекъ, взявшійся контролировать миліонныя операціи, ревизовать кассу банка и провѣрять всѣ дѣйствія правленія, не исполняетъ ни одной изъ своихъ обязанностей, чтобы соснуть лишній часокъ послѣ обѣда и свести домашніе счета съ своимъ поваромъ: возможно-ли остроумнѣе и находчивѣе защищать подсудимаго? Если же члены совѣта составляли искусственныя акціонерныя собранія, раздавая свои акціи малолѣтнимъ дѣтямъ и разсыльнымъ банка, то, по мнѣнію г. Плеваки, иначе это дѣло и происходить не можетъ. „Невозможно, говорить, допустить узаконенія о томъ, что владѣлецъ акцій не можетъ раздавать ихъ другимъ лицамъ... Кому неизвѣстно, напр., что всѣ акціи козловской желѣзной дороги находятся въ однихъ рукахъ, а нужно сорокъ голосовъ для того, чтобы составить общее собраніе, и вотъ для этого-то вла-

дѣлецъ акцій *отдѣляетъ* часть ихъ другимъ лицамъ“. Но развѣ исключительный примѣръ что-нибудь доказываетъ и развѣ онъ отмѣняетъ законъ, по которому ни одинъ акціонеръ не можетъ располагать больше, какъ пятью голосами въ общемъ собраніи? Если переводъ акцій на чужое имя, съ прямой цѣлью обойти законъ, не составляетъ подлога и обмана, то ясно, что и законъ перестаетъ уже фактически существовать. А между тѣмъ этотъ законъ имѣетъ весьма серьезную общественную цѣль: обуздать монополію акціонерныхъ тузовъ и предоставить каждому пайщику свою долю участія въ общемъ дѣлѣ. Г. прокуроръ опять-таки справедливо настаивалъ на томъ, что „захватъ двойного и тройного количества голосовъ противъ дозволеннаго закономъ, составляетъ нарушеніе самыхъ коренныхъ положеній акціонернаго устава“. Члены-же правленія и совѣта не ограничивались даже переводомъ своихъ собственныхъ акцій на имена подставныхъ акціонеровъ: они переводили на другихъ лицъ и такія акціи, которыя были заложены въ разныхъ кредитныхъ установленіяхъ, давали право голоса и предъявившимъ свидѣтельства о залогѣ акцій, не затруднялись распоряжаться такими акціями, которыя хранились въ банкѣ, какъ обезпеченіе выданной ссуды, при чемъ переводы и квитанціи писались задними числами. Настоящихъ-же, не фиктивныхъ акціонеровъ гнали чуть не въ шею изъ банка, и самыя объявленія объ общихъ собраніяхъ вывѣшивались всегда такъ, что ихъ могли замѣтить и прочесть только одни служащіе въ банкѣ. Когда-же кому-то пришло въ голову перенести такое объявленіе на видное мѣсто, то банковскіе воротилы сейчасъ дали ему нагоняй и снова забили объявленіе въ темный уголокъ, высказывая открыто, что нужно, молъ, *подтасованное* большинство, которое утверждало-бы безъ споровъ фальшивые отчеты, а вовсе не акціонерное собраніе, законно составленное. Если всѣ эти дѣянія не составляютъ подлога и мошенничества, то слѣдуетъ выкинуть эти термины изъ свода законовъ... На козловской желѣзной дорогѣ потому и творятся всякія безобразія, — о которыхъ мы говорили въ предъидущемъ „Калейдоскопѣ“, — что на ней безраздѣльно хозяйничаетъ г. фонъ-Дервизъ, фиктивно расписывая свои акціи на имена пріятелей и знакомыхъ. Стало быть, нужно придумать мѣры, чтобы и на этой дорогѣ законъ не нарушался такъ явно и безнаказанно, а г. Плевако, наоборотъ, хочетъ до-

казать этими милыми порядками, что законъ не нуженъ и его слѣдуетъ отиѣнить. — Впрочемъ, г. Плевако предобрый человѣкъ: онъ все валитъ на одного Ландау и даже Полянскаго оправдываетъ, очень любезно проводя границу между недозволенною взятою и дозволенною „благодарностью“. „Вчера, — философствуетъ онъ, — защитникъ Ландау говорилъ, что не одинаково-ли дурно взять 150,000 или 5,000 р. (казалось-бы, что на сей разъ защитникъ говорилъ совершенно справедливо, но г. Плевако думаетъ не такъ); — мнѣ кажется, что здѣсь существуетъ разница. *Если я совершаю крупное миллионное дѣло и мнѣ дарятъ небольшой процентъ, то я могу рассуждать такъ: что люди простые, неразвитые* (это Струбергъ-то простой и неразвитый человѣкъ!) *хотятъ выразить этимъ свою благодарность*“. Прекрасно! Лучшее этого никогда и ничего не придумаетъ московскій подъячій, и мы могли-бы сказать ему, народиря слова Потемкина: „умри, Плевако, или наложи печать молчанія на уста твои“. Но г. Плевако идетъ еще дальше. Онъ оправдываетъ подсудимыхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ не успѣли еще изгнать изъ купеческаго банка въ Москвѣ, гдѣ они состоятъ директорами, и однимъ камнемъ убиваетъ, такимъ образомъ, двухъ воробьевъ. „Вѣдь купеческій банкъ въ Москвѣ — самый прочный банкъ, — витѣйствуетъ нашъ enfant terrible, — а между тѣмъ, *пора-бы этому банку испортиться*, потому что тамъ служатъ тѣ-же обвиняемые, которые сидятъ теперь передъ вами“. Вотъ ужъ, подлинно, не въ бровь, а въ самый глазъ! Мы полагаемъ, что отъ такого лестнаго комплимента поперхнется московскій купеческій банкъ, какъ поперхнулся Борисовскій отъ защиты г. Плеваки, оплевавшаго разомъ и его, и себя. Забавнѣе всего, что, послѣ всѣхъ этихъ шутовскихъ аллюровъ, послѣ аполлогіи „отдыха“ въ общественныхъ дѣлахъ, послѣ оправданія вяточниковъ, г. Плевако *вдругъ* становится въ гордую позицію и начинаетъ стыдить своихъ противниковъ за то, что они называютъ мошенничество — *мошенничествомъ*, а въ людяхъ, совершающихъ такіа дѣла, отказываются видѣть именитыхъ гражданъ, героев правды и мучениковъ. „Нынѣ, въ первый разъ, патетически укоряетъ онъ ихъ, — храмъ правосудія огласился такимъ криками (г. предсѣдатель суда замѣтилъ на это, что нельзя-же, изъ чувства ложной деликатности, „избѣгать того термина, которымъ самъ законъ квалифицируетъ извѣстный поступокъ“), и намъ

стало стыдно за тѣхъ, которые принадлежать къ одному съ нами сословію, намъ стало стыдно, что они такъ скоро позабыли ту школу, изъ которой они вышли вмѣстѣ съ нами“. Пожалуйста, не стыдитесь за другихъ, г. Плевако, а постарайтесь (если можете) устыдиться за себя самого. И какая это школа дала вамъ столько неприличнаго апломба, столько нахальства дурного тона: бурса, что-ли, старая съ ея „вселенскими смазками“, „камчатками“, и „пороньемъ на воздухѣхъ“, или одна изъ упраздненныхъ школъ баталіонныхъ кантонистовъ? Думаемъ, что это, ни въ какомъ случаѣ, не былъ университетъ, который все-таки владеть на своихъ питомцевъ нѣкоторый отпечатокъ. Послушавъ защиту г. Плеваки, наши общественные „дѣятели и сѣятели“ могутъ теперь сказать другъ другу:

Покуривши всласть и въ мѣру
 Жуковъ табачокъ,
 Пропустивши для примѣру
 Водки „посошокъ“,
 Насладимся, братецъ, кейфомъ,—
 Дѣль-же глупыхъ рядъ,
 Съ безконечно-длиннымъ шлейфомъ,
 Мнѣ претить на взглядъ.
 Хорошо, коль за работу
 „Благодарность“ есть,
 А безъ денегъ брать работу —
 Невелика честь!
 Почитай-ка, что Плевако
 На судъ болталъ,
 Получивъ за эти враки
 Круглый капиталъ!

Заговоривъ о г. Плевакѣ, мы похвастаемся ужъ встать своею прозорливостью. Нынѣшнимъ дѣломъ, по Москвѣ пронесся слухъ, что вслѣдствіе какихъ-то таинственныхъ вліяній, дѣло о крушеніи комерческо-ссуднаго банка будетъ, что называется, замято. Въ то-же время мы имѣли передъ глазами обвинительный приговоръ, произнесенный кіевскою соединенною палатою гражданскаго и уголовнаго суда по очень сходному дѣлу о лицахъ, служившихъ въ кіевской конторѣ государственнаго банка и отданныхъ подъ судъ за „злоупотребленія по учету векселей и выдачѣ ссудъ“. По этому поводу мы и говорили тогда, въ іюньскомъ „Калейдоскопѣ“: „такой опасный прецедентъ (какъ обвиненіе, произнесен-

ное кievскою палатою) не можетъ быть прiятенъ героимъ струсберговскаго дѣла, а москвичей, волнуемыхъ разными нелѣпыми слухами, онъ долженъ успокоить насчетъ безпристрастія суда. Конечно, разные московскіе плеваки будутъ надрываться въ показательствахъ голубиной чистоты своихъ отцовъ-благодѣтелей; но въѣдъ и петербургскіе плеваки надрывались усердно въ защитѣ Овсянникова, а судьба не благословила ихъ успѣхомъ“. Предсказаніе наше сбылось, если не относительно всѣхъ членовъ совѣта, то, по крайней мѣрѣ, относительно членовъ правленія и коноводовъ совѣта—Борисовскаго и Шумахера. Съ этимъ приговоромъ присяжныхъ засѣдателей нельзя не поздравить русское общество, хотя, какъ мы слышали, гг. аблакаты нашли уже цѣлую вереницу „касаціонныхъ поводовъ“. Припомнимъ, однако, что въ дѣлѣ Овсянникова всѣ эти поводы оставлены сенатомъ безъ уваженія, и нѣтъ основанія думать, чтобы и въ настоящемъ случаѣ аблакатскія выдумки заслужили иную участь!

Г. Плеваго, своими безтактными выходками, нѣсколько выдвинулся изъ толпы своихъ сотоварищей, но, вообще говоря, всѣ они были совершенно достойны другъ друга и того дѣла, которое взяли на защитѣ; всѣ пользовались одинаково-удачными ораторскими приѣмами (горькій плачь о своемъ благодѣтелѣ, свирѣпыя атаки на обвинительный актъ и недобросовѣстное извращеніе фактовъ); ихъ дружный и прiятный ensemble не нарушался даже взаимными перебранками, такъ-какъ извѣстно, что и изъ дисонансовъ можетъ возникать своего рода гармонія. Впрочемъ, сначала всѣ аблакаты-защитники пѣли въ унисонъ, стараясь выгораживать, въ равной мѣрѣ, *членовъ совѣта и правленія*; разногласія проявились только тогда, когда судебное слѣдствіе разъединило интересы тѣхъ и другихъ, и предоставило защитникамъ, такъ-сказать, на выборъ: топить членовъ правленія или спасать членовъ совѣта. Тутъ-то и началась комическая сумятица: аблакаты-защитники раздѣлились на два враждебные стана и затѣяли перепалку не только съ прокуроромъ, но и между собою. Защитники совѣта, прежде всего, доказывали, что отчеты банка составлялись совершенно правильно; когда-же этотъ фортель имъ не удался, то они стали доказывать совершенно противное, а именно, что отчеты сфабрикованы директорами правленія и что члены совѣта не принимали никакого уча-

стія въ этой работѣ. Громоносный Плевако, негодовавшій на прокурора за употребленіе слова „мошенники“ по отношенію къ членамъ совѣта, выпалилъ въ Ландау російской пословицей: „отъ домашняго *вора* не уберешься“. Г. Утинъ прошелся насчетъ г. Куперника, сказавши, что „онъ явился вѣрнымъ союзникомъ гражданскихъ истцовъ, и что послѣдніе заслужили такого союзника“. Но въ борьбѣ противъ обвиненія защитники дѣйствовали согласно; прокуроръ, стоявшій имъ всѣмъ поперегъ дороги... къ хорошему гонорару, подвергался, со всѣхъ сторонъ, такому задорному наѣздничеству, что г. предсѣдатель суда, дававшій полную свободу преніямъ, все-таки вынужденъ былъ напоминать нѣкоторымъ аблакатамъ о приличіи. Особенно неистовствовали и голосомъ, и жестаи г. Вышеславцевъ (прозванный репортерами Нижеславцевымъ), зять Крестовникова, защищавшій своего тестя, и г. Харитоновъ, воспѣвавшій доблести Полянскаго.

На шестнадцать разныхъ тоновъ
 Аблакатъ нашъ Харитоновъ
 На судѣ ораль.
 Но отъ эдакихъ трезвоновъ,
 Криковъ, воплей, дикихъ стоновъ
 Былъ одинъ скандалъ!
 „Неповиннаго“ кліента
 За какіе-то проценты...
 За „благодарру“,
 Осудили на изгнанье...
 Аблакату-жь въ назиданье
 Кто-то крикнулъ на прощанье:
 „Шибко скачешь! тпруру!“

Г. Куперникъ, знаменитый „волшебный стрѣлокъ“, пугавшій своимъ револьверомъ ямщиковъ на черниговскомъ трактѣ, въ судѣ велъ себя скромнѣе, не „бралъ въ ручки пистолетикъ“ и не страшалъ никого своими холостыми зарядами. Подобно Ярославнѣ въ „Словѣ о полку Игоревомъ“, онъ „букушкой заревою“ оплакивалъ г. Ландау, который пострадалъ будто-бы не за кражу, а единственно за свое еврейское происхожденіе. Такая ужъ это угнетенная нація! жалобился г. Куперникъ, не желая знать, что угнетенная нація давно уже стала угнетательницею на денежномъ рынкѣ. Правда, нельзя отрицать, что Ландау бралъ взятки и за это опустошилъ кассу

банка; но г. Куперникъ великодушенъ: что-же, говорить, за бѣда такая! „Если человекъ смотритъ на деньги, какъ на силу, какъ на удачу въ дѣлахъ, какъ на двигателя, *смотритъ на денежные операции, какъ на самую жизнь*, на проценты, какъ на лучшую награду за свой трудъ, если онъ сдѣлалъ что-нибудь такое, что представляется безнравственнымъ, некрасивымъ,—то можемъ-ли мы взваливать на него отвѣтственность?“ Вы правы, г. Куперникъ! Такого почтеннаго гражданина, который смотритъ на проценты, какъ на свою лучшую награду, на деньги, какъ на самую жизнь, да его надо прямо въ рай, а не то, что на скамью подсудимыхъ... Правда, что Ландау фабриковалъ подложные отчеты, по увѣренію обвинителя. Да помилуйте: „этихъ отчетовъ никто не составлялъ—ни бухгалтеръ, ни предсѣдатель совѣта, ни директоры правленія; они составлялись какъ-то сами собою“. (!) Точъ въ точъ гоголевская унтеръ-офицерша, которая, какъ извѣстно, „сама себя высѣкла“! Заимѣвались тутъ еще операціи съ негодными бумагами Струсберга, но— „Ландау не могъ даже предполагать, что члены совѣта ничего не знали объ этихъ операціяхъ; напротивъ они должны были знать“. Г. Куперникъ, какъ истинный фокусникъ, опускалъ въ одинъ карманъ Ландау-мошенника, а изъ другого кармана вынималъ Ландау - невиннаго голубя. Недоволенъ онъ даже г. министромъ финансовъ, который отказался подарить, для выручки г. Ландау, нѣсколько казенныхъ миліоновъ, а „далъ формальный отвѣтъ: вы заварили кашу, вы и расхлебывайте!“ По мнѣнію г. Куперника, кашу это слѣдовало расхлебывать всему русскому народу, изъ податей котораго слагаются средства государственной казны. Общественное мнѣніе и печать не удовлетворяютъ его: „они, видите-ли, слишкомъ живы, слишкомъ впечатлительны“, чтобы судить правильно о такомъ великомъ мужѣ, каковъ есть Ландау. Печать только обижала его.

Трогательно было смотрѣть на то нѣжное сочувствіе, на ту „любовь по гробъ“, которыя соединили тѣсными, неразрывными узами аблакатовъ съ ихъ кліентами. Всего трогательнѣе была именно та внезапность, съ какою нѣжныя чувства осѣнили аблакатовъ сейчасъ же послѣ договоръ о гонорарѣ. Одинъ изъ аблакатовъ объявилъ даже, что онъ такъ *сливается* съ своимъ кліентомъ (помните, читатель, старый романсъ: „съ его душой сливаюсь тайно я“?), что даже не разберешь, гдѣ кончается одинъ и гдѣ начинается другой. Г. Спи-

ро вивакъ не могъ передать присяжнымъ „ту простоту, ту открытость, которая дышала въ объясненіяхъ Струсберга, той интонаціи, которая одна касается сердца и убѣжденія человѣка“. Ангелъ, да и только! Г. Шайкевичъ стоналъ: „тѣ страданія, которыя носитъ въ себѣ обвиняемый Шумахеръ, сдѣлались страданіями и его защитника; та скорбь, которая видна на его лицѣ, проникла и въ мою душу“. Какіе, право, милые, впечатлительные люди эти господа-аблакаты! Жаль только, что они своею впечатлительностью напоминаютъ намъ тѣхъ римскихъ грековъ, которыхъ безпощадный Ювеналъ заклеилъ безсмертными строками: „если богачъ чувствуетъ ознобъ, гречишка (glaeculus) начинаетъ дрожать отъ холоду, если богачу жарко, гречишка и самъ обольется пѣтомъ; дайте только денегъ — и голодный гречишка полѣзетъ на небо“...

Впечатлѣніе, произведенное струсберговскимъ процесомъ на наше общество, было очень тяжелое и тревожное. Виновные, конечно, наказаны, но процессъ раскрылъ въ нашемъ кредитномъ дѣлѣ такія больныя стороны, которыя не залѣчишь одними юридическими наказаніями. На судѣ являлись, въ качествѣ экспертовъ, директора разныхъ московскихъ банковъ, и ихъ показанія, по свидѣтельству прокурора, „могутъ навести паническій страхъ на вкладчиковъ и акціонеровъ тѣхъ банковъ, гдѣ хозяйничаютъ подобныя директоры: страшно за солидность предпріятія, когда все основано на взаимномъ довѣріи, когда совѣтъ, безъ ревизій, довѣряетъ правленію, когда правленіе, въ свою очередь, отдается въ руки своихъ служащихъ“. Г. Плевако, какъ мы сказали, тоже немало удружилъ московскому купеческому банку, въ которомъ, по его заявленію, господствуютъ тѣ-же порядки, что и въ коммерческо-ссудномъ банкѣ. Но наибольшій эффектъ произвела рѣчь самого Струсберга. „Года два или три тому назадъ — говорилъ этотъ финансовый Юпитеръ, — когда общество взаимнаго кредита было отдѣлено отъ государственнаго банка, въ касѣ его оказалось на 16 миліоновъ рублей дурныхъ обезпеченій, и всѣ банкиры должны были оказать помощь, чтобы это общество не

лопнуло, подобно настоящему. Потомъ, частный коммерческій банкъ въ Петербургѣ, съ г. Брандтомъ во главѣ, ходатайствовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ передъ г. министромъ финансовъ о пособіи въ 5 или 6 миліоновъ рублей, потому что банкъ принялъ отъ г. Марка различныя, ничего не стоящія бумаги, какъ напр. горныхъ заводовъ, и другія. Г. министръ ходатайство это удовлетворилъ, выдавъ ссуду. Другой банкъ — волжско-качскій, куда г. Ламанскій, заправлявшій прежде дѣлами общества взаимнаго кредита, также вступилъ предсѣдателемъ совѣта, для того, чтобы поправить существующую внутреннюю путаницу въ банкѣ. Въ немъ есть бумаги пароходства, путиловскихъ заводовъ. — сумасшедшія предпріятія, которыхъ я даромъ не возьму (даже Струсбергъ не возьметъ!) Акціи эти тамъ лежатъ въ огромномъ количествѣ. Я даю слово г. прокурору, что, еслибъ онъ далъ мнѣ возможность попасть въ петербургскіе и московскіе банки съ тѣми полномочіями, которыя предоставлены ему, то я всю эту публику приведу на сѣмью подсудимыхъ, какъ стадо овецъ. Я не желаю никому вредить (какой добродѣтельный человѣкъ!), въ противномъ случаѣ я могъ-бы привести цѣлый списокъ директоровъ петербургскихъ банковъ, которые въ весьма короткое время сдѣлалась миліонерами, имѣя дѣло съ людьми моего разбора, напр. съ его превосходительствомъ Поляковымъ, который родился не превосходительнымъ“. Выкиньте изъ этихъ словъ нѣкоторую долю преувеличенія, весьма естественнаго въ положеніи Струсберга, — и все-таки они будутъ достаточно сильны, чтобы произвести смятеніе между вкладчиками и акціонерами нашихъ частныхъ банковъ.

Смятеніе это замѣтилъ г. Баймаковъ, и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 301) появилась передовая статья въ пользу биржевой игры и всякихъ акціонерныхъ предпріятій. Въ статьѣ говорится, что обвинительный актъ, составленный московской прокуратурою, грѣшитъ пристрастіемъ и раздражительнымъ тономъ, что подтасованныя акціонерныя собранія — небольшая бѣда, что „нецѣлесообразно“ ограничивать въ этихъ собраніяхъ права крупныхъ акціонеровъ, такъ-какъ, дескать, „эгоизмъ заправляетъ явленіями экономической жизни и дѣлаетъ недоступнымъ предположеніе, чтобы силою запрета можно было вселить въ капиталистѣ рѣшимость не распоряжаться, по произволу, всею наличностью имѣющагося въ его распоряженіи капитала“. „Исторія полити-

ческой экономіи — глубокомысленно поучаетъ насъ г. Баймаковъ, очевидно проходившій политическую экономію по билетенямъ биржевыхъ маклеровъ, — изобилуетъ доказательствами того, что запретительныя мѣры, не могутъ сдержатъ *естественнаго теченія* экономической жизни“. Отсюда выводъ, что „надлежитъ съ чрезвычайной осторожностью возбуждать уголовное преслѣдованіе въ дѣлахъ этого рода“, т. е. другими словами: надлежитъ оставлять безнаказанными всякія прогулки по чужимъ карманамъ, предпринятыя во имя устарѣвшаго, даже въ политической экономіи, принципа: *laissez faire, laissez passer*. Акціонерныя и банковскія мошенничества—это, изволите видѣть, называется у г. Баймакова „естественнымъ теченіемъ экономической жизни“, и никто не долженъ покушаться на этотъ палладіумъ финансовой свободы. Плутократическая журналистика и таковая-же адвокатура узнали другъ друга и пошли, рука въ руку, по одной и той-же дорожкѣ. Это не помѣшало, конечно, г. Баймакову поднять на смѣхъ въ томъ-же номерѣ своей газеты, но только въ нижнемъ ея этажѣ. всѣхъ героевъ струсберговскаго процесса: новый образчикъ добросовѣстности и послѣдовательности плутократической журналистики! И не однѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ держатся такого мнѣнія о безнаказанности крупныхъ финансовыхъ плутней: мы помнимъ, что „Биржевыя Вѣдомости“ доказывали тоже самое по поводу процесса Опенгейма,—спекулятора, достойнаго стать на ряду съ Струсбергомъ.

Изъ всѣхъ банковъ, задѣтыхъ Струсбергомъ въ его заключительномъ объясненіи на судѣ, только одинъ волжско-камскій банкъ откликнулся въ печати... но какъ откликнулся! Изъ его сообщенія видно, что, къ 1-му октября прошлаго года, его долгъ государственному банку составлялъ только 1,393,000 р., а къ 1-му января текущаго года, вслѣдствіе „ненормальнаго отлива вкладовъ“, этотъ долгъ возвысился уже до поразительной цифры 20¹/₂ миліоновъ. Въ настоящее время долгъ волжско-камскаго банка убавился до 13 миліоновъ, но все-таки недурно нажать, въ одинъ годъ, 10 миліоновъ долгу, хотя-бы и обеспеченнаго „первоклассными векселями“.

Акціонерныя шуточки продолжаютъ своимъ чередомъ: должно быть, заступничество газетной прессы возвращаетъ акціонернымъ дѣльцамъ крылья, пообрѣзанныя струсберговскимъ процессомъ.

Такъ напр., недавно въ обществѣ рыбинско-бологовской желѣзной дороги обнаружилось поползновеніе къ подкупу дѣйствительныхъ акціонеровъ общества. Система подкупа заключалась въ томъ, что дѣйствительнымъ акціонерамъ предлагались въ подарокъ *какіе-то учредительскіе паи*, неоговоренные въ уставѣ общества и de jure вовсе несуществующіе, за обѣщаніе — положить въ общемъ собраніи шаръ въ пользу учредительскаго вознагражденія въ размѣрѣ 6% со всей суммы дивиденда, если таковой будетъ не менѣе 8 р. на каждую акцію. Большинство акціонеровъ, которымъ предложены были такіа кондичіи, отказались отъ нихъ, но, по слухамъ, сообщаемымъ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, нашлись и такіе акціонеры общества, которые приняли подобныя предложенія и обѣщали уже положить свои шары за „учредительское вознагражденіе“. По другому извѣстію, одинъ изъ крупныхъ акціонеровъ той-же дороги, возвращавшійся изъ-за границы въ Петербургъ къ дню общаго собранія, былъ *подкарауленъ* въ Берлинѣ двумя нарочными посланцами и осажденъ просьбою подать свои голоса въ пользу бѣдниковъ-учредителей... Что-жь, радуйтесь, г. Баймаковъ! „Естественное теченіе экономической жизни“ не должно вѣдь стѣсняться никакими „моральными“ соображеніями — и ваши уроки пошли, значить, въ прокъ.

Вообще наша газетная пресса ведетъ себя одинаково хорошо, какъ въ струсберговскомъ процесѣ, такъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, сдѣлавшихся достояніемъ ея ежедневной болтовни. Славянской вопросъ она засидѣла уже до такой степени, что въ нему скоро нельзя будетъ прикоснуться безъ перчатокъ. Всѣ замашки той литературы, которая царила у насъ до крымской войны, перешли въ наши современныя газеты, съ прибавкою цѣлыхъ потоковъ полемической грязи, личныхъ счетовъ, тупыхъ и грубыхъ перебранокъ, въ которыхъ растерялась-бы сама знаменитая слесарша Пошлепчина. „Голосъ“, напр., съ своимъ поддужнымъ, „Русскимъ Обзорѣніемъ“, обзываетъ г. Суворина, en toutes lettres, *безчестнымъ чловѣкомъ*, а „Новое Время“ шлетъ „Голосу“ *дурака*. Образовались какіе-то два непримиримо-враждебные лагерьа, о которыхъ надо сказать, что они „оба хуже“. Одинъ ла-

геръ, страшая Европу каждымъ отставнымъ прапорщикомъ, отправляющимся въ Сербію на счетъ славянскаго комитета, кричить во всю ночь:

Это прапорщикъ, болваны,
Что-жь, какъ грянуть капитаны!

А другой лагерь, въ пику ему, кричитъ не менѣе громко, что всѣ эти прапорщики и капитаны опасны только для бѣлградской полиціи, что всѣ они — пропойцы и негодяи. Одинъ лагерь провозглашаетъ, что генераль Черняевъ уже „совершилъ въ предѣлѣхъ земномъ все земное“ и что онъ достоинъ „вступить съ блескомъ въ Капитолій“, а другой лагерь, опять-таки на зло первому, шипитъ, что Черняеву и на каторгѣ мѣста мало. Одинъ лагерь вотъ уже цѣлый годъ трубить: война! война! и приглашаетъ насъ на увеселительную прогулку въ Константинополь, не обращая вниманія ни на какія дипломатическія, военныя и финансовыя соображенія, препятствующія этой прогулкѣ; другой лагерь находитъ чуть-чуть не полезнымъ, если-бы турки вступили въ Бѣлградъ. Весь политическій споръ свѣхалъ на какое-то личное упрямство, затаенную обиду, разносную продажу и казенный патриотизмъ... И къ тому-же самохвалство, граничащее съ умышленнымъ поврежденіемъ! Газеты наскакиваютъ, съ шумомъ и гамомъ, на ежемѣсячные журналы, которые не принимаютъ участія въ ихъ куриномъ побоищѣ; онѣ любятъ сами на себя и мечтаютъ „руководить“ общественнымъ мнѣніемъ, тогда какъ въ сущности онѣ годны стоять только на его запяткахъ. Литературный обозрѣватель „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, затронутый нашимъ замѣчаніемъ, что у него нѣтъ своихъ мнѣній, пустился доказывать, въ двухъ фельетонахъ подъ рядъ, преимущества газетной прессы надъ ежемѣсячной журналистикой. Но, должно быть, по непривычкѣ выражать свои мнѣнія, онъ вмѣсто того, чтобы похвалить газеты, невзначай разругалъ ихъ самымъ жестокимъ образомъ. „Можетъ быть, говоритъ онъ, — что, слѣдя за развитіемъ вопроса, люди, обсуждающіе его шагъ за шагомъ (т. е. газетные сотрудники) дѣлаютъ промахи, *падаютъ въ противорѣчія, вообще проговариваются или заговариваются*, что тотъ или другой фактъ освѣщается ими невѣрно или даже искажается, что и въ цѣломъ взгляды ихъ *погрѣшаютъ недостаткомъ обдуманности и послѣдовательности*“. Какъ вамъ понравится, читатель, такой

неожиданный репримандъ? Газеты проговариваются и заговариваются, газеты искажаютъ даже факты, у нихъ нѣтъ никакого цѣльнаго и послѣдовательнаго взгляда на вещи... вашу руку. сеньеръ; мы прежде васъ сказали все это, но рады, что вы присоединились къ нашему мнѣнію. Спрашивается только: какими чудовищными процесомъ мысли можно извлечь отсюда выводъ о высшихъ достоинствахъ нашей газетной толчеи? А между тѣмъ вы дѣлаете такой выводъ и статья ваша даетъ намъ право посвятить вамъ нижеслѣдующее стихотвореніе:

Положимъ, что газеты наши
 Неслишкомъ честностью сильны,
 Что вздоромъ полныя, какъ чаши,
 Онѣ и вратъ принуждены.

Положимъ, что онѣ вкотокъ
 Напоминаютъ часто намъ,
 Что также разумъ ихъ коротокъ,
 Языкъ-же длиненъ. имъ на срамъ.

Допустимъ, что вреда для дѣла
 Онѣ не мало принесли
 И что, какъ мухи, засидѣли
 Вопросъ славянскій въ наши дни.

Все такъ! Но... духомъ всепрощенья
 Внезапно критикъ обуянъ,
 Спѣшить, въ порывѣ снисхожденья,
 Забыть сей маленькій изъянъ.

Спѣшить похвалъ необычайныхъ
 Пустить горячую струю,
 Чтобъ отъ нападковъ неслучайныхъ
 Прикрыть и „житницу“ свою,

Чтобъ съ Баймаковымъ не повздорить,
 Въ газетѣ мѣста не бросать,
 Пріятно съ недругомъ поспорить
 И съ чувствомъ друга лобызать!

Вотъ, напр., „Новое Время“ заговаривается чаще другихъ газетъ, но не меньше всѣхъ способно сознавать свои заблужденія. Мы

замѣтили ему какъ-то, что оно напрасно оправдываетъ русскихъ офицеровъ, которые стали колотить по зубамъ болгарскихъ волонтеровъ, и что подобныя оправданія едва-ли подвинуть впередъ дѣло „славянскаго единенія“, которому можно-бы обойтись и безъ теоріи пощечинъ. Признаемся, что мы считали это заступничество промахомъ, на которомъ газетѣ не слѣдовало-бы настаивать, а лучше-бы, просто, промолчать и не повторять такихъ промаховъ на будущее время. Оказывается, однако, что мы ошибались. „Новое Время“ (№ 243), уже собравшись съ мыслями, горячо убѣждаетъ насъ, что съ этими канальями-болгарами безъ зуботычинъ ничего не подѣлаешь, что съ „гуманностью“ да съ „либерализмомъ“ далеко не уйдешь и что „деспотизмъ имѣетъ свое оправданіе“. Теперь мы такъ и запишемъ, что это не случайный промахъ газеты, а цѣлая система народнаго воспитанія, переложенная въ прозу изъ стиховъ какой-то дюжинной пьесы александринскаго театра:

Бей его, мужика,
 Бей его, дурака,
 Бей его, чорта—
 Ходить безъ пачпорта!

Намъ неизвѣстно доподлинно, есть-ли „пачпорты“ у болгарскихъ волонтеровъ; но есть-ли, нѣтъ-ли—болгарамъ отъ этого не легче и по зубамъ бить ихъ все-таки надо. Гдѣ ты, Бурцовъ, ёра, забіяка!? Приди и запишись въ сербскую службу, въ редакціи „Новаго Времени“.

Н. Мизантроповъ.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

Черноземныя поля. Романъ. Часть II. (Гл. VII—X.)	<i>Е. Л. Маркова.</i>
Сила творчества. Стихотвореніе. (Изъ А. Мюрге.)	<i>Я. Старостина.</i>
Развитіе первобытной культуры. (Ст. третья.)	<i>С. С. Шашкова.</i>
Бѣшеная лопина. Романъ. Часть III. (Гл. I—V.)	<i>П. Лытнева.</i>
Пѣсня. Стихотвореніе. (Изъ народ- ныхъ мотивовъ.)	<i>И. Сурикова.</i>
Американская плутократія.	<i>Я. Л. П—ра.</i>
Въ забытомъ селѣ. Стихотвореніе.	<i>А. Круглова.</i>
Даніель Деронда. Романъ изъ совре- менной англійской жизни. (Гл. LVI—LXII.)	<i>Дж. Эмюта.</i>
Галиційскія повѣсти. II. Крестьянскій судъ.	<i>Захеръ-Мазоха.</i>
Мотивы народныхъ пѣсенъ болгаръ. Стихотвореніе.	<i>А. Михайлова.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Педагогика—родная дочка психологіи. Ст. I.	<i>П. Никитина.</i>
Отживающій народъ.	<i>М.</i>
Борьба непогрѣпимаго съ погрѣши- мымъ.	<i>С. III.</i>
Парижскія письма	<i>Анонима.</i>
Новыя книги. Внутреннее обозрѣніе.	<i>Н. III.</i>
Калейдоскопъ. Литературныя и обще- ственныя замѣтки.	<i>Н. Мизантропова.</i>

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Политическіе дѣятели. Э. Реклю. (Биографіи и характеристики). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Происхожденіе человека и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ. подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Жизнедія всемірной исторіи. Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обомнѣ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Риклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигіены“ д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигіены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп. (Осталось небольшое число экземпляровъ).

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Автобіографія Джона Стюарта Миля. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О питаніи въ фізіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Правила и программы для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія гражданскаго, военнаго, морскаго и духовнаго вѣдомствъ на 1875—76 учебный годъ. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода В. М. Флоринскаго. ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Видъ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лятнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Альтотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Сочиненія Ф. М. Толстото. (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. Н. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Н. А. Потѣхина. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 75 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антоня Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

ИСПОВѢДЬ СТАРИКА.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ИПОЛИТА НЬЕВО.

Переводъ съ итальянскаго, В. И. Зайцева; около 35 печатныхъ листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р.; съ пересыл. 2 р. 30 коп.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДѢЛО“ уступается 20% съ номинальной цѣны (стоимость книги безъ пересылки).

У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПЕТЕР-
БУРГА и МОСКВЫ

ПРОДАЕТСЯ

ВЪ ПОГОНЮ ЗА НАЖИВОЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ РОМАНЪ

Н. Н. КАРАЗИНА.

Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к. Подписчикамъ на журналъ „ДѢЛО“ дѣляется уступка 20%.

ВОПРОСЫ ДНЯ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ будутъ выходить въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія матеріала, всѣ замѣчательныя новинки иностранныхъ литературъ по животрепещущимъ современнымъ вопросамъ въ переводѣ или извлеченіи.

Вышли и продаются у всѣхъ книгопродавцевъ:

- 1) БОЛГАРСКІЕ УЖАСЫ и ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ. Соч. В. Е. Гладстона, съ приложеніемъ рѣчей и письма его-же. Цѣна 40 к. Въ пользу болгарскихъ славянъ.
- 2) ГЕНРИ-БЕТЕЛЬ СТРУСБЕРГЪ отъ колыбели до скамьи подсудимыхъ. Цѣна 40 к.
- 3) ЗВѢРСТВА ВЪ БОЛГАРИИ. Письма спеціального корреспондента „Daily News“—Д. Е. Макгаана. Цѣна 80 к.

Приготовляются къ печати:

- 4) ВЕНЬАМИНЪ ДИЗРАЭЛИ, ЛОРДЪ БИКОНСФИЛЬДЪ, сорокъ лѣтъ политической жизни отъ Букингемшира до Болгаріи.
- 5) ТУРКЕСТАНЪ—по Скайлеру.
- 6) БОСНІЯ и ГЕРЦЕГОВИНА, публичная лекція базельскаго профессора Кинкеля.
- 7) СЕРБИЯ и ЧЕРНОГОРИЯ—по Круссу.
- 8) СТОЛѢТІЕ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.
- 9) ФИЛАДЕЛЬФІЙСКАЯ ВЫСТАВКА.

Мнѣнія печати:

„Мысль издателей выпустить рядъ современныхъ политико-общественныхъ брошюръ нельзя не назвать весьма удачною; мы, тѣмъ болѣе, привѣтствуемъ эту попытку, что издателями обѣщаны къ выпуску въ свѣтъ вещи весьма интересныя“.

„Новое Время“.

„Вообще мысль лица, задумавшаго подобное изданіе, нельзя не назвать очень удачною и не пожелать предпріятію полнаго успѣха“.

„Виржевия Вѣдомости“.

Первый и третій выпускъ „ВОПРОСОВЪ ДНЯ“ разобраны въ настоящей книжкѣ «Дѣла», въ отдѣлѣ „Новыя книги“.

О П С Д П И С К Ѣ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
1877 года

СѢВЕРНАЯ ЗВѢЗДА

(Журналъ литературы, наукъ, искусствъ, политики и общественной жизни).

Съ января мѣсяца 1877 года журналъ „СѢВЕРНАЯ ЗВѢЗДА“ будетъ выходить подъ редакцію **Н. И. ЗУЕВА**, пресвяго редактора „Живописнаго Обозрѣнія“, еженедѣльными нумерами, въ два большихъ печатныхъ листа (въ годъ 52 № или 832 страницы, форматомъ in quarto magno). Въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаемо до четырехъ и болѣе художественныхъ рисунковъ (въ годъ 300—400), исполненныхъ, по заказамъ редакціи, въ Россіи и за границею по принятымъ въ образецъ лучшимъ англійскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, шведскимъ и пр. иллюстраціямъ, какъ „Illustrated London News“, „Illustrated Travels“, „Le Monde Illustré“, „Magasin pittoresque“, „Gartenlaube“, „Ueber Land und Meer“, „Illustrirte Zeitung“, „Daheim“ „Ny Illustrerad Tidning“ и др. Въ теченіе года всѣ подписчики получатъ нѣсколько бесплатныхъ премій, какъ-то: ноты, картины, брошюры и кромѣ того, ежемѣсячное **БЕЗПЛАТНОЕ-ЖЕ** приложение подъ заглавіемъ:

„ИЗБРАННЫЕ РОМАНЫ“.

Это приложение (двѣнадцать особыхъ полныхъ нумеровъ), въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 4 р., а съ перес. 4 р. 50 к.

Упомянутыя выше преміи могутъ, по желанію подписчиковъ, быть замѣнены: или бесплатною-же премією **Иллюстрированной Географіи Россійской Имперіи**, книгою въ 195 страницъ убористой печати, съ многочисленными художественными рисунками и двумя картами: Европейской и Азіятской Россіи, отдѣльная цѣна которой 1 р. 75 к., а съ пересылкою 2 р. 25 к., или-же **Иллюстриро-**

ванною Физическою Географією; съ тысячею изяшныхъ рисунковъ, въ трехъ томахъ, отдѣльная цѣна которой 5 р., а съ пересылкою 6 р. 50 к.; но въ послѣднемъ случаѣ, лица, желающія имѣть эту книгу, благоволятъ къ подписной цѣнѣ журнала, 8 рублямъ, добавлять еще 3 р. 50 к. (всего 11 р. 50 к.), то-есть уступаемые 3 руб. на экземпляръ идутъ гг. подписчикамъ въ видѣ преміи. Приложение-же „Избранные романы“ будетъ во всякомъ случаѣ высылается бесплатно. Такимъ образомъ журналъ будетъ состоять изъ 64 номеровъ.

Заявляя объ изданіи въ 1877 году журнала „СѢВЕРНАЯ ЗВѢЗДА“, редакция, прежде всего, считаетъ необходимымъ обратить вниманіе читателей, еще незнакомыхъ съ этимъ журналомъ, на существенныя условія его программы. Слѣдя постоянно за потребностями читающаго круга, редакция заручилась полною возможностью вести изданіе „СѢВЕРНОЙ ЗВѢЗДЫ“ въ уровень съ тѣми изъ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій, которыя давно уже пользуются вполне заслуженной извѣстностью. Пригласивъ къ сотрудничеству въ своемъ изданіи какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ художниковъ и гравировъ, редакция, кромѣ того, исходатайствовала въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, для своего журнала, широкую программу. Массы сочувственныхъ писемъ, которыми отвѣтило общество, заинтересованное этою разнообразною программой, побуждаютъ редакцію не останавливаться ни предъ какими затратами, чтобы вести дѣло вполне добросовѣстно, какъ по внутреннему содержанію журнала, такъ и по внѣшнему его изяществу. Въ содержаніе „СѢВЕРНОЙ ЗВѢЗДЫ“ 1877 года войдутъ, между прочимъ: 1) „Записки съ корабля Нортумберлендъ“, 2) „Мысли Наполеона I“ (на остр. св. Елены) о современномъ ему обществѣ и правительствахъ Европы, 3) поэма „Король Фьяларъ“—Рунеберга, знаменитаго сѣвернаго скальда, пер. В. Головина, 4) историческій романъ „Людовикъ XVI и революція“, въ 2 том., соч. Дюма, 5) „Варооломеевская ночь“ (избіеніе протестантовъ католиками въ ночь на 24 августа 1572 г.)— историческій очеркъ изъ второй половины XVI вѣка. 6) „Коссовскій бой“ и паденіе независимости Сербіи, 7) „Историческій очеркъ Черногоріи“, 8) „Молодой Фромонъ и Рислеръ старшій“, романъ Альфонса Доде, внѣшній громадный успѣхъ во всей Европѣ, выдержавшій въ самое короткое время 18 изданій и увѣнчаній парижскою академіею, 9) „Зеленые, Голубые, Красные и Бѣлые“ (партія цирка) проф. Надлера. Съ цѣлью представить читателямъ возможно полную картину современнаго развитія науки и жизни, редакция подъ особой рубрикой: „Науки и жизнь“, будетъ сообщать новости: 1) по печати и образованію, 2) правительственнымъ распоряженіямъ, 3) статистикѣ, 4) географіи, 5) путешествіямъ, 6) физикѣ, 7) химіи, 8) ботаникѣ, 9) зоологіи, 10) минералогіи, 11) астрономіи, 12) медицинѣ, 13) физиологіи, 14) метеорологіи, 15) геологіи, 16) геогнозій, 17) археологіи, 18) палеонтологіи, 19) гигиенѣ, 20) живописи, 21) скульптурѣ, 22) архитектурѣ, 23) музыкѣ, 24) сценическому искусству. Кромѣ того, будутъ помѣщаемы свѣдѣнія, касающіяся военныхъ наукъ, военнаго и морскаго дѣла, судопроизводства, путей сообщенія, сельскаго хозяйства, желѣзныхъ до-

рогъ, наконецъ біографіи, некрологи и пр. Отдѣлъ „Науки и жизнь“, будетъ сообщать читателямъ, въ сжатомъ изложеніи, все, что дѣлается на свѣтѣ, и все, чѣмъ только можетъ интересоваться образованный читающій кругъ.

Въ исторической литературѣ будетъ обращено особенное вниманіе на статьи „по Славянству и Скандинавскому Северу.“

На участіе въ журналѣ „СВЕРНАЯ ЗВѢЗДА“ своими трудами изъ явили согласіе слѣдующіе извѣстные ученые и литературы: Гг. Авеѣнко, Буткинъ, Годовинъ, Ибисъ, *Иконниковъ, *Борсакъ, Лѣсковъ, (Стебницкій), Минаевъ, *Надлеръ, Немировичъ-Данченко, Нисченковъ, Писемскій, *Осокинъ, Сидоровъ, *Павловъ, Петровъ, Поповъ, Усольдскъ. *Фирсовъ. Изъ художниковъ и граверовъ будутъ участвовать по исполненію рисунковъ: Гг. Адамовъ, Борель, Врожь, Вейерманъ, Герасимовъ, Даугель, Дамюллеръ, Денисовскій, Брюковъ Матюшинъ, Лопатинъ, Мартыновъ, Шлипперъ, Шнакъ, Фрейндъ и другіе. Съ картинъ, получившихъ громкую извѣстность на выставкахъ Академіи Художествъ, будутъ помѣщаемы снимки слѣдующихъ академиковъ и профессоровъ: Гг. Айвазовскаго, Боголюбова, Боровиковскаго, Вруни, Брюлова, Варнека, Верещагина, Видевальде, Воробьева, Ге, Грузинскаго, Егорова, Журавлева, Завьялова, Заряико, Зауервейда, Кожебу, Лагорію, Ласенко, Маркова, Нефа, Семирадскаго, Сѣдова, Угрюмова, Чистякова, Шебуева, Якоби, и другіихъ, изъ иностранныхъ же: Бека, Віара, Верне (Орасъ), Верне (Шарль), Вестмакотта, Вилліамса, Винтергалтера, Гессе, Гильдебрандта, Гонта, Гюдена, Дау, Даннекера, Делароша, Діаза, Жерома, Ивона, Кановы, Калама, Камучини, Каульбаха, Кисса, Клауса, Кнауса, Корнелиуса, Кукука, Рейнольда, Робера, Торвальдсена, Ульке, Фероджію, Чентри, Шенавара и др.

Программа еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала «СВЕРНАЯ ЗВѢЗДА.»

- 1) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: романы, повѣсти, стихотворенія, драматическія произведенія.
- 2) ИСТОРИЯ: историческіе очерки, эпизоды, біографіи, дневники, мемуары.
- 3) ОЧЕРКИ географическіе и путешествія.
- 4) ИСКУССТВА: живопись, скульптура, архитектура, театръ, музыка. Зодчество древнихъ и среднихъ вѣковъ.
- 5) БЫТЪ древнихъ и современныхъ народовъ: ихъ нравы, обычай, религія, одежда, оружіе, прическа, обувь, украшенія, косметика.
- 6) ХОЗЯЙСТВО вообще и хозяйство сельское.

*) Звѣздочками означены фамилии профессоровъ русскихъ университетовъ.

- 7) НАРОДНОЕ ЗДРАВІЕ, гигиена, медицина.
- 8) Торговля, промышленность, охота.
- 9) Политическое обозрѣніе.
- 10) Судебныя извѣстія.
- 11) Новости науѣ и общественной жизни.
- 12) Смѣсь и разныя мелкія статьи.
- 13) Загадки, шарады, задачи.
- 14) Тиражъ выигрышей 1 и 2 внутреннихъ займовъ.
- 15) Почтовый ящикъ.
- 16) Частныя объявленія.

Чтобы дать возможность составить самое правильное и ясное понятіе объ этомъ изданіи, и, въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній и сомнѣній, предоставляется, въ видъ пробы, выписать два первые №№ „Сѣверной звѣзды“ (самый журналъ и приложение „Избранные романы“). Цѣна ихъ, вмѣстѣ съ пересылкою 65 к., которая, для удобства, можно высылать почтовыми марками въ простомъ письмѣ. Приобрѣтеніе этихъ передовыхъ номеровъ, для знакомства съ изданіемъ, вовсе не будетъ обязательнымъ для дальнѣйшей подписки на журналъ, если-бы образцы оказались не отвечающими программѣ редакціи или ожиданіямъ и. подписчиковъ. Эти №№ выйдутъ въ концѣ Ноября.

Каждый новый подписчикъ, въ какое-бы время года онъ ни подписался, можетъ получить всѣ №№, начиная съ 1-го, и всѣ преміи; но для соображенія потребнаго числа экземпляровъ и распоряженій въ типографіи, а равно и для напечатанія адресовъ, редакція покорнѣйше проситъ, во избѣжаніе задержки отправленія, присылать требованія заблаговременно и писать свои адреса, какъ можно точнѣе и разборчивѣе, что часто не соблюдается гг. подписчиками въ ущербъ и замедленіе самимъ себѣ. Особенно четко должна быть написана фамилія, которую подписчики, конечно, хорошо знаютъ сами, но которая часто бываетъ камнемъ преткновенія для редакцій.

Служащіе, желающіе имѣть журналъ съ разрочкою уплаты, обращаются въ редакцію чрезъ своихъ казначеевъ, кассировъ или приходо-расходчиковъ, официальнымъ отношеніемъ.

Примѣчаніе редактора Н. И. Зуева. Считаю долгомъ заявить, что, редактируя журналъ „СѢВЕРНУЮ ЗВѢЗДУ“, я не имѣю теперь рѣшительно ничего общаго съ „Живописнымъ обозрѣніемъ“, хотя и былъ его редакторомъ во всѣ три предшествующіе года, и въ двухъ первыхъ №№ настоящаго 1876 года. Онъ по независимымъ

отъ меня обстоятельству, совершенно случайно, перешель въ другія руки.

Журналъ „СЪВЕРНАЯ ЗВѢЗДА“ будетъ издаваться въ форматѣ извѣстныхъ европейскихъ иллюстрацій. Годовая подписка на „СЪВЕРНУЮ ЗВѢЗДУ“, вмѣстѣ съ пересылкою, **ВОСЕМЬ** рублей, со всѣми приложеніями и преміями.

Деньги, письма и статьи адресуются прямо на имя редактора-издателя **И. Н. ЗУЕВА**: въ С.-Петербургъ, Псковская ул., № 18. Жители Петербурга могутъ подписываться и въ книжныхъ магазинахъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ СБОРНИКА

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ

въ 1877 году (третій годъ.)

Ежемесячный, историческій, иллюстрированный сборникъ «Древняя и новая Россія» будетъ издаваться въ 1877 году на тѣхъ-же основаніяхъ и по той-же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе два года (1875—1876).

Сборникъ „Древняя и Новая Россія“ выходитъ каждый мѣсяцъ книжками въ размѣрѣ до двѣнадцати и болѣе печатныхъ листовъ большаго формата, in 4о, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами, рисунками и другими художественными приложеніями, такъ что, по окончаніи года, составятся три большихъ тома до 150 печатныхъ листовъ съ 50—60 гравюрами, литографіями и хромофотографіями. Къ январьской книжкѣ сборника, между прочимъ, будетъ приложена большая литографія на тону съ оригинальной картины худ. Ст. Хлѣбовскаго.

„АССАМБЛЕЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ“.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ двѣнадцать руб. сер., съ доставкою на домъ двѣнадцать руб. пятьдесятъ коп. сер., съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.

Главная Контора Редакціи сборника «Древняя и Новая Россія» находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ № 46, при хромофотографіи и типографіи В. И. Граціанскаго, куда гг. иногородныхъ и просить исключительно обращаться со всѣми своими требованіями.

Кромѣ того, для удобства гг. городскихъ подписчиковъ, открыты отдѣленія конторы при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, и въ Москвѣ, И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Въ Главной Конторѣ можно получать оставшіеся отъ подписки экземпляры „Древней и Новой Россіи“ за 1875 и 1876 годы. Каждый годъ состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ съ 60—70 портретами и рисунками, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, находятся.

Хромофотофіи:

Рабочіе изъ селенія Тунки на кругобайкальской дорогѣ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ, съ картины проф. Ге.

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.

Чудный крестъ въ Новгородѣ.

Портретъ Петра Великаго въ Голандіи, съ оригинала, принадлежащаго Императорской Публичной Библиотекѣ.

Куполь церкви Св. Георгія въ Старо-Ладожской крѣпости.

Поганкины палаты въ г. Псковѣ.

Литографіи на тону:

Печенгскіе лопари (Изъ альбома Сидорова.)

Волинскій въ засѣданіи кабинетъ министровъ, съ картины проф. В. Яковій.

Гравюры на деревѣ, исполненныя Панемакеромъ въ Парижѣ:

Петръ I и царевичъ Алексѣй Петровичъ, съ картины проф. Ге.

Кончина князя Потемкина Таврическаго. съ картины Казанова.

Цѣна каждаго года, безъ пересылки, двѣнадцать руб. сер.; съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп., сер.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

НОВОЕ ВРЕМЯ

на 1877 годъ

ежедневное изданіе А. С. Суворина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ РОССІИ:

На годъ	Безъ до- ставк:	Съ дост. по гор. почтѣ:		Съ пер. иногор.:		
		Р.	К.	Р.	К.	
На годъ	14 —	16 —	—	17 —	—	
„ 11 мѣсяцевъ	13 —	15 —	—	15	50	
„ 10 „	12 —	13	50	14	50	
„ 9 „	10	50	12 —	13	50	
„ 8 „	9	80	11 —	12	50	
„ 7 „	9 —	—	10 —	11	30	
„ 6 „	8 —	—	9 —	10	—	
„ 5 „	6	80	7	50	8	50
„ 4 мѣсяца	5	50	5	80	7 —	
„ 3 „	4 —	—	4	50	5	50
„ 2 „	2	80	3	30	4 —	
„ 1 мѣсяць	1	50	1	80	2 —	

ЗА ГРАНИЦЕЮ:

На годъ	Въ Европу, Сѣв. Америку и Египецъ.	
	Р.	К.
На годъ	—	26
„ 6 мѣсяцевъ	—	14
„ 3 мѣсяца	—	8

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ редакціи, при „Ближ-
немъ магазинѣ для Иногородныхъ“, Невскій, № 44; въ Москвѣ
у И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ на слѣдующихъ условіяхъ: 6 р. при подпискѣ, 5 р. въ концѣ марта и іюля 5 р.—для городскихъ, 6 р. для иногородныхъ подписчиковъ.

Подписываться можно на все сроки не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

На основаніи положенія о гербовомъ сборѣ, лица, вносящія болѣе 5 р. и получающія подписной билетъ, уплачиваютъ за 5-ти копѣчную гербовую марку, которая наклеивается на билетъ.

При перемѣнѣ адреса подписчики должны сообщать *непрерывно прежній адресъ и № билета или бандероли*, подъ которою высылается газета.

Контора проситъ адресовать газету на тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовые учрежденія: въ противномъ случаѣ с.-петербургскій почтамтъ за правильную доставку не отвѣчаетъ.

I. ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ „РОСКОШНЫЯ“ ИЗДАНІЯ!

„КАБИНЕТНЫХЪ“ и СНИМКОВЪ СЪ „ПОДЛИННИКОВЪ“:

- 5 р. за дюж. изъ Галлерей **Каульбаха** и пр.
- 5 „ „ „ **Портр. класс. Композит** и **Литерат.**
- 5 „ „ „ изъ поэмы **Фаустъ** (опер. и бал.)
- 6 „ „ „ изъ Галлерей **Гёте** или **Шиллера**.

II. ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ ПРОСТЫЯ ИЗДАНІЯ:

болѣе 200,000 копій съ знам. Галл. Европы и Худож. Выставокъ по 3 и 5 р. за 100 карт.—Коллекція единствен. въ мірѣ!

III. СТЕРЕОСКОПНЫЯ картины отъ 2 до 6 р. за дюжину.

Гг. торговцамъ значительныя уступки!!!

Центральное депо фотограф. картинъ, Невскій № 60, въ С.-Петербургѣ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКУЮ СТАРИНУ

1877 г.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, съ приложеніемъ ихъ при каждой книгѣ, со снимками и рисунками — ВОСЕМЬ руб. съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные подписчики благоволятъ прислать свои требованія, адресуя такъ: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Надеждинская ул., д. № 42, кв. № 12.

Тамъ-же можно получить третье изданіе „Русской Старины“ 1870 г., годъ первый, двѣнадцать книгъ въ трехъ большихъ томахъ, съ портретами и снимками. Цѣна 8 руб. съ пересылкой, а въ переплетъ 11 руб. съ пересылкою.

„Русская Старина“ 1876 г. съ портретами, гравированными на мѣди: Лжедмитрія I, Екатерины II, Михельсона, князя Платова Зубова, Алексія Петровича Ермолова, гр. Аракчеева, и гравированными на деревѣ: Емельяна Пугачева, Клугенау и В. Г. Бѣлинскаго, съ чертежами: крестьянинъ Телушкинъ на шпигѣ Петропавловскаго собора, также со снимками и заглавными рисунками — цѣна за 12-ть книгъ съ пересылкою ВОСЕМЬ рублей.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1877 г. (годъ восьмой изданія), за 12-ть книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкою.

ПОДПИСКА

НА

ДОНСКУЮ ГАЗЕТУ

на 1877 г.

(ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Редакція „Донской Газеты“ нашла возможнымъ, съ будущаго 1877 года, **ПОНИЗИТЬ ЦѢНУ** на это изданіе, не уменьшая количества 100 нумеровъ въ годъ, при чемъ количество политическихъ извѣстій, если военныя событія продолжатся, будетъ увеличено. Телеграммы-же о важнѣйшихъ внутреннихъ и внѣшнихъ событіяхъ во всякомъ случаѣ будутъ помѣщаемы въ „Донской Газетѣ“, цѣна которой назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ, съ доставкою на домъ и пересылкою по почтѣ:

За годъ, съ 1 Января 1877 по 1 Января 1878 года 6 р.

„ полгода 3 „ 50 к.
„ мѣсяцъ. — „ 75 „

ОТДѢЛЬНЫЕ НОМЕРА ПО 10 КОП.

Подписка принимается: въ г. Новочеркасскѣ, въ Конторѣ Редакціи, на Платовскомъ проспектѣ, въ домѣ Карасева.

ВЪ ВУДУЩЕМЪ 1877 ГОДУ, СЪ ЯНВАРЯ, БУДЕТЬ
ИЗДАВАТЬСЯ НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ:

СВѢТЪ.

(ОРГАНЪ ОБЩЕЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ)

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

„Искусство и наука, область чувства и область мысли, соединяясь вмѣстѣ, поднимаются свѣтлымъ знаменемъ, ведущимъ человѣчество впередъ къ истинѣ и человѣчности. Мертвые сухіе факты, не оживленные мыслью, составляютъ достояніе черствой, педантской науки. Жизнь движется только живой, крѣпкой связью всѣхъ ея элементовъ съ осмысленными истинами знанія. Когда эти истины проникаютъ ее, она становится свѣтлой, сознательной, свободной. Когда же чувство, облекаясь въ высокія, художественныя созданія, одушевляетъ и согрѣваетъ эти истины — тогда сама жизнь становится полной, всесторонней, человѣчной.

Во имя этой двойкой связи, мы поднимаемъ теперь нашъ свѣтильникъ, поднимаемъ съ теплой надеждой, что онъ рано или поздно освѣтитъ сознание темныхъ массъ ссвременнаго общества. Да проникнетъ свѣтъ его въ глухіе закоулки бѣдной полуживотной жизни!—Пусть пойметъ общество, что внѣ науки нѣтъ правильной, сознательной жизни, внѣ искусства—нѣтъ высокаго, свободного, человѣчнаго чувства.

Не зная, какъ великъ въ данную минуту запросъ общества на такое изданіе и желая сдѣлать его по возможности общедоступнымъ, мы надѣемся въ немногихъ страницахъ вмѣстить то, что составляетъ въ его программѣ самое общее, самое существенное. Отъ общества будетъ зависѣть расширеніе рамокъ журнала.

Вотъ его программа:

- 1) Передовыя статьи—съ общими, руководящими взглядами на жизнь и науку.
- 2) Литературный отдѣлъ: Стихотворенія, повѣсти, рассказы и вообще произведенія беллетристическія.

3) Отдѣлъ наукъ и художествъ: а) Цѣльныя статьи по разнымъ научнымъ специальностямъ и преимущественно по естествознанію, б) Общія статьи по эстетикѣ и оцѣнки современныхъ или прежнихъ художественныхъ произведеній.

Каждый отдѣлъ допускаетъ и критическія статьи, а также отвѣты на замѣчанія и нападки журнальной печати, но характеръ этихъ статей исключаетъ все полемическое, какъ личное и одно-стороннее.

Въ изданіи примутъ участіе: *Ө. М. Достоевскій, Я. П. Погодинскій, Д. И. Менделѣевъ, А. М. Бутлеровъ, И. М. Стеченовъ и А. Н. Бекетовъ.*

Журналъ будетъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, въ 4-ю долю листа, въ объемѣ отъ 3 до 6 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

а) Для городскихъ подписчикъ: б) Для Московскихъ подписчикъ:

Съ доставкою на домъ:

Три рубля пятьдесятъ коп. Четыре рубля.

Безъ доставки:

Три рубля.

Три рубля пятьдесятъ коп.

в) Для прочихъ иногородныхъ подписчиковъ цѣна съ пересылкою **Четыре рубля.**

ПОДПИСКА для городскихъ подписчиковъ принимается: въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова. Невскій проспектъ, Гостинный дворъ № 24. Гг. иногородные подписчики обращаются *исключительно* въ редакцію журнала: С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, Большой проспектъ, № 43, кв. 4—9.

Редакторъ: профессоръ **Николай Петровичъ ВАГНЕРЪ.**

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Д. Н. БОГДАНОВИЧА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, № 46.

ПОКУПАЕТЪ и **ПРОДАЕТЪ** % бумаги, по порученію на биржѣ.

ПРОДАЕТЪ 5% выигр. билеты I и II займовъ съ разсрочкою платежей, задатокъ отъ 25 руб. на билетъ. Выигрышъ принадлежитъ покупателю.

ВЫДАЕТЪ подъ нихъ ссуду.

СТРАХУЕТЪ по 20 коп. на билетъ, для г-дъ иногородныхъ по 30 коп.; провинціальнымъ кредитнымъ учрежденіямъ дѣляется уступка, по предварительному соглашенію.

ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЬГИ и платитъ за нихъ до востребованія 7% на срокъ отъ 7½ до 9% годовъ и исполняетъ разнаго рода банкирскія операціи. На отвѣтъ слѣдуетъ прилагать 20 коп. почтовыми марками.

ОВЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1877 ГОДУ

БУДЕННИКЪ.

САТИРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА СЪ ХРОМО-ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ РИСУНКАМИ И КАРРИКАТУРАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

НА ПОЛГОДА:

Безъ доставки	6 р. — к.	{	Безъ доставки	3 р. 50 к.
Съ доставкою	7 " — "	{	Съ доставкою	4 " — "
Съ перес. въ города	7 " 50 "	{	Съ пересылкою	4 " — "

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 20 к. с.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ *Москвѣ* — въ редакціи (на Вольшой Никитской) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ *Москвы* подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: *С.-Петербурга, Одессы, Харькова, Полтавы, Курска, Орла, Мценска и Воронежа.*

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, дабы предотвратить могущую быть несвоевременную высылку номеровъ журнала.

О подпискѣ на 1877 годъ на

ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Въ родѣ „The Illustrated London News“, „The Graphic“, „Leipziger Illustrierte Zeitung“, „Illustration“, „Monde Illustré“, „Univers Illustré“.

Съ 1 января 1877 г. журналъ „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ начнетъ IX годъ (т. е. Тома XVII и XVIII) своего существованія и будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые года, **ЕЖЕНЕДѢЛЬНО** (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большого двойного листа самой лучшей бумаги, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ **16—24 страницъ**, изъ которыхъ половина будетъ наполнена **роскошными рисунками** изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“, благодаря своей аккуратности и строгому выполнению программы, приобрѣла въ теченіи **восьмилѣтняго** своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ стремится къ улучшенію и принимаетъ въ соображеніе желанія подписчиковъ, не останавливаясь передъ расходами и всегда давая больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что въ теченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя, Редакція считаетъ излишними всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребить всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Программа „Всемирной Иллюстраціи“:

1. **Политическій отдѣлъ.** Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славян-

скій обзоръ.—I. **Внутреннія извѣстія.** Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись.—III **Изящная словесность.** Повѣсти, рассказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.—IV. **Науки и искусства.** Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія искусствъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и пр. съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п.—V. **Прикладныя науки и промышленность.** Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и пр.—VI. **Критика и библіографія.** Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ.—VII. **Театральнѣй и музыкальнѣй обзоръ.** Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драммъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. Музыкальныя пьесы (ноты).—VIII. **Смѣсь и новости.** Мелкія литературныя, художественныя и ученые извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п.—IX. **Фельетонъ.** Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр.—X. **Юмористическіе листокъ.** Карикатуры.—XI. **Шахматныя задачи, ребусы и т. п.**—XII. **Частныя объявленія.**

Цѣна годовому изданію „Всемирной Иллюстраціи“ на 1877 годъ.

ВЪ РОССІИ

- Безъ доставки въ С.-Петербургъ 13 р. — к.
- Безъ доставки въ Москвѣ 14 „ —
- Съ доставкою въ С.-Петербургъ 14 „ 50 „
- Съ пересылкою въ другіе города. 16 „ — „

ЗА ГРАНИЦЕЙ, съ доставкою по адресу:

- Въ государства, подписавшія новую почтовую конвенцію, т. е. во всѣ Европейскія государства, въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, въ Азіатскую Турцію, Египеть, Британскую Индію (кромя острова Цейлона), Гренландію (чрезъ Данію) и испанскія владѣнія въ Африкѣ 17 руб.
- Въ Южную Америку 22 „
- Въ Австралію, Китай и Японію 25 „

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ представляеть политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ

ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ представляеть собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатн. страницъ, съ 350—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостинной. ИЛЛЮСТРАЦІЯ необходима вездѣ и для всѣхъ.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

„ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“

изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрышекъ для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересыл. 2 р. 50 к.

ЦѢНА ПЕРВЫХЪ 16 ТОМОВЪ

ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ:

1869 г. (томы I и II), 10 р. безъ перес., въ англ. коленкор. перепл. 14 р. 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по 8 руб. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ., тиснен. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ пересылки.

1874 (томы XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (т. XV и XVI)—по 9 р. безъ перес. каждый годъ. Въ переплетахъ безъ пересылки по 13 руб.

На пересылку наждаго года слѣдуетъ прилагать 3 руб. сер.

Главная контора Редакціи „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ наход. въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой ул., д. Коровина, № 16.

Редакторъ-Издатель «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ» ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева: А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

~~AUG 15 '64#~~

~~315-977~~

Widener Library

3 2044 079 302 311